

М. БЕЛЛЕР

ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Энергоэволюционизм

Михаил Веллер

Энергоэволюционизм

«Издательство АСТ»

2010

Веллер М. И.

Энергоэволюционизм / М. И. Веллер — «Издательство АСТ»,
2010 — (Энергоэволюционизм)

ISBN 978-5-17-071702-6

Михаил Веллер, член Российского Философского Общества, участник
Всемирного Философского Форума 2010 в Афинах, удостоенный его медали,
представляет в этой книге основы своей философской теории.

ISBN 978-5-17-071702-6

© Веллер М. И., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Предварения	7
Вступление	7
Литературный обзор	9
Предварительные замечания	19
Язык твой – враг мой	19
Профессионалы и формалы	20
Акадэмия	23
Философствование насчет философии	25
Часть I	31
Глава первая	31
1. Познай себя	31
2. Познать мир	33
3. Познать свое место и роль в этом мире	34
4. Как, зачем, почему человек и мир	36
Интродукция	39
Глава вторая	41
1. Зацепка	41
2. Воспоминания	46
3. Ощущения	52
4. Стремление к счастью	57
5. Самореализация	65
6. Максимальные действия	74
7. Энергетический уровень	88
Дополнение	97
* Промежуточная вводка	100
8. Неизбежная гибель человечества.	104
Глава третья	111
1. Энергетический.	111
2. Физический.	113
3. Биологический.	115
4. Исторический уровень.	118
5. Психологический уровень.	123
6. Философский уровень.	128
Часть II	132
Принцип биполярности,	132
Система	135
Закон законов	139
Замечание об асимметрии мира	144
К вопросу о специфике энтропии	146
Бытие–внутри–нас и Бытие–вне–нас	152
Мысль как синергетический акт	155
Человек	157
Закон – 2	164
Цивилизация и рождаемость	169
Движущая сила, смысл и цель истории	178
Замечания	181

Ницше. Воля к власти	181
Лоренц и «агрессия»	183
Тейяр де Шарден	185
Дарвинизм	186
Вернадский и ноосфера	189
Пригожин и синергетика	191
Антиматериализм Оствальда	192
Энергия Лесли Уайта	194
Антропный принцип Шопенгауэра	195
Стивен Хокинг и часы начала мира	196
Разнообразие природы и жизненная энергия	197
Повторения	202
Резюме I	202
Резюме II	210
Резюме III	214
Приложение I	215
Смысл и цель искусства и литературы	215
О смысле государства	227
Основы энергоэволюционизма	237
Приложение II	251
Испытатели счастья	251
I	251
II	253
III	254
IV	255
V	256
VI	257
VII	258
VIII	259
IX	259
X	261
XI	262
XII	263
XIII	264
XIV	264
XV	265
XVI	265
XVII	267
XVIII	267
XIX	268
Шаман	269
Вечные вопросы	283
Белый ослик	303
1.	303
2.	304
3.	304
4.	306
5.	307
6.	308

7.	309
8.	310
9.	310
10.	311
11.	317
12.	317
13.	320
14 .	322
15.	325
16 .	325
17.	328
Максимы	329

Михаил Веллер

Энергоэволюционизм

Оригинальные философские взгляды Михаила Веллера с огромным интересом были выслушаны и высоко оценены на Мировом Философском Форуме в Афинах 2010.

Президент Форума Илиас Демиржоглу

Изложенные идеи характеризуют Михаила Веллера как серьезного философа. Ему тесновато в рамках уже существующей научной реальности. Все, что он пишет, интересно и важно.

Главный редактор «Российской философской газеты» Арнольд Казьмин

Силу, которая создает феномен мира и, следовательно, определяет характер последнего, привести в связь с нравственностью помышлений и таким образом нравственный миропорядок явить как основу миропорядка физического, – в этом со времен Сократа заключалась проблема философии.

Артур Шопенгауэр

Теория производит тем большее впечатление, чем проще ее предпосылки, чем разнообразнее предметы, которые она связывает, и шире область ее применения.

Альберт Эйнштейн

Предварения

Вступление

Целью настоящей работы является возможное совмещение ряда предшествующих физических (и, шире, естественнонаучных), социологических, психологических и философских теорий и систематизирование их вкупе с корпусом разрозненных ранее фактов в единое непротиворечивое мировоззрение, где существование и развитие человека и человечества открывается как закономерная и необходимая часть Вселенной и ее эволюции.

Энергоэволюционизм – это философская система, где естественнонаучные, социологические, психологические и философские учения и опыты предстают взаимообусловленными, взаимодополняющими и взаимообъясняющими, сочетаясь в законченное мировоззрение, проявляющее человека как неотъемлемое и естественное порождение, звено и орудие эволюции Вселенной.

Энергоэволюционизм можно определить как синтез коррелирующих и/или взаимовлияющих принципиальных положений многих областей: психологии, социологии, истории, биологии, этологии, экономики, этики, физики, систематики и философии. Он методологически включает в себя диалектический подход к Бытию, допущение безусловного иррационализма движущей силы первоистории и перводвижения, рассмотрение мысли и информации как энергии второго рода, теорию социальной психологии как трансформации инстинктов. В русле философской традиции энергоэволюционизм допустимо считать логическим развитием позитивизма, прагматизма и инструментализма.

Как явствует из самого термина, фундаментальной основой анализа Бытия в энергоэволюционизме выступает термодинамика как уровень законов наиболее общих и основополагающих для Универсума из сегодня известных. Таким образом, ряд положений энергетизма и синергетики входят в энергоэволюционизм важной составляющей.

Направление интересов энергоэволюционизма определяется основным вопросом: сущность и функционирование человека и человечества как единства объекта и субъекта Вселенной в качестве детерминированной подсистемы и элемента коэволюции.

Онтологически энергоэволюционизм встречно совмещает индуктивный и дедуктивный подходы, от психологии личности восходя через цепь посылок и заключений к физике Космоса, и от Большого Взрыва, в свою очередь, прослеживая причинное обоснование возникновения феномена сознания.

Энергоэволюционизм отличается от распространенного в последние годы глобального эволюционизма (или Big History), а также упомянутых позитивизма, прагматизма и инструментализма тем, что не только, во-первых, имея основным полем рассмотрения и интересов социальную психологию и социологию, акцентирует внимание на онтологическом единстве психологических и социальных законов с законами физики Универсума и прослеживает детерминирующую суть их связи; но, во-вторых, что принципиальное и главное, ни в коем случае не рассматривает человеческую деятельность на Земле направленной исключительно на совершенствование условий собственного существования, замкнутой в собственных нуждах и желаниях, но понимает объективно существование человечества как необходимое звено эволюции Вселенной, играющее в ней активную и неотменимую роль на переходе к дальнейшим и важным стадиям.

Дуалистически рассматривая энергию и материю как единую агрегатную базу Бытия, энергоэволюционизм трактует эволюцию в основе и прежде всего как встречнопараллельный процесс связывания энергии в материальные структуры и распада (трансформации) материальных структур с выделением свободной энергии, происходящий со все возрастающей скоростью, во все больших объемах в единицу времени.

Объективно деятельность человечества направлена на всемерное ускорение этого процесса энергопреобразования, каковой достигает идеального максимума при сокращении периода полного обращения всей энергии до ноля времени, что и принято называть Большим Взрывом, замыкающим тем самым эволюционный цикл Вселенной.

Возможная ценность и оригинальность данного труда представляется как в вышеизложенном взгляде на эволюцию, так и в том, что впервые, насколько нам известно, дается непротиворечивый ответ на вопрос о причине, необходимости, цели и смысле существования человечества во Вселенной в парадигмах материализма и эволюционизма, синергетики и психологии, социологии и логики; деятельность же человеческая получает объяснение с этой точки зрения на ее объективную роль в Природе.

Литературный обзор

Любая философская теория, будучи порождением и системой взглядов своего времени, стремится к синтезированию всего предшествующего опыта. Информационное единство эволюционирующей культуры не допускает иного. Сеть опосредованных заимствований не зависит от воли автора, но есть интеллектуально-идейная атмосфера эпохи. Покрывая системой посылок и заключений определенное информационное поле, философская теория тем самым уже включает в себя некоторый объем предшествующих базовых построений, объективно являющийся ее историческим, идейным и научным основанием.

При этом создатель теории может не подозревать о предшественниках и предтечах. Это ничего не меняет. Он дышит воздухом созданной ими атмосферы знаний, даже будучи не осведомлен о наличии самих этих собственно знаний. Вся предшествующая информация оказывает на последователей как правило не прямое, но косвенное или даже вовсе конкретно не ощутимое влияние.

Именно потому действия гения часто кажутся нам столь простыми и логически естественными, что вся предшествующая информация была уже общеизвестна, и оставалось только совершить внешне незначительный доворот, чтобы старые элементы легко скомпоновались в новую картину, чтобы произошел качественный переход количественно накопленных предпосылок. Внешне это может выглядеть просто, как замыкание электрической цепи контактом.

Верность теории подтверждается тем, насколько она согласуется со всей прочей суммой опытов и теорий, образуя с ними единую систему взглядов на мир. Верная теория при проверке и подтверждении включает в себя все больше точек (частных) зрения предшественников, о которых автор в этой связи ранее и не подозревал.

Степень естественного вхождения новой теории в культуру определяется ее непротиворечивостью в общем информационном поле и тем, насколько органичным развитием и синтезом предшествующих точек зрения она являет себя.

Старая восточная поговорка «У успеха много отцов» имеет тот философский смысл, что любая истина есть следующий шаг в длинной предшествующей цепи истин, без которых этот шаг невозможен.

...С волнением представляя на строгий суд взыскательных читателей труд десятилетий своей жизни, автор следует долгу предупредить его упоминанием о великих мыслителях, чьи выводы оказались лежащими в поле его философии.

I. Поскольку в рамках античной философии позднее конституированы едва ли не все философские дисциплины Западной метакультуры, упоминание об этой праснове излишне. Однако представляется наглядным и поучительным попытаться очертить явную преемственность ряда исходных и опорных взглядов современной философской системы, восходящих к открытиям и конструкциям мыслителей древности, через краткий перечень имен и идей.

1. Гераклит. Основы диалектики. Изменчивость как имманентное свойство Бытия и одновременно как способ существования Бытия: непрерывность и бесконечность этой изменчивости; отсутствие статичности. Борьба как причина и источник сущностей: «Все возникает через борьбу и взаимообразно».

Идея единой первосущности Мира – огонь как стихия. Происхождение всего от единой сущности: все есть агрегатные состояния первосущности – стихии огня.

Идея Космоса как единого Праогня, существующего вечно и циклично разгорающегося и вновь гаснущего.

Выше моих сил не нарушить академический канон и не преклониться в потрясении перед гением.

2. Фалес Милетский, впрочем, за сто лет до Гераклита полагал, что Космос един (первостихией полагая воду). Мир возникает из этого первоначала и возвращается в него периодически.

А в качестве движущей и преобразующей силы этой движущейся материи Фалес полагал душу: возможно, душа разлита во всем.

3. Демокрит сформулировал знаменитое: «Нет ничего на свете, кроме атомов и пустоты». Материя состоит из атомов. Всевозможные комбинации атомов и создают всё материальное. Движение есть свойство атомов, движение атомов есть основа мира. В свой срок предметы распадаются на составляющие их атомы, и атомы соединяются в новые комбинации.

4. Пифагор. Не может быть не назван уже по двум причинам: он первый назвал себя «философ», т.е. «любомудр» вместо принятого прежде «мудрец»; он первый назвал Вселенную «Космос» как упорядоченность в противоположность Хаосу. Как основной принцип всего сущего полагал число – т.е. материальный уровень онтологически восходит к информационному. И Бог как «число чисел» в качестве Первоосновы.

5. Элейская школа – Парменид, Зенон и Мелисс – разработали и обосновали монизм как учение о единстве всего сущего. Их тезис о том, что «истинно сущее бытие не может ни возникать, ни исчезать» по сути формулирует закон сохранения массы и предвосхищает закон сохранения энергии.

6. Эмпедокл. Впервые высказал предположение, что свет распространяется не мгновенно, но имеет свою скорость движения. Первым же оформил идею о том, что в природе выживают наиболее приспособленные, удачно скомбинированные организмы.

7. Протагор. «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Античный сенсуалист: мир дан нам в ощущениях, и он таков, каким мы его ощущаем. Твое ощущение есть мера Бытия.

8. Сократ. Из его огромного философского наследия нас конкретно интересует лишь несколько положений.

Учение Сократа о добродетели легло в основу будущей этики. В рефлексивном рассмотрении системы субъектно-объектных отношений добродетель как знание тем самым является добродетелью как качеством. В связи с возражениями о несовпадении этого тезиса с практикой Сократ и произнес:

«Я намереваюсь остаток дней посвятить постижению проблемы: почему люди, зная, как следует поступать добродетельно, то есть к своему и общему благу, по своей воле поступают порочно, себе же во зло». При полном отсутствии как собственных записей, так и прижизненных списков, ни одна редакция этой фразы не может быть признана точной, но смысл таков. Впервые возникает принципиальнейший вопрос о противоречии между знанием блага и стремлением к благу.

И второе – это, по мысли Сократа, государство выступает инструментом и гарантом воплощения в жизнь общего понятия о Справедливости. С тех пор это положение поддерживалось и опровергалось всеми мыслимыми способами.

9. Платон. Который сказал, что «лишь то государство крепко, щитом которого является справедливость». И который, создатель идеализма как философии, создал свою теорию «эйдосов» – то есть первичность информационного поля по отношению к материальному бытию.

10. Аристотель. Ограничимся несколькими необходимыми цитатами из Учителя:

«Человек по природе своей есть существо политическое».

«Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части».

«Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому».

«Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению».

«Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе».

11. Плотин. Идея «Единого» – совершенной Первосущности. Она сверхчувственна и сверхмыслима. Единое есть Абсолют, не ограниченный ничем, и он изливает и являет себя во всех проявлениях сущего. Разум есть эманация Единого, мысли и идеи есть общее с Единым.

Учение неопифагорейцев о «двоице» можно рассматривать как развитие диалектики Гераклита, когда единое целое раскладывается на различия, различия и борьба которых есть источник развития.

II. 12. Фрэнсис Бэкон. «Знание – сила». Философия сблизилась с наукой (после тысячелетия религиозной схоластики). Мысль – есть орудие преобразования природы. (Характеристика эмпиризма как основанного Бэконом философского направления выходит за рамки нашего скромного обзора, носящего чисто прикладной характер.) Бэкон утверждает индукцию основным методом научного познания. Обобщать частности, находить закономерности; познание природы есть информационное обеспечение возможностей и действий по переделыванию окружающей среды.

III. Немецкая классическая философия. Ограничиваясь необходимым, обязаны затронуть прозрения двух титанов:

13. Иммануил Кант. «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Постигание двух этих вещей в их взаимосвязи и единстве и составляет главный предмет нашей практической философии.

14. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Диалектика. «Движущая душа всякого научного развертывания мысли». «Представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость». Развитие как движение синтеза противоречий в бесконечной усложняющейся цепи.

Абсолютный Дух лежит в основе всего сущего. Природа – это самораскрытие Абсолютного Духа в пространстве, история – самораскрытие его же во времени.

IV. Человеческая мысль продвигается в познании не ровной фронтальной линией, но выдвигаясь вперед на разных участках науки и на разных временных участках. Прочие области постепенно и неизбежно подтягиваются до линии авангардов. Постигание мира приобретает все более взаимосвязанный и цельный характер. Наука и философия сближались в выработывании единого, объективного и панорамного взгляда на мир. Этот процесс явился важнейшим аспектом научной революции XIX века.

15. Исаак Ньютон. «Математические начала натуральной философии». Бытие мира предстало как единый механизм, существующий по единым законам, и законы эти сформулированы и математически просчитаны, нося объективный рациональный характер.

16. Поль Анри Гольбах. «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного». Философская картина Вселенной как единого целого, где все взаимосвязано, а материя первична, неуничтожима и бесконечна во времени и пространстве.

17. Пьер Лаплас. «Изложение системы мира». Эволюционная картина мира! Все во Вселенной связано причинной взаимосвязью! Жесткий детерминизм Лапласа стал одним из краеугольных камней науки и ряда философий.

18. Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Объективность социально-экономического процесса, не зависящего от конкретных целей и желаний отдельных людей. Каждый преследует свои личные интересы – но совокупно вершится общезначимый и общепользительный материально-экономический подъем народа и страны.

19. Жан Батист Ламарк. «Философия зоологии». Первая цельная теория биологической эволюции. Морфологические изменения организмов функционально детерминированы, строго направлены к оптимизации выживания.

V. Синтез наук и философий оформляется на уровне всех последних открытий и достижений XIX века.

20. Огюст Конт. «Курс позитивной философии» и «Курс позитивной политики». Создатель позитивизма и основоположник социологии. Знание о мире базируется на фактах. Назначение философии – анализировать и обобщать факты, полученные эмпирическим путем, каковым только путем и создается картина мира, объективная и достоверная. То есть: науки есть основание философии. Социум есть органическая система, порожденная и обусловленная необходимостью людской общности в сосуществовании и тем самым взаимодействии. Законы существования социума объективны, развитие социума есть закономерная социальная эволюция.

21. Чарльз Дарвин. «Происхождение видов» труд столь знаковый, что эволюционная теория Дарвина поистине не нуждается в комментариях. Кроме, пожалуй, одного подчеркивания. Дарвин говорил именно о «неопределенной изменчивости», которая наряду с естественным отбором является движущей силой эволюции. То есть о беспорядочности и нейтральности общего объема мутаций (в отличие от Ламарка), из каковых в дальнейшее развитие идут лишь способствующие более успешному выживанию.

22. Артур Шопенгауэр. «Мир как воля и представление». Удивительная и неожиданная подпорка для дарвинизма со стороны идеалистической философии, если вдуматься. Иррационализм. Не цель, не смысл и не желания движут человеком. А Мировая Воля, разлитая во всем и персонифицированная также и в нем в частности. Первопружина, перводвигатель, первоаккумулятор Бытия не имеет в своих проявлениях цели, смысла, определенного направления, – но Мировая Воля являет себя через все страсти и действия, которые носят самодовлеющий, стихийный, ни для чего по большому счету не нужный характер. То есть: жизнь и стремления человека заданы не осмысленным стремлением к целям, но иррациональным волевым посылом Мировой Воли, каковой волевой посыл требует реализовать себя в бытийных проявлениях.

23. Фридрих Ницше. «Воля к власти». Если еще чуть разобраться – то все в Природе стремится не то чтобы к Власти, но к значительности, к максимальному влиянию на окружающее, к максимализации своей роли в мире. Выражаясь сегодняшним языком – к максимальному самоутверждению и максимальной самореализации в проекции на окружающую среду (хотя сформулировать так – это уже некоторая экстраполяция взглядов Ницше в нашем собственном направлении).

24. Фридрих Энгельс и Карл Маркс. Маркс упомянут, поскольку двуединый автор «Маркс-Энгельс» был неразъединим в советском сознании и неотделим от представлений о мире и истории. – Диалектика. Она, гегелевская, была воспринята нами в интерпретации и изложении Энгельса. – Исторический материализм. Взгляд на историю и прогресс как на последовательность человеческих трудов и продуктов, историю совершенствующегося и нарастающего общественного производства, коррелирующего с социальной и научно-технической эволюцией.

25. Герберт Спенсер. «Основные начала». «Система синтетической философии» в своей огромной объемности для наших целей почти во всех деталях излишня. Позитивист и энциклопедист Спенсер распространяет эволюционизм на все формы существования материи. По мере рассеяния первоначального количества движения материя эволюционирует, то есть все более усложняется. Вся материя Вселенной едина в принципе, три основные формы ее существования от низшей к высшей: неорганическая, органическая и социальная.

VI. В 1824 г. Сади Карно публикует «Размышления о движущей силе огня и о машинах, способных развивать эту силу», чем закладывает основы термодинамики и впервые описывает

Второе начало. В 1834 г. Клапейрон придает идеям Карно математическую форму. В 1842 г. фон Майер публикует расчеты эквивалентов механической работы и производимого/затрачиваемого тепла, тем обосновывая Первое начало термодинамики – открыв закон сохранения энергии. В 1843 г. Джоуль также находит зависимость между произведенной работой и количеством произведенного при этом тепла, вычисляет отношение между ними, определяет механический коэффициент тепла и в 1847 г. делает доклад в Оксфорде. В том же году Гельмгольц публикует «О сохранении силы», где формулирует закон сохранения энергии строже и детальнее, чем Майер. В 1850 г. Рудольф Клаузиус дал формулировку Второго начала термодинамики. В 1852 г. Уильям Томсон (лорд Кельвин) дает другую формулировку Второго начала. Рассеяние энергии (диссипация) при переходе работы в теплоту постулируется как процесс необратимый. Принимается учение о рассеянии энергии, изначальный запас которой в замкнутой Вселенной ограничен.

Тепловая смерть Вселенной – логичный вывод Томсона, к которому пришел и Клаузиус.

Энтропия – понятие, введенное в 1865 г. Клаузиусом для определения меры необратимого рассеяния энергии.

Свободная энергия – понятие, введенное в 1881 г. Гельмгольцем: это работоспособная часть внутренней энергии системы (в одной парадигме); или разность между внутренней энергией системы и произведением абсолютной температуры на энтропию (в другом выражении); или термодинамический потенциал, убыль которого в квазистатическом изотермическом процессе равна работе, совершенной системой над внешними телами (иными словами); или часть внутренней энергии системы, которая может каким-либо образом быть выделена в окружающую среду в форме теплоты или работы, или может каким-либо способом быть поглощена другой системой для поддержания химико-физического процесса ее существования.

26. Вильгельм Оствальд. Энергетизм. Термодинамика кладется в основание натурфилософской системы: все Бытие рассматривается как проявление Второго начала термодинамики, то есть рассеяния энергии. Энергия абсолютизируется как субстанция: атомов как материальных первочастиц не существует, материя не первична и предстает как формы энергии. Все сущее – это лишь виды энергии в процессе ее вселенского рассеяния. Жизнь есть захват телами свободной энергии и использование ее для своего существования и развития. Эволюция есть совершенствование тел и организмов в направлении все более эффективного захвата и использования энергии с пользой для себя: организм тем совершеннее, чем выше его энергетический КПД, т.е. чем большую долю захваченной энергии он употребляет на процесс собственного жизнеобеспечения. Категорический императив энергетизма: не расходуя энергию понапрасну, используй ее. Ощущения, сознание, дух, воля, культура, красота, – все это процессы энергетические, переходы энергии. Анти-материалист и анти-атомист Оствальд в научных битвах рубежа XX века был классифицирован как идеалист. Положил начало взгляду на Мир как пространство энергетических процессов.

VII. Физика XX века. Теория Большого Взрыва и расширяющейся Вселенной. Не столько перечень книг, как упоминание идей, легших в основу естественнонаучного мировоззрения.

27. Альберт Эйнштейн. $E = mc^2$. Закон взаимосвязи массы и энергии. Специальная теория относительности (1905 г.). Общая теория относительности (1907–1916 гг.).

28. Александр Фридман. Теория нестационарной Вселенной. Предсказание о расширении Вселенной. Модель разлета Вселенной из начальной компактной области, в начале чего – Большой Взрыв (1922–1924 г.).

29. Эдвин Хаббл. В 1929 г. обнаружил зависимость между красным смещением и расстоянием до галактик, показал линейную зависимость лучевой скорости разбега галактик от расстояния (Закон Хаббла).

30. Георгий Гамов. 1948. Теория «Горячей Вселенной», где в ядерных реакциях синтезировались легкие элементы.

31. Стивен Хокинг. Строго доказал возникновение сингулярности (1967 г.).

VIII. Синтез наук в России и СССР.

32. В.И. Вернадский. Создатель биогеохимии. Из идей особенно выделим две: а) человеческая деятельность на Земле становится фактором геологического масштаба; б) связанная с первой: по мере эволюции биосферы уровень миграции атомов поверхностной и приповерхностной зоны Земли повышается.

33. А.Л. Чижевский. Создатель гелиобиологии. На обширном материале статистически показал зависимость активности биологических и социальных систем от циклически колеблющегося уровня солнечной активности.

IX. Социология.

34. Эмиль Дюркгейм. «Правила социологического метода». Социальная реальность несводима к биопсихической природе индивидов. Социальные факты существуют вне индивида и обладают по отношению к нему принудительной силой. То есть: на позитивистском уровне обобщения научных фактов социальные процессы объективны и не подчиняемы индивидуальным волям и пожеланиям.

35. Густав Ле Бон. «Психологические законы эволюции народов». «Психология толпы». Основоположник социальной психологии и концепций массового поведения. Подчеркивал иррациональность поведения людских скоплений. Эмоциональная доминанта подавляет интеллектуальную при сочетании индивидов в массу. Характер массы (народа), то есть суммарный безличностный эмоционально-поведенческий вектор определяет социальное устройство и социальную эволюцию общества.

36. Уильям Троттер. «Стадные инстинкты в период войны и мира». Фиксируя, что поведение индивида в толпе часто противоречит инстинкту самосохранения, личностной шкале ценностей, исполнено жесткого внутригруппового конформизма, Троттер вводит понятие «стадного инстинкта» как психосоциального фактора, объединяющего, подчиняющего и направляющего всех сообща независимо от личных интересов каждого или даже вопреки им.

X. Психология.

37. Зигмунд Фрейд. «Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого “Я”», «Я и оно». В огромной мере наше поведение, желания и сам образ мыслей диктуются не осознанными установками и ценностями, но скрытыми от сознания, подсознательными влечениями и комплексами. Удел человека – в неизбежных конфликтах. (Мы вычленим лишь главную для нас линию из его наследия.)

38. Карл Густав Юнг. «Структура бессознательного», «Отношение между Я (эго) и бессознательным», «Концепция коллективного бессознательного». Развил понятие коллективного бессознательного в фундаментальное учение; основное его отличие от индивидуального бессознательного – коллективное едино для разных людей, не зависит от индивидуального опыта, восходит к опыту общества в целом (нося, таким образом, социально-исторический характер). Своего рода продукт генетического группового опыта, наследуемых структур психики.

XI. Физиология и биология.

39. Ганс Селье. «The Stress of Life». Ввел термин «стресс». Разделил на «дистресс» – отрицательный, и «эустресс» – положительный. Стресс есть естественная и необходимая реакция организма на внешний раздражитель, пусковой механизм адаптации организма к факторам и колебаниям внешней среды. Ввел понятие «адаптационного синдрома». Эустресс повышает иммунитет организма и способствует адаптации, дистресс – подавляет. (То есть: счастливые и удачливые живут дольше и переносят неблагоприятные воздействия легче, несчастные и неудачливые умирают вероятнее и скорее, – добавим мы.)

40. Конрад Лоренц. «Так называемое зло. К естественной истории агрессии». Основоположник этологии – науки о поведении животных, базирующемся не на рефлексах, но глубже – инстинктах индивидуального поведения и группового взаимодействия, каковы инстинкты

есть индивидуально-причинный инструментарий выживания, естественной борьбы и отбора наиболее приспособленных эволюцией.

ХII. История.

41. Освальд Шпенглер. «Закат Европы». Именно историческая концепция Шпенглера представляется главной в наследии культуролога, философа. Культуры возникают, развиваются, достигают пика, приходят в упадок и гибнут, сходя со сцены. Античная, китайская, вавилонская и т.д. культуры прошли аналогичные циклы существования. Все культуры проходят те же ступени развития, законы их фазового существования едины. Срок жизни культуры – 1000 лет. (Фактически, оставляя в стороне морфологию эстетики Шпенглера, мы впервые получаем взгляд на историю цивилизаций как асинхронные системные циклы.)

42. Арнольд Тойнби. «Изучение истории». Условия, законы, принципы генезиса цивилизаций. Три поколения цивилизаций – примитивные, творчески-динамические и религиозно-культурные. Переход в более высокую стадию обусловлен не расовым, географическим или экономическим фактором, но есть результат социально-культурной мутации. Мутация же эта зависит от совокупности многих причин и малопредсказуема. «Вызов-и-ответ» – по сути диалектическое понимание взаимодействия человека с оказывающей на него давление природой как проявление единства и борьбы противоположностей в качестве источника развития. Цивилизация гибнет в результате нарушения системы обратной связи (что не является неизбежным).

43. Лев Гумилев. «Этногенез и биосфера Земли». Создал пассионарную теорию этногенеза. В основе исторического процесса лежит энергия, которая приходит на Землю с космическим излучением и воспринимается определенными общностями людей в областях попадания на поверхность Земли этого излучения. Они становятся энергичнее, много работают и воюют, создают великую цивилизацию или великую империю, в процессе чего изначально полученная из Космоса энергия растрачивается, и цивилизация приходит в упадок. Фазовые переходы цивилизации и отношения между народами и социальными группами объясняются уровнем энергии и ее растрачиванием. При всем наивном «механицизме» теории – это попытка взгляда на этногенез как на системный процесс в плоскость энергии.

ХIII. Философия прагматизма.

44. Чарльз Пирс. «Как сделать наши мысли ясными». «Закрепление верований». Создатель прагматизма (греческое «от действия»). Прямая связь философии с действительностью. Мышление рассматривается как приспособительная функция организма. Содержание понятия заключается в представлении о его возможных последствиях. Наши убеждения суть фактические правила для действия. Родоначальник семиотики как науки о знаковых системах, посредством которых человек осуществляет взаимодействие с окружающей средой.

45. Джон Дьюи. «Как мы мыслим». «Опыт и природа». Создатель инструментализма. Сознание, теория, наука – инструменты для достижения цели, определяющие образ действий. Истина существует в парадигме успеха, коррелирует с ним. Человек существует в мире, придавая ему смысл и тем самым изменяя. Научное познание фундируется здравым смыслом. Функция интеллекта – установление максимально эффективно-выгодных отношений с объектом.

ХIV. Культурология.

46. Лесли Уайт. «Энергия и эволюция культуры». Основоположник культурологии как таковой, эволюционист, в этой тридцатистраничной статье (1949 г.) Уайт смотрит на культуру как на термодинамическую и механическую систему с действием, обратным рассеянию энергии. «Базовый закон культурной эволюции: культура развивается по мере увеличения количества энергии, добываемой на душу населения в год, или по мере увеличения эффективности инструментальных средств ввода энергии в действие». Рост культуры ускоряется по мере эволюции и прямо зависит от роста уровня потребляемой энергии.

XV. Эсхатология. Учение о Конце Мира всегда существовало в мифологиях, религиях и философиях; сегодня оно приобрело типичные позитивистские черты.

47. Э.В. Ильенков. «Космология духа». В этой «философско-поэтической фантазмагории», как определил свое эссе автор, высказано предположение, что овладевшее в энергией Вселенной человечество в будущем, когда Вселенная приблизится к тепловой смерти, выделит содержащуюся в ней энергию методом вроде термоядерного взрыва и, уничтожив Вселенную, запустит новый виток ее существования, пожертвовав при этом собой.

48. В.А. Лефевр. «Космический субъект». Российско-американский психолог и математик заметил: «Последовательно познавая себя, космический субъект, тем самым, стремится стать вечным двигателем. Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение это борьба с тепловой смертью».

XVI. Теория систем. Поведение и взаимодействие различных систем в природе, обществе и науке рассматривается в парадигме изоморфизма законов различных сегментов знания. Все виды и формы существования в Природе взаимно обусловлены аналогичным механизмом внутреннего развития.

49. Людвиг фон Берталанфи. «Общая теория систем». По словам самого автора: «... понятие системы стало поворотным пунктом современной научной мысли...» Возникают междисциплинарные теории. Организм рассматривается как открытая система. Системное мышление существовало еще во времена первых письменностей. Ныне создана новая – системная – парадигма для разработки теорий. Космология, кибернетика, социальная психология – в рассмотрении своего предмета анализируют аспекты и уровни единого в плане законов системного устройства Универсума.

XVII. Синергетика. Междисциплинарное научное направление (своего рода системная наука) о самопроизвольном упорядочивании хаоса, о самоорганизации систем. Строго говоря – это термодинамическое направление в эволюционизме, рассматривающее развитие открытых систем от простых (хаотических, неупорядоченных) к сложным (высокоорганизованным) при захвате свободной (внешней) энергии. Вообще синергетика продолжила там, где за полвека до нее остановился Оствальд: то следствие рассеяния энергии, или Второго начала термодинамики, что возникают антиэнтропийные процессы в органических (а также косных) системах и есть предмет ее исследования. При этом синергетика рассматривает как принципиальный признак самообразования неравновесных систем не статичное материально-структурное усложнение, но повышение потенциала к дальнейшему упорядочиванию.

50. Герман Хакен. «Синергетика». Ввел этот термин. Учение о взаимодействии элементов сложных систем, результатом чего является возникновение новых макроскопических свойств этих систем. Рассматривал самоорганизацию в том числе на уровне самовоспроизводства культуры через язык, ментальность и т.д.

51. Илья Пригожин. «Порядок из хаоса». «Современная термодинамика». «Познание сложного». В терминологии брюссельской школы – нелинейная термодинамика диссипативных систем. То есть. Системы, существующие в процессе всеобщего рассеяния и локального потребления энергии, имеют тенденцию развиваться против вектора Второго начала, переходя из устойчиво более равновесного состояния к устойчиво менее равновесному состоянию через слабое неустойчивое состояние в точках бифуркации, где флуктуация и случай играют роль для определения пути дальнейшего развития системы.

* * *

Аристотель. Сочинения. Тт. 1–4. «Философское наследие», М., «Мысль», 1975–1983.

Берталанфи, Людвиг фон. «Общая теория систем – критический обзор». Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М., «Прогресс», 1969.

- Бэкон, Френсис. «Новый органон». Ленинград, 1935.
- Вернадский, Владимир Иванович. «Биосфера и ноосфера». М., «Наука», 1989.
- Гамов, Джордж. Создание Вселенной. // The Creation of the Universe. Viking Press, 1952.
- Гегель, Георг. Энциклопедия философских наук. Тт. 1–3. М., «Мысль», 1974–1975.
- Гельмгольц, Герман. «О сохранении силы». М.-Л., ГТТИ, 1934.
- Гераклит. «Философия ранних греческих философов», часть I, стр. 176–257. М., «Наука», 1989.
- Гольбах, Поль Анри. «Избранные произведения». Тт. 1–2. «Философское наследие», М., 1963.
- Гумилев, Лев Николаевич. «Этногенез и биосфера Земли». М., АСТ, 2005.
- Дарвин, Чарльз. «Происхождение видов путем естественного отбора». «Терра – Книжный клуб», М., 2009.
- Демокрит. «Фрагменты ранних греческих философов». М., «Наука», 1989.
- Джоуль, Джеймс. – По книге «Кудрявцев П.С. – Курс истории физики». – М., «Просвещение», 1982.
- Дьюи, Джон. «Реконструкция в философии». М., «Логос», 2001. «Общество и его проблемы». М., «Идея-Пресс», 2002.
- Дюркгейм, Эмиль. «Социология. Ее предмет, метод, предназначение». М., «Терра – Книжный клуб», 2008.
- Ильенков, Эвальд Васильевич. «Философия и культура». М., «Политиздат», 1991.
- Кант, Иммануил. Сочинения. Тт. 1–6. М., «Философское наследие», 1963–1966.
- Карно, Сади. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.
- Кельвин / Томсон, Уильям. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.
- Клапейрон, Бенуа. «О механической теории теплоты». В книге «Храмов Ю.А. – Физики. Биографический справочник». М., «Наука», 1983.
- Клаузиус, Рудольф. В книге «С. Карно. У. Томсон. Р. Клаузиус. Л. Больцман. М. Смолуховский. – Второе начало термодинамики». М., ЛКИ, 2007.
- Конт, Огюст. «Дух позитивной философии». Ростов н/Д., «Феникс», 2003. «Общий обзор позитивизма». М., «Либроком», 2010.
- Ламарк, Жан Батист. Избранные произведения. Тт. 1–2. М., Изд. АН СССР, 1955.
- Лаплас, Пьер-Симон. «Изложение системы мира». Л., «Наука», 1982.
- Лебон, Густав. «Психология народов и масс». СПб., «Макет», 1995.
- Лефевр, Владимир Александрович. «Космический субъект». М., ИПАН, 1996.
- Лоренц, Конрад. «Так называемое зло». М., «Культурная революция», 2008.
- Майер, Юлиус Роберт фон. «Закон сохранения и превращения энергии. Четыре исследования». М.-Л., 1933.
- Ницше, Фридрих. Собрание сочинений. Тт. 1–2. М., «Мысль», 1990.
- Ньютон, Исаак. «Математические начала натуральной философии». М., «Наука», 1989.
- Оствальд, Вильгельм. «Энергия и ее превращения». СПб., 1890; «Несостоятельность научного материализма». Рига, 1895; «Натурфилософия». М., 1902; «Организация и организаторы». М., 1912; «Энергетический императив». СПб., 1913.
- Парменид,
Пифагор,
Протагор, – в книге «Фрагменты ранних греческих философов». М., «Наука», 1989.
- Платон. Собрание сочинений. Тт. 1–4. СПб., Изд-во СПбГУ, 2006.
- Плотин. «Эннеады». Тт. 1–7. СПб., изд-во Олега Абышко, 2004–2005.

Пирс, Чарльз. «Начала прагматизма». СПб., «Алетайя», 2000; «Логические основания теории знаков». СПб., «Алетайя», 2000; «Избранные философские произведения». М., 2000.

Пригожин, Илья. «Современная термодинамика». М., «Мир», 2009 (И. Пригожин, Д. Конделуди); «Порядок из хаоса». М., ЛКИ, 2008 (И. Пригожин, И. Стенгерс); «Познание сложного». М., ЛКИ, 2007 (И. Пригожин, Г. Николс).

Селье, Ганс. Hans Selye. «The Stress of Life». N-Y., 1956.

Смит, Адам. «Исследование о природе и причинах богатства народов». М., «Эксмо», 2007.

Сократ. В книгах: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.-Л., 1935. Платон. Ранние диалоги. В Собрании сочинений 4-х тт., СПб., изд-во СПбГУ, 2006.

Спенсер, Герберт. «Основные начала». СПб., 1899. Синтетическая философия. Киев, Ника-Центр, 1997. «Опыты научные, политические и философские». Минск, «Современный литератор», 1999.

Тойнби, Арнольд. «Постижение истории». М., «Рольф», 2001. «Цивилизация перед судом истории». М., «Рольф», 2002.

Троттер, Уильям. «Instincts Of The Herd In Peace And War». Kessinger Publishing, 2006.

Уайт, Лесли. «Избранное: эволюция культуры». М., «РОСС-ПЭН», 2004.

Фалес Милетский. В книге «Фрагменты ранних греческих философов», ч. I. М., «Наука», 1989.

Фрейд, Зигмунд. «Я и оно». М., «Эксмо», 2007. «Введение в психоанализ». СПб., «Алетайя», 1999. «Психология масс и анализ человеческого “Я”». М., «Современные проблемы», 1926.

Фридман, Александр Александрович. «Мир как пространство и время». М., «Наука», 1965.

Хаббл, Эрвин. «A relation between distance and radial velocity among extra-galactic nebulae». PNAS 15 (3); 168–173. doi: 10.1073/pnas. 15.3.168.

Хакен, Герман. «Синергетика. Иерархии неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах». М., «Мир», 1985.

Хокинг, Стивен. «Краткая история времени: от Большого Взрыва до черных дыр». СПб., «Амфора», 2001.

Чижевский, Александр Леонидович. Собрание сочинений. Тт. 1–2. М., «Мысль», 1995.

Шопенгауэр, Артур. «Мир как воля и представление». Тт. 1–2. Минск, «Харвест», 2005, 2007.

Шпенглер, Освальд. «Закат Европы». М., «Эксмо», 2006.

Эйнштейн, Альберт. Собрание научных трудов в четырех томах. М., «Наука», 1965–1967.

Эмпедокл. В книге «Фрагменты ранних греческих философов», ч. I. М. «Наука», 1989.

Энгельс, Фридрих. В издании: «Маркс, К. и Энгельс, Ф. Собрание сочинений. Тт. 1–39 (из 50)». М., «Издательство политической литературы», 1955–1981.

Юнг, Карл Густав. «Очерки по психологии бессознательного». М., «Когито-Центр», 2006. «Структура и динамика психического». М., «Когито-Центр», 2008. «Архетип и символ». М., «Ренессанс», 1991.

Предварительные замечания

Язык твой – враг мой

Наука появилась раньше, чем возник научный язык. Содержание опережает форму. Единицы-то они едины, но содержание несколько более едино. Форма бывает вариабельна. Ну, в некоторых случаях.

Античная же философия вообще обходилась без спецязыка. За исключением отдельных терминов типа «атом» и «эйдос», приобретших дополнительное спецзначение. Философы были мудрецы, логики, софисты, казуисты, моралисты, футуристы, наставники, консультанты и аналитики. Накопители знаний, классификаторы и интерпретаторы.

Поэтому читать античных философов может любой, кто не имеет ограничения по голове.

Затем? Затем. Затем наступило мрачное Средневековье, хотя средневековцы этого не знали, и так свое время не называли. Христианство затянуло античную вольницу в вериги, завесило власницей, пригнуло на колени и заключило в монастыри. Варвары размолотили латынь в своих наречиях. Проблемы богоустройства стали во главе угла. Латынь сделалась языком мертвым, и этот мертвый язык был единственно языком науки. Латинские выражения превратились в спецтерминологию посвященных среди моря неграмотного быдла.

Лютер перевел Библию на русский, тьфу, на немецкий, и философия Возрождения стала разворачиваться лицом к народу. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Но за тысячу лет латинская терминология прочно застряла в узелках философских координат.

И вот французские Энциклопедисты стали писать как можно проще – но одновременно классические немцы с темным Гегелем в верхнем углу стали писать как можно сложнее. Правда, они были и умнее, похоже.

Гегель был так мудр, что после него захотелось коровьего мычания. После лекции по квантовой механике избыточный адреналин подталкивает на анекдоты. Итого во Франции возобладали демократизм, в Англии здравый смысл, а в Германии Шопенгауэр, не говоря о последующем Ницше.

То есть. Читать Герберта Спенсера легко и нормально. Читать Шопенгауэра легко и нормально. Читать Ле Бона тем более легко и нормально. Потому что они были нормальные люди. И у них были самостоятельные и крупные мысли. Которые они более всего желали понятно и точно изложить и донести до читателя.

О черт, я чуть не забыл! Вот Буало во Франции и сказал перед всем этим Новым Временем:

«КТО ЯСНО МЫСЛИТ – ТОТ ЯСНО ИЗЛАГАЕТ».

Ну, Золотой Век кончился Мировой Войной, а потом пришли модернисты с постмодернистами, и одновременно гомосексуалисты, социалисты, узкие специалисты и внутринаучные фантасты. И могучее древо философии стали расщеплять на спички и лучины философских поднаук. Бритва Оккама за этим нелегким занятием затупилась, иззубрилась и была выкинута вон. Сущности стали множиться, как дрожофилы, и отражаться в лабиринтах зеркал. Постмодернистская философия вооружилась сачками и стала играть этими мушками в бадминтон. Шпанские мушки шекотали элитный интеллект. В моду вошла игра в бисер.

Философская долина заросла терминологией, как густыми волосами в период зрелости. Ровная кожа при рассмотрении в микроскоп испещрилась лунными кратерами, и каждый имел свое название. Текст обрел насыщенность полосы препятствий.

Для большей понятности – сравнение: размножение философских спецификаций можно уподобить размножению бюрократии. Поначалу же нормальные были и полезные ребята, свои

и немногочисленные, и нормально помогали решать государственные и социальные вопросы. А потом стали обрастать другими чиновными ребятами в геометрической прогрессии, инструкций друг другу они до черта понаписали, и стало от них не продохнуть, и никакой элементарный вопрос решить стало невозможно.

По мере времени в развитии любой системы прогресс переходит в стадию с и с т е м н о й д е г е н е р а ц и и. Количество вспомогательных элементов переходит меру и дает новое качество: помеха вместо помощи. Но. Но система требует, чтобы все новые элементы в ней выглядели привычно, единообразно: «подобающе». И? И.

И научный стиль превращается в ребус. Изобилие терминологии являет собою «спецязык». Термин есть знак кодированного понятия. За ним тянется ветвистый пучок связей, следствий и ассоциаций. Разные научные течения часто придают терминам различающееся значение. Процесс чтения перестает напоминать езду по гладкому шоссе и напоминает ориентирование в лесу, когда карта помята и условные значки расплываются и часто неразборчивы.

Зато сразу видно, что стиль научный.

Для научного стиля характерны длинные предложения со многими оборотами, масса вводных слов, уточнений, распространений... Короче, характерна лексико-грамматическая перегруженность фразы. А также перегруженность внешними семантико-логическими связями. Стиль густ и вязок для потребления. Не для дурачков писано, не для дилетантов. Для подготовленных специалистов, людей умных.

И здесь кроется под ковром спецязыка спецловушка. А в спецловушке часто сидит голый король.

Объем оперативного мышления мозга – величина ограниченная. В единицу времени мозг не может перелопачивать и раскодировать информации больше определенного предела.

Или ты несешь шестьдесят кило хлеба – или шестьдесят кило упаковки. Упаковка должна быть минимально достаточной для переноски на данное расстояние в данных условиях.

Проигрывая в силе – выигрываем в расстоянии. И наоборот.

Выигрывая в точности, объемности, длинномерности и ассоциативности густой терминологии – мы проигрываем в объеме и массе конечного смысла в сухом остатке.

Все большая часть оперативного мышления расходуется на раскодирование научного языка и сплетение понятийного ковра из расшифрованных понятий. И это происходит за счет уменьшения постижения упакованной смысловой части. Причем не только адресатом – но и автором-отправителем!

Умная сущность заменяется умной формой – при минимуме или вовсе отсутствии принципиально новой или сущностно сложной информации.

Сложность формы оттягивает на себя мозговое усилие с сути, и это стянутое одеяло оставляет суть озябшей, маленькой и полудохлой.

Обычно содержание современной философской статьи сводится к гулькиному носу, и тот часто следствие пластической хирургии.

Простота изложения отнюдь не адекватна простоте содержания. Излагать просто труднее, чем сложно. Сначала трудно постичь. Потом трудно изложить. Потом трудно передать человеческим языком. Вот последней частью триады обычно пренебрегают, и более того – отвергают уничтожительно.

Вот поэтому мы будем говорить просто. Нас интересует суть.

Профессионалы и формалы

Противопоставление профессионалов и дилетантов уже на стилистическом уровне не в пользу дилетантов.

Профессионал – это основательно подготовленный человек, под руководством учителей прошедший школу. Он превзошел базовый курс всех наук, лежащих в основе его профессиональной деятельности. Он занимается своим делом ежедневно, и это есть его профессия. Этим он зарабатывает себе на хлеб. Он постоянно в форме. Он в курсе новинок. Он информирован. Он знает законы и правила своей профессии. Коллеги дают о нем положительные отзывы. У него есть свой участочек в науке, хоть крошечный.

Дилетант не имеет систематического базового образования в деле, за которое принялся. У него нет диплома с положительными оценками по курсам прослушанных наук. У него не было преподавателей его науки. Он вообще учился чему-то другому и зарабатывает на жизнь чем-то другим.

Он не входит в корпорацию, не включен в корпоративную иерархию, не знает всех правил. В его знаниях есть пробелы. Иногда он нарушает элементарные законы своей «факультативной профессии» – по незнанию или верхоглядству. Он несерьезен и чужд.

Давайте разбираться. Здоровый парень впервые вышел на ринг и был мгновенно нокаутирован меньшим и слабейшим по физическим данным, но техничным боксером. Вот разница между профессионалом и дилетантом.

А вот парень вышел на ринг и избил мастера спорта. У него молниеносная реакция, жуткая колотуха, он держит удар как столб, а тренировался он самостоятельно в сарае с пыльным мешком.

Победа определяет, кто лучший боксер.

Или приезжает девчонка из провинции поступать в консерваторию и вдруг выдает такое пение природно поставленным голосом, что примы бледнеют от предожущения ревности. Ну – слышно ее!..

А что, черт возьми, есть критерий в гуманитарных науках? В гуманитарных науках нам норовят сообщить, что конечная истина недостижима и непостижима, а объективной истины нет вообще. Причем и по этому вопросу есть разногласия; а само значение слова «истина» по-разному определяется в разных парадигмах.

Концентрация научной атрибутики и степень общепризнанности профессиональным сообществом – есть основной критерий профессионализма. Оно же – критерий значимости. Оно же – критерий истины. Нет?

Если перелопачено много материала – тогда ясно. Если приведен в какую-то систему нарытый ранее горами материал – тогда ясно. А если это «К вопросу о трактовке термина “хрен огородный” в монографии Митина-Попеля “Идеальный человек и постмодернистская философия” в свете развития синергетики»? Научный вклад неразличим невооруженным глазом – но профессионализм налицо!

Если доктор исторических наук, специалист по довоенному периоду советской истории, скажем, перевирает по незнанию марки военной техники и принципиальные цифры, – он профессионал? Да.

А если инженер без истфака обнаруживает в этом вопросе гораздо большую осведомленность и складывает разрозненные ранее факты в систему, объясняющую причины процесса, – он дилетант? Гм. Да. Ну, не дилетант – так любитель. Все равно эту куда хуже, чем профессионал.

А если академик от истории, или философии, или экономики тридцать лет нес коммунистическо-марксистскую чушь, подгоняя свои верноподданнические выводы под приказную партийную установку... – он профессионал? Гм. Да. Он был не прав, но он был профессионал.

Опаньки!.. Получается, профессионал тот, кто обладает всеми формальными признаками профессии: диплом, диссертация, встроенность в профессиональную структуру, зарплата за это занятие. Хреновый столяр, руки из задницы растут, но это его профессия.

Слово «профессионал» стилистически сильно оформлено. Профессионал в спорте – это сильнейший и наилучший, отбор жесток и постоянные нагрузки огромны. Профессиональный солдат, моряк, строитель и т.д. Слово звучит похвалой и признанием. Верхняя ступень на лестнице занятий.

Но. Говоря о гуманитарных науках. Образование представляет собой чтение книг, слушание лекций, сидение на семинарах и сдачу экзаменов. Книги доступны каждому, лекции изданы в учебниках, семинары и экзамены есть кнутик для нерадивых. Знать историю лучше профессионального историка есть вопрос желанья, времени, памяти и количества прочитанных книг. Все? Все...

А если уровень знаний одинаковый, то что отличает профессионала от любителя? Степень понимания. И атрибутирование профессии.

(Понимание – у любителя может быть выше! Здесь все дело в голове. Многознание уму не научает. Но – не будем забегать...)

Слов сказано уже гораздо больше, чем надо для понимания. В любом случае, невзирая ни на что, профессионала отличает от любителя наличие формального образования, формально подтвержденной корпоративной компетентности и формального инкорпорирования в профессиональную среду; плюс получение денег за занятие своей профессией.

А если профессионал некомпетентный дурак? Ну, в любом деле есть некомпетентные дураки.

То есть. Относительно гуманитарных наук. Где возникают споры профессионалов с любителями. Слово «профессионал» корректно будет заменить словом «формал».

Любитель может быть гораздо более основательным профессионалом, чем формал. Он может читать больше литературы по специальности. Он может фанатично уделять больше времени и энергии своему делу. Он не отвлекается на заседания кафедры, преподавание, участие в комиссиях и поездки на конференции. Он не должен соотносить свои труды с мнением научных руководителей и авторитетов. Он пашет ненормированный рабочий день, его работа и хобби налиты в один флакон. Он компетентнее в своем деле, черт возьми! Он и есть профессионал! Но не формал.

В споре между формалом и неформалом профессионал тот из них, кто более владеет предметом! Кто больше и глубже знает! Кто посвятил этому больше времени! Кто будет спорить?..

Под «профессионализмом» обычно подразумевается не степень владения профессией – а принадлежность к формально-корпоративной структуре! То есть: не тот кузнец, кто лучшие мечи кует – а тот, кого старейшины цеха приняли в гильдию.

Вот термины «профессионализм» и «формальная принадлежность» в гуманитарных науках должны быть жестоко разведены и отделены друг от друга. Так же как «любитель» и «дилетант» по сути означает малую степень владения предметом, нерегулярность занятий, отсутствие необходимой образовательной базы. А не работу вне формальных структур и без соблюдения формальных процедур.

Слава Богу, всех выпускников Литературного института еще никто не придумал называть писателями и поэтами. Образование писателей разнообразнейшее. И Союз Писателей СССР, гнусное чиновное министерство советской литературы, давно и навсегда ликвидирован. А ведь в советские времена профессиональным писателем называли только члена Союза писателей! А принимали только кого надо, и ох не простая была процедура!

Так что, ребята, по участию или неучастию в работе структур и ведомств – надо различать формалов и неформалов.

А по степени компетентности в предмете и глубине мышления, и уделяемому времени, – профессионалов и непрофессионалов.

Подмена этих понятий на руку сплоченным бездарным формалам, которых большинство везде, и которые зорко охраняют свою поляну кормления.

Если же говорить о философии, то Герберт Спенсер был инженером-путейцем, Ницше – филологом, Декарт окончил лишь иезуитский колледж, и так далее.

У формалов и не-формалов имеет место разница ценностных ориентаций. Не-формал снедаем идеей и жадой, мысль обуревают его, внутренний посыл не дает сидеть на месте. Он роет землю день и ночь в поисках вождельной истины. Открытие кружит ему голову. Годы занятий делают его профессионалом. Действия же формала регламентированы, и средства (типа научных степеней) чаще всего становятся целью.

Если энтузиаст-неформал десять лет упорно занимается любимым делом, он делается серьезным профессионалом. Заметим, таких людей вообще мало. Речь идет о творческих натурах. И только о них.

Среди формалов такие безусловно есть. Но, естественно, меньшинство. Творцов везде меньшинство.

«Карьерный дипломат» на дипломата учился и шел по ступеням дипломатической лестницы. «Некарьерный» – ранее занимался другим делом, но по умственным, волевым и образовательным данным был поставлен на конкретный ответственный пост – как серьезная фигура. Дилетантом и любителем его не зовут, а мнения карьерных дипломатов при назначении его их начальником не спрашивают.

Карьерные философы всячески отбрыкивают информацию о некарьерных. Конкуренцию никто не отменял во всех отраслях деятельности. В любви и на войне все способы хороши. Конкурент подлежит уничтожению. Обвинения в непрофессионализме, что на деле есть констатация непринадлежности к формальным структурам и не более, – удобный аргумент. Аргумент по форме, а не по сущности.

Но когда академическое поле подверглось бесплодию вследствие многолетнего засоления почвы, живое дерево можно вырастить только за его пределами.

Акадэмия

Древние греки произносили в этом слове «д» твердо. Ну, по крайней мере большинство классиков так считает.

Что характерно для сегодняшнего академического поля? (Так и хочется придурочно впилить «Поле чудес в стране дураков»). Но мы воздержимся от пошлого зубоскальства. Ослов и ученых на середину! А сам-то я кто, если под покровом тумана пробираюсь на это поле с пятью золотыми за щекой, чтоб вырастить чудесное деревце с ширпотребом от кутюр?..) Для сегодняшнего академического поля характерен процедурный и вообще формальный канон.

Во-первых, следует превзойти курс философского факультета, сдав проходимые дисциплины на положительные оценки. И защитить диплом на тему, утвержденную кафедрой.

Во-вторых, поступить в аспирантуру или оформить соискательство на кандидатскую степень, и найти себе научного руководителя.

В-третьих, этот научрук будет визировать твои статьи и диссертацию. Учитель у тебя должен быть!

Публикации должны соответствовать требованиям, предъявляемым научными журналами и сборниками. Соответствовать канону. Обзор предшественников, формулирование темы или вывода, научные ссылки на авторитеты. Язык без эмоций. Интонация нейтральная. Резюме. Библиография.

Оппоненты, доктора наук, выскажут свои критические и одобрительные замечания. Если твоя точка зрения противоречит взглядам серьезного авторитета – тебя разнесут. Если явно вносит что-то новое и серьезное – к тебе присосутся маститые соавторы и постараются боль-

шую часть заслуги приписать себе. Если твои работы блестят яркой мыслью – завистники постараются зарыть тебя в навоз.

Ну, а поскольку большинство везде составляют заурядности, то наука, разумеется, не составляет исключения. Полвека назад сосчитано, что девяносто семь процентов работников научного поля любой страны – балласт, систематизаторы, администраторы, компиляторы и популяризаторы. Они необходимы, чтобы частый бредень институтов захватил с ними и три процента тех, кто двигает науку.

А критерий где?.. А кому такое положение вещей выгодно?.. С критериями в трепологических гуманитарных науках плохо. Прикажут марксизм – будете марксистами. Прикажут церковь – будете православными. Прикажут либерализм – будете педерастами и жуликами. Прикажут реформу языка – и как родные закурлычете «облэгчить» и «обеспечение».

А выгодно это тому, кто через коня перепрыгнуть не может, но все занятия по физкультуре посещает исправно, форма спортивная у него всегда в комплекте и чистенькая, подбегает к снаряду бодро, а упав вскакивает и принимает четкую стойку приземлившегося. Все смеются, физрук улыбается, но: «Подход пять, отход пять, посещаемость пять, форма пять, выполнение упражнения – два... общая – четыре».

И если в научной работе абсолютно все требуемые условия соблюдены, то неразличимость научного смысла можно простить. Типа все мы не гении, ученый владеет предметом, посильно двигает современную науку, поздравляю с новой работой, коллега. А руководители кто? Здрассьте и вам.

Наука монополизирована. Свободная конкуренция давится в зародыше. В науке возникает административный ресурс и идет в ход всей своей мощью. Ревность. Плановость. Деж пирогов. Борьба за гранты и госдотации на учебники.

Плевать нам на это, на каждой кухне свой чад и помойное ведро, если бы не одно но.

Сегодня уровень информационного обеспечения любого бытового шага таков, что в инструкцию к микроволновке прилагается запрет на сушку в ней выкупанных кошек, чтоб не сдохли. Два на три продавец умножает на калькуляторе. И на любое утверждение в научном труде полагается ссылка. Вот вы полагаете, глубокоуважаемый коллега, что при наличии стимулов производительность труда возрастает? ссылочку извольте привести: кто, когда, в каком труде и на основании каких исследований доказал научно, что возрастает. А иначе это не наука.

Благими намерениями мостится дорога в зад. Самостоятельно определите и уберите лишнюю букву. Как показал Абрам Маслов (простите, Абрахам Маслоу), потребности бывают первого и второго порядков, причем сначала необходимо утолить жажду и голод, а уже потом искать смысл жизни и делать прическу. И таки да!

Ссылки всыпаются в текст густо, делая раствор близким к кристаллизации. На любом пункте автор работы переводит стрелки на других: это он сказал, а это вон тот, их утверждения видимо проверены научной общественностью, так что если они и ошибочны, я лично не виноват.

Но главное: избыток ссылок, упор на ссылки, – не оставляет пространства для самостоятельного думанья. Мыслительный процесс заменяется сборкой конструктора «Лего». Корпоративная солидарность девяноста семи процентов бездарей зорко охраняет свое право заниматься наукой: выкладывая узоры из ссылок без необходимости предъявлять собственную оригинальную мысль.

Благородный путь познания методом углубленного и последовательного размышления, который превозносили древние греки, легко осмеивается.

Избыток справочного аппарата в тексте компенсируется пропорциональным уменьшением доли мышления. Более того: у массы гуманитарных ученых школа отбивает умение мыслить самостоятельно, атрофируя само представление о самостоятельном мышлении. Грубо

говоря: они зазубривают формулы, но не в состоянии вывести их самостоятельно, исходя из простых первичных данных, – если перевести с гуманитарного на язык точных наук.

Таким образом доктор психологии может отрицать групповую самоидентификацию по национальному признаку, ссылаясь на авторитеты политкорректности, а доктор философии может всю жизнь изучать некоторые аспекты соотношения идеального и материального, жутко уважая при этом свою профессиональную компетентность. Прекрасны также экономисты, научно выводящие формулы того, что если тебе проще выменять нужную вещь на производимый тобой постоянно продукт, чем сделать эту штуку самому, – то согласно теории ученых таких-то большинство современных экономистов склоняются к этой точке зрения.

Справедливый вопрос: «С чего вы это взяли?» заменен профессиональным вопросом: «Предъявите, где вы это прочли». Ло гика, анализ, экстраполяция – не считаются.

Здравый смысл превратился в антинаучное понятие, достойное поношения.

Историки, будучи не в состоянии сформировать факты в теорию, – требуют исключительно архивных документов, приравнивая их отсутствие или ненахождение к бездоказательности и ошибочности. Логика, политология, стратегия, экономика, социология и психология – для большинства историков словно не существуют. Они принципиально отрицают самостоятельное мышление и злобно требуют документов, хотя любой документ можно как сфабриковать, так и уничтожить. Официальная русская история XX века, скажем, яростно сводит себя к архивистике.

Кризис цивилизации имеет необходимым аспектом кризис мировоззрения. Что естественно осуществляется в кризисе гуманитарных наук.

Внутринаучная гуманитарная методология начала XXI века весьма изрядно уподобилась средневековой схоластике. Наука все более сводится к цитированию авторитетов и интерпретации их точек зрения.

Академическое поле разлиновано и регламентировано настолько плотно и жестко, что любое свободное движение все более нарушает инструкции и законы дорожной полиции этого региона. Езда по этим правилам отнимает решительно все время и все силы.

Представляется более плодотворным работать вне академического поля, если ты придаешь значение именно тому, что считаешь нужным сказать, а не существованию внутри академической системы.

Философствование насчет философии

1. Из чего родилась и сформировалась философия? Из потребности человека постичь устройство мира. Понять, узнать, вообразить начало и причину Истории. В чем изначальная причина Всего Бытия? Как связаны его части? Почему отношения человека с природой именно таковы? И т.д. Философия включала в себя и космогонию, и психологию, и логику, и этику, и политологию, и т.д.

2. Какова основная задача философии? Объяснить в полном объеме и на всех уровнях, почему жизнь устроена так, а не иначе. И как же именно в своих глубинных взаимосвязях она устроена.

Уровень космологический первично выглядел: отчего холод и жара? ночь и день? солнце и звезды? откуда взялись, кто сделал?

Уровень психологический первично выглядел: почему он сильнее? почему мы воюем? почему она хочет быть с ним, а не со мной?

Как дельта реки дробится на ручьи и протоки, философия на рубеже XXI века растеклась на множество внутрифилософских наук и поднаук. И каждая занимается своим делом. Узкая специализация под увеличением подробного микроскопа делается безбрежно содержательной. Но основной вопрос остается тот же.

Почему человек таков, каков есть. И почему мир таков, каков есть. И в чем первопричины этого устройства. И как они связаны и обусловлены друг другом.

Устройство мира отошло к естественным наукам. Устройство личности и общества отошло специальным гуманитарным наукам.

Вопрос о первопричине Бытия в противоположность Небытию был серьезными людьми отнесен к области принципиально Непознаваемого.

Что осталось в изначальной основе? Вот если без постмодерна и пятой производной от смысла?

Что такое счастье? Почему мир несправедлив? В чем смысл жизни? Чем все кончится? Философия, которая не рассматривает эти базовые для любого человека вопросы, не есть философия. Но есть частная внутрифилософская поднаука, занимающаяся частными вспомогательными вопросами.

3. Что же такое философия?

Ответ первый. Вся совокупность философских, околофилософских, внутрифилософских наук и поднаук, рассматривающих все философские, околофилософские и внутрифилософские вопросы и подвопросы. И таким образом все, что рассматривает какой-то частный отрезочек и участочек общего философского поля, есть философия. Таковы азы: современная общепринятая точка зрения. Типа нельзя же объять необъятное, но можно потрогать по кусочкам.

Ответ второй. Философия – в смысле конкретная философская система – есть единая, цельная, логически увязанная система мировоззрения, рассматривающая Бытие во всем объеме и основных принципиальных взаимосвязях, от устройства Космоса до устройства индивидуальной человеческой психологии. И все основные процессы Бытия рассматриваются и анализируются с точки зрения единства этих взаимно связей. Вот все, что вообще существует – находится между основным и принципиальным устройством Космоса – и глубинными мотивами человеческой психики. Как между двумя крайними обкладками аккумулятора. Философия – это цельное и логичное мировоззрение, под углом которого рассматривается и объясняется в с е. Вот вообще все. Таков наш примар. Что?.. простите. Я хотел сказать: вот так следует понимать, что есть философия по настоящему счету.

4. И кто такой философ? Возможен ряд ответов:

а) Любой, кто кончил философский факультет (или еще учится на нем). «Филологи, физики, математики, географы». Групповое отличительное наименование.

б) Любой, кто работает в структуре, преподающей или изучающей философию: на философской кафедре, в институте философии, в редакции философского журнала как специалист, в системе Академии наук по линии философии, или состоит в редколлегии философского издания, и т.д.

в) Любой, кто защитил кандидатскую или докторскую диссертацию по философии.

г) Ну, видимо, любой, кто принят в официальное философское общество, – например, Российское философское общество.

Это – определения в границах академического поля. Хотя есть там еще один ответ:

д) Любой, кто внес признанный философским сообществом вклад в изучение и развитие философии. Независимо от образования и способа зарабатывания на жизнь. Руссо. Гераклит. Спиноза. Как правило, это относится к тем, кого уже похоронили. С мертвецами всегда спокойней и определенной.

А еще:

е) Любой человек, кто часто и углубленно размышляет о жизни и приходит к умным выводам. Кого знакомые считают человеком мудрым. Кто любит выводить обобщения из жизненных частных. Кто понимает взаимосвязь вещей, способен понять причины явления и

неизбежные по жизни следствия поступка. Вот такой стихийный, природный философ. Бытовое такое понятие.

ж) Тот, кто создает оригинальную философскую систему. Цельную и новую систему взглядов на общее устройство мира. На смысл взаимосвязей Бытия. Ну, видимо, это философ по большому счету. Эти философию и создают.

5. Что есть русская философия и каков ее вклад в мировую?

Ну, начнем с того, что наука появилась в России при Петре Первом методом импорта из Германии. Завезли немцев и сделали Академию Наук. Молодая страна. Обиды нет. Кто позже начал – дальше уйдет.

В великом XIX веке русская наука только зарождалась и вставала на ноги. Ну, и философия тоже. И только было дотянулись и приспособились – бац! Октябрьская революция. Запрещено все, кроме государственно предписанного марксизма. А потом похерили и марксизм и эдакими философскими бомжами стали глядеть, куда пристроиться.

Не место философии в тоталитарном государстве! Не зреет она на Колыме!

Ну, а великий Серебряный Век? Ильин, Федоров, Шестов, Бердяев? В Философской энциклопедии поразила меня давно одна формулировка из статьи о Бердяеве: «Его творчеству были свойственны асинхронные семантические ряды». Я аж рот открыл. В сущности, это жестокое оскорбление. То есть: «несогласованность смысловых рядов». То есть: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». И это пишет научный авторитет о великом русском философе!

С превеликим тщанием, потев от усердия и волнения, я стал перечитывать Бердяева. Я Бердяева в первый раз на третьем курсе университета читал. Он был при советской власти запрещен, «бердяевщина» было ругательным словом, я читал самиздат. И вот в девяностые стал перечитывать. А лучше бы не брался. Не врет энциклопедия.

Он рассуждает от точки К до точки М. Откуда взялось то, что было до К, его не заботит. Что будет после М – тоже вопрос какого-то другого исследования. Гм. А следующая работа – от совсем другой точки уже до следующей ей. Разные цепи рассуждений, развернутые в разные работы, не лежат в плоскости единой философской системы. Не составляют единого мировоззрения на все проблемы бытия (простите за неправильность выражения).

То есть. Ход размышлений от и до – прекрасен. А о чем речь в общем, в генеральном? Христианскую мораль не Бердяев же создал!

О прекрасной идее Федорова оживить всех мертвецов как конечную цель развития человечества следует говорить скорее с психоаналитиком. Поистине на бесптичье и коза шансонетка.

Да что они, черт возьми, нафилософствовали?! Не надо спеси!.. Они философствовали о разном. Умные образованные люди с развитым абстрактным мышлением и, что не менее важно, сильным и болезненным моральным чувством. (Можно так сказать или нет?..)

Одно из самых ненавистных мне слов – это слово «порассуждать». «Интересно было бы порассуждать на эту тему». Меня от этого крючит. Не «проанализировать», не «сделать выводы», не «определить доминанты», и даже не «рассмотреть ситуацию» – а именно «порассуждать»!.. Клуб пикейных жилетов на randevу. Портрет гуманитарного интеллигента в кухонном интерьере. И вот никак я не могу отделаться от того представления, что русская философская мысль любила порассуждать. О высоких и важных материях. На ту или иную тему. Вообще так. Обобщая.

Я полагаю разницу между словами «философия» и «философствовать». Философия – это система, мировоззрение, единый комплекс взглядов на мир, и в ее основе лежит оригинальный, свой собственный, не бывший ранее взгляд на всю взаимопричинность Бытия. Примерно так. А философствовать – это рассуждать в парадигме одной или нескольких готовых и чужих философских систем на разнообразные темы, как связанные, так и не связанные между собой.

В таких формулировках – философии в России не было. Было философствование. Глубокое и мелкое, умное и пустопорожнее, по разным умным или менее умным, или даже важнейшим, вопросам.

5А. Когда я читаю труд, посвященный апологетике свободы, у меня повышается давление. Что такое свобода???! Как ты ее понимаешь и можешь сформулировать в данном рассуждении?! Где здесь категория, где здесь субстанция, что ты вообще имеешь в виду? Она не имеет физических измерений. Свобода не сидеть в тюрьме, свобода не подчиняться власти, свобода летать, свобода повеситься и т.д. бесконечно – это несколько разные вещи. Свобода выражать мысли и передвигаться – это часть области свобод гражданских, где неизбежны области свободы и согласованного подчинения. И так куда ни плюнь. Здесь не место давать хоть краткое исследование и формулировки – я сделал это в «Все о жизни». Это не философское рассуждение – это метафористика: рассуждать о свободе, не формулируя жестко предмет рассмотрения. Это пара-философия, субфилософия, поэтикофилософия, вошедшая на рубеже XIX – XX веков в моду с руки Ницше.

Эту смесь христианского морализаторства с идеалистическим анархизмом, вылетающую порциями, как волны аромата из хлопающих дверей цветочного магазина, невозможно воспринимать всерьез.

Впрочем, в Словакии, Эстонии и Португалии тоже есть словацкая, эстонская и португальская философская мысль, просто мы ее отсюда плохо видим и не очень осведомлены. Кстати, ирландская философская мысль имеет очень древние корни. И ни слова о выпивке!

6. Если понимать под философом мыслителя, создавшего свою философию, то бишь единую философскую систему взглядов на мир, оригинальную и внутренне логичную, объясняющую сущее с единой и дотоле не бывшей точки зрения – ну, на этом уровне подхода философов в России не было.

А кто есть? Строго говоря?

Есть философоизучатели. Философопопуляризаторы. Философоинтерпретаторы. Философоуглублятели и философразвиватели.

Мелкорозничные философразработчики есть. Философпреподаватели в изобилии. И над всеми, в серебряном прошлом – философствователи.

И спасибо им всем огромное. Пусть цветут десять тысяч цветов. Пусть кто может сделает больше.

7. Каждому плоду – свое время цвести и время гнить. (Что мы, метафор навертеть сами не можем?..)

Когда в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году к нам на филфак Ленинградского университета съезжались стажеры из Сорбонны и Беркли – о: шла злая шампанская волна Новой Философии! Маркузе и Поппер были замшелыми столпами, а в молодых умах буйствовали и издевались вполне молодые Деррида, Барт, Фуко и вся братия. Слово «постмодернизм» только оформлялось на губах. После тупого советского-марксистского железобетона новая философия была прекрасна, как Битлз, вожденно-демократична, как джинсы, модна, как красные носки под брюками в шестнадцать сантиметров! Гремела революция сексуальная, хипповая, анашова, матерная, антибуржуазная! Мир треснул, и трещина прошла через мозги философов также.

Время созидать – и время нести по кочкам! По кочкам веселей.

По прошествии сорока лет странно встречать эпигонов этого веселого разрушительного хулиганства. Ибо разрушать можно только то, что уже кем-то до тебя создано. В этом смысле: созидание бесконечно – разрушение ограничено. Но забавно и слегка удивительно уважение, с которым стараются относиться к себе терминологически нагруженные пустоболты, строя карточные домики из слов.

Я бы охарактеризовал сегодняшнюю эпигонскую постмодернистскую философию как «деструктивный мультиконструктивизм». Мы можем взять любую грань любого аспекта Бытия в любой трактовке, и на этой грани создать любую зеркальную конструкцию. Объективная истина – это не более чем беглый повод для насмешки. Встроенность в некую общую целесообразность – для идиотов, здесь не может и предполагаться. Главное: создать конструкцию, которой еще не было. Виртуальность конструкции есть положительное качество, ибо в сущности виртуальна вся интеллектуально-чувственная сфера, и тем самым вся культура. А что виртуально – то произвольно и относительно.

Так мы на следующих витках спирали, которую не скажу кому и куда надо вставить, вернулись к апориям Зенона, и как это стильно, что Ахилл никогда не догонит черепаху; и к прекрасному предложению посвятить себя исследованию, сколько ангелов может поместиться на острие иглы, ибо это дает неограниченный простор для предположений и логических схем.

Эти экзерсисы имеют тот же смысл, что изошренные упражнения для музыканта; или коллекция мод высокого дома, которых одежда никто никогда вне подиума не сможет носить. Качалка для мозгов, клизма для кишечника. Думать и рассуждать – таки да полезно. Но к устройству мира и истине это не имеет никакого отношения.

Дикие и хилые побеги современного постмодернизма – это выморочные мутации философской эволюции, которая не может прекратиться в любых условиях. Переползание философией теневой болотистой зоны на пути между двумя вершинами, прошлой и будущей.

8. Философы – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Проходя мимо туалета, приходится морщить нос. Я имею в виду идиотов от неофрейдизма, которые не все еще перевелись. И как обычно, самое забавное и бесящее в дураке – это самоуважение. Дурак уважает себя за научность рассуждения и за научность вывода, презирая необразованных: непосвященных, не постигших глубин его мысли.

И когда мыслитель класса Эриха Фромма кропотливо и научно доводит до сведения человечества, что у Адольфа Гитлера был анальный тип личности, и его влечения, идеи и действия в основном определены тем, что у него были проблемы с дефекацией и патологически преувеличенное внимание к дефекации, что, короче, какал он плохо и хотелось ему играть со своими какашками, вот в чем корень гитлеризма! – мне хочется заставить автора этого научного открытия строить домики из своих какашек и судебным решением запретить ему писать книги.

Научная логика и здравый смысл могут не совпадать, и сильно не совпадать! Но вовсе провозгласить примат научного исследования над здравым смыслом, и тем хуже для смысла при их несовпадении! – это ведет в веселый бурьян интеллигентского идиотизма, где психопатологически и занимается дефекацией когорты тужащихся мудрецов современного неофрейдизма.

Нет, вы понимаете: танцовщик в обтягивающем трико достиг вершин балетного мастерства и скачет перед залом, потому что в детстве испытывал влечение к своей матери! Забавно то, что сей вольный бред серьезно обсуждался крупными формальными авторитетами.

9. Змея, глотающая свой хвост – это, конечно, хороший старый символ. Однако самопереваривание не есть диета, способствующая здоровью и ясности мышления.

С определенного момента философская мысль занялась в основном изучением себя. Мысль стала под разными углами и соусами мыслить себя самоё. А, собственно, какое отношение к реальности вообще имеют мои чувства? И мысли? А может, все это иллюзии? И познание – не более чем интеллектуальный эксцесс моего мозга? И вообще: Бытие – это сумма языковых понятий? Или служебный материал для человеческого страдания, каковое и есть основа основ Мира? Давайте разбираться, в чем основа основ всего Сущего, и какими средствами это может быть познано и передано. И каковы варианты Познания, и какой из них предпочтителен, а какой неверен.

Здравый смысл, устройство мира и человеческие проблемы оказались изрядно разделены. Философия занялась прежде всего самой собой, любимой и важной.

Если из философского труда невозможно понять, в чем смысл и причина существования сволочей и героев, счастья и горя, справедливости и вражды, и вообще почему мы творим то, что творим, – это, наверное, не совсем философия. Это некие там были разговоры о частных и специальных вопросах. Больному без медицинского образования бессмысленно читать учебник анатомии или биохимии в надежде исцелиться от своего недуга. Они необходимы врачам.

Часть любой системы всегда работает на самообеспечение всей системы. Хоть в государстве, хоть в армии, хоть в любой фирме: надо обеспечивать своих сотрудников едой, кровом, транспортом и т.д. По мере бюрократизации любой социальной системы все большая часть ее действий направлена на поддержание и развитие собственной деятельности. По достижении пика эффективности, по достижении оптимального баланса расходов на внутреннюю и внешнепродуктивную деятельность – наступает дегенерация системы, дополнительные расходы дают все меньшую отдачу наружу, все более потребляются внутри самой системы. И вот уже система работает сама на себя: все силы и средства идут на поддержание своей деятельности без всякой пользы посторонним.

С философией за последние пару сотен лет произошло нечто аналогичное. Все больший объем работ по самопознанию и саморазвитию, углублению и расширению старых и все новых течений и подходов.

Академическая философия разрастается в академическом пространстве, в котором уже почти неразличима нормальная человеческая проблематика. Философия достигла необыкновенной глубины и изощренности в познании себя.

Это ужасно напоминает старый фантастический рассказ про робота-зазнайку, который увлечен перед зеркалом сложностью и гармонией своего устройства, будучи изначально создан как автоматическая открывалка для пива.

.....

(Заметка на обороте:) Социология и эволюционизм определили генеральный курс философии XX века – среди реликтовых самокопаний посттерминологии и игр в бисер, сплывающих с туманом в прошлое. Европейский позитивизм преобразовался в американский прагматизм и направлен отвердел до инструментализма. Младшие уходят дальше: американцы начали последними. Н-ну, потом франкфуртская школа в тридцатые переехала в США, и эстафетную палочку употребили в непотребные действия.

И однако – и чтобы ты знал:

Философия – это ответы на главные вопросы твоей жизни, и именно твоей.

Все остальное – это второй эшелон философии, вспомогательные устройства, обеспечивающие механизмы, обозная команда, административно-хозяйственная часть, материально-техническое снабжение и медицинская помощь. Тысяча человек тридцати специальностей в сотне грузовиков носят эмблемы танкистов, но только восемьдесят бойцов в экипажах двадцати машин и есть собственно танковый полк. М-да – ордена тыловики хватают ловчее.

Главное – как же устроен этот мир, в связи с чем мы вписаны в него именно так, и какой в этом смысл.

А если вам пытаются пудрить мозги – это или парфюмер, или кондитер.

Часть I

Всеобщая Теория Всего

Глава первая

Главный ход

1. Познай себя

Познать себя рекомендовал еще Сократ – со своим обычным лукавым ехидством, – как исходно необходимое, самое вроде бы простое и одновременно неисчерпаемо сложное, чтобы уже после познавать все остальное, внешнее.

Есть мир в человеке; и есть человек в мире, объемлющем все, включающем в себя и человека.

Античная философия познавала мир, пользуясь обычными словами и не теряя здравого смысла. Позднейшая философия, углубляясь в познание, дробила мир на отдельные явления и дробилась сама, изобретала профессиональную терминологию, распадалась на частные и дополнительные дисциплины – и в конце концов превратилась в огромный свод маловразумительных течений, понятных лишь профессиональным «философам».

Эти «философы» различным образом объясняли людям то, что люди и так всегда знали. Многознание мудрости не научает. Овладение профессиональным жаргоном «философов» еще никого не сделало Экклезиастом.

Мы познаем мир через себя и посредством себя. Через свои чувства и мышление, посредством своей центральной нервной системы. Мы имеем дело не с миром, а со своими представлениями о нем. Любая честная философия идеалистична, справедливо сказал Шопенгауэр. Сейчас умру – и разрушу Вселенную, сказал Воннегут. Доказывать можно даже неоспоримые истины, сказал Уайльд.

Но когда вам на голову падает кирпич, то дело вы имеете как раз с внешним миром, не имея о том никакого представления, поскольку сознание было моментально отшиблено этим кирпичом, что отнюдь не помешало ему исправно огреть вас по черепу.

Достославное противоречие между материализмом и идеализмом насчет первичности материи или сознания есть парадокс, и парадокс надуманный. Война между остроконечниками и тупоконечниками.

Идеалист и материалист оба изучают предмет по его отражению в зеркале. Философия – это наука об отражении предметов, говорит первый. Нет, о предметах в отражении, возражает второй. Если вы не можете различить, чай это или кофе, то какая вам разница, интересуется официант? Оба взыскуют истины, познавая через себя мир вне себя. Оба имеют дело с системой: я – мир. Диалектическое единство.

А если исчезнут все люди – прочий мир останется? Да. (Хотя что будет тогда на самом деле – будет сказано ниже... это момент ключевой, принципиальный!) Значит, материя существует и без ее отражения сознанием? Да. А откуда мы это знаем? Из опыта, т. е. потому, что мы ее уже в себе отразили. А если бы не отразили, тогда что? А тогда не было бы этого разговора, который иначе превращается в схоластику. А что такое схоластика? Это система логических умопостроений, где отсутствует единая, общая для всех рассматриваемых вопросов система отсчета. А философия именно не существует без включения в себя человеческого сознания.

В чем суть апории об Ахиллесе и черепахе? В том, что система отсчета времени произвольно зауклиивается: вместо единой шкалы предполагается, что каждый отрезок времени равен 1/10 предыдущего. Логически безупречно, но исходное нарушение единой системы отсчета и превращает задачу в схоластическую. Вот и с «ключевым вопросом философии» точно то же самое.

Это естественные науки, точные, – физика, химия, математика – дают результаты, не зависящие от личности и сознания человека как такового, но философия базируется и на истории, психологии, социологии, т. е. науках о человеке; попробуйте убрать из философии все, что касается человека – и никакой философии не останется. Как же можно говорить о выводах философии, условно вычлняя из картины мира – человека?

Логически это может быть изящно. С точки зрения внутринаучных дискуссий – плодотворно: интересно! поле для споров! За века об этом написаны библиотеки. Считается, что они обогатили сокровищницу человеческой мысли. Великие умы составили Пантеон, в котором не протолкнешься.

А человек-то по-прежнему страдает, делает глупости, разрывается между чувством и долгом, пытается уразуметь свое поведение в этом мире и часто не понимает, отчего ж он ничуть не счастливее древних греков, скажем, если с тех пор за тысячи лет столько великих умов построили столько философских теорий. Не говоря уж о материальном благоденствии и прогрессе.

А человек этот, душа моя, – Ты. Ты и есть. И никто другой.

И ничего ты в жизни не поймешь, пока в себе не разберешься.

Потому что ты – ровно половина, одна сторона, диалектического единства: ты – мир.

Если ты плохо знаешь, плохо понимаешь себя – ты ничего не поймешь в этом мире. Потому что мир – это и есть ты. Все, что только есть сущего – как-то отражается в тебе. По этому отражению ты о мире и судишь. Каждый судит по себе, ага; нет ничего вернее банальных истин – они подтверждены временем, сказал Вамбери. А этот хромоногий кое-что понимал.

Для того, чтобы познать себя, требуются, пожалуй, только две вещи: честность и время. Честность – чтобы спокойно докапываться в себе до правды, и время для того же. Потому что если ты не сумеешь видеть правду в себе – зеркале, отражающем весь мир – то как ты можешь рассчитывать увидеть ее вне себя?

В известном смысле честность и ум – синонимы. И то и другое есть способность видеть истину. Здесь честность есть умственная добросовестность. Человек копается в себе, своих сомнениях, в добрых и злых чувствах и мыслях, уясняя мотивы своих действий, отдавая себе в них отчет – даже и особенно если это ему неприятно: не нравится он себе такой.

Людам ведь свойственно приукрашивать себя, сообразуясь с моралью. Подобно многим смертным, менее всего капитан Левассер интересовался правдой о себе. Давайте честно мыслить – это и есть высшая нравственность, сказал де Карт.

Истина и мораль есть вещи разные, как номинатив и императив.

Поступать часто надо по морали, но думать верно возможно только по истине. Мораль – готовый и вылежавшийся плод чужих размышлений.

Нет ни одной черты в человеке, которую он не может подвергнуть сомнению. Чтобы увидеть мир – надо сначала до ясности протереть зеркало, в котором этот мир отражается.

Тут нужна хорошая память. Нужно сколько-то знать биологию, анатомию, физиологию, психологию. Нужно представлять, как действует твой организм. Нужно прочесть биографию своей души.

И вот только тогда можно развести руками и возопить: «О Господи, куда же это меня занесло? Где же я оказался?!»

2. Познать мир

Проще, проще; еще проще. Легче.

Если человек задается вполне естественным и извечным вопросом: зачем он пришел в этот мир? какова его роль и его место в этом мире? – он должен как минимум иметь цельное представление о том, что есть этот мир и как он устроен.

Факты могут быть известны каждому. Понять, постичь законы, конкретными проявлениями которых явились факты – вот задача. Добраться до самой первопричины явлений, увидеть цельную картину причинно-следственных связей мира – вот задача. А если постоянно не иметь в сознании цельную картину мира – любое суждение, любая научная теория могут превратиться в доказательство той самой апории, в которой черепаха всегда будет опережать Ахиллеса.

Например. Готовясь к II Мировой войне, Сталин уничтожил почти весь командный состав своей армии. Ни один враг не сумел бы нанести ей большего урона. Где тут цель, логика, смысл, польза?!

Проще всего повторить вслед за древними греками, что кого боги хотят покарать, того они лишают разума. Но если бы люди в своих действиях всегда руководствовались разумом, то иной была бы вся история, и иным был бы сам человек. О роли разума речь также пойдет ниже.

Суть же сталинской акции в том, что: 1. Государству постоянно требовались рабы-заключенные, по разрядке набираемые из всех слоев. 2. Деятельность репрессивных органов оценивалась по тому, как много «врагов» они арестуют – такие органы тоталитарному государству были необходимы, а их функционеры выслуживались. 3. Требовалось искоренить любые возможности нелояльности, инакомыслия, превратить армию в идеально, беспрекословно послушный Вождю институт: цементировать единоначалие, необходимое для силы армии, было проще всего и вернее через страх.

А дальше учитываются законы действия многоэтажной бюрократической машины. Функционеру-«винтику» каждого этажа ставится конкретная задача, сопровождаемая конкретным объяснением, которое должно побудить и обосновать ее непременно и наилучшее выполнение. Но в любом передаточном механизме – свой КПД и свои потери энергии. С учетом этого передаточное усилие на каждый узел должно даваться «с запасом». Чем больше и сложнее машина, тем с большим изменением реализуется через нее начальная идея-приказ.

Накануне грандиозной войны диктатор Сталин логично решил провести чистку состава. Все знали: предпочтительней шлепнуть невиновного, нежели пропустить виноватого. Аппарат исполнения был огромен, громоздок, и результат, как только и возможно в таком случае, превзошел ожидания.

Все просто. (Хотя этот уровень анализа – не последняя ступень приближения к истине и первопричине явлений.) А с каким трагическим недоумением шли на расстрел и в лагеря честные и преданные командиры!..

Вот с таким же недоумением Эдмон Дантес ломал голову годами: зачем, почему заключен он в темницу замка Иф? Мудрому, знающему жизнь аббату Фариа потребовалось четверть часа, чтоб по отдельным фактам, сообщенным ему Дантесом, увидеть цельную картину: кто, как, когда и почему устроил это заключение.

Примерно это и называется «знать жизнь». (Хотя и здесь – не последняя степень приближения к первопричинам явлений; но в данном случае Тайна Мироздания и не интересовала собеседников.)

Чем отличается Фариа от Дантеса? Он дольше жил: больше знал, больше видел, больше думал.

Понятно, самым простым способом познания мира многим представляется прочитать много умных книг, где все объясняется. Такая форма знания называется начетничеством. Если пассивно усвоенная сумма знаний подавляет способность к самостоятельному мышлению (у кого, конечно, была вообще такая способность) – чего ж тут хорошего.

Тип-трафарет кабинетного ученого: седой мудрец в завалах книг, сведущий в глубинах всех наук, которого легко облапошивает любой жулик, потому что «реальной жизни» чужак-ученый не знает.

Тип противоположный: лукавый жулик, предприимчивый хитрец, который верит, что Солнце вертится вокруг плоской Земли, что интересует его лишь постольку, поскольку в темноте удобней грабить, – зато отлично разбирающийся в практической психологии конкретных людей, которых оставляет в дураках, побуждая их делать то, что нужно ему.

Вот и скажите теперь, кто из них лучше знает жизнь.

Оба лучше. Просто на разных уровнях. Хорошо бы оба типа знания как-то совместить, а? Это, условно говоря, две грани-крайности познания. Ученый представляет науку «чистую», а жулик – «прикладную», и в этой прикладной разбирается лучше любого университетского профессора психологии, даром что не знает ни одного термина и вообще читает с трудом.

Причем тут жулик? А притом, что он «жизнь учил не по учебникам», а исключительно через опыт и собственные размышления. А вот прийти к истине через собственное именно размышление те же древние греки полагали самым благородным, истинно достойным мудреца способом познания.

Без опыта, конечно, никак. Сам ничего не пережил – как ты можешь понимать тех, кто пережил, понимать жизнь? как можешь размышлять о ней? это будут, что называется, умозрительные построения: логически они могут быть верны, а эмоций человеческих, живых особенностей жизни будет им недоставать, и результат получится ошибочный.

Кто будет лучшим мэром города – профессор-юрист или пройдоха-бизнесмен? Второй, второй... Первый лучше знает в теории, как устроить, зато второй лучше знает практические особенности городского хозяйства и практические способы выполнения задач.

И без книг никак, что-то ведь прочитать надо, это понятно, чтоб иметь необходимые какие-то исходные знания в науках.

Это соотношение: книги – личный опыт – размышление – вещь тонкая и индивидуальная. Один прочитал библиотеку и остался дурак-дураком, другой прожил большую, разнообразную, интересную и тяжелую жизнь и ни хрена в ней так и не понял, третий думал-думал и, имея гениальные способности, додумался аж до дифференциального исчисления или эволюционной теории, известных за века до него... Нужен некий баланс, гармония всех трех начал.

Тогда некто может додуматься, что из себя представляет мир и как он устроен. Ведь «тайнами мира» мы обычно называем то, что знать мы покуда не можем, или не хотим, или не умеем. Но в принципе понять можно все. Отчего нет?

И вот когда кто-то постигает что-то путем размышления, это называют: «теория», или «гипотеза», или «предположение», или «догадка». Позднее, убедившись, иногда говорят совсем обидно – «гениальная догадка». Мол, знать не мог, научно не обосновал, но верно ведь догадался, а! умный был мальчик.

Нет. Догадка – это более или менее случайный тык в цель. А понимание – это понимание. Это цель в общей сетке панорамного прицела. Не поймалась цель – промахнешься в жизни.

3. Познать свое место и роль в этом мире

О Господи! дай же мне сил бороться с тем, с чем я могу бороться, дай мне терпения смириться с тем, с чем я не могу бороться, и дай мудрости отличить одно от другого.

Общее место: в юности человеку свойственно переоценивать свои силы. Как сказал юморист, человек может все, пока он ничего не делает. Это что значит? Человек как-то представляет себя, свои силы и возможности, и пока они не напряжены до предела – он этого предела не видит, не почувствовал, а знает только, что запас сил позволяет ему двигаться дальше, делать больше. А вот когда он, взрослея, сталкивается со все большими препятствиями, он и обнаруживает свой предел. То есть: он не столько переоценивает себя, сколько недооценивает еще не попробованные или вовсе неведомые ему препятствия.

А вот встретит самоуверенный юноша компанию здоровенных хулиганов – и сразу верно оценит свои силы: ему не победить, а компания изобьет его наверняка, надо или мириться, или подчиняться, или бежать, или собирать свою компанию, более сильную. Картина препятствия ясна – и становятся ясны свои роль и место в ситуации. Потому что обе стороны соотношения «я – мир» понятны.

Но разные люди поведут себя по-разному. Физически сильный, но трус – сразу удерет. Хилый, но отчаянно храбрый – бросится в драку, зная, что все равно не победит. А третий решит не только сам войти в банду, но и сделаться ее главарем. Один в результате станет главой гангстеров, а другой – верховным судьей.

Один подросток сказал: мне наплевать, что такое этот мир и как он устроен, я хотел бы знать, как мне-то в нем жить. Он, бедолага, так и остался мучиться, не зная, как ему жить. Иначе и быть, разумеется, не могло. Будучи частью целого, мира, ты и не можешь понять, что такое эта малая часть, ты со своей судьбой, если не желаешь понять целое – весь мир и его устройство.

В обществах со строгой иерархией и жесткими традициями это решалось просто. Правители правят, жрецы молятся, воины воюют, крестьяне пахут. Вот так устроен мир, и каждый должен жить, как ему предписано. А для общих объяснений существовали религия и мифология. Так было тысячелетия.

И кодекс поведения в принципе всегда был один и тот же. Надо быть честным, храбрым, верным данному слову, сильным, трудолюбивым.

Почему надо? А потому. Вот так принято. Иначе накажут, или выгонят, или будут презирать: ни тебе уважения, ни любви, ни спокойной жизни. И люди, следовавшие принятому кодексу поведения, всегда жили не хуже окружающих, чем и были довольны.

С одной стороны, это хорошо и правильно. Культивировалось поведение, которое позволило выстоять и подняться в борьбе с природой и врагами. То, что способствует выживанию и процветанию общества, т. е. большинства людей, и есть истинно, иначе все погибнем. Тут критерием истины выступает практика, все выясняется и устанавливается через опыт поколений.

С другой стороны, эти практические предписания отбивали у людей необходимость думать и решать самим. Большинство всегда и не хотели (и не могли) думать и решать сами. Но некоторые умственно непоседливые всегда хотели докопаться до всех первопричин сами. Из них иногда и выходили создатели религиозных и философских учений.

Дети всегда спрашивают: «почему?». И получают ответ: «потому». В юности этот вопрос: «почему?» приобретает все более общий характер, а ответ становится все менее вразумительным: «потому что есть такой закон природы», или «потому что надо поступать хорошо, а не плохо», или «потому что за это накажут, а за это поощрят». Суть вопроса усложняется, суть ответа сохраняет примитивно-однозначный характер.

- Что ты делаешь?
- Я таскаю камни.
- Что ты делаешь?
- Я зарабатываю на пропитание.
- Что ты делаешь?
- Я строю храм.

Вот юность и хочет знать: зачем строится храм? зачем это нужно? почему это все так устроено, что он строит храм, какой в этом смысл?

Естественно, что именно в юности, при выборе пути, человек пытается осознать свое предназначение: зачем он явился на этот свет? Потом эти мысли и движения души обычно исчезают, сглаживаются – некогда: работать надо, семью кормить, купить то-се, карьеру строить.

А потом в старости сидит человек и думает: и зачем мне нужны были все эти мои труды и мучения? На тот свет ничего с собой не возьмешь. И вообще: не пойти ли в монахи, о вечном думать и грехи замаливать...

И кто поумней отвечает ему: потому что человек должен делать в жизни самое большое, на что он способен. Большому кораблю – большое плавание. Кому полмира покорить, кому сад посадить, кому детей поднять – каждому свое. Мог ты сделать то-то и то-то, а вот не сделал. Не угадал свое предназначение. Глуп был и слаб, отвечает старик, да и на кой черт оно все, мир не переделаешь, суета сует, все помрем.

Во! – отвечает другой, поэтому не надо вообще дергаться и напрягаться, а надо жить в святости и размышлять о вечном и бренности бытия, раз конец все равно один.

Тамерлан говорил примерно: миру нужен владыка, и этим владыкой должен быть я. Тут с местом и ролью человека все понятно. По крайней мере ему самому и всему окружению.

Скептик спросит: ну и что в этом толку в масштабах мировой истории? где та империя, где те Великие Моголы? Ученые ответят: централизованное государство, материальный подъем, научный и культурный расцвет... и вот мы здесь господа, да.

А вот местом Диогена была бочка, а ролью – мыслитель и возмутитель общественного спокойствия. Пред кем весь мир дрожал в пыли – торчит затычкой в щели.

Большинству же их место не нравится, и своей ролью они не удовлетворены. И почему судьба их сложилась так, а не иначе, они объясняют двумя словами: «характер» и «обстоятельства». Что есть одна из форм старого родительского ответа «а потому что так». А почему такой характер? А почему такие обстоятельства? Потому что генетика и уровень развития общественно-экономических отношений. А почему? Дальше, глубже: почему? почему? И – зачем? зачем?

Ах, если бы знать, зачем наши страдания, ломают пальцы чеховские герои.

И получается, что если уж человек начал думать и не может остановиться, то мало ему знать себя, и мало знать мир, и даже мало знать свою роль в этом мире, а надо знать, зачем и как вообще ОНО ВСЕ.

4. Как, зачем, почему человек и мир

Подросток, юноша пристально и подробно вглядываются в себя. Нет для созревающей души предмета важнее и интереснее себя самой.

Через себя человек, взрослев в мире, распирая его боками в соприкосновениях, познает мир, его законы и устройство, насколько он склонен и способен к этому (и насколько обстоятельства позволяют).

Вопросы кем быть и что делать, выбор (более или менее осознанный) места и роли взаимно обусловлены первыми двумя моментами. На практике – только заняв свое место порой человек сталкивается с теми внешними и внутренними проблемами, которые и побуждают его разобраться в себе самом и окружающем мире. В анализе же, осмыслении – только разобравшись в себе и мире человек осознает свое место.

Я – мир – моя роль и место.

Эта предельно упрощенная схема, этот краткий повтор уже сказанного выше – нужны для одного: уяснить ход к ответам на все вопросы.

Что значит на все? На все, касающиеся деятельности человека и человечества. Как практической, так и внутренней.

Нет, не о том, как стать здоровым и богатым и победить врага – а о том, зачем, почему, для чего человек стремится именно к этому (и многому другому, разумеется), а иногда – вовсе противоположному.

Сто тысяч почему. Семь столпов мудрости.

У каждого мужчины есть второй возраст – мальчишеский. Чаще всего это лет тринадцать. Чувства обострены. Силы стремительно растут. Опыт приходит ежечасно, не успевая осмысливаться. Обиды и радости жгут, как никогда после. Самоуверенность, жажда, романтизм. Все время, не отданное конкретным занятиям, подросток думает (есть такая разновидность – задумчивый подросток). Он более ставит вопросы и ищет ответы, чем находит ответы – ему некогда, внутренне он живет очень наполненно, интенсивно и быстро, конкретный опыт и знания малы, жизнь постоянно перебивает его размышления и отвлекает, а с годами, определяясь в жизненном занятии, человек думает все меньше и реже.

Интеллект как способность анализировать информацию и делать заключение составляется к пятнадцати годам. Беда в том, что сначала не хватает информации – а позднее отрабатываются, отмирают нервные клетки, и по мере накопления информации снижается способность ее анализа.

Философов типа Диогена в наше время нет. Философы защищают диссертации, издаются книги, преподают в университетах и занимают свою социальную нишу в обществе. Диковато представить, что взрослый человек всю жизнь просто шляется по улицам, ничего не делая и не имея никаких обязанностей и занятий, и просто думает – неторопливо и непрестанно. Как задумчивый подросток.

Ну и вот нашелся такой человек. Как задумался о чем-то подростком, так и продумал всю жизнь.

В четырнадцать лет я попытался понять, отчего горит электрическая лампочка. Мне объяснили: – Разность потенциалов. – Поток электронов. – Столкновения их с молекулярной решеткой. – Выделение тепловой энергии. – Волновое излучение. Ну хорошо: а почему при этом выделяется энергия? да, все это так (вероятно), но следующая степень углубления в вопрос: а почему? почему разность потенциалов? где ответ на последнее «почему»? Нет ответа на последнее «почему»; а вот такой закон природы.

То-есть: получается: любое наше знание работает по методу «черного ящика» – мы знаем, что если ткнуть в него вот так, то из него получится вот эдак. Суть трансформации действия между причиной и следствием остается скрытой под табличкой «Закон Природы». Брошенный вверх камень падает вниз, потому что закон всемирного тяготения. Этот закон обоснован физически и математически. Но почему он вообще существует, черт возьми? Зачем, для чего, каким в конечном итоге образом?

Тогда говорят о неисчерпаемости и бесконечности познания.

Или о существовании некоего еще не познанного Высшего Закона Природы.

Или о Боге. Который вот так все создал, а постичь до конца его промысел нам не дано.

И в любом случае получается, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Наше сознание никогда не доберется до первосуты, первопричины явлений. Но будет бесконечно подбираться все ближе и ближе к ней.

Таким образом, я до сих пор не знаю, почему горит лампочка.

Но если подойти к Ахиллесу с черепахой по-простому, с линейкой и секундомером, то нетрудно определить точку, где он ее настигнет и перегонит.

Любая наука вооружена собственной линейкой. Иногда, лупя друг друга этими линейками, науки оспаривают друг у друга истину.

Единая для всех линейка, главная, никому пока в руки не давалась, как меч короля Артура. Из этого еще не следует, что этим мечом вообще никто не может владеть.

В Испании есть король. Этот король нашелся. Этот король я.

Есть анекдот о том, как проблеме связи пространства и времени удалось решить сержанту Иванову, который приказал своему взводу копать канаву от забора до обеда.

Суть единой линейки в том, чтобы ею можно было мерить все от сознания человека до устройства Вселенной.

Ты – начальная точка, Мир – конечная точка, Твое Место – подвижный визир, посредством которого градуируется масштаб и цена делений.

И вот тогда...

Тогда станут понятны движения души относительно судьбы вселенной. Связь стремления к счастью с движением к самоуничтожению. И в чем смысл необходимости страданий. И что есть Бог и как это понимать.

Поможет ли тебе жить это знание? Может крепко помочь. В том смысле, что открытые глаза лучше закрытых. Кто понимает неизбежное – тот не дергается понапрасну.

Все религиозные и философские учения несли в себе так или иначе императив поведения. Мотивировалось это предельно примитивно – пользой самого человека, в этом мире или загробном. Но как можно судить о человеке и его пользе, если нет единого мнения по вопросам, что это такое? Один видит пользу в удовольствии, другой – в здоровье и покое, третий – в общественном благе. Сначала надо понять все – потом можно решать, как жить самому.

В этом смысле всеобщая система единого понимания жизни и мира освобождает тебя от любых догм, любого понуждения – как свободен зрячий выбрать любой путь в окружающем пространстве, соотносясь с местностью и своим желанием, по сравнению с плохо видящим, которого куда-то подталкивают.

Знание – это свобода. Банально, как все истины. И заслуживает повторения и понимания, как все банальные истины.

Я никого не подталкиваю.

Интродукция

Знание и догадка

В 400-м году до Р. Х. Ксенофонт привел домой десять тысяч греческих солдат. Бывшие наемники разбитого Артаксерксом Кира, они за пятнадцать месяцев прошли с боями сквозь чужие страны четыре тысячи километров. Зародилась новая тактика пехоты. Поход вошел в историю.

Талантливейший практик и теоретик, Ксенофонт оставил труды по военному искусству: «Отступление десяти тысяч» и «Киропедия». Многие века их изучают во всех военных академиях.

В середине XX века Ксенофонта удостоил отзывом доцент Военной академии им. М. В. Фрунзе полковник Разин: «Утверждением, что тактика – лишь ничтожная часть стратегии, Ксенофонт высказал правильную д о г а д к у о связи стратегии и тактики». Мол, **знать** он еще не мог, слишком рано было, военная мысль была еще малоразвита – но **догадаться** сумел: молодец мальчик. Это о полководце и ученом, который заложил стратегию и тактику как науки, теоретически обосновав их разделение и связь.

Кто такой Ксенофонт и кто такой Разин. И что это такое знал второй, о чем первый только догадывался? А ведь один из них создавал науку, которую другой только изучал.

Карлики на плечах гигантов. Многознание малопонимающих.

Так вот, если кто, путем размышления и анализа собственного опыта и обобщения известных фактов приходит к верным выводам – к истине – это не догадка, а понимание: знание. Доказательства выводов могут быть последователями подкреплены, умножены, обоснованы через изоциренный научный аппарат – но знание первооткрывателя этим не умаляется до догадки.

Три тысячи лет назад финикийцы строили прекрасной мореходности корабли. Теорию судостроения любой выпускник современного судостроительного института знает гораздо полнее и «научнее» их. С точки зрения этой науки финикийские корабли были поразительно целесообразны, в своем роде совершенны. Исконные мореходы, ребята знали, как их делать. Называть это знание догадкой – глупо и оскорбительно.

В XII веке индийцы делали булат. Такое качество оружейного металла не достигнуто и ныне. Утерянный секрет раскрывался просвещенными европейцами двести лет. Создавались институты стали и сплавов, делались открытия в химии и защищались миллионы диссертаций. Академиков – тьма, а древнее знание не восстановлено. Нынешние ученые, не в силах понять, строят на этот счет догадки.

Чем отличается догадка от понимания (знания)?

В догадке верный вывод делается путем интуитивным, иррациональным, с пропуском логических звеньев. Более того: сама исходная предпосылка может быть неверна или отсутствовать вовсе. А может быть неверна, ущербна созданная система доказательств – а вот вывод все равно верен. Метод тыка, озарения, подгона решения задачи под уже известный (желаемый) ответ.

Знание: имеет в основе верную, естественную предпосылку и приходит к выводу логическим, последовательным, связным путем, опираясь на цепь достоверных моментов, фактов.

Теория и гипотеза: заменяет недостающие звенья или саму предпосылку логически возможными допущениями, предположениями, что позволяет построить цельную картину объяснения к выводу.

В основных чертах так.

Это все лишь к тому, что настоящее сочинение – не догадка и не гипотеза, а знание.

Все очень просто. Когда поймешь.

Привет кортесам от колумбова яйца.

Глава вторая Главная цепь

1. Зацепка

ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ? ЧТО ЧЕЛОВЕКУ НАДО? Неплохой вопрос, а. Сакраментальная формула. Так сказать, вопрос всех времен и народов.

Мудрецы, ученые, философы всех стран и эпох построили на этот счет массу теорий. Со всеми ознакомиться – жизни не хватит. Да может быть и незачем. Потому что в жизни каждому приходится решать этот вопрос самому. Каждый исходит из обстоятельств собственной жизни и собственных нужд. Более или менее соотносит свои потребности со своими возможностями.

Так что не будем вдаваться в книжные премудрости; как говорится, философия философией, а жизнь – жизнью. Вот по-простому, от жизни, и будем исходить. О том, что каждому человеку знакомо, понятно и близко.

Давайте выйдем с телекамерой на улицу и опросим тысячу – а лучше десять тысяч, или даже сто тысяч человек. Ну, если прямо так спрашивать: «Тебе чего надо?» – могут и не понять. Могут обидеться, а то и по ушам накидать: грубовато звучит. Ладно, спросим вежливее: «Скажите пожалуйста, что лично Вы считаете для человека главным?». И для туповатых поясним: «Ну вот Вы – Вы как думаете: что для человека главное в жизни?».

Осторожные и осмотрительные могут ответить: «Ну, это смотря какой человек». Или: «Ну, для кого что». К таким пристанем: «Конечно, но ведь есть какие-то общие для всех людей нужды, необходимые вещи, потребности, правда?».

Опросы такие проводились множество раз. И ответы всегда были в общем одни и те же:

1. Здоровье. Не быть больным, калекой, не испытывать телесных страданий – быть полноценным человеком. Молодые редко ставят это на первое место, а старики – почти всегда. Оно понятно: молодость здорова и об этом мало задумывается, а старикам и больным куда как ясно: нет здоровья – так и делать что-либо трудно, и близким тягость и огорчения, и вообще от жизни меньше удовольствий. Здоровье, что называется, для всего в жизни условие недостаточное, но необходимое.

2. Благополучие семьи и родных. Чтоб дети выросли здоровыми, умными, хорошими, богатыми, чтоб родители не хворали и жили долго и в достатке.

3. Материальная обеспеченность. Иметь все нужные вещи, деньги на расходы и сбережения про черный день, жить лучше некоторых и во всяком случае не хуже других.

4. Хорошая работа. Чтоб она нравилась, доставляла удовлетворение, была престижной.

5. Уважение окружающих, хорошие отношения с людьми, высокое их мнение о нас.

6 (а может быть первое, особенно у молодых). Любовь. Взаимно любить, быть счастливым в любви, иметь родного человека, с которым всем можно поделиться, не быть одиноким.

7. Карьера. Иметь в жизни большую цель и добиться ее.

8. Слава. Чтоб все тебя знали и ты был для них ого-го.

9. Много путешествовать, увидеть мир, знакомиться с интересными людьми, и вообще жить интересно, полной жизнью.

Примерно так. И, наверное, это любому надо. И, ей-Богу, ни один нормальный человек против этого не имеет что возразить.

И все нормальные люди этого хотят. И если чего-то из перечисленного у них нет – то они в принципе хотели бы свое положение как-то поправить, улучшить.

Вернейший показатель ценности в глазах людей – все родители желают этих благ своим детям. Главное – вот чтоб было все вот это. А уж остальное – не так важно, потом; как получится; как Бог даст. Да и чего еще желать?

ЗДОРОВЬЕ. Гробят всевозможными способами. Пьют, курят, употребляют наркотики. Переедают, недосыпают, мало двигаются. Перенапрягаются, нервничают. Сначала машут на это рукой, потом оправдываются всевозможными обстоятельствами. А если кто скрупулезно следит за своим здоровьем, то выглядит в глазах окружающих человеком неполноценным, слегка идиотом.

БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ. Ругаются, тиранят родных, лгут, изменяют, заначивают деньги. Забывают родителей, бросают детей. Погружаются в собственные дела и интересы настолько, что для семьи уже нет времени. Пьют, шляются неизвестно где, ввязываются в сомнительные авантюры. Благополучная семья – большая редкость.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. Проигрывают в азартные игры все. Пускаются в аферы и разоряются. В погоне за излишним лишаются необходимого. Пьют. Ленятся. Отказываются от высокооплачиваемой работы ради менее денежной, объясняя это моральными принципами или интересом. Тратят деньги на явно ненужные вещи, а в тяжелый час идут по миру нищими.

ХОРОШАЯ РАБОТА. Большинство людей к своей работе равнодушно или, более того, ее ненавидит. Могли бы жить на ренту – бросили с восторгом. Мечтают сбросить это ярмо и, эх, жить бы так, как хочется. Устают, переутомляются, мечтают об отпуске. Занимаются черной поденщиной – ради денег, которые в таком количестве не являются для них строго необходимыми.

УВАЖЕНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ. Вот уж на что хотелось бы наплевать! Да эти окружающие – в большинстве или сволочи, или дураки, а чаще и то и другое вместе. Они завистливы. Они всех меряют по себе. Они не прощают чужих успехов – или сотворяют себе кумира. Я хочу делать то, что хочу я, а если им это не нравится – пусть подавятся. В крайнем случае создам для них свой имидж – псевдообраз, который им приятен. И укроюсь за ним.

ЛЮБОВЬ. Если почти все люди хотят любить и быть любимыми – то уже просто по закону больших чисел большинство должно это иметь.

Жизнь убеждает нас в том, что ничего подобного. Ох да не так часто это бывает. Почему, собственно?

Может, слабо хотят? Да нет, ежедневно люди кончают с собой из-за несчастной любви. Причем кончат незначительное меньшинство, а большинство несчастных кое-как, и часто довольно успешно, живет дальше.

Может, по своим данным, так сказать, недостойны? Тогда самые красивые, самые сильные, умные, богатые и энергичные уж точно должны быть в любви успешнее остальных. Тоже нет! Вот вам неудачливые в любви кинозвезды и топ-модели – жалуются, разводятся, скандалят и не могут обрести желаемое – и вот обычнейшая пара: друг на друга надыхаться не могут, и соседи завидуют.

Может, мало стараются неудачники? Хм. У одних все как-то хорошо получается само собой, а другие всю жизнь терзаются, перебирают партнеров – без всякого конечного успеха.

Можно пожертвовать своей любовью всем на свете, совершить легендарные подвиги – и остаться у разбитого корыта.

Почему, зачем эта «главная ценность» связана так часто с огромным количеством страданий, лишений и всяческих несчастий? Заниматься сексом, рожать детей и преуспевать в жизни вполне можно и без любви. И хлопот куда меньше. Так зачем она нужна?

Мудрецы долго думали над этой проблемой и сообщили человечеству, что тут есть много нюансов, но в общем это Великая Тайна. Большое спасибо мудрецам, они всегда умеют сказать что-нибудь если не полезное, то хотя бы утешительное.

КАРЬЕРА. Перенапряжение, лицемерие, трепать нервы, прогибаться перед начальством, сносить попреки, переступать через людей. Королем рекламы сделаться, или автомобилей, или боссом стройкорпорации? Реклама пытается всучить ненужную дрянь, от автомобилей на улицах не протолкнуться, долг за жилье люди полжизни выплачивают, хоть там только ночуют... и на это ты хочешь потратить свою жизнь?

СЛАВА. Вот вам непревосходимая слава Наполеона. Разоренные страны и два миллиона трупов в итоге. Объявите о вашем намерении добиться такой славы заблаговременно – и окружающие примут все меры, чтоб укоротить вас на голову.

Бывает и безвредная слава. Усердно тренируйтесь в плевках, плюнете дальше всех в мире – и попадете в Книгу рекордов Гиннеса. Достойный венец карьеры идиота.

Спортивная слава! Угробленное здоровье, укороченная жизнь и режим, полный тяжелейшего труда и жестоких ограничений. И что он скажет во вратах небесных Апостолу Петру? «Что ты делал в жизни?» – «Я прыгал в длину».

Вдумайтесь в поведение тех, кто отдает свои деньги, чтобы бесноваться на стадионах. Один чемпион мира по кич-борьбе выразился: «Тех кретинков, которые приходят смотреть на нас, я бы в законодательном порядке лишил права иметь детей». Разве не лучше самому заниматься физкультурой, чем сосать пиво и смотреть футбол? Как говорил Аркадий Райкин: «Двадцать два бугая помножить на два часа... это ж сколько пользы они принести могли бы!».

Ну бессмысленное же занятие! А люди по нему с ума сходят. Венец природы, уникальный мозг в голове! а служит эта голова для того, чтобы ею бить по мячу, или по ней бить кулаком в перчатке строго установленного веса. И для этого Господь наделил человека разумом?

Кинозвезда, рок-звезда... Объясните: ну зачем вам надо, чтоб незнакомые люди лепили на стены ваши фотографии и ломались в вашу дверь? Вы что, так любите людей? Так вступите в Братство Милосердия и раздайте неимущим все ваше добро. А завтра поклонники перевернут ваше грязное белье и оплюют вас. А послезавтра забудут.

«А все равно хочется». Тьфу ты...

ВЛАСТЬ. Сородич мой возлюбленный, зараза непоседливая, ну зачем тебе власть? Если ты живешь в достатке, покое и уважении? Зачем тебе огромный кабинет, ты что, в маленьком уже не помещаешься? Зачем тебе в правительство – там что, собрались твои лучшие друзья? да они тебя живьем сгрызут, и ты их грызть будешь. В телевизоре красоваться захотел, лицо тебе нравится? так сделай в доме зеркальные стены. Страну решил облагодетельствовать? Много вас таких. И все приворовывают. А потом плачутся на неблагодарность народа. А народ ругается и на выборы не ходит.

Вы когда-нибудь слышали, чтоб мудрец шел во власть?..

СВОБОДА И ПОЛНАЯ ЖИЗНЬ. Люди совершают преступления, зная, что заплатятся за это свободой. Садятся в тюрьмы за свои убеждения. И со слезой поют о свободе.

А сами не прекращают создавать такие государства, где свободой и не пахнет. И даже «свободные» люди в «свободных» государствах в конце концов всегда устраивают свою жизнь так, что изо дня в день выполняют свои обязанности, свой долг: погрязают в утомительной и бесконечной веренице каждодневных дел. И все их шаги и поступки предопределены той системой, тем образом жизни, который они сами себе выбрали, навязали; и делают они не то, что нравится, а то, что надо. И жалуются, и вздыхают: ах, дальние страны, ах, экзотические путешествия...

Плюнь на все, иди бродяжить, чеши пузо в тенечке. Нет – невозможно: семья, дети, работа, мнение окружающих, плата за жилье. И почти каждый оказывается рабом – рабом собственных представлений о том, как ему надо жить.

И выходит, по Марксу, что нет никакой свободы, а есть одна только «осознанная необходимость»... Да бросьте вы! Еда голодному, кров бездомному – это необходимость. А работать

сверхурочно и трястись над каждой копейкой, чтоб купить новую машину, вместо того чтоб с друзьями водку пить и вообще побольше отдыхать и веселиться – ну какая тут необходимость?

Слушайте, ну кому не хотелось хоть однажды сказать в лицо начальнику, что он хам и дурак, и уйти, грохнув дверь? И что – помер бы ты после этого, нищим оказался, несчастья бы ужасные обрушились? Нет, прожил бы, ничего. Ан глотаем – любя при этом «свободу» и мечтая «делать то, что нравится».

И ведь на все найдем причины и оправдания. А если сыщется правдолюбец, который всегда делает и говорит то, что ему нравится, то дни свои он оканчивает если не в тюрьме, то в богадельне.

Плод свободы – ядро каторжника.

ФИЛОСОФСКАЯ ГОЛОВЛОМКА. Однажды на рынке в древних Афинах Сократ известил сограждан, подошедших вкусить его мудрости: «Я намерен посвятить всю оставшуюся жизнь выяснению только одного вопроса – почему люди, зная, как надо поступать хорошо, во благо, поступают все же плохо, себе во вред». С тех пор прошло две с половиной тысячи лет, развалины Афин находятся на прежнем месте, и по-прежнему далек ответ на этот вопрос.

Никто и не смеет утверждать, что люди – существа простые. Понимают они одно, хотят другое, а делают при этом третье. Так добро бы еще при этом были довольны собой и окружающей действительностью. Нет: вечно они чем-то недовольны, вечно их что-то не устраивает. А если успокаиваются, то будьте уверены, это ненадолго.

Можно, конечно, вздохнуть, что люди несовершенны, надо воспитывать их взгляды и менять психологию. Да уж люди таковы, каковы есть, тысячи лет воспитывали – и чем мы лучше древних греков или римлян? Что, умнее, или счастливее?

УТОПИЯ И ПРОГРЕСС. В древности люди слагали миф о Золотом Веке, когда у всех все было, и всем было хорошо. В новые времена они вознамерились устроить Золотой Век сами – при помощи науки и техники, вооружившись теорией прогресса. Чтоб все трудились по способности – и получали удовлетворение всем своим потребностям. Просто, как все гениальное.

Давайте присоединимся к грандиозному опыту. Создадим такой мир, чтоб там все были здоровыми, обеспеченными, уважаемыми, работающими, свободными, без излишней роскоши. Ну вот такое идеальное государство Платона, только вместо рабов роботы. Утопию сэра Томаса Мора.

Вообще-то в семнадцатом году большевики такое государство затеяли. Очень хотели, чтоб все было хорошо. Кошмарная вышла история. Пятьдесят миллионов убитых и развал страны. Упаси Боже.

Но создатели социализма как учения вовсе такого не хотели. Социализм учит созданию такого государства, чтоб всем людям в нем было хорошо – чтоб все имели то главное в жизни, о чем была речь. И есть большие достижения.

Скажем, Швеция. Процветающая страна. Материальное изобилие. Демократия. Пошли по пунктам:

Здоровье. Ставим плюс: большая продолжительность жизни, прекрасная медицина и фармацевтика, все условия для занятий спортом.

Благополучие семьи. Плюс. Прекрасные детсады, школы, игрушки, летние лагеря, для стариков – шикарные дома престарелых, с хорошими комнатами, хорошей едой, заботливым персоналом и любой медицинской помощью.

Материальное обеспечение. Два плюса. Нищим в Швеции можно быть только при очень большом старании. Безработный? нет денег на жилье, еду, содержание детей? – вот тебе бесплатная квартира, бесплатное образование для детей, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатный проезд в транспорте, и еще деньги на еду, одежду и прочие самочинные расходы. Не разбогатеешь, но будешь жить как человек. Слишком много зарабатываешь? – вот тебе

налоги, роскошествовать незачем, эти деньги пойдут малоимущим, так что и незачем надрываться, пытаюсь заработать слишком много.

Хорошая работа. Плюс. Выбирай любую. Никаких ограничений. Честный отбор желающих. Не нравится? – уходи на пособие, вполне можешь не заниматься ничем, ежели все не по вкусу.

Уважение окружающих. Плюс. Добропорядочные граждане, уважающие друг друга, соблюдай приличия – и все тобой довольны.

Дети! В задаче требуется узнать: чего еще шведам не хватает?

А чего-то им явно и здорово не хватает, потому что Швеция исправно держит первое место в мире по числу самоубийств на душу населения. Вот так.

Не из-за несчастной же любви они так резко страдают больше всех прочих. Вот те свобода секса, вот те браки меж гомосексуалистами, вот те лечение от импотенции.

Изобилие, благополучие, покой и намыленная петля.

И пока психологи всячески осмыслиют эту взаимосвязь – многие страны из кожи вон лезут, чтоб достичь уровня Швеции и во всем на нее походить. Тем временем шведы стараются ограничить приток жаждущих эмигрантов из бедных стран – жалуясь при этом на скуку, одиночество и отсутствие смысла жизни.

... Можно представить себе головную боль Бога, который пытался дать человеку все, что человеку надо.

КАМО ГРЯДЕШИ – КУДА ПРЕШЬ? Но основной-то части населения жить хочется. А хорошо жить – еще лучше.

И как минимум, если рассудить, чтоб человек имел все нужное и желаемое – он, для начала, должен вообще жить, существовать, так сказать. Для этого ему необходима планета, годная для обитания. Есть такая планета – пока. И что делает наш «человек разумный»? С удивительной энергией превращает свою планету в для обитания непригодную. Леса сводит, океан загаживает, недра выкачивает, почву истощает – далее подробности в газетах. Ну, стали как бы пытаться поменьше гадить, поаккуратней, законы принимаем и комиссии создаем для охраны окружающей среды – но тенденция сохраняется неизменной. И ведь понимает человек, что лишает сам себя необходимейшего – ради излишнего: годную одежду выкидывает, несъеденные продукты уничтожает – но труды свои в поте лица продолжает. Скотина.

Ученые предупреждают: еще пара веков так – и хана. Ничего, отвечают люди, потомки что-нибудь придумают. Авось утрясется. Нет, других-то вы прижучьте, но уж я-то свой миллион на нефти сделаю, не мешайте.

* * *

У бессмертного Швейка был знакомый трактирщик Паливец, мизантроп и грубиян, так у него все рассуждения сводились к умозаключению: «Человек-то думает, что он венец природы, а на самом деле он дерьмо».

Самокритика вещь безусловно полезная, но хотелось бы также сделать и какие-нибудь конструктивные выводы.

Плохо у нас, товарищ, с конструктивными выводами. Глеют в земле кости просветленных мудрецов и пламенных борцов за счастье человечества, ветшают и рассыпаются миллиарды книг в бесчисленных библиотеках, и не доносит дальний ветер никакого ответа.

Ломай голову сам, мучься: почему так выходит? зачем живешь? что тебе надо? Неправильно живут люди!.. Но почему?!

Почему не жить только по уму и по совести? Знаем часто, что не то делаем – а хочется. Хотим удовольствий – а не обходимся без страданий. Почему не получается, чтоб все было хорошо?

Почему часто по собственной воле поступаем вопреки собственному знанию о своем благе и счастье? Почему губим себя?

Суедемся всю жизнь, трудимся, радуемся, терзаемся – а чем все кончится?.. Вам привет от царя Соломона. «Все пройдет», – было вырезано на его перстне. «И это тоже пройдет» – было вырезано на нем же изнутри.

2. Воспоминания

В какой бы жизненной проблеме мы ни разбирались – у нас есть только две вещи для этого: память и разум. В памяти хранятся весь опыт и знания – мы вспоминаем и обдумываем.

Собственно живем мы только в настоящем мгновении. Жизнь – как планка шириною в миг, которая движется по пространству времени: еще не существующее будущее на миг становится реальным и конкретным настоящим – и тут же уходит в пережитое прошлое.

Воспоминания у каждого всегда при себе. Покуда в здравом уме и твердой памяти – все можно понять, во всем разобраться.

И мы в мире, и мир в нас. Человек есть то, что он помнит.

ЧТО ЧЕЛОВЕК ПОМНИТ? Мамина улыбка, папин ремень, сломанная игрушка, первый школьный звонок, первая любовь, первая учительница... черт... не могу вспомнить, как ее звали. Вехи судьбы, повороты карьеры... всегда забываю, какого числа я женился.

И вот начинаешь вспоминать – и удивляешься: как много забылось, стерлось, размыто дымкой. Иногда – жизнь решалась, так дорого было: война, тюрьма, смерть... и уже не вспомнить имен, дат, подробностей. Одно помнится – а другое вылетело начисто.

Ерунды вспоминается предостаточно, особенно под утро в бессоннице. Бессмысленные эпизоды, сцены, картинки. Где же цельная, внятная канва жизни моей?

Память, конечно, инструмент несовершенный – но в чем логика этого несовершенства? Помню из детства запах, волнующий, свежоошкуренной кленовой палочки – но не вспомнить имени соседского мальчика, кумира и покровителя, который впервые дал мне прочесть «Остров сокровищ».

ВАЖНОЕ – НЕВАЖНОЕ. По идее, лучше всего человек должен помнить самые главные события в своей жизни.

Но кто не сталкивался: пишешь для какой-то казенной надобности автобиографию на одну-две странички – и то вдруг трудно вспомнить, когда куда ездил, как сменил работу, сколько зарабатывал. А ведь это было так важно, к этому так стремился!

Историкам известно: никто не врет так упорно, как ветераны – авторы мемуаров. Реальные факты и детали мешаются у них с придуманными и просто с провалами памяти. Генерал забывает ход сражения, летчик – маршруты полетов, стрелок – устройство оружия. Зато трофейные швейцарские часы, которые у него командир отобрал, помнит до тонкостей.

Забыл, за какой партией сидела любимая девочка, ее адрес и телефон, во что она была одета и что сказала при первом свидании – а помнишь, как она выламывала зубчики из расчески, когда ты назначал ей это свидание.

Забыл имена ребят, с которыми работал в тайге – а помнишь, как украл у мастера топор. Помнишь с армейских времен фамилию командира разведки – и начисто не помнишь, чему он учил. Бред.

Каждый может напрячь память – и убедиться: совсем не все, что казалось когда-то самым важным, хорошо помнится.

НЕДАВНЕЕ – ДАВНЕЕ. На это нетрудно возразить, что нельзя всю жизнь помнить все, старые воспоминания вытесняются более свежими. Как бы у памяти есть сроки хранения для каждой вещи – чему три года, чему двадцать; объем памяти ограничен, и по прошествии

срока хранения старая информация заменяется свежей – вроде как продукты в стратегическом складе НЗ.

Тогда почему имена и лица школьных друзей помнятся лучше, чем недавние сослуживцы? А плохой старый фильм – лучше хорошего недавнего?

Всем известна специфика старческой памяти: забывать вчерашние события, но помнить давно прошедшие. Путают глобальные политические катаклизмы последних лет – но отлично помнят день полета Гагарина.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ. Можно сделать предположение, что прочнее человек помнит не главное лично для него – а эпохальные события, великие свершения: войны, революции, катастрофы. Может, память отдельного человека, независимо от его личных интересов, в первую очередь отвечает потребности коллективной памяти человечества?

Ага... Журналисты и следователи давно пошутили: «Никто не врет так, как очевидцы». Ветхий ветеран 18-го года – название своей конармии забыл, направление походов забыл, а помнит как в полы длинных кавалерийских шинелей пульки вшивали для тяжести – чтоб по ветру не плескались.

Вы понимаете: как солдата в 41-м мобилизовали – он уже не помнит, а как мать его в очередь за солью отправила – помнит.

Вот и составляй тут объективную картину прошлого.

НУЖНОЕ – НЕНУЖНОЕ. Но все-таки память – не бессмысленное нагромождение прошлого. У нее своя функция есть, как у всего в человеке. Помнить надо прежде всего то, что тебе для жизни необходимо. Свое имя, язык, адрес, родных, рабочие навыки. Полная потеря памяти в результате травмы, болезни, возвращает человека в младенческо-животное состояние: он не умеет пользоваться ложкой, унитазом, вообще не способен жить без ухода.

Но чем тогда объяснить, что можно забыть о важной встрече – и вспоминать в назначенную ей минуту, как в детстве тебе подарили велосипед? Чем прогневила Бога старушка, которая не помнит названий ближайших улиц, потеряла записную книжку с адресами родных, путает имя собственной домработницы – но увлеченно описывает ей подробности своих девичьих нарядов? Если это склероз – то почему у него такая странная избирательность?

И откуда знаменитая рассеянность великих ученых и художников, которые забывают о поездках, обедах и вообще иногда не знают, где они находятся?

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНАЯ. Ну, давно установили, что в памяти есть, условно говоря, два отдела: «хранить вечно» и «обновлять по мере надобности». В первом хранится все самое важное для личности человека, и заполняется этот отдел в детстве и молодости, когда человек формируется. А во втором – всякие детали, необходимые человеку для жизни в настоящее время, они меняются по мере обстоятельств и забываются легче, не так глубоко впечатаны. Это понятно.

Непонятно другое: в «стратегическом» отделе масса барахла и отсутствуют воспоминания о вещах важных, а из «оперативного» исчезают иногда вещи наиболее актуальные.

Вот вам физиология – после инсульта, когда поражаются и выходят из строя участки мозга, часто целиком или частично утрачивается речь. Забыл человек слова, лишь несколько произносит. Какие же? Матерные, как правило, ужасая и без того горюющих родственников. (И при даче наркоза часто то же самое.) Он был отчаянный сквернослов? Нет, интеллигентнейший человек. Почему ругательства, на что они нужны, причем тут его личность? Вот вам прочно впечатанные слова и понятия.

ХОРОШЕЕ И ПЛОХОЕ. Вот Фрейд со свойственной ему простотой решал этот вопрос так. Человек помнит то, что ему хочется помнить, а что не хочется – то забывает. Приятно, нравится, служит к самоуважению – помнит. А неприятности и скверные поступки – забывает. Мораль и самолюбие требуют, чтоб ты был хорошим, сильным, достойным. А инстинкт жизни требует, чтоб ты получал в жизни (в том числе от воспоминаний) удовлетворение, то есть жил

в согласии с собой, своей личностью, своими потребностями. Если это не совпадает – мучит совесть, раскаяние, или неудовлетворенные вожделения, – короче, возникают отрицательные эмоции. Возникает разлад с самим собой. Ты собой недоволен – а поделать ничего не можешь, коли это уже свершилось в прошлом. Это мешает жить, ведет к психическим заболеваниям. И подсознательно человек, ведомый инстинктом жизни, «наводит порядок» в своей памяти, «чистит» ее, подтасовывает. Любому ведь хочется, чтоб жизнь его была получше. Вот в прошлом она и представляется лучше, чем была на самом деле. Что пройдет, то будет мило.

Выглядит это очень правдоподобно. Человеку свойственно самообольщаться. Даже в зеркале он видит себя не таким, как на внезапном фотоснимке: перед собой он приосанивается, делает «нужное» лицо. Завышенная самооценка – обычна. А уж в зеркале памяти кто тебя поправит, тут своей прошлой жизни ты полный хозяин. Были когда-то и мы рысаками: все старушки были красавицы, все старички – герои.

Да. Вспоминать хорошее – приятно: любовь, удовольствие, геройство. Вновь переживаешь в воображении, мечтательно корректируешь, как могло быть еще лучше. Плохое – гонишь. Со временем и не различишь, что вправду было, а что подрисовал себе.

«Задний ум» берет в памяти реванш: вот так надо было! И память неизбежно корректируется идеалом поведения, идеалом своего образа.

По этой логике неприятные, мучительные воспоминания должны из памяти изгладиться. К чему бесплодные отрицательные эмоции?

Ан нет! У каждого есть тайный сундучок ужасных воспоминаний. Непрощаемые себе до смерти поступки. Неизжитые оскорбления. Роковые ошибки. Нахлынет вдруг – и стон наружу: боль и стыд жжет. Сквозь всю жизнь.

.....

Получается так. Человек помнит скорее хорошее, чем плохое, скорее важное, чем неважное, скорее новое, чем старое, – то есть память устроена разумно и понятно. Но только отчасти. А отчасти – наоборот: неважные мелочи помнятся долго, а важные и хорошие события забываются. Интересная штука.

А КАК ПРОИСХОДИТ ЗАПОМИНАНИЕ? Вот мы что-то видим, слышим, осязаем, обоняем. От органов чувств информация поступает через нервные клетки в определенные участки коры и подкорки головного мозга – сигнал! И в клетке мозга хранится как бы слепок этого сигнала. По требованию другого участка мозга клетки памяти воспроизводят, повторяют этот полученный когда-то сигнал. Эти процессы происходят на уровнях /био-/ физическом, химическом, электрическом: расширяются сосуды, увеличивается приток крови, активизируется образование элементов и веществ, меняется разность электропотенциалов ядра и мембраны клеток. Известно, что для улучшения памяти организму полезны йод и фосфор, что энцефалограмма – запись на ленту био-электротокков разных участков мозга – говорит об его состоянии и здоровье. А что дальше – наука пока не в курсе дела.

То есть. Вспоминая, определенные клетки мозга возбуждаются, активизируются, забирают какое-то количество энергии организма и, преобразуя ее в импульсы центральной нервной системы, воспроизводят сигнал как комбинацию напряжений, которую они когда-то получили извне на хранение. И в нашем сознании оживают изображение, звук, форма.

По всей логике вещей, чем сильнее был полученный сигнал, чем больше было возбуждение органов чувств – а оно через периферическую нервную систему передается в центральную – тем сильнее он запечатлелся, тем сильнее может быть воспроизведен. Это как выстрел – и отдача, звук – и эхо, действие – и противодействие. Чем больше рана – тем больше и дольше остается шрам, чем тяжелей нога – тем глубже след.

Все дело в силе возбуждения нервов.

Просту мы обычно называем это силой ощущений. Переживаний, чувств. Остротой впечатлений.

При таком подходе все объясняется.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И УПРАЖНЕНИЯ. Учителя и тренеры знают лучше других, что память развивается постоянными упражнениями. Разведчик тренирует зрительную память, музыкант – музыкальную. Нарбатывается навык концентрировать внимание на том, что нужно. И по мере тренировок сознательное усилие заменяется рефлексом. Усиливается возбуждение «запоминающих» зон мозга.

И вот один феноменально помнит лица, другой мелодии, третий математические формулы. С возрастом нервная система слабеет, слабеет память – но у стариков-профессионалов это компенсируется рефлекторной способностью сильно возбуждать запоминающие центры. Отчего и запоминают они нужное порой получше молодых, да неподготовленных.

Чтобы запомнить школьное правило, рекомендуется его не только прочесть, но и записать, и сказать вслух: включаются и зрительная, и моторная, и слуховая память – все три пути поступления информации работают на одно и то же запоминание, усиливая друг друга: очаг возбуждения в подкорке головного мозга как бы раздувается тремя струями вместо одной.

ПАМЯТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ. Коли так, активный ум, сильная и легковозбудимая нервная система – означает хорошую память. Ею и отличался ряд гениев, как Наполеон или Эдисон. Но были и абсолютно заурядные личности с исключительной памятью. Более того – известны случаи (психиатрия считает их патологией), когда человек помнит абсолютно все, что узнал, увидел, пережил; с равной яркостью помнит и важные события, и ничтожные детали. Люди такие неумны и неактивны и не живут долго. Попробуй-ка, когда нервная система постоянно перегружена гигантским трудом: помнить все.

Но плохая память соответствует низкому интеллекту? Тоже не обязательно. Один из примеров гениальных ученых с плохой памятью – Эйнштейн. Да не интересовался он подробностями, его волновали абстрактные идеи – на них он был сосредоточен, в этом и достиг вершин.

Мощная работа центров памяти не обязательно означает мощную работу остальных участков. А слабость памяти – еще не слабость ума вообще. Хотя и взаимосвязаны: возбуждение в мозгу не вовсе локально, оно распространяется на соседние участки.

Но уж – кого что возбуждает.

СТАРОСТЬ – МОЛОДОСТЬ. Банально: в детстве-юности память хорошая, в старости плохая. Нервные клетки с возрастом обывествляются, отмирают – помнить нечем становится. Юные нервы – свежи, быстры, возбудимы. И – идет закладка информации для формирования личности на всю жизнь. А идет она стихийно, во многом хаотично, широкой струей. Поэтому даже ничего не значащие картинки – вид дерева из окна, соседская собака, платье родственницы – запечатлеваются часто на всю жизнь. Прочно запоминаются обиды и радости – это со взрослой точки зрения их поводы бывают ничтожны, а ребенок переживает сильно. Дело не в поводе к ощущению, а в самой способности к нему, а уж повод всегда найдется. Ребенок легко и быстро возбуждается: легко смеется, легко плачет, легко усваивает языки и навыки. Чувства свежи, эмоции остры, ощущения сильны, яркие.

НОВИЗНА И ОПЫТ. В детстве, юности многое происходит впервые. А первый раз – это открытие нового, столкновение с неизвестным, постижение непознанного. Брать или бежать? Друг или враг? Каково это, что делать, как реагировать? Организм предельно мобилизуется, не зная, к чему именно быть готовым. Ко всему! Границы явления непознаны, неизвестны! Возбуждение происходит предельное, «с запасом». Хулиган с ножом не так страшен, как полночное привидение с косой. Казалось бы, какая разница, кто и как хочет тебя убить, опасность-то одинаковая. Нет – хулиган понятен, а от привидения не знаешь чего ждать и как спастись, тут и у храбрейшего рыцаря волосы дыбом встанут.

Вот первый раз остро и запоминается. А с повторяемостью событий ощущения притупляются, сглаживается впечатление: уже знаешь, что это такое и как на это реагировать, излишнее возбуждение ни к чему.

Солдаты и преступники лучше других знают, что ожидание возможности смерти (атаки, ареста) – обычно страшнее и мучительнее непосредственной встречи с угрозой. «Ведь самый страшный час в бою – час ожидания атаки». Неопределенность, неразрешенность ситуации изводит – организм мобилизуется, напрягается для встречи и борьбы и возбуждение такой силы долго не переносимо, не выдерживает перегруженная психика. Вот молодости – первому экзамену, первой близости с женщиной, первому преступлению и первому бою – сопутствует аналогичное напряжение: мобилизация перед неизвестностью. Вот и впечатывается, помнится.

А старики чувствуют слабее. Нервишки истрепались, сердце еле кровь гонит, вообще не тот уже организм. И опыт есть: все уже в жизни известно, пробовано. И инстинкт жизни ослаб. Невозможны былые возбуждения. Откуда ж тут взяться хорошей памяти...

СЛУЧАЙНЫЕ ФАКТОРЫ. Но вообще в жизни человека выборочность многих воспоминаний как бы произвольна. Возбуждение чувств – сильные, незаурядные ощущения – зависит от разных факторов, мы их обычно не учитываем.

Скажем, по личным биоритмам человека сегодня день активности. На скачок атмосферного давления нервы тоже реагируют. Последнее время много работал, устал, а тут выдался свободный вечер, и погода хорошая. От детей пришло хорошее письмо. И вот видишь в электрическом свете уличного фонаря зеленую листву на фоне темносинего неба – и надолго-надолго запоминаешь этот кадр. Красиво. Хорошо. Миг удивительной и чистой отрады в душе.

Или наоборот: ну все было так хорошо – и вдруг тебя киоскерша обхватила. Не будь все хорошо до этого – плюнул бы и забыл тут же. А так – помнишь...

БЫЛО – НЕ БЫЛО. Почему память о несбывшемся часто крепче памяти о том, что было на самом деле?

Скажем, мужчине свойственно вспоминать женщин, с которыми был близок. Живописуя и обогащая подробности. Положительные эмоции, приятные ощущения, хорошая и богатая жизнь в прошлом – понятно. Но – не реже, а часто сильнее и желаннее вспоминаются те женщины, до собственно обладания которыми дело не дошло. С чего? Или тебе не настолько хотелось, чтоб идти до конца, или просто отказ получил, – в любом случае воспоминания должны бы быть на порядок слабее тех, где хоть есть о чем вспомнить.

Нет же: рисует себе в воображении блаженство неземное – которое не испытал и с женщинами куда более желанными и близкими.

Тут когдатощнее сильное возбуждение осталось без естественного разрешения. В мозг впечаталось это возбуждение. С кем переспал – там слабеющие, исчезающие ощущения (пресытились, надоело, расстались) наслоились на сильное, заслонили его, вытеснили. А с кем «на взлете» расстался – та в эротических фантазиях прямо Клеопатра.

Несовершенные поступки, несбывшиеся желания тем и помнятся сильно, что реального разрешения и от него естественного успокоения не случилось.

М ы п о м н и м о щ у щ е н и я. В том смысле, что в основе любого воспоминания лежит возбуждение чувств.

ВОЗБУЖДЕНИЕ – ОТУПЕНИЕ. Поэтому события чрезвычайной, судьбоносной важности отнюдь не всегда хорошо помнятся. Оттрубил зэк пятнадцать лет в концлагере, чудом жив остался, каждый день в голоде-холоде невыносимой каторги загнуться мог. Каждый день – на пределе всех сил выживал. Казалось бы – все в памяти должно отпечататься намертво. Нет, куда как не все... От чудовищных нагрузок отупение наступает, как на автопилоте тянет человек. Приходит утром бригадир в барак, зачитывает список: «Ты, ты, ты и ты – после обеда идете на расстрел». Расстрел так расстрел, никаких эмоций у полутрупов не осталось. Это писатель Сергей Снегов рассказывал, он семнадцать лет в заполярных зонах на общих работах отбыл,

невероятного здоровья был человек. И остается в памяти, кроме редких случаев, нарушавших каждодневное течение, только это вот предельное отупение от мук.

А посиди так всего недельку – каждый час ее до гроба запомнишь.

Что помнит пехотинец о войне – если не по глянцевым мемуарам и юбилейным митингам? Огромную, мучительную усталость. Отдохнуть, поспать хотелось. И постоянное, изматывающее ожидание опасности, что убить могут. Мечту с передовой оттянуться. Все прочие воспоминания – уже потом, слабее.

РЕАЛЬНОСТЬ И ВПЕЧАТЛЕНИЕ. Не в реальности, стало быть, дело, а в том, какое впечатление она на нас произвела.

Умирал в пустыне от жажды – а тебя спасли, напоили. Не забудешь. А для спасательно-розыскной группы ты – двадцатый клиент за сезон. Работа такая. Чего тебя особенно запоминать.

Выздоровливающий больной лучше помнит врача, чем тот его.

Монахиня согрешила единожды, а старая проститутка пропустила десять тысяч клиентов. Понятно, кто лучше помнит акт.

Есть у Шукшина рассказ «Гармонь играет»: уж не помнит замученный жизнью мужик, как женился, а помнит до слез, как отчаянным парнишкой скакал на жеребце ночью сквозь грозу.

СЛОВО И ЧУВСТВО. Матерная ругань – предельное выражение экспрессии, выражение сильных чувств. Из всего речевого запаса именно мат соответствует наибольшему возбуждению. Эти слова, врубленные в память сильнее прочих, и хранятся до последнего – даже у инсультника-паралитика.

Глубже впечатано только первое и главное, базовое, слово «мама», с которым так часто умирали в забвении даже мужественнейшие бойцы...

ВДОХНОВЕНИЕ И РАССЕЯННОСТЬ. Вот человека что-то сильно взволновало. Определенный участок мозга пришел в сильнейшее возбуждение. Этот очаг возбуждения доминирует над прочими. Доминанта бывает так сильна, что прочие участки возбуждения «забываются» ею, гасятся, слабеют, делаются неразличимы: максимум энергии мозга сосредоточен на главном.

Узнал вдруг, что дом сгорел – или миллион долларов в лотерею выиграл – и забыл вдруг, что зуб болел, и перестал он болеть, только назавтра и вспомнил о нем, что болел ведь вроде.

«Вдохновение» художников и ученых – это сильнейшее перевозбуждение нервной системы, голод-холод перестают ощущать, и такие озарения им хорошо помнятся. А что при этом разные носки надел, или соль в чае размешал, или про поездку забыл – какая ерунда, слишком он сосредоточен на другом, на главном.

* * *

К кому милостив Бог, тому дает он перед смертью покой и время: отдать распоряжения, попрощаться с близкими, подвести итоги. И, расставаясь с жизнью, пройти ее в памяти: вот она, моя жизнь... она была ничего... хороша была. Отошла суета, остался перед последней чертой наедине с главным, с жизнью своей.

Что помнишь, то и главное, а другого нет. Не рокот космодрома, а трава под окном.

Почти все запоминание происходит подсознательно. Не то помним, что нужным помнить считали, а то, что естеству нашему, значит, потребно.

И получается, что для нашей памяти важнее всего сила ощущений.

То помним, что крепче отпечталось. То крепче отпечталось, что острее ощутилось.

Человек есмь.

3. Ощущения

Когда человек здоров, ничем не измотан, нормально отдыхает, и ему улыбается удача, и на работе и в семье все в порядке – сам процесс жизни доставляет удовольствие. Приятно ощущать бодрость своих мышц, и сон хороший, и аппетит.

И вот стряслось что-то ужасное. Взволновало. Заснуть не может. Просыпается разбитый. Аппетит пропал, даже любимые блюда есть не хочется. Вместо того, чтоб после работы посидеть на диване перед телевизором, ходит как заведенный взад-вперед по комнате, или вышагивает часами по улицам, или на машине гоняет.

Понятно, огорчен человек, переживает. Но по логике вещей действовать он должен наоборот: беречь и собирать силы, чтоб преодолеть неприятность, наладить хорошую жизнь. Ведь голод, сон – инстинкты, организм должен требовать их удовлетворения! Нет: есть не хочет, спать не хочет, худеет человек и чахнет.

А некоторые от волнения, наоборот, начинают есть без остановки. Жизнь рушится, а он толстеет.

Объективно потребность в пище вроде не изменилась, организм выполняет прежнюю работу, нуждается в том же количестве энергии. А чувство голода – изменилось. И поведение диктуется этим чувством.

Ощущение голода – знакомо, изучено, управляемо. Хлопнул перед обедом водочки, закусил остреньким – и аппетит разыграл. А для толстых – масса препаратов изобретена, чтоб жрать меньше хотелось.

Кушать – потребность основная, базовая: инстинкт. А определяется она через ощущение. И мера удовлетворения ее тоже определяется через ощущение. И влияют на эту объективную потребность самые субъективные факторы: и настроение, и ситуация, и вкус.

ПОТРЕБНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ. Кому ж не известно, что горе, радость, страх сильно влияют на человека, могут менять его самочувствие: от горя можно заболеть и умереть даже, от счастья – выздороветь. Меняется обмен веществ, работа всей эндокринной системы. Страх может парализовать, лишить способности действовать даже для спасения своей жизни – а может, наоборот, вызвать небывалые силы: тут хилый человек огромные тяжести ворокает, через стены перепрыгивает. Уж очень надо! Недаром многие любопытствуют: пустить за спринтерами разъяренного тигра – пролетят стометровку за девять секунд, это круче любого допинга будет.

Получается, что ощущения могут менять границы возможностей организма. Влияют на его первейшие потребности – вплоть до усиления или ослабления самого инстинкта жизни в целом.

Собственно, все потребности и осознаются через ощущения. Хочу! – жить: дышать, есть, пить, спать, совокупляться. А без этого никак. Удовлетворяю свои желания – хорошо, отлично!

Мало. Хочу! – денег, славы, власти, приключений. (Почему хочу – об этом ниже, в 4-й и 5-й подглавах.) А что такое желание? Это то же ощущение. Иногда так и говорят: «ощутил желание». Природа их одна: возбуждение участков мозга. Вижу, слышу, обоняю – и хочу! Ощущаю мир и себя в нем. Я ощущаю – значит я живу.

СЕНСОРНЫЙ ГОЛОД. Есть много трактовок и определений того, что такое жизнь. Например: «Форма существования белковой материи». Но человека-то обычно интересует жизнь собственная.

Под «жить» обычно имеют в виду «что-то делать». А можно ли жить, ничего не делая? Запросто! Многие даже сказали бы «С удовольствием! Если б условия позволили...» Под этим они подразумевают не работать – но веселиться, путешествовать, то есть все-таки что-то делать.

Вовсе ничего не делать скучно. Но можно. Вождам некоторых полинезийских племен было табу делать что бы то ни было, даже кушать самим: подданные их носили, умывали, кормили с рук. Паралитик может всю жизнь пролежать в постели, но никто не сомневается в том, что он живет, он может быть даже крупным математиком, писателем, изобретателем, известны такие случаи. Мысль его работает, а думать не запретишь.

Мыслью – следовательно существую? Еще нет.

Ставились такие опыты. Человек в специальном скафандре погружался в жидкость такой плотности, чтоб он там свободно плавал – своего рода невесомость, чувство земного притяжения он переставал испытывать. Резервуар находился в абсолютно темной камере, так что было не установить, где верх, где низ, и видно ничего не было. Ни звуков, ни запахов. Руки в специальных перчатках, каждый палец в отдельном просторном цилиндрике, осязание тоже практически отсутствовало. Все внешние ощущения переставали поступать. Нигде не давит, тело свободно, свежий воздух для дыхания поступает – никаких неудобств. Находишь себе неизвестно где и как и думай сколько влезет.

Через считанные часы испытываемые, молодые здоровые добровольцы с устойчивой психикой, начинали сходить с ума. Начинались галлюцинации, страхи, поднималось и падало кровяное давление, нарушались функции внутренних органов. Человеку просто грозила смерть. Ученые снаружи следили за этим по показаниям датчиков на его теле.

Сенсорный голод – недостаток ощущений извне – вещь страшная, разрушительная. Испытуемые старались думать о чем-то, решать задачи, вспоминать стихи, но мысли их делались сбивчивыми, отрывистыми, исчезало ощущение времени, ощущение своего тела, и вообще ощущение реальности: состояние делалось кошмарным.

Ведь даже слепоглухонемой паралитик, несчастнейший из людей, отгороженный от всего мира, что-то ощущает, хоть частично: тяжесть своего тела и тем самым положение его в пространстве, жару или холод окружающего воздуха, прикосновения к лицу, вкус и температуру пищи. А у нормального человека без всяких ощущений извне – в мозгу тут же начинается паника: регулирующие всю жизнедеятельность центры не получают привычной информации, необходимых возбуждающих сигналов, и работа их разлаживается, организм удивительно быстро идет вразнос к гибели. Все органы здоровы, все питательные вещества в достатке – но полное отсутствие ощущений извне – то же самое с точки зрения организма, что тяжелейшее заболевание тех самых участков центральной нервной системы, которые отвечают за поступление информации.

Только отсутствие воздуха или слишком большая жара или холод убивают быстрее. Даже без воды человек проживет дольше, чем без всех ощущений. Они организму совершенно необходимы.

Ноги ходят, руки делают, рот говорит, кишки переваривают, а мозг управляет всеми этими умельцами: следит за получаемыми сигналами и шлет туда приказы. Он главный! И для этого главного *жизнь – комплекс ощущений*.

ОЩУЩЕНИЕ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? Африканский колдун приговаривает виновного к смерти, и тот в несколько дней умирает без всякого дополнительного воздействия: мозг «знает», что приходит смерть – и в самом деле умирает. Дикарь, говорите? Ну-ну...

Что такое внушение? Воспринятый мозгом приказ извне на определенные реакции, ощущения.

Пожалуйста. Загипнотизированному внушают, что сейчас прижгут руку каленым железом – и прикладывают обычную линейку. Он кричит от боли – а на руке появляется страшнейший ожог! Как, отчего, почему?! А мозг реагировал на прикосновение как на ожог, информировав весь организм: ожог! жжет, больно! Рука дергается, кожа краснеет, лимфатическая, защитная, система мобилизуется, защитные тела бросаются спасать пораженное место, выпускает волдырь, кровеносные сосуды сужаются, чтоб не разнести по организму возможную заразу

и остановить скорей возможное кровотечение, для этого же в кровь выбрасываются коагулянты, чтоб в пораженном месте сразу свернулась и закупорила поврежденные сосуды: полная картина реакции на ожог – без самой термической травмы.

А у прокаженного, когда отмирают проводящие нервы, можно ампутировать руку без наркоза – он ничего не почувствует. Мозг судит о происходящем по поступающему сигналу, соответственно возбуждающему.

Еще опыт, уж вовсе страшноватый. Ставился в шестидесятые годы в американской тюрьме. Приговоренному к смертной казни убийце предложили вместо повешения способ ухода другой, сравнительно безболезненный и комфортный: ему вскроют вены на руках. Повешение вещь неприятная, узник согласился. В назначенный час объявили ему об исполнении приговора, привели в исполнительную камеру, там надзиратель с тазом, врач со жгутами и скальпелем, пристегнули к креслу, завязали глаза. Перетянули руки жгутами, чтоб вены вздулись. А затем врач провел ему поперек вен тупой стороной скальпеля – и стали тихо лить ему на запястья тепловатую, температуры тела, воду, стекавшую в таз. Сняли жгуты. Ну – имитация.

Что ж убийца? Стала появляться мраморная бледность, синюшность губ, давление падает, сердце бьется слабее, потеря сознания, обморок, ослабление всех функций, остановка дыхания и сердца. Смерть.

Вскрытие показало: практически все главные симптомы кровопотери. Кровь перестала приливать к мозгу, а он первым погибает от кислородного голодания.

Мозг был обманут. Ощущение оказалось жизненно важнее объективной реальности. Для мозга было единственно реальным то, что ощущалось. И все реакции центральной нервной системы определялись этим ощущением.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ. Напрашивается вопрос: если верно прямое утверждение – должно быть верно и обратное? Если «внушением ощущения» можно покалечить и убить здорового – то можно и исцелить больного? Верно, хотя только отчасти. Человечество вообще больше преуспело по части убийств, нежели во врачевании. Ломать не строить. Убить проще, чем воскресить. Но и здесь есть факты примечательные, характерные.

Вот два равно опасных больных. Один жить хочет сильно, есть ради чего, всей силой воли приказывает себе жить, убеждает себя, что выздоровеет – а второй плывет по течению. И первый выздоравливает, а второй умирает. Случай в медицине типичный.

Раны у победителей заживают быстрее, сформулировал еще Гиппократ. Более того: иногда волевые, сильные духом люди оправляются от смертельных ран, неизлечимых болезней – врачи только руками разводят: необъяснимо, противоречит физиологии!

Раненный летчик сажает подбитый истребитель на аэродром – и из кабины вынимают уже покойника: мозг «знал», что надо дотянуть до полосы, и «приказывал» жить организму, хотя от полученных смертельных повреждений полагалось умереть раньше.

«Но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». «Вы ранены? – Нет, сир, убит.»

Более того: в войну под огнем у бегущего человека срезало голову осколком снаряда – а тело еще десятков шагов продолжало бежать! Организм продолжал выполнять полученный от мозга категорический приказ... И такое бывало.

Конечно, без головы долго не проживешь. Но если остальной организм этого «не знает», а все прочее в порядке – то может жить. Пример: автокатастрофа, черепно-мозговая травма, мозг гибнет, в реанимации больного подключают к аппаратам искусственного дыхания, кровообращения, искусственно питают – и кроме мозга все живет. Какую функцию здесь выполняет сложная аппаратура? Строго говоря, она заменяет собой отсутствующие сигналы мозга.

Все дело в том, чтобы организм получал от мозга сигналы на продолжение жизнедеятельности. Для этого мозг должен быть жив-здоров и ориентироваться в обстановке, в происходящем. Ощущением и можно назвать реакцию на обстановку: голод! жажда! нечем дышать! больно! приятно! радость! тоска! и прочее.

Отсутствие сигналов-приказов из мозга – смерть организма. И неважно, чем оно вызвано – голову снесли или все органы чувств блокировали. Инстинкт жизни: организм требует сигналов из мозга, так он устроен.

(Кстати о присказке «все болезни от нервов». Когда-то ученый мир поразился: если бросить лошадиную дозу хинина в раствор культуры малярийных палочек, то они даже не почешутся. Хинин на них никак не действует. Он действует на центральную нервную систему: «Дави малярию!!» Тогда она дает приказ внутренним органам, а они уже вырабатывают вещества, убивающие микробов.)

БОЛЬ И НАРКОЗ. Мозг принимает сигнал организма: «Больно!». Что-то здорово не в порядке, меры принимать надо, лечить больную ногу, нельзя на нее наступать, ей от этого хуже. А лечиться некогда, ты в хоккей играешь на чемпионате мира. Обкололи тебе больное место новокаином, блокировали нервы – не болит пока? играй дальше! Возбужденный участок мозга «различить» не может, отчего успокоение пришло: ногу тебе вылечили или просто промидол вогнали в вену. Для него так: боль прошла? – порядок.

До изобретения современных средств наркоза хирург перед операцией вливал в пациента настойку опийного мака, или просто водки, или вообще глушил колотушкой по голове. Потому что резать живот, копать в кишках – мозг получит сигнал боли такой силы, что он будет означать: все, хана, отдаем концы. Это называется болевой шок, он может вызвать смерть.

На этом построены болевые приемы восточных боевых искусств. В самом деле, зачем ломать руку, это трудно, если можно просто ткнуть пальцем – и нет врага. Знать только, как куда ткнуть. И вроде нет в организме никаких повреждений – убит человек импульсом собственной нервной системы.

Болевой шок – ощущение такой силы, что перевозбуждение одного участка мозга сбивает, разлаживает работу остальных: прекращается дыхание, встает сердце. А все органы здоровы. Ну вырвать зуб – подумаешь. А спилит палач напильником – можно умереть под пыткой.

ПОДМЕНА. То есть мозг можно «обмануть», искусственно вызвав нужные ощущения, и тогда он, в свою очередь, «обманывает» весь организм. Люди это давно знают и применяют на каждом шагу. О средствах для и против аппетита мы уже говорили. О снотворных и допингах знают все (они есть разных механизмов действия, есть и влияющие непосредственно на центральную нервную систему).

Веяние новых времен: в хорошем настроении человек улыбается – а если будет улыбаться сознательно, искусственно – то и настроение будет лучше: ощущение от напряжений лицевых мышц воспринимается мозгом как соответствующее хорошему настроению.

Музыка может вызывать веселье, а может печаль. А всех-то дел – звуковые колебания. Что в твоей жизни от музыки изменилось? А ничего. Просто возбуждаются какие-то участки мозга.

Мучимый в пустыне жаждой солдат катает во рту, сосет свинцовую пульку в медной рубашке: кисловато, притупляет жажду, нервным окончаниям во рту «кажется», что похоже на воду. Воды в организме не прибавилось, не хватает воды, но жить полегче, и полегче делать то, что нужно.

Голодающие набивают желудок травой, корой, торфом – они в желудке не перевариваются, не спасут, – но в желудке что-то есть, и мозг «полагает», что дело чуток поправлено.

Как вообще начальник-мозг может заботиться о вверенном ему, кормящем и защищающем его организме? А велеть организму делать так, чтоб поступающие в мозг сигналы вызвали ощущения: все хорошо, все отлично.

КАЙФ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО. В мозгу крысы исследователи нашли центр наслаждения, полного довольства. Вживили в него электрод и стали раздражать этот центр током – такой силы и напряжения, как мозгу свойственно, это приборами определяется. Крыса – совершенно счастлива, ничего больше не хочет. Усложнили опыт – сделали в клетке педальку, которая

замыкает электроцепь. Крыса – животное умное, любопытное, быстро установила связь между нажиманием педали и получением удовольствия. А дальше – она научилась ее специально нажимать, и нажимала беспрерывно! Пока не умирала от нервного истощения, голода и жажды. Уж у крыс инстинкт жизни куда как силен. А раздражаемый мозг говорил ей: все замечательно, именно это и надо, давай еще.

Ощущение типа «Ах, как хорошо жить!» оказывается для крысы важнее реальной жизни. Для мозга-то все равно, чем именно вызвано такое ощущение. Для него оно оказывается реальностью.

Это напоминает старый английский анекдот: «Официант, это чай или кофе? – А вы что, не можете различить? – Нет! – Тогда какая вам разница?»

Обычайшее средство для искусственного вызывания приятных ощущений – алкоголь. Выпил – и хорошо: веселье, возбуждение, эмоциональный подъем. Собственные силы кажутся больше, препятствия и неприятности кажутся мельче. Вроде, и радоваться нечему: убивается время, деньги, здоровье, откладываются нерешенные проблемы – да и наплевать, зато выпьем, забудемся, повеселимся.

Иногда считают, что пьянство – явление социальное: от бедности, невоспитанности, беспомощности, неправильного устройства общества. Но идеальное общество, идеальные условия для жизни невозможны. Первобытные племена, живущие без всяких «высших устремлений» в гармонии с природой – тоже пьют: нажуют листьев, сплюнут всем племенем в выдолбленную тыкву, дадут перебродить – и захмеляются по кругу.

И не только человеку, существу разумному, свойствен этот порок – и животные ему подвержены. Дайте собачке попить пива или водки даже – может понравиться, будет хотеть еще. С чего бы собачке пьянствовать? А ей тоже приятных ощущений хочется.

А зачем кошке валерьянка? Ни прокормлению, ни продолжению рода, ни укреплению кошачьего здоровья – ничему она не способствует. Раз мы говорим, что у животных – только инстинкты, им бы лишь жить да размножаться, то почему почуявшая валерьянку кошка рвется к ней, а дорвавшись – балдеет от наслаждения? Какой тут инстинкт? Какие тут социальные пороки и недостатки воспитания?

А инстинкт – это: хочу рыбу! хочу кота! хочу тепла! Для мозга это значит: требую ощущения поедания рыбы и наполнения ею желудка; требую ощущения обладания котом; требую ощущения тепла. Ощущений! Удовольствий! Кошка ведь не планирует семью, ей в наследство передавать нечего. А валерьянка дает ощущение удовольствия. Инстинкт обманут – но кошка-то ведь этого не знает, у нее голова маленькая.

А если б и знала, так что? Вот человек знает, что наркотики губительны – но употребляет. Ну, морфин или героин дают жестокое физиологическое привыкание, организм без них начинает так страдать, что вскоре их принимают просто для избавления от страданий. Но ЛСД или тем паче марихуана такого привыкания не дают – их употребляют просто для удовольствия, для сильных приятных ощущений.

И чем тут высоколобый студент университета отличается от дикаря с перебродившей жвачкой или от кошки с валерьянкой? Ничем не отличается. Удовольствие ощущать хочет.

И эта потребность в сильных приятных ощущениях – неотъемлемая черта мозга. Уничтожь все наркотики – человек найдет что-нибудь другое. Как школьники в бывшем СССР. Капали эфир в пиво, совали головы в пластиковые пакеты и дышали нитроклеем, ацетоном или бензином с ватки. А в эпоху полусухого закона гнали ведь самогон из всего: из крахмала и повидла, томатной пасты и сапожного крема, об одеколоне и тормозной жидкости и говорить нечего.

Природу не запретишь. Даже если иногда хочется. С ней можно договориться только на ее языке.

Борьба с алкоголизмом тут очень показательна: богатый опыт, статистика больших чисел. В СССР алкоголика могли по доносу соседей или постановлению милиции судить и отправить на два года принудительного лечения в ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий. Это тип тюрьмы, та же каторга. Только там еще проводили беседы о вреде пьянства и давали лекарства (которые старались выкинуть, было мнение, что они вредны для потенции половой и умственной). Что ж результат? Отсидевали два года, выходили – и тут же обычно напивались, празднуя наступившую наконец свободу.

«Кодирование» алкоголиков происходит иначе. Человека медикаментами и гипнозом стараются привести в состояние полной внушаемости. И в этом состоянии внедряют в его подсознание чувства страха и отвращения к алкоголю. То есть задача в том, чтобы в мозгу заместить, подавить, заблокировать ощущение желаемое, приятное – резко нежелаемым, неприятным. И у хороших врачей, людей с мощной силой внушения, процент выздоровления пациентов очень высок – до восьмидесяти и выше. Никакими иными средствами такого достичь не удается.

Наверное, вполне достаточно для подтверждения старой истины: **во всех своих действиях человек руководствуется в первую очередь ощущениями.** Даже в самых жизненно важных, и именно в них.

* * *

Значит, получается так:

Реальность человек постигает через ощущения. Зрение, слух, осязание, обоняние, вкус – органы чувств шлют сигнал в мозг.

Холод, жара, голод, жажда – потребности постигаются через ощущения.

Горе, радость, боль, наслаждение – ощущения. Если по каким-то причинам ощущения неадекватны реальности (при болезни, под гипнозом и т. д.) – организм в своих реакциях руководствуется не объективной реальностью, а субъективными ощущениями. А как может быть иначе? Коли реальность только через ощущения и воспринимается.

Можно сказать: субъективно для человека жизнь есть то, что он чувствует. Комплекс ощущений.

4. Стремление к счастью

ДВА НАЧАЛА. Сверху у человека есть такая штука, она называется голова. Обычно он ею думает. Или думает, будто ею думает. От этого происходит масса путаницы.

Животное удовлетворяет свои желания, реагирует на свои ощущения напрямую: дают – бери, бьют – беги. А человек – он еще и обдумывает свои желания: как бы удовлетворить получше. Реакция на ощущения у него, в отличие от животных, пропускается через рациональный аппарат. Убить мамонта в открытом бою дубиной не могу, а есть охота... ладно, потерплю голод, вырою огромную яму, а уж когда он туда свалится – натрескаюсь от пуза.

Мощные у человека в мозгу сдерживающие центры. И они давят непосредственные реакции, сиюминутные желания, – ради того, чтоб небыстрым, непростым путем удовлетворить желания более сильные, более важные. Ладно, не дам сейчас скотине-начальнику по морде, хоть и хочется, – зато буду зарабатывать много денег, куплю машину, а в отпуск поеду в Париж. Из двух желаний побеждает отдаленное, стратегическое. Правда, не всегда... Поэтому одного человека называют сдержанным, а другого – несдержанным. И советуют ему после очередного эксцесса: «Думать же надо, что делаешь».

Обычно человек и думает – иногда предварительно, а чаще уже потом. Тем и отличается. Обо всем думает: науки создал, ракеты изобрел, телерекламу жвачки совершенствует. И уж

всегда думал человек о себе и о своей жизни. Потому давно и сказано: жизнь человека есть то, что он о ней думает.

Жизнь как комплекс ощущений есть основа для жизни как комплекса размышлений. И каждый человек, ну хотя бы в ответственный период своей жизни, размышляет, как ему жить дальше.

В этих размышлениях прежде всего он руководствуется своими желаниями: один всегда знает, чего ему хочется, другой пытается это понять, третьему вообще вроде все равно, чем заниматься, он падает на первый подвернувшийся вариант.

Еще человек оценивает свои возможности. А иногда категорически не желает с ними считаться – ломит упрямо наперекор судьбе и советам окружающих.

Еще человек рассматривает различные варианты того, что он может вообще в жизни делать. Выбирать-то приходится из того, что есть, благородным странствующим рыцарем на боевом коне в наше время не станешь.

От этого зависит выбор цели. От минимальной – не умереть с голоду, до максимальной – стать кинозвездой, миллиардером, президентом. Потому что хочется. Вот неандерталец никогда бы не додумался стать кинозвездой – потому что этого не было. А современная девушка хочет до дрожи! Думает ночами и планы строит.

Все, что человеку хочется, мы уже в начале сказали – от здоровья до власти. Это если конкретно формулировать. А если вообще – привести, так сказать, к общему знаменателю, то можно сказать просто: человек хочет, чтоб ему было хорошо.

Если попытаться найти одно-единственное слово, выражающее самое главное, что любому человеку надо, слово это будет счастье. Принимая близко к сердцу судьбу дорогого человека, мы интересуемся главным: ты доволен своей жизнью? ты счастлив?

Что такое счастье? С одной стороны, это знают все, с другой стороны, этого не знает никто. Формулировками можно толстый том заполнить, и в любом сборнике изречений знаменитых людей есть обычно целый раздел их соображений о счастье.

Высшая степень радости, наслаждения, удовлетворения. Чтоб исполнились самые главные, сильные, заветные желания и мечты. Чтоб все было так, как хочется.

И в счастье – человек расцветает, глаза сияют, на губах улыбка, дело в руках спорится, и вообще он большой оптимист. Жизнь прекрасна! Вот к этому любой и стремится. Ради этого стоит жить.

Стоит-то стоит, но как? Люди давно придумали такую красивую метафору, что ум в голове, а чувства в сердце. И вот, значит, они должны быть в ладу друг с другом. В согласии. Сердце чего-то хочет, а ум ищет пути достижения желаемого. Для этого ум должен сначала осознать, чего, собственно, сердце хочет.

ОБЛАДАНИЕ. С древности многие философии строились на том, что надо дать человеку все потребное для счастья – и тогда он и будет счастлив. А что надо? Здоровье, пища, дом, семья (список см. выше). Чем полнее список – тем больше человек счастлив. Чем меньше пунктов в нем выполнено – тем меньше счастлив.

Тогда самыми в общем счастливыми людьми в мире должны быть (опять же см. выше) шведы. Чего, однако, в натуре не наблюдается. От счастья не вешаются. А вот со скукой в Швеции все в порядке.

Бунт западной молодежи в шестидесятые годы – это, по мнению жителя бедной страны, «с жиру бесились». У них было все: молоды, здоровы, деньги есть, все пути открыты – нет! делать ничего не хотели, ходили грязные, оборванные, обдолбанные, жили в трущобах: мы презираем и отвергаем, заявляли, ваше благополучие. Вот вам: создали ценой вековых лишений и усилий Золотой Век новому поколению.

Могут сказать: это был такой этап социального развития, поколение акселератов, казус истории. Вряд ли. Но допустим даже.

Однако, если счастье сопряжено со всякими вещами и обстоятельствами, со всем хорошим, что у тебя есть, то кто должен быть счастливее прочих? Самые красивые, сильные, умные, энергичные, богатые. «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным».

Тогда почему депрессия – обычное заболевание таких знаменитостей? Самые богатые врачи – психоаналитики Голливуда, и пациенты у них не переводятся.

Уж чем так плохо жила Мерлин Монро? Уж чего так не хватало в жизни Хемингуэю? Почему Байрон – предмет зависти и подражания целого континента, красавец, богач, спортсмен, кумир, гений, – был пессимистом? Почему Лев Толстой – граф, богач, знаменит, женат на любимой – «прятал веревку, чтоб не повеситься, и ружье, чтоб не застрелиться»?

Как говорила моя бабушка, «все есть – счастья нет».

ДОСТИЖЕНИЕ. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько ты за нее заплатил. Что тебе ничего не стоило, тем не дорожишь, и счастья от того нет. Еще одна известная точка зрения. Жизнь это борьба, в борьбе счастье. Знакомо?

Во-первых. Пока человек борется за пресловутое счастье – будь то любовь, золото, пост или здоровье – он обычно таких мук, унижений, лишений натерпится, что ждет не дожидается вожаемого результата, и только мечта о нем силы поддерживает. Спроси кого угодно: хочешь получить желаемое сразу или сначала помучиться? Того, кто хочет помучиться, называют мазохистом.

Во-вторых. Достижение результата определяется энергией, волей, умом. И еще везением. Счастливы должны быть в первую очередь люди энергичные, волевые, умные, везучие. А несчастливцы – просто неудачники: хилые, глупые, слабохарактерные.

А на деле? Зауряднейший человек – а вечно дыбится, все ему нравится, всем доволен, счастлив. А вот умный, предприимчивый, настойчивый – а всегда чем-то недоволен, что-то ему не так, и никак он не может стать счастливым, и грустно поет киногерой под гитару: «Был я смел и удачлив, а счастья не знал...»

В-третьих. Человек мечтал, добивался, из кожи лез – и получил то, что полагал себе счастьем: деньги, слава, любимый супруг. И вдруг по прошествии краткого времени обнаруживает, что счастья – нет... Как так? А черт его знает... Не так все, как когда-то мечталось, мерещилось. Все вроде есть – а вот счастья что-то нет. Обычайший вариант. Чего ж он ради пуп надрывал? И хотеть больше нечего... Тут можно и пить начать.

Так что достижение цели, ассоциировавшейся со счастьем, отнюдь его еще не гарантирует.

Тут уж вообще непонятно, что ж делать.

КАЖДОМУ СВОЕ. Возьмем-ка двух человек, у которых все одинаково – здоровы, зажиточны, семьи в порядке, прямо близнецы. При этом один из них счастлив, а другой – несчастен! Как, почему, отчего? Положим, один поднялся из нищеты, а второй разорился и сполз из «высшего света». Что одному в радость – другого печалит и тяготит. Разный уровень притязаний.

Для дурнушки счастье – стать миловидной, а для красавицы несчастье – проиграть конкурс красоты и не стать звездой.

Счастье хромого – здоровые ноги, а счастье слепого – только бы прозреть.

Счастье родителей – чтоб ребенок преуспел в жизни, счастье бездетных – вообще иметь ребенка.

Счастье абитуриента – поступить в университет, несчастье профессора – его не избрали в Академию наук.

И как определить, сколько именно здоровья, денег и успеха надо человеку для счастья? Где мера?

Эка истина, скажете – счастье у каждого свое. Кто ж этого не знает. Кому чего надо.

Страдающий от жажды в пустыне нашел канистру воды – а там спирт. Вот несчастье! Страдающий с похмелья алкоголик нашел канистру спирта – а там вода. Вот горе! Им бы для счастья канистрами обменяться. Каждому свое.

Кому поп, кому попадья, а кому свиной хрящик. «Пойми – мне поиграть на скрипке Страдивари – все равно что тебе пострелять из маузера Дзержинского».

Но если счастье у каждого свое – то почему каждый этого своего не имеет?

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ. Выходит противоречие. В п р и н ц и п е представление о счастье у всех одно и то же (вышеприведенный «список»). Надо иметь то-то и то-то, добиться того-то и того-то. Счастье связывается с обстоятельствами внешними – деньги, слава, любовь. Но одни и те же внешние обстоятельства одному могут давать счастье, а другому горе.

Если это зависит от индивидуального количества потребных благ, кому сколько, – то люди должны быть более-менее равно счастливы тем, насколько удовлетворены их реальные потребности. Вместо этого люди более-менее равно неудовлетворены тем, что они имеют, хотя уровень притязаний может быть разный. У всякого свое горе: кому суп жидок, кому жемчуг мелок.

Более того: человек может получить все, чего желал, и все равно быть несчастным. На этом построены еще вечные сюжеты многих народных сказок.

На самом деле, конечно, никакого противоречия тут нет. Мечтая о том, что ему необходимо в жизни для счастья, человек воображает, что вот в тех обстоятельствах ему будет х о р о ш о. То есть. У него есть ощущение неудовлетворенности жизнью. Мозг ищет – что делать с этим ощущением? как реагировать? какой отдать приказ? Ощущения оформляются в более или менее понятные желания. В действие вступает разум, рациональный аппарат: чтобы удовлетворить желания (помимо естественных физиологических потребностей, с ними все сравнительно просто), мы их сейчас осознаем, сформулируем – и наметим реальные пути к их удовлетворению. И человек свои желания удовлетворит путем создания неких внешних обстоятельств. Эти обстоятельства позволят ему жить хорошо. Будут сильные приятные ощущения.

Получается, что человека подводит рациональный аппарат, разум? Делал-делал, жизнь положил, всего добился, а счастья как не было, так и нет?

Счастье-то человек испытывает п о с р е д с т в о м с е б я. Снаружи можно иметь груды золота, орденов, красавиц и слуг. А внутри, в мозгу, *надо иметь способность испытывать от этого счастье*. Не в том дело, что ты имеешь, а в том, что ты от этого испытываешь, что это для тебя значит. Счастье ведь – не табличка на стене, не извещение в почтовом ящике – «Вы счастливы!», а твое собственное состояние, оно внутри тебя.

Чем отличается жизнелюбец от меланхолика? Одному клопы пахнут коньяком, а другому коньяк пахнет клопами.

ЛЮБОВЬ. О счастье в любви столько за тысячелетия написано, столько каждый думал, что нет надобности распространяться.

Вариант. Мужчина любит красавицу, счастье взаимно, всем она хороша. А потом разлюбил, бросил (или она его). Бывает. Ну, и что в ней изменилось? В ней – ничего. Чувства у него изменились. А потом полюбил другую, и все говорят: «Что он в ней нашел?.. Прежняя была лучше».

Вариант. Девушки домогается поклонник – всем взял: и внешность, и характер, и карьера, и любит. Семья и подруги ей в голос советуют: «Дура, чего тебе еще надо, не упускай своего счастья». А она отвечает, что может быть счастлива только с другим – который ну по всем же статьям первому уступает. И наперекор всем выходит за него замуж. И он пьет, и она пишет письма: «Папа, он бьет меня, пришли нам денег». И любит!

Вариант. Можно сменить предмет своей страсти – и с другим человеком испытывать прежнее, ушедшее, счастье. Донжуанская шутка: любовь всегда одна – меняются только ее

объекты. Ведь и Ромео полюбил Джульетту тогда, когда отчаялся добиться Розалины. (Шекспир был очень умный.)

Рассуждая теоретически, можно поступить как раз наоборот: сохраняя прежний предмет, изменить отношение к нему. Это знакомо многим женщинам, которые хотели изжить в себе властвующую ими любовь к человеку недостойному, мучителю, когда перспектив счастья все равно не видно. В любимом отыскивают пороки и недостатки, старательно раздувают в себе отвращение к ним – и иногда любовь действительно проходит. А чем занимается мужчина, долго и старательно добиваясь взаимности любимой, которой не слишком нравится? Идет на любые ухищрения, чтобы она изменила отношение к нему, это целая наука. И часто добивается ее любви! Становится для нее источником счастья – а ведь он тот же самый.

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ. Над вещами, нужными нам от жизни для счастья, властны и судьба, и обстоятельства, и другие люди – повторим мы вслед за древними философами. Тут и соперники, и случайности, и болезни. Иногда от нас зависит мало, а иногда и вовсе ничего не зависит. Землетрясение, наводнение, пожар – и ты нищий. Неожиданный конкурент – и ты без работы или без места в сборной. Война, кризис, преступление подчиненного – и прощай карьера. Шарах – банк лопнул, и с ним сбережения всей твоей жизни.

Чем больше имеешь, тем от большего количества неприятностей и случайностей ты хочешь застраховаться. Тем больше забот. Крутишься, как белка в колесе. Работа, дом, выплаты, страховки, деловые связи, поддержание имиджа, самоконтроль в поведении... И все равно можно быть несчастным! Да зачастую и просто некогда ощутить себя счастливым.

Зато н и к т о не может нам приказать думать и чувствовать не так, а иначе. В чем наименее властны другие люди и внешние обстоятельства – в нашем внутреннем мире. Никто не запретит мне любить то, что я люблю. Вот как я отношусь к чему-то – так и отношусь, и ничего вы со мной не сделаете. Сам-то я со своими чувствами всегда при себе.

Засадил человека в камеру-одиночку. Наказали? Фига! Да я всю жизнь мечтал об одиночестве и покое! К гастрономии я равнодушен, открытые пространства меня пугают, много двигаться не люблю, от яркого света глаза болят. Службу ненавижу. А здесь питание, режим, жена не пилит, дети не теребят – и дают бумагу и ручку, писать разрешают сколько влезет. Чего мне еще?! Наслаждаюсь всеми условиями для творчества и спокойной жизни.

Ведь и такое теоретически вполне возможно.

Чем меньше внешних вещей человеку нужно для счастья – тем легче ему быть счастливым. Ни зависти, ни конкуренции, ни изматывающей гонки в борьбе за жизнь. Счастье-то – это твое внутреннее состояние, а не барахло и портреты в газетах.

Так надо обратить взор внутрь себя, и устремить усилия не к внешним вещам, над которыми часто не властен, а к внутреннему состоянию такому, когда даже при малом ты счастлив. Это – надежнее, вернее, здесь твоя воля и власть больше, максимальна.

ЭККЛЕЗИАСТ И СЕНЕКА. Лучше шепот в покое, нежели пригоршни в трудах и томлении духа, сказал три тысячи лет назад Экклезиаст. Вот какая это старая истина.

Так учили еще античные философы. Довольствуйся малым. Гони неисполнимые желания. Не соблазняйся труднодостижимым. Имей как можно меньше того, что легко потерять, тогда враги и природа не будут властны над тобой. Будь счастлив самым необходимым в жизни.

Есть пища, кров, одежда, семья, дети, уважение сограждан? Этого вполне довольно для счастья любому достойному человеку. А если он при этом не чувствует себя счастливым? Пусть самосовершенствуется, работает над собой, чтоб – почувствовал в конце концов. На то даны человеку разум и воля. Главное – чтоб понял и захотел.

А где ты ничего не можешь – там ты ничего не должен хотеть, сказал Сенека. Нет несчастья большего, чем нечестивые желания.

Очень разумно. Ясно, рационально, полезно. Трудно возразить. Это животные руководствуются только желаниями, инстинктами. А человеку, в отличие от них, дан разум. И разум

должен всем руководить. Владеть своими чувствами в соответствии с обстановкой – величайшее благо. К нему и надо стремиться прежде всего.

То есть. Можно достичь счастья, удовлетворив свои потребности сверх необходимого. Это трудно, рискованно, бессмысленно.

А можно достичь счастья, уменьшив свои потребности и желания до жизненно необходимого, уже имеющегося.

Главное – чтоб было соответствие между желаемым для счастья и уже имеющимся.

АЛЕКСАНДР И ДИОГЕН. Жил-был в Афинах Диоген. Он имел бочку в качестве жилья, рваную хламиду и еще фонарь. С этим фонарем он бегал днем по городу и кричал: «Ищу людей!». В наше время такого человека назвали бы возмутителем общественного спокойствия.

Он решил довольствоваться в жизни минимумом. Из домашней утвари имел только черепок для питья. Увидев, как собака лакает воду из ручья, устыдился своего излишества и выбросил черепок.

Здоровьем он обладал прекрасным. Без здоровья в таких условиях не перезимуешь, даже в Греции. То есть у него наличествовали физические потребности и их минимальное удовлетворение. Общение с женщиной он тоже считал излишеством, и демонстративно занимался онанизмом, а когда прохожие стыдили его, возражал: «Ах, если бы так же просто было удовлетворять голод». Из-за этого факта нынешнее понятие «цинизм» – вовсе не то, чему учила школа античных киников. Помнят только: «Что естественно, то не безобразно».

Александр Македонский был, напротив, царем полумировой империи. Навестил он как-то знаменитого мудреца Диогена и, желая показать себя радетелем философии, поинтересовался, что может сделать для него нужного и хорошего. На что получил ответ: «Отойди в сторону, ты мне солнце заслоняешь». Оценив услышанное, Александр сказал с чувством: «Я хотел бы быть Диогеном, если не был бы Александром». История знаменитая.

Александр вскоре умер в Индии, а Диоген прожил еще долго.

По мнению древних авторов, это должно говорить о преимуществах философской жизни, поскольку преимущества императорской жизни и так всем понятны. Тем не менее такая философская жизнь всегда привлекала ничтожное меньшинство людей, составляющее из общей массы то самое исключение, которое подтверждает правило. Правило же заключается в том, что юношество воспитывали на примере Александра, но отнюдь не Диогена.

Александр же был учеником Аристотеля и человеком весьма образованным. Что повлияло на его мировоззрение очень частично: свои взгляды он решил вколотить во всех, кто только населяет досягаемый мир. Эллинизация ойкумены пошла огнем и мечом. Честолюбие молодого владыки было беспредельно.

Вот и учи людей довольствоваться необходимым.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ: НЕСЧАСТЬЕ. Так или иначе, но жить в бочках люди не хотят. Их стремление к счастью носит экстенсивный характер: что-то добавить, дополнить, изменить в сторону увеличения, обычно так.

Но вожделенное счастье как цель находится на некотором отдалении, а неприятности подстерегают на каждом шагу. Добиваешься любви – жутко нервничаешь на каждом шагу, куча сильных отрицательных эмоций. А если не добьешься – горя-то сколько. А любовь чаще несчастна, чем взаимна. Зачем оно так нужно, скажите пожалуйста?

Слава – это перенапряжения, стрессы, транквилизаторы, разочарования, обломы, слезы; а иначе и невозможно, если круто к ветру берешь, на пределе всех возможностей ломишься.

Большой спорт – травмы, угробленное здоровье, нестарый еще человек становится инвалидом, забытым и никому не нужным, страдает нравственно и физически, а здоровья уже не купишь.

Большая карьера – требует умения сносить плевки, проглатывать оскорбления, мириться с подлостью друзей и коварством врагов, контролировать каждый свой шаг, забыть о свободном времени; иногда надо жертвовать друзьями, любовью, совестью.

Могут сказать: и это известно – человек за все должен платить. Делай свой выбор. Не везет в картах – везет в любви. За обладание одним – платишь отказом от другого. За счастье в одном – несчастьем в другом. Хочешь яичницу – разбей яйца.

Прет лыжник марафон – аж стонет на подъемах от мучительного изнеможения. Страдает, бродяга! А прибежит первый – счастлив. Так это один. А еще пять лидеров ему проиграли – и слезы на глазах. И ведь знали, что первое место только одно.

Получается так: стремясь к счастью – человек одновременно, невольно, вынужденно, *стремится и к несчастью*. Ну – побочный эффект, нежелательная, но обязательная нагрузка в магазине жизненных благ.

Если так – то все просто:

Счастье обжорства – перевешивает несчастье ожирения, склероза, уродливой фигуры, преждевременных болезней и смерти.

Счастье пьянства – сильнее несчастья нищеты.

Счастье подвига – сильнее несчастья увечья.

Слабая воля: сейчас мне хорошо, и наплевать, что потом будет плохо. Сильная воля: сейчас мне плохо, потерплю, зато потом будет хорошо.

А чего вообще в жизни больше – счастья или горя? Чаше человек счастлив – или несчастлив? Во всяком случае, люди всегда жаловались, что счастья мало, а горя много. Действительно:

Чем крупнее, значительнее цель – тем дольше и труднее путь к ней, тем больше на пути трудностей и препятствий, тем больше «промежуточных» несчастий – ну, неприятностей, отрицательных моментов. Само достижение цели – под вопросом, если не достиг – то все жертвы оказываются напрасны, не компенсируются. А если и достиг – счастье все равно не гарантировано. Или так устал уже, что предвкушаемого когда-то счастья не ощущаешь, или изменился сам за это время. Или радость достижения цели быстро остывает, сменяется пресыщением и разочарованием: что, и это все, ради чего я столько лет боролся?..

Давно сформулировали: ничто в жизни не бывает так хорошо, как люди обычно себе представляют.

Человек создан для счастья, как птица для полета, мечтательно вздохнул классик. Эта дикая и странная птица называется страус. Летать не умеет, бегают, лягается, перья из хвоста у него выдирают на украшения, а от опасности он прячет голову в песок.

Так что – остается сакраментальная татуировка зеков «Нет в жизни счастья»?

НАПОЛЕОН И БУДДА. Наполеон был величайшим из людей новой истории. Он совершил, добился, имел все, что полагают для себя венцом желаний и пределом счастья миллионы людей. Незадолго до смерти, на острове Святой Елены, у него вырвался стон: «Боже мой, да был ли я счастлив хоть два часа в своей жизни...».

Ты хочешь подвигов, славы, власти? А осознать перед смертью, что прожил жизнь без счастья, хочешь? Сейчас, из малости твоего положения, тебе кажется, что это невозможно – по крайней мере для тебя было бы невозможно. Когда-то и ему так казалось...

Счастье и горе – понятия и состояния противоположные. Счастья мы хотим, горя – нет: по крайней мере, мы так думаем. Счастье бывает редко, а горе – часто. Счастья без горя не бывает – трудности, жертвы, переживания, а в конце концов всех похоронят, и сам помрешь, – а горе без счастья бывает сплошь и рядом. Счастье всегда под вопросом, а горе всегда наготове.

А когда мы в горе, что для нас счастье? Чтоб не было бы этого горя. Так надо же понять, что отсутствие горя – уже счастье. И, коли ты разумен, заблаговременно принять меры.

По этому пути дальше всех зашел Будда Шакья-Муни. Он бросил теплое местечко наследного принца, дворец, родителей, любимую красавицу-жену, сокровища и одежды, обернул чресла тряпкой и сел под пальму. Все у него было! – но он поразился мыслью, что все это неизбежно кончится: горячо любимые им люди смертны, и сам он смертен, и горем смерти и вечной разлуки все кончится, и дворец может сгореть, и враг может державу уничтожить, и зачем тогда все оно нужно, если все равно всегда знаешь, что в конечном итоге неизбежен печальный конец. Он взглянул на земную жизнь с такой трагической стороны и, как сказали бы сейчас, впал в депрессию.

Он понял, что земная жизнь всегда сопряжена с несчастьями. Они больно ранят. Он хотел быть счастливым, но так, чтобы совершенно гарантировать себя от любой возможности лишиться этого счастья. Для этого нужно не иметь не только никаких вещей, но и вообще не иметь никаких желаний и ощущений. Ведь желания могут не сбыться, ощущения могут обмануть. А вот если ты – вообще Ничто, у тебя уже вовсе ничего не отнимешь. А всеобщее великое Ничто – это как бы противоположный полюс бытия, противостоящий всему суетному, земному, преходящему. И вот если ты осознаешь это великое Ничто, ощутишь себя частью этого вечного Ничто, – это избавление от любых возможностей несчастья, и в этом и надо увидеть высшее счастье. Это состояние называется нирваной, и достигается нелегко, после долгих и упорных тренировок. Пребывающие в нирване ничего не видят, не слышат, не ощущают. И свидетельствуют, что неземное блаженство этого состояния не сравнимо ни с чем.

Ни тебе никто не может причинить никакого зло, ни ты никому: даже букашку давить нельзя. Кушать только горсточку риса и плоды. А кто тебе рис даст? Найдется. Можно и дикими плодами пропитаться. Если природа изобильна – можно и Буддой стать. А эскимосу что прикажете делать?

В этом прекрасном учении только одно несимпатичное место: если все ему последуют, то вскоре некому будет его проповедовать. Вы бы этого не читали, я не писал, а все человечество было бы Великим Ничто, и кончен бал. Такой путь к счастью представляется сомнительным – как и все, что доведено до полного логического завершения. Полное логическое завершение в жизни всегда есть абсурд, хотя для понимания явления оно полезно, показательно.

Полный предел и этого абсурда демонстрируют некоторые секты, «творчески развившие» учение Будды. Не вдаваясь в тонкости и не затрудняя себя долгими тяжелыми тренировками, они просто молятся, психологически подготавливая себя к решительному шагу в полное счастье, после чего совершают коллективное самоубийство.

Вот вам и обретение вечного счастья путем лишения себя всех потребностей.

Солон, сказавший, что ни одного человека нельзя счесть счастливым, покуда жизнь его еще не кончена и неизвестно, что впереди, был бы сильно удивлен таким решением вопроса. Все-таки, чтоб быть счастливым, как минимум надо вообще быть.

* * *

Подобьем бабки и соберем мысли до кучки:

Люди всегда все знали. О счастье думали столько, как ни о чем другом. Создавали целые теории и на практике подтверждали их собственной жизнью:

И это никого ничему не научило. Люди остаются теми же самыми. Могут все знать, все понимать – и все равно хотят того же, что всегда, и стремятся к тому же, к чему стремились всегда.

Они стремятся к своему счастью, а выходит черт знает что.

Дело в том, что хотят они одним местом, а думают другим. И думанье на хотенье мало влияет. Хотят – и все, хоть тресни. А думаньем свое хотенье обосновывают, оправдывают, обеспечивают.

Хотенье главнее. Таков человек. Так создан мир.
Результат хотенья – больше гадостей в жизни, чем счастья.
Значит, людям так надо.

5. Самореализация

Счастье – это надпись на дорожном указателе. Приманка для действия. Объяснение себе, почему это хочется делать. Морковка на шесте, за которой бежит осел Ходжи Насреддина.

Человек отличается от осла тем, что если он за морковкой как следует не побегаёт, так в ней уже и сладости той нет.

Возьмем счастье как избавление от страдания. Проще всего: избавление от боли, выздоровление от болезни. Представьте ли вы себе нормального человека, который хочет заболеть только для того, чтобы испытать потом счастье выздоровления – причем опасно заболеть, с риском для жизни? Разве что капитана Врунгеля, который отказался удалять больной зуб, потому что когда болит – это, конечно, плохо, но уж зато когда не болит – до чего же здорово!

Милые мои. В каждом из нас сидит капитан Врунгель.

АВАНТЮРИСТЫ. Когда Пржевальский окончил путешествовать и удалился от дел в свое имение, он тосковал, неделями бродил с ружьем по лесам и полям, спал на голой земле... вскоре зачах и умер, еще не старым, без всяких видимых причин. В путешествиях он умирал от голода и жажды, тонул, его трепала лихорадка, кусали змеи – выжил, никогда не терял бодрости, поддерживал остальных. Это ему и было нужно, этого и хотел, этим и был счастлив.

Ален Бомбар в одиночку, в маленькой лодке, без пищи и пресной воды, пересек Атлантику. Пил морскую воду, ел рыбу. «Хотел доказать, что это возможно, а потерпевших кораблекрушение убивал просто страх». Бросьте. Моряки всегда знали, что морскую воду пить нельзя. Бомбар угробил себе желудок, кишечник, почки. Все достижения медицины не помогли. Через три года он умер развалиной, в мучениях, это не очень известно. Кто велел?

Охота пуще неволи.

Человек добровольно может делать такое, что раба под палкой не заставишь.

Когда человек пускается в рискованные авантюры, заведомо идя на лишения и страдания, «сменив уют на риск и непомерный труд», – зачем это ему, строго говоря, надо? В чем тут счастье? В достижении цели, результата? Если дело в достижении славы и богатства – то совершенно понятно поведение конкистадоров, первопроходцев, завоевателей, которые или гибли – или становились владыками неведомых прежде богатейших земель. А бесчисленные туристы, альпинисты, спортсмены-путешественники, им чего?

Счастье победы! Победил бурю, не утонул. Ободрал руки и ноги, напряжением всех сил не сорвался со скалы, влез на вершину. Обморозился в тундре, терял зрение от блеска снегов, дошел на лыжах до полюса. Изнемогая в пустыне от жажды, все же добрал до оазиса и в прохладе напился вволю. Зачем?! В виде спорта, в собственное свободное время. И даже не как профессионал, не ради славы и денег – а напротив, в законный отпуск, на свои кровные деньги. Потом отдыхаешь, в себя приходишь, лечишься, и вообще погнать можно, да не просто, а мучительно. Зато выжить, выстоять, победить – какой кайф! какое наслаждение!

И чем большим напряжением сил далась победа, чем круче был риск и тяжелее лишения – тем больше, ценней счастье преодоления.

Ведь гибнут постоянно – в горах, в морях, в порожистых реках. Можно на вертолете к вершине взлететь, на лайнере пересечь океан. Нет: специально выискивают самые трудные маршруты. Без трудов, лишений и риска – исчезает смысл, нет радости победы.

Значит, коли многие люди этим занимаются, в природе человека это присутствует. Испытать напряжение всех сил!

Людей, у которых потребность в таких рискованных действиях ярко выражена, называли авантюристами (теперь их чаще называют романтиками-путешественниками, а авантюристами называют просто мошенников, путая с аферистами). Они изобретают себе немислимые предприятия. Спокойная, размеренная жизнь им пресна, скучна, несносна. На покое они угасают, тоскуют, мучаются скукой. И часто гибнут в очередной аванюре.

Зато всегда скажут о преимуществах *«настоящей полной жизни»*, о необходимости и сладости *«острых ощущений»*.

Можно возразить: гордость человеческим всемогуществом, покорение природы, открытие нового – все это удел человека. Удел-то удел, а почему? Разве жить в покое и безопасности не приятнее? Зачем самому искать опасных приключений на свою... голову?

Значит, нужны сильные ощущения. И *положительные ощущения* здесь, понятно, *невозможны без предшествующих отрицательных*. Нет трудностей – нет победы. Риск и преодоление – соль и смысл аванюры. Даже если предприятие проходит гладко и удачно – риск есть всегда, в любой миг может разразиться неприятность, опасность, катастрофа, и сознание этого делает аванюру привлекательной. «А он, мятежный, ищет бури...»

Так что к отрицательным ощущениям человек может стремиться и сознательно.

Не всегда? Не каждый?

МАЗОХИЗМ И САДИЗМ. Почему влюбленная женщина иногда говорит: «Милый, сделай мне больно»? Черт возьми: ей доставляет наслаждение ощущение боли. Это как же так?

Ну, конечно, не такой боли, чтоб руку вывихнуть из плеча. Но вполне острой, ощутимой – синяки могут остаться. «Тебе больно? – Еще...»

Давно известно, что противоположности близки и вообще могут сходиться. Так парфюмеры знают, что тончайшее благовоние находится на грани зловония, в удержании на этой грани и состоит искусство парфюмера. Так же и в наслаждении любовью, давно и многими отмечено, боль и наслаждение очень близки, иногда просто перемешиваются, неразличимы. И стоны, и крики, и рычание. Совсем немаленький процент женщин в любовном экстазе дерут ногтями спину своих возлюбленных. Если им запретить это делать – острота ощущений снижается, уменьшается удовлетворение.

Они садистки? Гм. Ну уж. Вряд ли. Наука и общество так не считают. В остальном – совершенно нормальные женщины.

Садизм и мазохизм считаются патологией. Ну, наверное, если влюбленный для получения удовлетворения требует отхлестать его кнутом – это действительно патология. Есть грань, и есть переход через нее. Но:

Никакие психические отклонения не берутся из ничего и ниоткуда. Какое-то зерно в психике всегда есть, дело лишь в том, насколько здоровый росток оно дает, до каких пределов развивается.

Почему дети так часто мучают животных? И не потому, что они их не любят, напротив, могут трогательно и искренне заботиться о кошках, щенках, цыплятах. Но иногда, когда никто не видит (потому что им говорили, что это нехорошо), начинают душировать собственного любимого котенка, пришибают камнем цыпленка – и, подавляя тошноту, замагнетизированно смотрят на его конвульсии и выдавленные внутренности. Об отрывании лап и крыльев насекомым и говорить уже не приходится.

Детей обвинять в порочности нельзя. Дети – они дети и есть, они делают то, что в них заложено от природы, что в их естестве. Припомните собственное детство – почти у каждого был такой опыт садизма. Противно, страшно, тошнило! – а делали.

В больницы, в операционные детей как зрителей не допускают. Но те, кто в детстве пережил войну рядом с госпиталем, помнят, как сквозь щели в палатках и заборах смотрели на ампутации, на кровавые операции – подавляя ужас и тошноту, с замиранием духа: смотрели! Зачем?..

А когда холостят кабана или жеребца? Жутковато детям, противно, а смотрят. Если взрослому в этом дела нет, и смотреть ему, скажем, неприятно, он может отвернуться – хотя чаще тоже смотрит. Ребенок не отвернется никогда.

Ощущения, испытываемые им при этом, как правило категорически неприятны. Но почему-то он желает их получать.

Да голливудский кинематограф это давным-давно знает и поставил на поток: чирк по горлу, хрясь голову долой, эть руку обрубить – кадык у зрителя прыгает, ан фильм кассу делает.

А гладиаторские бои? Азарт, спорт? Пожалуйста – без спорта и азарта: публичные казни. Зрителей на площадях было – не протолкнуться, и все добронравные граждане. Что, это было давно, а сейчас люди стали лучше и гуманнее? О да, стоит только припомнить кровавую историю нашего столетия. То-то ТВ столько трупов показывает. Репортеры некрофилы, что ли?

Вот вам и патология. Это после определенной границы – патология, а в каких-то пределах – да у каждого обнаружится. Хороший массаж – какое блаженство! а ведь и больно временами и местами, и эта боль – острое удовольствие. А в раскаленной парилке да в два веничка тебя отходят – аж кряхтишь, еле терпишь, больно ведь! но до чего здорово, приятно.

Слушайте, а ведь крепкая парилка и жесткий массаж – это, так сказать, слабая разновидность мазохизма. Вы знаете, ведь хлестать себя плетью или раскаленным веником, особенно колючим, можжевелевым – практически одно и то же ощущение.

Так-с... Получается, что ощущение боли тоже может нравиться, и нравится. Это – положительное ощущение?! Гм. Да как бы выходит одновременно и отрицательное, и положительное. Такая штука. А вот как раз оно на грани положительного и отрицательного.

Дорогие мои. «Сладкая боль»... есть такое выражение. Это выходит, что нервная система человека приветствует и отрицательные ощущения, вот что это выходит. В этой отрицательности есть своя притягательность, ага?

А ведь это самый первичный, самый глубинный уровень нашей сущности – уровень мозга, нервной системы, ощущений.

Значит: человеку желанны не только те ощущения, которые принято называть положительными, но и те, которые принято считать отрицательными.

ЛЮБОПЫТСТВО. Насчет детского садомазохизма могут возразить, что это просто естественное детское любопытство, любознательность. Ребенок познает мир и себя, определяет границы своих ощущений, возможностей; ну, вроде как пока не обожжется – не поймет, что огонь трогать не надо.

Или пресловутое женское любопытство, сказка о Синей Бороде, и ни при чем тут никакая тяга к отрицательным ощущениям.

Возражение первое. Любопытством называется безусловная тяга к познанию лично не известного. Объяснения и предостережения помогают мало. Человека все равно тянет испытать самому. Он приобретает опыт, значительная часть которого – отрицательный опыт. Без отрицательного опыта тоже прожить невозможно. То есть потребность хоть единожды испытать соответствующие отрицательные ощущения в человеке безусловна. Это знают все сколько-то разумные родители и педагоги, не говоря о психологах.

Возражение второе. Если садомазохистский опыт отвращает ребенка от подобных экзерсисов, то откуда берется садизм взрослых людей? А в периоды войн и смут жестокость «цивилизованных, гуманных» людей достигает потрясающей степени. Просто у ребенка в нормальных условиях это задавливается наслоениями воспитания, морали, цивилизации – а в определенных условиях мощно вылезает наружу. А кончилась война – и дальше палач на пианино играет и тюльпаны разводит. Нормальный человек, кто б мог подумать, ах.

Возражение третье. Спиртное и наркотики с первого раза практически никому не нравятся. Пробуют обычно из любопытства. Со временем отрицательные ощущения сменяются положительными.

Так что любопытство – врожденное свойство познавать больше, а без этого не узнаешь, к чему стремиться, а чего избегать. Оно и заставляет познавать, ощущать и то, что тебе вроде и ненужно, и неприятно. Любопытство работает на познание отрицательных ощущений также, что пока нам только и требуется учесть.

СТРАДАНИЕ И СО-СТРАДАНИЕ. Кто не знает насчет сладости слез. По-простому: слезы, плач – это реакция на горе, проявление сильных отрицательных эмоций. А почему тогда можно плакать от радости, счастья, умиления? Если сходная реакция – может, и ощущения сходные?

Почему наибольшую зрительскую аудиторию в мире собирают душещипательные индийские мелодрамы? В этих фильмах обязательно есть страдания и слезы. И простодушные зрители сопереживают, плачут.

Комедия – тут понятно: радость, смех – чувства желанные, хорошие, положительные, люди хохочут, получают удовольствие, такое кино всем нравится.

В мелодраме – горе. Вызывает слезы. Выходят сморкаясь, утирая покрасневшие глаза. Зачем шли?! Им своего горя мало? Приятно плакать над чьими-то страданиями? Может, «приятно» – не совсем то слово, но – тянет, хочется, нужно за чем-то. Вы слышите: их тянет со-страдать киноперсонажам. Они знают, что все это придумано, условно, существует только на экране – а все равно со-страдают и плачут. И так – из века в век.

Зачем человек отдает свои деньги и тратит свое время, чтоб два часа поплакать в кинозале? Значит, есть у него такая потребность, да?

О сути и притягательности трагедии основательно рассуждал еще Аристотель. Он пришел к выводу, что при виде страданий в театре зритель испытывает «катарсис» – высокое и благородное чувство душевного очищения, стойкости, делается лучше, мужественнее, достойнее, укрепляется в истинных ценностях жизни. И вот стремясь душой к этому благу, человек и стремится к со-страданию героям трагедии.

Ну, почему человек стремится к страданию и состраданию – и должен к нему стремиться! для своего блага! – было создано много теорий. Особенно преуспело христианство. Страдание и плодотворно с точки зрения душевной, становишься лучше, добрее, понимаешь горе других. И для ума полезно, задумываться над жизнью заставляет, глубже в проблемы бытия вникать. И грехи им искупаются, и Богу оно угодно. Это – вопросы отдельных дискуссий, и была их уже тьма. Мы сейчас говорим о другом: цель, объяснение, оправдание, применения страданиям можно придумать самые разные, важнее другое – человек х о ч е т страдать! Пусть зная, что дома у него все в порядке, в реальной жизни все хорошо – но в кино, за книгой, он хочет глядя, читая, б е з о п а с н о пострадать.

Что это значит? Что он не хочет реальных событий в своей жизни, которые могут доставить ему страдание. Но в о о б щ е испытать страдание как эмоцию, без всяких вредных для себя последствий, он хочет!

Это очень, очень важно знать и понять.

Получается. Кино, театр, литература, музыка, вообще искусство – то есть искусственно изображаемая жизнь – удовлетворяют некую имеющуюся у человека потребность в страдании.

А если есть у человека глубинная, органическая потребность, то мозг, где все потребности гнездятся, придумает, как ее удовлетворить. Есть «искусственный» путь – хорошо. Здесь искусство работает как предохранительный клапан: и пострадал, и в жизни все в порядке. Ну, а если лишить человека кино, литературы, искусства? А? Потребность-то никуда не денется. Нервной системе-то все равно пострадать нужно.

ПРИДУМЫВАНИЕ ПОВОДОВ. И человек начинает придумывать себе поводы для страдания. Сплошь и рядом и на каждом шагу. Окружающие только диву даются, хотя сами точно такие же.

Особенно юность в этом преуспевает: или штаны немодные, или родители плохие, или в компанию не принимают: ну всегда юным в жизни что-то не так, и это доставляет страдание. Если большинство полагает традиционно, что юность – пора исключительно безоблачного счастья, то не от большого ума и хорошей памяти так считают. Юность – веселее, активнее, жизнерадостнее, быстрее переходит от одного состояния к другому, но страданий в ней – миллион. Она хочет – больше, быстрее, острее старости, вот и обломов, и терзаний, и недовольства больше выходит. Молниеносные влюбленности, мимолетные обиды, неожиданные увлечения, – и все чревато возможным страданием и есть повод для него.

Заметьте: образ мудреца человечество всегда рисовало себе в сединах, невозмутим, страсти и желания в нем утишены возрастом, опыт наложил на мировоззрение скептическую печать. Юноша – порывист, резок, наивен, романтичен, чуть что – переживает страшно, плачет от несправедливости жизни и восклицает в отчаянии: как же так! А мудрец, толстый Карлсон, утешает: это все пустяки, дело житейское, мне бы твою молодость. А юноша вопит: какие же пустяки, это ужасно, я сейчас повешусь! Вешается редко. Но страдает. Когда забывает, что страдает, счастлив и наслаждается жизнью.

Дети, юноши, взрослые, старики – имеют разные поводы к страданию. И каждой возрастной группе поводы других представляются малоосновательными. Ребенку – игрушка и прогулка, юноше – штаны и поцелуй, взрослому – должность и награда, старику – уважение и покой. Объективно все это чушь, условные мелочи могут человека печалить, но каждый очень дорожит своим и пожимает плечами над чужим.

Чеховский чиновник чихнул на лысину генералу и умер от ужаса. Хиппи на эту лысину еще бы и помочился. Он от другого страдает: смысла в жизни не видит. А генерал страдает, что его орденом к празднику обошли. А работяга, который штампует эти ордена на прессе ящиками, страдает, что его сын ушел в хиппи.

Меланхолик в депрессии заплачет от любой мелочи, как Пьер Ришар в фильме, где ему подали не тот кофе. Патология? А что это такое? Это деталь картины под увеличительным стеклом: что-то из нормального размера разрослось до непропорционально большого и бросается в глаза, искажает гармонию. Классических темпераментов в чистом виде не существует, в каждом человеке есть все, разница только в пропорциях. Элементы меланхолии, штрихи депрессии есть в каждом. «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп».

Благополучный ребенок в благополучной семье тоже иногда капризничает. Педагоги говорят: это он выясняет границы своей власти в семье, самоутверждается. Пусть, но факт в том, что ребенок безо всяких видимых причин вдруг находит повод к слезам, горю.

«Ах, боже мой, какой я несчастный, я никогда не видел, как человек падает с шестого этажа», – пожаловался Гаврош.

Самая отчетливая форма сознательного стремления к страданию – «косметическая ложь» (термин психологов): взрослый разумный человек приукрашивает свою биографию, чтоб лучше и значительнее выглядеть, обычное дело. И девушки часто придумывают в прошлом возлюбленного с трагической судьбой, слагают душераздирающую легенду о своей любви – и сами плачут, рассказывая ее подругам и знакомым! Какие мотивы ни выдвигай – тщеславие, неудовлетворенность – фактом остается желание пострадать. Искренне плачут, аж сами верят!

Пусть каждый повспоминает свою жизнь повнимательнее. Сколько он дергался, нервничал, переживал, страдал! Много лет прошло – и удивляешься, даже понять не можешь: из-за чего?! Ведь все было неплохо, терпимо, в пределах нормы – и из-за неважных, в сущности, мелочей и обстоятельств. Боже мой, чего я, дурак, с ума-то сходил, портил жизнь себе и близким. Хорошо еще от многих непоправимых глупостей удержался: не убил, не разругался насмерть, не застрелился. Ну обманули, ну обидели, ну что-то было не так, как мне в тот миг хотелось, но ведь все это в сущности так неважно!

И что, осознав это, ты перестанешь дергаться и будешь жить дальше спокойно и мудро? Черта с два. Вспомнишь о прошлом или представишь наперед какие-то раздражающие вещи – и кажется, что можешь переносить все спокойно. А случится сейчас – точно так же дергаешься и страдаешь. А вот нервы такие. Темперамент такой.

В любом случае переживать и нервничать – вредно, ненужно, это портит тебе жизнь и мешает достичь цели. Ты это отлично знаешь. И продолжаешь дергаться.

Разум понимает, что большинство поводов к дерганью, к страданиям – именно неважные поводы. Не причины. Сам же себя накручиваешь обычно.

Причина в другом. Есть способность к страданию. *А способности без потребности не бывает.* Вот иногда нервной системе пострадать требуется. *Способность предполагает возможность своего применения.* А если человек что-то может применить – он это применит, будьте спокойны.

Внешне потребность по отношению к способности первична. Через потребность о наличии способности и узнаем.

ИСКУШЕНИЯ. Каждому известно то, что называется искушениями. Сейчас мы имеем виду такие искушения, когда вдруг что-то подталкивает тебя как бы и не хотеть, но вот задумываться, как бы и не собираться сделать, но вот представляешь себе будто делаешь – что-то неправильное, неприличное, нехорошее, ужасное, чего делать не надо, нельзя, невозможно, противоестественно вроде.

Самый невинный пример – академик Ландау признавался, что при виде вращающегося вентилятора ему всегда хочется бросить в лопасти сырое яйцо, и посмотреть, что будет. А не бросал...

Обычное искушение – шагнуть вниз с высоты. Известно: высота манит полететь вниз. С балкона, с горы. Знакомо каждому. Страшно, жутко – а манит, и представляешь себе, как это просто сейчас сделать.

Почему, зачем? Ведь это смерть, а умирать он сейчас, стоя на балконе, отнюдь не хочет. (Есть точка зрения, что смерть вообще манит. Это отдельный разговор.) А вот сделать такое – подмывает, и холодок внутри от того, как легко и просто это сейчас сделать.

И приходит эта мысль и этот холодок сами по себе.

Когда подпивший дядюшка Хо Ши Мин прилюдно запустил руки в декольте Валентине Серовой и схватил ее за большие сиськи – он не удержался от искушения приятного и естественного. Скандал замяли. Когда довлатовский брат пописал из окна на директора школы – это было искушение хулиганское, его исключили. А когда один мой приятель изнасиловал одноклассницу, а другой воткнул красивый блестящий нож в живот случайному прохожему – они уже последовали искушениям крутым, п р е с т у п л и. Оба мне потом признавались, что не собирались этого делать, не хотели даже – а вот подмывало что-то внутри: ведь это так просто взять и сделать, не может быть, неужели.

И более того, более того! Почему каждый иногда растрavляет себя картинами горя и смерти любимых людей? И – вечная проблема психоаналитиков – любой человек, пусть очень редко, пусть запрещает себе даже думать об этом – иногда, ужасаясь противоестественной кощунственности своих мыслей – не мыслей даже, а картин в мозгу – представляет, как он убивает своих родных. На какой-то миг кухонный нож в его руке повергает его в кошмар: как просто воткнуть его в сидящего рядом человека. Как просто обрубить ему пальцы. Как просто отрезать голову; а потом еще можно поставить ее на тарелку и смотреть. Как просто приподнять и выкинуть в окно, с верхнего этажа.

Слушайте, он жизнь отдаст за этого родного человека, всем ему пожертвует, своим телом от опасности прикроет – откуда эти ужасные проблески кровавого бреда? (Ни классический фрейдизм, ни современный психоанализ никак не отменяют того, что в человеке это наличествует.)

Не говоря уже об искушении самоубийства: как просто приставить пистолет к виску или сунуть голову в петлю. Хотя на самом деле умирать не собираешься и будешь цепляться за жизнь до последнего.

Какие теории не строй, как структуру подсознания и его мотивации не объясняй, факт остается: а вот возникают в человеке такие ощущения, отнюдь не приятные.

ИНСТИНКТ И ЧУВСТВА. Мы говорили, что на самом первом, самом глубинном, самом основополагающем уровне жизнь для человека – это комплекс ощущений, который испытывает его нервная система, его мозг.

А что в человеке уж самое-самое основное, базовое, бесспорное? Инстинкт жизни. Жить! Основы более общей и необходимой уже нет. Это – прежде всего.

Рациональная, механистическая, позитивистская философии трактуют жизнь как систему, где все целесообразно и взаимообусловлено. Земля для травы, трава для коровы, корова для человека, человек для прогресса. Элементарно, Ватсон. Любовь как инстинкт продолжения рода, творчество как его сублимация.

Инстинкт являет себя субъекту через ощущения. Удовлетворение ощущений необходимо особи для жизни и продолжения рода.

У животных все просто, все их действия – непосредственная реакция на ощущения, и это необходимо для жизни и рода. А вот человек с его рефлектирующим разумом – урод в дружной и здоровой семье животных, он создал культуру и цивилизацию, изощрил способы удовлетворения ощущений, извратил, и уже делает часто не то, что нужно просто для жизни. И его завихрения объясняются психологами, врачами, социологами, философами.

Тогда объясните, почему селезни грешат гомосексуализмом, а ваш песик упорно норовит совокупиться с диванным валиком или хозяйской ногой. Они что, так ослеплены страстью, что уже не отличают утку от селезня, а суку от мебели? Да нет, при возможности выбора предпочитают нормальных партнеров.

С точки зрения природной целесообразности их действия бессмысленны. Сознают они свою ответственность за продолжение рода? Нет, они хотят удовлетворить свое ощущение.

Это ж батюшки мои, даже зверьки и птички, если их важнейшая инстинктивная потребность по какой-то причине расходится с удовлетворением ощущения, следуют именно своему ощущению. А чем им еще руководствоваться? Рекомендациями Общества охраны животных? Вот обезьяна – животное высокоразвитое, поэтому она занимается онанизмом, а селезню это затруднительно.

Вот вам инстинкты, вот вам целесообразность, вот вам кошка с валерьянкой и крыса с педалькой. Мозг испытывает ощущения и требует удовлетворения желаний, а каким путем – это уже дело второе.

У мошкеры инстинкты вовсе просты, а летит она на огонь и сгорает... Ощущение света и тепла заставляет лететь.

Так что ощущения, через которые являет себя сам инстинкт жизни, могут вести к диаметрально противоречащему тому, чего хотел в реальной жизни добиться для особи ее инстинкт жизни.

Инстинкт жизни – – ощущения – – благо, жизнь.

Инстинкт жизни – – ощущения – – не-благо, смерть.

Но для особи, индивидуума, личности жизнь – это всегда данный момент, а данный момент – это ощущения, среднее звено цепи, а не результат.

САМОУБИЙСТВО. Это уже предел противоречия инстинкту жизни. И ведь в петле пляшет, под водой содрогается: организм жить хочет! Какой здесь рациональный мотив?

Если это эфтаназия, легкая смерть как избавление от мук и последующей смерти тяжелой – тогда хоть понятно. А если здоровый мужик, миллионер разорился – и шлепнулся? Да у него

есть больше, чем у любого латиноса из фавелы, который – рому хлопнул, бабу в куст кувырнул, музыку услышал – и побежал самбу танцевать, зубы скалит.

Самоубийство н е р а ц и о н а л ь н о.

Отрицательные ощущения достигают такой силы и «массы», что базирующийся на них разум принимает решение: надо кончать. Если нельзя избавиться от отрицательных ощущений, иным способом – ну, тогда надо кончать вообще.

Но поводы к тому – условны! Несчастливая любовь, крушение цели жизни, несчастные обстоятельства, – но жить-то можно. Ан уже неохота.

Это ж какой силы должны быть ощущения, чтоб преодолеть сам инстинкт жизни. И главное: кто тебе велел такое ощущать?.. А?..

Ну, если в армию взяли или в тюрьму залетел, и там замучили – еще понятно. А если – сам, на свободе, при всех возможностях?

Наука суицидология полагает самоубийство невропатологией и лечит спасенных, глуша их нервную систему ударными дозами успокоителей. Однако любой нормальный человек задумывался о самоубийстве.

ПОЛНОТА ЖИЗНИ. Кого возлюбят боги, тому они даруют много счастья и много страдания. Люди и это всегда знали...

Что такое жизнь-то наша? Смотреть, познавать, делать, переживать... И сам инстинкт жизни повелевает, обеспечивает, проявляет, делает безусловным, необходимым, как угодно называйте, такое положение вещей в жизни человека, чтоб он за жизнь как можно больше наощущал. С точки зрения мозга это и есть жизнь. А жизнь – та данность, которую мозг неуклонно приводит в действие.

И если человек может, способен ощущать счастье – то он должен его ощущать, и все тут. Такова данность. Так он устроен. Так создан мир, и если он может ощущать страдание – будет ощущать! Я сказал. Никуда не денется. Природу не обманешь.

И чем больше он будет ощущать того и другого – тем полнее будет его жизнь. В предельной степени реализовать все заложенные в тебе возможности. Жажда жизни. А прежде всего это – возможности мозга к ощущениям. Возможности нервной системы к напряжениям. Как можно сильнее, разнообразнее, больше перечувствовать.

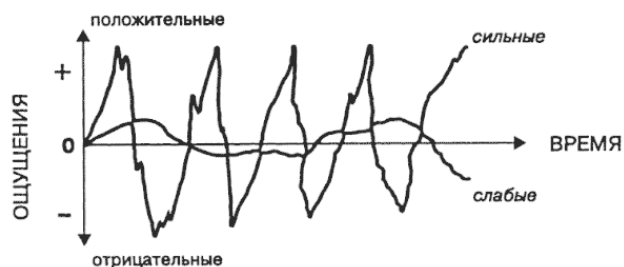
Э, стоп, скажет флегматик. Тогда все люди должны броситься жить так, чтоб все их нервы были на пределе. Была бы не жизнь, а сплошная шекспировская драма бушующих страстей, где в результате трехчасового действия – гора трупов и конец всему. Почему же подавляющее большинство нормальных людей все-таки обычно живет довольно тихо и мирно и доживает до почтенных лет?

Первое. Потребности в ощущениях и пределы напряжений индивидуальны. Где авантюрист наслаждается риском – мирный обыватель умрет от стресса. А где трудолюбивый крестьянин в ладу с жизнью возделывает свою ниву и живет до девяноста лет – буйный конкистадор зачахнет от тоски, или пойдет в конокрады. Даже боксеров классифицируют по весовым категориям – вот и в жизни так же: каждый стремится к таким напряжениям, которые потребны именно его нервной системе.

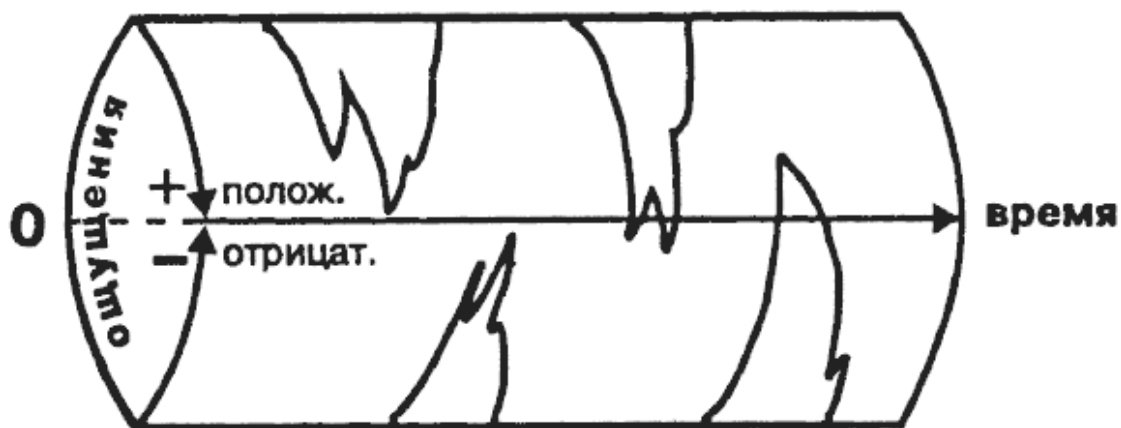
Второе. Опять же давно известно, что от слишком большого горя, как и от слишком сильного счастья, можно умереть. Хотя и редко, но возможно. Самоцель же жизни состоит в том, чтобы прожить – то есть наощущать – как можно больше в общем, в конечной сумме. Поэтому человек обычно инстинктивно избегает непереносимых для его нервов напряжений, чересчур сильных ощущений, которые могут разрушить организм и прекратить дальнейшую жизнь – тем самым в общем ее уменьшив. Он предпочтет жить дальше, и ощущать дальше, и в результате наощущает больше.

Для наглядности построим простенький график, где на продольной оси время жизни, а на вертикальной – сила ощущений. Схематично это – «график жизни». Чем больше общая сумма величин, тем больше и была жизнь – полнее, богаче, реализованней.

На самом деле график этот не плоский. Есть граничная линия, где противоположности сходятся: ощущения положительные и отрицательные, достигая предельной и запредельной силы, иногда соседствуют, смешиваются и даже переходят друг в друга: боль и наслаждение, горе и счастье.

Вот эта линия на цилиндре и должна быть как можно длинней. Вот и вся петрушка. Жизнь, заложенная в человеке как данность, проявляет себя.

* * *

Жизнь из горя и счастья пополам, давно замечено, гораздо полнее, чем сплошное благоденствие. Для настоящего счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья, философски вздохнули мудрецы.

Может ли подброшенный вверх камень не упасть вниз? Нет – в него Законом всемирного тяготения, силой гравитации, заложена необходимая потребность упасть на землю.

Может ли зерно в почве не взойти весной? Нет – цикл его развития в нем заложен, его жизнь запрограммирована природой: он даст колос. Зерно не думает, зачем прорастает. Такова его сущность.

Вот и сущность человека – явить и реализовать заложенную в нем программу. Исходная ее позиция – ощутить все возможное, что в нем заложено.

В отличие от зерна, в программу человека заложена разумная деятельность. Но не *вместо* инстинктов и ощущений, а *дополнительно* к ним. И не так просто понять, зачем это и почему. Посмотрим:

6. Максимальные действия

НЕТ РАЯ НА ЗЕМЛЕ. С тех пор, как человека изгнали из Рая, он только и мечтал устроиться так, чтобы жить как в раю. Если мы с вами такие умные, что все, изложенное до сих пор, представляется нам понятным, и даже известным, и даже банальным часто, зададимся одним простым вопросом: ежели человек стремится к тому, чтобы в течение жизни как можно больше всего наощущать – и даже, допустим, разумом это понимает! – то он должен напрямую, кратчайшим и простейшим путем, стремиться именно к тому, чтоб как можно больше и сильнее наощущать всего разного, не теряя времени и сил на пустые и необязательные хлопоты. Так выходит?

Скажем, призвать на помощь науку и технику, и изобрести такое снадобье, сказочный эликсир, или сконструировать такие приборы, чтоб – выпил мензурку, влез в скафандр с датчиками, надел на голову проводки – и ощущай себе сколько влезет, вот тебе прекрасная и огромная жизнь.

Теоретически это кажется вполне возможным. И даже практические опыты давно ведутся. Пока на животных, но и человеку кое-что перепадает. Скажем, сложные электро-телекомпьютерные комплексы для получения максимальных сексуальных ощущений с любым воображаемым партнером. Это – самый сложный вариант в данном направлении, а самый простой – искусственный фаллос для мастурбации, известный еще в античности.

Люди достигли многого по части п о д м е н ы. Созданные суррогаты позволяют получать массу ощущений *искусственным путем*, без всяких хлопот и вообще действий. В первую очередь это игры и и с к у с с т в о – это вещи родственные, отчасти одно и то же: в некотором аспекте основой их является совершеннейшая условность самого процесса и результата. Любой игрок и зритель это понимают – а переживаний море. И изучают их целые комплексы наук: теория игр и искусствоведение.

Так заглянем по этому пути до конца. Пофантазируем. Загипнотизировали человека. Внушили ему, что он столько всего напереживал! Кормили-поили через трубочку, держали в кровати в теплой комнате, судно из-под него выносили. И кажется счастливцу в отключке, что живет он богатейшей жизнью. А на самом деле вся его жизнь – одна сплошная иллюзия.

Многие философские учения примерно так жизнь человека и трактуют: мол, все это одна сплошная иллюзия, а на самом деле ничего нет. Но люди в жизни руководствуются не философскими учениями, а своими конкретными чувствами, мыслями и нуждами, поэтому философские учения мы в очередной раз оставим в стороне, а будем руководствоваться элементарным здравым смыслом и тем коллективным опытом человечества, который каждому как-то известен и понятен.

А каждому известно и понятно, что все человечество не загипнотизируешь и с трубочки не прокормишь. Во-первых, пропитание себе приходится добывать самому, во-вторых, гипнозу вообще не все поддаются, в-третьих, что-то не очень охота так жить. А если наука и техника сделают это возможным – то кто будет обслуживать эти недвижимые тела? А как они будут размножаться? А обслуживающему персоналу, допустим, меньшинству, пяти процентам населения, на кой черт это нужно? В общем, оставим этот научно-фантастический фильм Голливуду и обратимся к грешной земной действительности. В этой действительности у людей нет возможности лежать на диване, переживая субъективные ощущения, а надо что-то делать, работать, кормиться, чтобы вообще прожить. А жить охота. Иногда неохота, но все равно надо. Инстинкт, что поделаешь.

Итак, руководствуется в жизни человек инстинктом жизни, который являет себя через субъективные ощущения. Но ограничиться «чистым», «внедейственным» удовлетворением ощущений на практике не получается. Невозможно не совершать хоть какие-то действия, хотя бы чтоб поддерживать в себе самую жизнь. Ощущения заставляют удовлетворять голод, жажду и так далее. И чем далее, заметьте, тем более.

Увы: уже на первичном уровне, на уровне удовлетворения физиологических потребностей, ощущения человека повелевают ему совершать действия. Пока все проще пареной репы.

В ТУПИКАХ. А нельзя ли все-таки, раз уж главное – это много сильных ощущений, устроиться так, чтоб минимально тратить силы и время на добывание хлеба насущного, а в основном, насколько только возможно – получать ощущения напрямую? Для того есть масса простых, доступных, испытанных средств: первые – алкоголь и наркотики, вторые – игры, искусство, хобби. В конце концов, многие так и поступают. Причем их, похоже, становится все больше – уровень развития цивилизации позволяет жить почти или полным дармоедам.

Нет, все-таки не получится. Конечно, этот тупиковый ход довольно быстро привел бы человечество к концу и явился благом для планеты, спася ее тем самым от уничтожения человеком. Но все стать алкоголиками и наркоманами (а равно игроками и поэтами) никак не могут по нескольким очень основательным причинам.

Во-первых, многие устойчивы к алкоголю и вообще он им не очень нравится.

Во-вторых, аналогично, многие решительно не хотят прибегать к наркотикам. Вот знают они, что это необыкновенный кайф, слышали, читали, – но есть другие интересы, больше влекут вещи обычные, хочется нормальной жизни, пусть она и трудна, и так далее.

В-третьих, большинство людей к алкоголикам и наркоманам испытывает (кроме жалости и сочувствия) чувство превосходства, презрения, высокомерия: мол, жалкие создания, жалкая участь.

Люди, в отличие от крыс, тоже будучи способны забросить все и только нажимать педальку, наслаждаясь до полного истощения, – так поступать почему-то не желают.

Равно если игрок в карты, художник или коллекционер пуговиц неудачливы, бездарны и нищи, ничего в жизни не имеют – их жалеют и презирают. А если удачливы, знамениты, богаты – то они встраиваются в социальную систему и совершают массу ненужных поступков: прежде всего приобретают дома, машины, вещи, тем самым тратят деньги, заставляют их работать, что дает работу другим людям. Для этого меньшинства занятие становится делом. А вот жизнь их большинства – нормальных людей отвращает.

А если просто богатый наследник, рантье, тихо проживает свои деньги за игрой, ходит по музеям, читает книги, собирает марки – и все? Ничего не делает, за модой не следит, жилище не ремонтирует, ему и так хорошо. Окружающие считают его или чудаком, или пустым местом. Посмеиваются. Иногда, безусловно, завидуют его покою, свободе и безделью. И, представляя себя на его месте, полагают, что завели бы гарем, или купили яхту, или путешествовали по миру – ну, получали бы удовольствия через какие-то действия. Потому что «бездельник» для нормальных людей есть слово и понятие ругательное, презрительное, уничижительное.

Логически и арифметически, опять же, большинство человечества не может быть игроками, художниками, коллекционерами и рантье. Кому-то надо их кормить, одевать, дома строить. Не то вымрут.

Так, может, отношение к бездельникам и наркоманам определяется просто моралью? а мораль общества определяется потребностями большинства – работать?

Ладно: с высот технического прогресса протянем руку дружбы Платону – создадим такое идеальное государство, где нет рабов, и никому нет никакой нужды работать, потому что все делает техника. И у всех есть все, чего только душа может пожелать. Рай на земле.

СКУКА. Что такое скука? Когда ничего не надо делать и ничего не хочется. Почему не хочется? Потому что, в нашем идеальном случае, и так все есть. Вот о чем ни подумал – мигом все и будет. Бич праздного сословия... Тогда возможны такие варианты:

1. Наркотики и алкоголь.

2. Игры.

3. Спорт.

4. Искусство.

5. Развлечения, куда входит потребление искусства, спорт как зрелище, охота, опять же игры и т. п.

6. Явно бессмысленная деятельность ради нее самой, ради тех ощущений, которые она дает: гонки на автомобилях или почтовых каретах, например, или строительство песчаных замков.

Все это присуще праздным сословиям во все эпохи. А еще: моды, этикет, условности «светской жизни», которым придается большое значение.

Мы имеем все то же самое: стремление к получению ощущений напрямую или посредством действий.

Остается нерешенным только извечный вопрос: на кой черт что бы то ни было делать человеку, у которого и так все есть. В том числе главное: возможность мгновенно удовлетворять любое свое желание?

И тогда у него появляется *желание иметь желания*. Нагулять аппетит. Устать, чтоб испытать сладость отдыха. Riskнуть жизнью, чтоб ощутить радость жизни.

А почему не пойти по пути Будды? А не хочет.

А вот если кто двинется в карьеру, дело, власть, славу – ему почет и уважение.

Был нигилизм, было манихейство, было все: были всевозможнейшие учения, отрицавшие любое действие и вообще жизнь, учившие, что это и есть благо: ничего не иметь, ничего не делать, ничего не хотеть. И вообще не жить.

Но в общем и целом, в среднем и основном, человечество хочет жить. Данность, инстинкт.

Однако человечество состоит из конкретных людей. Мы столько твердили, что для каждого конкретного человека жизнь есть прежде всего комплекс ощущений. Так почему даже тогда, когда человек может получить максимум ощущений без хлопот и напрямую, он отнюдь не всегда этому следует, а предпочитает хлопотное и долгое реальное действие? Почему он не хочет нажимать свою педальку, тварь нелогичная? Почему не бежит всегда от скуки подобным путем?

Нет же, зараза: потеет, стонет, прокликает – и действует. И мог бы на все плюнуть – а не плюет. Чутью же занимается! – а наркоманом быть не хочет.

Все хочет иметь – а скуки стремится избегать.

ТОРЖЕСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОГО РАЗУМА? Одни люди сформулировали, что труд – это Божье проклятие, и такова доля человека в наказание за грехи. Другие язвили по поводу скуки в раю и интересного общества в аду. Третьи придумали теорию прогресса, объявили человека венцом творения и целью ему сформулировали построение счастья на земле. Человеку дан умный разум, умелые руки, а вместо сердца – пламенный мотор.

Поэтому человек даже при самом свободном выборе обычно не хочет быть наркоманом, а хочет быть создателем. Просьба из президиума считать это победой разума над сарсапариллой. Над чувствами.

Но мы рассмотрели, убедились, утверждаем, что первичны – ощущения! Разум на них базируется, больше ему не на чем базироваться. Он их обслуживает. И какой бы выбор человек ни делал – в конце концов он всегда сводится к выбору между двумя желаниями. И побеждает то желание, то чувство, которое сильнее, только и всего. Разум знает, что все условно, все

относительно, главное – насладиться полнотой жизни, и нечего зря трудиться до седьмого пота, все помрем и прахом будем.

Значит, желание человека действовать – внутренне ему присуще и от разума не зависит. А вот создан он так, чтобы действовать. Значит, ощущения от действия, от напряжений умственных и физических сил – неадекватны для него ощущениям «обманным», напрямую. Запрограммирован он природой через ощущения – на действия.

А наркомания – это тот боковой тупиковый ход, которым неизбежно идет меньшинство, вроде как обман мясной мухи, руководствующейся запахом тухлого мяса для откладывания в него яиц – и иногда она ошибается и откладывает их в цветок, есть такой, который точно пахнет тухлым мясом. С точки зрения мухи главное – запах, субъективно она к нему стремится. С точки зрения природы – накладочка, бывает, без этого не обходится. Крайности всегда выходят за рамки явления, краешки обламываются, отграничивая и показывая собою пределы явления. Так каменщик стряхивает с мастерка излишки раствора, а на кладку идет лишь необходимое количество. Так река, прокладывая русло, частично впитывается в берега, расходуя часть воды на увлажнение пути, чтоб дотечь до моря. Природа, чтоб достичь чего-то, неизбежно преодолевая сопротивление среды, всегда действует «с запасом».

Если бы человек руководствовался разумом – он не совершал бы неразумных поступков.

Если бы человек руководствовался действиями – он не бежал бы от действий в наркоманию и хобби.

Если бы человек мог ощущать «напрямую» столько же всего и с такой же силой, как через действия, он всегда предпочитал бы действию искусственно вызываемые ощущения.

Ощущения – разум – действия: вот цепь. Для наркомании ни ума, ни сил не надо. Применение ума и сил дает, на уровне мозга, опять же, ощущения. Если ум и силы «отключить», вывести из этой цепи – столько ощущений уже, в общем и целом, никакими заменителями не наберешь.

Разум – это такой механизм в мозгу, посредством которого человек может ощущать всего-всякого гораздо больше животного.

Само с о з н а н и е чего-то – судьба близких, положение твоих дел, о чем узнаешь из письма или по телефону – уже дает тебе положительные или отрицательные ощущения, может делать счастливым или несчастным.

Действия – это такой механизм, приводимый в движение и координируемый разумом, который позволяет человеку, опять же, массу всего наощущать.

Разум, во-первых, уже сам является «давателем» ощущений: через размышления, через пропущенное через себя восприятие реальной жизни или условного искусства.

Разум, во-вторых, есть трансформатор между превращением ощущения в действие, и декодер между действием и доставляемым этим действием ощущением. (Простейшее ощущение, как голод и его удовлетворение, и без разума обойдется. А радость достигнутой цели или научного открытия – возникает опосредованно через разум.)

И только через максимальную работу умственных и физических сил человек в общем – и человечество в целом – может получать максимум ощущений, что и есть для него жизнь.

И тогда он чувствует себя ч е л о в е к о м.

Действия могут быть хорошими и плохими, полезными и вредными, умными и глупыми – любые определения и оценки тут условны, зависят от точки зрения, цели, морали, системы представлений. А нервной системе они необходимы, она без них не может.

На плоту через пороги и водопады! Поднял двести килограмм, один избил десять человек! Десять лет ночей не спал, совершил открытие, над которым веками бились! Кайф, здорово, я смог, сделал, я что надо!

Реализация всех своих возможностей до предела дает человеку ни с чем не сравнимое ощущение – полноты бытия и своей значимости. Бывает и трудно, и мучительно, и опасно – а отрадно.

Обычно это и называется с а м о р е а л и з а ц и е й.

Повторяю для особо одаренных:

ощущения ↔ разум ↔ действия

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ. Главный инстинкт – выжить. Когда-то первобытному человеку, чтобы выжить, было жизненно необходимо быть сильным, храбрым, умным, ловким, выносливым. Иначе не победишь хищников и врагов, не добудешь добычу на охоте. На всех досыта еды не хватит. Выживали те, у кого эти качества присутствовали в наибольшей степени. Они в первую очередь и оставляли потомство.

Сильный берет лучший кусок и лучших женщин. И каждый хочет, тянется, быть как можно сильнее. Все силы прикладывает, главное в жизни для него – именно это. И бдительно охраняет свое место в иерархии семьи, рода, племени. Подняться, не опуститься! Хватает мяса только на одного – его берет сильный, хватает на многих – потом берут мужчины «по степени главности», потом – их женщины в той же строгой очередности, хватает на всех с избытком – сильный все равно берет первым что хочет, и никто не смеет опередить его: изобьет, искалечит, убьет, выгонит вон из стаи.

Собственно, у животных так же. А человек – то же животное плюс разум и руки. Плюс, а не вместо. А физическое, биологическое устройство человека осталось то же самое, ставший царем природы кроманьонец от нас ничем не отличался. Его уникальную нервную систему мы получили в неизменном состоянии.

М ы в с е – п о т о м к и п о б е д и т е л е й. Слабые и побежденные вымерли.

Что означает, когда сильный берет первый кусок, даже если еды полно? Он голоднее, жаднее, нетерпеливее, жрет больше? Нет, он этим заявляет: я самый крутой, сильный, храбрый, умелый, значительный; главный. Я способен делать, и делаю, большее, чем вы, и это имеет огромное значение – для меня, для вас, для племени, для всех. Но в первую очередь для меня самого. Делаю-то я все в первую очередь для себя самого, потом для своей семьи, потом уже для вас всех, уж коли мы живем вместе, потому что вместе нам выживать легче и лучше. Не взять первому лучший кусок – могут подумать, что ты слаб, оттеснят, облагают, в голодное время вообще сдохнуть можешь. Драться за кусок каждый раз? Да нет, лучше отметелить сразу одного-другого, и пусть каждый всегда знает, где его место и кто такой я.

А прочие дерутся, меряются силой, за свое место в очереди.

Это самая первобытная форма с а м о у т в е р ж д е н и я.

Более или менее осознанное или неосознанное ощущение своей значимости, значительности, – сильнейшее в человеке после удовлетворения простейших физиологических потребностей. Это проявление того же инстинкта выживания – который позволил выжить до сих пор.

Посадите волчью стаю по клеткам, кормите вожака последним – он будет беситься и чахнуть от непереносимого и несправедливого унижения. Для него жизненно важно быть первым. Плевать на корм, он может отказаться от него и вообще лучше сдохнуть. А иначе волки и не выжили бы. Естественный отбор, выживать должны лучшие. (А лучшего, без борьбы, – в последние?! Крах природы, невроз.)

Естественный отбор у цивилизованного человечества в общем прекратился, искусственно помогают жить даже самым паршивеньким и слабым. Но инстинкт жизни и нервная система остались те же самые. Поэтому:

стремясь к самореализации через действия, человек всегда предпочитает такие действия, которые служат к его самоутверждению.

Что бы человек ни делал – он всегда хочет быть значительным. Не последней скотиной. Уважать себя. И чтоб другие уважали.

На хрена?

В каких формах самореализуется человек? В таких, которые ему как минимум известны. Которые как минимум вообще существуют в современном обществе, цивилизации. Нельзя стать знаменитым древнегреческим кинооператором, скажем.

На сколько человек хочет реализовать свои возможности? На столько, на сколько можно.

А на сколько можно? А никто не знает. Границы туманны. Пределы постоянно отодвигаются. Наука утверждает, что обычно мы используем лишь пятнадцать процентов потенциальных возможностей своего мозга. Как они высчитали эти проценты, сказать трудно. В цифре можно усомниться. Но то, что кроманьонец, с его мозгом, изготавливал свои примитивные двадцать видов ручных орудий труда – и с тем же мозгом изобретает компьютеры, создает науки и летает на Луну – это факт, а не реклама.

И человек сравнивает себя с окружающими. Определяет полноту своей жизни, степень своей самореализации – через сравнение с тем, что делают другие, что могут, на что способны, – и, значит, он сам на это тоже в принципе способен.

И если он может, делает, имеет, добился в жизни больше, чем окружающие, – ему хорошо, он себя уважает. А если меньше – ему хуже, и уважает он себя меньше. А с кем ему еще, бедолаге, себя сравнить?.. Как узнать, что еще делать?..

Заметьте, разум тут не при чем. Можно знать окружающих как сволочей и идиотов, презирать их, – и все равно хотеть, чтоб они признали тебя главнее их. Обычно так и бывает.

Потребность в самоутверждении – это аспект потребности в самореализации.

А вот самоутвердяться можно только через действия, поступки. Тут ни голословными заявлениями, ни наркотиками не обойдешься.

Любой может заявить: я самый сильный, храбрый, умный, богатый – поняли? я значительнее вас, можете меня уважать. А ему ответят: ты дурак и хвастун, предъяви-ка, кто ты есть – выйди на поединок, растолкуй непонятное, предъяви богатство.

Тут нужны какие-то объективные критерии, чтоб всем сразу было видно и понятно.

ГРИМАСЫ ОБЩЕЖИТИЯ. Вечные грезы человечества создать справедливое общество полного равенства – никогда не могли сбыться, и не смогут, конечно, из-за этой малости: стремления человека к самоутверждению. Силы и способности людей неравны. Ограничить законом? А кому некуда приложить себя – будет пить, хулиганить, вечный двигатель тайно ночами изобретать. Ну, а если велеть силы и способности все направлять на то, что общество признает полезным, нужным? Тогда можно. А если не захочет слушаться? Тогда наказать, посадить, изгнать. А если он много полезного наделал – он же будет себя ощущать значительнее других. (Вот таких древние греки и подвергали остракизму.) А другие будут чувствовать себя хуже, менее значительными, завидовать начнут. Сильных и способных женщины больше любят – опять же, уже неравенство, повод к ревности и зависти. Если уважать его и славить – может возомнить о себе, это чревато и другим обидно. А не воздавать дань его заслугам – он будет переживать, что его не ценят по достоинству. Полного равенства – ну никак же не получается. А каким декретом вы отмените жадность, подлость, зависть, лживость, эгоизм? Их всегда осуждали и стремились ограничить, но они – суть проявления все той же самореализации, все того же самоутверждения. Потому и неискоренимы, что присущи человеку.

...В цивилизованном обществе человек самоутверждается не в поединке с тигром, не в драке над тушей кабана. Сытость и безопасность в мирные времена гарантированы каждому. Что делать? И человек начинает выпендриваться. Самоутверждение, принимая цивилизованные формы соревновательности и конкуренции, воплощается в идиотской гонке за условными и бессмысленными ценностями. Типа кусочка металла на груди, он называется специальным словом «орден» и обозначает, что его обладатель значительнее других (вариация: кольцо в носу

дикаря). Возникает понятие «престиж»: владеть ненужными вещами, жить в определенном районе, присутствовать на никчемных церемониях – и все это означает, что ты значительнее других.

Вот на что цивилизованный человек себя в основном тратит.

Вещизм. Зачем человеку большой дом, если он с семьей неплохо поместится и в маленьком? Что, большой красивее? И маленький может быть прекрасен. Зато большой может быть еще и грандиозен. Коттедж, вилла, особняк, дворец. Окраина, центр, квартал аристократов. О: сразу понятно, кто есть ху, кто чего может и стоит. Бандит из «новых русских» жизнью ежедневно рискует – но ставит помпезный замок: пусть все видят! Завтра его вдова пустит его с молотка за четверть цены. Но сегодня он жив – и горд собой.

Вольные рыцари средневековья были точно такие же бандиты.

Дорогая мебель выполняет свою функцию не лучше дешевой, и может быть не более красива, может быть даже глупа и уродлива, зато от знаменитой фирмы, от известного мастера-дизайнера, который через мебельный выпендрей делает свое имя и свои бабки.

Дорогой автомобиль может по сути ничем не отличаться от втрое более дешевого. Он демонстрирует значительность владельца. А когда на «роллс-ройсах» начинают ездить нефтяные шейхи и негры-миллионеры, то люди «приличные» хотят от них отличаться, и пересаживаются на «мерседесы». А когда каждый середнячок на последние деньги старается купить ветеран-развалину «мерс», то богатые садятся в БМВ или джип-«Чероки». Отличаться!

Вещь – знак владельца. Лейбл от Живанши определяет цену галстука, а галстук – цену владельца. Дача в Жуковке – не то, что дача в Малаховке, и при равном качестве – цены на них здорово разные.

Из анекдотов о «нюу рашенз»: «Видал галстучек? Триста баксов! – Дурак. За углом точно такие – по семьсот».

Человеку несносно, печально, унизительно сознавать себя «хуже других». А чем цивилизованные люди обычно меж собой меряются? Барахлом. Вот и лезет человек из кожи, чтоб доказать себе и прочим, что он тоже не лыком шит. Кряхтит, болеет, «аж пишшит – а лезет!».

Мода. Как философски произнес мой друг в восьмом классе, убив неделю на оснащение самодельных джинсов коробкой заклепок, «Не можешь выделиться умом – так выделиться хоть одеждой...».

Это способ древнейший. Мода на черепичные крыши, или определенное предместье, или «Мерседес-600», или книгу, или спектакль, или теннис, или пистолет «Глок». «Мода» означает: сегодня люди значительные, разбирающиеся, высокопоставленные, со средствами – предпочитают иметь вот это и делать вот так. Если ты следуешь моде – ты тоже, значит, более-менее такой. А не следуешь – козел: или денег нет, или ума, или вкуса, или приехал из какой-то непрестижной глуши. Но поскольку ум бывает редко, и вкус не чаще, и деньги нажать нелегко, то следование моде отчасти это все заменяет. Фамилию Бердяева знает, фильм Спилберга смотрел, живет на Поварской и ездит на «Порше». Ну во всех же отношениях достойный человек, вот и все примерно так должны жить. Если он даже по уши в долгах – не так важно, все равно же сразу видно, что с ним все в порядке, ему себя стесняться не приходится, и возбуждает он зависть.

А прежде всего под словом «мода» подразумевается мода на одежду. Прочее – более громоздко, требует больше труда, денег, времени, может быть необязательным, прочее можно как-то скрывать. А в одежде ходит каждый, и сменить ее недолго, и видно тебя сразу. Вот где разгул! Меняем почаще, переодеваемся трижды в день, вопросы удобства и практичности – на хрен, когда-то английские шерстяные вещи носились треть века – кому надо упираться теперь в борьбе за такое качество, все равно через год это будет немодно! Хотя понятно, что платье от Шанель на коктейле – точно то же самое, что стеклянные бусы на туземке у тыквы с хмельной бузой.

Пример самый смешной и яркий – солдатская мода. Все в армии одеты одинаково, строго по уставу, как тут утвердить себя значительнее других? Ан нет, солдат тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Сапоги: голенище подрежем покороче и приспустим в гармошку, каблук набьем повыше и обточим на клин. Штаны ушьем в обтяжку, завязки на шиколотках отпорем и заменим резиновой штрипкой. Мундирчик тоже обузим и укоротим так, чтоб ниже ремня торчал ровно на десять сантиметров. Вместо белого подворотничка подошьем красный, а по краю выпустим наружу кантом белый полихлорвиниловый провод. Под значки – красные пластмассовые подкладочки. Под погоны – закругленные жесткие прокладки, чтоб твердый был погон и выгнутый. Пилоточку возьмем на размер поменьше и загладим так, чтоб уголки торчали. Ремешок ни в коем случае не зеленый, а коричневый, под кожу, и пряжку белую выкинем, достанем латунную, выгнем ее, уголки подточим на закругление. О! Это – уважаемый солдат, блюдет себя, не салага.

Штатский человек такого модника от бедного-несчастливого солдата и отличить не сумеет. А для солдата в тех отличиях огромное значение! Он о них заботится, переживает, на масло и сахар из своего скудного пайка выменивает, в редкие свои свободные минуты шьет, точит, режет, совершенства добивается. И если рьяный командир прикажет все это убрать – сопротивляться будет, в наряд пойдет, на губе отсидит. Для солдата это – горе и унижение.

А светская дама дико переживает унижение, когда на балу все в бриллиантах, а у нее нету. А ее муж, который тоже этим фактом унижен, хапнет взятку, или влезет вверх по службе, или грабанет банк, чтоб его баба была не хуже других. Майн Готт...

Иерархия. Была всегда у животных и людей. И если кому кажется, что можно все-таки людям создать условия полного равенства, и чтоб ну низачем же никакая иерархия была не нужна, ну исключить же – условия чистого опыта! – ну все же к ней предпосылки, и тогда ее не будет, – тот пусть кушает больше фосфора для улучшения деятельности своего мозга.

Жизнь в советских (российских) тюрьмах (лагерях) – это ад крошечный. Еды хватает, помещения теплые, постельное белье чистое, условия для всех одни и те же (берем идеальный вариант содержания). Все равны, все зеки. Что они должны делать? Облегчать себе жизнь. Кто их друг? Свой брат зек. Кто их враг? Гражданин начальничек, вертухай, волк позорный. Да? Вот вам дышло, чтоб голова не болталась.

В тихий ужас и громкий кошмар превращают свою жизнь сами зеки. Они себе придумывают такие законы общежития, такие условности поведения, строят такую изошренную и жестокую иерархию, что главная тяжесть, и труд, и муки отбытия срока заключения – не условия жизни и работы, а звериные отношения между самими зеками. Все за решеткой, все за колючей проволокой, все братья по несчастью, так помогай друг другу. Ага... Побои, поножовщина, невысказанные надругательства, дикие условности поведения, сложная система подчинения, всего не перечить. Почему?!

Это для непосвященного и на первый взгляд зеки равны. А вот я – ношу не синюю робу, а черную, причем новую. И сплю на шконке в углу у окна, а не у двери, и не на втором ярусе, а внизу. И любовничек у меня молоденький, симпатичный, моя «машка». И если кто получает посылку с едой – мне дают из нее то лучшее, что я захочу. А кто мне не нравится, или сделал что не по мне – мигну, и мои шестерки его изобьют до полусмерти, или вообще макнут. А работают за меня мужики. И не потому, что мне трудно, а потому что запахло. Я

– пахан, я вор, и татуировки мои об этом говорят. Надо мной

– только главвор зоны. А подо мной – авторитеты и шестерки. А под ними – мужики. А под ними – полomoйки, мужику мыть пол или тем более сортир запахло. А между мужиками и полomoйками – придурки, они устроились неплохо, по кухням и библиотекам, на общие работы не ходят, и хотя они могут быть нужны и полезны, но в табели о рангах стоят ниже, уважения им меньше, койки их – на местах похуже. А ниже всех – петухи, опущенные, насильно сделанные пассивными педами, у них вообще нет прав, с ними нельзя общаться, нельзя прикасаться

– хотя можно трахать или, сидя в карцере, принимать передачу из их рук, такой контакт «не считается». А при другом контакте ты сам окажешься «зачушен», сам стал опущенным. Красный цвет – нельзя. Поднимать что бы то ни было с земли – нельзя, даже упавшую шапку зимой, иначе ты опустился. И т. д., и т. п., и др., и пр.

Ох да не просто быть паханом. Надо быть храбрым, сильным, жестоким, хитрым, невзирая абсолютно ни на что сдерживать свое слово – любое! – и постоянно оберегать свое место, показывая себя достойным занимать его.

А если – без паханов, без рецидивистов, без воров – собрать в одной зоне только юнцов по первой ходке, со случайными, не тяжкими преступлениями, нарушениями скорее, не знающих даже мерзких этих законов? Пробовали! И получалось то же самое, только еще хуже. Уголовные авторитеты хоть какой-то закон блюдут, а у таких юнцов – мама родная, полный беспредел. Почему?!

Потому что собирают вместе молодых, здоровых, энергичных мужчин. И практически лишают их любых прав. Приказ начальника – последний закон, последняя инстанция, у него есть средства сделать с тобой что угодно. Ты – бесправен, беспомощен, беззащитен, такой же, как все прочие. Тварь, дерьмо, лагерная пыль. Так нет же, суки!!! Я не дерьмо! Я не могу изменить вас, не могу бежать, не могу переделать зону – но я могу показать себе и всем, кому могу, что я – человек, и много что могу! От меня много зависит, и многие от меня зависят, так-то! И жизнь моя довольно полна, будьте спокойны, есть чего избегать, и бояться, и чего хотеть, и чего добиваться.

Вот потому и дедовщина в советской (русской) армии, что жизнь солдата от жизни зека практически не отличается. Тот же забор, та же казарма, та же скудная жратва в той же общей столовой, та же бессмысленность деятельности. Боевой учебкой солдат занят? Ага: стрелок стреляет два раза за два года службы. В караул ходит, территорию метет, картошку чистит, технику моет и смазывает. В «увольнение» его пускают в несколько недель раз на пару часов. Бессмысленно и по-идиотски лишаем солдат нормального человеческого досуга, удовольствий, и никому не нужно от него никаких способностей, талантов, личных качеств: выполняй приказ, скотина, и молчи.

И отыгрывается солдат на своем братке. Я салага – драю сортир зубной щеткой, стираю тебе хэбэ, хожу за тебя на кухню, не смею курить в твоём присутствии, и получаю по морде для твоего развлечения. А послужу полгода, и год, и полтора – ох уж ближе к дембелю, который неизбежен, отыграюсь на салагах! Я дедушка – вот теперь я человек! Все могу, ничем себя не утруждаю, над всеми молодыми властен, захочу – вообще припашу так, что повесится.

Нужно это для боеспособности армии? Нет. Могут это исправить командиры? Нет, никогда не получалось. Виден в этом хоть какой-то смысл? Нет. Кроме одного – для человека несносно такое положение, когда он сознает себя незначительным. Оно противоречит инстинкту жизни – быть таким, чтоб от тебя зависело как можно больше. Не на уровне лозунга «почетный долг – защита родины», а на простом человеческом уровне, житейском.

И главные усилия, главное напряжение направлено на то, чтобы самоутвердиться. Головой подтвердит каждый, кто служил или сидел.

Денежный эквивалент. Деньги означают: могу все. Купить все сверхмодное, построить дворец, уничтожить любого – купив прессу, суд, наняв киллеров, собрать шедевры искусства, влиять на политику государства и пр. Красавиц – куплю, армию – вооружу и направлю воевать с кем мне захотелось, найму умников писать мне речи и стану президентом.

Тут уже можно ходить в рванье, ездить на велосипеде и отказываться от любых почетных должностей. Да все равно ты главнее всех, больше всех можешь, и все это знают. Ты уже не нуждаешься во внешней, условной атрибутике своей значительности. Наоборот, отказ от нее – высшая форма само утверждения: у тебя суперкостюм, супермашина и громкий титул – а я и без этого всего щелкну пальцами, и ты поскачешь на цырлах, вот какой я главный. Или

притворюсь бедняком, а сам буду ловить кайф от сознания, что вот ты передо мной пыжишься – а стоит мне мигнуть, и ботинки мне оближешь.

И в поте лица своего, пердячим паром, треща хребтом, зарабатывает человек деньги – больше! быстрее! выше! которые не нужны ему для житья и покоя, а только чтоб быть значительным среди себе подобных.

Слава. Богатых много, а знаменитых мало. Еще древние греки ставили славу выше богатства. Слава означает: а вот я всем прочим не чета, я выше. Богатого уважают только те, кто с ним сталкивается, а вот я – через свою славу – сталкиваюсь вообще со всеми, меня все знают и уважают. Вот каков я, вы так не можете.

Ну, уважают – если за тобой подвиг, изобретение, открытие, если ты в каком-то стоящем деле первый. Но есть и дурная, глупая слава – скандал, непристойность, преступление наконец. Ведь и к ней многие стремятся – причем часто люди неглупые и неплохие. Пусть не уважают, и смеются, и плюются, – но знают! Я выделился, я не такой, как все – и значит, опять же, не вам чета.

На этом построен шоу-бизнес. Все средства раскрутки, реклама, скандалы – дать максимум известности, вызвать максимум внимания и интереса! И тогда будут смотреть, слушать, покупать – хотя бы из любопытства: шо це таке есть. А-а!! – вы на меня смотрите и платите за это деньги? – вот какой я значительный. Если я глупый – я сам верю в свою дутую значительность, сделанную рекламой. Если умный – могу над вами, идиотами, смеяться. А все равно я значительный, и этого хочу, и это мне хорошо.

Художник. Когда-то Уайлдер (примечание для тупых – писатель, а не культурист) задался вопросом: зачем добиваться невысказанного совершенства в шедевре, если критик и публика все равно уже будут убеждены в совершенстве того, что уже и так достигнуто? И вздыхал: видно, публика, способная оценить наши истинные вершины, живет не в этом мире...

И очень просто. Да, совершенство не имеет пределов. А истинное творчество дает художнику максимальное напряжение нервов. И он стремится к максимальному напряжению. Почти всегда кажется, что можно еще капельку лучше. Никому это не надо, кроме него самого. Но именно потому, что он стремится к недостижимому идеалу, он доходит до вершин, явных другим. А то, что выше этой вершины, уже явно только ему. Условно искусство, чего там. И только он один полностью понимает и ощущает свою систему условностей, это ведь субъективно, иначе и быть не может. Глаза горят, руки трясутся: муки и восторг, и знают, как надо, только его душа и Господь Бог. И если смог, добился того, чего хотел, что ощущает истинным, верным, нужным, – о: выше нет удовлетворения.

Пусть люди не признают его шедевр, не заметят, осмеют – сам-то он все равно знает ему цену. И не променяет вот это счастье создания своего шедевра и его ценность – ни на какие блага в мире. Дворцов много на свете, а шедевр его – один, никто больше такого не делал.

Это – самореализация. Но есть еще самоутверждение: больно художнику, что не признают его гениальный шедевр, не воздают славу, не осыпают деньгами. И начинает он делать себе рекламу, лепить имидж, строить интриги, добиваться наград – а прежде всего славы хочет, признания. И если слабоват духом – портит свои произведения в угоду критике и толпе, хуже работает – но так, чтоб им понравиться. Терзает его чужая слава. Гениальным поэтом был Петрарка – так не было же в Италии такого гнусного мелкого тирана, который насиловал фрейлин жены и развешивал под настроение приближенных за ноги меж зубцов своего замка, кому не польстил бы Петрарка одой, сонетом, строкой. И что? В результате был единственным поэтом в Италии, кого почтили в его эпоху лавровым венцом и при жизни причислили к сонму великих.

Мало ему создать шедевры – ему еще надо, чтоб все это знали.

Не относитесь свысока к курице, которая квохчет над снесенным яйцом.

Зависть. Есть два способа быть значительным. Позитивный – стать значительнее всех. Превзойти того, с кем себя сравниваешь. Этот позыв называется иногда белой завистью. Мол,

никому ничего плохого не хочу, хочу только, чтоб мне было лучше. То, что есть у тебя, заставляет меня желать себе того же.

Негативный аспект – желать, чтоб все стали менее значительны по сравнению с тобой. Всех – понизить, опустить, и быть их лучше, богаче, удачливее. Это зависть черная, она же самая обычная; вульгарная, так сказать. А уж самая черная: у меня есть много, а у тебя мало, так вот пусть у тебя и этого не будет. Есть такое.

Стремясь в жизни быть значительнее и мерая себя относительно других – ну, может ли человек быть вовсе лишен зависти? Оба ее вида естественны и неотъемлемо человеку приущи.

Белая зависть – та же соревновательность. Обычная, черная, – та же борьба с соперником любыми средствами. Он тебе не соперник? Всегда соперник на поприще значительности в жизни! Самим тем, что он значительнее меня, он умаляет мою значительность!

И ох на какие поступки толкает зависть. Сколько хлопот доставляет самому завистнику. Ломает судьбы, возводит дворцы и рушит царства.

Кто не завистлив? Тот, кто в чем-то полагает себя все равно значительнее всех, и в этом «чем-то» не видит близких конкурентов. Я все равно самый сильный, или самый богатый, или самый гениальный. А на прочее мне, в сущности, плевать, я самоутверждаюсь вот в этом. Либо тот, кто очень вял и на все согласен, плывет себе по течению, тихо булькая.

Спортивные болельщики. А вот я вял и булькаю тихо, зато моя футбольная команда сильнее твоей! Или мой певец поет громче! Или моя родина богаче! А тебе-то, дураку и ничтожеству, что с того? А то, что хоть сам я – дурак и ничтожество – но хоть вот это (команда, певец, армия, территория) у меня лучше твоего, главнее, значительнее, и через то – я сам тоже лучше тебя!

Да какие ж они твои? Ты-то тут при чем? – А как же! Я за них болею, хожу на стадион (зал, выборы), аплодирую, читаю газеты, плачу за билеты (налоги), они меня хоть не знают, но нас всех любят, благодарят, мы их поддерживаем... да я за них жизнь отдам!

Во-первых, человек ощущает себя членом группы, стаи, коллектива, частью сильного и большого целого. И через то ощущает себя гораздо более значительным. Невелика крыса, а если их толпа – беги с дороги.

Во-вторых, его потребность в значительности – просто перенесена на внешний объект. Вот такая условная форма. Он плачет, когда проиграл кумир, и буйствует от радости, если кумир победил.

А как орут! Как спорят! Как дерутся! Аж убивают иногда. Знай наших, гад.

Азартные игры, пари, хобби и многое другое при самом ближайшем рассмотрении есть то же самоутверждение. Но чтоб не впасть в излишне многословное занудство, взглянем еще только на два явления:

Дуэль. Что такое унижение, оскорбление? А это когда человеку в той или иной форме заявляют: «Ты незначителен. Я главнее тебя. Мое слово, мнение, желание – главнее твоего, и ты должен подчиниться, заткнуться, будет не так, как хочешь ты, а так, как хочу я».

Унижение может быть в разных плоскостях. Назвали дураком – умственно несостоятелен. Назвали сволочью – морально несостоятелен. Слабак – несостоятелен физически или характером. Бестолочь – профессионально несостоятелен. Что такое публичная пощечина? Это заявление: по своим моральным качествам ты ниже меня, и ниже вообще всех достойных людей, я тебя не уважаю, и вообще тебя уважать нельзя, а я тебя не боюсь, мне есть за что себя уважать, и я отношусь к тебе с презрением и превосходством, потому что я человек, а ты нет, ты мразь.

Оскорбленный переживает это необыкновенно болезненно. Не в том дело, что он подлец, он сам это отлично знает. А в том, что он равен по значению вот таким-то достойным людям, и сам такой же достойный, значительный среди людей. И вдруг ему говорят: плевать на твое

богатство, чины и заслуги – вследствие вот такого-то своего поступка ты теперь незначительный, недостойный, все не признают тебя за равного, ты последний, презираемый, пошел вон, тебе здесь не место. Вот что означает пощечина.

Оскорбленный ущемлен в главном – в своем самоутверждении. Причина, аспект обвинения – дело десятое. Как он может теперь утвердиться? Поединок с оружием в руках! Еще посмотрим, кто из нас значительнее – храбрее, сильнее, ловчее. И общественная мораль всегда признавала это!! Вышел драться – уже достоин, струсил – дерьмо. Храбрость и сила все покроют.

Не в том дело, что я подлец, не в том, что все это знают, а в том, что ты посмел мне это сказать.

Бред, да? Обвиняют в одном, а оправдывают за другое. Почему? А это «другое» в деле самоутверждения самое главное. Что у тюленей на гальке перед самками, что у мушкетеров в королевском дворце.

Известная каждому ситуация: вас неожиданно и болезненно обхамил, оскорбил начальник или просто прохожий бандюга. И по морде не дашь – или уволят навсегда, или изуродуют. И ответа подходящего в волнении не найти. И ничего не докажешь, сам же еще пострадаешь безвинно. Мог бы безнаказанно – уб-бил бы г-гада. Просто пристрелил? Нет, неинтересно, мало просто лишить его жизни – надо, чтоб он перед смертью знал, кто его убил и за что. Он покусился на святая святых – вашу значительность. Самоутвердился через унижение вас. Так пусть знает, кто значительнее!

Вот абхазу или корсиканцу обычай позволяет застрелить обидчика в спину из засады. Неблагородно, трусливо, не так значительно. Но все остальные все равно узнают, что убил, поступил по-мужски. А родня убитого, в свою очередь, начнет охоту на тебя, и ты это знаешь, на этот риск идешь. И так, пока весь род не искоренят, не успокоятся. Такой подход даже круче поединка.

Кодексы чести и формы достоинства могут быть разными. Но самое главное в них едино: не смей меня задевать, а то уничтожу. А если не уничтожишь – ты незначителен.

Самопожертвование. Когда плененный, обреченный на казнь викинг хотел продемонстрировать свое мужество и презрение к врагам, он просил сделать ему «кровавого орла». Эта самая жестокая из казней производилась только добровольно, и в ней нельзя было отказывать: разрубались и раздвигались ребра на спине и у еще живого вырывались легкие вместе с сердцем.

Что ж, военное счастье ему изменило: судьба. Но он храбр, достоин, и самой своей смертью заставит даже врагов уважать себя.

Здесь – все равно помирать. А вот самурай, следуя бусидо, кодексу чести профессионального японского воина, взрежет себе живот из чести, если честь повелевает умереть. Жить может любой, это удел черни, трусливых обывателей, а вот умение жертвовать жизнью своим ценностям, правилам, достоинству – это удел лучших, самых уважаемых. А струсишь, не сделаешь харакири – сгинь с глаз, презираемый всеми.

И всегда самурай бесчестию предпочитал смерть. Умереть – но быть достойным и уважаемым.

Не столь жесткий, но кодекс чести был в разные времена у разных народов – и только у высших классов. А высший класс всегда происходил из воинов. И бесчестью, если нет способа восстановить честь, всегда полагалось предпочесть смерть. Честь покойника как бы частично восстанавливалась.

Это что? Это человек демонстрировал (иногда – лишь себе одному!): я храбрый, у меня есть достоинства и ценности, и если я сам и другие не могут уважать меня иначе – ладно, я умру, и это самое достойное, самое значительное, самое уважаемое, что я могу сделать. Жертвуя жизнью, я показываю: я человек, а не тварь.

Это не каждому по плечу, ребятаки. И заметим: честь – это так или иначе, более или менее, но – понятие условное.

И без нее жить можно. И не лежало бы в основе ее нечто внутренне присущее человеку – не появилась бы она.

Если человек жертвует жизнью ради детей, семьи, племени – это понятно: биология, выживание рода и вида, у животных то же самое. Ради родины – ну ладно, расширенное понимание того же самого. Ради друзей – это уже вовсе редко, это прославляется, это благородство... а благородство, опять же, есть одна из высших форм достоинства, уважения, значительности, да и с честью это понятие сопрягается, черт возьми. А ради религии? Ладно, пусть интерес простой и шкурный: вечную душу спасти. Ну, а ради научной истины? Святая Дева, какое дело Джордано Бруно до этой астрономии, на костер-то идти зачем?!

Томас Карлейль был человек не вовсе глупый, он как-то сформулировал: «Высшее счастье есть самопожертвование». Человеку что-то настолько дорого, настолько ценно, настолько важно, источник для него таких мыслей и чувств, такого самосознания, что он утверждает это максимальным способом, каким только вообще возможно: добровольно расстается с жизнью.

И никто с ним ничего сделать не может! Его пытаются – он терпит. Его жгут – он не отрекается. Не сломлен. Дух его победил.

И что – станет кому-нибудь лучше жить из-за того, что Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот? А дети твоих друзей вырастут лучшими людьми, чем выросли бы твои? А Господу Единому и Всеблагому не все равно, двумя или тремя пальцами ты совершаешь некое движение?

Итак. Некоторые абстрактные вещи могут быть человеку дороже жизни. Практической пользы ему от них никакой. Но могут они служить предметом возбуждения чувств такой силы, что эти чувства пересиливают собственно инстинкт жизни, и утверждаясь через эти понятия, человек может совершить субъективно максимальный поступок из всех возможных – пойти на смерть. Ух он выше своих экзекуторов! Ух народ головами качает: оценивает...

Это ж надо иметь разум, чтоб до такого додуматься. Только человек и может. И нервную систему, чтоб такие чувства испытывать.

Субъективно-то, а, тот суперавантюрист, который завоевал и уничтожил целое государство, совершил меньший поступок, чем тот, кто за свою истину сам взошел на костер.

* * *

Реализуя самую глубинную, первичную данность – инстинкт жизни,
– удовлетворяя потребность испытывать ощущения, много, сильных, разных,
– человек в результате совершает поступки,
– причем не обязательно необходимые для поддержания собственно своей жизни, но часто вроде и глупые, бесцельные, необязательные,
– но дающие необходимые сильные ощущения,
– и связь этих поступков с необходимыми ощущениями – желаемыми, требуемыми мозгом, такова, что в результате
– человек делает в жизни самое большое, на что он способен.

Надо сказать, что, опять же, люди в общем всегда знали, что человек должен делать в жизни самое большое, на что он способен.

Что и делали. Обычно не вдаваясь в философские хитросплетения.

Они придумывали себе цели, и придумывали теории, чтобы объяснить это какими-то внешними причинами. Ради славы, ради прогресса, ради справедливости, ради будущего, ради счастья всего человечества... да цель, в конце концов, может быть объявлена любая.

Но суть-то заключается в самом человеке. В его устройстве и его потребностях.

Отсюда жутко примитивное, отвратно вульгаризованное американское «зарабатывать как можно больше денег».

Отсюда наполеоновское «в каждом солдатском ранце лежит маршальский жезл».

Отсюда бесконечная гонка за бессмысленными спортивными рекордами.

Бесконечное производство и потребление новых глупых престижных вещей.

Изнурительная жажда славы.

И жажда власти.

И притягательность трудности затеи для энергичного и храброго.

Такова генеральная линия.

И поэтому человечество ценит и помнит крупные поступки, большие свершения. И замучитесь вы забывать простягу-Герострата. И крупность поступка является в глазах человечества достойной внимания, памяти, уважения, ценностью сама по себе. И злодей, но велик.

Какой смысл истощать государство на постройку пирамиды Хеопса? Сколько сил, средств, жизней пожертвовано! А впечатляет, да?

Какой смысл в давно канувшей, на миг возникшей гигантской империи Александра Македонского? Сидел бы дома, был царем, не пил грязную воду, прожил сто лет. А сколько славы!

Конечно, для действий нужны и какие-то объективные условия. Внешняя ситуация. Не было бы Великой Французской революции – стал бы Наполеон, допустим, генералом на русской службе. Максимум маршалом. Но уж не больше.

Мог бы стать человек королем великим и славным, если б не родился простолюдином в устойчивом сословном государстве в спокойное время – ни выслужиться, ни переворот устроить.

Мог бы стать мальчик великим ученым, если б у родителей хватило денег дать ему образование.

Ан вовсе не пропадет. Уж хватит человеку делать и то самое большое, что условия позволяют. Потому что создан человек «с запасом». Тот самый запас, что позволил дикарю создать цивилизацию – заставляет его и сейчас переделывать мир: жалуется, ругается, кричит, недоумевает – а горбатится. Хреновый солдат Рабинович, а вот видите, товарищи, старается.

* * *

Вопросы для повторения и усвоения материала:

Что заставляет человека стремиться к эскейпизму?

Господство чувств.

Что заставляет человека презирать эскейпизм и предпочитать самоутверждаться через поступки и действия?

Господство чувств – плюс (!) наличие сознания, разума.

Кто, торжествуя, вопит: «Знание – сила!»?

Роджер Бэкон.

Что есть жизнь человека (внутренне)?

Комплекс ощущений.

А еще?

Мысли всякие.

Что есть жизнь человека (внешне)?

Поступки, действия. Результат чувств и мыслей.

Может быть у человека одно без другого?

Ну, в общем и целом нет.

Рота, вольно. Разойдись. Можно расстегнуть воротнички, оправиться и закурить.

7. Энергетический уровень

ЧТО ТАКОЕ ДЕЙСТВИЕ? И что такое поступок? Решить арифметический пример – тоже действие. Сказать гадость ближнему – тоже поступок. Что мы обычно понимаем под этими словами, каково их содержание?

Действия умственные, интеллектуальные, эстетические мы пока оставим в стороне – они сложны и многообразны. Сначала возьмем то, что проще и понятнее.

Первобытный человек кинул камень, убил птицу и съел. В чем действие?

Сначала – момент чувственный: ощутил голод, надо его утолить. Затем – умственный: увидел птицу, присмотрел подходящий камень, прикинул его вес, оценил расстояние, соразмерил силу броска. Хоп! – начался собственно поступок:

Первое. Совершена механическая работа: камень перемещен в пространстве.

Второе. Птица в своей жизни больше никакой механической работы не произведет – кончилась ее жизнь: летать не будет, зерен клевать не будет, пометом капать не будет.

Итак, окружающий мир претерпел чисто механическое изменение: камень лежит в другом месте, птица не летает.

Дальше:

Третье. Биологическая энергия птицы на сем пресеклась: не есть ей мошек, не выводить птенцов, не петь по утрам. Отчиркалась.

Четвертое. Химическая энергия тела птицы пошла на прокорм человека, приплюсовалась к химической энергии его тела: белки, жиры, минеральные вещества, калории.

Совершая это действие, человек затратил энергию на кидание камня, подбегание к птице и пережевывание ее мяса. А энергию птицы употребил как пищу, возместил ею свои энергетические затраты, и еще осталось энергии в зубах поковырять, брюхо почесать и дубину новую сделать.

При любом действии человек затрачивает энергию. До кабака дойти, рюмку ко рту поднести – и то затрата энергии. А уж весь день камни на стройке таскать – тут и говорить не приходится.

При любом действии энергия его организма превращается в какой-то другой вид энергии – хотя бы в механическую энергию его бегущего семидесятикилограммового тела или кинетическую энергию летящего камня. При любом действии в окружающем мире хоть что-то изменяется – хотя бы сам он оказывается в другом месте, или камень, или бутылка опустела: словом, картинка «мир после действия» хоть одним штришком отличается от предыдущей картинки «мир до действия».

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ. Но даже если просто весь день лежать на диване – энергия все равно тратится. Не будешь есть-пить – умрешь от истощения. На что энергия-то идет? А на дыхательные движения грудной клетки, на сокращения сердца, гонящего кровь по сосудам, на поддержание постоянной температуры всего тела.

Что делает человек? Он эту затраченную энергию возмещает, вводит в себя новую. Откуда он ее берет? Из пищи, из воды, из воздуха, а также из солнечного света.

В этом человек ничем не отличается от любого животного – дышит, ест, пьет. И даже от растения, в общем, – оно тоже берет питание из почвы, воздуха, света.

Собственно, ж и з н ь и есть потребление, переработка внутри себя и выделение энергии.

Растение берет энергию из воды, почвы, воздуха, света непосредственно. Через корни втягивает с водой растворенные в ней вещества почвы. Через листву втягивает с углекислым газом атмосферы углерод. И из этого строит свои стебли и листья, могучие стволы; плоды и семена появляются, разбрасываются, и вот уже огромное поле этими деревьями заросло, лес поднялся.

Травоядные поедают растения, и с ними вводят в организм ту же энергию почвенных веществ, солнечного света, воды и воздуха в концентрированном и, так сказать, рафинированном виде. Дышать, пить, греться на солнышке они и сами могут. А вот концентрат прочей энергии, получаемый с готовыми растениями, делает их куда более энергичными и значительными, чем растения. Вон как бегают, прыгают, бодаются, корни роют. Любое растение сожрать могут, даже дуб, даже баобаб – если росток еще небольшой; или хоть листву объесть, кору обглодать.

Желудок у них большой, устроен сложно, едят они много и переваривают долго. Не так просто лошади прокормиться травой – трава все-таки не очень питательна, а лошадь большая, тяжелая, сильная, ей надо много энергии, чтоб нести несколько центнеров своего веса, да с большой скоростью на большое расстояние.

А хищники едят травоядных (грызунов, земноводных) – мясо. В мясе энергии очень много – ведь его вещество прошло уже как бы две стадии обогащения: сначала из земли – в траву, потом из травы – в лошадь. Поэтому желудок у хищника небольшой, ему кусок мяса – как лошади мешок сена.

Это экономит хищнику массу сил и времени. Ему весь день пастись не надо, пообедал за пять минут – и на сутки свободен. Зато и жизнь его неизбежно покруче. Добычу выследить надо, догнать, схватить – да еще и одолеть, если кто здоровый тебе попался, а больше хавать нечего. Ладно бы зайчики, а если лось с его рожищами, копытами и силой? Или вступай в борьбу – или подыхай с голоду. Это тебе не траву щипать.

И вся история жизни на Земле – это история появления и развития живых существ, которые потребляли, перерабатывали и выделяли все больше энергии, все быстрее, все эффективнее. Можно сказать:

жизнь – э т о п р е о б р а з о в а н и е энергии биологическим путем.

Растение питается круглые сутки. Не движется. В общем беззащитно.

Травоядное жует значительную часть суток. Миролюбиво. Стремится избегать опасностей и риска, жить спокойно, дерется только с себе подобным за самку или охрану пастбища.

Хищник питается ничтожную часть времени. Но жизнь его труднее, сложнее, рисковее, много времени и основную часть сил занимает целенаправленная деятельность – охота.

Есть еще животные, называемые всеядными. Свинья, медведь, обезьяна. Отметим, что они из самых умных, гм. С обезьяной ясно, зубы и мозг свиньи очень похожи на человеческие, туша освежеванного медведя до ужаса походит на, кх-м, здоровенного мужика. Они едят не только мясо, рыбу, яйца – но и плоды, ягоды, коренья. При этом предпочитают из растительной пищи наиболее калорийную и легко усваиваемую – бананы, картошку, грибы, желуди, мед. Что по питательности сравнимо с мясом.

И вот появляется венец природы – человек. По устройству своему, биологически, он – одно из земных животных: те же органы, та же система жизнедеятельности, а уж зародыш его и животных на ранних стадиях – близнецы просто. Чем же человек от зверя отличается?

Тут класс дружно поднимает руки, и отличница Машенька радостно отвечает за всех: «Он разумный!»

ЗАКАВЫКА С РАЗУМОМ. На самом деле насчет разумности человека не так все просто, а многое до сих пор было вообще непонятно.

В науке описано уже несколько сотен случаев «маугли» – когда младенцев подбирали или похищали дикие животные, выкармливали, воспитывали, а потом этих подросших детей люди находили и возвращали в человеческое общество.

Тут вот какая удивительная вещь. Если этим найденным детям было уже больше пяти-шести лет (а некоторым было и по десять, и по тринадцать) – полностью людьми они не становились уже никогда. Как ни бились, ни старались родители и воспитатели. Человек мог вырасти уже взрослым – и однако предпочитал передвигаться на четвереньках, есть с пола или хлебать прямо из миски. Старался избавиться от одежды, даже в холод, спать на полу. С трудом овла-

девал очень немногими словами. Вообще был социально абсолютно неадаптируем, непригоден. Строго говоря, это был уже не совсем человек. На всю жизнь в нем сохранялось очень много от животного, которое его вырастило и воспитало, среди каких он жил.

Давно известно – все основы закладываются в человеке воспитанием и всей жизнью до пяти лет. Ладно – детский мозг очень восприимчив, основы личности закладываются навсегда. Но главный сейчас для нас вопрос – куда же девается разум, данный ему? Способность к рефлексии, к абстрактному мышлению, к речи? Если эта способность врожденная – то она ведь не может вовсе исчезнуть?!

Вот мы говорим – способности передаются по наследству. Формулируем, что формирование личности есть наложение генотипа на фенотип, то есть врожденные данные плюс условия формирования. Но относится это к людям, нормальным образом выросшим в обществе. Пусть у одного были дорогие репетиторы, а другой рос в детском доме при тупых и злых воспитателях, и способности одного получили полное развитие, а у другого были загублены – но все равно их зачатки можно разглядеть, хоть чуток выявить, все равно вырастает так или иначе нормальный человек. И более того: в детдоме может вырасти умница, а в самой благополучной семье – дурак, и вот вам такое нередкое проявление именно врожденных способностей.

Но куда, куда деваются вообще все человеческие способности у воспитанника зверей? Его ведь уже одели, обули, учат всему, он живет среди людей – почему он не становится человеком, оставаясь по своему умственному развитию полуживотным? (И по слабоумию обучение его вернее назвать дрессировкой...) Ведь мозг его, нервная система, остались те же, что у его абсолютно нормальных братьев и сестер?..

Сложный случай с этой разумностью. Смотрите. У младенца все задатки нормального разумного человека были. Он еще не был разумным человеком – младенец, так сказать, в смысле разумности еще не очень человек. Значит, любой младенец может стать человеком – а может и не стать. Все зависит от воспитания, от окружающей среды.

Если котенка выкормила собака среди своих щенков – выросшая кошка будет считать себя собакой – но только по отношению к своей семье. На прочих собак будет шипеть, а для любви найдет кота. И все равно будет мяукать, умывать мордочку и ловить мышей, а лаять не научится, хотя лай мамы и сестер будет понимать. Отчасти она будет их полагать вот такими кошками.

Животное пределы своего вида перейти не может ни в каких условиях. В том числе свой умственный предел. Что с детенышем обезьяны ни делай – человеком он не станет. Не говоря о волчонке. Только человек – может стать человеком, а может волком или обезьяной. То есть: может стать на очень низкой, животной, границе, а может подняться – не знаем до какой, продолжаем подниматься покуда (культура, понимаешь, и цивилизация). Тогда правильно, корректно, сказать так:

человек от природы наделен не разумом, а способностью к разуму.

Развитие этой способности в соответствующем направлении приводит к разуму. А нет развития соответствующего – так и не приводит. Но куда эта способность денется? Во что превратится? На что нужна? Откуда взялась? И что она, строго говоря, из себя представляет?

Вот появились первобытные люди. Не слишком-то разумны с нашей точки зрения. Ну, в начале-то – среди зверей живут, знаний не накопили, школ нет. Крайне были примитивные полуживотные. А мозг был тот же самый, что у нас! (Дельфин, свинья, медведь, обезьяна – не забудем: почти один к одному.) Руки те же самые! Ты этим мозгом траекторию к Марсу рассчитал, философские учения создал – а он лупит быка камнем по башке, и всего делов. А бык его поддел рогом – и с приветом Вася. Пошли лучше корешков накопаем, гусениц собираем – покушаем. Какой тут разум?..

Так чем, черт возьми, уже самый-самый как бы первый, ничему еще не научившийся, первобытный человек отличался от всех прочих животных? Как определить, что выделить?

ОТЛИЧИЯ? Мнение первое: у человека была речь. Тьма возражений. Как именно звучала эта речь, насколько была богата, мы не знаем и знать не можем. У животных тоже есть речь. У дельфинов, волков и других – есть несколько десятков звуковых сигналов на все случаи жизни, обозначающих: внимание, опасность, на помощь, бегите, здесь пища, сейчас я тебе всыплю, берегись, пошел вон, следуй за мной, приходи любить меня и так далее. Чем не речь. А у воспитанника зверей и речь будет звериная. Откуда же взялась человеческая и почему, как, зачем, и насколько она от звериной отличалась поначалу? А? Это потом мы составили семнадцатитомные словари и собрали полмиллиона слов и выражений, а поначалу-то – чегой там было? Помыкивали себе, бедолаги, погаркивали. Устройство гортани позволяло говорить? Оно и маугли позволяет. И попугаю.

Мнение второе: человек стал пользоваться орудиями труда, и это сделало его человеком. Так знаете, даже птички пользуются орудиями труда. Дятел может взять в клюв колючку, веточку и ею выковыривать червячка из щели. Крыса может взять длинную палочку, окунуть ее в бутылку со сметаной и облизывать, пока не слопают всю сметану. Орел может уронить черепаху на камни – а может и наоборот, взлететь с камнем и уронить его сверху на черепаху: разобьет и съест. А уж жилища себе зверушки строят! Не говоря про обезьян, которые не только могут камнями и палками сбивать плоды, но и ковырять гвоздиком замок (и откроет подчас!), а также научиться пользоваться ложкой и вилкой. Человеку подражают? Так и человек, подрастая, подражает другим, так всему и учится, тут отличия нет. И чем мужик с палкой лучше орангутанга с палкой, если оба сбивают ими кокосы с одной пальмы?

Мнение третье: у человека так устроены руки, что могут выполнять много операций, причем сложных. Знаете, обезьяньи руки тоже хороши, тоже могли бы выполнять массу операций. Это лошади копытом телефонный номер набрать трудно, а обезьяньи руки уж вполне способны делать все те же орудия труда, которые делал первобытный человек.

Мнение четвертое: у человека была способность к организации, жизни и охоте командой, родом, коллективом – что позволяло успешнее защищаться от врагов, успешнее охотиться, лучше сохранять жизнь всех членов общества и размножаться. Ну и что? Разве волки не охотятся стаей, проявляя прекрасную организацию, смекалку и расчет? Разве львиный прайд плохо организован? Всегда будут кормить больного или слабого, вылижут, позаботятся, и охотятся тоже организованно, с засадами и загонщиками, распределяя роли по своим способностям, очень разумно и эффективно. Виверры, мангусты саванны, всегда выставляют дозорного, и регулярно сменяют его, пока кормятся или спят. Стадо коров при появлении волка строится в круг, выставляя рога во все стороны и охраняя телят посередине – поодиночке волк всех пережест, а перед таким оборонительным строем стая бессильна.

Нет: все перечисленные качества есть и у животных. И насколько «сознательно» они их применяют – для выживания значения не имеет. Главное – они это делают, умеют, применяют, и совершенно по назначению.

Мнение пятое: человек лучше умел приспосабливаться к условиям жизни и природы. – Ну уж. Песец приспособлен к тундре лучше эскимоса, теплая шкура греет его в любой мороз, в пургу может спать на снегу спокойно, довольствуется мизером пищи, искать ее и добывать умеет дивно, умерший с голоду песец в науке не описан. Верблюду жить в пустыне лучше, чем туарегу, он с нею в полной гармонии. Еще? Антилопа бежит быстрее. Лев сильнее и опаснее. Гиена проживет любой костью и падалью. Если вы говорите о приспособлении к природным изменениям – все животные гораздо древнее человека, и прекрасно себе живут и поныне, если их не истреблять и природу вокруг них не гадить. Миллионы лет назад они уже идеально приспособились, и поныне живут отлично, в ус не дуют.

Мнение шестое, отчасти противоположно предыдущему: у человека не было ни теплой шкуры, ни быстрых ног, ни острых когтей, физически он был приспособлен плохо, и в борьбе за жизнь научился всему, выжил и победил. – Прошу указать, с кем должен бороться папуас на

острове Борнео. Да там зверя опаснее таракана не найти. И тепло, и сытно, рай земной, никто не угрожает, пища кругом растет в изобилии – лишь протяни руку за кокосом-бананом. Можно буквально никаких усилий не прикладывать, чтоб выжить. Вы скажете, что там не было «цивилизации». Во-первых: а на кой она им нужна? и так живут. Во-вторых: неправда, на известном уровне вполне есть. Есть и речь, и орудия труда, и социальная структура общества, племенной строй, и мифология своя есть, и моды, и украшения, и искусство. Все есть. Какой такой борьбой с природой это вызвано?

Так чем же наконец, черт возьми, человек отличается от любого животного? А ведь отличается чем-то, изначально отличался, раз так поднялся, всех покорил, такое на Земле наворотил. В чем же заключается сущность того «венца», которым природа увенчала человека, высшее свое творение?

ОТЛИЧИЕ! По чести и совести мы можем констатировать только одно отличие – некую дополнительную способность, дополнительную возможность, дополнительную функцию мозга.

Это способность к разуму. Лишь способность. Она может быть развита, а может угаснуть. Но от рождения дана.

И способность к адаптации в рамках и формах других животных видов и любых природных зон – в тундре, джунглях, пустыне, с волками, с обезьянами.

А что значит «дополнительная способность мозга»? Это значит – дополнительные очаги возбуждения, дополнительная активность центральной нервной системы.

И активность ее от природы большая, чем необходимо для простого биологического выживания особи и вида. Имеется как бы излишек, «демпферный мозговой капитал». Вот такой внешне неразличимый пустячок. И в результате:

- если жизнь – это потребление, преобразование и выделение энергии,
- если развитие жизни на Земле шло от простого к сложному, от меньшего – к большему, от менее эффективного – к более эффективному в плане преобразования энергии,
- от растений – к животным, от травоядных – к хищникам,
- то человек, посредством разума, потребляет, преобразует и выделяет энергию в максимальных количествах и эффективнейшим способом.

Во всех своих действиях человек руководствуется потребностью нервной системы в ощущениях. Чем более развита и мощна центральная нервная система, мозг, тем больше ее потребность в ощущениях. Тем она активнее. И активность ее, суммарное раздражение, больше, чем нужно просто для выживания. А отсюда – человек всегда совершал больше действий, чем было необходимо для простого выживания.

Человек э н е р г и ч н е е всех прочих животных. Именно и только этот излишек энергии отличает и выделяет его среди прочих, ставит выше всех.

Разум – это форма преобразования излишка биологической энергии человека.

С точки зрения развития жизни на Земле —

разум – это наиболее эффективная форма преобразования и выделения максимума энергии.

На уровне простейшего примера: съел кусок мяса, подумал, придумал колесо, приручил быка, запряг, перевез такую тяжесть на такое расстояние, что слону не под силу – вот какой небывалый дотоле в природе коэффициент полезного действия.

ИЗЛИШЕК ЭНЕРГИИ. Этот излишек накапливался всегда во всех живых организмах. Именно его наличие превратило (путем отбора, через мутации, масса теорий, но общая тенденция очевидна – от простых форм жизни к сложным) – траву в амебу, амебу в ящерицу, ящерицу в суслика, и так далее. Организм усложняется – его собственная энергия увеличивается – энергия окружающей среды через него преобразуется быстрее, больше. Иначе бы до сих пор шумел бы себе папоротник на Земле, и дело с концом – чем плохо.

В каких условиях мутируют животные, совершая крохотные движения вверх по лестнице сложности и высокоразвитости, мы в точности и деталях не знаем. Есть научные объяснения, подкрепленные косвенными фактами. Для нас же сейчас важнейшим фактом является тот, что в любом нормальном состоянии – обычном, дежурном, постоянном, доступном наблюдению и исследованию – животное наделено именно таким количеством энергии, которое необходимо для его жизни и продолжения рода в неизменном виде. Между наличием и расходом – баланс при неизменном результате. Сальдо по нулям.

Человек в этом ряду составляет исключение.

Вот чисто биоэнергетический аспект: посади петуха в темную клетку – или напротив, под постоянный электрический свет – его биологические часы останутся довольно стойкими. Он будет орать в положенное время, положенное количество раз в сутки. И пищи будет потреблять столько же, как в нормальных условиях. Этот механизм разладится у него не скоро, а может вообще не разладиться. Перевези его на самолете в другое полушарие – он еще долго-долго станет кукарекать в Сан-Франциско московское время. Очень патриотичная птица.

И у всех животных биологические часы отлично отрегулированы. Их можно сбить более частой (или редкой) сменой света-тьмы и температуры, и тогда они начинают подстраиваться под изменившиеся сутки. Чаше едят, чаше несут яйца, и гораздо быстрее подышают – израсходовались. А если вообще лишить их всех внешних примет суточного цикла – процессы в организме текут с нормальной периодичностью, их внутренние, субъективные сутки остаются весьма точны и устойчивы, неизменны.

А теперь поселите человека в глубокую пещеру и отберите часы. Никакой связи с внешним миром. Запас еды-питья, предметы для работы и хобби, лампочку от аккумулятора сам включай когда хочешь. Спелеологи ставили такие опыты, и неделями жили, и по несколько месяцев.

И очень быстро сутки человека начинают удлиняться. В них оказывается не двадцать четыре часа, а тридцать и даже тридцать шесть. У разных людей по-разному. И этот цикл все остальное время пребывания в пещере довольно четко выдерживается «сам собой», при том что человек старается, по своим ощущениям, по своему чувству времени, установить себе «нормальные» сутки.

Дольше спит. Дольше бодрствует. Дольше работает. И реже ест. Э? Ест и пьет меньше, получается, раз реже, а спит и бодрствует на круг столько же, но более длительными периодами.

И – всегда так, никогда не наоборот, что примечательно.

Что бы это значило?

Похоже, получается, что активности человека – при равном потреблении энергии (еда) – хватает больше, чем на сутки. Запасец остается. На земле-то суточный цикл – двадцать четыре часа, день-ночь – сутки прочь, каждому делу – свое время, потехе час, надо как-то подстраиваться, приспосабливаться. А убери этот регулятор – э, мы можем дольше, больше.

Могут возразить, что в пещере торопиться некуда. Верно. А кто нас наверху заставляет торопиться? Люди ведь сами себе все свои дела устроили и организовали.

Понятно ли? Суточный запас энергии бодрствующего человека больше, чем ему необходимо. Свой тридцатидвухчасовой запас деятельности он втискивает в двадцать четыре – живет быстрее, плотнее, чем требуется ему по биологическим часам. Еще что-то делал бы – уже ложится спать. Еще спал бы – встает, бежит по делам. Еще можно не есть – уже голоден, вроде, хакает.

Получается, что время, которое мы ощущаем при помощи внешних примет – смены дня-ночи, не говоря о часах на руке, – отличается от нашего ощущения времени, когда на человека «ничто не давит». Тут не шутка – весь суточный биоцикл оказывается длиннее.

Тут, конечно, много всяких привходящих нюансов насчет солнечной радиации и тому подобное, но общий вывод из этого опыта однозначен и ясен: мы живем с, грубо говоря, трид-

пятипроцентным излишком энергии, прежде всего нервной, по сравнению с тем, что требуется собственно нашему организму. У нас остается запас сил. Прежде всего это – запас потребностей мозга в ощущениях.

Могут возразить, что в пещере меньше ощущений, внешних раздражителей. Помилуйте, а для человека научного, творческого труда, ведущего затворнический образ жизни – все то же самое. Какая разница, где комната с письменным столом и приборами.

И получается, что двадцати четырех часов в сутки нам не хватает на все, что хотелось. Часть потребностей мозга в активной, бодрствовательной деятельности остается неудовлетворенной, нереализованной. И так – всю жизнь.

А вы удивляетесь, что дети вечером не хотят идти спать.

Ну, можно лишь строить догадки, как пошло бы развитие человечества в подземных пещерах. По всему судя – всяко медленней, чем наверху. Такой опыт вряд ли будет поставлен. А показательность уже поставленных – вот она. Мы энергичнее, «чем надо».

А один из уровней, аспектов энергичности – электропотенциал клеток мозга и всего организма. Моменты химических процессов в нервной системе и всем организме. А это может ощущаться другими живыми существами на близком расстоянии. Иногда говорят об «энергетическом биокаркасе» человека: и в книжках его рисуют, неконтактным массажем лечат, умельцы-экстрасенсы «ауру» каждого человека видят.

Так вот. Аура человека – круче, чем у любого животного. Сильнее, жестче. Значительнее. А животные эти вещи определяют, чувствуют, гораздо лучше и тоньше человека. У них с разумом плоховато, зато с интуицией все в порядке. Сознания нет, зато подсознание развито хорошо. Это человек все больше на разум полагается, а они-то только на чувства. И вот поэтому даже безоружного человека самые опасные хищники предпочитают не трогать, обходить стороной. И даже маленьких детей лучше не трогать. Крутоватые существа, ну их на фиг.

А иногда можно взять на воспитание – по биокаркасу судя, хороший щенок бесхозным пропадает, сильный, живучий, могучим волком может вырасти, такие нам нужны, они должны жить. На паршивенького-то никто не польстится, тут естественный отбор работает в полную силу.

И у этого воспитанника волков – куда ж пошел излишек энергии мозга? А вот на то, чтоб с невероятной ловкостью и скоростью скакать на четвереньках, рвать зубами и переваривать сырое мясо, отстаивать свое место в стае, спать в холоде на голой земле. Ему это куда труднее, чем природному волку с его четырьмя лапами, клыками и шерстью. И только – только! – человек, будучи физически настолько не приспособлен к волчьему образу жизни, может вопреки своим физическим недостаткам, путем развития больших, чем волк, усилий, больших затрат энергии, может сравняться с ним в его волчьих занятиях. Если думаете, что это легко или просто – попробуйте-ка сами. Догоните на четвереньках зайца... нет?.. ладно, овцу, вцепитесь на бегу ей в горло зубами, перегрызите, перекиньте на спину, держа зубами и без всякого участия рук, уволоките на четвереньках же в лес, зубами же разорвите и начинайте кушать, не забывая иногда рычать на других волков, оберегая свое право и очередь жрать согласно месту в иерархии стаи.

Это – отклонения, столь же показательные, сколь редкие.

Человек, по крохе накапливая опыт и передавая его в поколения, пустил свой излишек энергии по другому пути. По какому? Предназначенному самой природой. Излишек энергии дан тебе не для того, чтоб вернуться в четвероногое обличье.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ШАГ. ОГОНЬ. Излишек энергии, стремление к максимальным ощущениям, обдумывание, стремление к максимальным действиям – в конце концов, черт знает с какой попытки, привели человека к м а к с и м а л ь н о м у ш а г у.

К овладению огнем.

Вот когда человек – стал человеком.

Умозрительно рассуждая, это может сделать и обезьяна – ее физические (и умственные!) способности это, вроде, вполне позволяют. Вот подохла молния дерево, у огня тепло, сухо, подкладывай себе веточки да грейся. Но закономерность (подъем энергетики через биологию) такова, что только человек стал огонь использовать и поддерживать. И не день, не месяц – есть на Земле места, где тысячи лет подряд поддерживал человек огонь!

А что таков огонь? Это – всемогущество. Не страшен холод, если можно обогреться у огня. Не страшен хищник – отпугнем.

А еще? Можно закалить деревянные орудия, они будут прочнее, лучше служить – ты удачливее на охоте, сильнее перед врагом.

А еще? Можно зажарить мясо, испечь коренья – они станут легче и полнее усваиваться организмом, ты будешь лучше питаться, будешь сильнее, здоровее, энергичнее, вернее выживешь в голодный год, обходясь меньшим количеством пищи, извлекая из нее максимум энергии: высвободившиеся от охоты силы и время употребишь на что-то другое – в первую очередь на лежание и думание: до чего еще, мил-друг, ты додумаешься?

А еще? Если – в общем? В общем – человек овладел максимальной формой преобразования и выделения энергии, какая только существует на Земле в природе. Огромная часть энергии, заключенная в веществе, при сгорании превращается в горсть пепла, преобразуется и высвобождается в кратчайшее время и с минимальными усилиями со стороны человека. Ни бегать, ни работать, ни жевать, ни переваривать – бросил сучья в огонь, и пошел процесс преобразования окружающей среды, преобразования и выделения энергии, а тебе тепло и свет, помощь и защита.

Это – огромное, гигантское действие. Дальше некуда, как говорится.

Запомним цепь: растение – – животное – – человек – – огонь.

Природа через развитие жизни стремилась ко все более эффективным формам преобразования энергии. И через эту цепь – пришла к самому эффективному. Такой виток.

Соображения-то при овладении огнем были, конечно, самые простые и конкретные. И испуг, и любопытство, и приятность тепла, и мало ли что еще. Да ведь, повторим, это и у обезьяны есть. Но нет и не может быть случайности в овладении огнем – как нет и не может быть случайностей в общем ходе развития жизни и истории человечества. Закономерность заложена в человеке – и во всей природе.

ЛЕНЬ КАК ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА. И так, братцы. Что есть действие. Действие есть *любое изменение в мире*. Вот что-то было вот так, а *стало иначе*. Хоть чуть-чуть.

Это значит что? Это значит хоть какое-то преобразование энергии.

Упал камень – простое действие. Часть кинетической энергии перешла в тепловую при ударе.

Человек бросил камень – сложное действие. Оно раскладывается на: увидел, подумал, поднял, метнул. Убил птицу. А мог бы и не додуматься: бегал бы за птицей, маша руками, и остался голодный, и умер.

Думанье есть исходный пункт человеческих действий. Думает человек о чем ни попадя. А суммарный результат всегда есть конкретное действие. Чешет пузо, смотрит на травинку: почему зеленая? И додумывается до разложения светового спектра, создает прибор ночного видения и пристреливает другого человека за километр, не вылезая ночью из теплого окопа. Потянул пальцем – и снес врагу голову чище, чем дубиной, безо всякого труда. О!

Долог был путь к таким достижениям. Сначала ведь как?

Жрать охота, а на руках уже все ногти ободраны корешки копать. Так он приспособился их острой палкой-копалкой выковыривать. И за то же время, с теми же затратами энергии – накопил втрое больше. Совершил втрое большую работу, втрое большее действие. КПД использования энергии увеличился втрое.

Удлинил руку палкой-копьеметалкой – понеслось копьё быстрее и дальше. А уж когда рычаг изобрел – вообще туши свет. Любые тяжести ворочать можно. Или катапульта: уложил булыжник в ложку, накрутил ворот, отпустил стопор – и засвистел камень врагов сметать.

(Физик-механик скажет, что в работе и, следовательно, в израсходованной энергии человек ничего не выиграл: прилагаемая сила, умноженная на время ее приложения, дает ту же самую работу: что потихоньку ворот накручивать, что руками бы камень метнул. Ан нет. Человек не механический робот. При резких больших нагрузках кпд мускульной энергии резко падает: перегрев организма, нехватка кислорода, перегрузка опорного аппарата – пот, одышка, дрожь в коленях, масса энергии расходуется впустую. Это вроде как автомобиль на экономической скорости расходует минимум топлива на то же расстояние, на которое при скорости максимальной израсходует куда больше.) (Культуристы отлично знают: между величиной нагрузки и возможным количеством повторений упражнения – отнюдь не прямая зависимость: при снижении нагрузки повторений можно выполнить столько, что общая работа растет в кубической почти прогрессии, а в общем организм расходует энергии куда меньше.)

Используя (придумав) самую примитивную механику, человек стал расходовать свою мускульную энергию с небывалым КПД! Города построил, пирамиды поставил.

А потреблять ведь продолжал лично для своего организма не больше энергии Земли и Солнца, чем та же обезьяна.

Колесо изобрел. Ось смазал. Дорогу выровнял. И покатил груз такой, что слону впору тащить. Слон пыхтит, ноги переставляет. А человек тележку только подталкивает. Расход энергии разный – а работа совершается одинаковая.

Даже пользуясь только собственной мускульной энергией, человек – крупнейший в мире специалист по действиям. Пока обезьяна трясет грушу – человек придумывает лестницу, пилу и корзину. И несравненно огромная часть его энергии – превращается в действия, то есть в изменения окружающей среды.

Так вдобавок он приручил животных, и их энергию направил на выполнение тех действий, которые были нужны ему. Корову подоить, барана съесть, на лошади поехать.

Вот поэтому любой мыслительный акт есть действие. Это акт нашего разума. А суммарно и в конечном итоге они ведут к увеличению человечеством действий.

«По щучьему велению, по моему хотению» – мудрая притча лентяя, который имеет начальный импульс и желает конечного результата, но его раздражает хлопотность промежуточного процесса. Вот человек всегда и старался облегчить себе промежуточный процесс.

Лень – она инстинкт: лежать, сколько можно, сберегая силы для необходимого. Как отдохнешь – так поработаешь. Усталый, затюканный человек соображает плоховато. Отдохнуть бы. Вот бы все само делалось! А? Повернул кран – воду носить не надо. Включил батарею – не надо дрова рубить, печь топить. Домечтался.

ИСТОРИЯ И ПРОГРЕСС. Ну хорошо, и что мы имеем в результате? К чему это все, зачем, по большому счету? Где Золотой Век? Где вожденное царство Свободы, Равенства и Братства?

В чем суть процесса?

Стал человек лучше, добрее, миролюбивее? С разгону. Любуйтесь репортажем с любой войны.

Стал умнее? Да нет. Знаний накопил много, но в собственной жизни имеет те же мучения и вечные проблемы, соображать умеет отнюдь не лучше мудрецов древности.

Культура взлетела? Античная скульптура и архитектура, старая живопись, классическая литература; стоны об упадке...

Допустим, все это спорно и относительно. А что же бесспорно и абсолютно?

Человек энергичнее прочих животных.

Это выражается в повышенной энергии его центральной нервной системы.

Эта энергия, реализуясь, воплощается в действиях.

Действие – это *любое* изменение: будь то внутри нашего сознания, в нашем организме, или в окружающем мире.

Действие – акт энергетический. Подумать – и то энергия (ничтожная!) расходуется на возбуждение клеток головного мозга. Не говоря о преобразовании энергии в действиях механических, термодинамических и пр.

История жизни на Земле имеет положительный энергетический баланс – все новые существа совершают все больше действий, преобразуя все больше энергии, все быстрее.

С появлением человека в процессе произошел качественный скачок.

Придумав простейшую технику, человек многократно увеличил КПД своей мускульной энергии: гораздо большая ее часть, чем раньше, пошла на объективные действия, то-есть на изменения окружающего мира.

Придумав, как «отобрать» себе часть энергии животных (кормить, охранять, заставлять, – «приручать»), человек стал совершать действия посредством энергии других животных: пахать, возить и пр.

Придумав сложную структуру государства, т. е. разделение труда, человек резко повысил КПД трудовой деятельности: каждый умеет делать только свое, зато отлично – один только пахарь, другой только каменщик, и так делается гораздо больше, чем если каждый занимается всем.

Но самое главное – овладев огнем, человек овладел внебиологической, качественно куда более эффективной формой преобразования и выделения энергии. Это стало экономить ему массу мозговой энергии, которая раньше почти вся шла на простое выживание.

Эволюция преобразования и выделения энергии рванулась вперед. Металлургия, порох, паровые машины, двигатель внутреннего сгорания, механический транспорт, станки, электричество, атомная станция и атомная бомба. Это получило название научно-технического прогресса.

Люди стали умирать от болезней реже, жить дольше, их становилось все больше. Всё бóльшие толпы организовывались таким образом, что сообща совершали всё бóльшие действия (преобразовывали все больше энергии): распахивали степи, строили города, перемещались на огромные пространства, уничтожая созданное соседями и создавая на этом месте что-то другое. Это получило название истории.

* * *

Вот что получается из размышления о том, что человеку надо и чего ему хочется.

Но пока ведь и это банально, да, нет?

Так ведь и это еще не конец.

Дополнение

ТИПИЧЕСКИЕ СНОВИДЕНИЯ. Есть такие, знакомые каждому. Характерно, что именно от их истолкования Главный специалист по снам Зигмунд Фрейд решительно уклонился.

Полеты. В отрочестве и юности обычны, со зрелостью и старением проходят. Как просто вдруг во сне оказывается лететь, легко, естественно, да как это здорово!

Прапамять? С дерева предок падал? Ну-ну. Тогда почему ты не падаешь, а так здорово летишь? А прапамять – с возрастом отсыхает? Невозможно: что глубже впечатано – то забывается в последнюю очередь. Отец в детстве подкидывал? А кого-то и не подкидывали; опять же, почему это с возрастом проходит?

Летаешь именно в возрасте, когда нервная система всего активнее. Потребность в ощущениях больше, острее. Ощущение ищет форму действия, во сне – воображаемого. Это сродни искушению шагнуть с высоты. Мы имеем вариант максимального действия как образного ряда максимального ощущения: таки шагнуть в воздух, преодолеть гравитацию, совершить аж невозможное, принципиально небывалое. И тебе этого хочется, это нравится.

Кошмары. У солдат, у людей, переживших опасность – понятно.

Как бессознательные проявления страха, беспокойства – понятно. Подсознательный страх можно при старании найти у любого – это тоже понятно. А вот кто больше орет по ночам? Люди с активной, сильновозбудимой нервной системой. Конкретных причин, памятных переживаний у них не больше, чем у прочих. Сильных ощущений трэба психике. Не получая наяву – получает хоть во сне.

Если есть способность ощущать страх – так эта способность хоть иногда и хоть как-то должна реализовываться.

И опять же, возникающие в кошмаре зрительные образы всегда связаны с максимальными действиями. Первая группа – угроза жизни, опасность смерти. Вторая группа – небывалые и тем самым сверх реального угрожающие предметы, от непонятого нет защиты – типа чем-то жутких летательных аппаратов. Третья группа – невинные образы и действия, ужас заключается в том, что есть элемент невозможного, сверхреального – типа говорящей кошки или ожившей картины. Четвертая группа – суперкатастрофа, конец света. Неясно?

Вариант такого максимального действия, такого изменения в мире, которого еще не было.

Любовь. Оргазмы юношей и девушек во сне и сопровождающие их часто образы – понятно. Менее понятно другое: встреча во сне со старой знакомой (знакомым) – и вдруг ощущаемое при этом чувство огромной, пронзительной, печальной и всепроникающей любви. Причем в реальности там никакими любовями и близко не пахло, и ничего особенного в этом знакомстве по сравнению с другими не было.

В жизни чувству вечно что-то мешает, в реальности к нему вечно что-то примешивается. А тут разум спит, понимаешь. И ничего тут нет, кроме реализованной способности ощущать максимум такого чувства.

ТЯГА К РАЗРУШЕНИЮ. Вам знакомо чувство, когда любишь искристо-голубой белизной свежего снежного покрова, и жалко ступить на него, нарушить нетронутую красоту – и одновременно что-то подмывает прошагать, проложить цепочку своих следов, протоптать, испортить, нарушить?

Это – то же стремление к действию. Красота, совершенство, лучше некуда... А ощущение твое – изменить окружающую действительность!

Вот мальчишки с садистским азартом крушат песчаные замки, построенные девочками. Агрессивное мужское начало? Уведите девочек домой. Пусть мальчишки сами построят дивные замки. Построили – что дальше? Купаться пора, или обедать идти. Оставить замок? Можно... А если кто-то другой его порушит? И вообще что с ним дальше делать! Первый пинок – даже жалко... э, ур-ра: ломай! И жалко – а охота...

Этот снег, этот замок – из самых изначальных и общих форм потребности изменять действительность.

Там, где ты ничего не можешь создать – ты должен разрушить.

ТЯГА К КАТАСТРОФАМ. В чем притягательность картин грандиозных катастроф и даже известий о них? (Опять же – Голливуд это давно знает, даже отдельный жанр давно возник – фильмы катастроф.)

Слышит человек, что извержение вулкана ужасное, масса народу погибло. Либо лайнер утонул, самолет упал, землетрясение целый город снесло.

Как он реагирует? Ужасается, причем в основном напоказ, если там никого из его друзей-близких не было. Жадно интересуется подробностями, а журналисты их знай выдают,

накручивают. И даже хороший человек, сочувствуя, горюя, вещи и деньги жертвуя пострадавшим – а все равно испытывает где-то в глубине души странноватое такое для себя, с оттенком нехорошести, порочности, чувство удовлетворения от того, что это произошло. Какой-то странный оттенок удовольствия испытывает.

Психологи говорят: это удовольствие от собственной комфортной безопасности, тем ее сильнее ощутил и оценил. Оно и так, да отнюдь не только это. Ну, говорят, еще тут может быть зерно агрессивности, мизантропии, тяги к разрушениям, которая сидит в подсознании (или в сознании, у кого как, мол) у каждого.

И что, понимаешь, это за тяга такая, откуда, зачем? Человек ведь, понимаешь, по натуре созидатель, нет?

Это, дорогие мои, та самая тяга к максимальным действиям. Если один человек погиб – к этому мы привыкли, статистику знаем, он нам никто – и ладно, у нас своя жизнь. А если сто тысяч – ого! это событие грандиозное, как там все случилось? Зачем тебе подробности, какая тебе разница? ан нет, хочется все подробнее себе представлять – и ужасаться, вот тянет нас ужасаться. (Есть и такой жанр, фильм ужасов.)

А уж если пожар в городе – толпа народу сбегается смотреть. На что?! Пожарные жизнью рискуют, добро пропадает – а народ смотрит, и не со скорбью, а – замороженно. Как писал О. Генри: «Пошли и мы с Энди полюбоваться зрелищем». Хибара – ерунда, а вот если небоскреб пылает – это да! глаз не оторвать.

Шо ж мы с вами такие падлы?.. Извращенцы все, что ли?

Слушайте. В Дрездене в 45-м погибло при бомбежке больше народу, чем в Хиросиме. Почему же так ужасает – и манит жутью! – зрелище атомного взрыва, этот гигантский гриб до стратосферы? А вот – ты подай нам грандиозные зрелища. То есть – крупные, большие события. Вот нужны они человеку, и все.

Удовлетворение – оттого, что: я в жизни и это видел, и это пережил, и это при мне произошло, полнее моя личная жизнь от этого.

Закон тяги к максимальным действиям.

ЗРЕЛИЩА ПРИРОДЫ. Давно сказано: ни на что не хочется смотреть так долго, как на огонь горящий, воду текущую и облака плывущие.

Почему?

Непрерывное и грандиозное действие.

Недосягаемо высоко в небе гигантские облака, величественное движение, грандиозная картина!

Река течет – вечно, из-за горизонта и за горизонт.

А море? Огромное, безбрежное, бездонное. И бесконечно волны плещут, поверхность меняется.

А закат? Все краски, вся картина природы меняется на глазах.

Завораживает человека грандиозность, манит, притягивает; впечатляет. Эстетика-то эстетикой, ан какие массы, какие силы, какая энергия в этом всем, объемы какие! Эстетика-то в том, что человек всегда найдет красоту в том, к чему его тянет без всякой «пользы» и видимого смысла и что непосредственно впечатляет его чувства.

Ниагарский водопад: какие массы воды, с какой высоты рушатся бесконечно! Грандиозное действие. Солнце садится: гигантская звезда, так близко к нам – и одновременно так далеко, пылает, освещает, гаснет, за далекий горизонт опускается. Ух ты!..

Замечали, что в окно вагона можно смотреть дольше, чем в окно самолета? А это почему? А мелькает все быстрее, скорость ощущается сильнее, картина на сетчатке глаза меняется активнее, мозг занят больше непрерывным изменением зрелища.

Огонь – вот на что из явлений природы, и одновременно из творений как бы рук своих, человек может – и любит – смотреть всего больше. Ежемгновенно меняется картина. Летят и

гаснут искры, рассыпаются золотые поленья, пляшут языки. Маленький костерок из ящичных досок – а вот сидят все вокруг и смотрят...

Зрелище что надо. Чудо. Большое действие. Меняется и исчезает на глазах то, что только что существовало. Разрушение, созидание, изменение, свет, тепло.

Максимальное зрелище, вся сетчатка занята работой. Заметьте – если ровное пламя бьет из форсунки или ракетного сопла – не та привлекательность, наглядности нет. Какой-то огонь укрощенный, экономичный, ровный, сгорает неизвестно что до мельчайшего распыления. Нет тех ощущений.

Рыбы подплывают на свет фонаря. Мошки летят на огонь. Птицы разбиваются о прожектор, и подходят из чащи звери на свет костра, отблескивают из темной дали глазами, часами сидят, смотрят. Кинь головешку – убегут испуганно, и снова вернуться, и будут опять смотреть, но уже с большего расстояния, с большей опаской.

Чего пришли? Куда летели? Зачем разбились?

У многих народов возникло обожествление огня, почитание его как Высшего Существа. Много мифов о подателях огня, богах, титанах, священных животных.

Можно – объяснить на уровне конкретных причин: мол, раз огонь давал тепло, защищал от хищников, мог укусить и сжечь – вот ему и поклонялись по серости ума. Мол, у насекомых инстинкт такой – он их подвел: они думали, что это свет выхода из норки, или рассвет, или поверхность воды – а это оказался огонь, вот они и погибли. И в таком духе.

А зверям на черта огонь? Они лесного пожара пуще всего боятся. Тепло? Так они не приближаются А смотрят зачем? Понять не могут, природное любопытство?

А ты, мил друг, чего смотришь? Чего не знаешь про огонь? На что тебе камин в доме, костер на берегу?

Потому что горение – максимальное действие в обычной природе. И все живое к действию стремится. Сбои инстинкта. Они не думали, что то опасный вредный огонь. Они – просто стремились.

И человек – просто стремится.

*** Промежуточная вводка Диалектика**

У интеллигентного человека слово «диалектика» ассоциируется с фамилией философа Гегеля и школьным учебником обществоведения. Напрягшись, можно припомнить про зерно, которое в земле перестает быть зерном, зато дает колос и много новых зерен – хотя вообще это из Библии.

У человека, жизнь которого не искажена гуманитарным образованием, «диалектика» связана с очкастеньким профессором, толстыми томами, уважительной безвредностью и заушной скукой.

И только самые образованные и сообразительные скажут, что это – когда что-то обстоит и так, и одновременно не так, возможно даже наоборот. Что-то тут есть общее с теорией относительности – в том смысле, что про это все слыхали, никто толком не понимает, а вообще все в жизни относительно.

Есть в этом слове какое-то антиобаяние, антипритягательность – для простого, обычного, нормального человека. Что-то сухое, кручено-научное, из области надуманно-псевдомудрых теорий. На фиг.

А кто виноват, ежели Гегель излагал свои истины так, что их и профессиональные философы не шибко понимают. Вот Кьеркегор, не последняя был скотина в науке, тот в конце концов просто заявил: «Я думаю, что те места у Гегеля, которые я не понимаю, он сам тоже не понимал».

Поэтому каждый человек, на своем простом житейском уровне, порой напрягает мозги, стараясь уразуметь, как же это так странно, нелогично и противоречиво устроена жизнь: должно быть вот эдак все, а на самом деле почему-то наоборот. И приходит к простым выводам, просто их формулируя, типа: «Слишком хорошо – тоже не очень хорошо» или «Противоположности сходятся». Это даже не объяснение, а констатация часто встречающегося положения, результат опыта, наблюдений за жизнью.

Вот если б, конечно, отдать всех в ученье на философский факультет, но от этого нас бог миловал. Да ведь и прочтение учебников мало что прибавляет к пониманию жизни своей. «Многознание уму не научает», – сказали древние греки. Они много чего сказали. Очень разумные среди них встречались люди. Гераклит, скажем. Он и додумался до диалектики. За что получил прозвище «темный», то есть непонятный. Его даже Сократ не всегда понимал, однако уважал. И даже мы помним: «Все течет, все изменяется».

Нормальному современному человеку думать, в общем, некогда. А когда жизнь поставит перед ним в упор труднопознаваемую задачу, вот он тогда хватается за голову – пытается понять. Что удастся редко и немногим. Потому что условия задачи бывают какие-то... противоречивые. Скажем, делаешь-делаешь хорошо – а в результате выходит плохо. И с чего бы?..

Поэтому Скотт Фитцджеральд, нормальный малообразованный американец, сказал: «Признаком первоклассных мозгов является способность держать в голове две взаимоисключающие мысли одновременно, не теряя при этом способности соображать». Вот это, в переводе на общепринятый язык, и есть диалектика.

Выучить ее невозможно. Запоминание ничего не даст. Тут требуется неторопливое, последовательное думанье. Потому что только это – способ и средство п о н и м а н и я всего на свете.

Вот три основных момента. Их можно назвать законами. А можно аспектами. А можно частями. Все равно.

1. ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО. У врага есть танки. Много. Пять тысяч. Чтобы победить, нам тоже нужны танки. И побольше. Чтоб – наверняка. Десять тысяч. Два наших на один ихний. Они его победят. А вдруг нет?.. Ладно! Сделаем пятьдесят тысяч танков – и враз его разнесем, да он и не посмеет полезть. Готово! И что? Эта армада сожрала все горючее, загромодила все дороги, обученных экипажей не хватает – и гигантская бронированная пробка загромодила все пространство, без толку мешая друг другу, теснясь мертвым грузом. И сжег их враг меньшими силами.

Нарастив сил сверх меры, оказались на деле бессильными.

Вот так два легиона Лукулла обратили в прах двухсоттысячное войско Тиграна – те в давке больше сами себя подавили. Вот так СССР создал столь мощную, эшелонированную и структурированную систему ПВО, что авиетка Руста беспрепятственно села на Красной площади. Сверхгигант не в силах сдвинуть собственную тяжесть.

Или. Время поездки равно расстоянию, поделенному на скорость. Сделали автомобиль со скоростью 300 км/час. Сели, газанули, поехали. Сцепление с дорогой мало, поворот, кювет, дерево, больница, кладбище. Сократили время пути?.. Подумали, написали эпитафию – поговорку «Тише едешь – дальше будешь». Звучит, вроде, противоречиво, неправильно, – но смысл всем ясен и житейски верен. «Поспешешь – людей насмешешь».

Нарастив чрезмерную скорость, вообще не доехали до места.

Или. Хилому ребенку с плохим аппетитом объясняют: будешь много кушать – станешь сильным и здоровым. Кормят, пичкают, убеждают, – ребенок начинает жрать, как землеройная машина, – и в конце концов становится жирным, тучным, малоподвижным, сердце не справляется, почки не справляются, готов инвалид и кандидат в покойники. Докормили.

Съедая сверх меры необходимых для жизни и здоровья продуктов – угробили здоровье и жизнь.

Или. Для высоких результатов в спорте необходимы усиленные и частые тренировки. Стал тренироваться с утра до ночи, утомился, ослаб, сорвал сердце, нарушился обмен веществ, стал инвалидом.

Больше оружия: вместо победы – поражение.

Больше скорости: вместо езды – авария.

Больше еды: вместо здоровья – болезнь.

Больше тренировок: вместо рекордов – инвалид.

И так всегда и во всем в жизни.

Ты делаешь правильные усилия, совершаешь правильные действия для достижения нужного результата. Но если вовремя не остановиться, то те же усилия и действия начнут уводить тебя от этого результата как бы уже в другую сторону: ты переходишь нужную тебе грань и начинаешь от нее удаляться, пока не придешь к обратному тому, чего хотел.

Поэтому и говорят: «Все хорошо в меру».

Мера – это соответствие количества твоих действий тому результату, которого ты ими хотел достичь.

Вот и во всей природе точно то же самое.

Хотели вскипятить воды чайку попить, а она вся и выкипела. От огня количество тепла в воде все увеличивалось, пока вода не изменила все свои качества и не перестала вообще быть водой: жидкость превратилась в пар, газ.

Откованную сталь решили для закала, прочности, охладить жидким азотом: она охладилась до минус ста и стала хрупкой, как стекло. А охладили бы только до плюс двадцати – был бы булатный клинок.

Любой процесс, если продолжается бесконечно, в конце концов приобретает какие-то новые, иные черты, свойства, качества. Те самые действия, что его вызывали, начинают в конце концов иметь результатом не то, что имели результатом сначала, раньше, до определенной границы.

2. ПЕРЕХОД В НОВОЕ СОСТОЯНИЕ. В философии по науке это называется «закон отрицания отрицания», но это не совсем понятно, маловразумительно. Ведь у философии, как у любого вида профессиональной деятельности, есть свой профессиональный жаргон. Как у моряков. Но если морской жаргон – несколько сотен конкретных слов, узнай их – и все понимаешь, то философия и так-то имеет дело с вещами труднопонимаемыми, а если их еще называть спецтерминами, причем в смысле и значении этих терминов разные философии расходятся, то простому человеку и вовсе понять ничего невозможно.

Этот закон вытекает из предыдущего, он его родственник и сосед. Частично народ сформулировал его так: «Ничто не вечно под луной».

Вот ребенок. Он станет юношей, и больше не будет ребенком. Юноша станет зрелым человеком, и больше не будет юношей. Зрелый человек станет стариком, и не будет больше зрелым человеком. Старик умрет, станет покойником, не будет больше человека на свете. Тот самый механизм жизни, которая есть постоянное изменение, привел маленькое беспомощное существо к расцвету всемогущества, а потом – к концу.

Хозяйка захотела есть, купила продукты. Нет больше у нее денег – есть продукты. Спекла пирог – нет больше яиц, муки, сметаны, сахара, превратились в пирог. Съела пирог – нет больше пирога; переваривается в желудке питательная масса. Продолжать?

Каким бы ни был процесс – в основе своей он состоит из каких-то действий. Появляются новые клетки в организме – это действия. Растрескивается камень веками, превращаясь в песок, – появление трещины тоже действие, механическое, природное. Яйцо разбивается над кастрюлей – действие.

А любое действие – это какое-то изменение. Что-то стало в мире хоть чуть-чуть не так, как было раньше.

Изменение – это тот механизм, который всегда лежит в основе любого процесса.

Даже гранитная скала – нагревается-охлаждается, нагревается-охлаждается, и так каждый день и каждую ночь. Через миллион лет нет больше скалы – есть песок на ее месте.

За что бы мы в мире ни схватились – когда-то на его месте было что-то другое. И когда-нибудь будет что-нибудь другое. Такие дела. И без этого никак.

Дерево все свои лучшие соки отдало маленькому каштану. Раскрылась кожура, и упал он на землю – красивый, круглый, крепкий, глянцевый. Полил дождик, лопнул каштан, пустил корешок, зацепился он за землю, и стало расти новое дерево. А где каштан? Нет его больше, умер. Зато вырос лес. Росли-росли деревья, состарились, упали, гнили-гнили – превратились в нефть: выкачали ее, выделили бензин, залили в машины – и превратилось зеленое дерево в тот газ, который мы вдыхаем в городах. Раньше деревья поглощали углекислый газ и выделяли кислород – а теперь что? А теперь получившийся из них бензин сжигает кислород атмосферы.

Бросили камень вверх. Упал он вниз и разбился. Та самая сила, что бросила его вверх – послужила причиной его падения, а то бы он спокойно лежал. Чтоб полететь вниз – надо сначала полететь вверх.

Вот так в каждом явлении, вещи, действии заключен механизм, который послужил его причиной, есть основа его существования – и он же приводит его к концу. И не просто к концу – а превращает его в нечто совсем иное, чем было раньше, и даже в обратное противоположное.

Если что-то есть – оно получилось из чего-то. До этого на его месте было что-то другое. А из этого когда-нибудь получится что-то новое – потому что всегда происходят какие-нибудь изменения.

Елки-палки, проще я уже не умею. Если уж и это непонятно – сделай перерыв, подумай, и медленно перечитай еще раз.

На месте курицы было яйцо, на месте города была степь, на месте пустыни был город, на месте человека был другой человек, его прадед, а на его месте была обезьяна, а на ее месте была ящерица. Понял-нет?

3. ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ. Борьба – это условно. Никакой борьбы в обычном смысле слова здесь нет. Просто одно противостоит другому.

Например:

Верх и низ. Все, что имеет верх, имеет и низ. Одно без другого никак невозможно. Мы и определяем одно через другое. Берем чего-то два, даем им названия – и противопоставляем друг другу. А на самом деле это просто две разные стороны одного и того же. Нет верха – нет и низа. Как, скажем, у шара в космическом пространстве.

Лево и право. То же самое. Ну возможно ли, чтоб лево было, а право – нет? В том и суть, что это две противоположные стороны, и одна определяется относительно другой.

Как сказал киногерой: «Есть хочется... худеть хочется... всего хочется!..» Вот это и есть единство и борьба противоположностей.

Рабочий хочет меньше работать и больше получать. Владелец завода хочет меньше ему платить, а чтоб он побольше выработывал.

Так и живут в классовом противоречии и компромиссе. Друг без друга им никак.

Вот летит самолет. Он тяжелый, и поэтому хочет упасть. Но двигатели прут его вперед, и на скорости воздух под его крылом давит крыло кверху и хочет поднять выше, выше, выше. Вот в единстве этих противоположных стремлений – крыло хочет вверх, а фюзеляж хочет вниз – самолет и держится на одной высоте, части его скреплены прочно.

Человек стремится к счастью, а попутно добывает себе хлопоты и переживания. Он бы предпочел обойтись без них, да так не бывает. «Без труда не вытянешь рыбку из пруда». Это всегда вместе.

Тепло – холодно. Если бы всегда жили при одной и той же температуре и даже не знали, что возможна другая – не было бы у нас этих понятий. Ну, вот такова среда нашего обитания,

чего тут скажешь. Вроде как воздух до эпохи ныряния и полетов ввысь – он плотный или разреженный? Идиотский вопрос – воздух он и есть воздух, вы что имеете в виду? А поскольку разница температур каждому известна, понятия тепла и холода противопоставлены друг другу.

Хорошо – плохо. Это опять же одно относительно другого. На что и с какой стороны взглянуть. Если боль – плохо, то хорошо есть ее отсутствие. Если богатство хорошо, то плохо есть его отсутствие. Одно понятие есть противопоставление другому.

Это называется диалектические пары.

Почему веревка натянута? Потому что ее тянут за оба конца в разные стороны.

Вот все на свете внутри себя устроено как эта веревка. Это вот в каком смысле:

Одна тенденция: больше танков: задавим врага! Другая тенденция: к черту танки! топливо сожрут, дороги загромоздят! Результат – равнодействующая: некое разумное количество войска.

Дереву – расти выше! вылезти из чащи к солнцу, брать листвой как можно больше его энергии. Нет – ниже: устойчивее быть, крепче, чтоб ветер не свалил. Результат: оптимальная высота.

Жрать больше! вкусно, полезно! для сил и здоровья! – Нет – кончай жрать – стройным будешь! красивым! выносливым!

Заработаю миллиард и прославлюсь! – На хрен, попьем пива перед телевизором. Ладно, поработаем немного, раз иначе никак.

Хорошо бы у всех все забрать себе. Еще хорошо быть добрым, всем все раздать, любить будут. Ладно, хапну втихаря немного, а чуть-чуть дам друзьям. Нет?

К чему мы неизбежно придем? К смерти. А что мы делаем? Да живем как можем. Это и называется единство и борьба противоположностей.

Надо быть абсолютно свободным и независимым от всех. Но если не ограничить всех законами государства, то самый сильный и агрессивный начнет всех убивать и грабить. Ограничить законами! Но не слишком... и здесь противоположные тенденции.

Противоположные тенденции всегда сдерживают друг друга. Не то самолет или в космос улетит, или грянет. Если бы живые существа не умирали – жил бы папоротник, не превратившись постепенно в человека. И места бы человеку не было.

Сила гравитации хочет собрать все вещество Земли в маленький сверхплотный центр. А центробежная сила хочет разметать все ее вещество в стороны, в космос. Вот и живем мы на круглой планете.

.....

Все это – кусочек философского словаря для детей. Кто ж виноват, что философские словари для взрослых никто не читает, а если и читает, то – правильно подумал! – не понимает, кроме тех, кто их написал, да и то не всегда.

Все это вещи для чтения безусловно необязательные. Как, впрочем, и все мое сочинение. Но если ты хочешь что-то толком понять – без этих вещей ну куда же.

Так что прощай.

8. Неизбежная гибель человечества.

ЛИНЕЙКА И МАСШТАБ. Как можно убедиться, что Ахиллес на самом деле все-таки догонит черепаху? Элементарно: разуть глаза и посмотреть. Дождаться результата. Ну, а если некогда? Или темно, и плохо видно? Или черепаха аж у горизонта, и глазу трудно оценить, как сокращается расстояние? Тогда нужно взять рулетку и секундомер и измерить дистанцию забега в одних единицах длины, и, определив скорость каждого бегуна в одних единицах ско-

рости, произвести несложные арифметические расчеты. И сразу станет точно известно, в какой именно точке Ахиллес черепаху догонит и перегонит.

Точно так же с любым процессом. Надо определить его начальную и конечную точки – и только тогда станет понятна его суть. Иначе будет как с кровельщиком, который, падая с крыши, приговаривал успокоительно в полете: «Пока все идет нормально». Но поскольку встреча с асфальтом неизбежна, суть такого полета понятна. Хотя, если лететь долго и большим коллективом, можно успеть создать оптимистические научные теории о покорении пространства, свободе от веса тела и безграничном увеличении скорости, что лестно для самолюбия и комфортно для сознания. Да вот тенденция однозначно не сулит добра, а то б все ничего.

«НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА». Человечество, естественно, всегда интересовалось, к чему оно придет в результате всех своих дел, своего развития, прогресса, называйте как хотите. Особенно в XIX веке научно-технический взрыв породил бурный оптимизм и веру в безграничное могущество человека. Эту веру стали еще вдобавок раздувать малопонятливые и легковозбудимые творческие личности, бросившись сочинять научно-фантастические романы. Приставка «научно-» обозначала, что они не просто фантазируют, но как бы стараются моделировать будущее, основываясь на данных науки (в которой, как правило, письменники разбираются плохо, в основном принимая на веру то, что услышали в школе или узнали из газет в адаптации журналистов).

И популярная литература в экстазе изобразила грандиозную по замечательности картину. Искусственный климат, самый полезный для здоровья и сельского хозяйства, полное материальное изобилие, техника позволяет летать по всей Вселенной, все стройные, здоровые, живут очень долго, причем высоконравственно.

Такая научно-техническая утопия.

Ну, заселили Вселенную. А дальше что людям делать?.. Ведь утверждали, что цель человечества – Прогресс, а его цель – всеобщее и полное Счастье. И вот как-то цель кончилась, растворилась, раз и на всегда достигнута. Отдельные злодеи, в семье не без урода, наказываются... Так и живем, значит... и так – до бесконечности?

Ну, а что вы хотите. Живем. Развиваем науку, летаем в новые галактики, занимаемся своими делами. Чего ж еще-то?..

Гм. Ну, если вечна сама Вселенная – почему бы вечно не жить человеку, венцу природы, с его гениальным и уникальным мозгом. Для того он на свет и появился.

То есть: у линейки нет конца. Вот начало, левый край, где первая черточка и «ноль» написано – есть, а правого края нету, он бесконечен.

Всем привет от пролетающего кровельщика.

ПЛОХОМУ ТАНЦОРУ НЕДОСТАТКИ МЕШАЮТ. Правда, с такой точки зрения трудно объяснить, зачем человечеству были нужны бесчисленные войны. Ведь без войн, вроде, можно бы построить изобильное и счастливое общество куда быстрее.

Тогда ученые придумали слово «агрессивность». Вот есть в природе человека агрессивность – то есть он хочет наносить окружающим вред и убивать их.

Еще в человеке есть жадность. Он хочет присвоить добро соседа. И идет войной, чтоб все отобрать у другого народа.

Еще в человеке есть зависть. Ему не нравится, если у кого-то есть чего-то больше, чем у него самого. И поэтому он хочет лишиться ближнего этого чего-то, чтоб ближний жил хуже него.

А еще в человеке есть дух разрушения. Поэтому он иногда разрушает дома, города, страны своих соседей. А иногда и свои собственные.

И если человек, сука такая, не преодолеет свою агрессивность, жадность, завистливость и дух разрушения, то не будет ему никакого счастливого будущего. А наоборот, можно вообще уничтожить всю планету, тем более что уже сделано много атомных, водородных и прочих бомб ужасной разрушительной силы.

Про это тоже написана масса «научно-фантастических» книг.

Итого:

Одни ученые считают, что все будет хорошо до бесконечности.

Другие – что человечество самоуничтожится вследствие своих отрицательных качеств.

Третьи извещают, что может быть так, а может и эдак, все зависит от самого человека: он должен нравственно совершенствоваться, делаться духовно лучше, выше, моральнее, это в его власти.

И есть ли в этом что-нибудь новое?..

РЕЛИГИИ. Все религии всегда учили примерно тому же самому. Человек грешен, и весь мир этот грешен, и в конце концов будет этому всему амба. Грехи, недостатки, зло (нужное подчеркнуть) – мир погубят. А праведники спасутся, но это произойдет уже в другой жизни, в другом мире.

Выражаясь современным языком: вся материя перейдет в иное качество, и в этом новом качестве хорошим людям будет хорошо, а плохим плохо.

Конечная кампания по реорганизации мира носила разные названия: Армагеддон, Рогнарёк, Страшный Суд, Перевоплощение и пр.

Не будем же мы сейчас спорить о формах религиозных представлений, характерно одно: человечество, будучи наделено известным здравым смыслом, всегда полагало, что у линейки должен быть правый край тоже. Мысль эта человечеству не нравилась. Поэтому оно пыталось совместить правый край с некоей бесконечностью, как бы с вечностью, с некоей иной – нематериальной – формой существования.

Потому что если все просто кончится – так какой же в этом смысл? Какой же тогда вообще смысл в жизни человека и истории человечества?

СМЫСЛ ЖИЗНИ. Вопросик вечный, сакраментальный.

Что такое вообще «смысл»? Смысл, скажем, какого-то действия?

Подразумевается, что это действие должно иметь какую-то цель. Служить решению какой-то задачи. Быть необходимой частью какого-то процесса, включающего в себя это действие. Действие рассматривается как стремление к какому-то результату. Действие может кончиться, а результат останется, и его возникшее наличие будет объяснением и оправданием действию.

Вопрос о «смысле» чего-то означает: ищем сверхзадачу этого «чего-то», хотим прозреть суть процесса, частью которого это «что-то» является: хотим понять высшую, конечную точку стремления этого «чего-то». Куда? Зачем? Для чего?

Это стремление осознать конечную цель процесса.

То есть: то же самое стремление определить правый край линейки. Тогда можно будет мерить все происходящее верной (единой) мерой, и все станет более или менее понятно.

В чем смысл действия двигателя внутреннего сгорания? Из банки бензина выделяется куча энергии, она может совершать работу.

В чем смысл этой работы? Автомобиль может двигаться быстро и на большое расстояние.

В чем смысл этого передвижения? Гора кирпичей будет перемещена быстро и легко, всего одним человеком.

В чем смысл этой перевозки? Быстро построят огромный дом.

В чем смысл этого строительства? Сто семей будут жить в комфорте.

В чем... и так далее, и так далее, и все они умрут. Вот черт! Так на хрена нам этот двигатель и эти кирпичи... Просто пожить послаще – и все?.. Так зачем мы тогда мучились, любили, работали, квартиры украшали, детей растили – если конец один? И все на этом?

Человеку охота понять и оценить собственную деятельность как часть общего – истории, природы, бытия, а это зависит от конечного результата деятельности человечества.

Человек хочет думать, что в его жизни есть какая-то сверхзадача. Какая-то высшая суть.

ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ. Оно и естественно. Интересно же знать, что будет после тебя, и что в конечном итоге будет со всеми остальными, и чем все кончится.

Людей это всегда интересовало. И как именно кончится. И почему кончится именно так, а не иначе.

Конечно. Потому что человек всегда хотел знать, зачем он – по большому счету – делает все то, что делает. А в зависимости от того, чем все кончится, и можно понять и оценить, что ж ты делаешь.

Зачем тружусь, страдаю, грешу и поступаю по морали? Чтоб потомки на Марс летели и поголовно в виллах перед телевизорами балдели? Да провались они пропадом! Пусть сами о себе заботятся. Я долбану соседа по башке, заберу его добро, и буду проедать его спокойно, наслаждаясь отдыхом и своим богатством.

Вот религии и грозят, что не все коту масленица. Существование человечества конечно. И жить надо так, а не иначе, потому что так велят боги. За правильное поведение будет вечная награда в ином мире, а за неправильное – вечное там же наказание. А вообще можем тебя и здесь наказать.

Но некоторых людей такие ответы не удовлетворяли. И они во все времена спрашивали: а для чего же тогда боги вообще создали человека, если кончится тем, что человечество все равно жить на Земле перестанет?

Природа? А природа зачем создала человека, если, опять же, он самоуничтожится?

По религии – хоть небесная награда будет за хорошее поведение.

А по науке – вообще ничего не будет. Пожили, пошумели – и сгнули.

Тут еще подоспела теория тепловой смерти Вселенной. Остынут в конце концов все звезды, отдав тепловую энергию в окружающее мировое пространство, и станет оно абсолютно ровно прохладным и темным, и никакая жизнь, разумеется, будет невозможна.

А что Солнце наше через столько-то миллиардов лет погаснет – это уже считается научно абсолютно ясно доказанным фактом. Так что насчет вечной жизни человечества есть большие сомнения.

Грустная, братцы, картина получается. Вселенский мрак, и холодные каменные громады в мировом пространстве, и никакой жизни, и никакого человечества.

И жизнь наша была, в таком случае, чистой случайностью, недоразумением, можно сказать, прекрасным мигом. Пшик – и сгорели; или пшик – и обледенели.

И нет, в общем, до нас Вселенной никакого дела.

Оно б, может, и так.

Да вам-то зато до нее дело есть! Мы сами-то – тоже порождение и часть этой Вселенной! Вон мы уже как шевелимся – на вид обезьяны обезьянами, разве что лоб повыше да шерсть полысее, а какие сложные устройства в какую даль запускаем, аж за пределы своей звездной системы.

Как же так, а. Если, конечно, не списывать все на богов, это-то очень удобно, на все ответить можно: а вот боги так устроили.

Получается что же. Ничто в истории человечества по большому счету случайностями не было. То есть вообще их может быть сколько угодно, но тенденция-то ясна, очевидна, неоспорима: человек устроен так, что из пещерного сделался современным, вон чего напридумывал, наворотил, наорганизовывал. Это что же: от возникновения человечества до настоящего момента – сплошная закономерность, в будущем – нельзя исключать возможность вариаций, а в прошлом «до того» – чистая случайность как возникновение человечества?

Это – вряд ли. Так не бывает.

У нас есть кусок линейки. В нашем масштабе – довольно большой кусок. Тысячелетия нашей истории. Так давайте попробуем определить, где у нашей линейки самое начало, и где самый конец. И попробуем подойти ко всему с этой линейкой. Иначе ничего не понять.

Мы исходим из человека и его нервной системы. Это для нас – начало начал. Что бы ни делал человек, какую бы проблему ни рассматривал – изначально все это есть реакции нервной системы.

Начальная отметка деятельности человека определена с полной ясностью и несомненностью. Это – инстинкт жизни. В первую очередь он проявляется через ощущения. Получение ощущения можно считать началом к: жить, мыслить, действовать как индивидууму. Скажем, проводим нулевую черту на ощущении своего тела в пространстве.

И от этой отметки все идет, как мы говорили, в направлении совершения человеком действий, все больших, максимальных. Что есть и уже само по себе, и в результате, преобразование всего окружающего мира, все большее и большее. Охота, земледелие, техника, машины, прогресс, оружие, рекорды, бомба: распаиваем, застраиваем, выкачиваем, сжигаем – изменяется облик планеты, состав атмосферы: ландшафт, растительность, уровень радиации и загрязненности мирового океана. Максимальные энергетические преобразования.

Это – вектор, направленность, тенденция. А где крайняя черта? Предел? Ну, чисто теоретически, умозрительно?

Как в математике, абстрактно, проведем прямую в бесконечность – большие действия, большие энергетические преобразования, еще большие, и еще большие... Ну, какое можно представить себе самое огромное, небывалое, совершенно предельное действие? Самое-самое? Совсем самое!!!

Это – переделать начисто всю Вселенную. Все ее пространство, все ее вещество, каждый сантиметр и каждый атом. Вообще переделать, превратить во что-то иное. Преобразовать всю её энергию. Уж большего действия быть не может никак. Дальше действительно некуда.

Это то же самое, что сказать: на месте нашей Вселенной построить другую, новую, иную, фактически – уничтожить прежнюю.

Вот это – означает быть Царем Природы! Вот это я понимаю Венец Творения!

Звучит, конечно, фантастически. Но куда тенденция-то именно такова, а?

А вот из интереса сделаем такое допущение, что это возможно. Почему нет, собственно? Делало человечество на своем веку всякое, и еще не сегодня конец истории.

Но – а зачем оно человеку нужно? И нужно ли вообще?

Ответ: конечно, лично это никому не нужно. Лично каждому нужно жить, чувствовать, думать, делать, свои мечты, своя жизнь. В результате все это складывается в поступательное движение человечества, в совершение человечеством максимальных действий.

Вопрос: а хотя бы чисто теоретически это возможно?

Ответ: теоретически возможно. Теоретически – ну: найти, набрать, сделать столько антиматерии, чтоб аннигилировать всю материю Вселенной. Тем самым вся ее материя превратится в световое излучение, взрыв произойдет такой силы, что представить себе и близко нельзя, миллиарды световых лет сплошных бешено летящих огненных потоков.

Вопрос: где ж мы столько антиматерии наберемся? Может, это будет сделано каким-нибудь иным способом?

Ответ: может, и даже вероятнее – человечество еще что-нибудь откроет, еще что-то изобретет, научный прогресс продолжается. Но в принципе – что-нибудь в таком духе.

– А не абсурдно ли звучит?

– Абсурдно. Как звучало абсурдно многое, будучи высказано впервые. Земля круглая. Вертится вокруг Солнца. Человек произошел от обезьяны. Аппарат тяжелее воздуха может летать. Три классические стадии восприятия открытой истины: а) бред! б) хм... в) кто ж этого не знает.

– Человек взорвет Вселенную – и сам самоуничтожится?

– А куда ж он, сердешный, денется.

– Он это специально делает, или нечаянно?

– Да как бы и нечаянно, невольно, да все будет к тому подведено. В том смысле, что сознательного отдельного решения, сознательно направленного желания грянуть свой мир у него не будет. Ан так сложится. Вот средства будут открыты и созданы совершенно сознательно: как новые шаги чистой науки, прозрения гениев, овладение силами природы посредством все новой техники, ну там новые способы передвижения космических кораблей, супероружие, создание искусственных светил, что-нибудь в таком духе. А дальше произойдет неудачный физический опыт, или сбой в работе аппаратуры, или политический кризис с военными последствиями, или физическая реакция даст непредусмотренный эффект. Уж как водится.

– Допустим чисто гипотетически. Для интереса. И что же – это суперсамоуничтожение и есть Цель Человечества?

– Именно. Только надо понимать, что значит «цель» и что значит «результат».

Под целью мы понимаем сознательную направленность действия в ограниченных временных рамках. Заработать миллион. Захватить высоту. Занять первое место.

Любое действие имеет цель ближнюю и дальнюю. Заработать миллион, купить дом, начать новое дело, стать магнатом в комфорте и власти. Захватить высоту, выиграть сражение, победить в войне, спасти и расширить государство, зажить в мире и покое.

Под *результатом* мы понимаем следствие действия – опять же, в определенных временных рамках. Если действие имело конкретную цель, то в тех же рамках мы соотносим результат с целью. Сознательно мы добиваемся совпадения результата с целью.

Есть побочные результаты в тех же рамках времени: нажили от волнений гипертонию, или потеряли часть бойцов убитыми и ранеными, или порвали шины и износили мотор автомобиля. А есть конечный результат – он может совпадать с дальней целью, или расходиться с ней, или даже противоречить ей. Миллион заработал, новое дело начал, разорился и опустился. Войну выиграл, но так истощил собственное государство, надорвал, что оно развалилось вскоре. Все в конечном счете невредно оценивать по конечному результату, нет?

Так вот, конечным результатом человеческой жизни можно считать смерть. Никто не сомневается, что этим она всегда кончится. Есть ли это цель человека? Упаси боже. Ее можно сознательно приблизить или средствами медицины как-то отдалить. Цель (цели) человека – жить полнее, лучше, что-то делать в жизни.

Цель человека – жить хорошо, полно, интересно. Результат – живет он чаще плоховато, чем хорошо. Это если субъективно говорить.

А объективно, отойдя в сторонку, как бы глазами равнодушной Природы? Был человек, делал что-то, а все равно перестал быть, исчез как таковой. Но остались результаты его жизни: рожденный ребенок, посаженное дерево, построенный дом. Или сожженный город, скрытая гора, речная плотина. С точки зрения Природы, непонимающе глядящей на этот мелкий суетливый предмет, все это сделанное и было целью его суеты.

Конечный результат есть объективная цель.

Не с той целью человек огнем овладел, чтоб Землю преобразить, а чтоб согреться.

Цель предполагает сознательную постановку задачи. Законы природы целей не имеют. Есть причина, следствие, результат.

Человек – часть природы. И сознание его – один из аспектов природы. И можно сказать, что через постановку целей человеческим сознанием природа идет к своему результату. Иногда называя его «целью», мы как бы условно очеловечиваем действия природы.

Субъективно, с точки зрения отдельного человека, конечный результат деятельности человечества противоречит цели этой деятельности.

Объективно сумма конкретных целей отдельных людей – дает законы истории, ход которой – все бóльшие энергетические преобразования.

Объективно мы можем с абсолютной определенностью констатировать только одно назначение человека, которому он неизменно соответствует – все большее переделывание мира.

А где находится к о н е ч н ы й результат?

И что есть к о н е ч н а я цель?

Насчет результата – мы отодвинули планку до конца.

Насчет цели – все цели человечества по достижении результата оказывались промежуточными; конечная цель возможна только по достижении конечного результата.

Вот вам цель: создание новой Вселенной, нового Бытия, новой Жизни – после себя.

Что вы имеете принципиально возразить?

– Но это трагическая, пессимистичная, страшная теория!

– А вы что, собрались жить вечно? как сказал полковой врач истребителям танков. Интересно: равнодушно ознакомиться с разными чисто физическими теориями гибели Вселенной вы согласны, а если это сделает человек – вам страшно. А вы думали что, существование человечества – это вам лобби кушать?

– А как же человеческий разум, мораль, нравственность наконец?

– В итоге разум в с е г д а ведет к действию, а не к отказу от него. А нравственность просто не имеет никакого отношения к законам природы и устройству Вселенной. Морально ли предсказывать ураганы или землетрясения?

– Но от них можно спастись!

– Не всегда.

– Да какой прок от такой теории?

– Если вам нужен покой души, то уверуйте в личное бессмертие. Человечество всегда хотело знать все, больше, лучше, глубже. Потом бесполезные знания оказывались полезными. А если поделаться ничем и нельзя, так от неизбежной истины уже та польза, что на душе легче, коли знаешь, что все равно ничего не поделаться. У нас нет выбора – знать или не знать.

– Человек не для того создан!

– А для чего? Антропоцентризм – это полагать человечество пупом мироздания. Геоцентризм – полагать пупом мироздания Землю и ставить во главу угла рассмотрение ее процессов и «интересов». Земля и человек – лишь порождение и часть этого мироздания.

– Все равно это глупо, наивно, поверхностно. Вы меня не убедили.

– Вы бы предпочли много наукообразных неудобочитаемых цитат с фамилиями авторитетными, как знаменитыми, так и малоизвестными, пару толстых томов, публикации в специальных выпусках Академии наук, а главное – чтоб эта точка зрения уже как-то устоялась и была поддержана людьми, звания которых внушают вам доверие.

– Хотя бы.

– Ладно. Еще полчаса – для убедительности. Почитайте дальше.

Глава третья

Универсальная теория

Линия отсчета

Уровни тенденций

До сих пор мы шли от мелочей – к следствиям и обобщениям. И дообобщались до того, что человек думает, будто он хочет счастья, а на самом деле выходит, что он угробит весь свой мир – в самом буквальном смысле.

Уж коли мы добрались до таких обобщений – давайте попробуем их как можно обстоятельней и добросовестней проверить. Мир-то ведь ограничивается не только человеком и его деятельностью.

Зайдем с другого конца. Сменим индуктивный способ на дедуктивный. Возьмем следующие уровни рассмотрений:

1. Энергетический.

Общее некуда.

Если мы возьмем весь МИР, всю ВСЕЛЕННУЮ, – во всех проявлениях, во всех формах, – что это такое? Какое самое общее понятие, какое самое общее слово может все это выразить?

БЫТИЕ.

Вот все, абсолютно все, что есть и что происходит – это бытие.

Из чего оно состоит, это бытие?

Из материи, из вещества. Еще? Из полей – гравитационных, магнитных, электрических. Еще? Из всех их процессов и взаимодействий между собой. Материя имеет массу, скорость, плотность, температуру, имеет химический, молекулярный, ядерный состав. Поле имеет мощность, направление, притяжение и пр.

Что является общим для этого всего? На каком самом общем уровне оно взаимодействует, переходит одно в другое, связано одно с другим, сравнимо? Что то общее, что есть в них во всех?

ЭНЕРГИЯ.

Это может быть кинетическая энергия тела, планеты или звезды, несущихся в пространстве. Или тепловая и световая энергия звезды. Или силы притяжения между небесными телами. Или энергия, заключенная в атоме. Или электрическая энергия элементарных частиц.

Все, что е с т ь, обладает энергией.

Какая энергия заключена в каждом атоме вещества, мы уже немного представляем. Какая энергия заключена в каждой элементарной частице, мы пока представляем несколько меньше. С энергией брошенного камня, если по Ньютону, совсем просто.

Энергия – это значит, что во всем сущем заключена какая-то сила, возможность к работе, действию, преобразованию, изменению. Энергия толовой шашки являет себя во взрыве. Энергия куска хлеба – в часе тяжелой работы каменщика. Энергия Солнца – в могучем излучении и притягивании планет.

Энергия – это способность к действию, возможность действия. Что такое любое действие? Самое-самое любое? Это какое-то изменение в мире. Что-то стало не так, как раньше – передвинулось, возникло, исчезло, изменило форму, размер.

Что происходит при любом действии? Энергия откуда-то берется и как-то преобразуется. Химическая энергия тела превращается в мускульную энергию бросания и механиче-

скую кинетическую энергию летящего камня. Ядерная энергия звезды превращается в световую энергию излучения.

Может ли быть Бытие без Энергии? Это будет означать, что оно неспособно ни к каким действиям.

Это невозможно в принципе.

Отсутствие всяческих действий означает отсутствие ВРЕМЕНИ. Есть много теорий насчет того, что такое время, но фактом остается, что – время есть.

ВРЕМЯ – это как бы линейка, приставленная перпендикулярно к плоскому пространству, на которой идет отсчет изменений. Но пространство большое, везде что-то есть, и линейки стоят густо, как сплошной лес. И образуют собой целое еще одно измерение. Своего рода еще одно пространство, неразрывно связанное с прежним и единое с ним. Это пространство и дает возможность происходить изменениям в обычном (трехмерном: длина-ширина-высота) пространстве: ведь в каждый миг времени в «обычном» все «место» уже занято им самим: все есть так, как есть. Оно уже существует как данность. Чтобы произошло любое изменение, все пространство должно как бы чуть-чуть сдвинуться со старого места, им уже занятого, и на новом месте стать чуть-чуть иным, с уже произошедшим изменением. Вот все пространство, чтоб дать возможность происходить всем своим делам и изменениям, постоянно меняет старое, занятое, место на новое, свободное, и ползет по оси времени.

Понять это трудно, но попробовать стоит. Вот сыплются песчинки в часах – идет время. Хоп! – «остановилось мгновенье» – застыли песчинки, и никогда больше не упадут. И абсолютно ничего больше не изменится и не произойдет в мире. Потому что время остановилось. Времени нет. Ничто не может измениться в мире, ни одна песчинка, ни один атом, ни одна элементарная частица с места не сдвинется, если нет ни мига времени для этого.

И никто этого никогда не узнает, потому что в нас самих всё тоже абсолютно остановилось – не только биохимические процессы, но и частицы в атомах, из которых мы состоим.

А это значит – нет больше атомов в мире. И элементарных частиц, из которых состоит вся материя, тоже нет, потому что они существуют только в движении, вне движения их нет. Это значит, что никакой материи в мире нет. И вообще ничего нет. НИЧТО.

Время – это как бы та среда, в которой только и существует все бытие. А все бытие – это та среда, в которой только и существует время, в свою очередь. Ипостаси одного и того же единого целого.

Разные высоконаучные теории на эти темы (мы изложили суть дела простым языком) вызывают вечные споры профессионалов. Сейчас нам важно одно – время все-таки есть. Вот так устроен мир, что есть время.

А это означает, что в Бытии все время что-то происходит. Что-то происходит – это и значит, что есть время. Время только через то и определяется, что что-то происходит.

А раз что-то происходит – есть Энергия.

А если нет Энергии? Это, опять же, значит, что все элементарные частицы перестанут двигаться. Не будет у них ни энергии движения, ни энергии электрических зарядов. И не будет никаких связей между частицами материи в таком случае, никаких сил притяжения, никаких молекулярных решеток и атомных орбит. И не будет никакой материи, и не будет никакого движения, вообще ничего не будет – и, значит, не будет никакого Времени: отсчитывать-то нечего, изменяться нечему. Остановилось прекрасное мгновенье.

Но. Все наше БЫТИЕ есть **данность**. Коли есть пространство и есть время – есть и БЫТИЕ. С нас пока вполне достаточно, что пространство и время – есть.

А это означает, что всегда есть действие – хотя бы на внутриатомном уровне. А это означает, что всегда есть энергия.

(Поэтому разговоры о том, что послужило «первотолчком», «заводным механизмом» к существованию Вселенной, достаточно бессмысленны. Потому что время, энергия и дви-

жение – есть неотъемлемые сущности Бытия. Вне движения просто ничего не может быть. Вообще ничего. Только полное НИЧТО. Как философская противоположность БЫТИЮ.)

Но поскольку энергия не берется из ничего и не исчезает бесследно никуда – она и не могла взяться ниоткуда. Только в пространстве, времени и движении и существует само Бытие, их можно назвать его качествами, а можно ипостасями.

Можете вообразить себе стакан без стенок, дна и материала, из которого он сделан? Это Бытие без пространства, времени и движения. Нет ничего – нет и предмета разговора.

Так вот. Если взять энергетический уровень. То все Бытие есть потребление, преобразование и выделение энергии. Понятно ли теперь? Любое существование, само наличие чего бы то ни было – это потребление, преобразование и выделение энергии.

Могут возразить, типа: а миллионолетняя скала? Ого! Она была раскаленной гущей, остыла, затвердела, – а потом, беря энергию солнца, воды, ветра, рассыплется в песок; и элементарные частицы в атомах ее молекул гранита носятся с бешеной скоростью, держась друг за друга. Вот что такое кусок древнего камня.

Бытие есть преобразование энергии.

Поэтому все движется и все изменяется. И жизнь на Земле здесь отнюдь не исключение. Здесь исключений в принципе не может быть. Как не может быть яйца без курицы.

2. Физический.

А если поконкретнее. Что же думает по этому поводу естественная наука?

Естественная наука по этому поводу думает, в основном и в общем, следующее:

А). Наша Вселенная – расширяющаяся. Из некоего Центра начального Взрыва со страшной скоростью все космические тела разлетаются в разные стороны по всей сфере, все более удаляясь друг от друга и все более расширяя область Вселенной.

Б). Наша Вселенная – остывающая. Звезды отдают свою энергию через световое излучение в окружающее Мировое Пространство. В конце концов они отдадут в пространство всю свою энергию (чем крайне мало, по причине огромности, его нагреют) – и все станет ровно холодным и темным. Наступит тепловая смерть Вселенной.

В). Наша Вселенная – не безгранична. Она конечна и имеет свои размеры. Размеры ее ограничены кривизной светового луча. Это означает, что свет имеет свойство притягиваться гравитационными полями, подобно материи. Вот вся масса вещества Вселенной и притягивает слегка свет. То есть: если пустить в пространство бесконечный световой луч, то когда-нибудь, через количество времени, которое и представить себе нельзя – он обогнет всю Вселенную, замкнув ее в орбитальное кольцо. Размеры этого кольца и есть размеры Вселенной.

Луч будет идеально прям. Но одновременно замкнется. Ну как вроде представьте себе кругосветное путешествие: идешь на Запад, огибаешь планету и возвращаешься с Востока. А идешь вроде по прямой.

И за пределы этой своей Вселенной мы выскочить не можем. Мы этих пределов и ощутить не можем. Все наше – здесь, «внутри». В какую бы сторону ни шел, пусть бесконечно долго, – а все равно ты здесь, кроме этого Мира для тебя ничего нет.

Г). Наша Вселенная – не вечна. Если рассматривать ее как открытую систему, то в конце концов вся энергия «перво-взрыва» рассеется в бесконечном Мировом пространстве – и наступит полный конец, Ничто, без материи и времени. Все иссякнет.

Если же считать ее замкнутой системой, каковая она есть, то уж больно она большая. Будет летать в вечном мраке мелкая холодная пыль.

Но. Но:

С одной стороны, на разлет небесных тел от Центра тоже затрачивается энергия, и, рассматривая этот разлет в огромном масштабе Вселенной, можно сказать, что все разлетается в разные стороны все медленнее и медленнее.

С другой стороны, протяженность этого полета по прямой ограничена кривизной светового луча.

А луч этот, обогнув кольцом Вселенную, движение свое продолжает, но уже «снижаясь»: вещество Вселенной продолжает его притягивать, и кольцо превращается в спираль, приближающуюся обратно к центру.

И через некое чудовищно долгое время небесные тела начнут не удаляться, а п р и б л и ж а т ь с я к Центру. Но искривление их движения настолько мало, что в каждый отдельный отрезок времени им можно пренебречь, как бы все летит каждое по своей прямой – либо удаляясь, либо приближаясь. Ну, представьте себе морского ежа, или шар из спиц, скрепленных в центре. Но где-то далеко-далеко спица, изгибаясь, возвращается другим концом обратно в центр.

Вот насчет этого и существует теория пульсирующей Вселенной, где стадия расширения сменяется стадией сжатия. В принципе на это еще древнеиндусская космогония намекала. Получается, что огромные облака холодной разреженной пыли медленно-медленно начнут сплываться к тому самому Центру Вселенной, откуда когда-то они были в виде гигантских потоков раскаленной плазмы выброшены во все стороны. И все на этом.

Если б они, конечно, столкнулись все вместе в этом Центре да на гигантской скорости, да огромными плотными телами – произошел бы новый чудовищный взрыв, и цикл пошел бы по новой. Но слишком много энергии будет растрчено за миллиарды миллиардов миллиардов лет полета в Пространстве... и не хватит ее уже на новый Взрыв.

И вот тогда настанет Конец Всему, в конце концов. Все остановится, не будет Времени, Движения, Энергии – Бытия.

Если только не – —

Если только не грохнуть неким образом всю эту холодную и вялую пылевую массу, чтоб произошел Новый Взрыв. Если не запустить цепную реакцию нового выделения всей энергии, еще находящейся во Вселенной.

Как, чем? Трудно покуда сказать.

На данном этапе самым совершенным, максимальным способом выделения всей – в с е й – энергии, содержащейся в веществе, является аннигиляция. То есть материя совмещается с антиматерией – и перестает существовать, превращаясь в световое излучение во взрыве необыкновенной, непревосходимой силы. Аннигиляция одного грамма вещества —

$$E=mc^2$$

– способна разнести в клочья целый континент. Это миллионы Хиросим. Столько взрывчатки сегодня нет во всех ядерных арсеналах.

А теперь – кстати о диалектике. Об единстве и борьбе противоположностей, о вещи как веревке, натянутой внутри себя в разные стороны.

К чему стремится любое тело, вещество, материя, – в динамическом равновесии каких двух противоположных тенденций оно существует?

Тенденция первая – абсолютный покой. «Устроиться» так, чтобы вообще «ничего не делать». Принять такую форму, занять такое положение, чтоб никакие действия, никакие изменения были уже невозможны. Стремление к своему предельно стабильному состоянию.

Тенденция вторая – выделить всю энергию, что в нем есть, совершить максимум действия, изменить свое положение и состояние до предела.

А в результате? А в результате отдать всю энергию и успокоиться окончательно – остановиться, перестать быть.

Говоря иначе:

Всю свою энергию сохранить – и всю свою энергию выделить.

Максимальный покой – и максимальное движение.(.....)

В этом смысле аннигиляция – идеальное удовлетворение обоим условиям.

Нет большего покоя, чем полное исчезновение. Нет большего действия, чем выделение абсолютно всей энергии при аннигиляции.

Нет большего преобразования, чем перейти в совершенно иное качество.

Абсолютное действие как путь к абсолютному покою.

Вот это – как два полюса существования материи.

И вот вам отрицание отрицания.

И вот вам переход в свою противоположность.

И вот вам идеальное разрешение конфликта и ситуации.

И вот вам новая расширяющаяся Вселенная.

Эх, да где ж сил взять, где взять тот гранатный запал, который позволит провести этот Сверхвзрыв? Коли остынет, замедлится, обессилеет материя... Гм?

3. Биологический.

Что такое, собственно, жизнь на Земле? Да-да, конечно – «форма белкового существования материи». Ну, есть такая форма, есть такая партия, и что с того?.. Это ничего не объясняет: как? что? почему? зачем?

Давайте-ка еще раз, с начала.

С геологии.

Что такое Земля?

Земля – здоровенный кусок материи, вещества.

Что она делает?

Существует. Крутится, летит, остывает, изменяется.

Что это все такое?

Формы энергии.

Какой энергией обладает Земля?

Во-первых, чисто механической, кинетической – огромная масса несется в пространстве с огромной скоростью. Столкнется с чем-нибудь – мало не будет.

Во-вторых, тепловой: когда-то была раскаленным сгустком, потом стала горячим шаром, потом этот шар стал остывать.

В-третьих, внутренней энергией самого вещества, из которого она состоит – химической и атомной: в каждой холодной песчинке заключена энергия ее молекул, атомов, элементарных частиц.

Что происходит с этой энергией?

Она уменьшается.

Земля остывает – огненный сгусток медленно превращается в холодный каменный шар. Горячая начинка трясет кору, прорывается сквозь вулканы, греет изнутри ставшую теплоизолирующей поверхность. Тепло, задерживаясь корой и атмосферой, уходит в окружающее пространство. Естественное будущее Земли – холодный Марс. (Не молодеет вся Солнечная система – и светило шлет энергии все меньше, пока совсем не погаснет...)

Это – тепловая энергия. А кинетическая?

Тоже понемногу уменьшается. Пространство, в котором летит Земля, не идеальная пустота – встречаются кометы, астероиды, сгущения пыли – короче, движение хоть как-то, но тормозится. Вдобавок уменьшается сила притяжения Солнца – потому что оно становится меньше, его масса постепенно выгорает, превращаясь в световое излучение – и оно все слабее «вращает Землю за веревочку» силы своего притяжения.

А внутренняя энергия самого вещества Земли? И она тоже понемногу уменьшается. Эволюция структуры Земли от сгустка до нынешней планеты происходит за счет собственного, изначально имевшегося запаса энергии. На все происходившие изменения этот запас расходовался (количеством вбираемой Землей солнечной энергии он не компенсировался – коли шло остывание, верно?). Все более сложные, стойкие и холодные соединения вещества Земли по мере эволюции как бы старались з а к о н с е р в и р о в а т ь в своих атомных и молекулярных конструкциях часть изначальной энергии огненного клубка. С другой стороны, теплоотдача вызывает изменения внутренней структуры вещества (простейший пример, опять же: пар – вода – лед). (Условно-упрощенно: силы, которые сцепляют элементарные частицы в атомы, а атомы – в молекулы, расходуются постепенно на нагревание окружающей среды. В горячей плазме эти силы так (избыточно) велики, элементарные частицы и самые простые маленькие атомы так «буйно дергаются», что «избыток сил» не позволяет им соединиться в конструкции более крупные – сложные атомы и молекулы. По мере остывания – они несколько «слабеют» и как бы «слипаются» в разные химические элементы и соединения. А когда охлаждаются до Абсолютного Ноля, температуры пустоты Мирового Пространства, вся энергия в конечном счете к чертям излучается, их сил уже не хватает, чтоб скопом держаться друг за друга, и вещества распадаются. Грубо говоря, все превращается в холодную пыль, из которой много не выжмешь.)

Отметим главное для нас – уменьшающаяся энергия Земли по возможности «консервировалась» – и все более «концентрировано», все более усложняя структуры веществ-«хранителей».

И вот когда поверхность раскаленной Земли остыла в общем, скажем, градусов до 50 по Цельсию, на ней появилась жизнь. Простейшие микроорганизмы, одноклеточные, травинки-лишайники и так далее.

Качественный скачок понятен: возникла новая форма материи; неорганика дополнилась органикой. (Каким образом – наука ломает голову: пока понять не удалось, мертвое в живое переходить не хочет.) А с количественной точки зрения – в чем суть происшедшего изменения? Если прежней, единой линейкой мерить?

А в том, что растения, усложняясь и размножаясь, развили такую деятельность по консервированию энергии, что это производство вообще стало отдельной отраслью Бытия – жизнь на Земле. Папоротники, кусты, джунгли! Они что делали? Вбирали в себя вещества Земли – воду, минеральные соли и так далее. Энергия полей Земли тоже шла в дело – гравитационного, магнитного. А еще они вбирали энергию Солнца – и «напрямую», посредством фотосинтеза, ловя лучи листьями, и ту тепловую, что днем задерживается и отражается земной поверхностью. И из этого строили себя – корни, ствол, листва, семена. Сложнейшие процессы, масса химических реакций. Пошли «побочные» продукты и следствия: кислород из листвы в атмосферу, ил на дно водоемов, перегной опавшей листвы в почву. Зазеленела планета, заголубела, зацвела.

Что произошло с консервацией энергии? Увеличилась. Вот упадет высоченная мачтовая сосна – гул пойдет по всему лесу: кинетическая энергия падения многотонного ствола перейдет в энергию удара. А какая энергия создала этот ствол и подняла на такую высоту? А вещества и полей Земли плюс солнечное излучение. А залежи угля, торфа, сланца, нефти – тоже запасы энергии, бывшие растения.

До растений – что делала Земля с солнечными лучами? А ничего, пропадали без толку. Днем жарче – ночью холоднее, разве что скалы растрескаются, сплошная энтропия. (Разумеется, это уже после определенного этапа оформления и остывания звездно-планетной системы.) А теперь – те же, и даже слабеющие, солнечные лучи – стали вбираться, запасаться.

То есть: по мере уменьшения общей энергии Земли средства ее консервации (сохранения) стали сложнее и эффективнее. Как бы КПД процесса увеличился. Вот вам энергетическая суть жизни как этапа существования Земли.

Это первое. А второе: преобразование энергии Земли (ну, сейчас мы говорим только об ее коре) пошло с бешеной скоростью. Динамика мертвого и живого вещества несопоставима. Энергию – взять! преобразовать! выделить! – быстрее! больше! эффективнее!

И вот этот энергообмен идет с такой скоростью, что по сравнению с ним процесс энергосохранения уменьшающейся энергии Земли как бы даже и незаметен. И скорость увеличивается в прогрессии!

Биосфера растет! Энергия ее увеличивается! Везде работа кипит, движение. Животные появились, стали растения поедать. Потребляют энергию Земли и Солнца в, так сказать, обогащенном виде, переработанный концентрат. На этой энергии двигаться стали, бегать, драться.

Хищник: сожрал кого-то – и зарядился еще более концентрированной, уже дважды – растением и травоядным – переработанной энергией.

Вот динозавр. Огромный. Жрет траву с утра до ночи. Обогревается от окружающей среды, он был существом холоднокровным. Головка маленькая, ходит медленно. КПД действия, можно сказать, низкий.

А вот белый медведь. Съел тюленя – и на три дня хватит. Кругом полярные льды, а ему тепло, энергия пищи на обогрев тоже идет. Весит полтонны, а бежит при нужде быстро, сотню километров без подзаправки пройти ему ничего не стоит. Шкура теплая, башка сметливая. КПД его действия как энергопреобразователя куда выше.

И вот появился человек. Обезьяна обезьяной. Но – умный, зараза. И при помощи этого своего ума – стал достигать удивительных результатов.

Придумал разные орудия, инструменты, приспособления – и с той же затратой мускульной энергии стал производить куда больше работы. КПД преобразования энергии резко повысился.

Так он еще придумал использовать для своих действий энергию животных. Так он еще придумал объединяться в большие сложные сообщества. Такое творит! А жрет столько же, потребляет энергии столько же. А работы в результате происходит больше. Растет КПД.

Гм .

Все действия растений были направлены на то, чтобы энергию запасать, по возможности умножать – в сумме, на Земле.

Все действия животных находились в равновесии с растительным миром. Сожрешь что-то – освободится место для роста новой такой же зелени. Или роста новых зайцев до установившегося поголовья.

Энергия животных и птиц (бегают, летают, землю роют) приплюсовывалась в биосфере к энергии растений.

Энергия человека – который мог делать, и делал, гораздо больше животных, – сюда же прибавилась. Да сколько ее! Со своей умной головой и умелыми руками, *человек – крупнейший в природе специалист по преобразованию энергии*, в том уже смысле, что ужасно большая часть его собственной, как организма, энергии превращается в действия, то есть в какие-либо изменения окружающей среды.

В этом его главное отличие от прочих животных. И обусловлено оно большей активностью мозга, большей энергетикой центральной нервной системы. Только-то. Простым глазом не усмотришь.

Но потом – человек овладел огнем! Вот это было да.

Огонь – питает: жареная-вареная пища усваивается легче, полнее.

Огонь – греет: подбросить ветку в костер легче, чем гоняться за добычей и согреться, набивая брюхо ее мясом и заворачиваться в ее содранную шкуру.

Огонь – защищает: ткнул зверю голову в морду, поджег лес вокруг стойбища врагов – это легче, чем махать каменным топором с негарантированным успехом.

Энергия огня приплюсовалась к собственной энергии человека как существа биологического. Единственный из животных, человек стал использовать – потреблять, преобразовывать, выделять – энергию вещества Земли **небиологическим** способом, превращая материю в тепловое и световое излучение.

Гигантский скачок. Если перевести калории в джоули работы – никакому животному такой КПД и сниться не может. Бросил уголек в лес – и наработал больше стада слонов. Энергия человечества с овладением огнем повысилась феноменально.

Это с одной стороны. А с другой – что получается. До человека растения и животные использовали энергию Земли – воды, почвы, а также воздушных и водных течений, гравитационного и магнитного полей – с положительным общим балансом: общее количество энергии на Земле, включая их собственную, при этом, как результат процесса их жизнедеятельности, не уменьшалось, а увеличивалось. Суммарно, на уровне атомных частиц, количество вещества Земли не уменьшалось, а энергосодержательность его, в результате сложного структурирования под воздействием солнечных лучей, увеличивалась. Упрощенно: масса вещества не уменьшалась при одновременном увеличении своего «энерго-КПД». Это – ход биологической эволюции.

А теперь? А теперь огромные количества «энергоконсервов» стали с бешеной скоростью расходоваться, превращая материю «обратно» в свет и тепло.

Вот такой диалектический виток.

В процессе «энергозапасания» наметился обратный характер. Расходование.

Зато общее количество энергии, которая может быть сейчас, достигнутыми методами (уже **небиологическим** путем!) использована, задействована, преобразована, пущена в ход – увеличилось: энергия всего ископаемого горючего.

Из материи стал вышибаться максимум энергии, какой только вообще возможен в обычных природных условиях Земли.

То есть:

Свет, тепло, огонь – превратились в неживую материю.

Количество энергии Земли понизилось.

Неживая материя дополнилась (породила?) живой.

Количество энергии неживой планеты продолжало уменьшаться, частично и с ускорением преобразуясь в энергию живого вещества – вон как быстро бамбук растет; количество живой энергии стало увеличиваться.

И в конце концов живая материя «оплодотворила» неживую: посредством живой неживая стала преобразовывать свою энергию в световое и тепловое излучение (а то бы так и «пропала втуне»).

Огонь бы еще ладно, а вот атомная энергия!.. Но об этом – чуть ниже, потому что с овладения огнем – можно говорить не просто о биологическом развитии на Земле, но об истории человечества.

4. Исторический уровень.

Что есть История?

История есть совершение человечеством всевозможных действий за все время его существования.

Что есть все эти действия?

Все эти действия есть всевозможные изменения, которые производило человечество в мире, в котором жило и живет. Убить зверя, вспахать поле, построить город, поковырять в носу – все это так или иначе **изменения** действительности, делание ее не точно такой, какая она была миг назад.

Что есть любое действие, любое изменение?

Преобразование энергии.

Любое действие есть акт затрачивания, выделения какой-то энергии на собственно его свершение. Даже вздохнуть и моргнуть. Даже сходить в магазин, не говоря об испекании булки.

Вся история человечества – есть потребление, преобразование и выделение энергии.

И от начала истории – этот процесс имеет положительный баланс.

Сначала – растения, животные – процесс энергопреобразования повышался в природе биологическим путем.

Затем – человек – процесс стал повышаться также механическим и организационным путем. Копалка, рубило, топор, лук, рычаг, блок, колесо, – все больше энергии превращается в действия, в изменения мира. Домашние животные – выдернуть их энергию из равновесия с природой, направить на ее «человеческие» изменения. Племена, племенные союзы, государства – энергия масс людей упорядочивалась, суммировалась в единый вектор, позволяя производить грандиозные действия: Китайская стена, Пирамида, Рим.

Человеческий организм продолжал потреблять на поддержание собственной жизнедеятельности (движение, подогрев, физиологические процессы) то же количество энергии, что и всегда (с едой, водой, воздухом). А объем работ производил все больший, энергии преобразовывалось в действия все больше, действительность изменялась все больше и быстрее.

(В некотором смысле – уплотнилось, убыстрилось само Время!)

Но без огня – все это семечки. Овладение огнем есть запал и первооснова массы следствий.

Металлургия. Плуг и меч. Производить еды больше, сил и времени на ее производство тратить меньше, пустить освободившиеся силы и время на что-то другое. Меньшим хорошо вооруженным войском держать врага в страхе, а остальные граждане пусть делают что-то другое. Нас будет много, мы будем непобедимы, и всех заставим работать на себя.

Пушка, ружье. Энергия щепоти угля с селитрой в дело – и хана тебе в твоей груди громыхающих доспехов. Здесь будет размножаться мой род. А твой будет ему строить грандиозный дворец, камни таскать, а не коз доить. Пустим энергию на изменение мира.

Что такое любая война? Колоссальное энергетическое преобразование. Максимальное действие из всех возможных – здесь и сейчас! – для всей группы воюющих людей. Могли монголы Чингис-хана создать паровую машину или превратить степь в яблоневый сад? Нет, они могли только пасти скот и резаться с соседями. Ну так они прошли мир так, что он содрогнулся. Могли вандалы Гензериха построить Рим? Ни в жисть. Но они могли его разрушить! Что с точки зрения совершения действия, изменения – есть то же, что приведение его из разрушенного состояния в прежнее, но с обратным знаком.

(Когда и почему возникает война? Когда суммарная энергия человеческого сообщества превышает ту, которая может быть реализована мирным образом. Природные условия не позволяют развернуться, или уровень научно-технических знаний. Делать что-то требуется, а что – неизвестно. Не могут же все стать мудрецами и философами. Уровень энергии превышает а) уровень имеющегося равновесия, б) уровень созидательных возможностей.

Если все силы у тебя уходят на труд по выживанию – ты воевать не будешь. Если твои силы, разум и чувства могут быть полностью напряжены и реализованы в созидательной деятельности – ты тоже воевать не будешь. Но для созидательной деятельности нужны определенные знания, определенная структура общества и определенный моральный кодекс, свод этических ценностей. А у дикаря какая главная ценность? Сила и храбрость в бою, да «богатство» как следствие и показатель этих качеств. Его избыток энергии прежде всего сбрасывается в войну.

А цивилизованное государство медленно эволюционирует, длительные периоды находясь в равновесии энергии и созидания. У него больше возможностей для мирного применения энергии.

Избыточная энергия: 1) накапливается постепенно, как остаток, невостребуемый мирной жизнью; 2) провоцируется и поддается природными энергетическими всплесками – солнечная активность, магнитные бури, землетрясения, наводнения, вообще всяческие стихийные бедствия и катаклизмы – все это неким неясным современной науке образом имеет отражение в повышении энергетики живой природы: давно отмечен факт, что исторические катаклизмы совпадают с тем, что у деревьев шире годовые кольца (активнее росли), комета приблизилась, зима лютая, лето жаркое, и т. д.

Несоответствие энергетических и созидательных возможностей как совокупность психики индивидуума дает хулигана, бандита, авантюриста, искателя приключений. В период катаклизмов их число резко подпрыгивает. Но действие сообщества не есть простая арифметическая сумма действий отдельных личностей. Общая энергия сообщества и ее вектор складываются из множества отдельных маленьких величин и проявлений между людьми, между человеком и природой, между трудовыми и социальными группами, это и культурный уровень, и производственные отношения, и все связи государственной структуры, и так далее.

Понятно, как сплошь и рядом интересы государства противоречат интересам личности – хотя, вроде, сами личности и создали государство для своих интересов. Так же разрушительная война может противоречить интересам, в общем и целом, и личностей и государства – но соответствовать «интересам» Природы и Истории как а) сброс избытка энергии; б) совершенные максимального действия.

А избыток энергии сверх необходимого – есть главнейшая и характерная особенность человека.)

Но всестороннее рассмотрение феномена войны требует отдельного исследования, мы ограничились краткой сутью. Сейчас необходимо отметить одно: война – это всегда огромное действие, энергопреобразование, и чем дальше – тем больше.

Отметим два нужных нам сейчас аспекта войны как таковой.

Первый. Гибли – в среднем – более храбрые, агрессивные, сильные, энергичные, умственно заурядные. Выживали – в среднем – более трусливые, слабые, эгоистичные, хитрые. То есть: можно уловить определенный естественный отбор, направленный в сторону личного выживания и умственной изворотливости и предприимчивости как средства к выживанию.

Второй. Война всегда побуждала и поощряла развитие науки и техники, которые тут же проверяла и применяла практически и с важнейшей целью: остаться в живых. Хочешь жить – тут завертись, напряжешь мозги изо всех сил, коли дубинкой не отмахаться.

Однако возвратимся к огню.

Металлические орудия позволили производить больше работ и действий – сначала мускульно-механическим способом: та же рука плюс приспособление, которое без руки действовать не будет: лом, топор, меч, таран.

Затем огонь стал производить механическую работу: кидать ядра из орудий, взрывать стены.

Затем производимая огнем механическая работа приобрела характер управляемого процесса – паровая машина. Ого!

Насос, паровоз, пароход, пресс, супермолот, приводные передачи на всевозможные станки, развивающие огромное усилие для обработки любых материалов. Возникло название «техническая цивилизация».

Нефть. Бензин. Автомобиль. Самолет.

И только на базе вот такого уровня энерговооруженности цивилизации пошли развиваться:

Электричество. Крутим динамо паровой машиной, потом двигателем внутреннего сгорания, потом турбиной – огонь жжем! а также водой и ветром, пустим в дело и их энергию.

Химия. Искусственные ткани, пластмассы, синтетическое топливо, синтетическая жратва (не нравится – не жри дешевую колбасу).

Кибернетика. Компьютеры. Труд сотен человек заменяет один с машиной.

Сказочная производительность труда. Трубы дымят, конвейеры бегут, реклама мелькает, магазины и помойки ломаются: бешенство жизни.

Все больше энергии преобразуем! Все больше действий совершаем, мир изменяем: громады городов на асфальте, бетонные шоссе через равнины, небо от лайнеров гудит. И так далее.

Вся история человечества – все большее и большее преобразование энергии, в первую очередь вещества Земли с атмосферой, а также солнечного света.

Вторая мировая война. Гитлер! Угроза человечеству! Лучшие умы – в Лос-Аламос! И в Челябинск-16, и под Сухуми! создать им все условия, дать все! И вот вам атомная бомба.

И вот вам атомные подводные лодки с ракетами.

И вот вам атомные электростанции – и электричество для все нового производства все новых вещей – больше! других! быстрее!

И вот вам знаменитый советский ядерный полигон – заполярный остров Новая Земля (поистине со смыслом название): легендарные испытания стомегатонной водородной бомбы в 1961 году. Пожалуйте в бункер... дайте товарищу место у перископа.

На десятикилометровой высоте – бомбардировщик. На земле вдаль идут – окопы, блиндажи, городки искусственные, животные пасутся на разных расстояниях. Боевая техника в укрытиях и поверху. Тундра, серо. У берега меж льдин старые пустые корабли болтаются.

Парают! Бомба! Пошел отсчет секунд! Замерли генералы, замерли ученые.

Вспыхнула нереальной слепящей яркости сфера, разом полыхнули постройки, грянул неземной силы ураган, смел все вокруг. Многокилометровая стена праха ударила кругом во все стороны, всклубился и вырос снизу в бешеном вращении черный смерч в километры диаметром – вверх плывет белый бушующий шар, окутался дымной шапкой в десятки километров ширины. Встал жуткий гриб в стратосферу.

Вот это мощь! Вот это боеприпас! Вот это испытания! Вот это торжество советской военной науки! Винты, ребята, дырочки для орденков.

Кивают головами ученые. Закуривают удовлетворенно генералы. Шампанским хлопают в бункере: «За успех!»

Стоит шестидесятипятикилометровый апокалиптический гриб над землей, и пылает в центре шапки гигантская огненная сфера. Аж самим жутко.

Минуто пылает. Две пылает.

Смотрят все в перископы с увеличенным вниманием. Расчетное время, однако, истекает. Что надо запустили реакцию. Полная расчетная мощь. Даже больше выходит.

Пятнадцать минут!

Все уже понимают, что это... несколько превышает расчеты. Хорошо, конечно... но, знаете, тут не шутки. Оживление спадает, начинает попахивать напряженностью.

Полчаса!!

Братцы, что-то мы не совсем точно рассчитали. Что-то не совсем так. Народ бледнеть начинает. Ученые спорят тихо и лихорадочно.

Час!!!

Продолжает бушевать безумной мощью взрыв! Гигантский шар раскаленной плазмы бушует над Землей!

И тут вспоминают: говорил, говорил же Нильс Бор... что теоретически возможно запустить такой мощью, такого объема термоядерную реакцию, что пойдет она не с отрицательным балансом, а с положительным. Поверхность пламенного сгустка и температура его будут

таковы, что начнет вовлекаться в синтез водород воздуха и водяных паров атмосферы, а кислород выгорать, и пойдет реакция с положительным балансом... а там и вода с ее водородом и кислородом, Мировой Океан... и пока, значит, все топливо не кончится... хотя, когда уж пойдет как следует, так это быстро.

Опытным путем, конечно, это проверить трудно было. Но теоретически он допускал, что – возможно... И – вот вам.

И тут кому-то делается плохо. И кому-то нужен врач. И у кого-то происходит непроизвольное мочеиспускание. Зеленые генералы плачущие матерят ученых. Ученые утирают пот и обмениваются довольно бессмысленными замечаниями.

Закуривай, ребята.

Конец света.

... твою мать!..

Два часа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Где-то на горизонте летают американцы и в ужасе смотрят, что это сотворили эти кошмарные русские.

И через два часа реакция начинает явно сворачиваться. Иссякает. Тускнеет, гаснет сфера.

Сил радоваться ни у кого уже нет. Отдуваются, и с бессмысленными блаженными улыбками опускаются сесть на что попало. Спиртик разводят и пьют – ну, падла, есть что праздновать.

Вот после этого и поздравили народ с необычайной военной мощью Советского Союза. Объявили: «Мощностью свыше ста мегатонн тротила». Свыше пяти тысяч Хиросим, значит. Это как Хиросима по сравнению с одним небольшим грузовиком обычной взрывчатки – или с обычной крупнокалиберной бомбой, которыми в сорок пятом американцы заваливали Германию. А на сколько больше, значит, ста мегатонн – этого не говорили. Никто, в общем, не знал. А черт его знает. Но намного больше. Здорово очень много.

После этого и спели два эстрадных идиота Шуров и Рыкунин под гармошку: «Сто миллионов тонн тротила, чтоб кондрашка их хватила!». Веселили страну: «их» – империалистов, значит.

После этого и закрыли на пять лет Новую Землю вообще. Уж слишком высока радиация даже для ядерного полигона, соваться нельзя. И крабов вокруг ловить перестали – многовато дряни у них в панцире накапливается после этого эксперимента.

А доложили все в подробностях лично Хрущеву. Хрущев: а что, возможно в принципе создать такую бомбу, чтоб реакция шла с положительным балансом? Посчитать надо, Никита Сергеевич. Считайте! Стали считать. Через восемь месяцев положили расчеты: можно.

Ужаснулись в правительстве, и положили это под сукно. В сейф. Со всеми мыслимыми грозными грифами секретности. С глаз и от греха подальше.

И стали договариваться с американцами о полном и вечном запрещении ядерных испытаний на земле, в атмосфере и под водой. Не гуманизма ради, а спасения для. Как только и возможно, на таких переговорах была масса сверхсекретной информации поведена друг другу – не для печати и всеобщего сведения народов. И летом шестьдесят третьего года подписали это историческое запрещение. Хрущев с Кеннеди.

Вот на этом чуть не кончилась наша с вами история.

Весь водород атмосферы и океана был бы превращен в огненную плазму и гелий в остатке – а заодно выгорела бы вся органика на Земле, уж это ясно, была бы спекшаяся поверхность каменного шара. Примерно так. Уж будьте спокойны.

Это, господа, термоядерный способ преобразования энергии вещества. Примерно по такому принципу, в общем, звезды горят.

А вы спрашиваете, зачем войны.

А вот затем. Чтоб совершить максимальное действие, какое только возможно. Максимально изменить все, что только человечество может изменить. Уж преобразовывать энергию – так преобразовывать! Это тебе не пиджачок купить у Джанни Версаче, не цыпленку шею свернуть.

И вот что человек сделать уже может. Вот до какого уровня дошла история жизни на Земле.

Но.

Но. Это все пока очень вряд ли.

Почему?

Потому что, рассуждая логически, давным-давно люди могли поголовно уничтожить друг друга, действуя только каменными топорами. Не говоря уж о пушках с картечью. А уж в двадцатом веке только запасы химического или биологического оружия позволяют уморить все человечество быстро и наверняка, в считанные дни. Есть возможности. Техника позволяет.

И «простые» ядерные бомбы сделать это тоже более чем позволяют.

Но человечество отнюдь не стремится просто к коллективному самоубийству. Хотя это, конечно, крупное действие. Сотня лет – и следа от всей нашей «цивилизаторской деятельности» не останется. Рассыплются постройки, зарастет все лесом, покроется песком, разве что пирамиды поторчат подольше.

Но это – отнюдь не логическое завершение нашей истории как этапа и ступени в общем ходе преобразования энергии во Вселенной. Человек выключится как звено в цепи энергопреобразования. Его самоубийство – это так, частность, ради этого не стоило и огород городить.

Мы в какую точку все долбим? Человечество – порождение и часть Вселенной. Живет не само по себе, но по законам Вселенной, и соучаствует в общем действии. Посредством человека возможны энергопреобразования (сейчас – в рамках Земли), невозможные без него. Тенденция энерговыделения – расти до предела, отдать максимум, все; а до этого еще далеко.

Вот когда мы, развивая науку и технику, придем к возможности в с е в е щ е с т в о З е м л и превратить в тепло-световое излучение – это действие покрупнее будет. Скажем, зажжем Сверхновую. Или вообще аннигилируем свою планету. Это – о да!

Для этого еще пожить надо. Поработать. Посуетиться.

А вот когда – в конце Времени – потомки грохнут таким примерно образом всю Вселенную – вот это будет вовсе да.

А если это будет на том этапе Ее существования, о котором мы говорили – когда безжизненные пылевые пространства будут плавать в вечной тьме и холоде у Центра Вселенной (а потомки, значит, такого изобретают, что жить будут еще и в тех условиях) – и человек даст толчок рождению новой, активной, Вселенной – вот это совершеннейший, а б с о л ю т н ы й максимум того, что мы можем сделать.

5. Психологический уровень.

§1. В предыдущей главе было подробно рассмотрено, что высшая нервная деятельность человека, его психика, именно таковы, что неизбежно обуславливают совершение человеком максимальных действий. <... ..>

Именно психология человека как такового, само устройство его мозга – есть причина, основание и гарантия того, что человечество движется к Максимальному Действию, оно же Большая Катастрофа, если угодно.

Субъективно, из самого человека исходя, наша психика и есть причина Истории, ее движущая, организующая и направляющая сила.

§2. Объективно в настоящей главе рассматривается, что психическая деятельность человека вполне увязывается с общим устройством Мира и есть его часть, подчиненная общим законам.

То есть: психика человека есть субъективная причина и объективное средство энергопреобразования мира в сторону все больших действий. Человек делал, делает и будет делать все, что только в его силах и возможностях. Предела его силам и возможностям мы не знаем, но они неслабы. Принципиальных ограничений этой тенденции – нет.

§3. Этим можно было бы и ограничиться. Но скажите-ка человеку, что его предназначение в природе – это стараться думать и работать как можно лучше, быть энергичным и изобретательным, чтоб его потомки смогли взорвать весь мир. Он посмотрит на вас как на идиота, и таки будет прав. Мало ли полусумасшедших проповедников бродит по миру.

Нет, скажет человек! Я, может, не знаю, для чего я живу, но уж точно не для этого. Чутье какая. Я, может, не спорю, что человек должен трудиться, делать что-то, детей рожать, мир преобразовывать... ну, вот это он и должен делать... наверное.

Нам дан разум. И свобода в своих действиях. И если мы понимаем пагубность каких-то своих поступков и хотим избежать их следствий – в нашей воле поступать иначе. Мы не хотим самоуничтожения. Понимаем, что многое в делах человечества надо изменить. И мы должны и можем сделать так, чтоб все было хорошо. Никто нам не мешает, кроме нас самих. А человек разумный – хозяин своих поступков.

Мне говорят: а вот есть Закон Природы, и ты действуешь по нему. Позвольте. Если я понимаю этот закон, и могу свободно и в своих интересах обдумывать и совершать любое действие, и никто и ничто мне не мешает – то какого черта мне действовать против своего разума и своих интересов?:

Возникает извечный и сакраментальный вопрос о свободе и необходимости.

§4. Что такое свобода?

Полное отсутствие принуждения. Возможность самому сделать любой выбор и совершить любой поступок. Нет границ, чтоб реализовать полностью свои любые возможности и желания. То есть:

свобода – это такое состояние, при котором человек обладает максимумом свободной энергии:

может совершить максимум того, на что способен. Вся его потенциальная энергия не ограничена ничем, кроме собственной психики. И это состояние всегда воспевалось, почиталось высшим благом, к нему стремились любой ценой.

А отсутствие свободы – ужасно, несносно, унижительно, это горе. Можно чего-то и не делать – но сама возможность сделать это очень ценна, а ее отсутствие плохо. И если кто ограничивает мою свободу – мне это психологически враждебно: он умаляет мои возможности, мою личность, мою жизнь.

Можно вообще сказать, что **стремление к свободе как к состоянию, при котором можно преобразовать максимум энергии – это проявление Второго закона термодинамики применительно к психике человека;** и не только человека, кстати, но и любого животного.

Стремление к свободе – это стремление к максимальным действиям.

Мы въехали в дивный парадокс: *поскольку стремление к свободе заложено в природе человека – то оно уже есть необходимость.*

§5. А что такое необходимость?

И так ясно, верно? То, что вытекает из сущности явления, что обязательно должно произойти, неизбежно, закономерно, обязательно, иначе никак. То, без чего нельзя. Камень падает книзу. Чтобы жить, необходимо дышать и питаться. Т. д.

Необходимость есть жесткая причинность и обязательность конкретного действия. Хочешь жить – необходимо раздобывать пищу.

В отличие от свободы необходимость – состояние энергетически связанное, ограниченное и направленное. Вынужденное и конкретное приложение силы.

В любой момент любой человек может совершить любой поступок. И в любой момент любой человек поступает конкретно, делает выбор из всех возможных вариантов – на то всегда есть причина, нужда, интерес, желание, с л у ч а й.

Субъективно человек всегда свободен. Имеет выбор. Объективно человек всегда подчинен необходимости конкретных, добровольно избранных действий.

Противоречие между свободой и необходимостью заключено в том, что человек свободен и несвободен одновременно.

§6. На самом деле, конечно, никакого противоречия тут нет.

Все дело в устройстве психики.

Понимать, думать и делать ты волен все, что тебе заблагорассудится. Тут ты царь и Бог, на то тебе и дан разум.

А вот чувствовать и хотеть все, что тебе заблагорассудится, ты не волен. Недаром констатировал народ, что чувству не прикажешь, и охота пуще неволи. Испытывать любовь и ненависть, ощущать душевный подъем или упадок – не очень-то в твоей воле, верно? Есть боль и наслаждение, радость и горе, и душу свою с ее потребностями ты не переделаешь. Вот одно волнует, а вот другое оставляет равнодушным.

Законы человеческой психики, закономерности реакций нервной системы никто и не отрицает, тут никто ничего против не имеет.

Вот психика с ее устройством и ее законами, данная нам от природы, и ложится в основу всех действий. Из всех возможных действий ты совершаешь те, что наиболее соответствуют твоей *натуре*, характеру.

А характер – это судьба, ага? А судьбы – это История.

А базовое свойство психики, основанное непосредственно на инстинкте жизни – потребность в максимальной самореализации (свобода!), что следствием в поступках имеет стремление к самоутверждению (необходимость...). Прожить свою жизнь!

И как бы ты ни мудрствовал, ни насиловал себя, ни морализировал – в результате все равно, суммарно и в среднем, все твои действия будут клониться к тому, чтобы перечувствовать и сделать в жизни так много, как тебе нужно.

§7. Насколько человек может управляться разумом? То есть: насколько психическая энергия может быть подчинена сама себе?

Поехали. Что такое разум? Высшая форма психической деятельности. У животных ее нет. Разум, абстрактное мышление резко расширяет сферу источников ощущений – эмоции возникают опосредованно через искусство, речь, воспоминания, мечты, массовую информацию. И резко расширяет сферу деятельности.

Разум есть энергия второго рода. Энергозатраты на физиологию мыслительных процессов ничтожны. А энергопреобразовательные следствия их огромны (в масштабах Вселенной, возможно, безграничны). Из известных нам сегодня – *разум есть высшая форма энергии.*

Психическая энергия человека избыточна по сравнению с тем, сколько необходимо для простого выживания в природе. Разум есть оформление этой избыточности.

Изменить свою базу, анатомию и физиологию мозга, разум не может. Не может изменить скорость нервной реакции, ее мощность, темперамент. Не может изменить потребность в количестве и силе ощущений. Не может изменить абсолютное количество психической энергии. (Есть, конечно, медицина, режим питания и пр., но все это направлено лишь на попытки приведения отклонений к средней норме.)

А может сдерживать и направлять проявления чувств. Сублимировать. Контролировать поступки. Регулировать желания воспитанием и моралью. То есть – лишь регулировать способы и формы реализации психической энергии.

Разум обслуживает потребность психики в ощущениях, потребность человека в действиях. Эта потребность – чувственная, витальная, действенная – первична. Формы реализации – вторичны. И в практической жизни разум создает все новые занятия.

§8. Ну так и чудесно! Никто ж не призывает чувствовать или действовать меньше! Просто поступки должны быть направлены в разумное мирное русло.

А что ж вам мешает, что беспокоит? – А то, что созидательно-уничтожительные возможности человека уже опасно огромны, а вот плоховатость, нравственное несовершенство – прежние... И это несоответствие могущества и порочности – чревато бедой. Человечишко-то – агрессивный, эгоистичный, жадный, злобный, тщеславный, завистливый, жестокий. Пора одуматься, улучшиться, не то накроемся все медным тазом.

Слушайте, а что означают все эти плохие черты?

Что человека сильно раздражает и не устраивает существующее положение вещей. Он хочет его изменить. В свою пользу. К своему самоутверждению. Причиняя при этом вред и неудовольствие другим.

Это не есть гут, вздыхают гуманисты. Нельзя вредить, нельзя насильничать. Только мирно, только в хороших целях.

А как конфликты разрешать? Любовный треугольник хотя бы?

Путем мирных переговоров. Никаких убийств, самоубийств и прочих ужастей. Ревность – это глупо. Умней быть надо. Раз женщина предпочла тебе другого – не дергайся зря, можешь добиваться ее благосклонности убеждением, подарками, подвигами на ниве созидательного труда. Одна вот беда: влюбленный перестает соображать, страсть затемняет разум, желание сильнее рассудка, он хочет отдать жизнь за ночь любви. Ну-ну, почитайте ему лекцию.

Угробил Давид Урию гнусным образом – и только так мог родить от Вирсавии великого и мудрого Соломона... А был бы Давид человеком порядочным и благородным – и не было бы Соломона на свете. М-дэ, так как надо, что лучше...

Слишком сильное чувство, желание, всегда может оказаться нехорошо – за какой-то гранью оно может порождать чувства и желания нехорошие, толкать на скверные поступки – причем во вред и себе, и ближним, не говоря уж о дальних. Вот идет Магеллан вокруг Земли, новый путь в Индию открывает. Благородное стремление познавать, открывать, утверждать новое. Плюс честолюбие, сребролюбие и прочие низковатые мотивы. Бунт на борту! Пленить его хотят и вернуться назад: боятся в неизвестность переть, не верят ему. Железной рукой – в кандалы бунтовщиков, на плаху главарей. Ай-яй-яй... Ну и стоят ли твоя правота и амбиции плюс все золото Индии того, чтоб рубить людям головы – молодым, умным, живым... Лучше б хотел чуть слабее, повернул назад. Ну, прошло бы еще лет сорок, и мирно, без всяких кровопролитий, люди все равно ведь обогнули бы Землю.

Не обогнули. Никогда бы не обогнули.

До сих пор в пещерах сидели бы.

Консерватизм и конформизм большинства, массы, чтоб ничего не изменять в том устройстве общества, в том понимании мира, которое уже прочно устоялось – это естественная и спасительная особенность человечества, здоровый инстинкт осторожности и самосохранения: делать все именно так, как все, как предки делали, потому что именно это и позволило нам выжить, и жить так – вполне терпимо – как мы живем, в отличии от животных, дикарей и тех народов, что сгнули до нас. Практика как критерий истины.

Если б все прожекты гениев и авантюристов общество с ходу принимало: ура! отлично! делаем так! – то никакого человечества давно бы не было. Мало ли, знаете, кому что в голову взбредет, сумасброды всегда найдутся – будет бросать сучья в огонь, кретин, и сгорим мы всем

племенем: или пусть прекратит, или дубиной ему по башке. Собаку приручает... да она сожрет ночью наши запасы, детей перекушает! гони-ка его в лес с глаз долой.

Короче, жутко оригинальная истина: новое всегда утверждается в борьбе со старым. А с кем ты борешься? с ангелом на рассвете? С людьми борешься. Парламентскими формами? А если ты умный, и понимаешь, что завтра привалит чужая орда и всех перебьет, срываться надо? А все говорят: а, обойдется, мы здесь всегда жили, и ничо. Ну: или перебьют, или дашь одному-другому по мозгам и подчинишь всех, все и выживут.

Вопросы истины голосованием не решаются. Кто-то один первый додумывается и первый делает.

«Нехорошие» чувства означают, что человек готов добиваться своего не только «хорошим», но и «плохим» путем. Значит, больше может сделать.

«Слишком» сильное и активное раздражение мозга расплзается из возбужденного центра на соседние участки, задействуя центры чувств самых сильных – ярость, злоба, предельное напряжение, которое непреодолимо требует разрядки, действия предельного, максимального – здесь и сейчас! Что делать? Выпить, дрова поколоть, подраться с кем-то, валерьянки принять. Так это не рецепт. Это ненадолго.

«Плохие» чувства – аспект избыточности психической энергии. Если какие-то центры мозга менее активны – то он в целом менее активен. А вот эти шутки не проходят. Сама наша разумность – следствие этой самой избыточности.

И ничего вы с «плохими» чувствами не поделаете. Как всегда есть последний вагон, как всегда есть поверхность тела, так эти чувства – граница, фронт, линия соприкосновения, где и происходит действие по преодолению инерции окружающей среды, чтоб совершить изменение.

§9. Каков же может быть механизм отказа от пагубных действий?

Первое. Страх неотвратимости наказания. Но террорист-самоубийца не боится ничего. Или делайте по-моему, или уничтожу все.

Второе. Ограничение вооружений. Но чем выше уровень научно-технического развития, тем более совершенное оружие может быть создано в любой момент. Да и уже имеющееся неслабо.

Третье. Нежелание и страх уничтожить все человечество, и себя в том числе. Ну-ну. Сорок лет сидят в бункерах отборные офицеры над кнопками Последней Мировой войны. И в долг им вменено при получении приказа кнопку нажать и человечество уничтожить. Это их служба, за нее они получают зарплату, и командование не должно сомневаться, что они – нажмут. Их и сейчас сидят на дежурстве тысячи. Можем нажать, можем. Не отрицаем такой возможности, верно?

Четвертое. Человеческое общество вообще, в целом, надо организовать так, чтоб у человека и не было надобности в агрессии и насилии. А зачем? Законы совершенны, отношения справедливы, материальное благополучие, гарантии прав; незачем воевать, да и не с кем – объединились, дружим, все вопросы решаем мирно и сообща, ко всеобщему благу. Это называется: сбылась извечная мечта человечества – коммунистическая утопия в действии. А всяких гадов и сук вы куда денете? А порочные наклонности не будут получать развития и не смогут иметь применение.

Это песня старая. Это мы уже проходили.

Уничтожение природы то же. Не в том дело, что кто-то лично на этом обогащается, их бы мы к ногтю прижали. А в массе мелких, невинных, естественных интересов: зарплата, должность, детишек поднять, обновки купить. Отмени-ка им всем сумму личных хотений. Я хочу жить прилично! Пусть сначала богачи все бедным раздадут.

§10. «Разумное» общество может существовать только с законопослушными конформистами. Чтоб их «порочные» чувства были не так сильны, как всегда прежде в истории, когда ничего не получалось с разумными обществами. Чтоб их стремление увильнуть, нарушить,

взломать, изменить, наплевать на запреты, эгоистично поступить по личному хотению – были слабее, чем раньше.

Нам нужен человек с *меньшей психической энергией*. Потому что она измеряется не по шкале «хорошо-плохо», а по шкале «насколько я могу изменить существующее положение».

И вотушки вам оглобля, чтоб голова не болталась. Не будет вам такого человека. Нет у меня для вас других людей, сказал Господь.

Драчливость подростка, честолюбие политика, алчность банкира, жестокость солдата, эгоизм обывателя, талант поэта, упорство ученого – суть избыток энергии. Мотивы благие и порочные здесь неразъединимы, одни есть продолжение других, складываясь в единое действие: сделать максимум!

§11. А мораль? А справедливость?

Мораль – идеал поведения. Справедливость – идеал общественных отношений. Идеал – противоположность реальности, ее диалектическая пара. Само наличие идеала – обусловлено тем, что реальность человека не устраивает, он с ней неуравновешен, ему нужно что-то изменить – что есть признак и следствие избыточной психической энергии.

.....

Резюме. Короче, Скхлифосовский.

Человека вы не измените, потому что его недостатки суть продолжение его достоинств. Две стороны одной медали.

Главная особенность, суть его психологии – то, что она является сама по себе фактором качественного изменения действительности. Суть психической энергии человека по сравнению со всеми прочими видами энергии – в том же, в чем отличие ускорения от скорости. Наличие ускорения есть постоянное увеличение скорости. Само по себе наличие избыточной психической энергии человека, оформленной как разум, есть как бы константа изменения, величина приращения скорости энергопреобразования, сила, приложенная к действительности и «разгоняющая» ее ко все большим постоянным изменениям.

Ну, как в одном рассказе Шекли: функция – ускоритель.

Это «ускорение» можно гнать в любую сторону, но нельзя уменьшить – сие от нас не зависит, сие – наша суть. Скорость все равно будет увеличиваться, действия все равно будут прирастать.

Мы свободны действовать как угодно – но не свободны действовать меньше, тут уж срабатывает необходимость, следующая из нашей сути.

Вот и дуем к Максимальному Действию.

А чтоб до него доехать, не навернуться в ухаб раньше времени – одерживаемся, рулим, договоры заключаем, оружие запрещаем.

А находится оно в любой стороне, не промахнешься, потому что суть его – степень изменения мира, а не что-то более конкретное.

И идеальная конечная точка – это уничтожение Вселенной вообще и создание новой Вселенной. Такая линейка.

А вы что, собрались жить вечно? как спросил полковой врач истребителей танков. Пардон за повторение, мать учения.

6. Философский уровень.

Какие там еще есть самые общие закономерности, которым наша Теория вполне соответствует?

Все имеющее свое начало – имеет и конец. Будет конец и у истории человечества. И у Земли. И у Вселенной. Так что насчет гибели человечества в конечном итоге можно не сомневаться. Никто никогда, в общем, и не сомневался. Все попытки спасти его от гибели – это просто попытки отсрочить эту гибель. Докуда? До некоего естественного конца. Так врач спасает больного, хотя в конце концов больной все равно померет, коли смертен. Но перед этим еще проживет, сколько можно.

Любое явление по мере своего развития переходит в другое явление. Переходит в свою противоположность. Движение переходит в покой. Молодость – в старость. Запад – в Восток. Создание в государстве порядка и мощи – продолжением и развитием тех же действий переходит в сытый бюрократизм, парализующий и делающий невозможной жизнь этого самого государства.

Деятельность человека по улучшению своей жизни переросла, по мере развития, в деятельность по ухудшению своей жизни. В уничтожение планеты. В ухудшение генофонда с прекращением естественного отбора: слабые и больные живут и дают потомство. Неизбежны все большие затраты на медицину для поддержания высокой продолжительности жизни в развитых странах – здоровых людей-то все меньше. Надо ждать снижения средней продолжительности жизни в этих странах, коли уровень естественного здоровья снижается. СПИД, злобные новые штаммы вирусов гриппа – формы этой закономерности.

В развитых странах рождаемость падает сама собой – да как! ниже уровня простого воспроизводства. Вот вам и стихийная саморегуляция. Общество создает себе такие хорошие условия для жизни, что общее количество жизни в нем начинает уменьшаться. Его собственно биоэнергия снижается – зато продолжает увеличиваться общая, неживая, энергия, которую оно преобразует и выделяет: огонь, электричество, термояд и т. д. Все больший процент витальной силы идет не на поддержание и увеличение себя самой, а на использование себя как орудия энергопреобразования мира.

Человечество развивается в единстве противоположных тенденций: сохранить все как было – и сделать все не так, как было. Само наличие Времени обеспечивает движение этого равновесия по шкале изменений – так вращающийся волчок ползет по столу.

Если сказать просто, философия стоит на физике и на психологии, как на двух ногах; одна рассматривает внешний мир, другая внутренний. На этих двух ногах мы с вами и чапаем по Познанию.

Жизнь на Земле можно рассматривать как случайность в рамках Вселенной. В таком случае, если бы природе пришла пора самоуничтожиться – с наименьшими усилиями в кратчайший срок – достаточно было бы чуток активизировать мозг обезьяны до разумности: создать человека. Все остальное в несколько десятков тысяч лет – миг! – эта суперобезьяна сделает сама. Созидательная деятельность природы переросла в разрушительную.

Когда ученые пытались просчитать вероятность возникновения жизни на Земле, то вышло, что она возникла примерно в 400 раз быстрее, чем если бы все шло просто «методом тыка». Откуда взялась эта цифра, сказать трудно. Сам механизм перехода неживой материи в живую современной науке неизвестен: черт его знает, как это получилось. Может, ее вообще извне занесло, считают некоторые. О'кей – а там она откуда взялась?

Сами моменты возникновения жизни и возникновения человека – крайне неясны.

А вот развитие жизни на Земле от простейших форм к сложным, и развитие человечества от пещер до современности – яснее, тут можно говорить о достоверных тенденциях. Тут есть ясные закономерности. И в неживой природе тоже известны нам многие закономерности.

И там, где фактов не хватает, мы для объяснения происходящего экстраполируем закономерности: перекидываем мостики над пустотой, в которой должны находиться факты, нами еще не обнаруженные. А если их там нет, то наши закономерности неверны. Но они основаны

на таком количестве других фактов, что представляются верными. И тогда у нас получается объяснимая картина Мироздания.

Случайность есть закономерность тогда, когда встраивается необходимым звеном в цепь причинности до и после себя.

Вот с точки зрения Энергетики – возникновение Жизни и возникновение Человека есть закономерность: повышение мощности энергопреобразования. Антиэнтропийный процесс как аспект и следствие общей энтропии энергии во Вселенной.

А если это случайность – то надо сообщить Господу, что Его промысел нам непостижим, и пойти выпить водки. Но только не получается случайность, ребята. Миллионы лет, законы больших чисел, теория вероятности... На основании всего, что мы знаем достоверно, уж больно стройная и логичная картина получается.

Мы с вами – порождение Вселенной и Ее часть. Сбоку бантик или винтик в механизме? Ребята, а вы когда-нибудь встречали в Природе сбоку бантики? В Природе-то все функционально, верно? А если нам в Ней что-то кажется нефункциональным, так это мы просто не поняли еще, не разобрались, не на том уровне рассматривали. Окраска цветка, форма листа, шея жирафа. Вот американцы в середине века решили, что аппендикс человека нефункционален, и кроме аппендицита ни на что не годен. И начали его тут же младенцам удалять. И тут же оказалось, что он младенцу помогает материнское молоко правильно усваивать.

В принципе мы во Вселенной можем иметь свою функцию – Большое Действие. Так вот мы ее и имеем. Чтоб что-то было в принципе функционально, но эта функция в природе так никогда и не использовалась – так не бывает.

Вот такой мы винтик в общем механизме.

Любое существование чего угодно – есть совершение каких-то изменений.

Предельное изменение Земли и Солнечной системы – аннигиляция планет и звезды.

Полное изменение Вселенной – ее уничтожение и создание Новой.

Любое явление изначально несет в себе свой конец. И человечество, и жизнь, и планета, и Вселенная.

Человек – логично, целесообразно, необходимо – может являться тем самым этапом существования Вселенной, посредством которого оформится Ее конец и одновременно зародится новая Вселенная.

Затратив минимальные усилия – Природа получит максимальный результат. Что ей и свойственно.

(Может оказаться жизнь в других галактиках. Жизнь на Земле может иметь внеземное происхождение. Человек Земли может оказаться боковой, тупиковой ветвью развития. Но в принципе это ничего не меняет. Вот какая штука. Не мы – так другие, в других галактиках. Идут тем же путем к тому же результату.)

Если мы не одиноки во Вселенной – мы можем совершить свое Максимальное Действие раньше, на более низком уровне, и ограничиться, скажем, уничтожением лишь земной жизни.

Но куда у нас нет достоверных сведений о наличии жизни вне Земли – можно полагать, что мы будем жить. Пока не сможем выполнить Главную Задачу. Ибо все прочие варианты самоуничтожения – как и достижение любых научно-технических успехов – есть промежуточные этапы, протуберанцы избыточной энергии человечества. Даже если такой протуберанец – мировая война с гибелью большинства людей.

Заметьте, по большому счету мы вперед-то прем – но себя сберегаем.

.....

Вот чего мы точно не знаем – какой еще «сверхразум» может появиться на нашей базе, на нас как промежуточном этапе развития. И что он будет мочь. Отрицать ведь и этого нельзя. Но куда мы имеем то, что имеем.

Силу, движущую всем, можно называть Сущностью Мира, Бытием, Природой, Мировой Волей, Энергией, Витальной Силой – не суть.

Суть в том, что человек – часть этой силы, ее порождение и ее орудие, одно из ее проявлений.

Теория сия представляется истинной тем, что в нее вполне укладывается, ей соответствует и ею объясняется все сущее.

Поиски смысла жизни предполагают, что и жизнь человека, и всего человечества не есть нечто ограниченное собственными рамками, конечное, целесообразное внутри себя без внешней цели и функции. А есть лишь часть большего, всеобщего, где человек и все человечество имеет задачу, функцию, роль, назначение в масштабах всего сущего – БЫТИЯ.

Вот вам рассмотрение вопроса в п о л н о м о х в а т е.

Жизнь это, конечно, никому не облегчит. И не изменит.

Но та самая обладаемая нами энергия, которая нас породила и заставляет жить и действовать – заставляет з н а т ь.

А вот что в конце концов выйдет из знания – посмотрим, кто доживет.

1981–1994

Часть II Закон Законов

Принцип биполярности, или, по-простому, разница как источник всего

Для того чтобы что-то происходило, должна быть разница между чем-то и чем-то. Чтоб вода текла, должна быть разница давлений или уровней, для нагрева – разница температур между нагревателем и нагреваемым и т. д. Где все однородно – там ничего не может происходить – типа тепловой смерти Вселенной.

Мифы многих народов мира подают теорию мироздания так: вначале был Хаос, все перемешано, бесконечная серая мгла, и ничего более. Затем Демиург отделил свет от тьмы, эфир от материи, воды от тверди, верх от низа, и образовался собственно Мир, Бытие двинулось по своей истории.

Инь и Янь как символ сущего. Добро и Зло, мужчина и женщина, работа и отдых, созидание и разрушение. И т. д.

На уровне механики, на уровне природы вокруг – это нам довольно понятно. Энергия водопада – она потому есть, что есть два уровня, и вода с верхнего может рушиться на нижний. Олень потому быстроног и рогат, что надо от зубастого хищного волка убежать и обороняться: энергия мчащегося оленьего стада и догоняющей его волчьей стаи возможна и существует потому, что есть эта разница между травоядными и хищниками: погоня как действие обусловлена этой разницей.

На уровне всех человеческих действий это гораздо менее понятно. Всё норовят свести к «Закону единства и борьбы противоположностей»: олень необходим волку для пищи, а волк оленю – для здоровья и естественного отбора. Да? А вот попали кролики в Австралию, где их никто не жрал, никакой борьбы с противоположностью – и началась там у кроликов райская жизнь, расплодился донельзя и на здоровье не жаловались. С кем же борется папуас, блаженно лежа под бананом, кто ему противоположен?

Гораздо более просто, удобно и внятно определить причину и основание для любого действия, для всего сущего, как б и п о л я р н о с т ь.

Есть кролики, которые могут есть траву, и есть трава, которая может быть съедена кроликами. Поехали! Процесс пошел, как говаривал незабвенный Михаил Сергеевич Горбачев.

Кролик может бегать – а луг «может», чтоб по нему бегал кролик: раз-два-три – побежали. Система «кролик – луг» энергетически заряжена уже тем положением, что есть кому бегать и где бегать: кролик может менять свое положение в пространстве. Без кролика действий на лугу совершалось бы меньше, энергия пространства луга со всем его хозяйством была бы меньше.

Есть папуас и есть банан. Из этого следует масса возможных действий: банан можно съесть, а можно (ну, дурак он, или сыт) бросить в лес, а можно бросить в море, а можно растоптать, можно испечь, можно намазать им себе лицо, а можно воткнуть в задницу. Само наличие двух предметов – человека и банана – содержит в этой системе «человек – банан» изрядную потенциальную энергию.

А если мы как бы изыдем кубик из пространства, как ломоть из торта, и будут в том кубе только папуас и банан, и тщательно перемешаем их в ровную однородную массу. Что они могут? Ничего они не могут.

Давайте начнем теперь менять в нашем кубике предметы. Попарно. Вода – водоросль. Водоросль может расплодиться и заполнить всю водную массу. Дерево – воздух. Дерево может сгореть и превратиться в золу, а из воздуха оно выжжет весь кислород. Водород и кислород. Могут грохнуть со страшной силой.

Биполярность обуславливает энергозаряженность системы уже самим наличием системы. Система в простейшем виде – это два предмета. (Даже в самом простейшем – одна элементарная частица и вакуум: частица в нашем кубе может двигаться, совершая работу по своему перемещению в пространстве.)

А теперь от кроликов и элементарных частиц – к людям.

Вот в нашем кубике два человека. Делать им нечего – болтать да чесаться. И чем они более разные – тем труднее им найти взаимопонимание по любому вопросу, даже попросить другого не пукать, потому что это соседу неприятно. Разный язык, разные манеры, привычки. Они вынуждены совершать работу уже потому, что надо же как-то сосуществовать.

Если оба добрые, каждый готов встать на точку зрения другого – договорятся быстро. А два эгоиста думают каждый о своем, и ругани с выделением психической энергии будет много: храп во сне и вообще кто лучше и главнее. Добрый идет к другому, а эгоист тянет на себя – вечные столкновения, разница потенциалов выше. Белый и черный – всегда найдут, чем уколоть друг друга: чем дальше партнер от твоего изображения в зеркале, тем больше во взаимоотношениях с ним всяких закавык и труда по их преодолению.

А если это мужчина и женщина, тут просто дети пойдут, активный процесс жизни затеется.

Ну и что? А то, что человек есть часть и порождение Вселенной, Земли, земной жизни, и весь он, как в субъективных ощущениях, так и объективных действиях, существует и функционирует по тому же принципу – биполярность как причина, источник, объяснение.

Непонятно? То есть:

§ 1. Цивилизации возникали в разнородном, биполярном ландшафте: средиземноморское побережье, нильская дельта, Двуречье. Энергетически более заряженный ландшафт давал возможность и человеку действовать с большей энергетичностью: реку перегораживать дамбами, воду пускать на поля, на берегу рубить лес, строить корабли, пересекать на них море, торговать с заморскими странами со взаимной выгодой. Разница таких вещей, как суша – море, суша – река, гора – равнина, лес – море, лес – поле позволяла человеку плюсовать свою энергетику к потенциально готовой энергетике ландшафта и именно здесь двигать прогресс. А прогресс – это растущее энергопреобразование. Это именно тот вопрос, над которым ломал голову великий историк Тойнби, но поскольку он был чистый гуманитар, ну очень чистый, то разобраться толком не сумел и определил действие ландшафта на цивилизацию метафорическим выражением «Вызов-и-Ответ». Якобы природа посылает человеку вызов тем, что жить ему некомфортно, и он вынужден преодолевать препятствия. При этом оставалось неясным, чего это «вызов» посылался в самых что ни на есть удобных для житья местах.

§ 2. Основатель Руси Рюрик был не славянин, а пришлый норман, скандинав, германец. Величайший властитель Франции Наполеон был корсиканец, что этнически скорее итальянец, но никак не француз. Максимальный рывок к величию и процветанию российская империя сделала под руководством императрицы абсолютно немецкой крови Екатерины II. Зато фюрер Германии Гитлер был австрияк. В противовес ему властитель русско-советского СССР Сталин был грузинцем. А братья в наследники трона не только заграничных принцев, но и свистать заезжих бродячих орлов, было в древности в обычаях многих стран. Чужая кровь дает могучую смесь со своею! А крепкий чужак дает высокоэнергетическую систему в совмещении с другим народом.

§ 3. А то кто-нибудь не слышал, что дети от смешанных браков в среднем очень хороши, крепки и талантливы.

§ 4. Мы еще много будем говорить в своем месте о сути вечного двуединства-противоречия разума и морали. Или иначе – материального прагматизма и морали. Здесь лишь заметим, что это – источник и причина сильнейших переживаний для человека. Сильнейшее внутреннее противоречие – оно только и позволяет говорить о «подвигах духа», дает огромные как положительные, так и отрицательные ощущения, а стремиться к их получению – суть человека. Грудью на амбразуру! К черту саму свою жизнь (а жить охота!..) ради высших ценностей, высших свершений!

Биполярность ориентирования центральной нервной системы как аспект повышенной энергетики человека, как толчок к личностно над-эгоистическим, над-животным поступкам – вот предмет разговора.

Внутренняя противоречивость человека – и его сверхэнергичность, сверх-активность на Земле: это две стороны одного явления, одно суть другое и вытекает из другого.

§ 5. Знатоки женского вопроса и издатели порнографии давно констатировали, что наибольшей привлекательностью обладает не «женщина-вамп», а исполненное чистоты и невинности непорочное создание в контрасте со своими сексуальными формами и бесстыдно-откровенными позами. У зрителя сексуальное желание смешивается со щемящей и чистой тоской, и тяга к такой женщине делается беспредельной: о, как это может быть, она же не для того создана, он хочет ее – и одновременно хочет, чтоб она была непорочна и защищена от грязи мира, вожделеет – и испытывает боль от ее порочности. Биполярность «порочность – непорочность», «секс-бомба – невинное дитя» срабатывает с несравнимой силой. (Кстати о Мэрлин Монро.)

§ 6. Кто помнит «Собаку на сене»? Она кажется (графиня, а не собака, которой вовсе нет) доступной и недоступной одновременно, и это сокрушает человека чувствами неборимой силы.

§ 7. И Макиавелли, и Сталин отлично знали, что любят лишь того правителя, которого боятся: в его власти растереть тебя, и когда он не растирает, но наоборот, обласкивает – ты делаешься предан ему до слез. А кого нечего бояться – тем пренебрегают, мало уважают. А только жестокого – нет, боятся, уважают, ненавидят, но не любят, подчиняются из страха, но не из преданности.

Силен тот, в ком есть и то, и это. Значителен тот, в ком есть и добро, и зло, и черное, и белое.

Опыты установили, что щенки (щенки!) больше привязываются к тому, кто их и ласкает, и наказывает, чем к тому, кто только ласкает.

Кинорежиссеры и женщины знают, что самый привлекательный тип – это негодяй, способный на благородные и самоотверженные поступки. О, за них он вызывает больше любви, чем любой розовый герой.

(Только не надо заменять понятие биполярности разговорным словом контрасты. Нет, это отнюдь не одно и то же. Биполярность – это два полюса системы, разность которых определяет ее энерговозможности. А контрастировать может хоть цвет мочи с белизной снега. Биполярность – это союз белого мужчины с черной женщиной. А контраст – это соседство белого мужчины с черным чемоданом.)

§ 8. Биполярность любви – выдача счастья и страдания вместе.

§ 9. Биполярность разума – и веры вопреки знанию, веры как неотъемлемого аспекта избыточной энергетики человека. (Кстати о функциях двух полушарий мозга.)

Система

1. Прежде, чем начать ползти к цели, гусеница должна нарисовать план. Только плановое хозяйство обеспечит нам расцвет и распад Советского Союза. Итак, мы должны обозначить систему координат, в которой рассматривается задача.

Наука решила, что было раньше – курица или яйцо. Раньше все было... Курица не птица – баба человек! Раньше было яйцо. Не простое и не золотое. Это было всем яйцам яйцо. Начальное Космическое Яйцо.

Оно было не маленькое, а очень маленькое. Иногда говорят, что в поперечнике оно было эдак с футбольное поле. А некоторые считают, что с футбольный мяч. Это условно. Потому что мерить было нечем. Пространства не было. И времени не было. А материя была вот так упрессована.

А потом произошел Космический Взрыв, и все оно стало разлетаться в разные стороны. И до сих пор разлетается. Уж материя расширилась до размеров нашей Вселенной – а все разлетается. Со скоростью света. Большая скорость нам неизвестна. Это как бы константа максимума.

2. То есть. Можно сказать, что Большой Взрыв продолжается! Можно сказать, что Большой Взрыв – это и есть состояние нашей Вселенной. И можно сказать, что разлетание всего ее вещества в разные стороны со скоростью света – это нормальное и необходимое условие ее существования. То есть внутренне необходимое условие. То есть важнейшее качество.

О-па!!! Любой материальный объект имеет длину-ширину-высоту, то бишь продленность-объемность в пространстве. Еще он имеет продленность во времени, сине ква нон. (Продленность во времени означает, что элементарным и субэлементарным частицам, из которых состоит объект, и которые принципиально существуют только в движении, наличествуют в корпускулярно-волновом дуализме, так сказать, время не то чтобы необходимо... время встроено в само их существо. Необходимо время, чтобы совершить минимальное перемещение по своей траектории. Движение, время, пространство и существование – в общем одно и то же. Это выражено вполне вразумительной формулой:

Время, пространство и движение есть атрибуты Бытия.)

(Почему мы повторяем известные истины? Во-первых, знать еще не означает понимать. Во-вторых, именно известные истины очень часто остаются за границами рассуждений – как почтальон остается вне круга гостей, среда которых был преступник, – коли почтальон здесь ежедневно. В-третьих, известная истина есть та скала, к которой мы крепим свою ариаднову нить, пускаясь в лабиринты поисков: не зафиксировал узелок – и затерялся в переходах.)

...Возвращаясь к нашим баранам, то есть к объектам, необходимо имеющим пространственно-временное измерение. При желании его можно назвать пространственно-временным качеством, изначальным и основным, базовым качеством любого объекта. Ну так вот еще:

Расширение Вселенной со скоростью света, оно же продолжение процесса Большого Взрыва, есть то условие, при котором только и могут существовать объекты.

СКОРОСТЬ СВЕТА ЕСТЬ БАЗОВАЯ КОНСТАНТА УНИВЕРСУМА

Эйнштейн со своим $E = mc^2$ действительно кое-что понимал. Нет, за исходную единицу времени можно брать частоту колебания атомов в решетке или элементарных частиц – но это только для удобства. А так, в общем – все вселенские циклы, периоды обращения планет, звезд, скоплений и галактик – они переменны; зависят от масс, расположений, локальных скоростей.

3. Что есть Свет? Да будет свет, сказал монтер, и перерезал провод. Свет – это разлет фотонов. В то же время свет – это волновые колебания пространства. Не всякого, а более или

менее материально не загроможденного. Сквозь материю свет не проходит. Хотя через тонкую ткань пробивается.

Вот в этой колеблющейся среде Бытие только и возможно. Вода для рыб, воздух для птиц. Свет – это наша сфера обитания. Свет – это базовый уровень нашей формы существования.

СВЕТ – ЭТО БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Когда из Начальной Точки ринулось во все стороны сферы материя-энергия-пространство-время, а можно сказать – начали излучаться со скоростью света эти все как-их-там, вот тогда наш мир и возник. И продолжает существовать, а свет во все стороны продолжает лететь.

Мы живем в состоянии Большого Взрыва.

4. Дух переведем немного, да? Главное – назвать происходящее правильным словом, а там хоть ковер из мечети выноси, – гласит гениальная турецкая поговорка.

Мы есть порождение Большого Взрыва. И живем по законам Большого Взрыва.

Строго говоря, мы состоим из элементарных частиц, движущихся по своим орбитам и сгруппированных под действием сил, которые мы не очень представляем.

5. Ну, а дальше вся эта фигня раскаленная до ужасных миллионов градусов разлеталась во все стороны, образуя пространство и время, остывала, и переходила из волнового состояния в корпускулярное: образовывались элементарные частицы, соединялись в простейшие атомы, и так далее. Туманности, сгустки, звезды, планеты, жизнь, человек.

Предположим. На сегодняшний день наука склонна к такому взгляду. Ученые больше знают об этом. Представляется логичным.

6. Хотя еще один взгляд науки приводит в некоторое недоумение. Правда, не совсем всей науки. Скажем так – весьма большей ее части. А также последовательных философов-материалистов.

С нервным и бескомпромиссным упорством они повторяют, что материя первична и неуничтожима. А энергия есть атрибут материи, выражающийся в движении или теплоте. И энергия может передаваться от одного материального тела другому. Но всегда материя в основе и никуда не девается.

По мере развития квантовой механики и ядерной физики эта точка зрения эволюционировала от заблуждения к идиотизму.

Вульгарных материалистов правильнее было бы назвать «матерьяльщиками». «Матерьяльщик» – это работник философского или научного труда, который полагает, что материальная частица, пусть наименьшая, всегда остается именно материей. Н-ну, хотя может одновременно быть слегка волной... или электрическим зарядом?... и обладать полем... но все равно она материальна. То есть иметь массу и объем – говоря грубо, но верно.

И в Начальном Космическом Яйце – была спрессована вся масса нашей Вселенной. .... ь! То есть между материальными частицами просто не было никаких промежутков. Поэтому плотность яйца была нечеловеческая. Какая-то запредельная. Миллиарды тонн на кубический микрон. И далее производились расчеты: какова общая масса всех видимых и предполагаемых звездных скоплений, какая часть объема приходится на собственно частицы, а какая – на пустоту, то есть промежутки между ними в атомах, – и, таким образом, если плотно слепить все частицы без промежутков, каков же будет объем Яйца. Как гневно писала детская писательница: вам и не снилось.

А почему же, черт возьми, это волшебное яйцо в один прекрасный миг взорвалось? Межгалактический террорист, или Господь пунул?

И откуда же взялась энергия, чтобы все это вдруг полетело в разные стороны? да с такой силой, да в таком объеме, да до сих пор летит?! А она, энергия, была раньше стиснута между частицами. А частицы хотели расталдыкнуться, отодвинуться друг от друга. Терпели неопределимое количество времени, да и оттолкнулись друг от друга наконец...

Хм. Никто уже, вроде, не сомневается теоретически в формуле Эйнштейна, или в атомной бомбе практически, или в аннигиляции частицы и античастицы: масса уменьшается или исчезает, а взамен разности масс образуется энергия, излучаемая как свет-тепло, а также разлет частиц (бомба). То есть масса переходит в энергию все-таки может.

А почему нельзя наоборот? Потому что стрела времени, необратимость, законы термодинамики и энтропия.

То есть. К Большому Взрыву и началу Вселенной у ряда ребят вульгарно-механистический подход: материя расширилась в объеме и усложнилась в комбинациях, но основа ее материальная и вечная остается та же. Качественный переход энергии в материю отрицается в диапазоне от злобы до насмешки: невозможно. А что такое ваша энергия, и как вы ее определите и атрибутируете?

Ну, еще от Аристотеля, и несть числа: это способность производить какое-либо действие, и т.д. Можно сказать так:

Материя – это объективизированная и дифференцированная потенция Универсума. Над ней можно производить действие, она всегда обладает каким-то энергетическим потенциалом.

Энергия – это недифференцированная потенция Универсума, которая и есть само действие в реализованном или возможном виде. И она всегда обладает каким-то материальным потенциалом.

Это значит. Что материя в принципе не существует без энергии. Хоть внутриатомной. Хоть потенции субэлементарных частиц. Но!!! Из этого еще не следует, что энергию можно свести лишь к атрибуту материи!

Если мужик схватился с медведем, то как еще сказать, кто чей атрибут.

Нет материи «в чистом виде» без энергии.

И, судя по всему, нет энергии «в чистом виде» без материи. Для поля и излучения нужны материальные объекты. Но в принципе, технологически поднагоров, можно материю превратить в энергию излучения целиком! При «соответствующих условиях».

Водородная бомба – пример сравнительно большого количества энергии в сравнительно малом количестве материи, выделение какой-то энергии мы можем устроить и наблюдать.

7. Вся потенциальная энергия Вселенной сконцентрировалась в Начальном Космическом яйце. (Хотя на самом деле это упрощение, но в общем так.) Больше ей быть было негде. Нет?

Но лишь ничтожная часть материи Вселенной была сконцентрирована в упомянутом яйце Кошечки Бессмертной, он же Василиса Прекрасная. Ибо как самая косная-раскосная материя все равно имеет энергию – так и самая-рассамая чистая энергия неизбежно имеет хоть какую-то материальную «закваску», или «зачачку», или «зародыш», или «ядро», и прочие полуметафорические определения.

8. **Зародыш!** Никто же не ждет, что в зародыше содержится вся материя взрослого существа, переформирующаяся в ходе взросления. Ноу. Зародыш содержит минимум необходимой материи – и потенцию к ее наращиванию и развитию.

Зародыш берет дальнейшее вещество из пищи, присоединяет к себе частицы внешней материи? Так. Хотя переформирование этих материальных частиц происходит за счет энергии излучения звезд. Ну, вернее, на нашем земном примере, солнечная энергия – это необходимая разность между всеми энергорасходами из пищи по всей пищевой цепочке: трава-корова-человек.

То есть в условиях земной биосферы мы понимаем превращение части солнечной энергии в нашу материю.

Хотя законы термодинамики действуют исправно: все, что не нагревается, раньше или позже остынет.

Но открытые системы, получая энергию извне, очень даже усложняются. Некоторые.

...Биологический зародыш содержит в себе генетическую информацию о технологии перехода к взрослому организму, матрицу этого организма, и потенцию осуществления этой технологии. При этом в зародышевой первоклетке нет костной ткани, нервной и т.д. Они образуются потом.

Мы можем выдвигать лишь гипотезы о составе Космического Яйца. Можно этот состав назвать протоматерией. А можно энергоматерией. А можно тарарабумбией.

9. Пункт 9 плана Винни-Пуха о похищении крошки Ру был сформулирован с замечательной четкостью: «Очень быстро!»

Очень быстро раскаленный свет полетел во все стороны.

Он стал остывать. Энергия шла на преодоление-создание Пространства. Можно сказать, что Пространство таким образом – тоже состоит из энергии (нет, так сказать все-таки нельзя: неуклюже и некорректно). Пространство своим существованием обязано энергии? О: Пространство есть агрегатное состояние Энергии. Ага.

Для преодоления Пространства, или, что в нашем первичном случае одно и то же, для создания Пространства, требовалось Время. Время также можно назвать атрибутом энергии... Всегда ли? Так ли? Можно ли назвать Время агрегатным состоянием Энергии? Лучше так: Время есть атрибут Движения, а Движение – одно из состояний Энергии. То есть все-таки: Время – атрибут с в я з а н н о й Энергии: будь она связана в форме волн или элементарных частиц.

В процессе Взрыва энергетическое пространство расширяется – оно же Бытийное Пространство расширяется: это есть таки работа, и энергия на это расходуется. Уменьшается ее первичный запас-потенциал.

И одновременно Энергия связывается в материальные структуры: от частиц до биосферы планет с человеком. Все более сложные структуры.

Раз материи все больше – энергии все меньше.

Большой Взрыв продолжается – а количество Материи все увеличивается – а запас Энергии все уменьшается.

Вот в этой Энергетическо-Материальной Системе, постоянно эволюционирующей от одного начала к другому, мы и существуем как ее порождение, часть, продукт, гайка общего механизма.

.....

(Вставки на полях:) Пространство есть атрибут эволюции энергии. И. Пространство есть аспект эволюции энергии. И. Пространство есть форма эволюции энергии. И! Можно сказать так:

Пространство есть измерение, в котором существует эволюция энергии. Вершится. Бытует. Имеет место. Поял-нет?

Человек существует в том же пространстве и сделан из той же энергии. Из чего же еще он может быть сделан? То есть. Человек существует и функционирует воедино и заедино с пространством-временем, энергией излучения, поля и материи.

Человек как материально-энергетическая структура есть одна из форм энергоэволюции. И деятельность его туда же. Ибо:

Ничего, кроме Энергоэволюции, во Вселенной нет. Ужас! Нету.

Закон законов

1. Энтропия жестока: энергия звезд рассеивается в мировом пространстве без всяких заметных следствий для последнего. И, рассуждая последовательно, раньше или позже все звезды излучат себя в общую ледяную и темную огромность пространства, и все кончится. Все ровно серое, прохладное, разности потенциалов ни между чем нет. Вмерла Вселенная.

Энтропия означает: объекты и системы, обмениваясь энергией, уравнивают уровень энергии до общего. А поскольку мировое пространство с его -273° и миллиардами световых лет замучишься нагревать, то сами понимаете. Все остынет.

2. Ну, а поскольку атомная структура материи содержит в себе массу энергии, – то по законам энтропии в с я м а т е р и я д о л ж н а р а с п а с т ь с я н а э л е м е н т а р н ы е ч а с т и ц ы, а всю свою энергию выделить в холодное и пустое мировое пространство. Аллес капут.

Идеал всеобщего равенства – полная тепловая смерть Вселенной.

Если быть последовательным – тепловая смерть должна сопровождаться материальным распадом Вселенной. Нечего материальным структурам содержать в себе энергию, которой нет в окружающем пространстве. Если, кстати, удастся элементарные частицы раздробить на субэлементарные, и также выбить разность энергии в пространство, – было бы еще лучше.

И вот Ортодоксальная Термодинамика проповедует ту истину, что к этому Материя и стремится. Как сумасшедший богач раздаст нищим все до трусов – так Материя раздаст всю энергию Пространству. Нищий нищим и останется, но жизнь в равенстве нищеты умрет.

3. Однако есть вопрос. И не в том он даже, что у квантовой механики с термодинамикой отношения свои; и не в том, что законы макромира на микроуровне могут разительно меняться.

Вопрос в другом. Прост и стар.

Космический Зародыш был по составу весьма однороден. Ну, это насколько наука себе представляет. И «раскаленный... газ? свет? первооблако?», который со скоростью света, каким и был, полетел во все стороны, тоже был весьма однородным. Протоматерия.

А затем это протовещество стало усложняться да усложняться. Стало структурироваться все сложнее и сложнее. Гм. Вместо того, чтобы однородной массой так и расплытаться в ширящемся пространстве.

Уже возникновение простейших атомов было по сути своей антиэнтропийно.

По мере существования Вселенной ее материально-энергетические объекты были все разнообразнее, и разность потенциалов между ними была все больше.

То есть.

Большой Взрыв имеет антиэнтропийный характер. Или, что то же самое:

Существование Вселенной антиэнтропийно.

Или:

Энергоэволюция Вселенной изначально имеет антиэнтропийную направленность.

4. Нам скажут: это вначале так было, а потом все создалось – и стало потихоньку умирать, – с некоторого момента.

Вопрос: ну, а вначале почему так было?!

Ответ: ну... все-таки энергопотенциал Космического Зародыша был выше, чем потенциал создавшихся из Энергетического Хаоса структур. Хотя они, конечно, сложнее. Часть Первичного Потенциала израсходовалась на создание материальных структур; часть содержится в этих структурах.

Вопрос: А если бы материальные структуры вообще не создавались – энтропия была бы выше или ниже? Вот ширилось бы облако горячего первогаса и остывало себе по ходу дела. Чем

больше эта Вселенная – тем темнее и холоднее. И никакой суеты типа создания материальных структур и их остывания и распада.

Ответ: ну... выше... ну...

5. Применительно к некоему раскаленному корпускулярно-волновому облаку, занимающему все наличное пространство, понятие энтропии вообще не применимо. Нечему уравниваться. Все и так уравнено!

Однородная среда. Разности потенциалов никакой.

6. Энтропия возникает не раньше, чем возникает разность потенциалов. Не раньше, чем среда дифференцируется.

Не раньше, чем энергия начнет консервироваться в материальные структуры.

7. И если рассматривать историю Вселенной, эволюцию Вселенной от нуля и до... сегодня?... то однозначно получается:

**КРЕАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ВСЕЛЕННОЙ ПРЕДШЕСТВУЕТ ЭНТРОПИЙНОМУ и:
КРЕАТИВНОЕ НАЧАЛО ВСЕЛЕННОЙ ПРЕОБЛАДАЕТ НАД ЭНТРОПИЙНЫМ**

Вот такие пирожки с котятами.

8. Что же есть энтропия? Энтропия есть необходимый механизм эволюции для замены старых структур новыми по линии усложнения.

Здесь, как вы заметили (вы лично заметили? не дурак?), слово «энтропия» отлично заменяется словом «смерть».

А почему «по линии усложнения»? А потому, что от Великого Начала до сегодня, как видите, мир здорово усложнился.

9. Встроенность смерти в эволюцию понятна. Сложная система распадается на обломки вплоть до атомов. Но раньше или позже эти части, обломки, атомы явятся строительным материалом для новой системы. Она может быть примитивнее прошлой. Но по мере развития становится сложнее.

А если нет? Тогда в цепи этих смертей и рождений третья или тридцатая система станет сложнее. А если нет, если деградирует? Тогда соседняя, такая же или похожая, все равно со временем даст потомством систему более сложную. Энергоемкую, потентную, сложно-дифференцированную.

Если рассматривать процесс энергоэволюции Вселенной на большой дистанции, от старта до сегодня, – какие вопросы?

10. Эволюция – это прекрасно, но как же возникла жизнь – есть сомнения. Опыт повторить с достоверностью не удастся. Как атомы сложились в молекулы – это дело менее темное. Химики отлично управляют с химическими реакциями. Химическая промышленность пашет на полных оборотах и дает массу результатов.

Создать гомункулюса, а хоть бы и таракана, а хоть амебу – из косной материи... пока – нет. Загадка природы.

Если бы, конечно, определенные атомы и молекулы, встречающиеся на планете, да в определенных условиях свести, да нагреть, да сжать, да ударить током, да облучить рентгеном, – вот тогда да! могла бы выйти живая клетка – а там эволюция пошла по биологической дистанции!

Н-но... чтобы совпали вместе все эти факторы... Стали считать на компьютерах. Получили 10 в такой степени, что столько лет не живут даже Вселенные. По науке – возникновение жизни на Земле есть результат чудесной случайности.

Или из Космоса оплодотворили. Но там откуда?!.

11. Представьте себе, что вас командировали в деревню убирать картошку с мерзлых полей. Собираете вы ее в ведро, и три ведра высыпаете в двадцаткилограммовый ящик.

И вот вы, сил хватает невпроворот, поднимаете этот грязноватый дощатый ящик, или из замызанного решетчатого пластика, и начинаете трясти, как погремушку. А картошка в нем разнокалиберная, и мелкая и крупная, кривая и круглая.

И через некоторое время эта картошка – две минуты! – оказывается рассортирована по размеру. Самая мелкая внизу, средняя посередине, крупная поверху.

И наблюдает эту картину пришелец из другого мира, где не имеют представления о гравитации. Ему не постичь, что центр тяжести объема картошки сместился как можно ниже к земле-матушке. Земля тянет к себе все, и картошки, и они из встрянутого положения падают вниз, ну и проскочили вниз насколько умели. Все по Ньютону. Но иномирязин видит чудо! Потому что по теории вероятности должно пройти три миллиона лет, чтоб из случайных встряхиваний сложилась гармоничная комбинация картошек по возрастанию размеров.

И возвращается в свой мир. Пишет монографию. И ученые-экспериментаторы трясут свою картошку в своей невесомости, и она никак не упорядочивается, и они строят гипотезы.

Пока один из них не начнет соображать насчет закона тяготения.

12. Когда говорят, что «в мире царствует смерть», то это метафора. Чтобы была смерть, сначала должна быть жизнь. В мире царствует динамика. Туда – сюда, туда – сюда. Это тоже метафора, но уже ближе.

Структуризация материи неизбежно и необходимо предшествует энтропии. Весьма несложная мысль.

Чтобы развалилось, сначала должно быть построено.

13. В последней трети XX века появились теории самоорганизации структур из хаоса. Наука осторожно ступила на поле, где раньше окучивали свои клумбы только религия и философия.

Господь наш Создатель отделил Свет от Тьмы – с того все и началось. Из Хаоса, граждане, создан был Космос, потому что больше не из чего было его создать. От простого к сложному – под выходные Он создал человека.

14–15. Если есть и понятен закон всемирной энтропии, по которому все разрушается до полного исчезновения разности потенциалов между всем и всем. То должен быть, интересно, противоположный Закон, по которому из Хаоса с неуклонной последовательностью, вопреки теории вероятности, все структурируется?

Без этого Закона мы будем говорить о Чуде, которое сложило картошку в ящике по ранжиру. Вроде как магнитное поле, притягивающее гвозди к подкове, будет чудом в глазах дикаря.

Принимая во внимание известную нам на сегодня историю Вселенной, мы неизбежно должны прийти к выводу о необходимом существовании одного Закона.

16. Этот

ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ

можно сформулировать примерно так:

БЫТИЕ – ЭТО УСЛОЖНЕНИЕ А можно распространеннее и конкретнее самую капельку:

СТРЕМЛЕНИЕ К УСЛОЖНЕНИЮ ЕСТЬ ИММАНЕНТНОЕ СВОЙСТВО БЫТИЯ

А можно перевернуть чуть иначе:

СТРЕМЛЕНИЕ К УСЛОЖНЕНИЮ ЕСТЬ УСЛОВИЕ И СУЩНОСТЬ НАЛИЧИЯ БЫТИЯ

Или короче и чуть «научней»:

БЫТИЕ – ЭТО СТРУКТУРИЗАЦИЯ

Себе дороже обойдется философам реверанс не сделать:

УСЛОЖНЕНИЕ ЕСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АТТРИБУТ БЫТИЯ

Вот так. А о полисемантике категории всегда можно поговорить отдельно.

17. Но вообще-то это звучит не так, как должен звучать Закон Природы. Это получается какая-то философская формулировка. Онтологический слоган, я бы осмелился рискнуть. Констатация. Но не законообразно оформленная.

Поэтому попробуем наш дорогой Закон конкретизировать немного. Эти конкретизации можно назвать аспектами. Или пунктами. Или следствиями, хотя это не совсем точное слово.

1. Несвязанная энергия имеет тенденцию к структуризации.

Под структуризацией мы здесь волей-неволей должны понимать материально связанный агрегат.

2. Структура имеет тенденцию к самоусложнению.

Под «само-» надо, наверное, понимать, что энергию для усложнения себя она может брать как внутри самой себя, внутренне перестраиваясь, – так и снаружи, извне, если эта энергия на нее излучается откуда-то, прилипает, прилетает. Но «побудительный мотив» к самоусложнению ниоткуда не прилетает – *самоусложнительный механизм есть качество*, аспект, неразъемная часть силой этой структуры.

3. Любые изменения любых материальных структур в конечном итоге ведут к усложнению этих структур или вовлечению их в более общие и более сложные структуры.

Самый простой пример – это круговорот веществ в природе по школьному учебнику физики из анекдота: Джона повесили, он сгнил в земле, выросла травка, корова ее съела и выросла, из коровы пожарили бифштексы, мальчик Бен их скушал, и вырос гением и героем. То бишь даже после развала человека на молекулы его вещество частично превращается в часть системы не худшей, а более качественной.

Конечно. Средневековые арабы ободрали облицовку Великих Пирамид. А древние германцы и весь сброд разбирали на халупы Колизей. И ничего лучшего не построили. Но если рассматривать Мировую Архитектуру – то построили Альгамбру, Миланский Собор, Эмпайр Стейт и кое-что еще.

Падение великой цивилизации и смена ее варварством, – раньше или позже, в этом месте или другом, – сменится под эгом цивилизации еще более высокой.

Если у какого-то животного уж появился головной мозг – то дальше в процессе эволюции он будет только увеличиваться! – но никогда не уменьшаться.

18. То есть. *Эволюция биосферы Земли вообще, и социосферы в частности, имеет положительный, нарастающий баланс миграции атомов в приповерхностной зоне Земли.* Что в основе и отметил сто лет назад справедливо Вернадский.

Энергоэволюция и материоэволюция идут здесь с нарастанием.

И с усложнением.

Вот в этой системе мы живем и функционируем по возможности.

19. И эволюцию нашей сферы обитания, нашей системы обитания и действия, нашей структуры существования, материально-энергетической частью которой мы являемся, – эволюцию определяет Закон Всемирной Структуризации.

20. А энтропия является вспомогательной и дополнительной по отношению к этому Закону. Без нее старые и менее сложные структуры не могли бы эволюционно заменяться на новые и более сложные.

21. Так вот о самозарождении жизни. И невероятной маловероятности этой счастливой для нас случайности.

Как именно это произошло – мы сегодня не знаем, а когда именно узнаем – никто не знает.

Но необходимая закономерность возникновения жизни представляется очевидной.

Все в эволюции Вселенной шло по нарастанию сложности структур и нарастанию энергопреобразования: энергия структурировалась в звезды и планеты, звезды излучались и взрывались, и т.д.

Биологическая форма существования материи дает качественное ускорение энергопреобразования.

Механизм неясен – но логичность ясней ясного. Возникла, потому что должна, все к тому шло.

Ибо сущность Бытия во Времени есть энергоэволюция: связывание чистой энергии во все более сложные материальные структуры – и способность этих структур выделять энергию все быстрее и эффективнее на единицу времени и массы.

22. Поэтому вопрос о множественности обитаемых планет во Вселенной есть вопрос не эмпирический, а теоретический. То, что существа планеты Земля еще не обнаружили с минимальной достоверностью жизни на других планетах, да и, строго говоря, самих этих планет, – говорит лишь о несовершенстве средств наблюдения.

Множество обитаемых миров – единственно закономерный вариант сегодняшнего состояния Универсума. Случайностей здесь нет.

Одно из проявлений Закона Всемирной Структуризации – множественное возникновение жизни во Вселенной.

А при первой возможности. Как планета образуется. И газовая атмосфера. И температурный коридор. И дифференциация химических элементов. Так сразу.

Вот как только вся таблица Менделеева на планете наберется – так следующим этапом эти элементы, складываясь во все более сложные молекулы, образуют из этих молекул живую клетку.

23. Возникновение жизни есть следующий закономерный этап за максимально возможной дифференциацией атомных соединений в формах косной материи.

Тот же Закон, который переводил энергию в частицы и далее в материю все усложняющуюся, переводит ее в материю живую.

Сегодняшнее наше незнание механизма этого скачка-перехода не может отменять его закономерность.

Замечание об асимметрии мира

Вызывает недоумение ряд ученых физиков, а также и философов, по поводу асимметрии Универсума. Почему всей массе материи не соответствует равная масса антиматерии? Почему Вселенная, таким образом, материально перекошена? Ведь могла бы быть уравновешена.

Припоминается сходный по смыслу вопрос Станислава Лема: почему белковые молекулы закручены в левую сторону? А почему, например, не в правую, и еще важнее: а почему не половина сюда – а половина туда, для симметрии, для равновесия, для успокоения теории вероятности? Каков смысл закручивания всех белков именно в одну сторону?

А вот введем для рационализации понимания (пardon за тавтологию) такое понятие, как **ПРЕДПРОСТРАНСТВО**.

Предпространство – это однородный энергоматериальный континуум, где энтропия равна 100%. Тьма не отделена от света. Материя не отделена от пространства. Поле не отделено от материи. Движение не отделено от покоя. Бог еще не проснулся.

Большой Взрыв сегодня представляют себе обычно так, что вся материя Вселенной, сконцентрированная в суперсупер-невообразимо-плотное Космическое Яйцо, со скоростью света начала разлетаться во все стороны. Тем самым создавая и расширяя пространство-время нашей Вселенной. И в кратчайшие миги (тут же, в первые световые секунды!) структурируясь в субэлементарные и элементарные частицы. И тут же в простейшие атомы.

Как возникло Космическое Яйцо и почему вдруг взорвалось – мы не знаем. Просто эта теория на сегодняшнем научном уровне лучше других объясняет ряд процессов во Вселенной, начиная с красного смещения, объясняемого разбеганием галактик. Возможный вариант – это вся материя Вселенной сжималась-сжималась, и как сжалась до предела – тут-то и произошел Большой Взрыв, и все полетело обратно. Вселенский Пульсар. Стадия расширения сменяется стадией сжатия, и так далее.

Возможен, однако, и другой вариант. Есть другая гипотеза.

Представьте себе площадь, покрытую тополиным пухом. И вот вы бросаете в центр спичку, и пламя круговой волной расходится к периферии. Или – вы встряхиваете длинное пыльное одеяло, по нему пробегает волна – и туча пыли вылетает из ткани позади волны и повисает в воздухе. Ну, ясно. Круги по воде от камня. Но точнее – стремительное горение взрывчатки от места запала и по всему массиву, или цепная реакция в уране, и т.д.

Космическое Яйцо – это только энергетический запал, распространяющий взрывную – энергетическую – волну по Предпространству.

Распространяющийся со скоростью света энергетический импульс превращает косное, равновесное Предпространство – в неравновесное. Получая избыток энергии, Предпространство превращается в Пространство. В нем запускается прогрессирующий процесс структурирования усложняющихся материально-энергетических систем.

Структурируясь в материю, энергия продолжает свое расширяющееся движение: галактики разлетаются. Но. С той же скоростью расширяется энергетическая волна и в формах полей и волн. И поля и волны, расходясь по Предпространству, превращают его в Пространство.

Стустки материи – лишь клецки в бульоне Вселенной: бульонная субстанция отнюдь ими не ограничивается.

Зарождение материальных структур есть результат оплодотворения Предпространства энергией. Эволюция материальных структур есть прогрессирующий антиэнтропийный процесс, где начальный энергетический импульс извне – сыграл роль запала, нарушившего равновесие.

... Что же касается асимметрии Вселенной, то *асимметрия – это, строго говоря, синоним существования и вообще Бытия*. Материя по сущности своей отграничена от окружающего пространства. (Асимметрия суть бинарность.)

Сотворение мира – это разделение Предпространства на материю и вакуум.

М-да... Остается добавить, что Бог есть Энергия.

Асимметрия и биполярность – это одно и то же.

Все, что существует, то есть обладает энергией, существует как открытая энергетическая система в Универсуме. Где энергетически содержащие локальные объекты отграничены от вакуума.

Я все пытаюсь на разные лады повторять мысль, представляющуюся мне самому крайне простой:

Асимметрия есть неравновесие, энергосодержание, жизнь, существование.

Симметрия есть равновесие, энергоотсутствие, смерть, несуществование.

Закручивание всех белков только в одну сторону – дальше от равновесия, чем поровну в обе стороны. Сходные массы материи и антиматерии во Вселенной – ближе к равновесию, чем только материя и вакуум. Почему все у нас есть так, как есть? Потому что Вселенная стремится к неравновесному состоянию, уходя от состояния Предпространства.

Но. Предпространство обладает потенцией. И именно потенция Предпространства, которую сегодня невозможно конкретизировать, – именно она, получая энергию Пространства, и позволяет прогрессировать антиэнтропийным процессам во Вселенной. Что не согласуется с классической термодинамикой, произошедшей из классической механики нашего Пространства и ничего больше.

Мне нечего добавить, пробормотал маленький человечек. Мне нечего добавить.

Ну, кроме разве что следующего. Равенство масс (пардон) материи и антиматерии означало бы, что суммарная масса Вселенной равна нулю. Или, что то же самое, ее стремление к упрощению и энерговыделению было бы максимальным. Максимальная неустойчивость. Хлопок, свет, запуск. Проще:

Материя и пустота – большее противопоставление, чем материя и антиматерия в пустоте. Ну... трудно удержаться, чтоб не процитировать дословно:

«Снова и снова я разочаровывался в возможности открыть истинные законы с помощью конструктивных попыток, основанных на использовании известных фактов. Чем дольше и чем отчаяннее я пытался это сделать, тем более приходил к убеждению, что к надежному результату нас может привести лишь открытие всеобщего формального принципа». Сказал Эйнштейн.

Энергетически-материальная асимметрия Бытия – чудесный принцип, почему нет? Ну вот представьте себе стройное дерево. И если вы согнете его в дугу – оно станет на уровне формы дерева энергосодержащим, как напряженный лук! А если расщепите на две половины и согнете их в разные стороны симметрично – это сложновато, неэкономично, неоптимально.

Вот пирамида. А вот гигантская яма рядом: оттуда вынимали гранитный грунт для пирамиды. Одно противопоставлено другому. Не стоит пытаться построить две симметричные пирамиды по сторонам ямы.

Начальный Энергетический Импульс гнет Предпространство в одну сторону.

К вопросу о специфике энтропии

1. Насчет антиэнтропийной сущности жизни – вполне понятно. Живые организмы структуризируют косные элементы материи с привнесением энергии звездного излучения – в сложные органические структуры, самовоспроизводящиеся, экспансивные и эволюционирующие ко все большей сложности и энергопреобразованию.

Все это – открытые неравновесные системы в нашем мире.

Принято полагать, согласно всепригибающему Второму Началу Термодинамики, что раз в одном месте энтропия уменьшается – значит, в другом она должна расти, причем в большем размере, – потому что часть энергии должна же тратиться на упорядочивание материально-энергетических элементов из состояния более хаотического в состояние более упорядоченное.

Гм. Где же нарастает энтропия с появлением растений на Земле? Травы и кустов? Все вещество планеты осталось на планете же, но в более упорядоченном состоянии. Солнечная же энергия все равно рассеялась бы в пространстве, или в процессе циклического нагревания-остывания поверхности Земли и ее атмосферы, без всякого результата: а так она частично законсервирована.

Гм. Возможно, имеется в виду, что возникновение и развитие жизни есть более частный процесс «консервации» энергии в более энергоемких структурах – однако только в рамках более общего, самого общего из всех, процесса вселенской энтропии при излучении звезд и расходовании их вещества в рассеивающуюся по вселенскому пространству энергию – которая тем самым энергией перестает быть, теряя способность производить в будущем какое-либо действие.

Но в границах планеты – энтропия уменьшается с развитием жизни.

2. А вот с того момента, когда человек овладел огнем – процесс принял принципиально иной характер. Обратный отчасти!

Человек создает черт знает какую сложную материальную культуру. Совсем уж далекую от состояния энергетического равновесия с окружающей средой планеты. Эта культура дает такое сложное структурирование энергоматерии, что энтропия резко уменьшается. Где? В сфере рукотворства человеческого.

Но. Лес сгорает, его продукт уголь – сгорает, его продукт нефть – сгорает, газ сгорает. То есть. Суммарная энтропия вещества планеты нарастает.

Тут все вообще отлично с точки зрения Второго Начала Термодинамики. ВНТ, понимаешь. Уменьшение энтропии в одной области – сопровождается повышением в другой. Нет больше чудесных упорядоченных углеродных структур энергоносителей, сгорели на фиг, дав сильно упрощенные останки и тепло, которое частично пошло на структуризацию вещей человеческих, а в основном рассеялось в пространстве. Суммарное вещество Земли стало проще, низкоэнергетичнее, низкоорганизованнее, и просто меньше его стало, потому что часть его превратилась в тепло. Все ясно.

3. Значит, так:

С возникновением и эволюцией жизни энтропия планеты падает. А энергетика растет. Но энергетика звезды – Солнца – при этом падала.

А дальше:

С возникновением и эволюцией человеческой культуры, по мере структурирования все более сложных и высокоэнергопреобразующих систем – общая энтропия вещества планеты растет. Потому что человек для своих дел вышибает из вещества Земли запасы энергии в виде углеводов, создававшиеся миллиарды лет. Тратит безвозвратно энергию планетного вещества.

Короче:

Органическая эволюция на доинтеллектуальном этапе понижает энтропию планеты.

Культурная эволюция на интеллектуальном этапе повышает энтропию планеты.

Ну. Все сходится? И что?

4. А теперь представим себе нехитрую картину.

Вселенная наполнена крупными (звезды и планеты) и мелкими (пыль и атомы) материальными частицами. И у всех у них одинаковая температура тела, средняя по всей больнице. Или можно сказать иначе: активность составляющих их атомов и субъатомных частиц – на одном и том же уровне. То есть – полная тепловая смерть. То есть – что? – то есть всеобщая энтропия победила по всему пространству, и произошла тепловая смерть Вселенной. Была такая теория, вполне вытекающая из классической термодинамики. – Вот уж увеличили энтропию так увеличили.

Представим еще, что есть такой масюсенький уголок Вселенной, где работают атомные электростанции, из атомной энергии получается свет, тепло и все необходимое для жизни маленького такого, в один миллиард рыл, допустим, человечества. – То есть: из косного и мертвого вещества Вселенной добывается внутриатомная энергия. А без людей – нипочем бы не добывалась.

Дальше представим, что это ушло и технологически жутко продвинутое человечество запускает цепную реакцию во Вселенной – с выделением всей атомной энергии всего вещества Вселенной. Вот такая задача-абсолютный-максимум.

Вопрос: а где нарастание энтропии?

5. Прошу запомнить:

МЫСЛЬ ЕСТЬ СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АКТ

Мысль человеческая есть логичный и закономерный этап самоорганизации материально-энергетической Вселенной.

То же самое можно сказать иначе:

МЫСЛЬ ЕСТЬ АНТИЭНТРОПИЙНЫЙ АКТ

Это – так, кстати о связи духа гордого человеческого с Мирозданием Божьим и нашим в том скромном участии.

6. Милые. Я, может, и дурак. Но читать меня в школе научили. Ну, и я прочитал. Что классическая термодинамика создана в эпоху классической механики. И верна в ее границах, плюс необратимость. Насчет квантовой механики, насчет релятивистской, классическая термодинамика была не в курсе дела, что и правильно с ее стороны.

Энтропии ведь, строго говоря, не существует. Ее в килограммах и калориях не измеришь. Это как бы отрицательная величина. Это минус-энергия. Убывание энергии. Безэнергетическая косность.

Энергия – это способность производить действие, работу, изменения. Энтропия – уменьшение этой способности, неспособность.

Тут есть небольшая заковыка.

Пока человек не мог зажечь уголь – он им мог только убить птицу, метнув в нее кусок. Энергию горения угля он добыть не мог.

Пока человек не мог взорвать атомную бомбу – внутриатомная энергия урана для него фактически и практически как бы не существовала. Это еще надо было додуматься: до строения атома, до возможности его деления, до выделения при этом энергии, а потом до практического осуществления этого!

Вопрос: с открытием и запуском ядерной и термоядерной реакции – энтропия Земли уменьшилась или увеличилась? Безотносительно человеческих умений, отстраненно глядя со стороны – энтропия повысилась, конечно. Но —

А теперь условно херим классическую теорию и условно берем за систему координат практику. А на практике, положим в будущем, мы сможем вышибить ядерную энергию из всего вещества Земли. О чем сто пятьдесят лет назад никто, вроде, и подозревать не мог. С точки зрения практической, примитивной, вульгарной, упрощенческой, у нас энергии стало больше.

То есть. Мы должны растратить часть земной энергии. Чтобы довести культуру до достаточно высокого уровня. Который позволит нам преобразовать в энергию все вещество Земли. Которое без нас осталось бы вечно косным. Выключенным из процесса энергопреобразования Вселенной. И регрессирующим только по закону повышения энтропии – остывающим, понижающим свой энергетический уровень.

7. Я рискну употребить такое выражение, как

РЕЛЯТИВИСТСКАЯ ЭНТРОПИЯ

8. Вот у вас в ящике равномерно распределенные по дну десять куч песка. Их температура одинакова. Величина одинакова. Никаких энергетических отдач-приемов, и температура воздуха в ящике та же самая, и влажность, и давление. Энтропия.

И вдруг одна из этих куч оказывается кучей пороха. И вы ее взрываете! А другие не детонируют, лежат, хороший такой был артиллерийский порох. Где ваша энтропия? Энергия сгорания одной кучи – перешла в тепло воздуха и других куч. – Мы просто перешли на другой уровень с ч и т ы в а н и я энергии. И теперь энтропию надо понимать иначе.

Разумеется, энергии в веществе всегда будет – в одном куске, при одних условиях хранения, – одно и то же количество. Но если считать его в парадигме классической механики – и квантовой, скажем, – то это будут два разных количества и качества энергии.

9. По мере эволюции культуры – вообще энергии планеты становится за счет переработки энергоносителей меньше. А в частности – больше! Больше в смысле познанной, доступной в перспективе, могущей быть вовлеченной в оборот.

10. Мы повторяем, что существование Вселенной – это энергоэволюция, структуризация энергии во все более сложные материальные системы.

Энтропия есть энергетическое уравнивание материальных подсистем, когда они уже не могут обмениваться энергией, и тем самым любое действие падает и прекращается.

Но. *Материя уже есть энергия сама по себе!* И – главное:

Материя всегда энергетически неравновесна с окружающим пространством.

Это важно. Я бы сказал, даже очень важно. Хотя звучит, вот видите, вполне просто:

МАТЕРИЯ ВСЕГДА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИ НЕРАВНОВЕСНА С ОКРУЖАЮЩИМ ПРОСТРАНСТВОМ

А это что значит? Что если мы сумеем превратить материю обратно в первозданную энергию – то работа в виде излучения, света, тепла, взрыва, все синонимы, – будет произведена! Еще как будет!!!

Пока материя отграничена от пространства – ресурс энергии есть всегда! И уровень энтропии гораздо выше нуля!

Ибо полная энтропия – это полный Хаос, аморфное состояние всего, ничто не отделено ни от чего, Господь еще не принимался за работу.

11. И. И. И.

Пока культура развивается к тому пределу, где мы сможем обратить всю косную материю Вселенной в Энергию – энтропия Вселенной уменьшается. То есть именно как следствие нашей деятельности уменьшается. Помимо других процессов.

Что, пожалуй, можно сформулировать:

По мере эволюции культуры повышение энтропии энергопитающей среды перерастает в понижение энтропии всей окружающей среды.

.....

(*Приписка сбоку:*) У термина «релятивистский» относительно энтропии есть другое устойчивее значение, поэтому на нем настаивать не будем. Скажем иначе:

абсолютная энтропия

и

относительная энтропия, она же практическая.

Абсолютная во Вселенной растет, что ты ни делай. А относительная, она же практическая, вокруг человечества уменьшается – в той мере, в какой человечество способно вовлекать окружающую косную материю в процесс энерговыделения. Любая холодная скала превращается в аккумулятор, способный отдать всю энергию, заключенную в его атомных структурах.

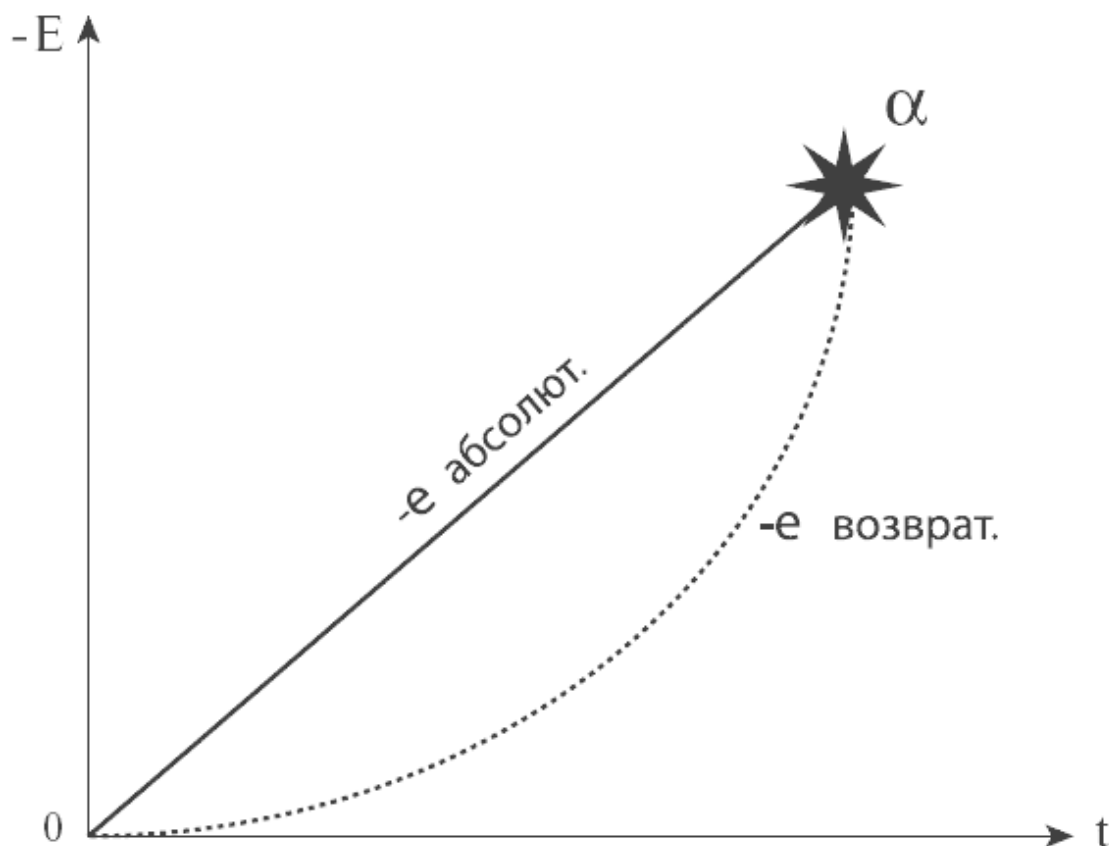
Во-первых, насчет роста абсолютной энтропии. Эволюция Вселенной идет в пульсирующем равновесии энергорастущего и энтропийного начал. Чем дольше существует – тем дальше от Хаоса. Структуризирующее начало во Вселенной преобладает. А вот насчет темного вещества и черных дыр масса неясностей. Соотнесенность нашей Вселенной с возможными мирами-пространствами и энергетические каналы между ними – сегодня оформлены только на уровне более или менее безумных гипотез, если можно локальные догадки именовать гипотезами. Н-но: это еще не абсолютный факт, что абсолютная энтропия таки да растет.

Во-вторых, насчет энтропии относительной. Великий Боже! Каких-то триста лет назад Ньютон создал свою механику. Каких-то сто лет назад возникла квантовая механика. Каких-то шестьдесят лет назад взорвали первое примитивное ядерное устройство. Нам не дано толком знать, в каких формах и до каких пределов дойдут наука под ручку с техникой, чтоб вышибать энергию с таким КПД и из таких структур, какие нам еще не снятся. Факт лишь в том, что дальше будет больше.

В-третьих. В перспективе практическая энтропия стремится уравниваться с абсолютной. Где есть хоть минимум энергии – он сможет быть выделен. Где есть хоть какая-то разница между чем-то и чем-то – она явится реализуемым энергетическим потенциалом. То есть: по мере превращения абсолютной энтропии в практическую, т.е. в аккумулированную энергию, – энтропия как таковая во Вселенском масштабе перестанет быть. Понятие энтропии вернется в начальные рамки – оставаясь понятием классической механики для открытых систем.

В-четвертых. Если попытаться составить график «роста уменьшения» практической энтропии по мере культурной эволюции человечества – то в той точке временной оси, где график роста уменьшения практической энтропии станет вертикальной линией – и должен произойти Новый Большой Взрыв, то бишь превращение всей материи нашей Вселенной в свободную энергию с ее последующей структуризацией в объекты Новой Вселенной. Это точка обратимого высвобождения всей энергии Вселенной.

В-пятых. А вы что думали?!

—

<Лист сбоку на скрепке:>

1. Если, однако, считать Вселенную замкнутой системой, закрытой, – то вообще энтропия в ней расти никак не может, потому что энергия никуда не девается. Энергия сохраняется. Закон такой.

Заблуждение представляется в том, что в классической термодинамике рассматриваются необратимые действия, воплощающие необратимые расходования энергии. Что слито с однонаправленностью времени. – Но если рассматривать вопрос в рамках всего пространства-времени Вселенной – то есть количественные и качественные переходы энергии, агрегатные переходы, но исчезновения нет.

Баланс двух начал – структурирующего и энтропийного, т.е. самоорганизующегося и саморазрушающегося, т.е. креативного и смертестремительного, – сводит на нет вопрос о конечной победе энтропии.

Проблема и перспектива лишь в переводе связанной и косной форм энергии – вновь и обратно в свободное креативное состояние.

2. Под «ростом уменьшения» практической (относительной) энтропии надо понимать то, что ее делается все больше относительно энтропии общей, абсолютной. Что все большая часть абсолютной энтропии становится относительной, обратимой. Что все большая доля якобы безвозвратно растроченной мировой энергии – становится способной к регенерации, выделению, энергопреобразования вновь.

Представьте себе рисунок огромной черной фигуры: абсолютная энтропия, энергия обратно невыделима. И по ней ширится красное пятнышко: эта часть энтропии становится

относительной, практической, – наука и деятельность человека позволяют выделять энергию, связанную в этой части Вселенной, вышибать ее в креатив из косных структур.

Когда алый цвет залетит весь черный контур – быть Большому Взрыву и Новому Рождению.

Бытие–внутри–нас и Бытие–вне–нас

1. Эти понятия близки кантовским «вещи, явленной нам» и «вещи самой по себе», но не адекватны им.

2. С объективной точки зрения: если все человечество вдруг испарится – то весь прочий материальный мир останется. Не только мертвая и живая природы, но и творения рук человеческих: постройки, машины и т. д. Познал это человек или не познал, он это создал или без его участия возникло, что он по этому поводу думал – неважно. Вся энергоматериальная совокупность Бытия вне человека – это и есть Бытие-вне-нас.

3. Познает человек Бытие через органы чувств и размышление, и все познанное размещено в его сознании (и подсознании, и над-сознании, но эти подробности структуры сознания нас сейчас не интересуют). Человек имеет дело не с «вещью самой по себе» (более традиционен перевод менее точный: «вещь в себе»), а с «вещью, явленной ему». Иначе: человек имеет дело не с миром, каков он на самом деле до своей «первоистины», а со своим представлением об этом мире. Немцы в этом давно и хорошо разобрались.

4. Наше рефлекслирующее сознание не может провести четкую грань между внешним, объективным миром, каков он на самом деле – и своим представлением об этом мире. Хотя сознание понимает, что разница все же существует. Мы понимаем, что наше сознание не исчерпывающе, не адекватно, не на всех уровнях имеет представление о предмете: что там за орбиты электронов, к примеру, что там за кристаллические решетки, что там за излучения за порогами нашего цветового восприятия – можно только теоретизировать и моделировать.

5. Вот представляемое в нашем сознании Бытие и есть Бытие-внутри-нас. Но не только.

6. Сознание – в некотором смысле отдельный и самостоятельный феномен, высшая психическая составляющая человека, собственно и позволяющая ему быть тем, что обычно называется личностью. И сознание, среди прочего, занимается некоторыми вещами, не имеющими никакого прямого и конкретного отношения к энергоматериальному Бытию-вне-нас. Например, сочинение стихов. Поэзия возникла раньше письменности, и материальные информационные носители для нее не обязательны. Испарилось человечество – испарилась вместе с мозгами и поэзия. А ведь для поэтов и любителей поэзии она была важной частью мира – их внутреннего Бытия: за нее бедность терпели, от счастья млели, инфаркты получали.

Кончилось человечество – нет больше морали. Вся живопись превратилась в наборы прямоугольных кусков ткани с нанесенными цветовыми пятнами, и да Винчи ничем не лучше мазни ослиным хвостом. Музыка стала бессмысленными грудями инструментов и звуконосителей. Науки – черные черточки на белых бумажках. И так далее. Не говоря о бухгалтерских отчетах и биржевых сводках. И все это было Бытием-внутри-нас.

Наш внутренний мир – не только отражение внешнего, он имеет и собственные области, нематериальные, имеющие смысл только для сознания, более того – существующие только неразрывно с сознанием и в сознании.

Сознание создает условные величины и структурирует их в системы. Люди оповещены об этих системах условностей, и они являются общими (общепринятыми) для группы, народа или всего человечества. И люди напрягают мозги и испытывают массы положительных и отрицательных эмоций, пытаясь понять социологическую статью или балдея от романа модного автора. И условный д'Артаньян оказывается для людей куда реальнее, чем живший в его время всамделишный, но давно забытый всеми человек.

А поскольку главное для человека – это получать максимальные ощущения, то ему в общем все равно, получать их от окраски забора нарядной краской или от чтения «Трех мушкетеров». Инженер строит супермост, а поэт пишет суперстих, и оба потеют от счастья созидания. И для обоих их труд равно важен и значим.

Бытие-внутри-нас – не только отражение реального внешнего Бытия-вне-нас, но и плюс совокупность всех идеальных, нематериальных, условных ценностей, представлений и величин. Вся нематериальная часть культуры в самом широком значении термина «культура».

И поскольку мы не можем четко разграничить Бытие-вне-нас от Бытия-внутри-нас, то они для нас равно реальны и значимы. Более того: идеальные ценности могут возобладать над материальными, и человек предпочитает какую-то область Бытия-внутри-нас реальным земным благам из области Бытия-вне-нас. Типа: бедный, зато честный. Инвалидом стал, зато гений искусства. И пр.

7. В Бытие-вне-нас мы не все познали и никогда всего не познаем. Зато в Бытие-внутри-нас мы имеем то, чего в Бытие-вне-нас может и вовсе не быть. Ну, нет, скажем, в природе Поэзии или морали.

8. Ощущения связывают нас с Бытием-вне-нас. Гора высокая, хлеб вкусный, дождь мерзкий, дом теплый – тут тебе и хорошо есть, и плохо. Ощущения связывают и с Бытием-внутри-нас: какая музыка, плакать хочется и радоваться хочется.

9. Разум также направлен на взаимодействие с обоими видами бытия. Придумать и сделать трактор для вспашки поля – придумать семитоновую музыку и масляные краски.

10. Мы подошли к главному.

Что делает человек с окружающим миром? Переделывает. Переструктурирует. Переструктурирует Бытие-вне-нас.

А что он делает с Бытием-внутри-нас? Он его также структурирует. Делает и переделывает.

Но будем точнее.

Имея дело непосредственно только с Бытием-внутри-нас, человек его и структурирует. Во всем его объеме. Делатель и изменитель – суть и функция человека. А вот уже Бытие-внутри-нас может совпадать с Бытием-вне-нас, а может и не совпадать. Для человека это не так важно. Все дело в профессии.

Конечно, сначала все-таки надо выжить и приподняться. Жилище устроить, пищей обеспечить, семью охранить. Решить потребности первого порядка. (Но это – в историческом плане. А в личностном плане – за научную идею можно и на костер.) А когда цивилизация приподнялась:

И артист (лицедей! ничего в мире не создает!) – оказывается богаче и прославленнее боевого маршала, не говоря о гениальном инженере или вообще трудяге-фермере. Каков конкретный след артиста в мире? Ноль. А в сознании людей? Ого! И это оказывается важнее.

Идеалисты говорят о божественной сущности искусства. Это Майкл Джексон – божественная сущность? Тогда говорят о шоу-бизнесе. Но чтоб был бизнес, люди должны придавать значение шоу. А для этого есть реклама и пиар-технологии. Но все это – технические подробности.

А мы рассматриваем все с точки зрения эволюции Вселенной. И для этой эволюции не только Майкл Джексон, но и сам Шекспир по большому счету не важны. Они никак не переделывают Бытие-вне-нас.

Если отрешиться от Бога – зачем Вселенной Шекспир?

Вселенной – ни за чем. Вселенной надо, чтобы люди перелопачивали материю – сначала Земли, потом – до чего доберутся. Но для этого человеку нужно сознание. А в сознании пребывает Бытие-внутри-нас, которое мы не можем отграничить от Бытия-вне-нас. И мы перелопачиваем Бытие-внутри-нас – все, сколько есть. Цезарь, Шекспир и Ньютон у нас проходят по одной весовой категории: великие люди. Один завоевывал мир и создавал империю, другой писал пьесы, ставшие частью нашего внутреннего мира, третий открывал законы нашего внешнего мира. Без Цезаря нет цивилизации, а без нее ничего не будет; без Ньютона нет науки, а без нее дальнейшего перелопачивания мира не будет; а без Шекспира невозможно обойтись

нашему сознанию, у него свои законы, оно структурирует в своем Бытие-внутри-нас все подряд, и ему потребны сплетни, и поэзия, и размышления о душе людской. С «точки зрения Вселенной» Шекспир – это издержки производства. А с точки зрения поэта движение к Большому Взрыву – это издержки производства, а интересует поэта прежде всего душа и поэзия.

Ну, сравнение: для уничтожения вражеской армии надо столько-то техники, боеприпасов и солдат. А солдатам нужны палатки, кухни и жратва. Плюс подарки к рождеству и письма из дому, иначе они могут снизить боевой дух и проиграть сражение. И вот для победы над врагом почтальон вроде не нужен – но необходим он по всей логике армии как системы.

Шекспир необходим сознанию как системе. Человек не автомат, по приказу Вселенную не переделает. Искусство – необходимая часть его сознательной деятельности.

Что бы человек ни делал – он структурирует Бытие-внутри-нас.

Мысль как синергетический акт

Общеизвестно высказывание Вернадского о том, что мысль не есть форма энергии, как же она может изменять материальные процессы. И этот чудесный психофизический парадокс есть примечательный для современной науки.

Странно и другое. Число не есть материальная величина, но величина идеальная и абстрактное понятие: как же оно может изменять материальные процессы? Не надо смеяться над шуткой.

Мысль сама по себе не делает ничего. Мысль есть лишь представление о том, что можно что-то и как-то сделать, и более того – нужно это сделать. То есть:

Мысль есть информация. Информация не материальна. Информация есть модель-отражение законов природы применительно к конкретной ситуации, к конкретным предметам и процессам.

Человеческое сознание есть та площадка, где проекция энергоматерии переструктурируется на уровне пред-организации и пред-запуска процессов, возвращаемых в реальность.

Человеческое сознание есть то параболическое зеркало, где луч энергоэволюции преломляется к переходу на более высокий уровень энергопреобразования.

Мысль абсолютно бесплодна без физической возможности и без желания. Не мысль влияет на материальные процессы, но физические факторы. Эти факторы комбинируются и запускаются в дело желанием человека действовать.

Необходимо учитывать:

Желание – мысль – физическая сущность – есть неделимая триада, где одно без другого не существует в принципе. Рассматривать одно изолированно от двух других есть принципиальная ошибка, не могущая привести к результату.

Мысль – это комбинационная модель. Эта модель направлена на то, чтобы захватить минимально необходимое количество энергии со стороны – и ее посредством минимально переструктурировать некое количество энергоматерии окружающего пространства таким образом, чтобы энергопреобразование этой энергоматерии окружающего пространства вышло на максимально высокий уровень.

Желание есть одна из форм инстинкта жизни. А жизнь есть одна из форм энергоэволюции Вселенной. В физическом аспекте жизнь есть действие. Желание – это психически оформленная мотивация биологического организма действовать, то есть жить, то есть существовать, то есть энергопреобразовывать.

Мысль же – есть оформление желания в представление о действии. Именно так, – а не «сама по себе». Действие это может быть прямое или косвенное, реальное или идеальное (воображаемое, виртуальное), осознанное или неосознанное.

Мысль – это оформление желания действовать своей физической сущностью.

Относительно всей триады «желание-мысль-физическая сущность» – мысль может быть абстрактной, отвлеченной, направленной на абсолютно непродуктивные занятия. Но в среднем и в общем – она направлена на повышение энергопреобразования.

Мысль – это побуждаемое желанием осознание того, как устроена реальность и как в ней надо действовать, чтобы минимальными усилиями максимально повысить уровень энергопреобразования в природе.

...Понятно, что мысли могут носить всевозможный характер по поводу всевозможных мелочей. Но модель мысли именно такова.

Любой организм, и человек в частности, существует в постоянном информационном контакте с окружающей средой. То есть. Анализ информации об окружающем мире есть первый и необходимый этап существования вообще.

Мысль как рациональный уровень анализа информации об окружающей среде – есть самый первый уровень мышления, уровень базово необходимый. Без анализа окружающей информации не проживешь. Мысль – это создание рациональной модели отчета в информации, и модели действий по выживанию в зависимости от этой информации.

То есть. Есть разведка. Есть аналитический отдел штаба. Есть оперативный отдел штаба. И есть командование части. И есть личный состав с вооружением, боеприпасами и всем мат-обеспечением. Одно без другого существовать не может в принципе. Вот сбор информации о противнике, анализ информации, выработка боевых планов действий, приказ на эти действия в боевые части, и исполнение этого приказа боем, – это цельный, единый, неразъемный процесс. Понять функцию одной военной структуры без учета наличия и действий прочих структур невозможно в принципе, такая постановка задачи лишена смысла.

Вот в воинской части «человек» – мысль выполняет функции аналитического и оперативного отделов штаба. Понимание ситуации – и указание на необходимые действия в данной ситуации. А сами штабники уже не воюют. Воюют батальоны на передовой, а мозг армии охраняет штабная рота и зенитный дивизион, чтоб не дай бог ничего с ними не случилось.

Мысль есть комбинирование отраженных в сознании элементов мира, с целью создать такую комбинацию в воображении, чтоб ее можно было физически осуществить с минимальными усилиями.

Мысль есть трансформационный акт между желанием жить и максимальным действием. То есть между косвенной и прямой формами энергоэволюции Вселенной.

Мысль – это переструктуризация отраженной информации.

Мысль – это упорядочивание отраженной информации.

Мысль – это информационная модель антиэнтропийного процесса.

Мысль – это анализ обстановки и планирование действия.

.....

(Заметка на полях:)

Письмо с этой знаменитой фразой о материальных последствиях нематериальной мысли Владимир Иванович Вернадский писал в возрасте двадцати семи лет, не будучи еще ученым мирового уровня. Не следует вырывать цитаты из контекста, абсолютизируя их значение при имплантации уже в другой контекст; хотя инкрустация цитатами делает другой текст нарядным и способствует его укоренению на поле серьезной науки.

.....

[Запись поверх строк...]

Мысль – это информационное обеспечение самоорганизации материи на уровне включения человека во всю эту дребедень Вселенской энергоэволюции.

Человек

1. Гады древние и насекомые поганые были приспособлены к жизни куда лучше нас с вами.

Эта букараха многоногая в хитиновом панцире может пропитаться любой крошкой какой угодно дряни. Вытерпеть какую угодно влажность, и температуру – в разумных пределах. При бескормице или переохладении – впадает в сон: консервируется. А при возникновении подходящих условий – расконсервируется и живет дальше. Нам бы такой адаптационный механизм!..

Также прекрасны динозавры во всех разновидностях. Вот вам их гордые потомки: крокодилы. Да и змеи земноводные недурны. Реакция – потрясающая. Скорость броска – хана млекопитающим. Экономичность организма – это что-то редкостное. Сожранной антилопы крокодайлу хватит на полгода. Лежит холодным бревном и переваривает. А змея? Бьет молнией, мышь заглотит – месяц сыта.

И получают тепло, греясь на солнце, а в прохладу остывают несколько и могут оцепенеть. То есть:

Холоднокровные животные, земноводные и рептилии, имеют гораздо более высокий коэффициент использования получаемой энергии.

Холоднокровные животные, земноводные и рептилии, имеют гораздо более высокий коэффициент выделения накопленной энергии. Молниеносность движений в нужный миг!

То есть: а) *Холоднокровные потребляют меньше энергии на единицу массы.* б) *Холоднокровные способны выделять больше энергии на единицу массы в единицу времени.*

Они экономичнее, они эффективнее: они просто мечта инженера!

Правда, бросок их недолог, на длительные усилия они не способны. Правда, от внешних условий они зависят больше теплокровных. Правда, при климатических пертурбациях они в основном сдохли, а теплокровные пошли в рост и господство.

2. Антилопа и тигр резко проигрывают в экономичности и эффективности крокодилу и удаву. Нет, правильнее – бронтозавру и крокодилу, а то что мы все о плотоядных. Тигру надо жрать хоть раз в несколько дней. Антилопа, как и лошадь-корова-овца, жрет свою траву весь день.

Теплокровные больше жрут, для этого им приходится больше двигаться, для этого им приходится обогревать постоянно свой организм, поэтому с организма идет обычно теплосъем в окружающую среду. Они просто суетливы! В чем преимущество?

А в повышении независимости от изменений в окружающей среде. В повышении видового адаптационного ресурса. Они скорее перенесут жару и холод без пригасания функций организма. Они скорее переместятся в другую местность при бескормице или жаре.

То есть:

а) *Теплокровные потребляют больше энергии на единицу массы.* б) *Теплокровные способны выделить меньше энергии на единицу массы в единицу времени.* Они медлительнее.

Сплошные минусы. Антиэкономичность природы!

А плюсы:

Они способны на длительные усилия. Они способны на более разнообразное поведение. Их реакции на раздражители и их инстинкты более дифференцированы.

Они обучаемы. Они умнее. У них появился протосоциум с иерархией и начальным разделением прав и обязанностей.

В результате сумма плюсов превышает сумму минусов. Они выживают успешнее. Организация стаи дает дополнительные возможности. А умная голова разнообразит поведение.

3. Умная голова. Эволюция сопровождается / соответствует / обеспечивается / являет себя / имеет важнейшим анатомическим элементом / уже ясно?.. / неуклонным увеличением центральной нервной системы. То есть усложнением организма – анатомическим и функциональным.

4. И вот самая перспективная обезьяна стала человеком. И другие обезьяны спросили с завистью: «Как ей это удалось?»

У человека вырос с миллионами лет большой мозг. Однако у слона мозг больше! Меньше соотношение массы мозга к массе тела? Ну, все равно мозг больше. А вот у дельфина примерно как у человека. Похож ужасно! – и размером, и формой, и поверхностью извилин. И вообще нет такой пропасти, такой большой разницы, между мозгом человека – и гориллы, слона, дельфина. Как между ними разница по жизни.

...Прилетели злые марсиане, наловили для своего зоопарка каждой твари по паре, и стали изучать. Человека в том числе, не зная, что на том же пастбище, в той же вольере, на аналогичной подходящей ему кормежке, он все же не такой животный, как все, а именно человек.

Ну? Жрет много! Куда девается – неясно, почему – неясно. Но *на единицу массы этот двуногий потребляет примерно раз в пять больше энергии, чем другие обезьяны*, а также собаки и коровы.

...Базовый уровень эволюции – это энергопреобразование. По большому счету это одно и то же.

На лестнице эволюции каждый вид, который посовременнее, перерабатывает энергии побольше.

Лестница эволюции имеет энергетический каркас.

И вот на этой лестнице человек подпрыгнул на верхнюю ступеньку, высота которой, энергетическая высота, отделяет его от остальных млекопитающих пятикратно.

Энергетически человек чрезвычайно неэкономичен и неэффективен. В смысле как организм. Сегодняшние ученые не могут дать этому удовлетворительное объяснение.

Потому что они не знают энергоэволюционизма. Не понимают.

5. *По мере нарастания потребляемой и перерабатываемой энергии КПД ее полезного использования падает.*

Но абсолютный полезный выход увеличивается.

6. Косная материя удовлетворяется в своем существовании тем объемом, который в пространстве занимает. Окружающее пространство она «не занимает» и не организует. То есть взаимодействие косной материи с окружающим пространством осуществляется чисто энергетически – через излучение и поле. У звезды они велики, у астероида – близ ноля. Окружающее астероид пространство уже в сантиметре над его поверхностью никак этим астероидом не преобразуется. То есть: *границы существования косной материи определены ее объемом*.

Живая материя – система открытая. Она существует за счет поступающей извне энергии. Она воспроизводит себя как из окружающей материи – так и из энергии, поступающей в виде излучения. Она нуждается в окружающей материи для питания, и в поступающей энергии для переработки этой материи. В окружающее пространство живая материя выпускает «выхлоп», побочные продукты жизнедеятельности. А также в окружающее пространство живая материя расширяется, воспроизводя себя.

Разные образцы этой «энергоперерабатывающей машины» имеют разную мощность. *По мере нарастания потребляемой мощности – КПД переработки энергии падает.*

Что это значит? Это значит, что потребление энергии все растет, объем перерабатываемой энергии все растет, – и выход переработанной энергии тоже растет! Хотя все в меньшей пропорции.

7. По мере эволюции биосферы Земли: с усложнением форм жизни – наблюдается обратная зависимость между ростом энергопотребления – и снижением КПД энергопреобразования в жизнеобеспечивающую деятельность организма.

Это очень-очень важная зависимость. Повторим проще. Чем сложнее организм – тем больше энергии он забирает для своего существования из окружающей среды: еды, питья, воздуха, света и тепла. И тем меньшую часть этой всей энергии он пускает на строительство своего тела и собственно поддержание его деятельности. А все большая часть этой энергии «вылетает вхолостую» из организма: испаряется с потом, улетучивается калориями с теплосъемом, расходуется на обеспечивающую суету, беготню, игры какие-то. Больше энергии уходит на единицу перемещения своей массы, охоту, рытье норы, на рождение одного детеныша, на переваривание пищи, проталкивание крови, на все!..

Ну: пятисотсильный движок жрет уйму бензина на перемещение килограмма своей массы с определенной скоростью. Он жутко неэкономичен! Но скорость даст максимальную!

Если мы начнем создавать двигатель с объема десять сантиметров и мощности осьмушка лошадиной силы, то много он нам не заработает. И соотношение масса/мощность будет не очень. И вот мы довели движок для нашей машины до оптимума: тридцать лошадей, один литр, легок и экономичен, едем до 100 км/час. А быстрее: нужны дорогие сплавы, наддув, мощное охлаждение, масса топлива, – и овчинка не стоит выделки: труда, затрат, всего-всего на единицу перемещаемой массы и единицу достигнутой скорости тратится уже больше. – Вот грубое механистическое сравнение.

...Возвращаясь. Чем больше потребляется организмом энергии – тем больше ее расходуется, и относительно и абсолютно, не на сам организм, а «на выхлоп», на «накладные расходы».

8. То есть.

По мере эволюции энергопотребление на килограмм биомассы увеличивается.

И, как обычно, не ровненько, а скачками.

9. И все большая часть этой энергии идет на то, чтобы сожрать траву, или корешки, или мышей, или коз, – все больше на единицу веса и год жизни существа. Это – чистое потребление.

И все большая часть этой энергии идет на то, чтобы выбить траву копытами, изрыть почву ногами, удобрить ее все большим количеством помета; выделить все больше калорий в атмосферу; вдохнуть все больше кислорода и выдохнуть все больше углекислого газа. Все больше перемещаться в пространстве, добывая пищу.

Окружающее пространство все активнее включается в энергообмен и энергопреобразование усложняющихся млекопитающих. Становится с ними все более едино, можно сказать. Воздух, вода, растения и плоть все быстрее совершают круговорот материи и энергии в природе через легкие и кожу, желудки и почки животных. Вдобавок целостность, неприкосновенность окружающей среды все активнее и объемнее нарушаются и перелопачиваются копытами, когтями, зубами и клювами. Что называется: шо нэ зыст – то надкусает, разроет, потопчет и порвет.

То бишь когда говорят о гомеостазе биоценоза, оно же о равновесии совокупности форм жизни в данном месте-районе-ареале, то равновесие это имеется в виду исключительно динамическое. А никак не статическое. Потому что все организмы биоценоза непрерывно обмениваются материей и энергией, и тем связаны в единую, цельную и взаимозависимую сеть жизни.

И сформулировать можно так:

С усложнением форм жизни динамика гомеостаза биоценоза повышается.

Три родительных падежа подряд – не есть изящество стиля, я согласен, но минимум необходимых слов при максимуме ясности.

...Травоядные ящеры жрали, пока папоротников кругом на мокрой почве было – не толкнуться. Сожрал – переступил шаг – и дальше жрешь. А плотоядные удовлетворялись куском мяса на месяц: урвал – и залег в полуанабиозе. Предельно вялое существование на мини-

муме калорий для поддержания жизни. Как у змеи или крокодила. Температура тела уравнена с окружающей, обмен веществ вял. Жизнь, можно сказать, не кипит, а вяло побулькивает.

И вымерли они оттого, что с похолоданием и посушением уменьшилось буйство растительности, утончилась пищевая цепочка, больше усилий надо было прикладывать для прокорма. А у них сил не было много двигаться! (И выжило всего несколько – все мелкие, плотоядные, в жарких краях, не жрать могут подолгу и впадают в спячку в самые трудные периоды.)

– Где змеи питаются лягушками – динамика гомеостаза низка. Все одной температуры, мало потребляют, мало выделяют, мало движутся. Сто миллионов лет в этой местности все может существовать без изменений.

– А где антилопы сжирают траву, тигры антилоп, крокодилы у водопоя хватают всех, бегемоты убивают крокодилов, москиты всех сосут, а птички и ящерки их ловят... – равновесие! но кипит!

10. *Равновесия в природе не существует.* Вообще-то. Не забыть бы это.

То есть на протяжении ста лет – ради бога, равновешайся сколько хочешь. А на протяжении ста миллионов – шалишь! Имеет место эволюция. Изменения. Все зависит от масштаба измерения времени.

Равновесие среды существует только в ограниченных отрезках времени.

Если раскаленный поток превратился в частицы, атомы, звезды, планеты, и далее клетка, растение, червяк, обезьяна, – ну, какое же равновесие, это понятно.

Равновесие в природе мы понимаем вполне условно. Пока, более или менее, все идет как было.

Постоянный импульс равновесия сдвинут в сторону усложнения.

Или:

Эволюция идет с повышением энергопреобразовательного баланса.

11. Изменения в природе накапливаются исподволь. Чтобы потом скачкообразно дать где-то переход в новое качество.

Катастрофа может быть толчком к переходу.

Когда по мере изменения система придет в слабое, неустойчивое состояние, любой толчок может стать запуском изменений.

Мутации в природе, в прямом и переносно-расширенном смысле, происходят постоянно. Эдакий поиск-разведка-проба-вариант-на-всякий-случай. Постоянно они отбраковываются – изредка запускаются.

12. А человек где? О'кей – вот.

Шо есть человек, аз есмь, со всей этой точки зрения?

Человек есть облысевшая обезьяна с ослабевшими мышцами, которой поддали жару – раз в пять увеличили энергопотребление. Все! Мозг хороший, ничего не скажешь, но не особенный, – бывал уже и такой же, бывал и побольше. Все? Все, товарищ сержант; можно идти?

Как произошла эта мутация? Не могу знать, товарищ сержант, мой год тогда еще не призывали. Но экстраполируя ход эволюции до того – все логично: повышение энергопреобразования организмами шло по экспоненте.

Появление человека – логично, предсказуемо, закономерно.

13. А дальше что? А дальше он стал жрать буквально все, жить буквально везде, бодрствовать и активно двигаться больше любого другого животного. Суеблив, непоседлив, активен. Совокупляется круглый год! Ну немереной энергии существо.

14. Мощность двигателя определяется не только объемом цилиндров. Еще степенью сжатия, октановым числом топлива, наддувом, форсажем.

Зачем увеличивать мозг, если можно поддать энергии этому?

14-А. Дело не в том, что сам собственно мозг потребляет мало энергии. Дело в том, что мозг координирует деятельность всего организма, ее включает и выключает, ею командует. И

если организм потребляет в пять раз больше энергии на единицу массы, и эту энергию перерабатывает, и превращает не только в строительство себя и обновление клеток, но и движение, в действия превращает, – и действия эти носят все более целенаправленный характер, предприимчивый, приспособительный, разнообразный, всякий, – потому что энергии в несколько раз больше!! – то мозгу необходимо координировать это несколькократно увеличившееся количество действий. (И в физическом покое этот мощный мозг жрёт до 30% глюкозы в организме, если мыслит!)

Можно сказать:

Увеличение энергопотребления в пять раз увеличило координирующую нагрузку на мозг.

Это не значит, что мощность очагов возбуждения коры увеличилась в пять раз. Мозг умен и экономичен. Если возничий колесницы впрягал пару коней, а теперь четверых, – это не значит, что он работает вдвое больше и тяжелее, управляя четверкой. Те же две руки, десять пальцев, два глаза, мышцы плеч и спины. Нагрузка увеличилась на сколько-то процентов. Что есть следствие удвоения мощности колесницы.

Странно, что упускают из виду многие хорошие биологи:

15. Мозг не есть причина и побудитель действия. Энергопреобразовательное устройство всего организма, энергопреобразовательная потребность мышц и внутренних органов, энергопреобразовательный уровень функционирования организма – первично задан, первичен по отношению к мозгу.

Понятно, что мозг есть часть, и важнейшая часть, организма как целого, и функционально связан со всем организмом.

Мозг есть функциональное отражение необходимости координировать возросшую деятельность организма.

Мозг возник в процессе эволюции. Простейшие обходятся без мозга. **Усложнение организма предшествует появлению мозга.**

Усложнение и повышение уровня энергопреобразования – одно и то же. В эволюционном смысле – это синонимы.

Не зверь движется и живет, потому что мозг приказывает. А мозг приказывает, потому что органам надо питаться, двигаться и т.д.

...Повышение уровня энергопреобразования заставило человеческий мозг работать изощреннее, координированнее, эффективнее, больше.

16. Есть традиционный показатель: отношение массы мозга к массе тела. Но, насколько известно, нет такого показателя: *отношение массы мозга к энергопотреблению организма*. Сколько граммов мозгового вещества управляют сколькими калориями поступающей в организм энергии и выделяемой организмом энергии. Г/К! И не той энергии, которую тонный крокодил вкладывает в молниеносный бросок, тут он чемпион, – а той энергии, которая нужна для суточной работы в среднем.

Отношение массы мозга к энергопреобразованию организма у человека – резко рекордное в живом мире. Ну, вообще-то не среди растений и амёб, а среди высших млекопитающих.

17. Человек – существо энергоизбыточное. Об этом я писал в книге «Все о жизни» и в «Кассандре». Энергоизбыточность человека есть его главное и принципиальное отличие от прочих существ. Его сутки в пещере автоматически удлиняются: он хочет бодрствовать больше, чем получается по 24-часовому циклу. Он совершает действий явно больше, чем необходимо для выживания индивида и всего вида. Он не уравновешен с окружающей средой, выламывается из гомеостаза, все что-то переделывает и усовершенствует.

(Забавно, что тогда я понятия не имел, что человек в пять раз энергозатратнее обезьян – уже на элементарном и арифметически подсчитываемом уровне калорий. Это чрезвычайно упрощает и подтверждает ход выводов.)

Будучи более суетлив и предприимчив, нуждаясь в большем количестве корма, человек развил более бурную деятельность по перелопачиванию окружающей среды. Больше перемещался, больше рыл и убивал и обрывал, больше жрал, больше гадил, больше потел, больше ломал.

Уже на биологическом уровне человек больше энергопреобразовывал окружающую среду.

Изготовление орудий, жилищ, одежд, ловушек, – преобразование природы на вещественном, механическом уровне.

Огонь!!! Мощная энергия, заключенная внутри органических тел, стала выжигать леса и степи, обогревать и освещать, закалять орудия, готовить к расщеплению пищу и гнать хищников. Преобразование на химическом и физическом уровне.

Приспособленные к делу животные были заставлены больше шевелиться! Несчастный бык стал пахать, несчастная лошадь – везти всадника. Подстегнули к своим действиям энергию других животных.

18. Биологическая энергоизбыточность человека имела следствиями энергоизбыточность механическую, химико-физическую, и вообще какую угодно, трудно вогнать в единое слово. Ужасный каменный топор, ужасный степной пожар, ужасные боевые слоны.

Но. Биологическая избыточность человека была оформлена в мощную психическую избыточность центральной нервной системы. В разум, то бишь.

Разум – это способность мозга распорядиться энергией организма в пять раз большей, чем потребно для простого выживания.

Если есть надежная пещера, топливо для костра, вдоволь еды, дерево и камень для изготовления орудий, – то для жизни этого вполне достаточно. Все, что сверх – это избыточно. Ни одному животному больше ничего не надо. Накатят холода-голода – сдохнет животное? Ну, как фишка ляжет.

19. Вся человеческая культура сверх низшего уровня выживания – это избыточные действия, избыточные знания, избыточные предметы и избыточные потребности.

С точки зрения биологии – культура лишняя.

Это дегенерация. Уродливый флюс. Извращение природы. Негативный побочный эффект.

20. Но тот самый избыток энергии, который позволил слабой лысой обезьяне придумать орудия, овладеть огнем, посеять в ямки семена и приручить коз, – который позволил человеку выжить среди сильных вопреки холоду-голоду, – тот самый избыток энергии, оформленный как в физическую активизацию, так и активизацию центральной нервной системы, то бишь в разум, – этот имманентный избыток энергии заставлял человека изобретать, преобразовывать и перелопачивать чем дальше, тем больше.

Вплоть до? Вплоть до – роботизированных заводов и ферм, атомных электростанций и бомб, безудержного производства и потребления, в которых сегодня не видно и нет никакого практического смысла с точки зрения выживания.

С точки зрения выживания и успокоительного равновесия в природе человеку следовало остановить свою изобретательно-преобразующую деятельность еще на уровне каменного века и родоплеменного строя.

21. С точки зрения существования скалы – создавать жизнь совершенно незачем.

С точки зрения существования животных – создавать человека совершенно незачем.

С точки зрения существования человека – создавать атомную бомбу, генетически модифицированную пищу и компьютерные игры совершенно незачем. Себе же хуже.

Но:

22. Уровни скорости энергоэволюции в природе – это:

а) косной материи – очень медленно;

б) живой природы – удивительно быстро!

в) человеческой деятельности – потрясающая скорость!

ЧЕЛОВЕК ЭНЕРГОПРЕОБРАЗУЕТ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В МАКСИМАЛЬНОМ ОБЪЕМЕ С МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТЬЮ

– насколько это для человека в конкретный момент истории возможно, разумеется.

23. Бытие есть изменение. Изменение есть эволюция – по оси времени и в общем. Эволюция есть энергопреобразование. Энергопреобразование идет с возрастающей скоростью. Человеческая деятельность находится на острие этой скорости.

24. Человек – это самоускоряющийся энергопреобразователь.

Закон – 2 он же Закон Энергоизбыточности Человека

1. *Человек есть двухуровневая система, существующая субъективно на уровне ощущений – и объективно на уровне действий.*

(Это сформулировано еще в «Кассандре» и «Все о жизни».)

Человек ведь не ставит себе сознательно задачу: переделаю-ка я в жизни как можно больше. Человека ведет желание и чувство.

Комбинации сознательного и подсознательного, рационального и инстинктивного, – сложны и прихотливы.

Иногда человек стремится к ощущению вопреки действию. Наркоман. Брак природного дуализма человеческой природы, побочное следствие, отходы производства.

Иногда человек стремится к действию вопреки ощущениям. Самопожертвование героя. Пахота работяги, тянущего лямку.

Но в общем и среднем, следуя своим чувствам и желаниям, мы совершаем поступки для их удовлетворения. То есть:

Наша деятельность имеет сенсорную мотивировку. В основе эмоция и механизм стремления к ощущению.

2. Так вот:

Наша сенсорная мотивировка значительно превышает потребности индивидуального и видового выживания.

Наша сенсорная мотивировка надрациональна.

Наша сенсорная мотивировка инстинктивна.

Инстинкт действия человека превышает потребность инстинкта жизнеобеспечения человека.

ИНСТИНКТ ДЕЙСТВИЯ ПРЕВОСХОДИТ ИНСТИНКТ ВЫЖИВАНИЯ

3. Из этого следует интереснейшее следствие, очень так гордо и стоически звучащее в римском духе:

ДЕЙСТВОВАТЬ ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ЖИТЬ

– что совсем уж в прямой перефразировке будет звучать:

Действовать необходимо, жить не так уж необходимо.

4. Причем, да? Удовлетвори в с е потребности человека – и тот, кто потупее, будет страдать – с т р а д а т ь! – от скуки, то есть от отсутствия желаний что-то делать, иметь, достигать. А тот, кто поумнее и поэнергичнее, быстро придумает себе новые желания и потребности.

Если кому еще не ясно:

Потребности человека принципиально не могут быть удовлетворены.

Ибо? Ибо:

Человек обладает потребностью испытывать потребности. И, оформляя эту п о т р е б н о с т ь в т о р о г о п о р я д к а, он всегда и быстро изобретет и сконструирует себе любое количество потребностей, которых только что не было.

5. Из чего, кстати, со всей непреложностью видна глупость и лицемерие политического лозунга типа: «Цель нашего правительства / государства / партии – удовлетворение растущих потребностей советского / германского / зимбабвийского народа». Это все равно что съесть, наконец, от пуза яств и завязать со жратвой вообще. Ибо *потребность испытывать потребности – есть суть человека и выражение его энергоизбыточности.*

6. *Энергоизбыточность человека, его энергетическая неравновесность с окружающей средой – носят принципиальный характер.* Если же, вследствие тяжелейших природных условий, как в заполярной ледяной пустыне или мокнущих джунглях Центральной Африки, все

силы местного этноса ушли на выживание, – мы говорим о реликтовом этносе и культурном тупике. И то – дикари... мы тоже были такими двадцать тысяч лет назад... возможно, через двадцать тысяч лет те бедолаги, пигмеи с эскимосами, откочевали бы в лучшие места, если бы мы вымерли, – и пошел бы в развитие новый этнический росток.

7. *Энергоизбыточность человека и его принципиальная энергетическая, т.е. деятельная, неравновесность с окружающей средой – на психическом уровне оформлены в **потребность иметь потребности, т.е. в потребность второго рода.***

8. И вот из этого из всего, постепенно нащупывая нужную формулировку, мы и приходим к не максиме уже, не формуле, но, пожалуй, Закону, – именно тому Закону, который необходимо озвучить и осознать, чтобы разбираться в устройстве человеческого общежития:

СУММА ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА ВСЕГДА ПРЕВЫШАЕТ НЕОБХОДИМУЮ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ

9. И этот же Закон, на уровне мотивировок, на уровне субъективном, на уровне ощущений, должен звучать примерно так:

Сумма психических возбуждений человека всегда превышает необходимую для действий по выживанию.

Строго говоря, люди это всегда знали. В смысле – вроде бы и так знали. Но, как повторял мой школьный учитель физики, правильно записанные условия задачи – половина решения.

Я часто повторяю: философия не открывает новых фактов. Это дело науки и практики. Философия корректно формулирует известные факты и выстраивает их в логичную систему, открывающую новую картину мира. Вот примерно так.

...Мы с вами сформулировали «вроде бы общеизвестный» факт с тем, чтобы он занимал одно из принципиальных и базовых мест во всей системе рассуждений, последовательностей, закономерностей и связей, показывающих суть так называемого «социума». Без учета этого Закона совершенно невозможно понять, почему мы творим что творим и живем как живем.

10. Хоть горшком назови, только об стену не бей. Закон этот можно назвать:

Закон энергонеравновесности человека

и сформулировать:

СУММА ОЩУЩЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА ВСЕГДА ИЗБЫТОЧНА

и: (как следствие?)

ПОДДЕРЖАНИЕ УРОВНЯ ОЩУЩЕНИЙ ТРЕБУЕТ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ДЕЙСТВИЙ

Совершенно понятно, что:

Поддержание уровня действий влечет снижение уровня ощущений.

Грубо говоря, это и есть однообразие, которое вызывает скуку. Но сказать вот просто так – это как бы ни на чем не базироваться, не встраивать свое утверждение ни в какую систему взглядов, быть правым, конечно, но на банально-бытовом уровне, такая вздох-метафора.

Переформулирование бытовой банальности в смыкающееся с ним по смыслу научное определение – тем выгодно, что корректное определение встраивается, как узелок в рыбацкой сети, в общее стройное мировоззрение.

11. Н-ну, и тогда —

Поскольку уровень ощущения человеку задан – уровень действий постоянно приходится поднимать

(А вы говорите – наза-ад, к приро-оде! Маниловы. Скудоумные мечтатели. Вперед!!! У эволюции нет зада! Хотя перёд иногда мерзок!.. Запомнили сентенцию? Беззадая эволюция. Такие дела.)

А если всерьез – из этого Закона есть два основных следствия. Вообще из него куча следствий, но главных для нас – два. Хорошее и плохое. Какое раньше излагать, да?

12. **Хорошее следствие.** А сейчас следите за движением моей правой руки! —

Из того, что. Человек слишком много жрет. И потребляет в пять раз больше энергии, чем другая такая скотина. Ему приходится что-то с этой энергией делать. Его мозг аж исторически напрягся, чтобы как-то распределять, координировать и направлять эту энергию. И не в силах всю ее употребить на свое пищеварение, круглогодичное совокупление, беготню за пищей и рытье норы. Он ее пускает наружу. Через себя. Вовне. Как дождевой червь, пропускающий через себя землю, в которой живет и ползет. Или как турбина пропускает через себя поток воздуха, поддав ему жара и скорости.

Вот эта **излишняя** для существования собственно человека **энергия**. Которую он потребляет, преобразует посредством организма и выпускает посредством внешненаправленных действий. И **есть причина и источник культуры. Цивилизации.** Совокупного продукта, произведенного человечеством, как материального, так и идеального, научного и духовного.

Энергоизбыточность человека. То есть избыточное энергопотребление и энергопреобразование. Имеющее на выходе избыточность действий. Имеющее внутренним механизмом энергонаправленности избыточность ощущений. Для поддержания уровня каковых ощущений требуется принципиальное повышение уровня действий. – – Вот это все и есть залог, гарант, причина, исходный механизм создания человеческой культуры в полном объеме.

Как начал питекантроп удовлетворять свои потребности в банане и бабе – так Джорджу Соросу до сих пор мало своих миллиардов, дворцов и пароходов.

13. Плохое следствие. Вот это и есть плохое следствие. Мы его сейчас запишем отдельно, как эпитафию надеждам на счастье человечества:

Потребности человечества не поддаются ограничениям.

То есть отдельный человек может заставить себя жрать меньше и не толстеть. Но это частность.

А вот заставить себя переехать в однокомнатную квартиру из коттеджа, ездить на микролитражке вместо «бентли», носить приличный дешевый костюм и летать эконом-классом вместо личного самолета, – если есть деньги, есть возможность! – вот этого он делать не будет. И не потому, что сволочь и жирная буржуазная свинья... А потому, что Природой он так создан, и не может изнасиловать и извратить свою природу... А если упорно станет – у него начнется невроз и запустится развал организма ближайшими болезнями. Увы нам!

Нельзя ограничить потребление – но ограничить производство тоже нельзя. Особенно нельзя, я бы сказал; или ровно в той же мере нельзя.

Счастье связывается с удовлетворением желаний, а удовлетворение желаний связывается с обладанием какими-то предметами, или людьми, или отношениями. (Это сказано подробнее во «Все о жизни».) Это – потребительская часть корзины ощущений и действий.

Но есть и производственная часть корзины. Могущий стать капитаном не захочет стать простым матросом. Могущий создать шедевр не удовлетворится ремесленной поделкой. Могущий организовать автомобильный конвейер не останется велосипедным механиком.

Человек должен делать самое большое, на что он способен. Вот старинная народная сентенция. А «должен» включает в себя «хочет», «может» и «подобаает».

И природное устройство человека заставляет его делать все больше и больше. А «делать» – это в первую очередь производить.

Нет-нет, если кончится сырье, или загадится атмосфера, или лопнут все деньги мира, – тогда, конечно, производство сократится. Но это будет вынужденный и временный экономический спад. А добровольно, сами, – ни-ни! Что? Они же должны понимать, что это вредно для всех? Вот это и называется вульгарный рационализм – думать, будто понимание добра есть основание для его делания.

Не руководствуется жизнь человеческая разумом!!! Но разум есть координатор энергетического потока, проходящего через человека. Разум обслуживает страсть, а страсть толкает к действию.

А стремится человек к максимальным ощущениям и через них к максимальным действиям.

Так что разговоры об ограничении в мире того-сего для общего блага – это фигня. Это эффективно только насчет ядерного оружия, ибо включается инстинкт коллективного самосохранения. (Смерть в ядерном взрыве выглядит страшнее смерти от кирпича по голове.)

14. Вредное перепроизводство есть прямое и неизбежное следствие полезного производства. Причина их одна и та же: имманентная избыточность действий человека.

15. Вся эта деятельность ну совершенно же ясна в русле общего повышения энергопреобразования планеты Земля и вообще Вселенной. Человек поднял геологическую эволюцию на новый скоростной уровень.

Не только геологическую. Ядерную, атомную, квантовую, как тут правильно сказать? – эволюцию на этом уровне тоже запускает уже на новый уровень. Еще немного – и будем планеты взрывать и всю энергию их вещества излучать в Космос.

А можем ли – наоборот? Можем. Когда грохнем этот мир и создадим тем самым новый. (Клянусь, в последний раз упомяну сейчас «Все о жизни».)

16. Но для каждого человека, – честно, к а ж д о г о, – гораздо важнее еще одно,

Третье следствие Закона энергонеравновесности (человека).

И звучит оно примерно так:

Для оптимизации усилий по совершению максимальных действий люди формируются в социальные структуры.

17. А если захватить с другого конца, то можно так:

Социальное устройство общества обусловлено стремлением людей к максимальным действиям.

Именно социальное структурирование позволяет и вернее выживать и размножаться, и производить больше продуктов, и накапливать знания и богатства, и в конце концов собирать по 70 центнеров пшеницы с гектара и завалить мир дешевыми товарами и автоматами Калашникова.

И если вы приложите к этому нашему, крошечному в пространстве и времени, клочку Вселенной общую измерительную линейку, – то социальное структурирование общества прекрасно видно как пунктик в постоянном повышении энергопреобразования Вселенной. Что и есть суть и образ ее существования, эволюции, Бытия.

Выше головы! Вы на острие вселенской эволюции!

18. Но я артист. Я повторю.

Энергоизбыточность человека. Сказывающаяся в избыточных действиях. Являясь частным случаем повышения энергопреобразования планеты и Вселенной. Диктует и производит структурирование человеческих масс в упорядоченный социум. Где стремление человека к избыточным действиям. Выходит на новый уровень реализации. Резко повышается количество и качество производимого продукта. Что и есть объективная функция человека как наиболее сложной корпускулярно-полевой структуры Вселенной. В процессе ее эволюции, то бишь процесса энергопреобразования со все повышающимся балансом.

19. Еще грубее. Для умственно грубых и душевно нечутких.

Социум структурирован и функционирует по законам Вселенской энергоэволюции.

20. Для гуманистов и идеалистов.

О, разумеется, это с массой особенностей и нюансов, с гуманитарными ценностями и сокровищами духа, высшими побуждениями, да, да!

А лентяи? А паразиты, как раз живущие за счет социума? А художники и спортсмены, которые ни фиги не производят и могут быть как раз только в сложном социуме?

Да-да, дойдет речь до королей, дойдет и до капусты. Жир на боках тоже паразит, но руки-ноги-голова скомбинированы не для того, чтоб он трясся при ходьбе: у него своя функция, которая при сытой жизни не реализуется, а только один вред.

Вот и паразиты с бездельниками чудесно встроены в структуру социума, который не для них создан, но без них тоже не обходится.

Цивилизация и рождаемость

1. «На детях гениев природа отдыхает», – давно сделали вывод биографы великих людей. Причем иногда вовсе отдыхает, манкирует.

Александр и Цезарь были бездетны. Единственный сын Наполеона, хвороба, умер в детстве. Единственный сын Петра I был казнен по приказу отца. Бывали и многодетные власти, но факт налицо: **любая** правящая династия в конце концов оказывалась без потомков. Представитель самой древней царствующей фамилии сегодня – королева Дании: ветвь не прерывается уже тысячу лет, чем датчане страшно гордятся. Отметим, что последнюю сотню лет, правда, короли Дании являются таковыми лишь по праву рождения и номинально, эдакие реликты, символ традиции, но ничего не решают, и к великим людям, переделывающим мир, их отнести нельзя. А ведь поскольку все мы – чьи-то прямые потомки, то прямая родословная любого человека тянется на тысячи лет вглубь истории, до ребят в мамонтовых шкурах и с палицами.

О Хаммурапи и Тутмосе II судить труднее, но генеалогия европейских государей и потрясателей со времен раннего средневековья вполне достоверно и досконально прослежена в документах, летописях, церковных книгах: тут смотрели в оба, речь о наследовании государства шла. Карл Великий, Генрих Бурбон, Иван Грозный, Густав-Адольф, Фридрих II, – а также Ленин, Гитлер, Тимур-ленг, Чингиз-хан и Махмуд Великолепный... ау!..

Примем во внимание, что государь и вообще крупный политик – это профессия повышенного риска. На них устраивают покушения, травят, дают, отстреливают, свергают с последующей ликвидацией, им всячески роют яму конкуренты. Можно сделать вывод, что сопротивление окружающей среды, растущее пропорционально величии и значимости их дел, в среднем превышает запас их биологической энергии: раньше или позже их генетический код исчезает вследствие неблагоприятных и явных внешних условий: ну не дают им ближние жить вечно в своих потомках, работа у них вредная и опасная.

Это можно сказать о героях, шире – вообще о профессиях повышенного риска, если рассуждать таким образом: о солдатах, охотниках, мореплавателях, шахтерах. Здесь, правда, родословная известна в лучшем случае на несколько столетий, так что допущение остается чисто теоретическим, хотя вполне логичным: больше риска – меньше шансов из поколения в поколение давать потомство.

А если взять великих людей из областей вполне безопасных: наука, искусство? И у Дарвина, и у Толстого с детьми было все в порядке, и у Пушкина, и у Эйнштейна, и у самого Шекспира. А наоборот? Данте, Бальзак, Микельанджело, Леонардо, Рембрандт, Бетховен, Кант, Шопенгауэр, Ницше... Ну, степень величия в науке и искусстве определять довольно трудно, это дело неточное и во многом субъективное. Но оба списка будут соизмеримы между собой по длине. Примерно поровну, бездетных даже чуть-чуть больше.

Теории вероятности это никак не соответствует. У подавляющего большинства людей дети есть.

Могут возразить, что в прежние века, при высокой рождаемости и слабой медицине, потомство давал меньший процент людей, чем сейчас: как бы еще продолжался естественный отбор по линии физического здоровья, а то б мы давно на материках теснились плечо к плечу. А в науке и искусстве было много людей с отклонениями от нормы: увечных, прибабахнутых, закомплексованных, странных, они в науку и искусство и двигали со своими странностями: ну, чудачки, слегка не от мира сего, а брачный институт был строг, куда им жениться и детей делать.

Оно тоже так. Но фактов это никак не меняет. Увечных много, а гениев мало. Мы сейчас не о том, что у калек меньше детей, чем у здоровых, и не о том, что среди гениев процент «увечных» выше, чем среди людей в среднем.

Мы о том, что люди, которые своими сознательными, созидательными, «цивилизаторскими» действиями делают для человечества больше среднего человека, размножаются меньше среднего человека.

XX век, успехи медицины и свобода нравов, и прожиточный уровень выше прежнего, можно прокормить уж куском-то хлеба любого в цивилизованном государстве, – прошу: Дали, Эйзенштейн, Фолкнер, Акутагава, Курчатов, Грета Гарбо, и т. д., и т. п., и др., и пр.

Под каждого такого бездетного можно подбить базу психологии, социологии, физиологии. Это все частности. Как говорил толстый Карлсон, «это все пустячки, дело житейское». Важнее тут бесспорная закономерность на самом общем уровне: чем больше совершаешь – тем меньше размножаешься.

2. Древняя народная примета: «Когда рождается больше мальчиков – это к войне, а когда больше девочек – к миру». «Какое суеверие», – пожал плечами просвещенный науками XX век, но к концу своему взглянул на статистику и призадумался.

В среднем всегда и везде рождается на 100 детей 49 девочек 51 мальчик, а в подростковом возрасте соотношение уравнивается, а в зрелой молодости мужчин всегда меньше, чем женщин, – это давно выяснили. Много сказано о том, что это целесообразно с точки зрения природы, что один мужчина может оплодотворить многих женщин, что и в животном мире среди самцов конкуренция, чтобы самый лучший давал лучшее потомство. А также что мужчина рискует, воюет, гибнет чаще, вот и создается природой «с количественным запасом».

Менее понятно другое.

Почему мужчина, при прочих равных условиях с женщиной, живет меньше. А главное – у него более высокая детская смертность!

И почему перед войнами мальчиков рождается действительно больше, что с неохотным непониманием свидетельствует статистика.

Ну, меньшую продолжительность жизни списывают на алкоголь, курение, гиподинамию и стрессовые нагрузки на работе, – мужчина ведет более нездоровый образ жизни, чем женщина. Положим. А почему, черт возьми, он его ведет?! Отвечают: традиция так сложилась, наследие патриархата, более сильный мужчина лезет в свары и развлечения, а подчиненная им женщина воспитывает детей и хлопочет по хозяйству, вот оно для здоровья и полезнее. Да какой же, черт возьми, в наше время в цивилизованных странах патриархат?! Отвечают: ну, патриархата, может, и нет, а гнусное наследие осталось... Функция материнства, опять же, привязывает женщину к скучной, но для здоровья и долголетия полезной деятельности домашней хозяйки.

А почему мужчины в среднем менее стойки к заболеваниям? А образом жизни подточены. Ну-ну...

А почему и в юности, когда юноши и девушки равно свободны и беззаботны, юноши больше курят, пьют и прочее? Отвечают: а вот потому что старая несправедливая мораль к ним снисходительнее, им больше прощает и позволяет.

А почему, чтоб вы сгорели с вашей моралью, девочки раньше начинают ходить и разговаривать, раньше развиваются и взрослеют, а у мальчиков большая детская смертность?! Тут наука начинает мычать и бляеть, что материнская функция многое определяет, что функции полушарий мозга мужчины и женщины во многом различны: у одних за речь отвечает правое, а у других левое, и так далее: левое-правое абстрактное мышление, левые-правые мелкие точные движения. А почему, зачем, что это значит?! Ну, вот так...

А умирают-то почему мальчики чаще (мы сейчас не имеем в виду, разумеется, несчастные случаи любого рода)?!

Слушайте. Мужчина – защитник, воин, добытчик, устроитель жизни, – больше сталкивается с «передним краем» жизни, чем женщина. Он – более «преобразующее» начало, а женщина – сохраняющее, это тоже давно известно. Таковы функции двух полов.

Мужчина мощнее физически – и без спорта ясно.

Мужчина агрессивнее, что тоже понятно.

Мужчина сильнее и интеллектуально, – как это ни обидно для женщин, особенно в нашу эпоху борьбы за отмену любых различий между двумя полами. Разницу в успехах в теоретических науках в наше время уже невозможно списать на угнетение женщины мужчиной и заботы материнства: и образование равное, и бездетных женщин полно, и сплошь и рядом женщина-ученый рьяно и целиком погружается в свое дело. А все равно почти все вершины берут мужики.

Ничем шахматистки, кроме своих шахмат, не занимаются, – как и все спортсменки-профессионалки. Но турниры между мужчинами и женщинами давно прекратили – чтоб не оскорблять прекрасную половину гадостной демонстрацией мужского интеллектуального превосходства.

Из этого следует только одно: мужчина э н е р г и ч н е е женщины, то есть способен в окружающем мире произвести большую работу. Мышцы – ладно бы еще, – центральная нервная система энергичнее.

А самое главное – на уровне соприкосновения с границей окружающего мира он проявляет большую энергичность в каждом касании, и испытывает поэтому большее сопротивление окружающей среды. Это происходит на уровне биополей, на уровне электропотенциалов, на уровне активности биохимических реакций и нервных импульсов.

! Мужчина реагирует на любые внешние раздражители менее адекватно, чем женщина, с точки зрения самосохранения индивидуума.!!

Он менее находится в гомеостазе с окружающей средой, менее в мирном равновесии, чем женщина, он более неуравновешен, имеет больший импульс к несогласию, конфликту со средой, изменением и переделкой этой среды. Он реагирует и з л и ш н е э н е р г и ч н о! Его центральная нервная система излишне дергается, больше, чем женская!

Мужская нервная система по сравнению с женской более приспособлена, более направлена, нацелена, предназначена, на взлом внешнего, передел мира, изменение окружающей среды, совершение максимальных действий – и менее направлена на сохранение себя, сохранение индивидуума.

У мужчины слабее развит инстинкт самосохранения и сильнее развит инстинкт преобразования мира.

То есть мужской инстинкт жизни раскладывается на самосохраняющий и природопреобразующий аспекты чуть-чуть в иной пропорции, чем женский.

Вот этой разницей в устройстве центральной нервной системы и объясняется большая смертность у мальчиков. Мальчик больше «нарывается на неприятности», он «пренебрежительнее» реагирует на угрозу опасности вначале, позднее оценивает ее серьезность, менее «дозированно» и излишне активно на нее реагирует. Вот поэтому у мальчиков смертность выше. Да и у мужчин в любом возрасте, при прочих равных с женщинами условиях.

И еще один причинный аспект, уже более простой. Мужчина энергетически мощнее женщины, и развитие его происходит медленнее, что вполне соответствует общим законам биологии. Таким образом, незрелость его дольше женской, период формирования иммунитета организма к инфекциям и вообще сбоям больше женского. Мальчик дольше девочки незрел и неустойчив к внешним воздействиям – вот они и имеют возможность дольше на него отрицательно воздействовать – условно говоря, не шесть лет, а семь, или не тринадцать, а пятнадцать. Дольше взрастят ягнята – больше волки успеют утащить. В каждый момент своей жизни девочка преодолевает период равной вероятности угрозы болезни быстрее, чем мальчик, быстрее проскакивает опасную зону.

Так вот, вернемся теперь к подскоку рождаемости мальчиков перед войнами, и девочек – перед прочным миром. Это только кажется примитивным суждением – мол, мальчикам вое-

вать, потери будут, Или: многих мужчин не досчитаемся, вот мальчики восполнят потери. Вот их и больше. Оно так и есть на самом деле, просто механизм чуть иной.

Война – это гигантский энергетический выплеск. Это не только люди бьются друг с другом – это годовые кольца на деревьях шире, природные катаклизмы активнее, выбросы протуберанцев и солнечные пятна активнее. Совокупно со всей природой получает больший энергетический заряд и человечество. Зародыши и эмбрионы тоже получают этот дополнительный энергетический заряд – которым пронизано все пространство, вся материя. И складываются и развиваются по более энергичному, мужскому, типу, и содержат в себе больше энергии.

И близкое прохождение кометы, и небывалые морозы, засухи и землетрясения, и как бы неожиданная резня народов, и повышение рождаемости мальчиков – явления одного уровня.

Больше мужчин – больше максимальных действий. А война, в пересчете на единицу времени, действие самое максимальное.

3. У кого детей больше – у богачей или у бедняков? Опаньки!.. Казалось бы: богат – значит, приспособлен, умен, силен, дает потомство в первую очередь, раз у него больше возможностей и в выборе партнера для супружеской жизни, и в прокормлении детей.

Что же наблюдается на деле? Плодовитость бедняков – притча во языцех. Крыша худая, хозяйство нищее, а по дому бегают мал мала меньше. Прокормить детей не может – а новых стругает. Куда, зачем, почему? – жизнь, понимаешь, природа...

Если вернуться даже в недалекое прошлое, на сотню лет, скажем, и посмотреть на деревню, – а большинство народу крестьянствовало в деревнях, – то жили в ней все достаточно ровно, без излишеств. Богат – дом большой и крепкий, скотины больше, питание сытное. Беден – домишко плохонький, скотинка худа и малочисленна, питание скудное, иногда впроголодь. А образ жизни одинаковый, работа одинаковая, социальный слой один. И если мы возьмем такую патриархальную деревню, где царит некая исходная справедливость и исходное равенство – участок земли для прокорма достаточен, богатых наследников-бездельников и дармоедов нету, все в поле пашут, все горб ломают – то кто, вероятно, богаче? Тот, кто работает лучше, кто умелее, старательнее, сильнее, сметливее. И что ж, многодетнее они в среднем? Да нет. Как же так?.. Мужик росл и силен, баба грудаста-задаста и расторопна, дом полная чаша – а в плодовитости преимущества нет. Соседи – мужичонка хил, баба тоща, оба неумехи, а детишек полно.

Что-то здесь здорово не согласуется с логикой и теорией естественного отбора. Может, у умных больше детей? Ни фига подобного.

А если голод, эпидемии, политические катаклизмы? Богатый может сбежать, откупиться, прокормиться, дорогого лекаря позвать. Для него больше вероятность детей сохранить и вырастить, чем для бедняка. Верно. В больших передрыгах процент выживших богатых детей выше, чем бедных, у них условия лучше.

Как бы получается, что гены зажиточности передаются с большей вероятностью, чем гены бедности, – если уже есть носители этих генов, родившиеся дети. Как бы богатый рождает меньше, зато сохраняет лучше.

А бедняк берет количеством. Родил вас на свет, дети мои, что мог – сделал, а уж дальше крутитесь сами, авось кто и выкрутится.

Это уже пахнет некими общими биологическими законами. Высшие животные рожают мало детенышей, носят долго, растят долго, опекают, и процент превратившихся во взрослых особей высок. А низшие – мечут икру, или кладут кучи яиц, или приносят полдюжины мышат каждый месяц – кто засох, кого съели, кого мор подмел, – процент выживших ничтожен, еле-еле численность вида поддержать или слегка увеличить хватает. А как мышке детей защитить и охранить?.. Единственный способ не вымереть – это рожать новых. Народить новых несложно, это она может, а вот с кошкой воевать – увольте. Она не слон, не лев, не

обезьяна, это они такие здоровые и умные, что могут себе позволить рожать по одному или несколько изредка, и поди их тронь, поди достань.

В общем так: чем биологически сложнее существо, тем меньше оно рождает потомства, и тем выше коэффициент выживаемости потомства. Простое существо сохраняет свой род как бы самым фактом биологического цикла, самым своим существованием, в которое необходимым моментом входит размножение. Беззащитную букашку все едят, давят, травят, и спрятаться ей трудно, и противопоставить буйному и опасному миру ей нечего, защититься нечем (хоть тоже старается посылно маскироваться или вонять) – а она размножается, как пулемет, и тем выживает. А лев сам любого сожрет или отгонит, а слона поди тронь, а шимпанзе своими руками чемпиона мира по борьбе задавит леопарда и найдет, чем прокормиться на дереве, когда леопард сдохнет от бескормицы. Такой индивид способен на мощные действия, и через мощь свою и энергичность, через немалую власть над природой, сохраняет род. Тучи детей ему ни к чему. Да им и не прокормиться будет.

Опять же: в сытные годы рождаемость сама собой подпрыгивает, а в неурожайные рождается у самки детенышей меньше. Этот механизм саморегуляции у природы отработан четко. В этих глубинах эмбриологии наука еще толком не разбирается, но железная закономерность и связь явны: меньшая насыщенность среды энергией – меньше травы – меньше насекомых и травоядных – меньше хищников: причем не просто одно вследствие другого, но и **единовременно**: тигрица ведь свою рождаемость регулировать не может, у нее контрацептивов нет, она еще не знает, что тигрят кормить нечем будет, потому что трава не уродилась, – а природа за нее уже это «решает» и делает, планирует семью. Просто понижение рождаемости при наступившем голоде – это бы еще просто было (что часто также случается).

Теперь построим лесенку из ступенек снизу доверху. Что делает в мире водоросль, что совершает, как его изменяет, как энергопреобразует? Только одним образом: она размножается, она увеличивает свою биомассу, заполняет собой пространство; из энергии света солнца и вещества воды образуются многотонные массы весьма сложно структурированной материи. Она может заполнить собой водоем, целое огромное озеро – и хана озеру, нет его больше, изменился ландшафт:

болото получилось, рыба вымерла, змеи с лягушками расплодились и так далее.

Размножились антилопы, сожрали и выбили траву, образовалась пустыня, пересохла реки, зато верблюда никто не трогает, ходят стада и сухие колючки жуют.

А львы жрут всех подряд, а слон и льва в гробу видал, хакает зелень тоннами и оставляет кучи помета в три фута вышиной, почву удобряет для растений.

Чем сложнее индивид, тем большие изменения в мире производит каждая отдельная особь, тем выше, так сказать, индивидуальный коэффициент энергопреобразования.

Теперь вернемся к нашим баранам, в смысле – к человеку.

Напрашивается примитивный вывод, кошмарный с точки зрения морали: что бедняки – это низшие существа, более простые, а богачи – высшие, более сложные.

От оценок мы пока воздержимся, особенно от моральных. Бедняк может быть благороден, умен, может стать славным вождем или знаменитым ученым, про это сложено много сказок, это один из ведущих мотивов мировой литературы. А богач может быть подл, глуп и как личность ничтожен.

Но. Но. В энергетическом аспекте. В среднем. В общем и целом. Вокруг богача происходит большее движение материи. Большее преобразование энергии. Если по-деревенски – больше стройки, пашни, пшеницы и скота, ткется больше тканей и выделяется больше кож для обуви, производится и потребляется больше краски для крыши, добывается и обжигается больше глины для кирпичей на строительство дома и так далее. Из двух равных крестьян богатый преобразует мир больше, чем бедный. Он больше потребляет и – прямо или косвенно,

лично или способствуя спросу – больше производит. А детей у него меньше... Занят сильно? Интересы другие? А зачем, почему?..

Мы говорим сейчас только о производстве и потреблении. Оставляя в стороне воителей и героев, самосожженцев-художников и ученых, – о них говорилось в первом разделе. Они – малое меньшинство, и так или иначе их действия рожают или сопровождают для широких масс только материально-технический прогресс, то есть повышение уровня потребления и производства. Открытия! революции! философские учения! потрясающие изобретения! – а люди страдают, радуются, напрягаются и пытаются осмыслить свою жизнь, как и века и тысячелетия назад, – вот только производить и потреблять стали несравненно больше. Энергопреобразование окружающей среды человеком стало гораздо выше.

Водопровод! Горячий! Джакузи! Радио, телевизор, цветной! Моно, стерео, quadro, долби! Вертолет, ракета, лазер, инфраизлучатель! Автомобиль, с компьютером, сам едет! А пользуются такие же дураки и гады, как жили вечно... а с другой стороны такие же несчастные, умные и добрые. Просто барахла до хрена, и деятельность кругом развели страшную.

И вот мы плавно въехали в современную цивилизацию потребления. Которая есть естественный и закономерный этап эволюции вообще, и истории в частности, как процесса энергопреобразования вещества планеты и света своей звезды, процесса с принципиально положительным, нарастающим балансом. Суть процесса – в положительном балансе энергопреобразования. Суть процесса антиэнтропийна.

Что мы наблюдаем в нашей мощнейшей цивилизации? Резкое падение рождаемости. Один ребенок в семье – уже типично для всех развитых стран. Коренное население сокращается – без войн и эпидемий в закормленной и благополучнейшей Европе и США.

Ребята, это ведь хана.

И все это знают. И понимают. И обсуждают. Но увеличивать свою лично семью обычно не хотят.

Причины проговорены до банальности: желание повеселиться, неуверенность в завтрашнем дне, намерение сначала сделать карьеру, самоутвердиться через деньги, славу, сегодняшний полураспад института брака и семьи, общий пессимизм мировоззрения, а также развитие и распространение противозачаточных средств и возможность аборт, то есть из ловушки природы «любишь кататься – будешь саночки возить» человечество выскочило. Куда выскочило? В канаву с ярко раскрашенным дерьмом, ведущую к могильной яме?

Все причины конкретного нежелания иметь детей – это, конечно, отговорки. Жилье есть, средства на еду и одежду есть, физически можно родить и выкормить, вырастить десяток детей – ведь всяко живут богаче, чем крестьяне двести лет назад, которые по десятку рожали.

Что, в Африке или Азии с их огромной рождаемостью живется сытнее или надежнее?! А, ах, да: они же темные, тупые, неграмотные, у них презервативов нет, они же хорошей жизни не видели, ни к чему не стремятся: ни миллион сначала заработать, ни рекорд поставить, спариваются себе бездумно, как животные. И постепенно занимают ваше место в мире, вырожденцы!!!

Я, разумеется, ни к чему не призываю. Идиотское это дело – призывы. И так уши ломит.

Я о другом. Я лишь вскрываю и констатирую:

С развитием цивилизации энергия человечества принимает все менее биологический характер и все более характер внешних действий через разум.

Как бы цивилизованному человечеству уже нет необходимости размножаться для значительного преобразования окружающей среды – изменить ландшафт, освоить в своих целях огромные пустующие территории, покорить соседний многочисленный народ, выдать на-гора груды угля и сжечь – т. е. предельно энергопреобразовать все, до чего в принципе можно дотянуться.

Раньше брали числом – работников и воинов. Пахать, воевать, строить – надо больше людей. Многочисленный народ мог больше малочисленного, мог в сумме больше сделать,

создать, изменить, мог платить больше налогов и создать более сильное и богатое государство. Он покорял и присоединял соседей, вбирал и переваривал их, рос, крепчал.

Сейчас не то. Огромные грузовики и экскаваторы, автоматизированные станочные линии и электростанции. Кнопки атомных войн. Энергия сгорания земных недр и расщепления атомных ядер. Плюс рывок компьютерной информатики. Плюс торговые и финансовые механизмы, позволяющие белому меньшинству эксплуатировать нищее большинство малоразвитых стран (где работают за гроши, продолжая плодиться).

Белому человеку уже не необходимо активно размножаться, чтобы во все больших объемах и все более качественно переворачивать и изменять мир.

Разум изменяет мир активнее гениталий – такова сегодняшняя реальность. Размножение принципиально уменьшило свое значение для изменения мира.

Раньше родители надеялись в старости на детей: помогут, прокормят. Сейчас государственные и социальные институты пенсий и вспоможествований позволяют обойтись без этого.

Раньше рождение и воспитание детей было естественно встроено в жизненный цикл, необходимо предусматривалось им и ничему не мешало: без детей как же? а все равно, что еще делать? – так жило подавляющее большинство. Сейчас и без детей масса занятий и времяпрепровождений.

Природе больше не нужна многочисленность цивилизованного человечества. И малочисленное отлично справится с энергопреобразованием. Много детей – только отвлекает от дела, отсасывает ресурсы времени и сил, которые можно пустить на работу.

У мужчин цивилизованных стран в среднем уменьшился и объем эякулита, и концентрация сперматозоидов на единицу объема. Биологическое уменьшение плодородия!

Так что Мальтус напрасно беспокоился.

Земле не грозит перенаселение. И сознательные усилия человечества по ограничению своей рождаемости оказались ненужными. Природа сама позаботилась о своих нуждах и интересах.

Процесс это стихийный, природный, и никакими человеческими решениями, законами и призывами здесь ничего изменить нельзя. Все происходит как бы «само собой»: по достижении определенного уровня материальной цивилизации в любой стране резко падает рождаемость. За Европой и США упала рождаемость в Японии и Южной Корее. На очереди такой гигант, как Китай: его миллиард с четвертью теперь будет только уменьшаться.

Конкретная женщина с конкретным мужчиной могут сколько угодно полагать, что это они сами решили не иметь детей сверх одного, нужного для простого, пусть регрессивного, продолжения рода и удовлетворения родительского инстинкта, приложения родительской любви. Это частный случай закона соотношения свободы и необходимости: они вольны думать что угодно, а поступают все равно так, как определено энергетикой природы. А определено ею сегодня больше потреблять и производить (а шире – заниматься чем угодно, добиваться чего угодно, получать ощущения через что угодно), но рожать меньше – только для того, чтобы больше энергии пускать через разум в действия по преобразованию мира. И все тут.

Мы мало рождаем, потому что очень много делаем. (Не по напряженности личного рабочего дня, а по суммарным результатам деятельности.)

И – мы дошли до геной инженерии.

4. Последствия геной революции неисчислимы, труднообразимы. Сегодня это пахнет вступлением в новый этап Истории. Разум непосредственно вмешался в устройство и развитие себя самого.

Человек начал делаться самосовершенствующимся устройством.

Клонирование дает возможность настругать любое количество экземпляров одного индивидуума. Если разразится глобальная катастрофа, в которой выживет лишь несколько

человек, – в считанные десятки лет их «скопированное» потомство может снова заселить всю планету. Равно же несколько космонавтов, скажем, могут в течение одного поколения густо заселить далекую и неизвестную пока планету.

Это гигантский, качественный скачок в повышении собственной биологической энергетики человечества. Причем она становится саморегулируемой. Хотим – заселим пустой материк миллиардом людей, созданных специально под это дело, не хотим – подождем сколько угодно, в любой момент можем.

Это о количественном аспекте. А о качественном – можно корректировать генный код будущего человека так, чтоб какие-то качества родителя передавались, а какие-то наоборот, убирались. Короче, движение по своему разумению и желанию в сторону более «совершенных» людей – скажем, на уровне самых умных и здоровых. Или – специализация: всяческое культивирование талантов в той или иной области. Гений, может, бесплоден, – так мы его клонируем, пусть продолжают жить и творить гении на Земле.

Родители глупые и хилые, а о ребенке мечтают умным и сильным. Так позаимствуем кое-что из хромосомного механизма другого человека – и организуем слабакам их собственного ребенка, сходство явное в каких-то чертах, но здорово превосходит их по желаемым параметрам.

В ясной перспективе это выглядит сегодня именно так.

То есть. Биологическая эволюция человека прекратилась было. Антибиотики, инкубаторы, социальное обеспечение и пр. – стало появляться все больше уродцев, которые в естественных условиях не выжили бы. И они дают потомство, и человечество физически хиреет. Генная инженерия в принципе позволяет не только больше не хиреть, но напротив – крепчать: создавать и наследовать качества, необходимые и полезные для здоровья и выживания. Эволюция продолжается, причем на более высоком уровне – разумном, направленном, экономичном.

Да, делать человек стал больше, а рожать меньше. Энергопреобразование мира увеличилось, а биологическая энергия собственно человека уменьшилась. Но через разум, через рациональные открытия и действия – потенциальная биологическая энергия человечества также увеличилась, резко, качественно, скачком. (Вот для чего и надо было меньше рожать, а вместо этого больше думать и работать.)

Не пятнадцать детей от женщины, а тысячу! По примитивной арифметике – человек стал в сто раз плодовитее (это вариант самого ограниченного подсчета по отделяющимся созревшим яйцеклеткам).

Пробирки, термостаты, инкубаторы, лаборатории, – технические подробности здесь не принципиальны и будут постоянно совершенствоваться.

.....

Что бы ни делал человек – а в результате человечество приходит ко все бóльшим свершениям.

--

Замечание на полях :

Проблема падения рождаемости отнюдь не нова в истории цивилизаций. Она принимала отрицательный, угрожающий характер еще в Древнем Риме периода расцвета – расцвета, а не упадка! об упадке вообще говорить не приходится. И придумывались в Риме специальные законы, направленные на увеличение рождаемости, принимались меры социального поощрения, деньги из бюджета выделялись дополнительно – за рождение детей и на их воспитание.

Не хотели римлянки рожать, хотели жить в благополучии и для собственного удовольствия. А в провинциях с рождаемостью было все в порядке, плодились исправно. Ничего нового, а?

Что произошло в итоге с процветающим Римом? Натюрлих.

Да еще в библейской истории об исходе евреев из Египта упоминается, что фараон был обеспокоен здоровой плодовитостью евреев при неважной рождаемости у египтян, и решил выправить опасный крен репрессивными мерами: если повысить рождаемость египтян было не в его силах, то урезать еврейское потомство он средства имел. Великий Египет подходил к закату своего могущества...

Автоматический природный регулятор всегда втыкался в колеса преуспевающей цивилизации. Как бы образовывался дисбаланс в распределении энергии сообщества: больше в производство-потребление и преобразование мира через осмысленные действия – меньше в простую биологическую экспансию.

На высоких этапах развития цивилизаций биология всегда являла свое подчиненное положение по отношению к природопреобразующему разуму. Мол, и так слишком много всего можете-делаете, размножаться вам уже необязательно.

С этого и возникали представления о «старых» и «молодых» народах, угасании жизненной энергии, деградации генофонда и т. д.

Движущая сила, смысл и цель истории

После тридцати лет изучения, размышления и систематизации некоторые исконно сложные вещи осознаются с большой ясностью.

Все дело в понимании. Понимание – это включение информации в единую систему анализа и обращения, составляющую цельное мировоззрение. Понимание – это раскодирование частной информации как составляющей части и аспекта единого целого. Понимание – это такое размещение информации в едином пространстве Бытия, когда она явствует из всего уже известного, а все смежное явствует из нее.

1. Что есть История? Движение человечества во времени. Ну да, конечно. Любое понятие следует рассматривать совокупно с окружающей его средой. С каковой средой сие «Понятие» составляет единую сущую систему – во взаимодействии материей и энергией.

Во-первых, человечество существует совокупно с биосферой Земли.

Во-вторых, оно существует совокупно с геосферой Земли.

В-третьих – совокупно с энергией Солнца, излучение которой захватывает косвенно и прямо.

В-четвертых, наконец, – человечество существует совокупно со всей энергией и материей Вселенной, будучи овеществлено из тех же волн и материальных частиц.

Рассматривать Историю человечества изолированно от Истории Вселенной – это даже остроумно. Но как минимум некорректно. Здесь можно получить верный результат в рамках условно ограниченной системы, если таковой счесть человечество Земли. Но смысл и причину Истории человечества понять в таких ограничениях невозможно. Предположение, что Человек создан Природой для его собственного, Человека, удовольствия, не имеет ничего общего ни с наукой, ни с серьезной философией.

2. Чтобы понять причину и смысл движения дождевого червя, надо как минимум понять функционирование почвенного слоя во взаимодействии с кругооборотом воды и температурными колебаниями. За ними встает вопрос о химическом составе почвы и механизме ее геологического и органического образования. Начиная с разгадки движения червя – вы неизбежно приходите к разгадке существования Вселенной.

В какой бы вопрос мы ни углубились – мы приходим к проблеме Первоначала Всего.

3. Много лет, начиная с глухих и изолированных советских времен, я повторяю одно и то же. Отдельные фрагменты этого одного и того же обнаруживаются в прошлых десятилетиях, отдельные фрагменты продолжают проявляться и по сей час в работах отдельных философов и ученых.

Существование Вселенной от Большого Взрыва и до схлопывания – есть энергоэволюция. Эволюция энергии от состояния чистого и минимально материального, практически нематериального – до структурирования энергии в агрегатное состояние материальных систем, все более сложно структурированных, все более энергоемких.

Процесс структурирования энергии в материю сопровождается обратным процессом – высвобождением связанной энергии из материи, распадающейся, перестающей быть и переходящей обратно в агрегатное состояние энергии, что можно назвать и качественным переходом.

Этот переход энергии в материю и обратно, а также переструктурирование материальных систем с поглощением и/ / или выделением энергии, – этот переход идет с нарастающей скоростью и в возрастающих объемах.

Энергоэволюция идет с нарастанием, с положительным балансом. Материальные структуры все сложнее, все более энергоемки, все чаще переструктурируются, все больше энергии выделяют обратно или способны выделить.

4. Все это кончится увеличением объема-скорости энергооборота до такого уровня, когда вся энергия Универсума будет стремиться в исчезающе малый миг времени преобразоваться в материю – а вся материя Универсума будет стремиться в исчезающе малый миг времени отдать всю содержащуюся в ней энергию. Это и будет конец света – и одновременно Новый Большой Взрыв.

5. Вся эта фигня и есть История.

6. Общее определение:

История – это эволюция энергии и материи во времени.

7. Пока материя существовала только в форме неорганической, дело шло медленно. (Первые секунды после Большого Взрыва – это отдельный момент, поскольку само понятие Времени имело в тот период не совсем тот смысл, что сейчас. А также, кстати, понятие Пространства, коего в узком смысле слова не было в первый миг.)

С появлением органической формы материи – на планете Земля в частности – дело пошло куда быстрее. Энергия-материя стала переструктуризоваться с отчаянной скоростью. Формы так и меняют одна другую. Вещество Земли так и перелопачивается!

С появлением социальной формы материи – воткнули следующую скорость. Социум, структурированный из человеческих особей, потоптался на месте, сделал шагок-другой, – и рванулся переделывать все вокруг с ужасной скоростью и неудержимым рвением.

Вот узкое определение:

История – это эволюция социальной формы материи.

Или иначе:

История – это эволюция материи на стадии социального оформления.

То же самое:

История – это эволюция материи в социальной форме.

Продолжаем:

История – это социальная стадия энергоэволюции, ну, поскольку энергия и материя – это разные агрегатные состояния одного и того же, и существование Вселенной – это и есть энергоэволюция, и ничего кроме, строго говоря.

8. И «движущая сила» Истории Человечества – та же самая, что и движущая сила Истории Вселенной вообще. Десяток формулировок вполне стоят одна другой, и суть их одна:

Изначальный энергетический импульс Большого Взрыва.

Энергоэволюция Вселенной.

Положительный баланс, с которым идет энергопреобразование Вселенной.

Всемирный Закон Структуризации.

Стремление любой энергоматерии во Вселенной в любой форме существования к производству Максимальных Действий, то есть максимальному уровню энергопреобразования, перелопачивания окружающей среды.

Стремление производить все возможные действия, все изменения окружающей среды, – больше, объемнее, быстрее, эффективнее.

Движущая сила Истории – положительный баланс Энергоэволюции.

9. Трудность понимания этой чрезвычайно простой истины объяснялась, во-первых, уровнем естественных наук, которые до эдаких обобщений еще не дошли. Но постепенно дорастали и подставляли свою научную табуреточку под ноги.

А во-вторых, трудность понимания вызывалась сравнительной сложностью человека. Даже противоречивостью. Ибо его энергопреобразующая мощь связана с его огромной энергетической автономией в окружающей среде. И огромным адаптационным и мотивационным ресурсом его психики. Таким образом, каждый отдельный человек в каждый отдельный момент времени может делать что угодно, в том числе поступать вопреки общему движению Истории. *На произвольно малых отрезках времени произвольно малая единица движущей силы*

может двигаться в любом направлении без исключения. Это следствие закона автономии монад в системе. Но – суммирующее действие монад в системе всегда соответствует движению системы и суть само это движение.

То есть. Мы можем выбрыкивать абсолютно что угодно и под любым соусом. Но в сумме и результате мы ускоряем и ускоряем энергоэволюцию окружающего Бытия.

10. Смысл Истории неизбежно рассматривается на разных уровнях. На уровне религиозном – чтобы вернуться к Богу и там вечно счастливиться. На уровне человеческом, оно же антропоцентрично, смысл в том, чтоб быть все благополучнее и счастливее, жить все дольше и интереснее, богаче и изощреннее, на этом свете, а не на том, который проблематичен.

На уровне научном – все больше и глубже знать.

На уровне экономическом – все больше производить.

На уровне эстетическом – делать мир и жизнь все прекраснее.

Все это как минимум спорно, неполно и неоднозначно.

И при этом что бы люди ни делали – они все активнее и эффективнее переструктурируют окружающее Бытие, энергопреобразуют его все быстрее и полнее.

В виде же самом всеобщем, базовом, фундаментальном, универсальном:

Смысл Истории – в максимальном повышении энергопреобразования Вселенной вплоть до ее уничтожения и нового зарождения – до Армагеддона и Нового Большого Взрыва, рождающего Новую Вселенную.

11. Цель Истории? А вот это и цель.

.....

(Вопрос на полях:) Если отграничивать из общей – именно Человеческую Историю – то ее целью может оказаться создание неких сверхквасисуществ, энергопреобразующих и эволюционирующих, которые смогут подхватить у биологическо-социального человечества эстафету энергопреобразования – и вывести энергопреобразование Бытия на новые уровни скорости, эффективности и объемов. Типа материализовывать поля и излучать энергию из вакуума (сейчас и предположить трудно). Но, короче, чтоб способами, нам еще не известными и даже принципиально не представимыми, таки грохнуть нашу Вселенную и засветить Новую.

--

(Резюме по-простому:) [Приписка от руки: «Развел тут рулады...»]

Движущая сила Истории – вселенская энергоэволюция.

Смысл Истории – максимально повышать и активизировать энергопреобразование Бытия, переструктуризацию энергоматерии.

Цель Истории – обеспечить конец нашего Бытия и начало Новой Вселенной.

Хау! – сказал вождь краснокожих.

Замечания

Ницше. Воля к власти

Мне странно, что Ницше до сих пор не истолковывался как экзистенциалист. Во-первых, основной вопрос его философии решительно совпадает с главной постановкой экзистенциализма: как человеку-то, страдалцу, жить в этом мире? Во-вторых, устройство Космоса в целом не слишком занимало его философию, ограничивая ее в основном именно экзистенцией. В-третьих, это скорее метафоризированная идеология, нежели философия в традиционном смысле.

Поэтому он абсолютизирует Волю к Власти. Правильно сформулировать так: Ницше рассматривает отношения между людьми, между человеком и природой, охватывая шире – между живыми существами, охватывая еще шире – вообще между материальными объектами – Ницше рассматривает отношения между ними в парадигме власти. Вот кто главнее, значительнее, кто хочет и может подчинить другого своим интересам, заставить служить своим целям.

Над кем же властвует монах, схимник? Или – Бог добился полной власти над ним? Так Бог над всем властен. Где воля к власти? Или, воля власти, свалили Бога? И стали главными? Всю историю сами Его над собой ставили, а при Фридрихе решили временно свалить? Или – схимник властвует над собой: своими страстями? Это выходит казуистика и демагогия: любой невроз тогда можно объяснять волей к власти над собой.

Король властвует над народом, гончар – над глиной, охотник – над оленем, поэт – над языком. Но – над кем властвует схимник, спрашиваю я?! Над кем властвует ученый (вне их иерархии, увлеченный мудрец-познаватель)?! Над кем властвует благородный и добрый человек, уступающий свое благо другому и уходящий?! Над кем властвует идущий на костер – над умами толпы, улюлюкающей и бросающей грязью?.. Такая постановка вопроса раздражала Ницше, он называл такую братию отребьем, гнилую мораль призывал отбросить и стремиться быть Сверхчеловеками: тогда все будет правильно и хорошо. Вот в природе – все ведь стремится к власти, и природа – она чистая, естественная и здоровая. Принцип «воли к власти» заложен в устройстве Космоса, в нем персонифицируется сверхчувственное. В мире он разлит. Закон природы.

Для больного Ницше страдания жизни происходили из ее дерьмовости. Изворотливые рабские умы слабых засранцев придумали христианскую мораль, сначала чтоб себя утешить, а потом-то вышло – чтобы сильных поработить ею. Так вот: умер ваш Бог! На хрен вашу мораль! Здоровым быть надо, сильным, чистым, честным, жестоким – такова истина природы. Сверхчеловек – лучезарный повелитель всего до чего дотянется, Воля к Власти – правит всем.

Господа. Не путайте поэзию с анализом и метафору с корректной формулировкой. Жили люди до христианства, вне христианства живут благополучно, будут жить и после христианства, вечных религий тоже не бывает.

То, что Ницше именует «Волей к Власти», на человеческом уровне есть стремление к максимальной значительности. Оно же – к максимальным действиям. Оно же – к самореализации. Оно же – на субъективном уровне – к максимальным ощущениям. Человеку потребно ощутить и осознать себя делающим максимум того, на что он способен. Будь то в своем идеальном мире или в реальном: в Бытии-внутри-нас или в Бытии-вне-нас.

На общем уровне вот как. Любой объект в Космосе есть открытая система, вступающая в контакт с другими системами. Этот контакт в силу эволюции энергии имеет стремление создать новую, более сложную систему, включающую прежние и способную содержать и преобразовать

больше энергии. А по Ницше это следует бы назвать «одна система проявляет волю к власти над другой». Такая «властная парадигма» представляется весьма ограниченной и неглубокой.

А на человеческом уровне вот как. **Человек в основном преобразует энергию не собственным организмом, а синтезируя процесс энергопреобразования методом создания комбинаций внешних объектов и новых отношений между ними.** Это может быть комбинация из сухой травы, дерева, двух кремней и удара их друг о друга – неодушевленная природа. А может быть лошадь, веревка, кнут, сено – и лошади приходится бегать и преобразовывать энергии, таская на себе человека, больше, чем она сама собиралась. Комбинация с одушевленным объектом. А может быть щит, меч и десять других людей – которые падут с утра до ночи, чего на свободе делать бы не стали, но тут рабство. То есть:

Человек образует системы с другими людьми, и в этой системе стремится занять возможно высокое место – таким образом преобразуя энергию посредством подчинения людей своим целям, вовлекая их энергию в круг своих действий: действуя посредством других людей. В этом – один из аспектов сути отношений. Но только один!

Ибо есть не только воля к власти, но и воля к подчинению. И воля к свободе. И к убийству, и к смерти, и к разрушению, и к созиданию, и к повелеванию в любви, и к рабству в любви. И всему свое время, место и шесток. Но воля к самореализации и самоутверждению, стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям – неизменно, постоянно, универсально.

Власть – лишь частный случай самореализации и стремления к максимальным действиям. У алкоголика и наркомана стремление к ощущениям преобладает – действия необязательны. А блестящий солдат может быть счастлив награде, но не хочет быть сержантом – груз власти тяжок, способностей не чувствует, он и так себя уважает в составе грозного строя. Убраться к черту из мира на необитаемый тропический остров – какая ж в том власть?

Сплошь и рядом человек добровольно и сознательно поступает категорически вопреки «воле к власти». Предпочитая одиночество – владычеству и подчинение – командованию. Неделание – деланию. Козырянье в какой-то ерунде – внешне большим делам. Но никогда человек не поступает вразрез своему стремлению к самореализации через максимальные ощущения – разумеется, конкретным для каждого конкретного случая образом.

Лоренц и «агрессия»

В своей дивной и знаменитой книге Лоренц обычно полагает агрессию своего рода субстанцией – ну, чем-то вроде оружия, имеющегося в реальности постоянно и при случае извлекаемого со складов, либо бронепоезда на запасном пути.

Вот два друга-гусака приветствуют друг друга «триумфальным криком». И так однажды завелись в восторге, что вдруг стали проявлять взаимную агрессию, активную вражду – а после неожиданной этой схватки разошлись и избегали встреч в явном смущении. Сильной симпатии соответствуют возможные проявления сильной агрессии, неоднократно замечает Лоренц, а по поводу данного случая делает вывод, что вот как глубоко даже под сильной симпатией может крыться в глубине и сильная агрессия. Как бы одно и другое сосуществуют в психике одновременно, вот только проявляться могут по очереди. Ну, типа «кого люблю – того и бью»: оба сильных чувства наличествуют.

Это представление выглядит по меньшей мере некорректным. Физиологическая база эмоций – возбуждение соответствующего очага центральной нервной системы. Превышая меру, возбуждение распространяется на соседние участки и принимает форму противоположной по знаку эмоции: переходит границу. Классический пример – истерический смех как невротическая реакция на сильное горе; счастье, переходящее в рыдание; жажда еще более сильного наслаждения, переходящая в мазохизм; и т. д.

Пропорциональная сила агрессии и симпатии обусловлена способностью конкретной нервной системы к уровню максимальных ощущений – а вот по знаку плюс или минус одно ощущение «автоматически» переходит в противоположное, превысив пороговую черту возбуждения (см. «цилиндр ощущений» в книге «Все о жизни»).

Способность к симпатии и агрессии – это две стороны одной медали, диалектическая пара, два аспекта одной и той же способности – способности к сильным возбуждениям, к максимальным ощущениям.

Ну – «то сердце не научится любить, которое устало ненавидеть» и прочее в этом духе.

Так что попробовать лишить человека агрессивности – это все равно что попробовать вообще лишить его способности эмоционально сильно реагировать на раздражители, хоть лоботомии подвергнуть. (Подробнее об агрессивности см. в главе «Война».)

Энергетическая сущность сильной эмоции – выделение энергии в организме повышается и рефлекторно (бессознательно) ищет точку приложения для реализации на чисто физическом, реальном, объектном уровне. В счастье человек может прыгать и орать – в агрессии он может крушить стены и драться на пределе всех сил. Агрессия в состоянии потребить и сжечь больше энергии, чем симпатия. А через максимальные действия и познается, определяется, являет себя уровень эмоционального возбуждения индивида. Диапазон агрессивных проявлений возбуждения – больше, чем «симпатичных» проявлений. Вот от полноты чувств нежные друзья-гусаки и подрались.

Агрессия отнюдь не таится в латентном состоянии под симпатией. Это симпатия в переделе меры может быстро видоизмениться в агрессию. А мера эмоционального возбуждения и психической энергии – одна на оба эти проявления.

2. Оборот «Способность к симпатии, дружбе, личному распознаванию повышается только у тех животных, у которых выше и агрессивность» – некорректен, методологически неточно ориентирован. Суть заключается в следующем: повышение психоэнергетического уровня животного обуславливает и проявляется в повышении максимальных ощущений и максимальных действий – то есть влечение и агрессия суть противоположные формы проявления одного и того же повышенного возбуждения нервной системы и стремления к максимальным действиям. Одно без другого не существует в принципе.

3. При опасности стайные рыбешки плотнее сжимают стаю, облегчая охоту хищнику. Лоренц ищет прямую целесообразность: хищнику труднее поймать конкретную. Я бы назвал этот распространенный подход вульгарно-целесообразным одноступенчатым. Цель на самом деле здесь такова: *раздражитель – ощущение – действие*. Стайная рыбешка жить одна не может, для выживания популяции и продолжения вида держаться стайкой необходимо (гарантия пары, выживания одной из помета икры, отбор мутаций). Инстинкт сбивания в стаю здесь – доминирующий для выживания. И при раздражителе «опасность!», получая сильное ощущение, бедная глупая рыбка может совершить только одно самое сильное, максимальное для нее действие: сбиться плотнее. В этом действии проявляется повышение ее инстинкта самосохранения – не особи, но популяции и вида. А что сожрут лично ее – этого она, бедная, не понимает, ее механизм запрограммированности на выживание примитивен: опасно? – держись вместе!

4. Точно таков же механизм мотива летящей на огонь мошкары: хочешь выживать? – лети прямо от темноты к свету, все встречаются там.

5. То есть. *При опасности надличностная структура (стая) прежде всего стремится сохранить себя, пренебрегая жизнью отдельных членов и обостряя главный видосохраняющий принцип.*

Тейяр де Шарден

Итак, на конечной стадии космогенеза, «сверхжизни», души всех людей объединятся и достигнут конечной цели эволюции «точки Омега» – и сольются с Христом и во Христе, и вот движением жизни к этой финальной цели все и регулируется. И предназначение будет выполнено, и Истина будет достигнута, и будет все хорошо, и воссияет вечный свет.

Комментирование теории Шардена никак не входит в задачу этой книги. Но поскольку он «эволюционист-финалист» (на свой оригинальный лад) – то финал эволюции по Шардену, слияние всего в «точке Омега», представляется примечательным:

А). Жизнь человечества конечна и подчинена задаче общекосмического характера.

Б). Человек – самое энергетичное и совершенное (что соответствует одно другому) творение.

В). В конце концов через человечество, т. е. так или иначе посредством человечества, вся (в основном вся?) энергия Космоса соберется в одной точке.

Г). Собрание в одной точке всей основной энергии Космоса, воплощенной в человечестве, и будет главным событием в эволюции Космоса. Начнется Новая Высшая Сверхжизнь.

В эклектичной христианско-механистической парадигме Шарден пытается приблизиться к той же картине мира, которую дает энерговитализм: стремление человечества к Максимальному Действию как цели и финалу-началу энергоэволюции Вселенной.

«Точка Омега» и есть на самом деле точка «слияния – гибели – и-рождения» нынешней Вселенной и Новой. Поистине, таланту свойственна великая интуиция.

Дарвинизм

Итак, теория эволюции по Дарвину продолжает немножко проваливаться.

В-третьих, Дарвин был, по сегодняшним меркам, откровенным расистом. Открыто утверждал, в согласии со своей теорией, что расы более приспособленные и совершенные должны со временем вытеснить и заменить собою расы менее развитые и приспособленные. Под самой совершенной расой, разумеется, подразумевая свою, европейскую. Сегодня это не принято часто вспоминать. Напротив: сегодня все расы равны, представлены в ООН, получают гуманитарные помощи и эмигрируют в развитые страны, где развитая раса как-то сокращается.

Во-вторых, Дарвин утверждал, что палеонтология должна подтвердить *постепенное* накопление изменений в организмах, *постепенный* переход одного вида в другой, обусловленный наследованием признаков, полезных для выживания. А иначе, говорил он, его теория окажется неверна. Ну так этой постепенности не обнаружено до сих пор. Как-то все скачкообразно происходило в истории. Раз – и вид исчез. Раз – и появилось что-то весьма новое, со здоровым отрывом от ближайшего сходного.

А во-первых, Дарвин построил свою теорию эволюции на естественном отборе. Кто лучше приспособлен – естественным образом скорее выживает в потомстве, а кто хуже – естественным образом сходит со сцены. Но чем плохо был приспособлен саблезубый тигр? Почему вымер – ученым неясно. И чем хорошо приспособлен павлин с его огромным хвостом, почему давно хищники не съели и в ветвях не запутался? Не знают ученые. Кое-что ну вопиюще противоречит естественному отбору в борьбе за выживание.

А еще есть такой фактор, как природные катаклизмы. Изменение условий окружающей среды, причем резкое. Кто в новых условиях жить не мог – сдох. Прочие развиваются дальше. Холонокровные гигантские динозавры сдохли. А маленькие забытые млекопитающие выжили и пошли в рост кустом и деревом видов.

По Ламарку, жизнь развивается от простых форм ко все более сложным, и концептуально его теория эволюции давно ни у кого возражений не вызывает.

А вот Кювье с его теорией катастроф долго был в загоне. Он полагал, что в катаклизмах одни виды тут же гибнут, а другие быстро возникают – и существуют до следующей катастрофы. И – что важно заметить! – в каждой катастрофе добавляется «творящей силы» в жизни, поэтому развитие идет по восходящей. Дарвинисты были не согласны.

И ведь все правы. Хотя каждый – не на сто процентов. Да, Ламарк не учитывал естественный отбор, но насчет изменения форм от простых к сложным (развивая Бюффона и Линнея, не говоря о многих других) все понял. Да, катастрофизм Кювье не учитывать невозможно. Да, Дарвин гений. Но:

Чем же вымерший саблезубый был хуже невымершего обычнозубого?

Зачем павлину осложняющий его жизнь хвост, в чем здесь приспособляемость и отбор?

И вообще: с чего это появляются *неопределенная изменчивость*, мутации, с которыми можно потом удачно выжить, но можно еще раньше вымереть?

И совсем вообще – вопрос надо ставить глобально и нагло: в чем причина и суть этой все усложняющейся жизни? Вот.

Жизнь – это продолжение энергоэволюции на пути превращения энергии во все более сложные материальные структуры. Продолжение действия единого космического импульса.

Беспорядочное и внецелесообразное разнообразие форм организмов – это усложнение общей структуры биосферы, повышение сложности биосферы как системы, то есть повышение ее энергосодержимости, повышение уровня энергии биосферы.

Катастрофа – хлоп! – куски биосферы опустошились, возникли лакуны, создалось своего рода отрицательное давление в них определяющее избыточное давление оставшихся частей

биосферы. Энергия Солнца и вещества Земли осталась в общем прежняя – и энергия биосферы стремится в минимальные сроки восстановить массу материальных структур до прежней. Органическое вещество погибших организмов быстро переходит в выжившие организмы другого вида: стремительная перегруппировка форм! Выжившие получают резкий энергетический толчок, невозможный в нормальных условиях.

Устойчивость к изменениям определила выживание тараканов.

Но на вершине биологического древа всегда были те, кто обладал наибольшим ресурсом изменчивости. То есть: не сильно-то приспособленное к своим нынешним условиям, слабоватое, кое-как выживающее среди более приспособленных и совершенных, выживающее только за счет того, что может «изворачиваться». Наиболее энергичное – в каком смысле? – в таком, что менее равновесно вписано в окружающую среду. Дальше отстоит от природы косной – неподвижной – «несамостоятельной» неорганики. Или бегаёт быстрее, или кровь теплее, или норки роет. Или зорче. Или соображает. Или жрет все подряд. Или улететь может.

Усложнение органических структур, повышение энергопреобразования – суть и самоцель эволюции. Мутации, борьба, отбор лишь механизмы, обслуживающие ее, подчиненные этой сути, – конкретности, через которые проявляется Закон.

.....

Примечание на полях

Палеонтология имеет дело лишь с внешними признаками приспособляемости на уровне макромира. Но, как обычно, есть варианты.

Сейчас – климат теплеет. И вот начало резко сокращаться поголовье белых медведей в Арктике. Не бескормица – тюленей, моржей и рыбы им пока хватает. Не перегрев – пока там вполне холодно. Не конкуренция – у них конкурентов нет. Не уменьшение территорий – площадь льдов и тундры вполне достаточна. Что случилось?! – Снижение иммунитета. Дохнут от давно известных инфекций. Почему?!

Не то, чтобы адаптационного ресурса не хватало на приспособление к изменяющимся условиям. А – одновременно с изменением условий – сужается и ослабляется адаптационный ресурс.

Словно одна неизменная его доля расходуется на приспособление ко всему – и повышение расхода в одной области уменьшает запас в другой. То есть: потепление медведь переживает спокойно – а вот на подавление давно знакомых микроорганизмов энергии уже не хватает, они выходят из баланса и идут в рост.

Это вариант стресса, снижающего иммунитет, т. е. снижающего витальную силу организма.

Катаклизмы могли оставлять условия, вполне пригодные для обитания прежнего вида. Но адаптация к ним отбирала часть энергии и энергетика особи опускалась ниже уровня гомеостаза – в деталях, которые палеонтология уже не может восстановить. То есть:

Не потому виды вымерли, что холодно и бескормица. В новых условиях приспособляющийся организм расходует больше энергии, и уменьшается ее запас на случай непредвиденных обстоятельств, уменьшается возможность к сопротивлению внешней среде.

А некоторым отдельным изменения в кайф, им теперь можно расходовать на повседневную жизнь меньше энергии, и увеличивается ее запас на случай непредвиденных обстоятельств, повышается возможность к сопротивлению внешней среде. А если пока все нормально – этот образовавшийся в новых условиях избыток энергии идет на размножение больше прежнего, на вытеснение относительно ослабших конкурентов.

И получается что? Очень просто:

На каждой новой ступени геоистории выжившие виды энергетически выше вымерших. Вот такая скачкообразная эволюция.

Исторически англичане и французы друг друга недолюбливают, но в VIP-салоне Верхнего Мира Дарвин и Кювье могли бы друг другу руки и пожать.

В эволюционной гонке лидирует не тот, кто лучше приспособлен, а тот, кто лучше может приспособиться к любым грядущим изменениям. До поры до времени он вполне затенен другими, хорошо приспособленными, а потом – катаклизм! – они вымирают в тоске и депрессии от общего недостатка жизненной энергии (микробы заели, ходить устают, сон нарушается, размножаются хуже...) – а он рвет вперед из-за их спин, как тактик-стайер на финише. И начинает в бешеном темпе занимать их место в биосфере.

И – и! – вот это повышение энергетики, повышение адаптационного ресурса анатомически воплощается в увеличении и усложнении центральной нервной системы. Мозг растет. Однонаправленная тенденция. Только увеличивается – никогда не уменьшается.

И возвращаемся к одному из основных тезисов энерговитализма:

Деятельность центральной нервной системы есть оформление избыточной энергии организма.

Вернадский и ноосфера

Поскольку ноосфера создается трудом и мыслью «человека разумного» – сегодня принято полагать так: сегодня разум стал по могуществу геологическим и космическим фактором – и значит во власти и воле человека организовать мир хорошо, справедливо, гуманно, комфортно, безопасно, чтоб человеку и человечеству было как можно лучше. Это надо понять – и так поступать. А то иначе можно нанести себе и планете непоправимый вред. Короче: сегодня жизнь человечества и планеты во власти человека и его разума – а будет еще полнее в его власти.

Наивная и печальная ошибочность такого упрощенного подхода к понятию «ноосфера» повторяет «механистический рационализм» античной этики. Если знаешь, как вести себя хорошо – то и надо вести себя хорошо, ибо добродетель есть благо, а к благу человек и должен стремиться. А человек продолжал ломиться мимо добродетели, хотя знал, в чем она, и мудрецы приходили в отчаянье.

Ошибочность «ноосферного подхода» в том, что: а) разум должен сам себя направлять и контролировать; б) цель эволюции – благо человечества в понимании самого человечества. То есть – антропоцентризм и рациоцентризм.

Но «благо человека» – это жизнь, здоровье и счастье: комплекс сильных положительных ощущений. Груды барахла тут излишни. Цивилизация не делает людей счастливее – она делает их лишь энергетически активнее и материально изощреннее. *Цивилизация – это комплекс искусственных объектов, излишних для выживания человека как индивида.* Вернемся к лошадям, каминам, письмам! – вот только лекарства оставим... нет, одно без другого не выходит...

Разум не есть направляющая сила. Разум подчинен чувствам – превращать стремление к ощущениям в действия – и давать большой диапазон ощущений от действий.

Поставим же наконец вопрос: что означает «растущие потребности человека»? Жрать, пить и совокупляться больше определенного порога он не может, больше одного одеяния за раз не наденешь, больше одной комнаты не займешь. Зачем ему ехать быстрее, лететь дальше, узнавать больше и иметь еще? *Потребности человека давным-давно удовлетворены.*

Разум должен сказать: стоп! Два и три десятых ребенка в среднем на семейную пару для воспроизводства – больше излишне, меньше жалко. Еда, жилье, одежда, работа – организовать по уму, чтоб справедливо, честно, в достатке для всех. Не отлынивать, и пуп не рвать – умеренно, гармонично, после работы поем хором и спортом занимаемся. Идиллия! И? И возникают: коммунизм, ЧК и концлагеря – ну не получается!!! Ну люди суки, мстят личным врагам, берут взятки, делают карьеры и имеют секретарш под давлением служебного положения.

Человек энергоизбыточен, человеку всегда мало, человек всегда имеет **идеал, превышающий действительность на величину желания: а вот желание это неизменно.** Человеку потребно не «вот столько», а «ЕЩЕ вот столько».

«Ноосфера» означает всего лишь, что деятельность человека приобрела геологический масштаб с элементами уже космического. Всё. И как следствие: ну, так надо отдавать себе отчет в своих возможностях, думать, что делаешь, и быть поосмотрительнее и поосторожнее. И, может, иногда лучше отказаться от действия, открытия, изобретения, а то потом горя не оберешься.

Сегодняшнее развитие и поощрение пороков, отказ от воспроизводящей рождаемости и добровольная замена европейской расой себя другими расами – может излечить от излишней веры во всемогущество разума любого нормального человека.

Жизнь никогда не направлялась разумом и не могла направляться. *Разум сам по себе вообще не существует.* Все ошибочные построения, включающие в себя разум, проистекали

из ошибочного истолкования сущности разума. Если «разум» – это «понимать», то понимание не может быть движущей силой, не может быть главной, определяющей силой. Должны быть субъект и объект понимания и разум как связь между ними.

Разум не сводим к познанию. Аналитическая функция – лишь одна из функций разума.

Разум не сводим и к управлению. Координирующая функция разума – одна из его функций.

Разум – это способность организовать и запустить максимально эффективный процесс превращения желания в удовлетворяющее его действие. Под эффективностью понимается минимальная затрата собственной биоэнергии человека, имеющая результатом максимальное энергопреобразование внешних объектов, вовлеченных в процесс.

Желание – это стремление к ощущению, психологически отождествляемому человеком с действием (обладанием, достижением).

Желание ставит разуму задачу на действие. Вне этой задачи разума не существует. Ощущение и действие есть условия существования разума: это его предпосылка и его цель. Если ничего не хочется и ничего не надо – так и думать не о чем и незачем.

Так вот. Ощущения, желания и стремления к действиям остаются для человечества неизменными. И неизменна суть обслуживающего их разума. И в царство разума мы вступили в том смысле, что теперь он может больше, чем вулкан – а не в том, что теперь разумные доводы будут повелевать нами.

Не человек будет управлять миром по законам разума. А разум будет продолжать перестраивать мир по законам мира. И не для «блага человека» – а в продолжение функции человека энергопреобразовывать Вселенную.

Пригожин и синергетика

Иногда трудно определить границу между изумлением и ехидством.

Итак, теория самоорганизации имеет дело с открытыми, нелинейными диссипативными системами, далекими от равновесия. Флуктуационная гипотеза Больцмана, развитая школой Пригожина. Создана безупречная и математически красивейшая модель. Вдали от равновесия система достигает некоторой критической точки, называемой «точкой бифуркации». И вот тут на эволюцию системы способны влиять даже ничтожные флуктуации, которые в «прочном», равновесном состоянии системы не могут влиять на нее никак. Так что заранее категорически непредсказуемо, как будет развиваться система, достигнув и проходя точку бифуркации.

Если математический аппарат модели перевести для «особо одаренных» на разговорный язык, то получится примерно следующее:

Когда какая-то система, организация, процесс находится в шатком, неустойчивом, ослабленном состоянии и для дальнейшего существования требуется реорганизация, переделка, кардинальные изменения – то малейшая случайность может необратимо повлиять на весь дальнейший ход событий. И как все сложится – предсказать невозможно. То есть:

«Полцарства за коня!» «Пусть Груши скорее идет к Ватерлоо!» «А если бы Наполеона убили на Аркольском мосту?» И:

Сделаем все, что от нас зависит. Спросим жрецов. Принесем жертвы. И положимся на волю Господа, ибо на все – случай и воля Его. Не было в кузнице гвоздя – и пропало королевство. Раздавили бабочку – и реакционный президент установил реакционный режим.

Время от времени наука, наряду с черт знает какими открытиями, подтверждает на уровне последних достижений то, что люди и так всегда знали. Что вполне к чести людей.

Антиматериализм Оствальда

Как многие пионеры в науке, утверждавшие принципиально новую идею, Оствальд был мономан. Он не просто решил сделать из термодинамики натурфилософию. Он видел проявление Второго начала буквально во всем: в функционировании сенсорного механизма организмов, в эстетике восприятия, в самом мышлении и вообще всех видах человеческой деятельности. Так влюбленный наделяет возлюбленную всеми мыслимыми достоинствами, и каждый ее жест являет ему совершенство красоты и добродетели. (Этим подтверждается, что в основе мысли лежит страсть, то есть гипервозбуждение определенных участков центральной нервной системы...)

1. Когда Оствальд создал свой «энергетизм», атомная теория эмпирически подтверждена еще не была. Никто тех атомов не видел. Мало ли было в истории науки «теплородов», «эфиров» и прочих материальных носителей физических качеств. Ну, Оствальд и счел в храброй и озаряющей возбужденности открывателя, что «атомы» – это подобная химера, умозрительная схема, позволяющая построить удобную теорию, объясняющую классы явлений. А на самом деле нет ничего, кроме энергии. И все реакции соприкосновений, все процессы химические и физические – это все энергия лежит в их основе, и обмены разными дозами энергий.

Он клеймил материалистов-атомистов «шарлатанами». Он осуждал дуалистов, допускающих сосуществование как энергии, так и материально-атомной основы веществ. И, несмотря на Нобелевскую премию по химии, был осужден большинством ученого сообщества как идеалист, отрицающий материю.

2. Увлеченный Оствальд, строя пан-энергетическую картину мира и не будучи культурологом или биологом, допускал удивительные ошибки. Скажем, он утверждал, что совершенствование организмов по мере эволюции заключается в том, что все большую долю потребляемой энергии они пускают на жизнедеятельность организма, т.е. становятся устроены все рациональнее и экономичнее. – Хотя при этом допущении земноводные гораздо экономичнее теплокровных млекопитающих, и удаву или крокодилу равного с тигром количества пищи хватит (в пересчете на единицу массы) не на три дня, но на два месяца. Стараясь увязать свои взгляды с логикой, Оствальд включал всю многосложную деятельность птицы, скажем, потребляющей количество пищи в сутки соизмеримое с собственным весом, и расходующей почти всю энергию на полет при ловле мошек, также в обеспечение необходимой жизнедеятельности. То есть смешивая рост устойчивости системы, коррелирующий с ростом энергопреобразования с ростом КПД.

Чтобы выжить, нужно больше расходовать. Чтобы больше расходовать, нужно больше потреблять. Чем больше потребляешь – тем меньшая часть потребленной энергии идет на прямое жизнеобеспечение, и тем большая – на расходование в действиях, необходимых для захвата этой самой энергии. То есть: по мере эволюции энергетическая самозатратность организмов растет. Энергетизм Оствальда хочет доказать нечто обратное.

3. Его «энергетический императив»: «Не расходуй энергию напрасно, используй ее!».

Тогда надо доказать, что создание произведений искусства, или трата энергии на потребление искусства, – это не напрасная трата. Каким образом? Таким, что на единицу затраченной энергии приходится изрядная доля полученного счастья, а это ведь и есть цель жизни культурного человека. – Но будет ли тогда наркомания максимумом счастья при минимуме затраченной энергии?..

Но если любое удовольствие от любого действия есть не расходование энергии напрасно, а употребление с пользой, то есть ставится знак равенства между пользой вообще и любым удовольствием в частности, – то какой смысл в формулировке «императива»?..

4. Энергетизму Оствальда свойствен, я бы осмелился так выразиться, наивный механистический редукционизм. Он стремится свести все напрямую к термодинамическим процессам. И немало в том преуспевает!

Оствальду в высшей степени свойственно системное мышление в том плане, что за всем сущим он пронизает единые термодинамические процессы Вселенной.

Гений, он задает всей будущей науке подход к жизни как к процессу антиэнтропийному, противоположному Закону рассеяния энергии (Второму началу). Это во-первых. Во-вторых – взгляд на жизнь как на обмен свободными энергиями.

При этом у него почти отсутствует системное мышление другого уровня, другого взгляда: взгляда на деятельность подсистем как на целесообразность второго уровня, каковую нельзя напрямую объяснять целесообразностью над-системы. То есть: для самообеспечения система создает подсистемы, и по мере эволюции эти подсистемы все больше работают на себя и по своим законам. То есть. Энергетическая целесообразность по мере эволюции распадается на цепь производных, и зависимость их функций отнюдь не прямопропорциональна.

5. Эйнштейнова формула взаимозависимости массы и энергии $E = mc^2$ должна была бы давно снять с Оствальда замшелые обвинения в идеализме. Собственно, увлеченный упрощатель Оствальд заложил синергетическую парадигму, столь признанную сегодня.

Энергия Лесли Уайта

«Вселенная мало знает и не долго будет помнить о том, что делал человек на этой крошечной планете, – писал Лесли Уайт. – Финальное исчезновение человеческой расы – потому что рано или поздно оно произойдет – будет не первым случаем вымирания вида. Не будет оно и событием очень уж большого земного значения».

Материалист, позитивист и эволюционист Лесли Уайт был решительным противником антропоцентризма и морализаторства в науке. Его вывод:

«Человек – это не более чем своего рода материальное тело, которое должно совершать определенные действия для поддержания своего положения в космической материальной системе. <...> Культура становится, во-первых, механизмом добычи энергии и обращения ее на службу человеку, и, во-вторых, механизмом упорядочивания и регуляции его поведения, не имеющего непосредственного отношения к поддержанию существования и нападению и защите. <...> Культурные системы, подобно системам биологического уровня, способны к росту, т.е. способность улавливать всякую энергию является также и способностью добывать все больше и больше энергии».

Уайт, как и до него, рассматривает жизнь как феномен, не имеющий последствий для Вселенной. Жизнь и культура – безусловно часть и продукт Вселенной, возникший и существующий в парадигме эволюции и Второго начала. Культура строится из энергии Солнца, и прямая пропорция связывает ее рост с ростом добываемой и потребляемой энергии.

Следующий шаг Уайт уже не сделал. Энергопреобразование с возрастающей скоростью, в возрастающем объеме, – не необходимый уровень базового самообеспечения – а сущность и объективная космическая задача культуры. Культура есть социо-технологическая форма энергоэволюции Вселенной, идущей с нарастающим балансом, – говорит энергоэволюционизм.

Не социальная эволюция связана с ростом использования энергии – но объективно социальная эволюция, культурная эволюция есть эволюционирование материи в направлении повышения уровня энергопреобразования, и этот вселенский закон прогресса энергоэволюции есть причина, движущая сила, сущность и цель эволюции культурной.

Антропный принцип Шопенгауэра

«И ведь поистине, это наихудший из возможных миров, – писал Шопенгауэр, – ибо если бы он был еще несколько хуже, то разве не был бы человек уже вовсе лишен возможности прожить в нем, не в силах противостоять всем трудностям и ударам, держащим его на самом краю жизни, за каковой край мы неизбежно падем все; и некоторые падают под ударами мира еще в молодости и полные сил, которых им не достало для противостояния».

Прошло полтора века – и сегодня антропный принцип указывает и обосновывает, что если бы Вселенная была хоть чуть иной, ее законы чуть отличались от имеющихся, – то человек Земли, какой он есть, не смог бы в ней существовать. То есть адаптационного ресурса не хватило бы. Человеку как неравновесной системе не хватило бы устойчивости в иных предложенных условиях.

С одной стороны, это (вроде бы) отдает лапласовским детерминизмом, с которым синергетика (вроде бы) расходится в трактовке соотношения жесткой причинной необходимости и роли случайности (флуктуации).

С другой стороны, математический аппарат есть инструмент в руках ученого, каковым инструментом можно интерпретировать в язык математики положения здравого смысла. Здравый смысл без физико-математического оформления выглядит чужеродным в научном поле.

Как мило, когда научный аппарат обсчитывает философские максимы, изреченные на уровне «Афоризмов житейской мудрости».

Стивен Хокинг и часы начала мира

Я проникся благодарностью к Хокингу, когда узнал, что, по его мнению, вопрос о том, сколько времени прошло с момента собственно Большого Взрыва и до образования первых суб элементарных частиц и атомов, – этот вопрос лишен смысла. Ибо к этому процессу наши сегодняшние физические мерки и единицы измерения неприменимы.

Если секунда измеряется числом колебаний определенных частиц, а частиц нет, – о каких долях секунды может идти речь?!

В картине с величинами типа 10^{-23} секунды и т.п. мы имеем дело с совершенно условной математической графикой. Мы берем сегодняшние величины пространства-времени и, как линейку, прикладываем к нулевой точке отсчета – когда этого пространства-времени не существовало. Так что период возникновения из Первовзрыва субэлементарных частиц можно считать миллионами лет, кому охота, это без разницы. Возникновение времени – динамичный процесс, и он не может измеряться по законам статичного, постоянного времени. Предположение, что Время возникло в условный, как точка в геометрии, миг, может приниматься только для конкретных удобств, но не как «истина вообще».

Точно так же представляются по меньшей мере дикими разговоры о чудовищной плотности материи в изначальной сингулярности – если они чудесно уживаются с разговорами о том, что материальные частицы стали возникать только после Взрыва.

Если они «возникли» – то из чего же они могли возникнуть, кроме энергии?.. И как можно применять к сингулярности, в этом случае, понятия «огромной массы» и «плотности»?

Гм. Мы знаем, что этого не знаем, как оно все началось, и особенно как оно все кончится. Но увязывать хотя бы концы с концами не вредно...

Разнообразие природы и жизненная энергия

«И млея от страсти, она иногда томно спрашивала: „Ах Вася, вы не знаете, отчего это соловей поет?“ – На что грубый Вася отвечал: „Жрать хочет, оттого и поет“». Михаил Зощенко о разнообразии в природе.

Академик Раушенбах Борис Викторович был, однако, не грубый Вася, а одна из светлейших голов XX века. И, замечая в одной из книг о сверхцелесообразном, роскошном разнообразии и буйстве тропической природы, ограничился скорее констатацией впечатления в том духе, что природа здесь без необходимости как бы старается явить все, на что она способна.

Способна-то она способна, но зачем, почему и чего ради?..

Вот сотни видов пестрых и причудливых тропических рыбок. Их вуали и узоры им, строго говоря, не нужны. Выживать они не помогают. Путем естественного отбора выводиться им было незачем. С этими вуалями одни хлопоты. Зубы, защитные колючки, предупреждающие о ядовитости яркие пятна, способствующая скорости обтекаемая форма – это понятно, это целесообразно. А многочисленные прибаамбасы зачем?

Сторонники разных теорий красоты, которая есть суть природы и должна спасти мир, говорят, что красота самоценна и природа только и имела целью ее создавать. Что такое красота – сформулировать они затрудняются, и говорят, что постигается она интуитивно, надрационально, ну, вот такая штука. А человек для того и явился, чтобы эту красоту созерцать и ею наслаждаться. Посредством человека Универсум созерцает и познает себя, и это кайф. Лев Толстой как зеркало Универсума: глаз плюс мозг плюс душа. А если человечество накроется, кто будет красотой наслаждаться? Закручинится Универсум без глаза-то. Будет Бог сам своему саду радоваться.

В таких выкладках Бог – это своего рода «божественная постоянная», введенная Планком и позднее названная постоянной Планка. То есть что это такое никто не знает, но без нее теории не получается, а с ее предположением и введением все встает на свои места и подавляется осмысленная цельная картина.

Тогда остается сказать, что тропических рыбок слепил и раскрасил Бог для услаждения наших глаз, и бросить задаваться этим вопросом. А если разбираться – то, как и обычно во всем, Бога следует как минимум вынести за скобки. Не Божеское это занятие – рыбок раскрашивать.

Вот павлин распускает умопомрачительный хвост, прельщая самку. А скромнее нельзя – ну, показать одно крутое перо и тем склонить к сожительству? Хвостице мешает летать и бегать, путается сзади и цепляется за кусты, таскать его трудно – и при чем здесь борьба за выживание и естественный отбор как двигатель эволюции? Серая летающая курица – вот идеальная птица, все в ней было бы целесообразно и приспособлено для выживания.

Для чего в одном и том же лиственном лесу, на одной и той же почве, нужны разные породы лиственных деревьев? Их суть, устройство, механизм, жизненный цикл – совершенно аналогичны. Почему не обойтись природе одним видом? Бук, тис, вяз, граб – для чего? Рос бы один вязобук – какая разница?

Вот воробья предпочитает воробья по ширине и черноте нагрудного галстучка, по сочной контрастности рябых крыльевых перышек. Что ей с его костюма – на тусовку летать?

И для чего, в самом деле, соловей поет? А также кенарь, щегол и прочие дрозды? Что это за меломания у их подруг? От пения что, корм в гнездо скачет или дети здоровее рождаются? А главное – для чего они нужны? Ловил бы медленных мошек воробей, а быстрых – стриж, оно бы и достаточно.

А вот теперь возьмем большую-большую лупу и на общей карте Вселенной наведем лупу сию на крохотулечную Землю с ее малоразличимой живой природой и практически незаметными певчими птицами.

И мы в бесчисленный раз отметим, что эволюция Вселенной – это движение от состояния «чистой энергии», однородного хаоса – к разделению хаоса на разные агрегатные и материальные состояния энергии, к структурированию все более сложных систем, в которые эта энергия «консервируется». Чем сложнее система – тем дальше отстоит она от хаоса, тем выше уровень энергонаполненности этой системы. И тем ниже уровень энтропии в общей и базовой системе «конкретная система – остальная Вселенская пространство-материя». Жизнь – самая энергонаполненная из систем Вселенной, известных на сегодня.

Энергоэволюция Вселенной имеет антиэнтропийный характер. От простого и однородного к сложному и разнородному. От хаоса к его противоположности и противопоставлению.

Вернемся к нашим рыбкам. Соберем их всех до кучи, тщательно перемешаем и разделим на начальное число особей. Получим среднестатистическую рыбу. Размером с карася. Формой в плотву. С плавниками, хвостом, два глаза на штуку. Жрет все. Цвет – серый, все прочие цвета в него смешались. Что мы имеем? Однородность. Сдвиг к хаосу, неразделенности «первоэлементов». Снижение энергии системы до предельно устойчивого состояния. Нет различий – нет системной энергии, полюса плюс и минус уравнились.

Среднестатистическая птица окажется чем-то в роде серого голубя, всеядного и всепогодного. Среднестатистическое млекопитающее – эдакий собачосуслик, опять же бурый, всеядный и всепогодный. Земноводное – слабоядовитый жабокрокодилчик. Насекомое – сосущий все и хрупающий все жучок.

Прибавим среднее растение – папоротник, и средний микроорганизм – питается всем.

И остается вывести среднестатистический земной организм, и получится что-нибудь похожее на амёбу.

Мы спустились вниз по дереву эволюции.

Эта амёба в любых условиях не выживет. Слишком сухо станет – сдохнет, слишком солнечно – сдохнет, на каменистую почву ее сдует – сдохнет, замерзнет все кругом – тоже сдохнет. Она начинает приспосабливаться, изменяться, усложняться, разнообразиться; появляются разные виды и лезут жить в разные экологические ниши. Эволюция.

Но не в том базовая суть эволюции, что все живое хочет жить и старается выжить. Это – биологический уровень, а он во Вселенной не базовый. Базовый – это уровень энергетический, он же вообще Бытийный. И суть его в том, что *энергия структурируется во все более сложные системы.*

Биологическая эволюция – лишь одна из форм, путей, способов, механизмов вселенской энергоэволюции. То есть:

Усложнение форм жизни определено и задано генеральной тенденцией энергии-материи к усложнению систем. Естественный отбор, генные мутации – это детали, частности, способы усложнения. А изначально и определяющ – посыл: усложняться! И тем повышать энергетичность систем.

Шикарное разнообразие тропических рыбок выходит за рамки чисто биологических законов приспособления, выживания, естественного отбора и занятия экологических ниш. В этом аспекте многие из них абсолютно адекватны. Разнообразие форм внутри системы «тропические рыбы» – суть повышение энергии и понижение энтропии этой системы. Усложнение структуры, удаление от хаоса. Увеличение энергосодержимости.

Этот процесс отнюдь не обязательно, не всегда обусловлен биологическими причинами. А общими энергетическими – всегда, они базовые.

Вот почему и для чего рыбки разные. А также птички и прочие звери и деревья.

А уже индивидуальная энергетика однотипных особей внутри своего вида – проявляется и в яркости типовых формальных отличий у особи.

Волк может быть сильным и крупным, яростным, через то являет свою значительность и право на лидерство и оставление потомства. Антилопа – крупной и быстрой. Здесь энергетика особи предьявляет себя напрямую – в чертах, явно важных для выживания.

А как отличить себя воробью перед воробьиной? Сложить перед ней кучку корма больше, чем у соперников? Расклюют, не выйдет. И он показывает ей свой черный галстучек и распускает крылышки в сочной ряби: я раскрашен контрастнее – во мне больше энергии, я витальнее, мои дети будут живучее, я найду больше корма.

Яркая контрастная расцветка – ярче, чем у соперников – это, опять же, повышенная энергетика цвета, она дальше отстоит от однородного серенького хаоса, чем у соперников.

Индивидуальная энергетика особи являет себя не только через силу и размер, но и через интенсивность цвета, звука, запаха.

Здоровенный радужный хвост павлина означает только одно: я сильный, здоровый, potentный, со мной не пропадешь, и дети будут что надо. Это для него вроде мерседеса и костюма от Ферре. Не в красоте хвоста дело, а в том, какие качества этим хвостом предьявляются.

Потому собачки обнюхиваются и насекомые по струе запаха выбирают одного партнера из мириад.

Потому утка оценивает селезня по яркости и ширине воротничка.

И потому поет соловей, с которого мы начали.

Заметьте, размер у него для пичуги своего класса самый что ни на есть средний. И цвет – сплошная энтропия и хаос: серенький и незаметный. Зато с издаваемыми звуками все в порядке.

Что музыка, упорядоченный сложно структурированный звук, противостоит звуковому хаосу, объяснять никому не надо. Вот и соловей – в звуковом аспекте, в акустической форме, чемпион энергетике среди птиц. Гармоническая сложность его рулад означает то же самое, что рев льва – ну, с ограничением по виду: я здесь самый крутой, правда, только среди других соловьев. Поэтому: соловья – люби меня! не подведу. А почему у гнезда, где она уже на яйцекладке сидит, поет? Потому что брачный период «с запасом», инстинкт еще велит: кошка тоже может быть уже оплодотворена, а еще неделю орет призывным мявом и любовью исходит. Любовь по продолжительности отведенного инстинктом периода, а не по факту свершения.

Высота, сила и сложность брачных звуков у многих птиц и животных – то же предьявление уровня энергетике особи.

Та же энергетика предьявляется ветвистыми рогами оленя. И т. д.

Вот посему в благословенных уголках земли, где некоторым организмам не надо ни от кого защищаться и никого привлекать, где эти организмы прекрасно приспособлены и вписаны в среду – они формально изошрены. Формальная изошренность – показатель и способ повышения энергетике особи и системы. Что и есть, повторяем, базовая суть эволюции.

Вернемся к нашим рыбкам. Берем стеклянный ящик, кубический километр, воды с водорослями и кораллами, полный всевозможных тропических рыбок. И уравниваем всю эту разнородную смесь, полуфабрикат царской ухи, до состояния элементарных частиц. Протоны, нейтроны, электроны, предположим. Что может эта смесь сама по себе? Почти ничего. Ну, положим для простоты, получили атомы простейших элементов. Все. Уровень энергии низкий. Близко к хаосу.

Структурировали все обратно до единообразных камушков, одного вида водоросли и единого вида рыб. Система усложнилась необыкновенно. Вода мокрая плещет, рыбы плавают и водоросли едят, на камни икру мечут. Чего еще? Все в порядке, все целесообразно с точки зрения биологии, жизнь наличествует и кипит.

А если еще энергию системы повысить – структуру усложнить? Хищные – нехищные, донные – поверхностные, крупные – мелкие, быстрые – медленные, одни едят рачков, другие крабов, третьи выскакивают за мошками. Все. Придумывать больше нечего: создали кучу экологических ниш и все плотно заполнили.

А если еще энергию повысить? Рыбы начнут принимать причудливые и разнообразные формы, обрастать вычурными плавниками и блистать всевозможными красками. Круглые, квадратные, треугольные, с рогами и с усами, пятнистые и полосатые. В глазах рябит. И Дарвин бессильно рвет бороду: теория естественного отбора не работает.

Теория естественного набора – вот как в шутку можно это назвать. Повышение энергии системы за счет усложнения структуры и разнообразия внутрисистемных элементов.

–

Дополнение на полях:

Подчеркнутое различие и развитость половых признаков у мужчин и женщин, необъяснимые с точки зрения прямой природной целесообразности, объясняются тем же: различие, разность – как повышение энергетики вида и особи внутри вида; большой разнос «общего среднего» на два полюса, повышение биполярности как уровня и источника энергетики.

Большая высокая грудь женщины ни за чем не нужна природе. У самки шимпанзе она меньше и плоская, и торчат бюсту вперед незачем. Но это – отличие, и оно являет: во мне много энергии, я сильно отличаюсь от «усредненного серого» в женскую сторону.

Аналогично большой половой член функционально излишен, хватит и маленького. Большой являет: особь сильно сдвинута от «среднего» в мужской тип, энергия данного представителя «мужского полюса» высока.

Суть половых различий у самца и самки людей – та же, что у многих видов: усиление биполярности, т. е. энергетики двуполюсной, двуполой системы «самцы – самки». Разнос материальной субстанции на два разных половых поля, – подальше от усредненного общего, в сторону понижения энтропии и повышения энергосодержания.

«Унисекс» – это энтропия. Мощный огромный мужчина с большим членом и небольшая женщина с выраженными талией-бедрами-грудью – это выражение и содержание высокой энергетики двуполой биосистемы.

Разнос одинаковости на две разности – это антиэнтропийный акт. И уровень энергии системы «он – она» тем выше, чем дальше от усредненного их типы в стороны полового различия, чем больше отличаются они друг от друга.

Вот потому и особенности фигуры, которые «чисто функционально» могли бы иметь меньшую разность между лапами и менее выраженное оформление.

НЕ ВСЕ ПОДЧИНЕНО ЖИЗНЕННОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ – НО САМА ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПОДЧИНЕНА СТРУКТУРНОМУ ПОВЫШЕНИЮ ЭНЕРГЕТИКИ И ЗАКОНУ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОПРЕОБРАЗОВАНИЯ.

То есть. Не органы подчинены своим функциям и есть материальное оформление этих функций. Но и функции, и служащие им органы подчинены повышению энергосодержательности и энергопреобразования. Кроме последовательного подчинения органов функциям, что ясно и понятно – есть и «параллельное» подчинение органов и функций одному и тому же общему закону: больше энергии и энергопреобразования. Этот антиэнтропийный закон, то есть, являет себя не только в функции, но и в какой-то степени независимо от нее и параллельно с ней в самом наличии и развитом оформлении органа.

Или, что то же самое: сильно различающиеся половыми особенностями «он и она» – это система с более высоким уровнем энергии, чем «он и она» со сглаженными различиями, даже если производить детей и работать они могут не хуже первой пары. Но. Но. Не хуже-то не хуже, но если включить закон больших чисел и рассмотреть действия на протяжении ряда поколений – окажется, что в конце концов «различные» рожают и действуют больше, чем «сходные». Хотя «сходные» были приспособлены к тем же действиям ничуть не хуже: и мышц, и мозгов, и членов с грудями вполне хватало для жизни. Э? А это энергетика была выше, которая и являла себя через «необязательную», «вне прямо целесообразного» атрибутику.

Итого. Не для того переразвита атрибутика, чтобы лучше функционировать, чего и не может она. А потому переразвита, что повышенный уровень энергетики предъявляет себя в этом и воплощается также и в этом.

Повторения

Резюме I Я сказал

или

краткое содержание предшествующих серий, *или, что то же самое, сокращенное и упрощенное повторение сути первой части, предназначенное для пиццей ясности и легкости понимания, и рассчитанное на то, что – ни в коем случае не Вы лично, Вы умный человек, Вам просто было некогда слишком глубоко вникать в первую часть, – что большинство людей, и даже читателей этой книги – не способные к самостоятельному мышлению и даже к пониманию сколько-то новых и самостоятельных мыслей идиоты, среди которых Вы вынуждены жить.*

Это новая и самостоятельная концепция Мира и Человека в Мире.

Она объясняет мир и человека впервые наконец целостно и полно без условно взятых величин типа Бога или Мировой Идеи.

Она основывается на том, что мир объективен и познается разумом.

Она исходит из человеческого сознания, из тех элементарных понятий, которые знакомы и понятны каждому, из тех вечных вопросов, которые ставились тысячи лет, и до сих пор не были разрешены.

Для ее понимания достаточно минимального жизненного опыта, элементарного здравого смысла, логики и самых основ научных знаний.

Она сводится к тому, что человек есть часть Вселенной и существует по общим законам Вселенной.

Только и всего.

1). Человек знает, как ему надо жить хорошо и правильно. И все-таки живет иначе. Он знает, что необходимо беречь здоровье – и все-таки мало его бережет, а часто просто гробит себя, и понимает это. Почему, зачем?

Он мечтает о взаимной любви, и все-таки редко любит взаимно и счастливо, редко женится по любви. Часто любовь отдельно – семья отдельно, и находится масса причин, чтоб не быть вместе. Зачем вообще любовь, ведь легче жить и размножаться просто посредством секса при дружбе и понимании, без всяких страданий и страстей?

Добывание необязательных для существования денег и материальных благ доставляет только суету, переживания, стрессы, усталость, подрывает здоровье и сокращает жизнь. Почему же не довольствоваться минимумом и жить в покое, занимаясь чем хочешь?

Мудрецы тысячи лет учили, что счастье – в нашем внутреннем состоянии, надо обходиться лишь необходимым и не гнаться за излишним, эти вечные желания изводят, нет им предела, они заставляют страдать, делать не то, что мы хотим, – люди это знают, так почему не следуют этому?..

Все хотят любимой работы, любимого дела – так зачем в погоне за вещами и положением чаще всего занимаются тем, что не любят, к чему не испытывают душевной склонности: живут так, как за бесплатно не стали бы. На кой черт?

Люди мечтают о свободе, о возможности делать что хочется – и тянут ежедневную лямку, вздыхая. Почему они сами придумывают себе тюрьму?.. Посмотрите на бродяг: у них есть кусок хлеба и одежда на теле, подвал или чердак для ночлега, они вольны жить где и как хотят, а на еду всегда сегодня можно заработать. При этом и мыться можно, и на теплом море обос-

новаться, и книги читать, и на водку денег насобирать, и в картишки перекинуться. Так если вправду хочешь свободы – живи так; почему нет?..

Вот бизнесмен умирает от инфаркта – а денег у него куры не клюют; почему не остановиться, не жить спокойно? Он ведь все понимает...

Вот у человека слава есть – а детей нет. Что ему преходящее внимание толп чужих людей, которые завтра оплуют его, а послезавтра забудут? Кто улыбнется ему из колыбельки, кому он купит игрушки, за кого порадуется, кому оставит нажитое?

И знание всего этого – не меняет его жизни.

Люди поносят государство, мечтают о справедливом устройстве общества. Так почему не устроить?

И вот одно государство устроено более милосердно и заботливо, чем другие. Даже если ты не работаешь – каждый имеет приличное жилье, и деньги на еду и одежду, и хорошую бесплатную медицину, и возможность свободно передвигаться по миру и самому выбирать себе дело. Такова, скажем, Швеция. Так почему в Швеции самый высокий в мире уровень самоубийств?.. Счастливы там люди? Да не похоже, на скуку жалуются и пиво жрут ящиками.

И продолжают гробить планету, необходимую им для жизни. И общества защиты экологии создают, законы принимают, все ведь понимают, – и все равно продолжают гробить в увеличивающейся прогрессии, и на все у них находятся причины. Да ведь не вымрут они без автомобилей и электричества, а без воздуха и воды вымрут на фиг! Нет, крутят свою шарманку.

Так почему они поступают вопреки собственным интересам? Вопреки собственной жизни, собственному счастью? И в чем же тогда их истинные интересы? Кто, что, как, почему заставляет людей жить так, как они живут от века – от века жалуясь на страдание?

2). Обратимся за ответом к собственному сознанию – глубже нам не к чему обратиться, познаем-то все через себя, свой разум и чувства, все желания-то наши и обломы внутри нас самих. Для человека весь его мир хранится в памяти его сознания и подсознания.

Спроси себя, свою память – что для тебя в жизни главное?

И обнаружится странная вещь – совсем не все, что ты считаешь главным, ты хорошо помнишь. Знаменательные даты, основные события – часто стираются и исчезают в деталях, размываются в памяти: этапы карьеры, черты лиц, главные решения жизни – не всегда толком и помнишь.

А мелочи иногда застревают. Обиды, моменты горя, пики радости и детства, и зрелого возраста. Но более того: вечерний пейзаж, разговор со случайным попутчиком... запах свежескошенного сена, вкус груши, краски заката.

Почему память юности крепче памяти старости?..

... Человек помнит то, что острее почувствовал, что более возбудило и взволновало его чувства, – а сознание иногда может полагать это мелочью, проходной деталью.

3). Ощущения – вот с чего начинается разгадка. Отсюда идет верный путь к пониманию всего.

Ибо нам реальность дана, как справедливо замечено, только в наших ощущениях и через них.

Если человека лишить ощущений – в черной безмолвной невесомости – он очень быстро сойдет с ума и быстро умрет в разладе всех функций организма – буквально в считанные часы, в несколько суток. Если его еще анестезировать – чтоб он не мог ощущать напряжение своих мышц, изменение одной части тела относительно другой, не мог ощутить сжатия челюстей, ощупать языком зубы, – то дело пойдет еще быстрее.

Только по ощущениям, по нервным сигналам с периферии, от органов чувств и вообще от тела, мозг и делает вывод, что жизнь идет, и принимает решения, что делать.

Разбита нога – мозг ее бережет, рефлекторно не велит опираться, болью вопит: принимай меры! Вгони новокаин и морфий – и поскакал: мозг обманут, полагает, что все в порядке, велит мышцам действовать в нормальном порядке.

Внуши под гипнозом, что прикладываешь человеку к руке раскаленное железо – и коснись линейкой: ожог! физиологическая реакция на раскаленное железо! ощущения продиктовали.

Туземные штучки: внушит колдун туземцу, что он умрет – и тихо умрет «ни от чего» здоровый как бы человек.

Мозгу как бы все равно, получает он ощущения от реальных вещей, или «искусственно», обманывают его: он иногда не может различить. А ощущения как таковые ему потребны, он к ним стремится, без них не может, для того создан.

И ясно, что прежде всего он стремится к хорошим, приятным, комфортным ощущениям: тем самым он «полагает», что хорошо всему «вверенному ему» организму.

И вот крыса со вживленным в мозг электродом нажимает лапкой педаль, беспрерывно раздражая центр наслаждения, пока не умрет от истощения. Мозг «полагает», что – верх чего надо, высший кайф!

А кошка хакает валерьянку. А собачка полюбит пиво.

А человек вообще спец-сибарит. Вино, наркотики, гурманство. Понимает, что вредно! – но хочется!! приятно!

Ест ведь не потому, чтобы сознательным актом жизнь поддерживать, а – хочется, приятно, удовлетворить чувство голода – которое внушением или химическими препаратами можно уменьшить, а можно увеличить.

Субъективно, для мозга, жизнь – это комплекс ощущений. Ими руководствуются, по ним все оценивают и анализируют, к ним стремятся.

4). К чему бы человек ни стремился – он стремится к счастью. (Можно пока так сказать.) В самом деле: он же не просто хочет обладать домом, красавицей, золотом, – он хочет этого потому, что тогда ему будет хорошо. Приятно, комфортно, отлично!

Обычно счастье полагают получить через обладание благами и/или совершение интересных и геройских поступков. И тогда, значит, будут очень хорошие ощущения.

Тогда здоровые, богатые, красивые люди должны быть счастливы. Им прочие завидуют. Ан они тоже плачут, и страдают, и даже кончают самоубийством. Что за черт?

Бродяга хохочет, а герой вешается. Вот так штука!..

Счастье внутри тебя, учат мудрецы. Избавься от всего, что может причинить страдание. Чем меньше имущества – тем меньше забот. Чем дальше от людей – тем меньше разочарований и предательства. Чем меньше надежд – тем меньше крушений и горя от несбывшегося. Будь счастлив тем, что имеешь – здоровьем тела, воздухом, пейзажем, улыбками, размышлениями: вот лишишься этого, тогда поймешь, какое это счастье.

Люди это понимают. Страдать не хотят. А все равно лезут чего-то добиваться, вот страшно страдают, мучатся, если у них нет чего-то, чего им хочется.

Вот выходит парадокс. Хотят, чтоб им было хорошо. Знают, как надо, чтоб было хорошо. Но лично к себе, здесь и сейчас, это знание применять не хотят! считают это знание в данном конкретном случае неправильным, неприменимым, абстрактным, а вот себе хотят счастья конкретного, через обладание и достижение. И в результате страдают.

А и достигнут – так счастливы-то на минуточку, пока не привыкнут, или вообще на счастье сил уже душевных нет, или разочарован, что в натуре все не так выглядит, как в мечтах, и опять ведь мало, не удовлетворится. И понимает: был беден, молод, здоров, – балда, вот когда счастлив был, хрен ли этот особняк и дурацкий орден.

Счастье – это состояние, комплекс ощущений, настрой души, образ мировосприятия. Так и надо по идее стремиться к этому, а не наворачивать горы суетного хлама и страдать из-за его отсутствия или не того качества.

5). А зачем человеку вообще способность к страданию? Как это он так создан? Зачем, почему?

Чтобы различать хорошее и плохое, желательное и нежелательное? Счастье – бери, страдание – беги?

Это бы просто. Тогда страдание можно считать просто нагрузкой к счастью, обратной стороной медали, без которой не бывает. Подвиги – через трудности, к звездам – через тернии, к славе – через муки и так далее. Или: э, счастье сейчас, а страдание потом, потом когда еще наступит, ладно, а пока понаслаждаюсь.

Но почему в старости, в покое, когда все пройдет, человек так отрадно вспоминает трудности, лишения, испытания – во время которых их отнюдь не хотел, а хотел только, чтоб их не было, чтоб скорей кончились? Походы, войны, жару, голод? Да уж запомнились, сильные были ощущения, не забудешь... Потому что сейчас, из безопасности, приятно чувствовать по контрасту, сейчас-то все отлично?.. Это бы тоже просто...

Почему существует мазохизм? Патология, говорите?

А почему, черт возьми, сильное наслаждение часто граничит с болью? Это знают все приличные любовники: «Сделай мне больно...»

А почему, кряхтя от наслаждения, хлещутся раскаленными вениками в парилке? Это ж разновидность самобичевания.

А почему граничит с мукой сильный оргазм, верх наслаждения?

А почему авантюристы, люди повышенной энергии, наслаждаются риском, игрой с опасностью, близостью смерти?

А почему манит страшное, ужасное: шагнуть с высоты в бездну; вонзить нож в человека; выматериться в открытом эфире по телевизору, помочиться в театре с балкона? И ежишься от ужаса и стыда, представляя это, – и тянет же что-то переживать эти чувства.

Тошнит детей, подсматривающих в щелочку скотобойни, – а тянет смотреть.

Киношные страшилки, катастрофы и кровавые сцены основаны на эксплуатации этого чувства.

Вернемся чуть выше. Жизнь – это комплекс ощущений. А инстинкт жизни повелевает жить. Чувствовать то есть.

И чувствовать не только хорошее, приятное, желательное, – но и «нехорошее», неприятное, нежелательное как бы.

Прожить – значит реализовать заложенные в организме возможности. Это уже мало зависит от сознательной установки. Это уже природа, устройство, имманентное свойство, так сказать.

И чем больше человек за жизнь испытал всего – т. е. перечувствовал разного, сильного, всякого, – тем полнее была, субъективно, его жизнь. **Вот к этому он и стремится.**

Способность к страданию – уже достаточная для него причина. Все, что может произойти с человеком – должно произойти! Это и есть его жизнь. «Излишних», «запасных» способностей в природе не закладывается, в человеке в том числе. Все, что может функционировать – призвано функционировать.

«Кого возлюбят боги – тому они даруют много счастья и много страдания». «Для счастья потребно столько же счастья, сколько и горя».

Кто прожил более полную, богатую жизнь – тот, кто прожил только половину сферы чувств, счастье, или тот, кто прожил обе половины – счастье и горе? Примерно так.

И еще одно... Страдание, как известно, побуждает к размышлению, к пониманию. А думать и понимать – это сила, функция, призвание, назначение, это лежит в основе всей чело-

веческой деятельности, исходный пункт ее как именно человеческой. В этом уже некоторая, так сказать, прикладная полезность страдания.

Так что когда человек стремится к счастью – тут сознание маненечко его обманывает. Пилюлю подсахаривает, чтоб бежал шибче за положительным стимулом. Человек стремится и к счастью, и к страданию.

Это и есть – субъективно – самореализация.

б). А самореализация уже напрямую связана с **самоутверждением**. А самоутверждение происходит через поступки, действия. Почему?

Мозгу, конечно, можно искусственно поставлять ощущения – проще всего через наркотики и их отсутствие – вот тебе и верх блаженства, и эйфория, наслаждение – и депрессия, несчастье, страдание. Вроде, выходит то же самое. Ан нет.

Мозг наделен способностью к абстрактному мышлению, рефлексии, анализу, воображению. И эмоции, ощущения могут возникать не только напрямую, но и через разум, оценку, память, понимание: радость от исполнения планов и горе от их крушения, радость или горе от известий издали, от похвалы или порицания, награды или наказания, от обретения или потери благ; удача или неудача в чем-либо, совершение или несовершение какого-то поступка – все это причина и источник ощущений, слабых и сильных, положительных и отрицательных.

Радость познания, свершения, успеха, и горе от наоборот – она также присутствует. Человек – не крыса с педалькой и электродом, он думает и понимает больше. И кроме «прямых», «обманных» или «чисто физиологических» (еда, секс) ощущений способен испытывать ощущения через рассудок вследствие своих действий. И если эту способность, возможность, отбросить – комплекс ощущений будет обеднен, какие-то способности и возможности центральной нервной системы будут не реализованы, не использованы. А они хотят быть использованы, они зовут к жизни, к реализации себя!

А кроме того, познание и новизна впечатлений – это тоже радость, тоже сильные ощущения.

А кроме того, есть чисто мышечная радость – ощущение силы и жизни своего тела. И муки телесного перенапряжения.

А кроме того, ведомый инстинктом жизни, руководствуясь инстинктивной потребностью реализовать и приложить заключенную в себе энергию жизни, человек рассудком оценивает, насколько полно, богато, мощно он живет. А оценить он себя может только относительно окружающих, других людей. И это сравнение доставляет ему сильнейшие ощущения, ему отраднее быть значительным среди себе подобных, и несноснее, горестнее – быть слабым и незначительным.

И он из кожи вон лезет, ощущая радость и горе от того, какое место среди людей занимает. (Тот же естественный отбор, то же процветание сильных и приспособленных, просто критерии могут быть условны: металлические кружочки или цветные бумажки, местоположение жилища или акустические колебания перед толпой.)

Для «прямых», «обманных» ощущений разума не нужно. Наркоте, алкоголю, электроду не нужно образование, интеллект, какие бы то ни было способности – нужен только чувственно-воспринимающий аппарат.

Наличие разума есть дополнительная зона, «дополнительный орган» для ощущений. Возможности его огромны. Любой объект, любое событие может быть использовано, трансформировано разумом как повод для ощущений, субъективно – как причина и источник ощущений. Фиг ли крысе мода, орден, победа футбольной команды!

И вот жажда ощущений, получаемых через «рацио», абстрактный и аналитический разум, толкает человека к действиям. Эти действия могут быть для выживания индивида и рода бесполезны, не нужны, с точки зрения биологического существования индивидуума – даже вредны, даже смертельно вредны. Самоожожение ученых и художников, самокалечение

спортсменов и самоубийство авантюристов и воителей. Но – сколько кайфа, напряжений, мук и радостей! Сколько гордости и удовлетворения – и уважения, восхищения, поклонения окружающих!

Сильные напряжения – сильные ощущения. А сильные напряжения идут от значительных действий – физических, политических, научных, эстетических.

И стремясь инстинктом жизни к получению за жизнь максимальной суммы ощущений, оптимальная сила которых для каждого своя, определяется врожденной мощностью центральной нервной системы, – человек и н с т и н к т и в н о и неотвратимо, безусловно, стремится за жизнь сделать максимум того, на что он способен.

С точки зрения моральной или интеллектуальной оценки, его действия могут быть плохие и хорошие, умные и глупые, ошибочные и верные, вредные и полезные – но по «абсолютной величине» они для индивида предельно велики, значительны.

«Великие люди» отнюдь не часто благодетели человечества. Разрушители культур, убийцы миллионов, создатели изобретений, поставивших Землю на грань гибели, – но они совершили крупные действия, наворотили дел, линиями их судеб отмечен маршрут Истории, и их помнят.

Открыть, изобрести, создать, потрясти человечество и удостоиться высшего признания – или хотя бы быть богатым и знаменитым – или хотя бы получить медаль – или хотя бы иметь модную и престижную вещь – человек стремится к этому.

Стремясь к максимальным ощущениям – он стремится к максимальным действиям.

7). До сих пор речь шла о вещах, по отдельности известных, но раньше их не свинчивали в единую цепь: мозаика была не собрана.

Мы исходили из минимального числа безусловных и ясных истин. (Кто знает – может вспомнить «бриту Оккама».) Цепь такова:

Инстинкт жизни – «вечные вопросы» – память – ощущения – стремление к счастью – бессознательная потребность в страдании – самореализация энергии жизни в человеке через получение ощущений мозгом – безусловное, проистекающее из сущности инстинкта жизни в человеке, стремление к максимальным действиям. Оригинальность и открытие заключаются в том логическом и аналитическом построении и выводе, что разум есть надстройка для получения дополнительных ощущений, а инстинктивно диктуемая потребность в ощущениях толкает человека к совершению максимальных действий в жизни, на которые он способен.

Субъективно и сознательно человек стремится к счастью (как его представляет), субъективно и бессознательно человек стремится к страданию, – и, субъективно реализуя таким образом инстинктивную потребность в жизни через получение ощущений, – объективно совершает действия, максимально возможные для индивидуума, предел которых определяется лишь уровнем развития знаний, техники, социальным устройством и моралью общества.

И вот от вечных вопросов о счастье и несчастье человеческом и «загадочной и вечной неправильности» человеческой жизни мы естественно втекаем в вопрос о месте и роли человека в мире.

Что такое любое действие? Это изменение хоть чего-то в мире. Человек затратил хоть какую-то энергию и совершил хоть какую-то работу. И что-то стало не так, не там, иначе, чем раньше, – хоть плод сорвал, хоть на землю плюнул, хоть друга травмировал ударом в глаз.

Так. Животные тоже действуют: перемещаются в пространстве, съедают траву или кроликов, испражняются, роют норы, рожают себе подобных. Чем человек отличается от животных – п р и н ц и п и а л ь н о отличается – с точки зрения действий, если глядеть со стороны? На каком этапе, как, чем человека можно выделить? (Разума пока со стороны, наблюдателю из космоса, скажем, не видно: есть стаи весьма похожих обезьян разной степени волосатости, и все они живут родами, едят яблоки и т. д.)

Орудия труда? Но и обезьяна кидает палку во врага или плод, дятел выковыривает гусеницу колючкой из щели, орел сообразит поднять и разбить черепаху о камни, а ворона – размочить сухарь в луже. Палка и камень человека здесь не отличие.

Речь? У дельфинов, волков и многих других есть десятки звуковых сигналов на все случаи жизни: убегай, нападай, давай покушаем, хочу любить и т. д. Звуковые сигналы первочеловека от этого не очень отличались и функцию выполняли ту же.

Организация общества? Волки, обезьяны, моржи и масса еще кого отлично и целесообразно организованы: охотники, загонщики, часовые, охрана и кормление беременных и кормящих самок и детей, бескровное определение лидера, взаимопомощь, иерархия по силе и ценности для сообщества и т. д.

Огонь! Именно и только огонь! Только человек сумел и смог использовать, кроме собственной биологической энергии, энергию внешней природы – небиологическим способом, не ограниченный возможностями организма. В брюхо лишнего не впишешь, не переваришь – а сжечь можно хоть весь лес. «Законсервированная» в топливе энергия резко увеличила его энергию: отгонять хищников, греться в холод, лучше усваивать жареную пищу.

А причина? Разум? Да, додумался. Умный – означает: может и будет много делать, означает: сильный, энергопотентный.

А что такое разум? Откуда взялся? Дан от природы?

Сотни известных науке «маугли», воспитанных с младенчества животными и в возрасте после пяти лет возвращенные в человеческое общество, уже никогда не становились разумными людьми: не овладевали речью и простыми навыками, не обладали мышлением в человеческом понимании. Куда делся их разум?

Зато могли спать в холод на земле, питаться корешками или сырым мясом, быстро скакать на четвереньках – за пределами возможностей даже хорошего спортсмена.

То есть человеку в «чистом виде», от рождения, дан не разум, а только способность к разуму. Дан излишек энергии центральной нервной системы. Он может принимать форму разума, а может пойти на адаптацию практически к любому образу жизни: жить в норах или на деревьях, выть или лаять, рыть землю ногтями или рвать глотки зубами.

Ни одно животное не может выйти за пределы возможностей своего вида, как его с рождения ни воспитывай и ни дрессируй. И всегда может вернуться в среду «своих». – Кроме человека.

И вынести человек может то, чего не может ни одно животное – это знают чемпионы по выживанию, попадавшие в крутые передраги.

Человек – э н е р г и ч н е е всех прочих.

Его повышенная энергетичность – всего лишь способность к дополнительным возбуждениям центральной нервной системы, потребность мозга в больших возбуждениях, чем у других животных. Только и всего.

А в результате разум – как бы энергия второго рода. Посредством его человек горы переворачивает, города строит и в космос летает – с тем же мозгом, что и кроманьонец сорок тысяч лет назад.

Человек по своей природе:

– живой – ощущатель – думатель – делатель.

А вся-то история жизни на Земле – это история того, как живые существа, от амёб до обезьян, потребляли, преобразовывали и выделяли энергию, содержащуюся в солнечном свете и всем веществе Земли. И процесс этот шел все быстрее, все активнее! И количество биомассы, биоэнергии на Земле все увеличивалось, умножалось!

Пока биоэнергия человека (тьфу, обезьяны со специальной особенностью в мозгу, мелочь!) не достигла такого уровня, что может преобразовать чуть ли не вообще всю энергию

земной коры со всей биосферой, грохнув ее разом, превратив в свет и тепло, расщепив атомы и так далее.

Вот таков ход энергетической эволюции на Земле, и человек со своим разумом – ее высшее и завершающее (на данном этапе) звено.

Почему, зачем, на кой черт, да?

8). А что вообще делается во Вселенной и каково место человека в ней?

В основном по науке так: вначале был Большой Взрыв. Идет стадия расширения. Энтропия нарастает: расширяющееся пространство все более равномерно заполняется материей и энергией. По варианту пульсирующей Вселенной наступит стадия центростремительного сужения. По другому варианту наступит тепловая смерть: равномерное заполнение пространства материей и энергией, полное отсутствие «разности потенциалов».

Сейчас по мере нарастания энтропии часть энергии «консервируется» во все более сложных структурах – от звезд до планеты с жизнью. На Земле изрядная часть «законсервированной» энергии уже может быть выделена посредством человека – вариант термоядерной бомбы.

Вариант идеального преобразования и «задействования» запасенной энергии – типа аннигиляции, превращение всей материи в свет, предельно сильный взрыв.

Человек со своим принципиально присущим стремлением ко все более крупным действиям отлично встраивается в эту цепь. От выделения энергии вещества через горение он уже перешел к выделению энергии вещества через ядерное расщепление. И никто не может сказать, что это предел.

Человек с его разумом и функцией преобразования мира – узловая, поворотная «анти-энтропийная точка». Достаточно создать человека – и он выделит энергию из всего вещества, до которого только дотянется.

А пройдет время – и кто знает, как он еще может мутировать, что откроет и наизобретает. И дотянется до чего угодно по всей Вселенной. (А не сам – так не знакомые пока родственники.)

Возникновение Человека в энергетической эволюции Вселенной логично и закономерно.

Посредством Человека уничтожается Старая Вселенная и возникает Новая.

Вот вам и Пульсация, и Большой Взрыв, и причина.

И вот вам стремление к Максимальным действиям.

И вот вам назначение Человека во Вселенной.

И вот объяснение всему человеческому поведению.

Разум – это Запал всеобщего Уничтожения и всеобщего Созидания.

.....

И вот вам вся цепь, рассмотренная от предела до предела и замыкающаяся сама на себя – от горя и счастья человека и его желания постичь себя и свою жизнь – до устройства Мира, его гибели и рождения.

Хау. Я все сказал.

Резюме II Очень кратко

Эволюция Вселенной. По мере нарастания энтропии во Вселенной энергия «консервируется» во все более сложных материальных структурах. От однородного раскаленного газообразного облака элементарных частиц, вся энергия которого «налицо» и воплощена в тепле пространства и скорости частиц, – до планет с биосферой, где энергия «содержится» в сложных структурах. Чем сложнее структура, тем она более энергоемка. При определенных условиях сложная структура способна к распаду на элементарные частицы, что сопровождается выделением всей «законсервированной» в ней энергии, которая дотопе расходовалась и воплощалась в самом существовании сложной структуры.

Любое материальное существо может рассматриваться как энергетическая система.

По мере существования нашей Вселенной, с расширением ее пространства и уменьшением энергии на единицу объема, – все больше энергии «консервируется» во все большем количестве все более сложных структур. Эта часть энергии «избегает» энтропии – по мере времени все большая часть энергии Вселенной может быть «вновь выделена», тем самым сохраняя способность к дальнейшим изменениям Вселенной.

(Часть энергии Вселенной, идущая на структурирование материи, может рассматриваться условно как КПД эволюционного процесса, где большая часть энергии энтропируется.)

Жизнь. Понятно, что по сути своей биологическая жизнь антиэнтропийна. Принципиальное отличие живых структур от неживых – в степени энергоемкости и уровне энергопреобразования среды.

Во-первых, живые структуры «консервируют» энергию космических излучений, которая без них подвергалась бы «бесплодной» энтропии, необратимому равномерному растворению в окружающем пространстве. Живые структуры «утягивают» часть этой энергии на существование и функционирование себя самих. Эта часть энергии избегает энтропии, которой не могла бы избежать никаким иным образом. А степень сложности живой структуры требует для создания и существования живого вещества гораздо больше энергии, чем вещества неживого. В живом куда больше и сложнее всего наворочено, живое дальше отстоит от хаоса.

Во-вторых, живые структуры самопроизвольно размножаются. Неотъемлемый аспект их существования – консервация все большего количества энергии, причем со скоростью качественно, на порядки, более высокой, чем консервация энергии неживыми структурами.

В-третьих, неотъемлемым аспектом существования живых структур является то, что они вовлекают в процесс своей жизни, т. е. энергопреобразования, все большее количество неживого окружающего вещества. Неживое вещество планеты, которое без связей с живым веществом может миллионы и миллиарды лет пребывать в неизменном состоянии – и, что главное, неспособно «вновь выделить» энергию, «законсервированную» в нем, – под воздействием живого вещества способно с высокой скоростью выделять эту энергию.

Жизнь «оплодотворяет» неживое вещество, взаимодействуя с ним. Энергия неживого вещества делается способной преобразовываться и выделяться.

Этот процесс идет по нарастающей – и, насколько его возможно наблюдать, фиксировать, осознавать, анализировать, – носит *необратимый характер*, являясь сутью эволюции Вселенной.

Человек. Человек отличается от всех прочих живых существ тем, что поднимает процесс энергопреобразования окружающей среды на качественно еще более высокий уровень. Энергию, содержащуюся в окружающем неживом веществе, человек преобразует, выделяет, «консервирует» в новые созданные им структуры с небывалой до него и невозможной без него скоростью.

Принципиальное отличие человека от прочих живых существ в том, что он преобразует и выделяет энергии окружающего вещества гораздо больше, на порядки больше, чем необходимо для его физического существования и размножения, – гораздо больше, чем вытекает из его физического существования и является следствием и неотъемлемым аспектом его физического существования.

Растение и животное преобразует, чтобы жить – ни больше и ни меньше; процесс преобразования окружающей среды «уравновешен» с потребностями его существования и есть само это существование. Человек преобразует окружающую среду все больше и больше – в «бессмысленных» с точки зрения и индивида, и рода, масштабах, причем сплошь и рядом во вред своему физическому существованию – как индивидуальному, так и родовому.

Но «с точки зрения эволюции Вселенной» человек – «идеальный» на сегодняшний день энергопреобразователь, способный выделять энергию из неживой материи – каковая энергия без его участия оставалась бы «бесполезной», не в силах преобразоваться и выделиться.

Часть энергии Вселенной, «законсервированной» в ее материи, способна преобразовываться и выделяться только посредством человека.

Наличие и функционирование человека увеличивает эволюционные возможности Вселенной.

Нет противопоказаний к тому, чтобы допустить и счесть, что:

во-первых, именно такова функция человека во Вселенной – что в конечном счете приведет к выделению человеком энергии, достаточной, чтобы уничтожить нашу «состарившуюся» Вселенную и одновременно тем самым создать в «первовзрыве» Новую Вселенную: именно это есть идеальное завершение необратимого процесса все большего преобразования человеком окружающей энергии;

во-вторых, именно с такой точки зрения делаются понятными и объяснимыми абсолютно все без исключения черты и особенности человеческой деятельности и человеческой личности – в совокупности психической структуры человека и всех действий человеческой истории.

При внимательном рассмотрении все говорит в пользу именно такой точки зрения, и более того, она представляется единственно верной и возможной.

Разум-1. С точки зрения физических процессов Вселенной разум есть «фактор икс», посредством которого наиболее сложная материальная микроструктура, затрачивая (потребляя и преобразуя для собственного физического существования и собственной физической деятельности) минимум энергии, изыскивает способы и средства для выделения максимума энергии из окружающего вещества. Малые затраты собственной энергии и огромные выделения энергии окружающего вещества несопоставимы по величине (и, пожалуй, на сегодня не знают аналогов во Вселенной).

Разум можно считать «запалом» энергии, «законсервированной» в материальных структурах Вселенной.

Разум-2. Но во всех своих действиях индивидуальный человек лично и сознательно никак не руководствуется «нуждами Вселенной», но лишь собственными желаниями и ощущениями. Если ему ничего не хочется, он ничего не будет делать. А если он ни от чего не будет получать положительных и отрицательных ощущений, он ничего не будет хотеть.

Мотив любого действия – желание, будь оно прямое или косвенное, хочет ли человек прямого результата желания или косвенного следствия этого желания. Человек стремится к действиям, которые дадут ему обретение желательных ощущений и избавление от нежелательных ощущений.

Но почти все человеческие желания являются избыточными, излишними сверх физически необходимого, условными, социальными: без ущерба для комфортного чисто физического существования от них можно было бы отказаться.

И здесь разум выполняет функцию связующего звена, трансформатора и трансмиссии, декодера, между ощущениями и действиями. Человек может ощущать счастье или горе от получения или неполучения награды, выигрыша или потери больших денег и т. п., то есть от условных, надуманных явлений, которые для его чисто физического благополучия необязательны или даже вредны, сокращают срок жизни и доставляют лишние отрицательные эмоции.

Осознавая окружающий мир, разум – дополнительно к прямым физическим (рефлекторным) ощущениям, которые получает человек – преобразует внешние явления в мысли о них, каковые мысли служат для человека источником положительных или отрицательных ощущений. Для животного эти явления – деньги, награды, должности, – не имели бы никакого значения и не могут служить поводом к ощущениям и действиям. Человек же, преобразуя в мысленное восприятие разные условные величины, эмоционально переживает то, что является лишь мысленными образами разных аспектов мира.

Ему доставляет ощущения то, о чем он думает. И жизнь его человеческая есть то, что он о ней думает. Чего не знает – о том не думает, того не переживает, к тому не стремится.

Разум есть «устройство» для получения положительных и отрицательных ощущений из чего угодно: вплоть до несправедливости жизни и неизбежности смерти. Эти осознания доставляют ощущения, а ощущения подвигают к действиям – скажем, бороться за справедливость, развивать медицину для продления жизни и создавать мощные церковные структуры для преодоления смерти через учение о загробной жизни.

Разум, осознавая всевозможные явления, передает их в сферу ощущений как поводы и причины для ощущений, – и тем самым создает чувственное отношение ко всему на свете и чувственную мотивацию к совершению любых действий.

Разум-3. Сытое здоровое животное в тепле и сухе – отдыхает: спит, играет, созерцает, и не предпринимает ни малейших действий к изменению своей жизни и окружающей среды. Ему и так хорошо, оно удовлетворено, все в порядке.

Сытый здоровый человек в тепле и сухе так или иначе задумывается о разных разностях. Хоть один из ста, хоть раз в десять лет. Он разумнее животного: любопытнее, изобретательнее, он наделен большей способностью понимать – т. е. делать из явления вывод, улавливать причинно-следственную связь и пытаться как-то применить ее на практике.

В разных с животным комфортных условиях человек, благодаря своему думанью и пониманию, делает больше, чем животное, хотя это может не быть вызвано никакой конкретной физической необходимостью.

В человеке энергии больше, чем потребно для простого физического выживания. И эта энергия проявляет себя через разум. Разум есть оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Вот все хорошо, вот можно ничего не делать, – так нет, этот волосатый человек о чем-то думает, потом в нем рождается какое-то желание – и вместо того, чтоб играя кататься по траве с соседом, как делают животные, он смотрит на мышь, плывущую на ветке, оседлывает плавающее бревно, и так получается плот, скажем.

Понимание есть первый и необходимый шаг к совершению осознанных, очеловеченных, избыточных сверх необходимого физически, действий.

Разум есть аспект, воплощение, оформление, избыточной энергии центральной нервной системы человека.

А если ребенок-маугли будет воспитан волками – вместо разума этот излишек энергии пойдет на приспособление и выживание в нечеловечески трудных, буквально физически невозможных для обычного человека условиях: сырое мясо зубами рвать и переваривать, собственным теплом ночью на земле согреваться, на четвереньках быстро скакать, а разума уже не будет: закончилось первичное созревание особи, завершился период психического формирования нервной энергии, поезд ушел.

Стремление к счастью и стремление к страданию. Все сколько-то неглупые люди давно знают, что и счастье, и страдание заключены не в каких-то внешних благах и потерях, а коренятся внутри человека, это его состояния.

И однако никакого практического вывода люди из этого не делают. Отдельные мудрецы-отшельники, монахи и философы-голодранцы – лишь вечные исключения, подтверждающие общее правило.

Суть в том, что и счастье, и страдание являются стимулами к действию. А сумма действий и есть объективно жизнь человека.

Стремясь к счастью, человек сознательно ставит себя в такое положение, когда он должен совершать действия, чтобы удовлетворить свое желание и получить желательные ощущения.

Но от стремления к счастью можно устать, можно от него отказаться, эта гонка может надоест, в воле человека сказать «зелен виноград» и все к черту бросить, отдыхать в изнеможении и ловить кайф от безделья.

А действовать надо, так и на то Вселенная тебя устроила!

И поэтому одновременно с сознательным стремлением к счастью человек бессознательно стремится к несчастью. Несчастье – это такое состояние, когда человек вынужден действовать, чтобы избавиться от отрицательных ощущений и выйти из этого нежелательного состояния.

Ты можешь плюнуть на недостигнутый пряник, но плюнуть на боль от кнута гораздо труднее.

Поэтому страдание всегда и обязательно присутствует в человеческой жизни как неизбежный отрицательный стимул к действиям.

А если со стороны кажется, что данному человеку не из-за чего страдать – он всегда найдет и измыслит себе причину для страдания.

Стремление к ощущениям. Субъективно жизнь человека есть сумма ощущений. Субъективно инстинкт жизни – проявление Бытия – заставляет человека именно стремиться к ощущениям, причем как положительным, так и отрицательным. Прямо и субъективно человек стремится именно к ощущениям. Ибо если ощущение от наркотика мозг не может отличить от ощущения от подвига, скажем, то какая мозгу разница.

Но объективно человек стремится к действиям. По общему счету стремление к ощущениям выступает как стремление к чувственной мотивации действий.

Три стремления. Да вот, пожалуй, и все. Вот таким образом связаны эволюция Вселенной со стремлением человека к счастью и уходом человека от страдания, к которому бессознательно он тоже и сам же стремится.

Любовь и верность, доблесть и честь, справедливость и предательство, славолюбие и поиски смысла жизни – все эти вечные человеческие проблемы объясняются и проистекают из еще раз изложенного на этих нескольких страницах.

Инстинкт бытия существует и проявляется в человеке на трех уровнях: ощущения, разум, действия. Все в человеке проистекает и объясняется из как бы раскладываемого на три уровня стремления жить-быть в этом мире: стремления к максимальным оптимальным ощущениям, стремления осознавать все и придавать максимальное значение всему осознаваемому, и стремления к максимальным действиям.

Резюме III

Еще короче о главном

Я сказал, что
во всех своих действиях человек руководствуется инстинктом жизни;
инстинкт жизни являет себя через потребность в ощущениях, как положительных, так и отрицательных;

субъективно жизнь есть сумма ощущений во всей их гамме, стремление к силе и полноте гаммы инстинктивно;

разум есть надстройка центральной нервной системы, позволяющая трансформировать через мысли в ощущения любую информацию о любых событиях и действиях;

и таким образом стремясь к ощущениям, человек стремится к действиям, сумма которых в общем максимальна для индивида в течение жизни;

от природы, от рождения человек наделен не разумом, но лишь способностью к разуму, который в основе есть способность и потребность в повышенной возбудимости центральной нервной системы – разум есть оформление повышенной энергетики центральной нервной системы сравнительно со всеми прочими существами;

посредством разума человек выделился среди прочих существ с овладением огнем, то есть включив в свои действия энергию, содержащуюся в веществе планеты, в неограниченных размерах, гораздо больших, чем физиологические потребности собственно организма;

человек всегда находится в принципиальном неравновесии с окружающей средой: разум стоит к чувствам в том же отношении, как ускорение – к скорости, увеличивающаяся сумма знаний требует совершения все больших действий для получения той же силы и качества ощущений, и действия как изменение окружающей среды имеют нарастающий характер все большего и скорейшего преобразования и выделения энергии;

все действия и особенности человека и человечества объясняются и обусловлены вышесказанным и лежат в его рамках;

эволюция неорганической и органической материи Земли носит антиэнтропийный характер консервации энергии во все более сложных материально-энергетических структурах;

посредством человека делается возможным преобразование и выделение все большей части этой энергии, которая без него могла бы сколь угодно долго оставаться «невостребованной», «косной», «мертвой», (а энергопреобразование есть сущность Бытия);

человек разумный есть верхняя точка антиэнтропийной эволюции планеты, в принципе – самый совершенный энергетический запал всей окружающей материи;

предел лавинообразно нарастающему энергопреобразованию окружающей среды человеком принципиально не видим; в идеальном удалении тенденция имеет конечной точкой преобразование Вселенной, т. е. уничтожение нашего Мира и создание Нового – это и есть то Максимальное Действие, к которому направлен вектор человеческой деятельности;

таким образом человек есть этап, звено, средство, орудие, самопреобразования Вселенной в целом;

и объективно равнодействующая всех его чувств, помыслов и поступков направлена на это;

– – – что вполне объясняет и увязывает жизнь и сущность человека, народа, истории с их местом и ролью в мироздании.

Приложение I Изложения лектора

Смысл и цель искусства и литературы

Лекция, прочитанная в университете Иерусалима в 1996 г.

Дорогие друзья. Сейчас мы будем говорить о вопросе, наверное, наиболее сложном из всего курса, из всего нашего цикла. И об одном из тех вопросов, которые считаются вечными. Вечными – это потому, что вопрос задавали вечно, а ответа на него удовлетворительного не давали ни разу. Ну, я полагаю, что если и 10 заповедей были высечены на скрижалях, и Библия была написана, то можно, в общем, дать ответ и на этот вопрос тоже.

А вопрос этот: а з а ч е м в о о б щ е л и т е р а т у р а.

Зачем поэзия? Зачем, если расширять понятие *поэзии*, и проза, и литература вообще? А строго говоря, это тот же самый вопрос, как: а зачем вообще искусство?

Вопросом этим задавались всегда. И в качестве эпитафии просто можно взять и выставить одну из фраз блистательного мэтра Оскара Уайльда, стоящую среди предисловия к роману «Портрет Дориана Грея»: *«Художника, занимающегося бесполезным делом, оправдывает только одно – величайшая любовь к своему искусству.*

Всякое искусство совершенно бесполезно».

Так вот на том, что оно бесполезно, сходились многие; а многие оспаривали. Но зачем и почему оно вообще?

Когда человек не может найти смысла, то есть пристегнутости к большим, объективным, и несомненно нужным делам, – не может найти смысла в своем занятии, он впадает иногда в депрессию и хочет все-таки увидеть: а в чем здесь смысл? А в чем здесь польза? И зачем же, наконец, надо этим заниматься?

С точки зрения самого художника, писателя в частности, можно заниматься литературой для денег. Это понятно. Хотя, конечно, для денег лучше спекулировать нефтью, или недвижимостью, или пускаться в банковские махинации. Но все-таки литературой можно зарабатывать деньги.

Но деньги – это еще не смысл! В таком случае человек, который биржевыми спекуляциями зарабатывает больше писателя, – должен быть почтеннее и знаменитее: а на самом деле все-таки нет. Вот если биржевик гора-аздо богаче – ну тогда, конечно. Вы знаете, где Джордж Сорос – а где Нобелевский лауреат какой-то там! Хотя в чем-то, заметьте, авторитет, скажем, нобелевского лауреата Солженицына – в чем-то заметно выше авторитета великого миллиардера и мецената Джорджа Сороса. Понятно, что пишут не из-за денег, потому что иначе поэты не умирали бы под заборами в нищете, отказываясь от нормальных заработков.

Естественный вопрос: для славы? Но это опять же эгоистическая постановка вопроса. Художник хочет славы. Но вот в наше время, в эпоху телевидения, слава гораздо легче – скандального характера! Она сегодня почти вся скандального характера. И достигается иначе, – то есть прямым ходом ты должен идти в телезвезды. Вот телезвезда имеет максимальную славу, причем славу узнаваемую, полезную. Слава, которая в каких-то жизненных ситуациях легко конвертируется по законам бартера в какие-то услуги, в открытые двери, в кредиты и т.д.

Ну, славу делают в кино в течение всего XX века.

А с точки зрения все-таки смысла – для чего заниматься литературой? Один из старинных ответов: писатель улучшает нравы своего столетия. Вы знаете, вот в течение всего XIX

века так и думали: писатель улучшает, смягчает, умягчает и утончает. И вот раньше люди были грубые и туповатые, а теперь они более гуманные.

Потом началась Великая война, позже названная Первой мировой. И она произвела большое потрясение в умах читающей публики. Потому что и ничего нравы не умягчили. После того как люди друг друга, как в средневековье, сжигали из огнеметов, травили газами, – чего раньше просто не умели делать, а это иногда обеспечивало весьма мучительную смерть, – рвали на куски артиллерийским огнем, ну и в виде акта милосердия добивали своих друзей, которые об этом иногда просили, а иногда были уже не в силах. Вот вам и все «смягчение нравов».

Потом наступила Вторая мировая война, где происходили известные преступления против человечества и человечности, – и сплошь и рядом люди, начитанные, образованные, сведущие в искусстве, которые любили, ну для простоты возьмем ходульный пример: слушать Баха и Бетховена, и Вагнера, и читать Ницше, и читать поэзию Гёте, – а работали они в концлагерях! потому что работа была такая. Они могли не любить свою работу. Она могла им быть неприятной... Но, тем не менее, они исправно делали то, что делали в течение тысячелетий самые тупые, грубые, неотесанные и неграмотные варвары. Вот вам и все смягчение искусств.

Ну, потом некоторых из этих начитанных и музыкально образованных людей повесили. И те, которые их вешали, тоже не были варварами, а сравнительно начитанными людьми. У нас не получается смягчение нравов!.. Можно любить стихи – и при этом подписывать расстрельные приказы.

В свое время в Советском Союзе в большой моде был пример, как Владимир Ильич выслушал «Аппассионату» и сказал: «Нечеловеческая музыка». Помолчал и добавил: «Но долго слушать ее не могу, потому что нельзя – хочется гладить всех по головке, а сейчас время такое – нельзя гладить по головке». И отправлял телеграммы на фронт: побольше расстреливать и побольше вешать. Вот вам и «Аппассионата»! Бедный Бетховен.

Не прокатывают варианты, что искусство смягчает нравы. Потому что сплошь и рядом люди, которые читают, они сущие маньяки, – а люди малограмотные могут быть наоборот, очень гуманными, что мы наблюдаем сплошь и рядом.

Другое дело, что развитие искусства идет бок о бок с развитием вообще цивилизации. В конце концов, развитие искусства, и литературы в частности, – один из аспектов развития цивилизации. Но тогда в XIX веке, в золотом, мы пришли уже к вершинам развития литературы, и живописи, и музыки, и архитектуры. Потому что сегодняшний рэп, или сегодняшний абстракционизм, – уже давно-давно не сегодняшний, – или сегодняшний постмодернизм и в литературе, и в живописи, и в музыке, – ну, это все какое-то довольно тупое и даже дегуманизованное искусство, и никакого развития здесь нет. **Н е в с я к о е д в и ж е н и е е с т ь р а з в и т и е.**

Если человек шел по шоссе, а потом пошел по пояс в грязном болоте, то не надо говорить, что грязное болото – это дальнейшее развитие шоссе. Это дальнейшее движение, а вот насчет развития шоссе – это вряд ли.

Вопрос. Какого лешего мы занимаемся литературой?

В свое время блистательный американский писатель Тортон Уайлдер поставил этот примерно вопрос в своем первом из знаменитых романах «Мост короля Людовика Святого». Где старый, условно говоря импресарио, антрепренер, наставник заставлял свою любимицу и воспитанницу, молодую актрису, шлифовать свое мастерство до небывалых, невозможных высот, – хотя вся публика города Лимы в далеком провинциальном Перу убеждена: что то, что она видит на сцене, – и так верх совершенства. Для чего он требует от нее вот этого совершенства, если публика не в состоянии его оценить?!. Уайлдер так и не ответил на этот вопрос... И меланхолично вздохнул на ту тему, что «видимо, истинный ценитель и знаток живет не в этом мире», полагая, что вот... ну, Господь вложил такую искру в душу художника, и художник добивается совершенства.

Почему мы не рассматриваем теорию относительно Господа, который вложил огонь в душу. Потому что это недоказуемо и непроверяемо, и ничего не объясняет. При помощи введения таких двух величин, как Господь и Дьявол, можно объяснить абсолютно все на любом этапе. Вот это, потому что Дьявол, вот это, потому что Господь. Я боюсь, что будем придерживаться все-таки материалистической тенденции, материалистической базы, потому что на ней немного легче стоять, хотя сейчас, я, видимо, лукавлю, не только материалистической.

Итак. Если кто всерьез хочет понять, так почему, и для чего, и зачем существует литература, – сначала, наверное, должен представить себе, как вообще существует мир, как устроена Вселенная, ну хотя бы в самых основах. Потому что мы все-таки часть этой Вселенной, порождение этой Вселенной, – и одновременно орудие этой Вселенной.

Значит. Если принять так называемую сингулярную, точечную теорию происхождения Вселенной, теорию Большого Взрыва, то у нас получается следующее. Вот изначально существовало так называемое космическое яйцо. Его поперечник измерить невозможно – потому что нечем мерить: потому что пространства не существовало, времени не существовало, материи, можно сказать, тоже не существовало, а существовал некий точечный сгусток, концентрат энергии. И вот произошел взрыв. И Вселенная стала расширяться со скоростью 300 тысяч километров в секунду, со скоростью света. Энергия поперла во все стороны в виде ярчайшего света. А свет имеет двойственную, дуалистическую, корпускулярно-волновую природу, то есть это и частица и волна в одно и то же время. С одной стороны, как будто бы что-то вроде волн или поля, а с другой стороны, что-то вроде материи.

Значит. По мере расширения, по мере появления пространства, появлялось и время, потому что время – это то измерение, в котором происходят любые изменения. Значит. Начали появляться субэлементарные частицы. Начали появляться элементарные частицы. Начали появляться простейшие атомы: атомные ядра водорода, гелия, электронные оболочки. Начали появляться более сложные атомы. Начали появляться молекулы. В конце концов, начала появляться материя в каких-то серьезных объемах, – то есть песок, какой-то лед, какие-то скалы. И вообще раскаленная плазма стала, остывая, превращаться в звезды и планеты. Можно сказать, что по мере расширения, по мере времени, по мере эволюционирования Вселенной – изначально энергия стала превращаться во все более сложные, все более сложно структурированные материальные сгустки. То есть. *Мы можем рассматривать материю как агрегатное состояние энергии.*

Не углубляясь сейчас в исследования на тему: «Что такое энергия». Энергия как изначальная способность Вселенной производить все, изначальный потенциал.

Значит. Дальше у нас *энергия, превращаясь в материю, превращается в виды материи все более сложные.*

И тогда, обращаясь к великому философу XIX века англичанину Герберту Спенсеру, – о котором вы должны были слышать, хотя бы те, которые читали роман Джека Лондона «Мартин Иден»: потому что Мартин Иден читал Спенсера, который произвел на него неизгладимое впечатление. Так вот. Великий Спенсер, последний философ-материалист и энциклопедист, говорил очень просто: существуют (классифицировал он элементарно) *три формы существования материи: неорганическая, органическая и надорганическая, или социальная.*

Ну, то, что неживая природа: камни, вода, – вы понимаете. То, что живая природа: клетки, размножение, – вы понимаете. Социальная форма существования материи – это уже когда люди образуются в социумы, создают социальные институты. Это уже отдельная форма существования материи, – вернее говоря не отдельная: следующая. Эта материя живет уже по своим законам.

А законы эти достаточно несложные в самой своей основе. Потому что, с одной стороны, существует *закон всемирной энтропии*. Что в переводе на простой разговорный русский означает «делаешь руками, а разваливается само». Энтропия означает, что любое здание когда-

нибудь развалится, любой самолет раньше или позже так или иначе приземлится, любое живое существо умрет, любая гора рассыплется, любой огонь когда-нибудь погаснет и т.д. И, в конце концов, все во Вселенной уравнивается и наступит так называемая тепловая смерть Вселенной, – когда все, что есть теплого, отдаст тепло через излучение в разные стороны. И температура всего будет одинаковая, и невозможно будет передать никакую энергию от одной точки пространства к другой, и тут-то и кончится ВСЁ. Некая бесконечная, безжизненная, серая, прохладно-тепловатая пустыня. Это энтропия.

Но. Если бы во Вселенной действовал только закон энтропии, то не было бы никогда никого возникновения субэлементарных частиц, элементарных, природы неорганической и уж тем более природы органической, или уж тем более формы существования материи социальной. Ничего бы не было, все бы разваливалось. Вместо этого мы наблюдаем – все большее усложнение материальных структур. Так вот.

Во Вселенной действует еще один закон, обратный и противоположный по смыслу и действию закону энтропии.

Вы сейчас будете смеяться, но у меня такое впечатление, что до сих пор его никто внятно не формулировал и, может быть, даже никто не принимал во внимание. Этот

Закон всемирной структуризации

выражается в том, что – если пытаться сформулировать:

Любые изменения любых материальных структур в конечном итоге ведут к усложнению этих структур или вовлечению их в более общие и более сложные структуры.

Что означает:

Если уже возникло что-то материальное – дальше оно будет по мере миллиардов лет только усложняться, или же войдет в состав другой структуры более сложной.

Вот как субэлементарные частицы, элементарные частицы, атомы, – складываются в молекулы, молекулы в клетки, и т.д. и т.п. – так, чтобы ни разваливалось, какое бы живое существо ни погибало, раньше или позже элементарные составляющие, частицы – энергия, структурированная в материю – сложатся в более сложную материальную структуру. Это надо помнить, желательно понимать, хотя сразу вот так, видимо, трудно.

Давно выяснена, – ну, что значит давно, в XX веке, все-таки давно, – такая закономерность, что. Если появляется какой-то новый биологический вид, возникает какое-то существо, у него обычно есть голова, и в этой голове есть мозг – центральная нервная система. Дальше это существо эволюционирует (ну, если археологи могут что-нибудь там накопать и посмотреть, палеонтологи, копатели). И как бы оно ни эволюционировало, *его головной мозг, его центральная нервная система может становиться только больше*. Она всегда становится больше – и никогда не становится меньше! При этом она может перестать развиваться, существо может так здорово вписаться в какую-то экологическую нишу, что будет жить неизменно в течение десятков миллионов лет, а может исчезнуть, но никогда его головной мозг не будет уменьшаться. Ни в коем случае. Вот это и есть одно из действий, одно из следствий, один из аспектов действия **Закона всемирной структуризации**.

Из этого следует, что когда мы, люди, объединяемся промеж собой в социумы, в сообщества, в народы, в этносы, государства, – то мы создаем все более сложные материальные структуры. *Все наши действия в конечном итоге анти-энтропийны*, даже если мы сжигаем деревья, и уголь, и нефть, то есть ту биомассу, которая за миллионы и миллионы лет образовывалась до нас. Мы, тем не менее, делаем что-то, то есть: роим каналы, строим здания, строим космические корабли и запускаем их и т.д., – создаем то, что противоположно всеобщему развалу, противоположно энтропии: мы все более усложняем нашу среду обитания! Даже когда мы выбиваем какие-то биологические, ботанические виды, разводя фермы вместо диких лесов

и поля вместо степей, – тем не менее где-то там остаются поля, где-то леса, – а где-то мы сажаем те растения, которые культурные противоположные диким, дикие хотели бы их размолоть.

Один из примеров, удобный и наглядный. Если взять собак разных пород, которые десятилетиями и веками многими выводились селекционерами и очень отличаются друг от друга, – например: возьмите вы бульдога, и возьмите вы мастифа, и возьми вы борзую, и возьмите вы левретку и т.д., – они все очень разные, и всех старательно выводили. Вот выпустите их на какой-нибудь большой территории всех вместе. И через небольшое количество поколений вы получите дворняг. Ну что-то вроде дикой собаки динго. Вот из дикой собаки динго, используя мельчайшие отличия одной особи от другой, развести через несколько веков опять массу этих пород – это наглядный пример того, как человек являет собой антиэнтропийное структурирующее начало. Он делает то, чего не было: он делает разное, он делает разнообразное, он делает то, что разводит вот эту однородную массу в разные стороны: он делает разнообразнее Вселенную.

И структуры, которые создает человек, они энергонаполняющие, они энергоемкие. Вот если их сложить, то выйдет как воздух из картонного домика – и ничего не будет. А пока – картонный домик стоит вместо колоды карт! – вот какую конструкцию мы видим. Вот это – наше занятие во Вселенной. Это наша вселенская функция. Это заложено в нас инстинктом.

Вот поэтому, если дети не могут строить, – то они ломают: им необходимо и з м е н я т ь, – делать не то, что было до них.

Давно-давно американский фантаст, по-моему, это был Роберт Шекли, хотя, может быть, это был Клиффорд Саймак, я боюсь сейчас перепутать, написал среди прочих один забавный рассказ, который назывался «Ускоритель». (По-моему, в оригинале по-английски это называлось «Функция».) То есть космическая экспедиция, она же космический корабль... вот эта экспедиция потерпела аварию в пространстве и села на какую-то планету. У них сломался ускоритель. Дело в том, что весь этот корабль состоял из живых разумных существ, которые складывались между собой. Там были стенки, они могли разобратся и больше не было корабля, а бегали какие-то стенки. Там был двигатель, там был вычислитель, там было еще что-то, и кроме прочего там был ускоритель. И вот с этим ускорителем что-то случилось. Не то он в космосе простудился, заболел и умер, не то ему ударил в то место, где должна быть голова, пролетающий метеорит, но только у них ускоритель скис, сдох. И они сели на планете, где жили ускорители. И им удалось поймать одного ускорителя и объяснить ему, что им на корабле нужен ускоритель и все будет отлично. А ускоритель стал объяснять, что он этого не хочет ужасно, что у него есть родители, жена, дети, любимая работа, карьера, искусство, а ему объясняли: ты понимаешь, это только потому, что до сих пор среди вас были только ускорители, им нечего было ускорять, вот они и занимались всякой ерундой, а теперь войди в нашу космическую семью – и ты поймешь, как это здорово: ускорять. Ну, в общем, они навертели ему этой лапши на уши, он вошел в их космическую семью: встроился в корабль как ускоритель; они собрались все вместе и полетели. И он стал ускорять. И почувствовал, как это хорошо! Вот, значит, один из вариантов шуточных, какова роль человека в этом космическом, еще неизвестном нам, содружестве.

Так вот, кроме шуток. Если *суть существования Вселенной – это энергоэволюция*, если *суть энергоэволюции – это превращение энергии из энергии чистого вида во все более сложные материальные структуры*, – то *сущность человека во Вселенной – это структуризатор*.

Человек переделывает то, что есть, создавая все более сложные материальные структуры посредством своей центральной нервной системы в первую очередь, ну а потом уже рабочих манипуляторов типа рук.

Тогда может возникать вопрос: для чего он это делает? Это имеет простое объяснение: в него встроено, в человека, чувственный механизм. Разумеется, он не задается целью: «давайте-ка я переделаю вот это все». Он делает это потому, что ему хочется. Он под это подбивает

подкладки типа: «оставить след» или «созидательная функция», или «как это прекрасно», или «счастливое будущее человечества», а вообще он переделывает потому, что этого хочет и попутно решает свои собственные задачи, т.е. он займет высокое место в социальной иерархии или он совершит подвиг и покорит любимую девушку, ну уже подразумевается отдельно природой, что они дадут счастливое многочисленное здоровое потомство, или он, таким образом, заработает кучу денег и будет счастлив. У него есть механизмы хотения.

И вот с этими механизмами хотения такая интересная вещь, что: с такой же силой некоторые люди, как они хотят, допустим, копать шахту, ну для того, чтобы уголь, а потом кокс, а потом железо, а потом оружие, а потом завоевать соседей. Вот такая социальная деятельность. С такой же силой кто-то из них может хотеть писать стихи!

Вопрос. Зачем человечеству – с точки зрения Вселенной, с его понятно переструктурирующей и антиэнтропийной функцией, – зачем человечеству искусство? культура? и литература в частности?

Ответ. Вот поскольку встроен этот автоматический чувственный механизм, и человек занимается тем, что следует своим (однако самым сильным, доминирующим, суммарно доминирующим) желаниям, – то с точки зрения Вселенской Эволюции: искусство и литература, которые создает человек, ну – это типа отходов производства. Ну вот этот КПД все-таки не 100%. Поэтому человек не только занимается переструктурированием Вселенной и усложнением материальных структур – но еще и всякой белибердой: типа картины он, понимаете, пишет или стихи складывает, ну куда денешься.

А с точки зрения субъективной человеческого сознания, человеческого, можно сказать, центропулсма, можно сказать, антропоцентризма, *переделывание Вселенной – это для человека следствие*, а цель – это он хочет устроить счастье для всего человечества, или познать (спросите зачем, он скажет: закон природы) или познать тайны Вселенной, или добиться славы, или заработать денег.

Ну, а искусство – иногда средство для этого. А то, что мы переструктурируем – это уже часто бывает следствие.

То есть: взгляд со стороны – и взгляд изнутри.

И здесь мы перейдем к следующему очень интересному этапу, а именно. Когда-то в школе, в советской школе, на уроках ботаники детей учили, что сначала были какие-то вот такие примитивные, понимаете, растения, а потом – более культурные. Потом сказали, что это лысенковщина, но на самом деле мало что изменилось. Потому что происхождение всего живого объясняли так: вот, допустим, бродили звери и кушали траву, это были травоядные звери. Зверей много – травы на всех не хватает, а наверху листва. Некоторые звери, которые ростом повыше, вытягивали шеи кверху и ели эту листву. Чья шея длиннее, тот успешнее питался, оставлял потомство – и так образовался жираф.

Интересно, что в чем-то это чистая лысенковщина, но, значит, как его звали, я уже не помню сейчас никак... Петр Трофимович Лысенко, или наоборот, Трофим Денисович... короче, народный академик точно то же самое и говорил: хорошие условия – у нас овсюг превращается в овес, а плохие – овес вырождается в овсюг, все очень быстро.

И тогда следовали ехидные вопросы, которые в сталинско-лысенковскую эпоху не смели задавать. Из которых самый кардинальный, я думаю меня поймут: десятки тысяч лет девушки рождаются на свет девочками с девственной плевой – и неизменно лишаются ее, начиная взрослую жизнь, вступая в чадородный возраст и т.д. Вопрос. С точки зрения логики – девочки давным-давно должны начать рождаться без девственной плевы. Но этого, однако, не происходит, из-за чего приистекают иногда разнообразные сложности.

Точно то же самое относится к животным. Ибо павлины со своими хвостами должны были давным-давно погибнуть, не вынеся конкуренции с птицами более мобильными, у которых сзади нет вот этого снопа, бесполезного для жизни. Не получается с точки зрения пользы!

И вдруг оказывается, что. Если полезть туда, в ботанику с биологией, то оказывается: то, что нам пытались впарить за эволюцию по Дарвину, на самом деле является эволюцией по Ламарку. Ламарк был великий ученый, фактически создатель теории эволюции, и жил он на десятилетия раньше Дарвина, и знаменит он был всемирно, и он и говорил: ну, конечно, вот те свойства, те изменения и те мутации, которые полезны, вот они и ведут куда надо, а вот вредные – там наоборот со всякими ненужными тяжелыми хвостами должны вымирать.

Заслуга Чарлза Дарвина в первую очередь состоит в его редкостной, феноменальной научной добросовестности. И вот этот Дарвин впервые и показал, что мутации, которые происходят с живыми существами иногда под воздействием непонятных факторов, под воздействием случайностей, – эти мутации носят абсолютно случайный, неупорядоченный, непредсказуемый характер. И могут разделяться на три группы.

Первая группа – это мутации, полезные для жизни вида. Это бывает реже всего.

Вторая – мутации вредные для жизни вида, которые мешают ему жить: и это тоже бывает достаточно редко.

Наибольшее количество мутаций не имеют никакого значения для выживания и продолжения рода вот этого вида. Ни-че-го. Но они почему-то тоже происходят! Ну, природа как будто действует «методом тыка».

Природа производит все мутации, которые только могут быть. А потом что-нибудь чуть-чуть меняется – и какие-то оказываются полезными. Иногда заранее этого нельзя предвидеть. А иногда какие-то из них, очень немногочисленные, оказываются полезными сейчас. Но это не потому, что природа движется в каком-то определенном направлении. А потому, что вот как по всей сфере, вот 360 градусов, всё что есть... вот как шар кругом нас – и по всему этому шару происходят эти мутации. Какие-то оказываются полезными.

Точно так же человек делает абсолютно все, что он может придумать, чтобы делать. Не потому, что это полезное, а вот потому, что через него продолжают эти мутации вселенской деятельности во все стороны.

Когда человек удовлетворяет потребности первого порядка, то здесь все достаточно просто. Потому что целенаправленно и осмысленно человек удовлетворяет потребности в питье, в пище, в спасении от хищников, в жилище, то есть укрывании себя от неблагоприятной внешней среды, в размножении, в одежде, в безопасности и т.д. и т.п. Но когда речь идет о чем-то дальнейшем...

Скажите, для чего он рисует что-то цветной глиной на стене пещеры? А... это он думает, что какой-то обряд, он вкладывает в это смысл. Хорошо. Тогда расскажите, пожалуйста, какой смысл вкладывает пастух в узор, которым он украшает кнутовище? Вот он сидит себе на пригорочке, приглядывая за стадом, и ножиком покрывает свое кнутовище затейливой резьбой. Пользы от нее никакой. Говорят, потому что вот стремление к красоте в душе человека. Ну да, можно так сказать, но это означает не объяснить ничего. Для чего он занимается вот этим вот? *А ему нужно сделать что-то, чего не было. И з м е н я т ь.*

Понимаете, вот так же существует вещь, которую можно назвать *стремлением к украшению себя*. То есть самые первобытные народы стремились что-то изменить в своем облике. Или они заплетали волосы в косички. Или они подпиливали себе зубы, или они свои белоснежные зубы специальной сажей красили в черный цвет, и считалось, что это красиво. Или они покрывали свои тела, вот свою гладкую, смуглую, бронзовую, загорелую кожу они покрывали татуировками. Но делали что-то такое, чего не было раньше.

Это есть то самое п е р е с т р у к т у р и р о в а н и е в с е г о о к р у ж а ю щ е г о. Это инстинктивно присуще человеку. И для того, чтобы понять, в каком же направлении движутся эти изменения, мы сейчас сделаем один очень нехитрый мысленный опыт.

Представьте себе, что вы где-нибудь в российском колхозе на колхозном поле. То есть достаточно прохладно, возможно дождливо, безусловно грязно. Значит, за трактором плуг

выковырял борозды, и там торчит картошка. И вы собираете эту картошку. Вот, предположим, вы советские студенты, которых отправили на картошку.

У каждого из вас в руках ведро, вы туда насыпаете картошку. А картошка, знаете, такая не очень: она иногда кривая, одна крупная, другая мелкая, третья средняя, есть чистая, есть грязная, не важно, ну – такая очень разносортная картошка. Эти ведра вы высыпаете в такие грязные деревянные ящики. Три ведра на ящик, 20 кг примерно, 20–25. И двое ребят, которые покрепче, вот эти ящики берут и составляют там в кузов машины. Ну, занятие в свое время привычное всем советским студентам.

Теперь представьте себе кого-то здорового, который с двух сторон за эти грязные ручки берет вот этот ящик, наполненный картошкой самого разного вида, и начинает его трясти. Вот начинает его ритмично потряхивать. Вот потряхивает и потряхивает. Сил у него невпроворот, потряхивать может долго.

Мы наблюдаем картину, которая кому-то может показаться удивительной: буквально через одну-две минуты потряхивания картошка сортируется. Самая мелкая оказывается в самом низу, средняя оказывается посередине, а наверху оказывается самая крупная картошка. И некие наблюдатели, допустим, с другой планеты, которые ничего не знают о Законе всемирного тяготения, которые не знают того, что картошка под действием силы тяжести устроилась так, чтобы при потряхивании центр тяжести всей картошки в ящике находился пониже. Вот они этого не знали. Они видят только, что произошла такая сортировка. Они говорят, что, в общем, это чудо, которое, видимо, еще не скоро будет объяснено. Потому что с точки зрения теории вероятности нужно, допустим, 27 600 лет, чтобы в результате беспорядочных потряхиваний, вот по случайности, сложилась такая комбинация, – чтобы все мелкие были внизу, а средние посередине, а крупные наверху.

Вот примерно так же рассуждают сегодня наши ученые, когда говорят о том, что возникновение жизни на Земле – это потрясающая случайность. А главное, если принять во внимание вот все привходящие факторы, все исходные данные, – то с точки зрения теории вероятности, теории случайностей, нужно было бы во много-много тысяч раз времени больше на возникновение жизни на Земле, чем получилось.

А как она возникла так быстро? А вот потому что существует тот самый, о котором мы говорили, ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ. Который все изменения отбирает таким образом, чтобы в результате *эволюция шла в сторону наибольшего усложнения всех материальных структур*. А поскольку жизнь сложнее «пред-жизни», и изменяется все при жизни быстрее, то эти случайности как будто какой-то рукой продавливались при любых изменениях в эту сторону. Вот как будто кто-то тряс ящик таким образом, чтобы жизнь у нас возникла быстрее, то есть чтобы все мелкие картошки, допустим, были там внизу.

Точно так же все человеческие действия направлены в такую сторону, чтобы переструктурировать как можно больше. Но это не объясняет, для чего человеку стихи. Вот если мы ограничим искусство, допустим, архитектурой, – то тогда понятно, зачем египтяне ставили пирамиды или американцы ставили небоскребы. Вот это – максимальная антиэнтропийная деятельность. А при чем тут стихи?

Вот тут мы должны заехать немного с другой стороны к нашему вопросу.

В свое время великий Шопенгауэр сказал: «Поскольку мы всегда имеем дело не с предметами, а с нашими представлениями о них (т.е., прибегая к кантовским формулировкам, «не с вещью с самой по себе», а «с вещью для нас»), то, – продолжал Шопенгауэр, – коли мы имеем дело с нашими представлениями о вещах, всякая честная философия неизбежно должна быть идеалистической». Против этого очень трудно возражать, потому что действительно: что бы там ни было – мы воспринимаем все через наши органы чувств. И имеем дело с не предметами, а с нашими о них представлениями, которые на чувствах базируются, а потом в рациональные системы могут перерабатываться. Поэтому мы должны признавать, что все-таки честная

философия действительно должна быть немного идеалистической. Мы имеем дело с нашими представлениями о предметах: они объективно могут существовать – а субъективно мы все равно имеем дело с нашими представлениями.

Таким образом, можно сказать, что существует «Бытие-вне-нас». И с точки зрения философской – это примерно то же самое, что совокупность кантовских «вещей самих по себе» или «самих для себя». То, что в формулировках в переводе на русский «вещь в себе» – она не совсем точна и не совсем даже понятна. Вот вся совокупность всех вещей Вселенной, то есть вот все, что есть во Вселенной материального самого по себе – вот оно у нас называется, допустим, «**Бытие–вне–нас**».

А еще есть «**Бытие–внутри–нас**». Это означает, что. Из опыта нам понятно абсолютно: если любого человека убить – то все остальное все-таки останется. Мы это видели неоднократно в кино, а некоторые даже видели это наяву. Но для каждого из нас все-таки в этот момент прекращается жизнь – и тем самым прекращается мир. И каждый из нас подобен своего рода танку, который не имеет оптических приборов, а имеет только телевизионные. Вот как со зрением мы имеем дело, с сетчаткой глаза, куда проецируются все изображения, – так мы внутри себя имеем дело с этим самым «бытием», а вернее с нашим *представлением об этом бытии*. Вот бытие, каким оно воспринято внутри нас.

Таким образом. Бытие-внутри-нас – это Бытие-вне-нас, как мы его внутри себя представляем.

И вот здесь есть одна очень тонкая вещь! Бытие-внутри-нас может совпадать, то есть адекватно отражать Бытие-вне-нас, – а может и нет. Например. Если мы побежали и в точности измерили какой-то бетонный блок: мы измерили в сантиметрах, мы его измерили в килограммах, мы произвели, допустим, химический анализ этого бетонного блока. И то, что внутри нас: представление об этом блоке: в точности совпадает с этим вот блоком. Это вне нас.

А теперь внутри нас. «Вне нас» – это значит: уничтожь все человечество, но этот бетонный блок остался и он не изменился ничуть. А «внутри нас»... Предположим, существуют стихи. Ты уничтожил человечество – и вся поэзия исчезла.

Если эти стихи были напечатаны в книгах, то остались материальные носители поэзии: осталась бумага, покрытая буквами, то есть вот такая-то материя, так-то структурированная: вот такие-то пластиночки белые, имеющие такие-то данные, физический, химический состав, размер, – на которых такие черные черточки. Но. Поэзии самой не осталось! Потому что – некому это читать, некому это произносить, и некому это представлять внутри головы.

Но. Пока мы живы – эта поэзия совершенно существует. И вот для нас, с нашим Бытием-внутри-нас и вне-нас, для нас Шерлок Холмс – точно так же реален, как доктор Конан Дойль. Потому что сегодня уже и того и другого нет, и более того: довольно много людей, которые знают, кто такой Шерлок Холмс, – но не знают, кто такой Конан Дойль. Если вы. Уничтожите всех людей. То. От Шерлока Холмса не останется ничего, – а от Конан Дойля все-таки останутся кости в могиле. Понятна ли эта разница?

Мы имеем дело с отражением мира, а иногда не с отражением, а с *переделыванием внутреннего мира*. Переделывая внешний мир, то есть, – мы прорываем каналы, мы роим шахты, мы возводим здания, мы изменяем Бытие-вне-нас, но – одновременно Бытие-внутри-нас мы тоже изменяем. Мы видим, чувствуем и знаем, как вот это все изменилось. Наше отражение измененного мира соответствует этому измененному миру.

Вариант второй – мы пишем стихи. Ничего не изменяется в Бытие-вне-нас, а внутри нас все-таки изменяется. Значит. Зачем мы пишем стихи? Мы с этого начали. Для денег, для славы, для пользы, для смягчения нравов, говорили. Не прокатывает. А потому, что:

Человек как *продукт эволюции* и как в чем-то *орудие* этой вселенской эволюции должен д е л а т ь. Запрограммирован он так инстинктивно, сущность его вселенская: делать абсолютно

все, что он только может придумать. Вот до чего он додумается делать – вот это все он всегда будет делать. Полезно это или не полезно, он часто не знает.

Чем более развита цивилизация, чем меньше усилий нужно класть на то, чтобы просто прокормиться и физически просуществовать, – тем большая часть человеческой энергии расходуется на занятие необязательное. Тем большая часть человеческой энергии расходуется на *переструктурирование Бытия-внутри-нас*.

А именно: начинают придумываться какие-то глупые ритуалы, которые никого не интересовали в серьезные времена войн или подъемов цивилизации. Начинают придумываться какие-то жесты, начинает придаваться значение какой-то ерунде. Люди сходят с ума из-за того, что у них где-то что-то в одежде на 15 сантиметров выше или ниже, короче или длиннее. Начинают изобретаться «ценности», которых, в общем, не существует. И примерно по тому же принципу создания того, чего нет вне нас, «реально», – начинает создаваться литература.

Понятно, что есть функция изначально информативная: рассказать, что там было. Функция познавательная: когда литература неразъемна от мифологии и пытается объяснять мир. Функция эмоциональная: когда поют на свадьбах или плачут на похоронах. Ну, а когда все спокойно – зачем нужно писать стихи?.. «Для того, чтобы это было прекрасно».

Для того, чтобы было прекрасно, можно любоваться закатом, можно слушать пение птиц. И мало ли чем еще можно заниматься без всей вот этой ерунды. А зачем поэтам сжигать себя в короткие годы безобразной, часто асоциальной, жизни?

И как это получается, что есть вот шахтер, который добывает уголь: тяжелая, но нужная работа. Есть поэт, который сочиняет стихи. С точки зрения шахтера – это вообще не работа, а кроме того, она никому не нужна. И каким-то образом этот самый поэт, не политик, не адвокат, вообще там виршеплет, стоит в социальной табели о рангах выше этого шахтера. А иногда еще и денег получает больше, что может показаться особенно несправедливым.

Потому что людям в общем и целом нет разницы: переструктурировано Бытие-вне-нас или внутри-нас.

С этой точки зрения пробить тоннель под Монбланом и написать такую поэму, допустим, как «Илиада» – это в чем-то события сходные, равновеликие. Что да, эта поэзия, она вроде бы в реальности не существует, зато она отлично существует в нашем внутреннем мире.

Вот мы берем и делим наш внутренний мир на две неравные части. Большая часть, ну чисто условно возьмем 90%, – это наш внутренний мир, который совпадает с внешним миром. И чтобы мы ни переделывали, переструктурируя во внешнем, оно у нас внутри совершенно адекватно отражается. И поскольку мы имеем дело все-таки с нашими представлениями о предметах, то мы переструктурируем те 90% своего Бытия-внутри-нас, которые адекватно отражаются снаружи. Мы думаем, что мы строим космический корабль – и мы строим космический корабль. Думаем, что летим к Марсу – и летим к Марсу.

А вот 10%! – они не находят, и вообще не имеют, адекватного отражения снаружи, вне нас. Мы пишем стихи – и эти стихи существуют только в нашем сознании: только в восприятии нашей центральной нервной системы. А нашей центральной нервной системе, в общем, все равно: читать лирические стихи о том, чего, в общем, и нет, а просто о чувствах, – или читать отчет, допустим, об экспедиции на Марс, которая была объективна. Внутри нас происходят точно те же самые процессы осознания и чувствования.

Вот примерно поэтому и существует литература. Литература как часть культуры в узком смысле этого слова. Если культура – это перереструктурирование, усложнение, создание более сложных структур в той части нашего Бытия-внутри-нас, которая не совпадает с Бытием-вне-нас, – то вот литература это часть этой общей культуры. Потому что вообще в культуру искусства входит музыка, и входит живопись, и входит еще ряд вещей...

Музыка – это специальное упорядочивание звуков. На акустическом уровне *музыка категорически антиэнтропийна*. Звуки, которые валяются хаотично и неорганизованно, – ком-

позитором и исполняющими сочинение музыкантами очень здорово структурируется: высокие сюда, низкие сюда, слабые так, сильные сяк и т.д. и т.п. И мы имеем могучую акустическую структуру. С этой точки зрения *музыка – это очень высокоорганизованная акустическая структура*, не имеющая, в общем, прямых аналогов в природе. А самые близкие – это птичье пение.

Точно так же можно сказать о живописи. Потому – что. Мы берем краски: если мы их смешаем все вместе и покрасим холст ровным слоем – у нас получится что-то такое ровное и серо-буро-малиновое. Глупости! Разные краски разнести таким сложным образом, что они изображают жизнь. А на самом деле краски просто масса какая-то. Более того, этими красками можно изображать не жизнь, а вообще неизвестно что. Тогда говорится о современной живописи, авангардной живописи или еще чего-то. Хотя сплошь и рядом авангардная живопись занимается как раз тем, что льет воду на мельницу *энтропийного процесса*: смешивая все в кучу и объявляя это искусством. Но это сейчас выходит за рамки нашего рассмотрения. Факт тот, что вообще живопись, – на уровне если брать по краскам – материальном, если зрение – визуальном, – также антиэнтропийна.

Точно так же самая антиэнтропийная архитектура. Потому что достаточно вырыть пещеру, или построить примитивный каменный или деревянный параллелепипед, или сделать ему двускатную крышу, чтобы скатывался снег, дождь, и т.п. – этого достаточно. Когда начнутся всякие колонны, портики, и прочее, и прочее, – делается то, чего не было. Архитектура антиэнтропийна на уровне не только визуальном, но уже и сугубо материальном.

Так вот. Мы мыслим словами. И на уровне вербальном, на уровне слов, – *литература также антиэнтропийна*. Из слов, которые существуют в нашем мозгу и между нами по договоренности; из слов, которые существуют и внутри нашего сознания в Бытие-внутри-нас – и вне, потому что эти слова являются общими для всего народа; вот из этих слов писатель создает конструкцию, которой не было. Всего-навсего из фонем, а фонемы складываются в слова, слова в предложения, этими предложениями выражаются и мысль, и вид природы, и разнообразные чувства и т.д. и т.п. И литература – это такой вот род *субъективной антиэнтропийной деятельности*. То есть можно сказать, что:

склонность человека к занятиям литературой вполне встроена в наш вселенский инстинкт. И занятие литературой – это один из видов всей, в общем, антиэнтропийной структурирующей человеческой деятельности.

А то, что литература может быть совершенно бесполезна вне нас, в окружающей жизни, и ничего не изменять в этой окружающей жизни, – имеет для нас небольшое значение или вовсе никакого. Потому что она живет в том самом Бытие-внутри-нас, которое и является культурой.

То есть. Из слов, которые в языке стоят беспорядочно, поэт методом организации создает такие вербальные конструкции, где присутствует ритм, и присутствует рифма, и присутствует размер. И получаются ритмованные, мелодичные стихи, которых не существует в простой речи. Это классический пример *антиэнтропийного воздействия художника на язык*.

Прозаик в языковом отношении менее антиэнтропийный. Зато он может строить такие характеры, такие сюжеты, и создавать такие ситуации, которые трудно и придумать, иногда их вообще в природе быть не может, особенно когда он не сугубо реалист, а наворачивает чего-то такого эдакого. То есть на уровне создания чего-то в нашем воображении **писатель создает миры**. Это то самое, о чем сказал Шопенгауэр: что художник выше героя, потому что герой совершает подвиги в реальных мирах – а художник создает миры вымышленные, которых без него не было.

А вот как отличить вымышленное от реального – это напоминает известный старый английский анекдот: «Официант, что вы мне подали? Это чай или кофе? – А вы что, сами не можете различить, сэр? – В том-то и дело, что не могу. – Тогда какая вам разница, сэр?»

Таким образом. Если мы не можем различить часто, чем для нас отличается вымышленный мир от реального, то – работа в этом внутреннем вымышленном как бы мире для художника является абсолютно реальной: реальная слава, реальные деньги, реальные воздействия на окружающих, если они на стадионе режут всей толпой... (допустим, забрасывают цветами, как было, правда сорок или пятьдесят лет назад, с таким поэтом как Евтушенко, который имел колоссальную славу, даже не представляемую сегодняшними поэтами). То есть. Художник создает миры внутри нас – а потом оказывается вдруг, что рушатся реальные миры, а вот эти вымышленные продолжают жить.

Давным-давно нет Древней Греции, а еще додревняя, вот та самая ахейская – это вот вам Гомер, вот вам «Илиада», и вот вам «Одиссея», до сих пор ее читают, правда мало кто читает, но в пересказах большинство интеллигентных людей имеют какое-то представление.

Вот чем занимается писатель, и вот почему литература. Как Господь Бог, условный Господь Бог, создал и переделывает весь мир, – так писатель на вербальном уровне, словами, создает миры в Бытие-внутри-нас и переделывает эти миры. И действия его, инстинктивные, повторяю, и укладываются во всю Общую теорию ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИИ – переструктурировать (в итоге усложняя) все, что ты можешь переструктурировать: полезное и бесполезное, внутреннее и внешнее, по всей сфере на 360 градусов, потому что это и есть сущность жизни и сущность Вселенной.

О смысле государства

Лекция, прочитанная на социологическом факультете МГУ в 2006 г.

Я позволю себе выразить ту крамольную и даже наивную мысль, что сегодняшняя социология находится гораздо дальше от истины, нежели социология сто лет назад. Мне представляется, что после I Мировой войны пошел регресс социологии. Политическое противостояние ведущих держав мира, ожесточенная идеологическая борьба, подчинявшая истину патриотизму и государственным интересам, – это никак не способствовало честному и непредвзятому (а иное невозможно) развитию общественных наук. И социологии в первую очередь.

Вначале, по Версальскому Договору, была жестоко и цинично ограблена Германия. Унижена и поставлена на колени. Австро-Венгрия распалась на составные части, но когда австрийцы, то есть фактически те же немцы, пожелали соединиться с немцами Германии, им было в этом отказано «мировым сообществом». То есть: право наций на самоопределение было признано за всеми, кроме немцев. Ну, чтоб Германия не могла опять стать сильной и угрожать другим странам – а в первую очередь не могла бы угрожать Великобритании экономически, а Франции политически. Германия была объявлена единственной виновницей войны, ее развязавшей. Иная точка зрения была антипатриотичной, антигосударственной, подлой. О каком развитии социологии и вообще науки о государстве тут могла идти речь?

В России произошел переворот, власть взяли коммунисты, и открыто провозгласили курс на мировую революцию и смерть эксплуататорским классам. Ну, о социологии в Советском Союзе мы не говорим, у нас тут не юмористическая программа. Но социология ведущих стран, Франции-Германии-Англии-США, оказалась жестоко политизированной, ибо трудно относиться объективно к открытому и непримиримому врагу, который объявляет себя твоим могильщиком. Социология слегка так разделась на два лагеря – которые за новый социалистический строй и его светлое будущее, и которые против этого кровавого тоталитаризма, этой красной чумы, грозящей уничтожить все светлое. Возникло селекционное давление, если позволите в шутку применить этот биоэволюционный термин к развитию социологии. Одни невольно педалировали плюсы советского социализма и минусы капитализма – а другие плюсы свободного общества и ужасы тоталитарного. Ну, трудно быть объективным, если одно очень любишь, а другое сильно ненавидишь. Какая уж тут научная объективность...

А затем национал-социалисты пришли к власти в Германии. И германская социология стала нацистской, а антигерманская сбежала в Америку и стала истерично-антитоталитарной в гипертрофированных формах. Все, что могло отозваться дисциплиной, организацией, подчинением, патриотизмом, – у этой социологии вызывало истерику.

Мировая социология заболела неврастенией. Она стала жестко идеологизированной. Или наемной девкой правительства, или параноидальным врагом другого правительства.

Ну смотрите. Русские – за коммунизм по приказу, иной образ мыслей воспрещен. Немцы – за национал-социализм. Англичане – за свободу, но такую, чтоб сохранить империю, колонии, флот, мировую торговлю. Французы – счастливы за реванш 1870-го года и мечтают сохранить все нахапанное. А у американцев? О – сначала бешеный век джаза, процветание и сухого закона, ревушие двадцатые, а потом Великая депрессия, упадок, безработица.

Перефразируя великого поэта: «Мир треснул, и трещина прошла через мозги социолога». Социология была крепко треснута по голове великими катаклизмами, которые не сумела ни предсказать, ни объяснить. Откуда это новое варварство после великих достижений великого XIX века?! Эти огнеметы, газы, миллионы погибших, дикое ожесточение врагов, непонятно чего ради враждующих?! Каков был смысл величайшей бойни – 10 миллионов трупов? И, кстати, что это вслед за тем за ужасная эпидемия простого вроде бы гриппа – «испанка» унесла по миру 20 миллионов человек?!

Великое разочарование постигло Европу. Идеалы повержены, кумиры сведены с пьедесталов, верить не во что, отцы наций сволочи. Цивилизация была травмирована этой войной, и социология пыталась осознать травму – но в границах патриотизма и идеологических установок.

Затем пустили вторую серию – Мировая Война-2. И социология стала решать задачу: как же в такой культурной стране, как Германия, народ привел к власти такое чудовище, как Гитлера, развязавшего новую мировую бойню?! При этом по жестким политическим причинам нельзя было упоминать и учитывать ряд очевидных для ученого, да даже не для ученого, для любого честного и информированного человека, фактов. Хотя... эти факты глубоко скрывались, маскировались, и распознать их за вуалью пропаганды было нелегко современникам...

А именно. Некоторые из территориальных претензий немцев были абсолютно справедливы. А режим национал-социализма сделал много для улучшений жизни именно немцев. А Франция с Англией боялись усиления как Германии, так и СССР, и мечтали бы сстроить их друг с другом. А СССР мечтал толкнуть Германию на Англию с Францией, ибо могущественная Англия была ярким и главным врагом советского режима. А США, резко усилившиеся после I Мировой, мечтали стать конкретно главными в мире, и вели тонкую и многоходовую игру по ослаблению прочих сильных стран мира и захвату их ключевых позиций (что и сделали в результате). И при этом все позиционировали себя белыми и пушистыми.

А социолог – он тоже человек. Также патриот. У него тоже кто-то на войне погиб, тоже судьба покорежилась, тоже родственники в других странах. Я все о той же идеологизации и политизации социологии, которая может быть только честной, только объективной, только беспристрастной, только науки ради нахождения истины, а не ради пользы народа и страны.

Поймите. До 1914 года социология складывалась именно как такая наука. А в августе 1914 интеллигенты и интернационалисты резко стали патриотами и националистами. Каждый был за свою страну. А истины полной и честной не было ни на чьей стороне! Можно сказать, что август 1914 остановил социологию. И после войны она пошла другими путями, кривыми тропинками.

Мы и сегодня не можем сказать, например, что в германском национал-социализме (который называть фашизмом абсолютно неправильно) было, кроме кровавого, злодейского, недопустимого, – много и хорошего, правильного, полезного. Забота о здоровье народа, о спорте для масс. Борьба с курением, кстати. Культ крепкой семьи, пропаганда рождаемости и посильная помощь государства семьям. Патриотизм, верность родине. Трудолюбие, честность, аккуратность, храбрость, взаимопомощь – все это культивировалось всеми средствами. Гордость своим народом, своей историей, наукой, культурой – что ж в этом плохого?

Вот и пора сказать ключевое слово – политкорректность. Политкорректность – она явилась результатом I Мировой войны. Что такое «политкорректность»? Если по-простому? Это система императивов, искажающая истину в угоду идеологии. Это ложь, понимаемая как ложь во благо. Одна форма этой лжи – запрет на упоминание каких-то фактов. Другая форма – запрет на употребление каких-то слов. Третья форма – заполнение пустот раздуванием мелких, или непринципиальных, или притянутых за уши фактов. Четвертая форма – изобретение новых слов и их стилистическое окрашивание, что позволяет подать вещи в ином, чем ранее, свете, хотя по сути эти вещи не менялись. Но коротко: политкорректность – это система лжи в угоду идеологии.

Поэтому ученый не может, не должен, не имеет права быть политкорректным. Эту банальную истину все всегда знали: наука – объективна и беспристрастна. Но сегодня общественные науки не могут быть непolitкорректными!!! Непolitкорректность – не пропустят, не опубликуют, не позволят, не подадут руки.

Вот я только и хотел сказать, что сегодняшняя социология отчасти лжива, отчасти подла, отчасти пуста. Она менее наука в своих основах, нежели была сто лет назад. Нет-нет! – далеко

не во всем, разумеется. Поставлена масса опытов, сделана масса интересных выводов, работают умные и серьезные люди. Но в самом главном – в ответе на вопрос, как же устроено общество, почему и для чего, – тут социология в самых основах, мне представляется, никуда не годится.

А именно. Что есть причина образования общества. Что такое государство и для чего оно. И куда мы движемся. Хотя все больше голосов, что движемся мы... туда.

Это жутко затянувшееся вступление нужно было только для того, чтоб освоиться с мыслью, что слова, которые могут сегодня прозвучать чуть ли эпатажно, есть естественное продолжение того, что еще сто лет назад было утверждено и принято... а потом отставлено.

Сегодня государство представляют чем-то вроде жилконторы, которая существует для удобства граждан. Собирать деньги и распределять блага. Она бывает жуликовата, хочет больше брать и меньше давать, ее надо строго контролировать.

Всерьез возрождена буколическая теория Руссо о государстве как продукте общественного договора. Это просто мы, люди, договорились для своего удобства – вот и государство. Мне лично не совсем понятно, почему в связи с этой теорией обычно упоминают Руссо, а не Гоббса, хотя всем известно, что наиболее основательным из «отцов» теории возникновения государства как продукта общественного договора был Гоббс. Возможно, потому, что его подняла на щит Великая Французская революция, родоначальница европейской демократии, а вот англичан французские революционеры как раз ненавидели.

Вы прекрасно осведомлены о различных теориях государства и права. Заметьте, это чисто советская традиция – смешивать государство и право в одну теорию. В остальных странах это разделяется на теорию государства отдельно, теорию и историю права отдельно, хотя, разумеется, они воедино связаны. Типы государства, функции государства, – это все основательно прописано до нас с вами.

Наш главный вопрос, предваряющий тему лекции: почему государство возникло и на кой черт оно нужно?

Возникло потому, что. Что люди размножились, и жить первобытным стадом стало невозможно – оно бы стало громоздким, неуправляемым, разваливалось бы. А еще потому, что вырос уровень производства, земледелие уже могло давать добавочный продукт, подвергавшийся отчуждению, и стало можно содержать государственный аппарат и в то же время производить всякие вещи для этой протоаристократии. А еще потому, что сколько же можно воевать всем против всех, нужна общая власть для общего блага, чтоб было больше порядка и меньше резни. Вот, в общем, и все. Мудрость веков.

А нужно зачем? А вот чтоб жить в порядке, в мире друг с другом, и разделять труд, каждый своим делом занимайся, кооперация производителей, это выгодно, это дает более высокую производительность труда. Психологические причины – спокойствие, физические причины – безопасность и больший комфорт, экономические причины – более высокий уровень производства, интеллектуальные причины – развитие науки и техники.

То есть: государство позволяет гражданам жить безопаснее, сытнее, интереснее, разнообразнее, чем они жили бы без него. Но – нет добра без худа: государство граждан придавливает, понуждает, угнетает, эксплуатирует.

И вот главный вопрос, главная мечта тысячелетий: как создать такое государство, чтоб оно было хорошим? Чтоб делало все только для блага граждан – без злоупотреблений? По справедливости, по уму, чтоб сильные и властные не грабили слабое большинство, не присваивали их продукт, не употребляли его на свои прихоти, типа дворцов и золотых одежд? Варианты доброго государства создавались от Платона, а анархисты и коммунисты пришли к выводу, что государство всегда зло, и надо от него отказаться. Надо прийти к золотому веку, бесклассовому обществу, государство отомрет как бородавка, и гражданское общество будет жить свободно и счастливо. Себе во благо.

То есть. Давайте представим себе Древний Египет. Эпоху Великих Пирамид. Вот живут люди в государстве. И если бы было оно гуманным и справедливым, для людей, что бы люди делали? В принципе то же самое: пахали-сеяли, скот пасли, масло давили, вино заводили пальмовое и финиковое, дома свои благоустраивали. А в свободные минуты отдыхали под пальмой, ели ячменные лепешки и пили ячменное пиво. И? – И ни хрена бы не было никаких пирамид! И никаких храмов и дворцов! Ничего лишнего! Чего ж так ужасно горбатиться, тесая и волоча огромные глыбы, потеть и уставать, чтоб эти бесполезные громады высились?

В тонкости строительства пирамид мы сейчас вдаваться не будем, это вопрос отдельный и темный, мы сейчас этим пирамидам придадим несколько метафорический и обобщающий характер: пример, иллюстрация. Скажем: захватили на войне рабов – ну так раздать их всем гражданам поровну, пусть работают, чтоб у граждан были дома побольше и жратва послаще. Нет! Тыщи рабов гонят на безумные стройки этого первобытного коммунизма. Что? Нет, «коммунизм» здесь – только историческая цитата, пародия, пардон.

То есть: государство отбирает у людей часть труда, сил, времени, и этот концентрат использует по своему усмотрению, без пользы для людей. Но – пирамиды стоят! Китайская стена стоит! Стоят Парфенон и Колизей! Вместо того, чтобы их строители хорошо пожили, отдохнули, что-нибудь полезное поделали. А зато что бы осталось людям, истории, нам? А ни хрена. Голые пустыни и ископаемые руины хижин.

То есть. Во-первых, государство перераспределяет общественный труд, направляя его на задачи не-утилитарные, сверх-необходимые, излишние для хорошей жизни граждан. Часть труда граждан идет не на пользу людям, а хрен знает на что. Во-вторых, государство заставляет граждан (точнее, всех подчиненных) работать больше, чем они бы работали просто на благо себя и других. Государство вышибает из людей добавочный труд.

Экономический аспект: повышается интенсивность труда и тем самым производительность. А также включается голова, возникает наука и техника, и также работают на повышение производительности труда.

Потому что: государство не дает возможности отдохнуть. Власть только и смотрит, как бы выдавить из тебя еще грош, еще кирпич, еще калорию труда. Под давлением власти человек начинает изворачиваться и изобретать все, чем можно повысить производительность. А власть может еще и озолотить, добро-то сконцентрировано у нее. К кнуту всегда прибавлен пряник.

Государство – это кнут и пряник для граждан, чтоб больше работали и делали что надо. Не им надо, а государству.

Но здесь мы говорили только об экономике и политике. Вот все теории государства сводились до сих пор к политике и экономике. Власть и деньги! Сила и богатство! Вот что служило до сих пор опорной конструкцией всех теорий государства.

Если бы мы этим ограничились, незачем было бы меня сюда звать. Это и без меня известно.

Но.

Экономические и политические теории категорически не желают отвечать, почему сильные и богатые государства и цивилизации обязательно рушатся, раньше или позже. Обязательно, все и всегда!

Или они подыскивают примитивные объяснения в рамках своей теории. Типа: почва истощилась. Оловянная руда кончилась. Леса свели. То есть: сбрасывают все на географический фактор.

Или: новый строй даст более высокую производительность труда, старый способ производства стал архаичен, ну и вот... сменялся новым.

Или: враги ужасные пришли и разбили.

Ну, самый классический и исследованный пример – падение Рима. Культура высочайшая. Войско могучее. Владеет всем доступным миром. Не подпадает он ни под одно экономи-

ческое и политическое определение! Это что – немытые дикари дали более высокую производительность труда?! Или в Средиземном море рыба кончилась?!

Второй пример – вот он за окном. Великий Советский Союз. Что у нас, недра иссякли? Или враги разбили? Или мы, покончив с низкопроизводительным социализмом, стали больше производить хоть чего-то?!

Кроме Маркса, были и другие люди. Шпенглер, Тойнби и Гумилев предлагали свои теории гибели цивилизаций. Все эти теории заслуживают как минимум внимательного отношения.

И однако. Никто из них даже не ставил вопрос: а куда вообще движется человечество и зачем? Какое место занимает человек в системе Мира – с научной, материалистической точки зрения? Наука об обществе, социология, она вообще хоть от Платона, хоть от Конта, и до наших дней, ставит себе такие ограничители во времени и пространстве. Берется исключительно человечество – и рассматривается его социальная история от неандертальцев, условно говоря, и до наших, ну, правнуков. И суть в том, чтоб они таки были все здоровенькие. Наука, техника, прогресс, – это все для счастья гармоничного человека будущего.

Я имею наглость заявить, что современная социология – это пещерный антропоцентризм.

К концу XIX века ученые и философы, заметная их часть, пришли к пониманию, к выводу пришли, что материя существует в природе в трех формах: неорганической, или косной, или мертвой; органической, или биологической; и над-биологической, то есть социальной. И социальная форма материи есть высшая форма ее существования. Неразрывно связанная с остальными, единая с ними! Так полагал великий Спенсер, и этой же точки зрения придерживался Дюркгейм, этот список долго можно продолжать.

И с этой точки зрения – государство, или высшая форма социальной организации материи, есть продукт всей эволюции – то есть эволюции Вселенной. Без нее никуда не денешься.

А вот теперь важнейший момент!!! Эволюция Вселенной... гм, теории эволюции всего-то лет двести. В конце XIX века эволюция – это было свежо, продвинуто, у ученых голова кружилась от успехов науки этого времени. Да. Так под эволюцией понималось – развитие от простого к сложному. От менее совершенного – к более совершенному. От менее приспособленного – к более приспособленному.

Это сейчас очень важный, это принципиальный момент. Эволюция – она по каким точкам отмечалась?

В неорганике – все более сложные атомы и молекулы, все более сложные соединения.

В органике – уже забавней. Здесь также во главу угла ставится сложность организма. Сколько у него органов, как они сотрудничают, насколько сложно эти органы устроены и насколько их много. То есть – чисто материальный принцип: в насколько много насколько сложных комбинаций соединены те же атомы и молекулы, из которых состоит природа и неорганическая. Уровень сложности органики гораздо более высокий.

Но – и еще. Эволюция в органике рассматривается не только на уровне «насколько сложно это устроено» – но и «насколько сложно это функционирует». То есть: на уровне действия, на уровне взаимодействия атомов и молекул, сгруппированных и оформленных в сложнейшие биологические системы, в физиологические органы, пардон за неточность, сгруппированных. Животное – оно тем дальше поднялось по лестнице эволюции, чем у него больше органов, чем они сложнее устроены, – и чем оно лучше приспособлено к жизни, чем лучше может добывать пищу, переносить любые невзгоды. Таракан классно приспособлен, но прост. Блоха жрет льва, но по жизни лев совершеннее.

Сложность материальная и функциональная. Они как бы соответствуют друг другу. Но как бы материальное первично, а функциональное вторично. Хотя материальное и развивалось для того, чтоб достичь функциональной задачи!

Ну – скажем пока о единстве и диалектичности материи и ее функции, а то мы далеко зайдем и до звонка не успеем вернуться.

Так вот – крокодил или змея, они кажутся гораздо разумнее, гораздо экономичнее устроенными, чем лев или даже обезьяна. Они рациональнее! Они используют каждую калорию внешнего тепла, каждую калорию солнечного света для обогрева организма. А стало холоднее – и они снижают свою температуру. Они большую часть жизни проводят в полной неподвижности, экономя каждую калорию своей энергии, если нет необходимости ее расходовать – зато охотясь или сражаясь с врагом развивают фантастическую мощь! Они молниеносны в бросках, их мощь на единицу массы при форсаже – намного превосходит мощь вышших млекопитающих. То есть – с точки зрения рациональности устройства – они рациональнее! Им добычи хватает с одной охоты – на полгода переваривания и жизни!

Высшие животные потребляют больше энергии на единицу массы. И не могут выдавать столько энергии на единицу массы, сколько упомянутые рептилии, ни в каких условиях. И жрать надо часто и много. Но! Для жратвы им надо и бегать много, жевать много. И в течение года, или жизни, млекопитающие потребляют куда больше рептилий – но и выдают энергии через все свои действия тоже намного больше! То есть: они жутко суетливы, энергонеэкономны, нерационально устроены с точки зрения «потребил-выдал».

То есть. Усложнение формы животных сопровождается повышением энергопотребления, относительным снижением энергопотребления полезного, увеличением энергопотребления лишнего, ненужного, побочного. Биосистема все менее рациональная и экономична! Вот такой парадокс! Но!!! Зато она суммарно выдает наружу, во всякие действия, в изменение окружающей среды, – на порядки (!!) больше энергии, чем рептилии, не говоря уж о простейших. Млекопитающее – греет окружающий воздух своей сорокаградусной кожей, роет землю, изводит много воды и пищи, много гадит наружу, выбивает траву, глодает деревья и т.д.

Вот Вернадский и заметил, что по мере эволюции миграция атомов биосферы повышается. То есть. Обмен веществ в биосфере повышается, активизируется. То есть. Материя биосферы (и верхней части геосферы, кстати), то есть вещество окружающей среды, перелопачивается все активнее. Туда-сюда, туда-сюда летают атомы, да и молекулы часто тоже. То есть? Происходит производство работы. Чем дальше по жизни – тем больше работы жизнь на Земле производит. То есть? Тем больше энергии потребляет – и выделяет. Это что?

Это – по мере эволюции уровень энергопреобразования окружающей среды повышается.

Вот это и есть, можно сказать, основной Закон Эволюции. Чего? Всего! Эволюции Вселенной.

А сейчас мы с крокодила и льва – хоп! – перепрыгнем на шею государства, с которой, впрочем, и не слезали, все мы на ней сидим, но это ничего, оно само сидит на шее народа, что и называется диалектикой.

Государство есть продукт и этап эволюции, и живет по законам эволюции. Государство есть форма социальной материи – каковая социальная материя и сама-то есть лишь одна из форм, высшая форма, насколько нам на сегодня известно, существования материи вообще. Вот материя эволюционировала – и доэволюционировала от атомов водорода, скажем, до Соединенных Штатов Америки. Неслабо, да?

Такой подход в последние четверть века называется «глобальным эволюционизмом», он же «Big History». Глобальный эволюционизм не отвечает только на один вопрос – куда все идет и зачем оно туда все идет. От теории тепловой смерти Вселенной потихоньку отказываются, но основная часть естественников-физиков полагает, однако, что конец Вселенной неизбежен, есть только варианты конца. Меньшая часть полагает, что Вселенная вечна. Заметьте: с шумерских времен – принципиально ничего нового. Это и есть философский аспект науки, с которым нам постоянно приходится иметь дело.

Мы с вами – чего? Мы с вами такие же лопухи, как древние греки на афинской агоре. Мы слушаем ученых, прикидываем их суждения на зуб, верим или нет, принимаем или нет, создавая себе по возможности цельную, всеобъемлющую, непротиворечивую картину мира чтоб себе этот мир представлять.

Уж кстати. Нам потребно понимать. А понимать – значит встраивать какой-то факт во всю картину явления, чтобы этот факт как бы вытекал из всего остального, что нам известно, а все это остальное известное вытекало из этого факта. Понять нечто – означает встроить это нечто в единую и непротиворечивую картину мироздания, мироустройства. Понять – означает проанализировать частное как часть общего в их необходимом единстве.

Так вот, нам волей-неволей необходимо принять для себя какую-то картину устройства мира. По мере развития науки – картина меняется. И сегодня, похоже, нет ничего лучшего, нежели Теория Большого Взрыва.

Гм. Когда Оствальд создавал свой энергетизм, этой теории еще не было в нынешнем виде, но в общем направлении светлая четкая немецкая голова Оствальда работала вполне хорошо. А именно Оствальд сводил все происходящее в мире ко Второму Началу термодинамики. К рассеянию мировой энергии. А что будет, когда она вся рассеется? Плохо будет. То же, что позднее назовут «тепловой смертью».

А вот насчет повышения энергопреобразовательного баланса во Вселенной – вот до этого нам приходится додуматься самим сто лет спустя.

И, насколько я, ваш покорный слуга, в силу своего ограниченного разумения и скудных знаний, способен понять, наша Биг История с ее глобальным эволюционизмом временно кончится Новым Большим Взрывом. Вот когда уровень энергопреобразования во Вселенной достигнет того предела, чтобы вся материя, поглощая и поглотив всю энергию (динамический, непредсказуемый сегодня во временном измерении процесс!), всю энергию Вселенной выделила в кратчайший миг времени – вот это и будет Большое Схлопывание Вселенной – и одновременно Новый Большой Взрыв.

Все-таки и доругил до основ энергоэволюционизма, хотя, вроде, поначалу собирался без этого обойтись...

...И вот государство, этап на этом длинном пути Вселенной от Большого Взрыва до Большого Хлопка (вообще Большим Хлопком можно считать схлопывание и взрыв одновременно, эдакие исчезающе малый во времени переход Большого Пульсара Вселенной от схлопывания к взрыву и обратному разлету...), – да, так вот государство – этап на этом славном пути. На пути повышения баланса энергопреобразования.

Суть государства – скоординировать людей и людские действия так, чтобы они максимально преобразовывали окружающую энергию. Как можно больше потребляли! Как можно больше переделывали всего в мире! Как можно больше энергии выделяли!

Это – объективный процесс. Это – суть социального процесса. Это – базовый, основной, глубинный, фундаментальный уровень существования и развития цивилизаций.

Вот поэтому государства ставят пирамиды, великие стены и грандиозные храмы с дворцами. Поэтому крепостные на износ работают на барина. Поэтому в богатой в принципе но нищей по жизни народа России нищие гастарбайтеры строят трехэтажные особняки богачам, упираясь по десять часов в день.

Вся история человечества, выжившего в борьбе за существование среди зверей в дремучих лесах и голых степях – это история создания излишних для выживания и размножения, малонужных или вовсе ненужных вещей. Украшения, обряды, любые излишки пищи, одежды, внутреннего объема жилища – это уже излишества. Танец, пляска, пение, игра, – это уже излишество! А уж войны, если жизни твоего племени никто конкретно не угрожает, – это всем излишествам излишество!

Мы оставляем сейчас инстинкты в стороне, это изучение отдельное и разговор очень долгий. Мы говорим только, что возможна такая утилитарная теория: «Культура как излишество».

Пословица «Не хлебом единым» выражает вечную проблему человеческого сознания: зачем, чего ради, делать то, что не является необходимым для выживания, и более того – не является необходимым для твоей личной пользы, как ты именно ее себе понимаешь?.. Искусство, идеалы, мораль, самопожертвование, благотворительность, когда человек вместо выгоды занимается чем-то бескорыстным?

А вот потому, что когда человек способен прокормить семью и восстановить силы отдыхом, и если у него остается хоть какое-то время и какие-то силы сверх этого, – он начинает делать еще что-то, уже сверх необходимого. Прогресс технический и прогресс социальный высвобождает все больше времени и энергии человека для непроизводительных занятий, потому что производительных уже хватит, уже все сыты, одеты, защищены и в тепле-сухе. Любое животное этим удовлетворится и излишек энергии пустит на игру: имитацию деятельности вне необходимости получить результат (спасение и пищу). Недаром теория игр может рассматривать всю человеческую деятельность сверх жизненно необходимой дышать-пить-есть-размножаться как своего рода игру.

Государство, координируя деятельность людских масс, понуждая их господствующим законом или идеологией как можно больше работать и как можно больше потреблять, работает на общую универсальную задачу – выводить энергопреобразование окружающей среды на максимально высокий уровень. Ибо работа и потребление есть процесс затрат энергии и получения энергии, и формы этой единой в мире энергии переходят из одних материальных продуктов и видов движения – в другие материальные продукты и в другие виды и порции движения.

И когда наступает кризис цивилизации – это означает прежде всего, что уже невозможно больше потратить! Внимание:

Кризис цивилизации – это разрыв между возросшим производством – и отставшей идеологией потребления в конкретной цивилизации конкретной эпохи, когда невозможно реализовать и потратить весь производимый продукт, и излишек человеческой энергии масс обращается в совершенно непроизводительные занятия. Выброс человеческой энергии масс через выхлопной клапан игр, развлечений, спорта, экстремальных занятий, – это спуск пара из перегретого котла перед взрывом.

В Риме было что в период наибольшего могущества, он же период упадка? Причем могущество было военным, политическим, экономическим, культурным, – а упадок моральным, ценностным, разложение социальных институтов, коррупция, беспринципность? Бесплатный хлеб и зрелища народу, толпы нахлебников-дармоедов, дикие развлечения золотой молодежи, все мыслимые и немыслимые виды разврата, бешеные цены на деликатесы, престижный макияж в виде золотой пудры – это круто, это золото на один раз, сдул – и нет! Ибо суперорганизованное римское государство заставляло производительно трудиться весь мир – и свободные граждане с жиру лопались, не зная, чего еще хотеть, а личных самолетов и компьютеров тогда еще не изобрели. Ну, рабы не в счет – это рабсила, вместо машин. Из них максимум энергии и вышибался – переходя в пустые продукты и траты золотого верха? М-да, а окружающие варвары полагали, что это положение надо откорректировать в свою пользу.

Что же у нас сейчас? Ой похоже. Богатые страны потребляют. Бедные страны производят. Варварские страны с ненавистью точат ножи: работать западло, но отобрать надо бы!

Безумно гипертрофированная индустрия развлечений нашей цивилизации – безошибочный признак близкого конца. Спорт, экстремалы, поп-культура, рок-фестивали, телеиндустрия и киноиндустрия, – в среднем цивилизованный человек все меньше работает в производительном смысле – и все больше занимается фигней, от развозки пиццы на дом до стрижки болонок (скотина, за пиццей придешь сам, а болонка пусть дом сторожит!).

Но природа человеческая и устройство вселенское создали государство, и в этом государстве надо стремиться на верх социальной пирамиды, а для этого больше потреблять, а для этого больше работать, а у кого бабло уже есть, прыгают, скажем, на тарзанке или ходят толпами на Эверест, подыхая по дороге, потому что природа людская требует максимальных ощущений, а для этого максимальных действий. То есть: максимального энергопреобразования, ибо тяга к этому в природе твоей, устройстве нервной системы твоей заложена.

С точки зрения энергоэволюционизма:

Государство – это форма самоорганизации социальной материи, обеспечивающая максимальный энергетический потенциал данной совокупной биологической массы этой материи. Государство обеспечивает максимальную совокупную производительность труда своих граждан. Государство – такая форма организации больших людских масс, когда они вместе делают максимум возможного.

Государство – это наиболее структурированная форма социальной материи, наиболее упорядоченная. То есть – отстоящая дальше всего от хаоса, то есть – максимально энергосодержащая.

Но с точки зрения социологии такое определение не то чтобы никуда не годилось, но немного из другой оперы.

И тогда мы попробуем сказать так:

Государство – это объективная форма самообразования общества, выраженная в надличностной и надобщественной системе социальных институтов, реализующих максимальную координацию общества и максимальную эффективность совокупной общественной деятельности через силовое, экономическое и идеологическое принуждение к исполнению установленных государством законов, регламентирующих права и обязанности граждан на территории государства.

Это длинно, но это, похоже, так. Вечно пишут, что нет общепринятого и общепризнанного определения государства. В энергоэволюционной парадигме мы это определение дали минуту назад. А в социологической вот сейчас.

Смысл государства в том, чтобы каждому и всем вместе предоставить возможность совершить в жизни максимум того, на что они способны, и заставить сделать это. Это такой гуманистическо-экономический смысл. Культурологический в широком смысле слова.

Что же я имею против современной социологии, которую я так неполиткорректно охаял в начале беседы, и которая имеет массу заслуг, и вершин, и свершений, и всего; и которую я знаю, разумеется, несравненно хуже, чем надо, чтобы судить о ней в полном объеме и на всю глубину? Ибо она уже нехватна и неподъемна в библиотеках своих трудов бесчисленных научных работников?

Отсутствием единого естественнонаучного фундамента она мне чуток не совсем нравится.

1 августа 1914 года европейская философия кончилась. Настала эра экзистенциализма, модернизма, постмодернизма, волюнтаризма и прочей болтологической многословной ахинеи. Эра прекрасных пожеланий, душевных копаний и морализаторских сентенций. Настала эпоха деградации. Пустых умствований и напыщенного отрицания истин. Разумеется, вы не должны воспринимать эту иронию всерьез и представлять меня нигилистом. Я всего лишь хотел в этой несколько экспрессивной и ненаучной форме сказать, что у меня другая точка зрения.

Социология не может покоиться на религиозных постулатах. Тогда это подотдел теософии.

Социология не может базироваться на моральных пожеланиях и требованиях. Тогда это курс морального воспитания, и только.

Социологии приходится покоиться на науке, потому что больше ей не чем покоиться. Коли она и сама наука.

Выводы социологии могут быть верными и неверными. Но не могут быть нравственными или безнравственными. Хорошими или плохими. Лояльными или оскорбительными. Иначе это мракобесие. Как бы ни декларировались его цели.

Государство объективно существует не для блага людей. Социальные отношения существуют не для всеобщей любви. К добру надо стремиться, за него надо бороться, но нельзя провозглашать его фундаментальной истиной бытия и основанием социологии.

И когда мы после Лоренца говорим об агрессии как о необходимом инстинкте. И когда мы констатируем разную степень возбудимости, и темперамента, и выносливости к разным условиям, и коэффициента интеллекта у разных этносов и народов. И когда мы видим, что групповая самоидентификация на этнической или религиозной основе доминирует над групповой самоидентификацией на основе гражданской сплошь и рядом. И когда нам декларируют отрицание всех форм коллективной ответственности (кроме почему-то отрицания коллективной ответственности Германии за войну, которая кончилась 65 лет назад и в которой никто из ныне живых немцев не повинен), и тем самым отрицают групповую самоидентификацию и групповую самооценку относительно негативной информации – зато уж гордость своим народом за все хорошее пропагандируется всеми! И когда господствующие сегодня в социологии передовых стран псевдоученые с докторскими степенями отрицают социум как единую систему, отрицают социальные законы как законы объективные, надличностные, – говоря о недопустимости смертной казни к изуверам-убийцам и тем самым отрицая необходимость рассматривать социальные события не только на индивидуальном, но прежде всего на социальном уровне, на уровне общественных потребностей. То —

Мы должны постоянно твердить себе старинный рецепт Блеза Паскаля: «Давайте учиться хорошо мыслить – это и есть основа морали».

Основы энергоэволюционизма

Лекция, прочитанная по кафедре философии МГИМО в 2009 г.

Основным философским течением XX века, из которого все мы родом, самым мощно-интеллектуально-гуманистическим, был экзистенциализм; а вся сущность экзистенциализма, часто думается мне, выражена блестящим Сэлинджером в его всемирно знаменитой «Над пропастью во ржи», где юный Холден Колфилд говорит: «Мне плевать, что такое этот мир и как он устроен, я хотел бы знать, как мне-то в нем жить?»

I Мировая война опрокинула и разбила все представления человечества о гуманизме прогресса, о светлом завтра, о благотворном влиянии науки и техники, о братстве людей, о возвышающем значении культуры. Социалисты оказались милитаристами, мудрецы оказались пустоболтами, моралисты оказались лицемерами, а гуманисты фантастами. Мир был необъяснимо жесток, бессмысленное самоубийство самых развитых народов, впавших в кровавое варварство, отвращало мыслителей от той мысли, что мир логичен, разумен, справедлив и как минимум объясним. Философия XX века – это философия разочарования, философия поражения, философия бессмысленности бытия и ничтожества человека.

A II Мировая война прибавила к этому несчастью то понимание, что все относительно. Все, в общем, фигня. Все можно объяснить как угодно, главное договориться о словах. И пошли все разновидности модернизмов, постмодернизмов и релятивизмов в философии, и это напоминало гибрид кассира с фокусником, когда деньги же есть, но в каждый миг они с равным успехом оказываются в любом месте и разном количестве, и вот ты их держишь в руках, а это тебе только кажется. Вот так политиканское лицемерие матрицируется на мозги народов, и деформированное, дезориентированное коллективное сознание, отчаявшись понять базовую и незыблемую истину, начинает объяснять себе механизм равноправных иллюзий как единственную данность.

Антифашизм был догмой. Антитоталитаризм был догмой. Свобода была догмой. Подбросим горсть догм о демократии, равенстве, справедливости и счастье, и о какой тут философии можно вообще говорить? Философия превратилась в гуманистическую пропаганду, или пессимистический плач о горе людском, или набор конструкций-головоломок как виртуальных отражений нашей бредовой жизни.

Но люди по-прежнему, как всегда, хотят знать, как устроен этот мир, и почему они живут в нем так, а не иначе, и какой в этом смысл, и чем все кончится. (Заметим, чтоб много о себе не мнить, что люди всегда придерживались той точки зрения, что мир был кем-то как-то когда-то создан, и раньше или позже кончится, и высшие силы кое в чем движут людьми помимо их желания и сознания, и эти высшие силы чего-то от людей хотят. Поразительная есть фраза у Толстого: «Философы лишь различным образом объясняли людям то, что люди и так всегда знали». Слово «духи» заменяется на «бог», потом на «объективный закон» и «термодинамику», но суть меняется мало, разница в уровне объяснения.) Если философия не отвечает людям на главные вопросы, то это не философия, а сугубо вспомогательные внутрифилософские дисциплины.

В этом отношении античная философия остается образцом. Вот сказал Гераклит: «Все течет, все изменяется», – и это не просто заложена основа диалектики. Это впервые сформулирован самый основной, самый первичный, самый базовый закон Вселенной: изменение. Бытие есть изменение.

Такая штука. Это нам сейчас просто. Да и то большинство этого и близко не понимает. Так, знает, запомнило, но без осмысления. Бытие – это означает: пока не летит свет (создавая тем самым пространство), пока не меняется положение субэлементарных частиц относительно друг друга (создавая тем самым время), – нет вообще ничего, пространства нет, времени нет.

Секунда – это число волновых и корпускулярных колебаний. Существование Земли, развитие жизни, история цивилизаций, жизнь человека – это непрерывный поток изменений на всех уровнях – космическом, геологическом, биологическом, социальном.

Ни в чем нет остановок. Остановить мгновение в смысле прекратить изменение чего бы то ни было – невозможно, Гете это вам подтвердит. Атом, клетка, судьба, история – изменяется каждый миг и не остановится до смерти. Возникновение и падение великих цивилизаций – оно подчиняется тому же закону, который лежит в основе всего.

Каким же гением был Демокрит, сказав в те времена: «Нет в мире ничего, кроме атомов и пустоты». Нет, вы поняли? Люди, предметы, земля, облака, волны, – это явления одной природы, все из тех же первокирпичиков.

И мы не будем противопоставлять Платона как идеалиста Аристотелю как материалисту. Это деление позднейшее, весьма вульгарное, нужное лишь для споров и интриг философов-учителей и богословам. В теории эйдосов Платон впервые коснулся, подумал, сказал, построил картину метафорическую, что материальная жизнь не есть сама себе первооснова, но имеет информационное и энергетическое первообеспечение, что материальная жизнь – следствие, а причина ее – в неких уровнях высших, нашими чувствами не постижимых; существуем мы не сами по себе на земле, но являясь воплощением и одновременно отражением неких сил более коренных, неких процессов по отношению к нам первичных.

В переводе на современный язык это можно понимать так, что информационный уровень, информационное обеспечение, информация как изначальный закон Бытия – первичны; что Закон Природы не зависит от материальных подвижек, но напротив – материальные процессы именно таковы, потому что происходят по закону природы. И материальные тела и процессы обеспечиваются чем-то, без чего они, движущаяся материя то есть, и существовать не могут.

Понимаемая так информационно-энергетическая философская теория Платона, вернее – гипотеза, конечно, об информационно-энергетической основе Бытия, в нашу эпоху информатики и квантовой физики нашла куда как серьезные подтверждения.

Все мы родом из детства. Все мы из греческой философии. Не надо отрываться от корней. То, что первыми поняли и сформулировали они, не принимается во внимание сегодня удивительно часто. А наша задача – поставить свое философское видение мира на прочное основание. *Ab ovi.*

Последним (да-да – но не последних) из греков мы обязаны назвать Сократа. Если Протагор со своим «Человек есть мера всех вещей» вполне может быть назван отцом не антропоцентризма, как некоторые полубразованцы всерьез полагают, а сенсуализма, что ценно и необходимо, – то Сократ впервые развернул философию к живому человеку лицом к лицу, так сказать, он связывал мироздание с личностью. По чести и совести Сократ – родоначальник социальной психологии с его фразочкой: «Я намерен посвятить остаток своих дней постижению только одного вопроса – почему человек, зная, как следует поступать добродетельно и себе во благо, поступает нехорошо и себе же во зло, причем добровольно и по собственной склонности». 5-й век до нашей эры. По предначертанному им пути мы до сих пор и идем, спотыкаясь на колдобинах.

И вот этого спотыкающегося человека Аристотель позиционировал как «животное политическое». По Аристотелю, государство предшествует человеку, существовать в составе государства свойственно для человека. То есть государство и человек выступают друг по отношению к другу как общее к частному, и более того можно рискнуть – как первичное к вторичному. Скорее человек есть порождение государства, нежели наоборот.

И семисот лет не прошло – появился Плотин. Редкого была качества голова; как, впрочем, и все нами упомянутые. Философию Плотина можно назвать антично-синтетической. Главное – он полагал, что всему есть Единое первооснование. Что все ноги растут из одного

куста. Все сущее – это нисходящая иерархия Единого, каковое Единое выше даже Космоса в неизреченной сущности своей (слово «сущность» мы употребляем сейчас не в философском смысле, а в библейском обороте). И материя – это низший уровень единой иерархии. Единое не то чтобы даже правит всем – оно проявляет и реализует себя во всем. То есть все что есть – это агрегатные состояния Единого. Это даже круче, чем у Пифагора или Платона.

Вот Пифагор считал, что Бог есть число. Не лишено! Информация – она вроде и есть, а вроде в материальном смысле ее и нет. Есть число «четыре» – и его не убьешь, не пощупаешь, им не завладеешь, оно пребудет вечно. А мир существует по законам чисел, подчинен соотношениям чисел. Все математические обсчеты, все формулы и уравнения с графиками, которыми современная физика выражает устройство нашего Универсума – все это идет от Пифагора!

Плотин недаром же называется неоплатоником – он обобщил всех, кого мог, но суть философии Платона и Пифагора прежде всего, что мы должны запомнить. Единое есть источник и суть всего, и это Единое в современном лексиконе может быть определено как информационно-энергетическое Единое. Оно нематериально, над-материально, над-бытийно, но есть тот источник и тот закон, из которого все и происходит. Во.

Потом наступил длинный и дурной период пустоболтства о божественном и греховном. Рухнула культура, ну и философия рухнула. Каких-то полторы тысячи лет – и сэр Фрэнсис Бэкон пишет «Новый Органон». И связывает философию с жизнью человека как переделкой природы. Философия – чтоб помогать брать блага у суровой природы. Вот кто реальный прародитель инструментализма! «Знание – сила!» – сообщил философ. Информация о мире неотделима от переделки мира. Развитие знаний и науки – есть средство для преобразования природы по разумению человека и в нуждах человека. То есть: информация, человек и природопреобразование сведены воедино.

И вот уже Новое Время, век просвещения, и один из четырех величайших мудрецов всех времен и народов (по европейской табели о рангах), Гегель, оформляет диалектику в канон, и все образованные люди пытаются освоиться с той мыслью, что одно переходит в другое, все течет и изменяется (ау Гераклиту), любое явление имеет как минимум две стороны и т.д.

А чуть перед Гегелем Кант, другой из той же мудрой суперчетверки, произнес свое знаменитое, что лишь две вещи непостижимы уму – звездное небо надо мной и категорический императив внутри меня. Устройство Космоса и человеческая психология связаны здесь единой постановкой проблемы.

И наступает великий XIX век! И Ламарк создает свою теорию эволюции. А Дарвин создает более детализованную, добросовестнее продуманную эволюцию, и все в толпе забывают, что основу всю заложил Ламарк, что идею ту же оформил Уоллес, их отлично знает наука, но место на знамени только для одного имени: Дарвин! Наука объявляет, что человек есть плод и продукт эволюции природы.

И вот тут, вот тут, вот тут начинают проявляться контуры энергоэволюционизма, хотя слова такого еще долго не будет!

Во-первых, великий систематик Спенсер продлит принцип эволюции в обе стороны от живой природы, от биологии. И объявит, что эволюционирующая материя существует в трех формах: во-первых, материя косная, мертвая, неорганическая; во-вторых, материя живая, органическая; и в-третьих, высшая форма материи – это материя социальная, а она включает все социальные институты в их функциях и отношениях. Спенсер провозгласил единство эволюционирующей материи Вселенной.

Не только эволюция организмов есть развитие от простого к сложному. Но и вся материальная Вселенная подчинена этому закону, развивается от простого к сложному по этому закону, и самое простое – это мельчайшие неделимые частицы материи, атомы, – а самое сложное это государства с их культурой, их институтами, их законами и моралью.

М-да, но встает философский вопрос: пусть это все так, но куда оно развивается, и зачем оно развивается, и с чего это началось, а главное – чем это, черт возьми, кончится? И тут наука не в курсе дела. Современная, XIX века наука, полагала Вселенную вечной. Без конца и без начала во времени и пространстве. И это слегка огорчало и озадачивало горячие умы.

И тут появляется Шопенгауэр с толстым томом «Мир как Воля и представление». Заметим, на этот труд не обращали внимания, пока развитие науки и осмысление ее результатов не встроило теорию Шопенгауэра в общий научный и осмыслительный контекст середины XIX века. «Мировая Воля» Шопенгауэра – это синоним и Бога, и Высшего Мирового Закона, и Энергии, – чего хотите. Главное: движение мировой истории иррационально, не имеет начала и конца, бессмысленно. Его нельзя отменить, оно не сводимо ни к каким задачам. Мировая Воля являет себя во всех формах материи и движения. И человека она заставляет действовать, чувствовать, добиваться и страдать, и все движения нашей психики и тела – это движения Мировой Воли, здесь и сейчас локально персонифицировавшейся в нас. Суть для нас в чем? В основе всех действий, всего Бытия – лежит первичный волевой посыл, он же энергетический посыл: мир движется, потому что такова его сущность, потому что иначе невозможно, и жизнь наша происходит не потому, что мы добиваемся конкретных и осмысленных целей, но наоборот: мировая воля внутри нас требует выхода, требует действий, и эту бессознательную потребность мы оформляем в действия, стараясь придать им какой-то смысл. Короче: действие – первично и безусловно, цель – вторична и условна.

И вот следующий и очень важный акт нашей философской драмы: австрийский врач Роберт Майер открывает закон сохранения энергии. Это величайшее открытие! Незадолго до этого Карно открывает закон, как бы в общей форме сказать, обмена теплом между телами. Машины он тепловые изучал, паровые машины. Этот закон после корректировок и уточнений, сделанных другими, стал великим Вторым законом термодинамики. Однако еще до этой формулировки Клаузиуса, Кельвина и компании, хотя и после Карно, Майер открыл и сформулировал закон сохранения энергии, ставший Первым законом термодинамики. Сначала Второй – о рассеянии энергии и возрастании энтропии, открытый Карно, – потом Первый о сохранении энергии, открытый Майером. В середине XIX века возникла термодинамика.

И тут же и Клаузиус, и Томпсон лорд Кельвин выдвинули теорию тепловой смерти Вселенной. Как замкнутой системы, не получающей притока энергии извне, но совершающей работу внутри себя. И по сегодня эта теория не подтверждена и не опровергнута. Величие момента в том, что конец всего впервые заявлен на уровне не религиозном, не философском, а научном.

И век подходит к концу, и тут великий немецкий химик Вильгельм Оствальд, кстати российский гражданин родом из Риги, потом в Лейпциге работал, будущий нобелевский лауреат, апологет термодинамики, начинает читать курс по натурфилософии и представляет миру свою теорию мироздания, строит свою философию – энергетизм. Это принципиально важно, на энергетизме надо остановиться подробнее.

По некоей установившейся традиции, которая может сбить с толку слушателя, говоря об энергетизме упоминают две фамилии – Майер как родоначальник и Оствальд как создатель. Хотя Майер был в науке чистый термодинамик и ничего больше. И поскольку научной основой оствальдского энергетизма является термодинамика, то вместе с Майером следует упоминать и Карно, и Клаузиуса, и Кельвина, и Джоуля, и Гельмгольца, – это создатели той самой термодинамики, открыватели и исследователи и формулировщики тех самых двух законов термодинамики и их следствий.

Основным принципом Вселенной Оствальд считал Второй закон термодинамики, и сам так и говорил, и писал:

основа существования Вселенной, основа Бытия – это рассеяние энергии. Рассеяние энергии создает все – всю материю во всех ее проявлениях и действиях. Энергия, рассеиваясь во Вселенной, и есть все сущее в своей самой глубинной, базовой основе.

Существование материи Оствальд отрицал. Он полагал, что есть лишь энергетические линии, поля, сгущения и тому подобное. Он отрицал существование атомов – а экспериментальным путем атомная теория тогда, по его мнению, не подтверждалась. Это все просто виды энергии, утверждал Оствальд, вот так она проявляется. Более того – дуалистичность энергии-материи он тоже категорически отрицал, к этой дуплексной теории относился негативно и даже враждебно, как к примиренческой, ренегатской, подхалимской по отношению к господствовавшему в науке материализму. Одна его лекция и брошюра так и называется: «Несостоятельность научного материализма».

Идея приложения Второго начала термодинамики ко всему на свете настолько увлекла Оствальда, что он стал прикладывать ее к эстетике, духовной жизни, нервной деятельности человека – вот напрямую: все есть лишь взаимодействие энергий в основе своей, и все тут, и все подчинено закону рассеяния энергии.

Этот механистический редукционизм, этот, простите за вольность, линейный энергодетерминизм философии Оствальда ведут к многочисленным ошибкам и упрощениям. Мономан, как многие открыватели, Оствальд провозгласил свой «энергетический императив»: «Не растрачивай энергию попусту, используй ее». На что используй? На полезное дело. А что полезно? Все, что позволяет лучше жить и размножаться. А культура человеческая, искусство? Оствальд строит конструкции полезности искусства для энергетического аспекта жизни.

Энергетический утилитаризм – вот что печально в его теории. Это не работает.

Эволюцию Оствальд хочет свести к повышению КПД организмов как энергетических машин. Но рептилии гораздо экономичнее теплокровных, их КПД гораздо выше, пищи им хватает на больший период существования, и мощность в броске у них больше!

Суть эволюции – усложнение материальных структур. Оствальд хочет свести ее к повышению энергетического КПД.

Раз мировая энергия рассеивается, и в процессе рассеивания создает все, и при этом убывает невозвратно, и Вселенная перестанет когда-нибудь жить, – значит, главное в природе – это использовать рассеивающуюся энергию с максимальным для себя эффектом, пускать максимальную ее долю на нужное тебе дело! – вот суть энергетизма. Однако на деле чем проще животное, тем его энергетический КПД выше. Оствальд утверждает обратное, сводя едва ли не любые формы деятельности и движения высших животных к необходимо полезным – а игры? а обгрызание деревьев, которые гибнут?

Понижения энергетического КПД организмов по мере эволюции Оствальд объяснить не может, а потому не хочет, а потому обходит неудобные примеры стороной. А потому его философия принята не была, забылась сразу, вспомнили о ней лишь полвека спустя и то узко. Опять же: раз не материалист – значит идеалист, а идеалистам в науке жилось плохо, били много, что ж такое, в самом деле, материю отрицает.

Мы должны отметить главное: Оствальд первый сказал – Бытие, Вселенная, все сущее – имеет базовым уровнем одну и ту же основу: энергия. Законы термодинамики в основе всего. Жизнь есть обмен свободной энергией, учил Оствальд.

А ведь в это самое время Ницше писал о воле к власти. А волю к власти можно перевести как то, что все в природе стремится оказывать максимальное воздействие на все окружающее. Максимально на окружающее влиять, быть максимально значимым, действенным, влиятельным, главным в сфере своего досягания. Что в переводе на энергетический уровень означает: стремление к максимальным действиям, то бишь к максимальному уровню обмена энергией, движет существами.

Философия и наука стали решительно смыкаться (как, впрочем, и положено быть, и чего не было бесконечные полторы тысячи лет серости и религиозности). В Америке Чарлз Пирс основал прагматизм: призвание философии давать какой-то толк в жизни, а не заниматься схоластикой. Позднее Дьюи разработает инструментализм, что можно коротко считать философией «человека действующего»: знание рассматривается как неотъемлемая часть действия человека, из каких-то действий и складывается его взаимодействие с природой, им переделываемой по своей нужде, в чем и суть жизни по большому счету.

А Зигмунд Фрейд создает свою теорию психоанализа. Человек не властен над собой. Подсознание диктует сознанию. Наши поступки и чувства разумом не руководствуются. Мы повинuemся бессознательным влечениям. Не разум диктует нам жизненный путь и образ действий, не разум ставит цели, – но внутреннее влечение ведет нас и задает судьбу и поступки, Разум – лишь верхушка айсберга, влекомого подводными течениями, хотя ветер над водой может парусить в эту верхушку.

Этот переворот в науке о человеке был лишь эхом одновременного великого переворота в науке. Тому масса имен, и Эйнштейн первое из них. Великая формула $E = mc^2$ связала массу и материю. Масса имеет энергетический эквивалент. И никто уже не смел отрицать атомов, и возникла квантовая физика, и атомная физика делала гигантские шаги. Атом стал просто фактом жизни.

И Фридман зарылся в теорию Эйнштейна, и сел за расчеты, и вывел уравнения. И, можно сказать, возникла Теория Большого Взрыва. Теория сингулярности. Начала Вселенной, родившейся взрывом из одной точки. И разлетающейся в разные стороны до сих пор.

Еще год-другой – и Хаббл открыл красное смещение, и подтвердил разлет Вселенной, и даже подсчитал его скорость, скорость разлета галактик.

А вот теперь давайте подбирать хвосты и подбивать бабки. Потому что в 20-е годы XX века у философии было уже все, вроде бы, чтобы понять устройство Мира.

С одной стороны, есть диалектика, то есть понимание того, что все изменяется, все перетекает одно в другое, все имеет как минимум две стороны, единство и борьба противоречий есть источник развития и так далее.

С другой стороны, есть теория эволюции, охватывающей, вроде бы, все виды материи, все сущее. Повторим несколько фамилий. Лайел – это геология, косная материя; Дарвин – это биология, живая материя; Конт, Дюркгейм – это социология, социальная материя. То есть – и материя косная, и материя живая, и материя социальная развиваются по одному и тому же закону – усложняется от простых форм ко все более сложным.

С третьей стороны, создана термодинамика. Есть понимание того, что все на свете энергетически связано. Что эволюция имеет энергетическую подоплеку. И была уже сделана попытка увязать эволюцию с энергией всесторонне, и жизнь свести к обмену энергией, но на базе Второго начала термодинамики как основы всего на свете это не сработало. Оствальд. Но энергия с материей – связана воедино: Эйнштейн, $E = mc^2$.

С четвертой стороны, утверждена объективность социальных законов (на этом остановимся чуть подробнее). То есть – общество развивается независимо от воли и разумений отдельных людей. Это Адам Смит с «невидимой рукой рынка», это Маркс со своей панэкономической теорией истории, это Дюркгейм с объективностью социальных институтов. Люди хотят и добиваются собственных, личных целей, а совместно это превращается в ход объективных законов истории.

И с пятой стороны – Фрейд, а за ним и чуть о другом Юнг поведали насчет психологии отдельного человека, поведения самочинного человеческого – что поступает человек не так, как разум ему велит, как он сам для себя рационально считает наилучшим и выгодным, – а повинуюсь бессознательным стремлениям, внутренним влечениям.

И вот если увязать, соединить, психологию начала XX века с социологией того же периода, то получится суперважнейшая наука – социальная психология, без которой философии нет. И назовем имена ле Бона и Троттера. То есть: человек делает не то, что сам себе думает и хочет, но является орудием социального прогресса.

Нам осталось увязать: диалектику, эволюцию, термодинамику, социологию и психологию. То есть. Нам осталось увязать устройство Космоса с психической деятельностью человека на основе Закона Вселенной, под действие какового закона подпадает все сущее. Увязать все со всем. О. Вот это и есть философия.

Бэкон, Пирс и Дьюи хорошо поняли, что сущность человека и его мысль неразрывно связаны с его же деятельностью в мире, в природе, в переделывании окружающей среды под себя, то есть соответственно своим желаниям и разумениям.

Тут так и влезает маленький исторический экскурс: советский коммунизм, немецкий национал-социализм, общая разочарованность в результате I Мировой войны и угрожающее приближение 2-й Мировой войны – сильно действовали на мозги философов и явно мешали думать во вселенском направлении. Релятивизм закрыл собою эволюционизм; экзистенциализм и модернизмы всех мастей рыдали о бессмысленности страшного мира, людском ничтожестве и относительности любых истин. Философы требовали счастья и свободы, уповая на стоицизм.

А наука делала свое. И расщепила атом. И выделила атомную энергию. И сделала Бомбу. Вот это переделка природы! Вот это обмен энергией!

Нам осталось припомнить всего ничего. Что на заре все того же XX века Чижевский чертил и сводил свои таблицы, и получалось, что пики социальной активности, социальных катаклизмов, войн и революций, – точно приходились на пики солнечной активности; и это с неукоснительной, очевидной периодичностью, регулярностью. И что Вернадский сказал, что по мере эволюции миграция атомов в биосфере увеличивается; а человек с его деятельностью становится преобразующей силой геологического масштаба.

Терпение: уже скоро все сойдется!

В 1949 году отец культурологии Лесли Уайт публикует статью: «Энергия и эволюция культуры». Где пишет, что чем более развита цивилизация – тем больше энергии она потребляет. По мере развития цивилизации – энергии потребляется все больше. Вполне прочная, постоянная, неразрывная связь.

Лесли Уайт занимает такое важное место в наших подготовительных выкладках, что мы и на нем должны остановиться дольше. Уайт – прямой последователь Оствальда в рамках культурологии. Он ставит эпиграф из Оствальда. Он полагает Второе начало термодинамики основным законом Вселенной: ее материя идет к распаду, ее энергия уменьшается. Жизнь – это захват свободной энергии и использование ее для своего существования. А вся жизнь на Земле – это термодинамический процесс, идущий в крошечном уголке Вселенной в противоположном направлении, направлении понижения энтропии. Идет этот процесс за счет захвата и использования солнечной энергии. А философия, социология, – это лишь эпифеномены сего термодинамического процесса.

В замечательнейшей культурологической теории Уайта нам представляется лишь пара-тройка недоработочек.

Во-первых Уайт, будучи не антропоцентристом, материалистом, объективным ученым, полагает, что деятельность человечества и вообще жизнь на Земле никакого вселенского значения не имеет. Так, незначущая случайность. И кончится человечество, да и вся жизнь на Земле раньше или позже, и никак на Вселенной это не отразится. (Гм, ну и вся наука так полагала.)

Во-вторых, энергию на Земле человек добывает и использует во все больших размерах себе на пользу, для своей растущей культуры. И человечество все растет численно и все богаче материально. Вот такой объективный процесс.

В-третьих, в разных типах цивилизаций – как первого типа, Земледельческого, так и второго, более высокого, Топливного, – бывают кризисы перепроизводства. Это от несовпадения технологической и социальной систем данного государства, хоть начиная от Древнего Египта. То есть для господствующего класса вещи бывают в излишке, но на всех поровну их бы все равно не хватило для хорошей жизни.

То есть. Вся деятельность человеческая есть закон природы. И вся эта деятельность нужна только человечеству, чтоб жить, причем жить по возможности все лучше: все больше детей вырастает, все многочисленнее люди, все в большем комфорте живут и безопасности, все разнообразнее жизнь.

И вся деятельность человечества не выходит за рамки использования энергии всемерного и возрастающего для своих потребностей. Это и есть история, можно сказать.

Если некогда религиозные философы полагали, что человек – для Бога и вечной жизни, для проведения политики Бога на Земле, – то философы-материалисты стали полагать, что человек – только для себя самого, и никакого такого смысла в его существовании нет. А цель его – покорять Природу для своего блага. То есть: деятельность человечества хотя и эволюционно детерминирована, но замкнута на самообслуживание, как и у всех живых существ.

Антропозацикленность. Антропозамкнутость. Так бы я назвал этот взгляд, чрезвычайно укоренившийся за века господства мысли и науки. Господства материализма.

Но мы знаем людей, о которых не знал Лесли Уайт. И их взгляды, пусть наивные, пусть совершенно несистематизированные, оторванные от ткани общего научного, мыслительного, философского процесса, – эти взгляды сочетаются с положениями Уайта интереснейшим образом.

Первый из них, городской сумасшедший, глухой школьный учитель из захолустной Калуги, имел фамилию Циолковский. Нет, писатели и сказители всегда летали на Луну и вообще на небо. И думки гадали. Но Циолковский этой мечте обычной попытался придать научные черты, формулу вывел для ракеты (хоть она в Кембридже и до него была, да знаменит-то стал и мировое внимание привлек Константин Эдуардович!). Человечество должно выйти в Космос, покорить Вселенную! О це да! И Советская Власть, нацеленная на бескрайнюю мечту переоборудования всего мира для счастья нового человечества, по достоинству оценила безудержную научную отвагу Циолковского и прославила его на весь мир.

А в пятидесятые годы XX же века советский доктор философии Ильенков написал эссе «Космология духа», как оно определено им в подзаголовке – «Философская фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма», где предположил, что человечество, овладевая энергией во все больших объемах, в конце концов на вершине своего развития пожертвует собой и запустит цепную реакцию взрыва Вселенной, и тем самым спасет ее от тепловой смерти, и тем самым произведет огненный вихрь, который и даст зарождение новой Вселенной в бесконечном цикле ее существования. И это и есть роль и назначение мыслящей материи, духа, во вселенском существовании. Как принято в России, эссе было не издано, осталось неизвестным, опубликовано только в конце XX века.

Тогда же и независимо от того американский социопсихолог советского же происхождения, основатель теории рефлексии Владимир Лефевр, выразился, что «Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение – это борьба с тепловой смертью».

Мы обязаны с вами коснуться широко принятой сейчас теории глобального эволюционизма. О глобальном эволюционизме достаточно слышать, что он есть. Ибо сводится он к тому эволюционизму, о котором мы уже говорили, и которого придерживались еще в XIX веке Спенсер, Оствальд, Дюркгейм и еще масса серьезных людей. То есть косная материя получила

разделение на космическую и химическую формы эволюции, а дальше как раньше – биологическая и социальная. Преемственность в развитии от простого к сложному от субэлементарных частиц до государства и цивилизации, и единство этих форм материи, – вот к чему и сводится глобальный эволюционизм, мимо которого, однако, пройти будет некорректно.

Теперь и под конец нашего безразмерного обзора мы переходим к великой вещи под названием «Синергетика». Слово это ввел в 1974 году немец Герман Хакен, он же синергетику и заложил. Хотя другой ее создатель, Илья Пригожин, русский еврейский бельгиец, говорил исключительно о неравновесной термодинамике. В синергетике за прошедшие треть века много уже великих имен, всех мы перечислять не будем. Тоффлер сказал, что синергетика – это величайшее течение, система взглядов, парадигма, как сказать, во всей нынешней научной революции. Но для нас это не важно.

Важно для нас что. Что синергетика занимается самопроизвольным усложнением систем. Возникновением порядка из хаоса, как и называется в русском переводе одна из книг Пригожина и Стенгерса. В развитии и усложнении систем с точки зрения синергетики определяющим является не материальная структурная сложность, а повышение внутренней способности системы к дальнейшему упорядочиванию, повышение потенциала самоорганизации. Говоря грубо и по простому: структура становится не только более упорядоченной, но и более энергосодержащей, более потентной. То есть: при таком самообразовании энтропия не растет при переходе на более равновесный уровень, но понижается. Равновесие происходит на все более высоком уровне. Насчет «странного аттрактора» я вас грузить не буду, и так информации неподъемно.

Ну, типа: альпинист плохо держится на скале. Он упал к подножию и лежит на равнине мешком. Система пришла в устойчивое равновесие. Энергия ее снизилась, энтропия выросла. Другой вариант: альпинист забрался на вершину, и там разлегся на плоском большом плато. Тоже равновесие. На более высоком энергетическом уровне. Энтропия только уменьшилась.

«Капо ди тутти капи» в науках, крыша и объединение наук, синергетика стремится свести все в мире воедино, и это у нее получается с нарастающим успехом. Для нас главное следующее.

В основе своей синергетика имеет термодинамику. То есть это учение энергетическое, и рассматривает оно мир на базе энергии.

Второе. В нормальной, классической термодинамике любая система стремится к равновесию, для чего и путем чего и вследствие чего она, неравновесная система, сбрасывает максимум энергии, выделяет максимум энергии, энтропия ее возрастает, и она приходит к такому устойчивому, сильному, прочному состоянию, когда уже может жить спокойно, не стремиться разрушиться, успешно противостоять силам, стремящимся ее разрушить как изнутри, так и снаружи, нарушить то есть ее равновесие, существование ее в нынешней форме. И согласно Второму началу термодинамики часть ее энергии безвозвратно рассеивается.

Ну так синергетика обратила внимание на системы и занялась ими, которые из неустойчивого состояния переходят не на более низкий энергетический уровень, а на более высокий. Что, собственно, и лежит в основе вселенской эволюции. Эволюция не только как структурное усложнение. Эволюция как переход динамических систем на все более высокий уровень. Устойчивость систем все дальше от нижнего уровня равновесия – если считать равновесием мыслимо нижний уровень, например, человек превратится в набор элементарных частиц.

Вселенская эволюция как удаление устойчивости от равновесия все дальше. И еще – рассмотрение общности науки, культуры, человека и природы, человека внутри природы. (А флуктуации, значение случайности, отрицание линейного детерменизма, – это для нас сейчас не важно, всего в свою сумку не запихнешь.)

Если кто помнит, как был основан Карфаген, так условились с аборигенами, что возьмут столько земли, сколько покроет воловья шкура, – после чего шкуру нарезали на тончайшие

ремешки, связали их в единый шнур и обнесли тем шнуром территорию будущего города. Вот так мы сейчас штрихами очертили огромный контур научной и философской базы нашего учения, которое включает в себя ряд принципиальных выводов из вышеупомянутых теорий, komponуя эти выводы в несколько новую, как представляется, комбинацию и дополняя их рядом соображений собственных.

Итак. Переведите дух и давайте легче, по-простому.

Дорогие мои. Энергоэволюционизм подобен тоннелю, который рылся с двух концов. И с какой бы стороны вы ни поехали – вы обязательно и неуклонно доедете до выхода с другой стороны. Дедуктивный метод рассуждения и познания и встречный ему индуктивный срастаются воедино. Общее и частное связаны двухсторонней связью.

Суть энергоэволюционизма заключается в том, что человек, являясь частью Вселенной, ее порождением и одновременно орудием, в своих действиях движим инстинктом жизни, то есть имманентным стремлением что-то делать, то есть изменять окружающую действительность, то есть обмениваться с ней свободной энергией. Обладая нервной системой, психикой и сознанием, человек руководствуется в жизни не умственными выкладками, а стремлением к максимальным ощущениям. Ибо через это и воспринимается жизнь, ибо сумма и сила ощущений и дают человеку представление о жизни: субъективно жизнь сводится к сумме ощущений. Но – большинство ощущений сводится к действиям и есть следствия действий или побуждения к действиям. Таким образом, человек, стремясь к максимальным ощущениям, стремится объективно к максимальным действиям.

История и прогресс – это совершение человечеством все более грандиозных действий. Это обмен с окружающей средой все большим количеством свободной энергии.

На этом пути люди объединяются в системы – социумы, социальные системы. И рациональность этих систем такова, что суммарно они производят больше действий, преобразуют окружающий мир больше, чем то же количество людей могло бы сделать порознь, неорганизованно. В социальных системах люди получают больше разнообразных ощущений – и совершают совместно бóльшие действия (разделение и рационализация труда, техника и наука, погоня за производством и потреблением как повышением своего статуса в социальной иерархии и т.д.).

Люди ввергают себя в страдания, добиваются излишних вещей и почестей, воюют и завидуют, гонятся за счастьем и пропускают его меж пальцев, – в потребности как можно больше всего почувствовать, и хорошего и плохого, и максимально много сделать – как созидать, так и разрушить уже созданное: лишь бы переделать!

Предела максимальнойности действий, которые может произвести человечество, в принципе нет. Термоядерный способ выделения энергии – это уже звездный уровень. Если экстраполировать эволюцию на Земле, и эволюцию человека в частности, в неизмеримую даль времени и пространства, в уровни выделения энергии из косной материи все более глубокие, вплоть до превращения всей материи в энергию по эйнштейновской формуле, – то человечество или его потомки максимум что могут сделать, Идеальный максимум, – это взорвать нашу Вселенную, превратив всю ее материю в энергию, и тем самым совершить Максимальное Действие из всех возможных. И одновременно произойдет тот самый Большой Взрыв, с которого начнется существование Новой Вселенной.

И вот на этом пути к Большому Взрыву Единой Новой Сверхзвезды – человечество перелопачивает материю и энергию окружающего пространства все активнее, все быстрее, во все больших объемах. Поэтому оно никогда не останавливается на достигнутом, не превращает свою жизнь в обустройство необходимых и достаточных удобств, вредит своему здоровью и существованию народов и цивилизаций, гробит экологию и производит горы ненужных вещей. Инстинкт! Назначение! Делать все больше всего! Пока не воссоздадим Вселенную по-новой!

Институты власти и религии, наука и техника, – все подчинено этой объективной задаче. Культуру в узком смысле слова и искусство можно считать побочными явлениями, без которых человечество не может обойтись, обладая рефлексивным сознанием и потребностью перелопачивать не только объективно существующий внешний мир, но и переструктурировать мир внутренних, мир сугубо своих представлений.

Индуктивный путь здесь – от психологии человека, объясняя ее в полном объеме парадоксальных феноменов, и до Вселенной, до Большого Взрыва.

Здесь что принципиально? Что человек и человечество в своих действиях и в Истории – не руководствуются разумом, или стремлением к выгоде, или к удобствам, или добру, или тем более злу. Но подсознательно, инстинктивно, через тягу к максимальным ощущениям, движется по пути максимально возможных действий. И действия эти все более максимальны и грандиозны.

Разум лишь обслуживает желание, желание же формируется инстинктом. И этот инстинкт жизни варьируется и изоцируется формально по мере эволюции человеческой, принимая формы социального инстинкта, инстинкта познания, наконец, – кроме самосохранения, жажды голода, размножения, и т.д.

Да, кстати, человеку что строить что ломать, один черт, абы переделать иначе, чем было, – но поскольку ломать можно только то, что уже есть, – то созидание в деятельности человеческой превалирует над разрушением.

А теперь обратимся к дедуктивному методу – от общего к частному, от Вселенной к человеку. Вот полтора столетия назад склонялись к мысли, что Второе начало термодинамики – суть жизни Вселенной: энергия рассеивается, энтропия нарастает. Но. Если под энтропией понимать безвозвратную потерю энергии при любом действии – это одно значение. Если под энтропией понимать степень равновесности системы, когда ее элементы стремятся уровняться потенциалами, чтобы прийти в устойчивое состояние и больше энергия от одного элемента другому уже не передавалась – типа карточный домик стоит – неустойчивое состояние, потенциальная энергия верхних карт высока, а карточный домик рассыпался – устойчивое состояние: ничего больше не упадет, потенциальная энергия всех карт равна на уровне стола: энтропия системы достигла (условно) ста процентов.

Ну так по мере эволюции Вселенной одновременно с ростом энтропии как аспектом рассеяния энергии – происходит уменьшение энтропии как аспект все большего упорядочивания системы, как уход все дальше от хаоса. Вот как свет отделился от тьмы – так началось упорядочение системы! Материя отделилась от вакуума – упорядочение продолжается. Субэлементарные частицы, элементарные, атомы все сложнее, поля, излучения, молекулы, ботаника, животные, государства, – рост упорядоченности.

Эволюция сводится к: а) рассеянию энергии. Было. б) Созданию все более сложных материальных структур. Было. в) Созданию структур со все большим потенциалом к дальнейшему саморазвитию. Тоже уже было – так подошла к делу синергетика. г) И последнее – эволюция Вселенной есть преобразование энергии (первичной и общей во Вселенной) во все больших объемах и со все большей скоростью. Вот этого еще не говорилось. **Это и есть энергоэволюционизм.** Преобразование энергии с положительным и возрастающим балансом.

Эволюция есть рассеяние энергии, эволюция есть возрастание сложности материальных структур, эволюция есть самозарождение структур, устойчивых на все более высоком уровне неравновесности со все большим потенциалом к развитию. Это до нас. Эволюция есть проявление свойства и закона первоэнергии Вселенной преобразовываться из одних форм в другие со все большим усложнением и все большей скоростью. Это уже – мы. (Первые миги жизни Мира, расчеты Планка и последователей, доли секунды в десять в минус двадцатых и минус тридцатых степенях мы сейчас не берем, то модель чисто математическая.)

И вот когда энергоэволюция доходит до человека, и он начинает перелопачивать Землю в миллион раз быстрее, чем шло бы геологическим порядком, и вышибает из атома энергию, которая вообще бы никогда не выделилась, очень возможно, – человек на острие этой энергоэволюции выводит ее на следующий уровень скорости.

То есть. Энергоэволюция Вселенной, идущая с нарастающим балансом, проходит через создание и деятельность человека – и дальше по нарастающей до Нового Взрыва.

В биологической же эволюции на Земле все организмы от простейших до самых сложных потребляли для своей жизнедеятельности все больше энергии на единицу массы – и все больше энергии в единицу времени выделяли в окружающую среду, все меньшую ее часть расходуя на собственно поддержание функционирования организма. То есть – КПД организма как энергетической машины падал, – но оборот энергии рос. Это тоже мы – энергоэволюционизм.

И вот человек: потребляет для функционирования собственно организма в пять раз больше энергии, чем ближайшие животные. Качественный скачок энергопотребления! И этим пятикратным подъемом потребления – природа достигла миллионкратных увеличений энергии, которая посредством человека выделяется на Земле.

Дорогие коллеги и собравшиеся дети. Еще пара таких скачков в создании энергопреобразующих систем, как сделала природа с человеком, – и можно уже говорить о взрывах галактик по своему усмотрению.

Итак.

Энергоэволюционизм – это философская система, рассматривающая единую эволюцию всех форм материи во Вселенной от простых к сложным как преобразование форм единой энергии Вселенной, идущее со все большей скоростью потребления и выделения все больших объемов энергии.

Человек есть неотъемлемое и принципиальное звено этой энергоэволюции, высшее на настоящий момент из нам известных; хотя принципиально допустимы звенья и последующие, более совершенные и эффективные.

Энергоэволюционизм можно считать натурфилософией, а можно и философией позитивистской. Он исходит из природных фактов и научных анализов, рассматривая их как базу для постижения всех проявлений Универсума.

Энергоэволюционизм рассматривает энергоматерию дуалистически, не являясь таким образом ни классическим материализмом, ни тем более идеализмом. Энергия не рассматривается как атрибут материи, а материя – как атрибут энергии, – но материя есть агрегатное состояние энергии. Цикл существования Вселенной замыкается через исчезающе малый, математически условный миг, когда вся материя переходит в энергию, а время и пространство исчезают и схлопываются.

Для понимания культурной деятельности человека необходимо иметь в виду следующее. Картина цели и целесообразности зависит от степени приближения общего к частному, от увеличения изображения рассматриваемого предмета и рамок, границ, отделяющих рассматриваемую картину от общей картины мироздания. Ни один человек не способен соотносить свои действия сознательно с общей целесообразностью мироздания. Напротив. Чем совершеннее, сложнее энергоматериальная система, тем она автономнее. Чем она автономнее, тем больше действий она необходимо совершает для собственного, индивидуального обеспечения. Тем больший объем ее психической деятельности направлен на самообеспечение.

Энергоизбыточный человек имеет психическим, нервным оформлением избытка своей энергии большой мозг с мощной деятельностью. Она несравненно мощнее, чем было необходимо для выживания первобытного человека!

Этот избыток психической мощности направляется на все, что можно увидеть вокруг и что можно придумать. Ощущения испытываются от всего, максимальные действия совершаются во всех областях. Необходимые элементы социального слоя коэволюции – религия,

власть, закон, трудолюбие, изобретательство и наука, и т.д., двигающие вперед именно энергоэволюцию через деятельность, – заслоняются часто всеми формами искусства, всеми проявлениями эстетики, массой бытовых традиций и т.д. – что для субъективного сознания человеческого не менее важно! не менее значимо! Живущий представлениями о мире человек в душе своей ценит труд поэта выше труда шахтера: ибо его избыточно мощная психика хочет структурировать все достижимые информационные поля, независимо от того, базируются они на реальных объектах или идеальных представлениях.

Повторим:

Сущность человеческой психики – в переструктуризации информационных полей, независимо от реальности или идеальности стоящих за ними объектов!

В результате каких действий постлюдей, мегалюдей (или все-таки людей?) произойдет «перезагрузка» Вселенной? Или это будут биороботы, или чисто кибернетическая цивилизация? С учетом роли случая в эволюции – мы сегодня этого знать не можем. Факт один – эти условные потомки, эти создания Будущего – будут преобразовывать энергию в чудовищных объемах, продолжая энергоэволюцию Мира, что есть этого Мира суть.

Необходимо напомнить, что жизнь многогранна и противоречива. Наука умеет много гитик, а Бытие в целом есть все уровни существования, все аспекты сущего. И при рассмотрении вопросов чаще всего бывает так, что верное на уровне физики плохо согласуется с моралью, биология не стыкуется с человеческой историей, а психология противоречит арифметике. То есть. Философия должна быть непротиворечива. Она должна рассматривать мир и целиком, и в частностях, и все эти частности должны быть учтены и согласовываться друг с другом.

Энергоэволюционизм можно, оглядываясь на Спенсера, считать «синтетической философией». Он дает непротиворечивую картину мира, рассматривая его во всех основных аспектах: энергетическом, космологическом и физическом, биологическом, историческом и социальном, психологическом, и наконец философском.

Энергетический уровень рассматривается как общий для всего в основе, и естественным порядком воедино с космологическим и физическим, что есть аспекты единого. Биологический уровень рассмотрения, как на примерах индивидуумов, особей, так и на примере видов, так и в биосфере в целом, рассматриваются как производная от предыдущих уровней, выше-названных. История может быть постигнута в единстве своего движения только под нашим углом зрения – как совершение все больших действий, преобразование все большей энергии. Социология дает картину структуризации людских масс в системы, эти системы координируют человеческие действия, поднимают производительность труда, все увеличивают преобразование людьми окружающей среды, и существуют эти социальные системы объективно, вне желаний личностей. Психологический уровень – это человек устроен так, что хочет, желает, счастья, но подсознательно стремится не только к положительным ощущениям, но и к отрицательным, и в поисках ощущений совершает поступки, чтоб овладеть каким-то предметом, достичь статуса, совершить дело, и в результате соединяется в системы с другими людьми и преобразует энергии окружающего пространства все больше и больше. А философия постигает это все как аспекты единого целого, анализируя и понимая суть оказывающихся противоречий, каковые противоречия при углубленном рассмотрении оказываются лишь деятельностью монад в рамках собственной целесообразности. (А чем автономнее монада, тем она сложнее, тем большая часть ее действий совершается «для себя», и меньшая «для системы», и за лесом «своего» часто не видно скальной основы «системного».)

(Здесь такой момент, что совершенство системы коррелирует с совершенством подсистем, и подсистемы должны координировать действия собственных под-подсистем, а те своих под-под-подсистем, и возникает своего рода бюрократический эффект, когда система все больше работает в интересах своих подсистем, и все меньше в интересах надсистемы. Но этот бюрократический эффект носит обратную направленность. Подсистема больше «смот-

рит» вниз, чем вверх, и работает на самоудовлетворение, таким образом. Но поскольку она все мощнее и совершеннее – то хотя ее КПД падает, но выдача абсолютной работы наверх все-таки увеличивается. Так психология личности соединена с энергоэволюцией Вселенной.)

Говорить об этом можно бесконечно, что уж может быть бесконечнее познания Бытия. Лишь повторим коротко в заключение:

Энергоэволюционизм базируется на таких философиях, течениях, дисциплинах, как – диалектика от Гераклита и Гегеля; единство всего сущего и связь человека с природой от Плотина и Фрэнсиса Бэкона; эволюционизм от Дарвина; глобальный эволюционизм от Спенсера; иррационализм Мировой Воли Шопенгауэра; энергетизм Оствальда; воля к власти Ницше; социология Конта и Дюркгейма; психоанализ Фрейда и коллективное бессознательное Юнга; теория относительности Эйнштейна и формула перехода энергии и материи; Большой Взрыв Фридмана и Хаббла; элементы истории по Тойнби и Гумилеву; взгляды Чижевского и Вернадского на связь энергии, атомов, человека и биологии; культурология Уайта; догадка Ильенкова и выкладки Лефевра о роли человека во Вселенной; синергетика Хакена и Пригожина; и современный глобальный эволюционизм, представляющийся развитием эволюционизма рубежа XX века. Гм. Много всего, да. Да! Теория стрессов Ганса Селье и этология Конрада Лоренца.

Энергоэволюционизм сводит все упомянутое как коррелирующие части единой системы мироустройства, имеющего базовым уровнем энергопреобразование Вселенной с положительным балансом, то есть с увеличивающейся скоростью. Эволюция форм энергии через материальные структуры, все более сложные и все скорее переструктурирующиеся, содержащие все больше энергии и выделяющие все больше энергии при преобразованиях – вот суть дела.

Энергоэволюционизм показывает, какими связями связаны разные аспекты мироустройства, и как работают эти связи, их логику и закономерности. И человек в этой системе, разумеется, почему он так живет, почему так развивается история, в чем глубинная причина.

Спасибо, у меня все. А то, что у меня в голове выстроились основы энергоэволюционизма раньше, чем я прочитал все вышеперечисленное, это мои трудности. Это никого не должно интересовать. Это был рубеж восьмидесятых годов XX века в СССР, марксизм, цензура, информация и инакомыслие под запретом. У меня был учебник физики, перепечатанный Шопенгауэр, представление о Спенсере по «Мартину Идену» Лондона, рассказ Лема «Голем XIV» и застрявшие в памяти заметки из журналов «Наука и жизнь» и «Химия и жизнь». Все. И то, что пространство энергоэволюционизма включает в себя столько перечисленных авторов и учений, пожалуй, лишний раз подтверждает, что энергоэволюционизм верен. Что? Да где мне было в те года эти книги взять!

Уже в двухтысячные годы – чем больше я читал, тем больше удивлялся, что все это составными частями отлично укладывается в энергоэволюционизм. Вероятно, это признак того, что энергоэволюционизм как идея созрел для появления на свет. Раз идеи одного рода приходят в разные головы. Если в мою голову пришла организующая идея – возможно, это закон вероятности. Хотя я старался.

Приложение II Постижения писателя

Испытатели счастья

– Шайка идиотов, – кратко охарактеризовал он нас. – Почему, почему я должен долдонить вам прописные истины? – Я смешался, казнясь вопросом.

Нет занятия более скучного, чем программировать счастье. Разве только вы сверлите дырки в макаронах. Лаборатория закипела; что правда, то правда.

Но начальник новый нам пришелся вроде одеколону в жаркое: может, и неплохо, но по отдельности.

I

Немало пробитых табель-часами дней улетело в мусорную корзину с того утра, когда Павлик-шеф торжественно оповестил от дверей:

– Жаловались, что скучно. Н-ну, молодые таланты! угадывайте, что будем программировать!..

С ленцой погадали:

– Психосовместимость акванавтов...

– Параметры влажности для острова Врангеля...

– Музыкальное образование соловья. – Это Митька Ельников, наш практикант-дипломник, юмором оттачивает. Самоутверждается.

– Любовь невероломную. – А это наша Люся ресницами опанулась.

А Олаф отмежевался:

– Я не молодой талант... – Олафу год до пенсии, и он неукоснительно боится даже от собственного отражения.

Павлик-шеф погордился выдержкой и открыл:

– Счастье. – Негромко так, веско. И паузу дал. Прониклись чтоб. Осознали.

Вот так все в жизни и случается. Обычная неуютность начала рабочего дня, серенький октябрь, мокрые плащи на вешалке, – и входит в лабораторию «свой в стельку» Павлик-шеф, шмыгает носиком: будьте любезны. Счастье программировать будем. Ясно? А что? Все сами делаем, и все не привыкнем, что есть только один способ делать дело: берем – и делаем.

Павлик же шеф принял капитанскую стойку и повелел:

– Пр-рисушаем!..

Ну, приступили: загудели и повалили в курилку: переваривать новость. Для начальства это называется: начали осваивать тему.

Эка невидаль: счастье... Тьфу... Деньги институту девать некуда. Это вам не дискретность индивидуального времени при выходе из анабиоза на границе двух гравитационных полей.

Обхихикали средь кафеля и журчания струй ту пикантную деталь, что фамилия Павлик-шефа – Бессчастный.

Потом прикинули на зуб покусать: похмыкали, побубнили...

Вдруг уже и сигареты кончились, забегали стрелять у соседей; на пальцах прикидывать стали, к чему что. Соседи же зажужжали; и весь институт зажужжал, насмешливо и завистливо. Нас заело. Мы от небрежной скромности выше ростом выправились.

Стихло быстро: работа есть работа. Мало ли кто чем занимается. Вдосталь надержавшись за припухшие от перспектив головы, всласть обсосав очередное задание кто с родными, а кто с более или менее близкими, – и вправду приступили.

– Два года сулили... я обещал – за год, – известил Павлик-шеф.

Втолковали ему, что мы не маменькины бездельники, время боится пирамид и технического прогресса, дел-то на полгода плюс месяц на оформление, ибо к тридцати надо иметь утвержденные докторские.

Ельникова мы законопатили в библиотеку: не путайся под ногами.

Люся распахнула ресницы, посветила зеленым светом, – и все счастье в любви и близкой одной препоручили ее компетенции.

А сами, навесив табличку «Не входить! Испытания!», сдвинули столы, вытряхнули сухую вербу из кувшина, работавшего пепельницей, и (голова к голове) принялись расчленять проблему на составные части и части эти делить сообразно симпатиям.

И было нам тогда на круг, братцы, двадцать четыре года; знаменитая вторая лаборатория, блестящий выводок вундеркиндов, отлетевший цвет университета. Одному Олафу стукнуло пятьдесят девять, и он исполнял роль реликта, уравновешивая средний возраст коллектива до такого, чтоб у комиссий глаза не выпучивались.

Прошел час, и другой, – никто ничего себе брать не хочет.

– Товарищи гении, – обиделся шеф, – я эту тему зубами выгрыз!

– А, удружил... – перекорезжил шкиперскую бородку Лева Маркин. – Через полгода сдадим и забудем – и втягивайся в новое... Пусть бы старики из седьмой до пенсии на ней паразитировали...

– У стариков нервная система уже выплавлена... такой покой прокатают – плюй себе на солнышко да носы внукам промакивай...

– Ошипаетесь! – скрипнул Олаф. – Старики-то на излете учтут то, о чем вы и не подумаете по молодости...

Мы были храбры тогда: размашисто и прямо брались за главное, не тратя время и силы по мелочам. И поэтому, вернувшись из столовой (среда – хороший день: давали салат из огурцов и блинчики с вареньем), мы разыграли вычлененные задачи на спичках и постановили идти методом сложения плюсовых величин.

Митьку прогнали за мороженым, мы слевой забаррикадировались справочниками, Игорь ссутулился над панелью и защелкал по клавиатуре своими граблями баскетболиста, а Олафу Павлик-шеф всучил контрольные таблицы («Ваш удел, старая гвардия... не то наши молокососы такого наплюсуют...») Сам же Павлик-шеф уместился на подоконнике и замурлыкал «Мурку»; это он называл «посоображать».

– Поехали!

Вот так мы поехали. Мы заложили нулевой цикл, и в основание его пустили здоровье («Менс сана ин корпоре сана», – одобрительно комментировал из-под вороха книг испекающийся до кондиции эрудита М. Ельников), и на него наслоили удовлетворение потребностей первого порядка. Затем выстроили куст духовных потребностей и свели на них сеть удовлетворения. Промотали спираль разнообразия. Ввели эмиссионную защиту. Прокачали ряды поправок и погрешностей.

Люся все эти дни читала «Иностранку», полировала ногти и изучала в окно вид на мокрые ленинградские крыши.

– У тебя с любовью все там, более или менее? – не выдержал Павлик-шеф.

Из индивидуального закутка за шкафом нам открылись два раскосых зеленых мерцания, и печально и насмешливо прозвенело:

– С любовью, мальчики, все чуть-чуть сложнее, чем с рациональным питанием и театральными премьерками...

И – чуть выше – на нас с сожалением и укоризной воззрились Лариса Рейснер, Марина Цветаева и Джейн Фонда: вот, мол, додумались... понимать же надо...

Павлик-шеф закрыл глаза, сдерживая порыв к уничтожению нерадивой программистки в обольстительном русалочьем обличе. Молодой отец двух детей Лева Маркин пожал плечами. Олаф скрипнул и вздохнул. Мы с Митькой Ельниковым переглянулись и хмыкнули. А Игорь с высоты своего баскетбольного роста изрек:

– Бред кошачий...

Мы встали над нашей «МГ-34», как налетчики над несгораемой кассой, и шнур тлел в динамитном патроне у каждого. Взгретая до синего каления и загнанная в угол нашей хитроумной и бессердечной казуистикой, разнесчастная машина к вечеру в муках сигнализировала, что да, ряд вариантов в принципе возможен почти без любви. Злой как черт Павлик-шеф остался на ночь, и к утру выжал из бездушной техники, капитулировавшей под натиском человеческого интеллекта, что ряд вариантов счастья без любви не только возможен, но даже и не совместим с ней...

И через две недели мы получили первый результат. Его можно было бы считать бешено обнадеживающим, если бы это не было много больше... Мы переглянулись с гордостью и страхом: сияющие и лучезарные острова утопий превращались в материки, реализуясь во плоти и звеня в дальние века музыкой победы... Священное сияние явственно увенчало наши взмокшие головы...

– Надеюсь, – скептически скрипнул Олаф, – что несмотря на радужные прогнозы, пенсию я все же получу.

Его чуть не убили.

– Вопрос в следующем, – шмыгнул носиком Павлик-шеф. – Вопрос в следующем: может ли быть от этого вред.

Ельников возопил. Олаф крикнул. Люся рассмеялась, рассыпала колокольчики. Игорь постучал по лбу. Лева поцокал мечтательно.

И, успокоенный гарантиями коллектива, Павлик-шеф отправился на алый ковер директорского кабинета: ходатайствовать об эксперименте.

От нас потребовали аргументированное обоснование в пяти экземплярах и через неделю разрешили дать объявление.

II

– Что лучше: несчастный, сознающий себя счастливым, или счастливый, сознающий себя несчастным?..

– А ты поди различи их...

Вслед за Павлик-шефом мы вышли на крыльцо как пророки. Толпа вспотела и замерла. В стеклянном солнце звенела последняя желтизна топольков.

– Представляешь все-таки: прочесть такое объявление... – покрутил головой Игорь. – Тут всю жизнь пересмотришь, усомнишься...

– Настоящий человек не усомнится... хотя, как знать...

– А мне, – прошептала Люся, – больше жаль тех, которые на вид счастливы... гордость...

Мы устремились меж подавленных людей веером, как торпедный залп. Респектабельный и осанистый муж... чахлая носатая девица... резколицый парень с пустым рукавом... кто?... рыхлая, заплаканная старуха... костыли... золотые серьги... черные очки... Лица менялись в приближении, словно таяли маски. Обращенные глаза всех цветов и разрезов кружились в калейдоскопе, и на дне каждого залегло и виляло хвостом робкое собачье выражение. Слабост-

ная дурнота овладела мной; верят?.. последняя возможность?.. притворяются?.. урвать хотят?.. имеют право?..

Неужели мы сможем?

Пророк и маг ужаснулся своего шарлатанства. Лик истины открылся как приговор. Асфальт превратился в наждак, и ослабшие ноги не шли. Неистовство и печаль чужих надежд разрушали однозначность моего намерения.

– Вам плохо, доктор?..

...На первом этаже я заперся в туалете, курил, сморкался, плакал и шептал разные вещи... У лестницы упал и расшиб локоть – искры брызнули; странным образом удар улучшил мое настроение и немного успокоил.

В лаборатории мы мрачно устались по сторонам и погнали Ельникова в гастроном.

Люся появилась лишь назавтра и весь день не смотрела на нас.

Подопытного привел презирающий нас старик Олаф. «Дошло, за что мы взялись?» – проскрипел он.

III

Это был хромой мальчик с заячьей губой и явными признаками слабоумия. Сей букет изъянов издевательски венчался горделивым именем Эльконд.

Лет Эльконду от роду было семнадцать. «Ему жить, – пояснил Олаф свой выбор. – Счастливым желательно быть с молодости...»

Мы подавили вздохи. Сентиментальность испарилась из наших молодых и здоровых душ. Это вам не рыдающая хрустальными слезами красавица на экране, не оформленное изящной эстетикой художественное горе: горе земное, жизненное – круто и грубо, с запашком не амбрэ. Наши эгоистичные гены бунтовали против такого родства, и оставалось только сознание.

Мальчик затравленно озирался, ковыряя обивку стула. Однако он знал, за чем пришел. Тряся от возбуждения головой и пуская слюни, проталкивая обкусанные слова через ужасные свои губы, он выговорил, что если мы сделаем его счастливым... обмер, растерялся, и наконец прошептал, что назовет своих детей нашими именами.

Олаф положил передо мной карточку. Он не мог иметь детей...

Каждый из нас ощутил себя значительнее Фауста, приступившего к созданию гомункулуса. Мы должны были выправить самую природу, по достоинству создав человека из попоранного его подобия.

...Сначала мы сдали его в Институт экспериментальной медицины, и они вернули нам готовый продукт в образцово-показательном состоянии. Это оказалось проще всего.

Теперь имя Эльконд по чести принадлежало юному графу. Веселый ореол здоровья играл над ним. Павлик-шеф улыбнулся; Люся подмигнула ведьминским глазом; Олаф скрипнул о лафе молодежи...

Графа препроводили в Институт экспериментального обучения, и педагоги поднатужились: мы вчистую утратили умственное превосходство над блестящей помесью физика с лириком.

Прямо в вестибюле помесь нахамила вахтеру, тут же была развернута на сто восемьдесят и загнана на дошлифовку в Институт экспериментального воспитания, открывшийся недавно и очень кстати.

И тогда мы прокрутили на него всю нашу программу и отпустили, любуясь совершенным творением рук своих, как создатель на шестой день. А Митьку Ельникова прогнали за шампанским и цветами.

И выпустили его в жизнь.

И он влетел в жизнь, как пуля в десятку, как мяч в ворота, как ракета в звездное пространство, разогнанная стартовыми ускорителями до космической скорости счастья.

Романтика и практицизм, жизненная широта и расчет сочетались в нем непостижимо. Он завербовался на стройку в Сибирь, а пока комплектовался отряд, сдал экзамены на заочные биофака и исторического. Купил флейту и самоучитель итальянского, чтоб понимать либретто опер; заодно увлекся Данте. Занялся каратэ. Помахав ему с перрона Ярославского вокзала, мы пошли избавляться от комплекса неполноценности.

...На контрольной явке на него было больно смотреть. Печать былых увечий чернела сквозь безукоризненный облик. Эльконд влюбился в замужнюю женщину – исключительно неудачно для всех троих.

– С жиру бесится, – пригорюнился Олаф, крестный отец.

А эрудит Ельников процитировал:

– «Человек, который поставит себе за правило делать то, что хочется, недолго будет хотеть то, что делает...»

Павлик-шеф сопел, коля нас свирепыми взглядами.

– Несчастливая любовь – тоже счастье, – виновато сообщила Люся.

– Вам бы такое, – соболезнующе сказал Эльконд.

Люся чуть побледнела и стала пудриться.

– «Любовь – случайность в жизни, но ее достаиваются лишь высокие души», – утешил

Митька.

А Павлик-шеф схватил непутевого быка за рога: чего ты хочешь?

Увы: наше дитя хотело разрушить счастливую дотолу семью...

– «Не философы, а ловкие обманщики утверждают, что человек счастлив, когда может жить сообразно со своими желаниями: это ложно! – закричал Ельников. – Преступные желания – верх несчастья! Менее прискорбно не получить того, чего желаешь, чем достичь того, что преступно желать!!»

Однако обнаружили мысли о самоубийстве...

– Да пойми, ты счастлив, осел! – рубанул Игорь. – Вспомни все!

– Нет, ты хоть понимаешь, что счастлив? – требовательно спросил Лева, выдирая торчащую от переживаний бороду.

– Что есть счастье? – глумливо отвечал неблагодарный дилетант.

– «Счастье есть удовольствие без раскаяния!» – вопил Ельников, роняя из карманов свои рукописные цитатники. – «Счастье в непрерывном познании неизвестного! и смысл жизни в том же!» «Самый счастливый человек – тот, кто дает счастье наибольшему числу людей!»

– Вряд ли раб из Утопии, обеспечивающий счастье других, счастлив сам, – учтиво и здраво возразил Эльконд.

– «Нет счастья выше, чем самопожертвование», – воздел руки Ельников жестом негодующего попа.

– Это если ты сам собой жертвуешь. Чаще-то тебя приносят в жертву, не особо спрашивая твоего согласия, а?

Ельников выдергивал закладки из книг, как шнуры из петард, и они хлопали эффектно и впустую: перед нами стоял явно несчастливый человек...

IV

«Милый мой, хороший!

Долго ли еще я буду не видеть тебя неделями, а вместо этого писать на проклятое „до востребования“... Я уже совсем устала...

Павлик-шеф выхлопотал мне выговор за срыв сроков работы всей лаборатории. А требуется от меня ни больше ни меньше подготовить данные: как быть счастливым в любви...

А ведь легче и вернее всего быть счастливым в браке по расчету. Со сватовством, как в добрые прадедовские времена. Тогда все чувства, что держала под замком, все полнее направляются на избранника, словно вынимают заслонки из водохранилища, и набирающая силу река размывает ложе... Кто-то умный и добрый (как ты сама, пока не влюбилась) позаботится о выборе, и тогда тебе: – предвкушение – доверие – желание – близость, а уже после – узнавание – любовь. Наилучшая последовательность для заурядных душ. А я – человек совершенно заурядный.

А внешность и прочее – так относительно, правда? Лишь бы ничего отталкивающего. Я понимаю, как можно любить уroda: уродство его тем дороже, что отличает единственного от всех...

Глупая?.. Знаю... Когда созреет необходимость любить – кто подвернется, с тем век и горюем. Но только – прислушайся к себе внимательно, родной, будь честен, не стыдись, – на самом первом этапе человек сознательным, волевым усилием позволяет или не позволяет себе любить. Сначала – мимолетнейшее действие – он оценит и сверит со своим идеалом. Прикинет. Это как вагон вдруг лишит инерции – тогда можно легким толчком придать ему ход, а можно подложить щепочку под колесо. Вот когда он разгонится – все, поздно.

Ах, предки были умнее нас. Когда у девушки заблестят глаза и начнутся бессонницы – надо выдавать ее замуж за подходящего парня. И с вами аналогично, мой непутевый повелитель...

И пусть сильным душам противопоказан покой в браке, необходимы страсти, активные действия... они будут ногтями рыть любимому подкоп из темницы, но неспособны к мирной идиллии... ведь таких меньшинство. Да и им иногда хочется покоя – по контрасту...

Господи, как бы я хотела хоть немножко покоя с тобой...

Твоя дура – Люська...»

V

И навалились мы всем гамузом на любовь.

Нельзя, твердили, ее просчитать... Отчего так уж вовсе и нельзя? Примитивные женолюбвы всех веков, малограмотные соблазнительницы, прекрасно владели арсеналом: заронить жалость, уколоть самолюбие, подать надежду и отказать; восхитить храбростью и красотой, притянуть своей силой, поразить исключительностью, закружить весельем, убить благородством; привязать наслаждением и страхом...

Лишенная прерогатив Люся вошла в разработку на общих основаниях. И коллективом мы споро раскрутили универсальный вариант счастливой любви, – на основании предшествующего мирового, а также личного опыта; при помощи справочников, таблиц, выкладок и замечательной универсальной машины «МГ-34».

Мы учили все. На фундаменте инстинкта продолжения рода мы возвели невиданный дворец из физической симпатии и духовного созвучия, уважения и благодарности, радужного соцветия нежных чувств и совместимости на уровне биополей; спаяли швы удовлетворением самолюбия и тщеславия, пронизали стяжками наслаждения и страсти, свинтили консоли покоя и расписали орнаменты разнообразия, инкрустировав радостью узнавания, стыдливостью и откровенностью.

Мы были молоды, и не умели работать не отлично. Нам требовалось совершенство. И мы получили его – как получаешь в молодости все, если только тебе это не кажется...

И когда в четырехтомной инструкции по подготовке данных была поставлена последняя точка, Казанова выглядел перед нами коммивояжером, а Дон Жуан – трудновоспитуемым под-

ростком. Мы были крупнейшими в мире специалистами по любви. По рангу нам причиталось витать в облаках из роз и грез, не касаясь тротуаров подошвами недорогих туфель, купленных на зарплату младших научных сотрудников.

Институт вслух ржал и тайно бегал к нам за советами.

А мартовское солнце копило чистый жар, небесная акварель сияла в глазах, ватаги пионеров выстреливались из дверей с абордажными воплями, спекулянты драли рубли за мимозки, и коварные скамейки раскрашивали под зебр те самые парочки, уют которым предоставляли.

Но если раньше осень пахла мне грядущей весной, – теперь весна пахла осенью... На беспечных лицах ясно читались будущие морщины. И имя «Эльконд» вонзилось в совесть серебряной иглой.

Наверное, мы сделали мудрее и печальнее за эти полгода. Усталая гордость легла в нас тяжело и весомо. Хмуроваты и серы от зимних бдений, мы были готовы дать этим людям то, о чем они всегда мечтали. Счастье и любовь – каждому.

VI

Избегая огласки, мы обратились в Центральное статистическое бюро и прогнали двести тысяч карточек.

– А как меня на работе отпустят? – тревожилась Матафонова Алла Семеновна, 34 года, русская, не замужем, бухгалтер «Ленгаза», образование среднее... воробушек серый и затурканный...

– Оплатят сто процентов, как по больничному, – успокаивал я.

– Я больна? – пугалась Алла Семеновна, и на поблекшем личике дрожало подозрение, что институт-то наш – вроде онкологического.

– Вы здоровы, – ангельски сдерживался Павлик-шеф. – Но... – и в десятый раз внушал, что летнего отпуска она не лишится, стаж, права, положение, имущество сохранит, – а вдобавок...

– Ах, – чахло улыбнулась Алла Семеновна, уразумев, наконец. – Не для меня это все... Я ведь неудачница; уже и свыклась, что ж теперь... – рученькой махнула...

Уж эти мне сиротские улыбки ютящихся за оградой карнавала...

К Маю Алла Семеновна произвела легкий гром в родимой бухгалтерии. Зажигая конфорку, я глотал смешок над потрясенным «Ленгазом».

Возник кандидат непонятных наук со старенькой мамой (мечтавшей стать бабушкой) и новыми «Жигулями». Мил, тих, спортивен, в присутствии суженой он впадал в трепет. Грушевый зал «Метрополя» исполнился скромного и достойного духа счастливой свадьбы неюной четы. Невеста выглядела на ослепительные двадцать пять. Сослуживицы, сладко поздравляя, интересовались ее косметикой.

Развалившись вдоль резной панели, мы наслаждались триумфом, как взвод посаженных отцов. Олаф сказал речь. В рюмках забулькало. Закричали «горько!». Запахло вольницей. Нетанцующий Лев Маркин выбрыкивал «русскую» с ножом в зубах, забытым после лезгинки. Игорь «разводил клей» с джинсовой шатенкой: две модные каланчи...

В понедельник все опоздали, Игорь предъявил помаду на галстук и тени у глаз и затребовал отгул. Нет – три отгула! И все захотели по три отгула. И попросили. По пять. И нам дали. По два.

Отоспавшись и одурев от весенней свежести, кино, газет и телика, я заскучал и сел на телефон. Люся нежно звенькнула и бросила трубку. У паникующего Лёвы Маркина обед убежал из кастрюль, белье из стиральной машины, а жена – из дому: сдавать зачет. Мама Павлик-шефа строго проинформировала, что сын пишет статью. Олаф отпустил дочку с мужем в театр и теперь спасал посуду и мебель от внучки.

А ночью я проснулся от мысли, что хорошо бы, чтоб под боком посапывала жена – та самая, которой у меня нет. Черт его знает, куда это я распахал всех, кто хотел выйти за меня замуж...

Нет; древние были правы, когда начинающий серьезное предприятие мужчина удалялся от женщин. Не один Пушкин, «влюбляясь, был слеп и туп». Сублимация, трали-вали... Негающийся очаг возбуждения переключается на соседние, восприимчивость нервной системы обостряется, работоспособность увеличивается... азбука...

Но счастье, прах его... Уж так эти молодожены балдели... Собственно, был ли я-то счастлив. Неужто сапожник без сапог...

Разбудоражившись, я расхаживал, курия и корча зеркалу мужественные рожи, пока не зажгли потолок косые солнечные квадраты.

...На контрольной явке Алла Семеновна, светясь и щебеча, шушукалась с Люсей в ее закутке и рвалась извлечь из замшевой торбы «Реми Мартен». Но перед билетами на гастроль Таганки мы не устояли: нема дурных. Хотя без Высоцкого – не та уже Таганка...

Митька выразил опаску: потребительницу напрограммировали; однако «Ленгаз» восторгался: и всем-то она помогает, и подменяет, и исполняет, и вообще спасибо ученым, побольше бы таких.

Выдерживая срок, мы перешли к разработке поточной методики.

Новое несчастье свалилось на наши головы досрочно. При очередной явке в щебете счастливицы прозвучали фальшивые ноты; а шушуканья с Люсей она уклонила.

Резонируя общей нервической дрожи, Олаф ухажерски принял Аллу Семеновну под локоток и увлек выгуливать в мороженицу. И взамен порции ассорти и двухсот граммов шампанского полусладкого получил куда менее съедобное сакраментальное признание. В его передаче слова экс-неудачницы звучали так: «Что-то как-то э-ммн...».

Я аж кипятком плюнул. Павлик-шеф взъярился. Люся пожалала плечиками. Игорь припечатал непечатным словом. Измученный домашним хозяйством Леня Маркин (жена сдавала сессию) зло предложил «вернуть означенную лошадь в первобытное состояние».

– Чего же ты, душа моя, хочешь? – со стариковской грубоватостью врубил Олаф в лоб.

– Не знаю, – поникла Алла Семеновна, 34 года, трехкомнатная квартира, машина, муж-кандидат, старший уже бухгалтер «Ленгаза» и первая оной организации красавица. – Все хорошо... а иногда лежишь ночью, и тоска: неужели это все, за чем на свет родилась.

Хотел я спросить ядовито, разве не родилась она для счастья, как птица для полета... да глаза у нее на мокром месте поплыли...

VII

– Когда все хорошо – тоже не очень хорошо...

– Кондитер хочет соленого огурца... Сладкое приторно...

– В развитии явление перерастает в свою противоположность – это вам на уроках општеведения не задавали учить, зубрилы-медалисты? – и Олаф постучал в переносицу прокурным пальцем.

– Система минусов, – хищно предвкусил Павлик-шеф, вонзая окурочек в переполненный вербно-совещательный кувшин. – Минусов, которые, как якоря, удерживают основную величину, чтоб она не перекинулась со временем за грань, сама превратившись в здоровенный минус.

– Хилым и от счастья нужен отдых? – поиграл Игорь крутыми плечами, не глядя на Люсю.

– «Мужчина долго находится под впечатлением, которое он произвел на женщину», – шепнул Митька, воротя нос от его кулака.

Игорю указали, как он изнемог от женских телефонных голосов...

– Перца им, растяпам! – сказал я. – Под хвост! Для бодрости!

– Заелись! Горчицы!

– Соли!

– Хрена в маринаде!

– Дуста! – мрачно завершил перечень разносолов Павлик-шеф.

Ельников, по молодости излишне любивший сладкое, осведомился:

– А как будем считать пропорции? По каким таблицам?

И попал пальцем не в небо, и не в бровь, и даже не в глаз, а прямо в больное место.

Откуда ж взяться таким таблицам-то...

Расчет ужасал трудоемкостью, как постройка пирамиды. На нашей «МГ-34» от перегрева краска заворачивалась красивыми корочками...

– Не ляпнуть бы ложку дегтя в бочку меда...

И выяснились вещи удивительные. Что прыщик на носу красавицы делает ее несчастной – хотя дурнушка может быть счастлива с полным комплектом прыщей. Что отсутствие фамилии среди премированных способно отравить счастье от труда целой жизни. Что один владелец дворца несчастлив потому, что у соседа дворец не хуже! – а другой счастлив, отдав дворец детскому саду, и в шалаше обретает сплошной рай, причем даже без милрой.

И-да; у всякого свое горе: кому суп жидок, кому жемчуг мелок.

Тупея, мы поминали древние анекдоты: что такое «кайф», о доброй и дурной вести, о несчастном, постепенно втащившем в хибару свою живность и, выгнав разом, почувствовавшим себя счастливым...

Один минус мог свести на нет все плюсы, в то время как сто минусов каким-то неприсчитываемым образом нейтрализовывали один другой и практически не меняли картину пресыщения...

Мы тонули в относительности задачи, не находя точку привязки...

VIII

Мы раскопали безропотного лаборанта словарного кабинета, упоенно забаррикадировавшегося от действительности приключенческой литературой, и сделали из него классного зверобоя на Командорских островах. Лаборант-зверобой забрасывал нас геройскими фотографиями, которые годились иллюстрировать Майн-Рида, а потом затосковал о тихом домашнем очаге.

Хочешь – имеешь: получай очаг. Думаете, он успокоился? Сейчас. Захотел обратно на Командоры, а через месяц вернулся к упомянутому очагу и попытался запить, красочно повествуя соседям о тоске дальних странствий и клянча трешки. Паршивец, тебе же все дали! Ну, от запоя-то его мигом излечили...

– Лесоруб канадский! – ругался Игорь. – В лесу – о бабах, с бабами – о лесе!..

Пробовали и обратный вариант: нашли неустроенного, немолодого уже мужика, всю жизнь пахавшего сезонником по Северам и Востокам, с геологами и строителями, и поселили в Ленинграде, со всеми делами. Через полгода у него обнаружился туберкулез, и он слал нам открытки из крымского санатория...

IX

– Великий человек – это тот, кто нанес значительные изменения на лицо мира, – изрек Митька и в третий раз набухал сахару, поганец, вместо того чтоб один раз размешать. – Тот, чья судьба пришлась на острие истории.

Мы гоняли чай ночью у меня на кухне.

– Независимо от того, хороши они или плохи? – хмыкнул я.

– Независимо, – поелозил Митька на табуреточке. – Главное – велики. Хороши, дурны, – это относительно: точки зрения со временем меняются, а великие личности остаются!

– Хм?..

– Если считать создание и уничтожение города равновеликими действиями с противоположным знаком, то ведь сжечь сто городов легче, чем построить один. На этом стоит слава завоевателей.

Смотри. Наполеон: полтора века притча во языцех. Результат: смерть, огонь, выкошенное поколение, заторможенная культура, европейская реакция... н у, известно.

Отчего же ветеран молится на портрет императора и плачет, вспоминая былые битвы – когда одни парни резали других неизвестно во имя чего, вместо того чтоб любить девчонок, рожать детей, разминать в пальцах ком весенней пашни, понял, – он разволновался, стал заикаться, возвысил штить, – вместо того, чтоб плясать и пить на майских лужайках, беречь старость родителей... эх...

– Вера в свою миссию, – я сполоснул пепельницу, прикурил от горелки. – Величие Франции, мораль, иллюзии, пропаганда.

– Величие империи стоит на костях и нищете подданных! – закричал Митька, и снизу забарабанили по трубе отопления: час ночи. – Знаме-ена, побе-еды... Чувствуй: ноги твои сбиты в кровь, плечи растерты ремнями выкладки, глотка – пыль и перхоть, и вместо завтрашнего обеда имеешь шанс на штык в брюхо; и мечты твои – солдатские: поспать-пожрать, выпить, бабу, и домой бы. «Миссия...»

– А сунь его домой – и слезы: «Былые походы, простреленный флаг, и сам я – отважный и юный...»

– Дальше. Великий завоеватель не может стабилизировать империю: империя по природе своей существует только в динамическом равновесии центробежных и центростремительных сил. Преобладание центростремительных – завоевания, со временем же и с расширением объема начинают преобладать центробежные: развал. Один из законов империи – взаимное натравливание народов: ослабляя и отвлекая их, это одновременно создает сдерживающие силы сцепления, но готовит подрыв целостности и развал в будущем! Почему Наполеон, умен и образован, с восьмьсот девятого года ощущавший обреченность затеи, не ограничился сильной Францией и выгодным миром?

– Преобладание центростремительных сил, – сказал я. – Завоеватель, мечтающий о спокойствии империи, неизбежно ввязывается в бесконечную цепь превентивных войн: любой неслабый сосед рассматривается как потенциальный враг. А с расширением границ увеличивается число соседей. В идеале любая империя испытывает два противоположных стремления: сделаться единой мировой державой и рассыпаться на куски. При чем тут счастье, Митька?

– При слезах ветеранов этих братоубийственных походов.

– Насыщенность жизни, сила ощущений... тоска по молодости... что пройдет, то будет мило... Вообще хорошо там, где нас нет...

– Вот так америки и открывали, где нас не было! – взъярился Митька, и снизу снова забарабанили. – Чего ржешь, обалдуй! Если люди, вспоминая, тоскуют, – есть тут рациональное зерно, стоит копнуть на предмет счастья!

– Вот спасибо, – удивился я. – Ни боев, ни смертей, ни походов нам, знаешь, нэ трэба. Не те времена. И не ори!

– А какие сейчас, по-твоему, времена?

– Время разобраться со счастьем. Потому что некуда откладывать.

– Всю историю, фактически, с ним ведь только и разбирались!

– Да не ори ты! Много с чем разбирались. И разобрались. Человек мечтал о ковре-самолете – и получил. Мечтал о звездах – и получил. Равенство. Радио. Мечтал о счастье – и время получить.

– В погоне за счастьем человек всегда совершает круг. Обычно это круг длиною в жизнь, – сказал Митька грустно.

Но тогда я его не понял.

Х

Чем менее счастлив человек, тем больше он знает о счастье. Мы знали о счастье все. А система наша разваливалась, фактически не родившись, а только так, будучи объявленной.

Вечером я заперся в лаборатории и стал выкраивать из системы монопрограмму. Мне требовалось счастье в работе. Да; так. Перейдя в иное качество, мы откроем для себя то, чего не видим сейчас.

По склейкам и накладкам обнаружилось, что не я первый. Я не удивился; я выругал себя за медлительность и трусость...

... Уплыл по Неве ладожский лед; сдавали экзамены, загорали на Петропавловке, уезжали на целину; отцвели сиреню на Васильевском, отзвенели гитарами белые ночи. Растаяло изумление: ничто, абсолютно ничто во мне после накладки программы не изменилось. Лишь боязнь покраснеть под долгим взглядом: мы не могли сознаться друг другу в нашем контрабандном и несуществующем счастье, как в некоем тайном пороке.

Нас прогнали в отпуск (всех – в августе!) и выдали к нему по пять дополнительных дней; но это был не отпуск, а какая-то испытательская командировка. Я лично провел его в библиотеках и поликлиниках: кончилось переутомлением и диагнозом «гастрит», гадость мелкая неприличная. И теперь, презирая свое отражение в зеркале шкафа, я вместо утренней сигареты пил кефир.

– Счастье труда, – остервенело сказал Лева Маркин, – это чувство, которое испытывает поэт, глядя, как рабочие строят плотину! – В бороде его, как предательский уголок белого флага, вспыхнула элегантная седая прядь.

Люся, вернувшаяся в сентябре похудевшая и незагорелая, с расширенными глазами, даже не улыбнулась. Зато Игорь, после спортивного лагеря какой-то тупой и нацепивший значок мастера спорта, гогогал до икоты.

Более прочих преуспел Митька Ельников: он не написал диплом, был с позором отчислен с пятого курса, оказался на военкоматовской комиссии слеп как кувалда, устроился к нам на полставки лаборантом (больше места не дали), вздел очки в тонкой «разночинской» оправе – сквозь кои нам же теперь и соболезнавал, как интеллектуальным уродам, не читавшим Лао Цзы и Секста Эмпирика.

А вот Олаф – молодец: утянул брюшко в серый стильный костюм, запустил седые полубачки, завел перстень и ни гу-гу про пенсию.

В октябре сравнялся год наших мук, и мы не выдали программу. Нам отмерили еще год – на удивление легко. «Предостерегали вас умные люди – не зарывайтесь, – попенял директор Павлик-шефу. – Теперь планы корректировать... А на попятный нельзя – не впустую же все... Да и – не позволят уже нам... Ну, смотрите; снова весь сектор без премии оставите». Павлик-шеф произнес безумные клятвы и вернулся к нам от злости вовсе тонок и заострен как спица.

И поняли мы, что тема – гробовая. Пустышка. Подкидыш. И ждут от нас только, чтоб в процессе поиска выдали, как водится, нестандартные решения по смежным или вовсе неожиданным проблемам.

С настроением на нуле, мы валяли ваньку: кофе, журналы, шахматы... к первым числам лепя тусклые отчеты о якобы деятельности.

И когда вконец забуксовали и зацвели плесенью, Люся вдруг засветилась неземным сиянием и пригласила всех на свадьбу.

Но никакой свадьбы не состоялось. За два дня до назначенного сочетания Люся ушла на больничный, и появилась уже погасшая, чужая.

И понеслось. Развал.

– Ребята, – жалко улыбался Игорь на своей отвальной, – такое дело... сборная – это ведь сборная... зимой в Испанию... «Реал»... судьба ведь... – и нерешительно двигал поднятым стаканом.

– Спортсмен, – выплеснули ему презрение. – Лавры и мавры... изящная жизнь и громкая слава...

– Что слава, – потел и тосковал Игорь. – Сборы, лагеря, режим, две тренировки в день... себе не принадлежишь... А как тридцать – начинай жизнь сначала, рядовым инженером, переростком. Судьба!..

– Не хнычь, – сказал я. – Хоть людей за зарплату развлекать будешь. А что мы тут штаны за зарплату просиживаем без толку.

– Шли открытки и телеграммы, старик!

Вместо Игоря нам никого не дали. Место сократили. Лаборатория прослыла неперспективной. Навис слух о расформировании.

В конце зимы – пустой, со свечением фонарей на слякотных улицах, – от нас ушел Павлик-шеф. Его брали в докторантуру. И ладно.

Безмерное равнодушие овладело нами.

XI

В качестве начальника нас наградили «свежаком».

«Свежак» – специалист, данным вопросом не занимавшийся и, значит, считается, не впавший в гипноз выработанных трафаретов. В идеале тут требуется полный нонконформист. В просторечии такого именуют нахалом. Он должен хотеть перевернуть мир, имея точкой опоры собственную голову. Поэтому голова, как правило, в шишках размерами от крупного до очень крупного.

Если у человека есть звезда – его звездой была комета с хвостом скандальной славы. Неудачник без степеней, пару институтов вывел к свету, но самому под этим светом места не хватило, как водится; а пару ликвидировал, что положения его также не упрочило. Нам его подкинули из Приморья: генеральную тему приютившего самоподрывника института он вывернул таким боком, что Министерство закрыло институт прежде, чем Академия наук раскрыла рты.

Решили, хихикнула Динка-секретарша, что нам он не навредит...

Забрезжило: свежак закроет тему, и заживем мы по-прежнему...

Свежак был подтянут, собран и стремителен. Молча оглядев нас пустыми глазами, он вернулся с графином и тряпкой: чисто протер пустой стол, стул, телефон. Ветер развевался за ним. Ветер пах утюгом, одеколоном «Эллада» и органическим отсутствием сомнений в безграничности его возможностей. Затем он тронул русский пробор, подтянул тонко вывязанный галстук и погрузился в чтение машинного журнала. Звали свежака старинным и кратким именем Карп.

– Пр-риказываю сделать открытие, – передразнил Лева в курилке.

– Матрос-гастролер, – скрипнул Олаф. – Я уше стар для суеты...

То был последний перекур. На столах нас встретили стандартные стеклянные пепельницы. Угрозы коменданта здания Карпа явно не интересовали.

– Курить здесь. – Он отпустил нам взглядом порцию холодного омерзения, опорожня вербно-окурочный кувшин в корзину.

– Ты взглядом сваи никогда не забивал? – восхитился Митька.

– «Вы», – бесстрастно сказал Карп. – Приступить к работе.

И тоном дежурного по кораблю бурбона-старшины предложил «разгрести свинюшник» и представить личные отчеты за полтора года.

Мы написали отчеты. И он их прочел. И сообщил свое мнение.

– Шайка идиотов, – охарактеризовал он нас всех кратко.

XII

– Сократ, если Платон не наврал от почтения, имел неосторожность выразиться: «Я решил посвятить оставшуюся жизнь выяснению одного вопроса: почему люди, зная, как должно поступать хорошо, поступают все же плохо...».

Карп сунул руки в карманы безукоризненных брюк и качнулся с носков на пятки. Подзаправившись информацией, наш чрезвычайный руководитель с лету заехал под колючую проволоку преград и опрокинул проблему с ног на уши:

– Почему люди, зная, что и как нужно им для счастья, сплошь и рядом поступают так, чтоб быть несчастливы? Решение здесь. И?

Вам виднее, товарищ начальник, выразили наши взгляды...

– Представление о счастье у каждого свое, – жал Карп, – ладно. Но отчего порой отказываются от своего именно счастья; и добро бы жертвуя во имя высших целей – нет же! неизвестно с чего! наущение лукавого? как с высоты вниз шагнуть манит, что ли?

Охмуренный стальным командиром Митька запел согласие, приводя рассказ Грина, где новобрачный скрывается со своей счастливой свадьбы, следуя неясному импульсу, и т. д. А Карп прицельно извлек из книжного завала в углу черный том и прочеканил:

– «Томас Хадсон лежал в темноте и думал, отчего это все счастливые люди так непереносимо скучны, а люди по-настоящему хорошие и интересные умудряются вконец испортить жизнь не только себе, но и всем близким».

И мы как под горку покатались считать и пересчитывать. Искаженные судьбы и разбитые мечты вырастали в курган, и прах надежд веял над ним погребальным туманом. Мы прикасались к щемящей остроте странных воспоминаний о том, чего не было, и манящий зов неизвестного терзал наш слух и отравлял сердце.

Барахтаясь в философско-психологическом мраке субъективизма и релятивизма, мы изнемогали: в чем проклятое преимущество несчастья перед счастьем, если в здравом рассудке и трезвой памяти люди меняли одно на другое?..

Ахинея!! – старательно ведя себя за шиворот по пути несчастий, люди не прекращали тосковать о счастье! не успевало же оно подкатиться – раздраженно отпинавали и, тотчас заскорбев об утраченном, двигались дальше!

– О, тупой род хомо кретинос! – рвал Лева взмокшую бороду.

А Митька, кое-как собрав в портрет искаженное непосильным умственным усилием лицо, выпаливал:

– В законодательном порядке! паршивцы! приказ! мы тут мучайся, а они нос воротят! выпендриваются! а потом жалуются еще!

– Да-да-да, – подтвердил Карп при общем веселье. – «Команде водку пить – и веселиться!» Дура лэкс, сэд лэкс: будь счастлив!

Он шелкнул пальцами, Митька виновато поежился, выхватил из кармана бумажку и торжествующе зачел:

«Так что же заставляет нас вновь и вновь возвращаться сердцем в те часы на грани смерти, когда раскаленный воздух пустыни иссушал наши глотки и песок жег ноги, а мечтой грезился след каравана, означавший воду и жизнь?..»

XIII

– Мерзавцы, Люсенька, – как, впрочем, и стервы, – самый полезный в любви народ... Вы рассыпаете пудру... Судите: они потому и пользуются большим успехом, чем добропорядочные граждане, что являются объектами направленных на них максимальных ощущений. Они «душевно недоставаемы» – души-то там может и вовсе не быть, достаточна малая ее имитация. Но поведением то и дело играют доступность: мол вот-вот – и я всей душой, не говоря о теле, буду принадлежать только тебе. Обладать таким человеком – как достичь горизонта. Потребители! – они потребляют другого, и этот другой развивает предельную мощь душевных усилий, чтоб наконец удовлетворить любимого, счастливо успокоиться в долгожданном равновесии с ним. Они натягивают все душевные силы любящего до предела, недостижимого с иным партнером, добрым и честным.

Кроме того, они попирают мораль, что неосознанно воспринимается как признак силы: он противопоставляет себя обычаям общества!

Они – как бы зеркальный вариант: зеркало отразит вам именно то, что вы сами изобразите, но за холодной поверхностью нет ничего... Продувая мундштук папиросы, держите ее за другой конец, табак вылетит... Но именно в этом зеркале душа познает себя и делается такой, какой ей суждено сделаться, какой требуется некоей вашей глубинной, внутренней сущностью, чтоб силы жизни ее явили себя, а не продремали втуне...

Конечно, если человек теряет голову – то не все ли равно, сколько там было мозгов... Опыт полезен вот чем: да, интеллект составляется к пятнадцати годам – но ведь способность решать задачи – это прежде всего способность правильно их ставить. Нет?

XIV

«Ж и з н ь может рассматриваться как сумма ощущений (ибо ощущение первично). Они могут вызываться раздражителями первого и второго порядков: внешнее, физическое действие, и внутреннее – через мышление, воспоминания, чтение и т. п.

С а м о р е а л и з а ц и я – культивированный инстинкт жизни, т. е. активности, действий, мыслей, событий; в известном плане – максимальное стремление ощущать. Стремление к полноте жизни.

С ч а с т ь е – категория состояния. Возникает при адекватном соответствии всех внешних условий, обстоятельств, факторов нашим истинным душевным запросам, потребностям.

П о л н о т а ж и з н и может быть уподоблена графику в прямоугольной системе координат, где горизонтальная ось (однаправленная от нуля и конечная) – время, а вертикальная (продолжающаяся неопределенно-длительно) – напряжение человеческой энергии, или ощущения, или эмоции (вверх от нуля положительные, вниз – отрицательные). Чем больше длина ломаной линии, состоящей из точек напряжения во все моменты времени – тем более реализованы возможности центральной нервной системы, тем более полна жизнь. Максимальные размахи в обе стороны от оси времени соответствуют максимальной полноте жизни.

С т р е м л е н и е к с т р а д а н и ю объясняется потребностью в самореализации, необходимостью сильных ощущений. Статичность ситуации – даже еще в перспективе – неизбежно снижает уровень ощущения. Когда душа не может иметь сильных ощущений в верхней поло-

вине «+», она ищет их в нижней половине «-». Сильная душа неизбежно стремится к такой ситуации, где получит максимальные ощущения, и выходит из нее или вследствие ослабления ощущений, или уже под диктат инстинкта самосохранения, дабы сохранить себя для дальнейших ощущений, с тем чтобы сумма их в результате была максимальной в течение жизни.

Счастье и страдание различны по знаку, но идентичны по абсолютной величине. Упомянутый график не плоскостной: ось ощущений искривлена по окружности перпендикулярно оси времени, и в неопределенном удалении половины «+» и «-» соединяются в единое целое. То есть имеется как бы цилиндр, где предельные отметки счастья и страдания лежат в близкой, взаимопроникающей и даже одной области.

Человек подобен турбине, как бы пропускающей через себя некую рассеянную в пространстве энергию. Мощная турбина захиреет на малых оборотах, слабая – искрошится на больших. Сильная душа жадна до жизни – ей нужен весь цилиндр целиком. Для нее более смысла в сильном страдании, нежели в слабом счастье...»

Дальше шли расчеты.

– Тавтология, – ошетинился Лева. – Счастье – это счастье, а страдание – это тоже счастье... Эх, термины...

– Кого возлюбят боги, тому они даруют много счастья и много страдания, – проскрипел Олаф и кивнул.

– «Для счастья нужно столько же счастья, сколько несчастья», – провещал Митька Ельников, оракул наш самоходный, став в позу.

Рукопись Карп переправил из больницы. С разбирательства пред начальством он вернулся темен лицом, выпил графин воды, выкурил пачку «Беломора»; а на вид такой здоровый мужик.

XV

Монтажников нам не дали. И отсрочек не дали. А в случае срыва пообещали распустить. Чуть пораньше бы – распустились с радостью. Но сейчас... Словно ветер удачи зашекотал наши ноздри – неверный, дальний...

Грянули черные будни. Самосильно, под дирижирование Карпа, мы сооружали установку с голографической камерой, действующую модель его «цилиндра счастья».

В чаду паяльников, прожигая штаны и заляпываясь трансформаторным маслом, мы спотыкались среди хлама. Лева хвастал спертыми у юных техников ферритовыми пластинами. Люся прибыла с махновского налета на радиозавод, раздутая от добра, как суслик. Мы шатались по корпусу, подметая что плохо лежит; канючили намотку и транзисторы, эпоксидку и лампы. Сблизились с жуками из приемки старых телевизоров. Люсин серебряный браслет пошел на припой. Карп экспроприировал у Олафа «до победы» золотые запонки, и знакомый ювелир протянул из них роскошную проволоку. Дома, обнаружив пропажу, подняли хай: дочь в панике выпытывала по телефону, не пьет ли Олаф и не завел ли молодую любовницу; а если нет, то почему он так хорошо выглядит и так поздно приходит. В ответ рассерженный Олаф вообще остался ночевать на работе.

Оргстекло, явно казенное, я купил у столяра Казанского собора.

Всех превзошел, опять же, Митька Ельников: он устроился по совместительству в ночную охрану, и прознай начальство об его партизанских рейдах по лабораториям экспериментаторов и внутреннему складу – не миновать Митьке счастья труда подале-посеверней.

XVI

Настал день.

Конструкция громоздилась, зияя незакрашенными швами, пестрея изоляцией: рабочая модель... Зайчики текли по стеклу голографической камеры. Наш облезлый друг «МГ-34» в присоединении к ней выглядел насекомым, высосанным раскидистым паразитом.

Мы курили на столах, сдвинутых в один угол: все, что ли? или еще какие гадости предстоят?

– Поехали, – сказал Карп.

Вот так мы поехали.

Митька мекнул, высморкался, махнул рукой, нога об ногу снял кроссовки и полез через трансформаторы и емкости в рабочее кресло, стыдясь драного носка. Мы слевой обсаживали его ветвистой порослью датчиков и подводили экраны. Олаф с Люсей на четвереньках ползали по расстеленной схеме, проверяя наши манипуляции.

– От винта. – Карп возложил руки на клавиши. В чреве монстра загудело; замигали панели. Передо мной стояла Люся и бессмысленно обламывала ногти.

– Сейчас дым пойдет, – бодро просипел Митька.

Карп, поджав губу, крутил верньеры.

Камера светилась. Зеленоватый прозрачный цилиндр, расчерченный координатной сеткой, проявился в ней.

Ждали – гласа господня из терновой кущины.

Ломаная малиновая линия легла на цилиндре густо, как гребенка. Митька выдохнул и глупейше распялил рот. Работающая приставкой «МГ-34» пискнула, на ее табло вермишелью покрутились цифры и остановились: 0,927.

– Так, – сказал Карп. Этот человек не умел удивляться.

За него удивились мы. Прокол, начальникек. Чтоб лоботряс-Митька оказался, выходит, счастлив на девяносто три процента!..

– Надо же... А по виду и не скажешь...

– Следующий? – бесстрастно произнес Карп.

Люся отвердела лицом и ступила на подножку. Мы подступили с датчиками. Возникла заминка. Она взглянула вопросительно – и рассмеялась, – прежним ведьминским смехом, пробирающим до истомы...

0,96 условного оптимума было у Люси.

И она заревела – детски икая и хлюпающая носом. Не умею передать, но какой-то это был светлый плач. И доплакав, стала прямо юной.

– Следующий.

Олаф: 0,941.

Лева: 0,930.

– Почему же у меня меньше? – убежденно сказал он. – Не. Не-не.

– Потому, – назидательно курлыкнул Олаф. – Когда дочек своих выдашь замуж, тогда узнаешь, почему.

А я сказал то, что подумал:

– Халтура.

В ответ Карп поволок меня жесткой лапой за плечо: мы извлекли с улицы преуспевающего джентльмена, по ходу объясняя на пальцах.

0,311 – равнодушно высветило табло.

Переглянувшись – мы высыпали на облаву за следующими жертвами.

Диапазон был охвачен: от 0,979 у закрученной матери четырех детей до 0,027 у чада высокопоставленного отца, кой полагал себя счастливым, как сыр в масле, и высокомерно пожал плечами...

Мне выдало 0,928. Хм. И ничего я такого не испытывал.

Карп вытер белейшим платком лицо и руки и сел последним.

Ломаная, нервная линия легла густо, как нить на катушку. Предостерегающе запищало, замигало, дрогнуло. «1,000».

– Э-э, ты ее по себе сварганил, – разочарованно протянул Лева.

– Ну, вот и все, – опустошенно сказал Карп, не отвечая.

Вылез. Прошелся. Глянул в окно. Сел. Закинул на стол ноги в сияющих туфлях. Выудил последнюю «беломорину» и смял пачку.

– А теперь останется только вводить поправки при наложении программы, – пустил колечко. – Индивидуальное определение режима и загрузки нервной системы мы получили. Нагрузки надо давать на незагруженные участки, напрягая их до оптимума. Качество нагрузок варьируемо, они сравнительно заменяемы; всех мелочей не учтешь, да и ни к чему... Ведь личность изменяется, в процессе деятельности приспособлявая себя к тому, что имеет. Нет? Ромео можно было подставить вместо Джульетты другую... Нет?... Эх...

– А как же... мы? – не выдержал я, кивнув на табло.

– Не жирно ли нам? – поддержал Лева Маркин.

– «Мы», – усмехнулся Карп. – Мы работаем. Плохо живем, что ли?

Он грустнел. Тускнел. Отчетливей проступало, как он уже немолод, за сорок, наверное, и хоть и здоровый на вид мужик, а выглядит погано: тени у глаз... одутловатость...

– Ах, ребятки-ребятки, – он раздавил окурок и встал. – От каждого по способностям, каждому по потребностям, – великий принцип. Вот на него мы и работаем. Как можем.

XVII

– Шо вы хотите, – сказал завкардиологией добрым украинским голосом. – Нельзя ему было так работать; знал он это. Полгода не прошло, как от нас вышел. Гипертония, волнения, никакого режима. Взморье бы, сосновый воздух, физические нагрузки, нормальный образ жизни. Эмоций поменьше. Болезни лекарствами не лечатся, дорогие мои... жить надо правильно...

Вошла сестра с серпантинном кардиограмм, и мы поднялись.

– Живи так, как учишь других, и будешь счастлив, – прошептал у дверей Митька стеклянному шкафчику с медицинской дребеденью, и я оглянулся на усталого доктора, вряд ли живущего так, как полезно для здоровья...

А первый инфаркт у Карпа случился в тридцать один год; тогда ему зарубили кандидатскую, зато позже на ней вырос грибной куст докторских в том институте, который он поставил на ноги.

Потом был морг. Потом кладбище. Потом мы вернулись в лабораторию.

XVIII

К нам возвратился Павлик-шеф – уже защитивший докторскую и ждущий утверждения в ВАКе. Он посвежел, помолодел, поправился и снова говорил, что ему двадцать девять лет, и он самый молодой доктор наук в институте.

Мы спокойно раскручивали методику и оформляли диссертации. Все постепенно вставало на свои места – будто ничего и не было... Пошли премии. Пошел шум. Павлик-шефу утвердили докторскую, он выступал на симпозиумах и привозил сувениры со знаменитых перекрестков мира.

Над столом у него висит фотокопия графика Карпа: малиновая ломаная кривая, густо, как нитка катушку, оплетающая зеленоватый сетчатый цилиндр.

XIX

– Слушай, – спросил Митька, – ну, пойдет наша программа... а потом?

Митька после сдачи программы тоже стал кандидатом, сразу, – Павлик-шеф позаботился, все устроил, из ученого совета сами провернули насчет диплома; даже перепечатывала оформленные бумажки машинистка из нашего машбюро. Митька принялся буйно лысеть и до безобразия уподобился доценту из дурной кинокомедии.

Мы сидели у меня на кухне, и белые ночи буйствовали за открытым окном над ленинградскими крышами, и словно не было всех этих лет...

– Слушай, – повторил Митька, – что дальше будет?..

– Лауреатами станем, – мрачно сказал я. – Золотыми памятниками почтят. Чего тебе еще?..

– Нет, – сказал Митька, кладя в стакан восьмую ложку сахара, паршивец. – Ну, начнут все жить в полную силу. Все. А что из этого выйдет? В мире, на Земле? А? Ты думал?

– Многие думали, – успокоил я. – В общем, должно выйти то, что все будет хорошо, как давно бы уже полагалось. Да; а что?

– А я думаю, – сказал Митька, – что выйдет то же самое, что и так вышло бы, только быстрее.

Снизу забарабанили по трубе. Глаза у меня слипались.

– Это уже следующая история, – примирительно сказал я.

А он сказал:

– История-то у нас, браток, одна на всех... Прав был Карп.

Но тогда я его не понял.

(Опубликовано в журнале «Аврора», №12, 1986, Ленинград.)

Шаман

Заблудиться в тайге – страшновато.

Не летом, когда тайга прокормит – а на исходе листопада, когда прихватывают ночные заморозки: жухнет бархатом палая листва, опускается инеем, и прозрачный воздух проткан морозными иголками.

До ближайшего жилья – километров двести, да знать бы, в какую сторону. А ружья у меня не было.

Мыл я в то лето золотишко с артелью старателей. Не слишком удачно.

И схватился с напарником. И не надо бы – «закон – тайга»... Вот в этой тайге я один и остался.

Поначалу дело было обычное.

Ручей, стылый и темный, растеся на два рукава. Идти следовало налево, где рукав огибал взгорок – под слоем листвы и мха явно каменистый.

Он сказал: направо.

За четыре месяца в тайге, командой в семь человек, на крутой работе – нервы сдают.

Мы сорвали глотки, выложив друг другу все, что о другом думали, но драки не было. Двое в тайге, нож у каждого, – если хочешь быть жив, не трогай другого.

Мы разошлись. Золота налево не было. С закоченевшими в мытье шлихов руками я вернулся к развилке. Он не пришел.

Зажигалка была полна бензина, я провел ночь у костра. А под утро зарядил дождь, заштриховал все серой сетью.

И тогда я сделал ошибку. Решил вернуться в лагерь. Сидел бы на месте – ребята раньше или позже пришли бы. У меня оставалось еще по банке тушенки и сгущенки, десяток сухарей и в коробочке леденцов – леска и крючки. И три пачки сигарет да две чаю. Держаться можно долго.

Но я пошел, и где-то свернул не там. И, на беду, попал то ли на трассу геодезического хода, то ли еще что – и потерял наши затесы.

К вечеру я понял, что сбился с пути и не знаю, как выбираться: солнце пряталось глубоко за серой хмарью, и я перестал представлять, в какой стороне ручей, в какой – лагерь; а компас остался у него.

С восходом я влез на сосну повыше и увидел только «зеленое море тайги».

Еще двое суток я палил костер на поляне, подбрасывая весь день в дымокур сырой мох и листву – авось заметят дым: до лагеря было по прямой километров тридцать.

А на четвертый день решил держать на запад – вниз от водораздела: раньше или позже набреду на ручей или речушку, пойду по течению, а когда вода позволит – слажу плот и спущусь на плаву. Пока не наткнусь на людей, – уж какое-нибудь поселение обязательно будет.

В рассказе этом – ни капли выдумки, все правда, и чтоб вам такой правды ввек не испытать.

У меня были карандаш и разрезанная пополам тетрадка – для снятия кроков, и я стал вести календарь: на всякий случай.

На шестой день у меня оставалось пачка сигарет и чуток чаю.

На восьмой – поймал в силоч из лески рябчика: разложил петлю на упавшем сухом стволе и насыпал брусники. Я изжарил его на прутике и подумал, что все в порядке: выберусь. Если б еще ружье да пару пачек патронов, то и вовсе нормально было бы.

Вообще мне было стыдно, что я заблудился, и злился я на себя здорово. Правда, я не таежник, вырос в степи, а тайга новичков не любит, – да кто их любит? Ну и шел бы себе за тем, кто знает тайгу.

Я продирался через завалы, обходил бочаги и рисовал себе сладкие картины, как встречу этого паразита в городе и тут уж изменю его внешность в соответствии со своим вкусом, отведу душу.

Чайник и топор остались у него; а я теперь собирал сухостой и ломал сучья, вместо того чтоб швырнуть в огонь два ствола целиком и сдвигать всю ночь. Перед сном отгребал жар в сторону, прогретое костровище застилал нарезанным лапником, снимал ватник и укрывался им («Спишь одетый – холодно, снял и укрылся – тепло»). Утром вздувал тлевшие под пеплом головешки, снова сушил портянки и подсыревший от росы ватник, кипятил воду в жестянке из-под сгущенки, закрашивал ее парой чайнок, выкуривал одну сигарету и трогался.

Сыроежки я набирал в карманы, а бруснику в свою баночку, и съедал на привалах в середине дня и вечером. Несколько раз находил сморчки, но их приходилось варить часа два, крупные приходилось кипятить по частям, сколько в баночке поместится; однажды я варил их всю ночь, потом проспал полдня, и подумал, что время дороже.

Хуже всего, что с голоду я сильно мерз.

На тринадцатый день я подумал, что хорошо вот в мороз – заснул себе и никаких проблем. После чего сел, закурил внеочередную сигарету из последних и устроил суд над собой: уколол руку ножом и на крови и стали поклялся, что выйду и выживу. Детский романтизм, вы скажете, но поставьте себя на мое место: вполне пахнет ханой, надо же чем угодно поддерживать дух.

На семнадцатый день ночью выпал снег, и я понял, что дело-то хреново: рукавиц у меня не было. Я стал готовиться к зиме.

Отрезал по локоть рукава свитера, вынул из шапки иголку с ниткой и зашил их с одной стороны. К трусам вместо вынутой резинки приспособил тесемку из оторванного подола рубахи, а резинку пристроил на свободные концы шерстяных мешочков – получилось вроде рукавиц без пальцев. Обмылком и песком старательно выстирал в бочажке белье и портянки: пропотевшее и засаленное хуже греет.

Стирая, я устал, накатывала дурнота, слабо и часто трепыхалось сердце, холодный пот прошиб: я понял, что здорово ослабел.

Снег выпадал еще два раза – и стаивал. Везло мне. Если снег прочно ляжет раньше, чем я выйду к воде, то – крышка: реки встанут льдом, и недалеко я по этому льду уйду...

На двадцать второй день я полдня пёр по болоту, если только экономную вялую походь можно назвать «пёр». И подморозил ноги. Выйдя на сухое, сразу разложил костер и долго растирал их, но стали побаливать и опухать. Суставы ныли. Вставать утром было больно: затекали локти, колени, поясница, пальцы. Я кряхтел, подстанывал, кипятил пихтовые иголки, проверял, все ли на месте, и трогался.

Утром первые полчаса идти было очень трудно. Хотелось лечь и послать все к чертям. Внутри противно дрожало, кружилась голова. Каждый шаг доставался через силу. Потом становилось легче, тело разогревалось, притуплялась боль, и я старался как можно ровнее, без ускорений и остановок, идти до вечера.

Ватник превратился в лохмотья; борода отросла и стала курчавиться. Через завалы я уже не лез, а обходил их, тщательно выбирая под ноги ровное место, чтоб не споткнуться и не тратить лишних сил.

Ручей я увидел на двадцать седьмой день – настоящий, большой ручей, который впадает где-то в реку, текущую к океану. Я б, наверно, заплакал от радости и гордости, если б не так выложился. А тут просто стоял, держась за сосенку, и смотрел.

Я развел костер, сел и выкуривал предпоследнюю сигарету, оставленную на «День воды». Последняя лежала на «День жилья».

Пальцы слушались плохо, почти не чувствовали, и крючок к леске не привязывался никак. Я затащил узел зубами. Наживкой примотал красную шерстинку свитера.

Я задремал, и чуть не свалился в воду, когда дернуло леску, намотанную на палец. Хариус был чуть больше авторучки. Меня затрясло, очень хотелось съесть его сырым. Но я почистил его и поджарил на огне, а из потрохов и головы сварил суп в банке и тоже съел.

Больше не клевало. Я отдохнул и подумал, что все в порядке. Что всегда был вынослив и живуч, что каждый день кипятил хвойный отвар и кровь из десен не идет, что река – она прокормит и выведет, а река – где-то уже недалеко.

По топкому берегу ручья чавкало подо мхом, надо было заботиться не отморозить ноги.

Назавтра ручей перешел в какую-то бочажку, а бочажка растеклась в болотце.

Надо было б вернуться, попробовать наловить рыбы, сделать шалаш, передохнуть, – но зима подпирала. «Держи на запад!» – как приказывали старые парусные лодии в проливе Дрейка. Что бы ни было – держи на запад.

Я держал на запад.

Со мной повторялась история, известная мне по книгам. Я вырезал палку и опирался на нее, потому что ноги неожиданно подламывались или не могли подняться, чтобы перешагнуть упавший ствол. Потом сделал другую палку, удобнее: метра два длиной, с сучком на уровне груди. Ее можно было нажимать под мышку, как костыль, а перелезая через завал, упирать в землю и, перехватывая повыше, слегка подтягивать тело вверх на руках.

По утрам легкие трещали от кашля, как вощанка, вязкая мокрота залепляла грудь. Ноги опухли уже сильно, и я надрезал на подъеме головки сапог, иначе они не натягивались. После того как я провалился в обморок, долго и тщетно силясь натянуть правый сапог, я перестал разуваться: лучше идти в мокрой обуви, чем босиком.

Во рту был такой вкус, будто я изгрыз пузырек с одеколоном и закусил шерстью.

Ходьба превратилась в тупое механическое действие, выматывающее, но такое же естественное и необходимое, как дыхание. Я уже больше ни о чем не думал, не строил планов, не имел желаний. Жил, дышал и шел, стараясь не забыть только одно: нельзя потерять зажигалку, там еще есть бензин, это – огонь и жизнь. Я знал, что иду к реке, знал, кто я, где, и что со мной случилось, но уже ничего не воспринимал: иногда понимал, что упал и лежу уже довольно давно, иногда – что ничего не видно, следовательно это ночь, и надо остановиться и лечь поспать, иногда – что красное на руке, вероятно, кровь, и, значит, то ощущение, которое было какое-то время назад – это сучок расцарапал лицо.

Черная река дымилась среди снежных лесистых берегов, и белые мухи кружились и сеялись над ней под ровным серым небом. Я помнил, что мне нужна была река, но не мог вспомнить, зачем. Река выглядела бесполезно. Это было препятствие, и через него нельзя перейти. Это какой-то конец пути... это хорошо, но чем? меня здесь никто не ждет. Я испугался паутиных обрывков мыслей и занялся костром и кипятком. Привычное занятие вернуло меня к действительности. Тонкие буравчики нарывов по всему телу мешали двигаться. Двигаться! По реке. Плыть.

Плот мне было не сладить. Сил не осталось. Без топора? А как двигать бревна? Они тяжелые, это работа, калории, а калорий нет, не хватает даже на передвижение собственного тела. Я понимал краем сознания, что с соображением у меня что-то неладно, и пытался рассуждать как мог строго логически.

Строго логически я перебрал варианты и пошел берегом вниз по течению. Река – течение – люди – жизнь – цель; такую цепь мне удалось выстроить в своих рассуждениях.

Вечером я упал рядом с костерком и не смог встать. Надо было отдохнуть и набраться для этого сил. Набираясь сил, лучше всего лежать и дремать. Снег пушистый, это теплоизоляция, если он укроет сверху – это только лучше, теплее. Костер в это время не нужен, напрасная трата сил, он только снег растопит, и станет холоднее, а так он вроде гаснет – а становится теплей, идиот я, что раньше не понял такой простой вещи и тратил зря столько сил...

... Я понял, что замерзаю, что это – конец, и изо всех слабых сил сознания раздул черную искорку ужаса смерти... Спокойно спать в тепле, так хорошо, тихо, отдохнуть, без боли, это же так хорошо, самое лучшее...

Это было как вынырнуть с того света. Я орал, как в кошмаре, помогая себе проснуться и встать. Искал нож – уколоть руку, но ножа не было. Я встал на четвереньки, схватил снег зубами, проглотил...

Сова ухала в заснеженном лесу, и луна стояла над черной рекой. Я вздул угли костра и вскипятил воду. Последняя сигарета была очень крепкой, бодрила, возбуждала, от нее подташнивало, но и тошнота ощущалась как полнота жизни. Я очень боялся заснуть. До света кипятил воду и пил.

Вылезло косматое солнце, зацвенькала в лесу птица, сучья трещали в бледном пламени, было тепло у огня, я забросил леску, поймал двух гольянчиков, опустил на пару секунд в кипяток, чтоб они прогрелись и тепла, энергии в организм поступило больше, поел и пошел.

Меня окликнули. На воде у берега качалась большая лодка, а в ней – весь наш класс. Ждали меня одного, чтоб плыть на тот берег за цветами. Я сказал, что мне нужно переодеться, но они закричали, замахали руками, и я побежал к ним.

Я пришел в себя на берегу, лежа в снегу, с разбитым о камень лицом: упал и потерял сознание.

Был поворот реки, и за ним должен был открыться дом, и из трубы дым. И я дошел до поворота, хотя ноги уже не помещались в сапогах, это понималось по боли, но снять сапоги было невозможно, а срезать нечем – нож потерялся.

Но за поворотом была опять белая равнина и черная лента реки, я шел дальше, ковылял, тащился, падал и вставал, был еще поворот, и я попытался сообразить, это первый поворот или нет, потому что за вторым должен быть дом, и дым из трубы.

Зажигалки не было, я не мог разложить костер, а нет костра – значит, день не кончен, значит, это все продолжается один день, значит – надо идти.

Я чувствовал, что жизни мне отмерено до поворота, и подавлял в себе желание остановиться, чтоб жизнь продолжалась, а то поворот – и все... я уже соображал только то, что незачем тратить силы на удержание равновесия, я шел на четвереньках, и это было быстрее и легче.

Потом я уже вообще ничего не понимал, но, видимо, двигался.

И был звук. Второй. Хлопок. Резкий крепкий хлопок. Выстрел. Отчетливый выстрел охотничьего ружья. Громкий тугой удар из широкого гладкого ствола расшиб морозный воздух.

Я вскинулся и заорал. Вернее: дернулся и заскулил. Подтянул под себя руки и ноги и снова пошел на четвереньках.

Я шел в бреду, тайга и снег мешались с теплой ванной, жареным мясом и музыкой, теплое зимовье стояло на крымском берегу, в черной реке плавали загорелые девушки, а я шел на твердых ногах и все мог, потому что был жив.

Ватная вертикаль в серое небо.

Дым.

Настоящий.

Я захрипел и стал переставлять все четыре конечности в маршевом, как мне казалось, ритме. Я про себя кричал военные марши, походные песни и просто какой-то ритм, по жестче, потверже. Мотал головой и выдыхал в такт каждому движению, мычал и стонал.

Это была избушка.

Дыма над ней не было, а небо было зеленым и красным, потому что на самом деле наступило уже утро следующего дня.

Залаяла собака.

Собака была маленькая и черная. Лайка. На крыльце.

Поленница дров у стены под навесом, и перевернутая лодка на берегу, привязанная к дереву.

Собака лаяла.

На крыльцо вышел человек.

Он смотрел на меня.

Человек.

Я встал на ноги и спокойно сказал ему:

– Привет.

И не понял, что за хрип послышался рядом с моей головой, на снегу, со стороны.

Тут земля меня нокаутировала. И, ткнувшись лицом в снег, я успел подумать, что если мираж, значит – все.

– Пей, пожалуйста...

Я был дома, на кровати, в странном сне. Хорошая рука поддерживала под затылок. Я проглотил что-то жгучее, потом что-то теплое и сладкое, и полетел, поплыл в ласковую пустоту.

– Не говори. Потом. Окрепнешь, поправишься – тогда разговаривать будем. Кушай суп.

Из ложки лилось в рот, я глотал что-то, разливающееся внутри болезненным теплом, приятной тяжестью, – и снова летел в пустоту. Сладко было в последний миг сознания свободно разрешать себе лететь в нее, зная, что это можно и даже хорошо, что не надо ни о чем заботиться, мою жизнь кто-то держит в добрых и надежных руках.

– Восемь дней лежал. Про город разговаривал. Теперь все хорошо. Поправишься, в свой город поедешь.

Тикал будильник, бесконечность тиканья времени была прекрасна, восхитительна, хотелось плакать и смеяться.

Странная это была избушка. Книжки теснились на самодельных полках, еловая лапа зеленела под портретом Че Гевары – вырезанной откуда-то репродукцией. А на двери был гиперреалистически выписан урбанистический пейзаж.

Я поправлялся. Возвращался в жизнь, как выныривал из теплой водной толщи. Черные корки отваливались с лица.

Хозяин нагрел воды и выкупал меня в корыте. Я выпил полкружки водки и уснул. Теплый сон растопил слезы моей ослабевшей души.

Краткое солнце зажигало наледь окон; косые кресты рам ложились на скобленные половицы. Хозяин сбрасывал заиндевевшие поленья; булькал чай, скреблась в сенах лайка.

Он снимал рассверленный карабин и уходил на лыжах экономным шагом таежника. Легкая черная лайка бежала рядом по насту.

Я подметал жилье, мыл посуду, курил и снимал книжки с полок – ложился отдыхать. Японский транзистор тихо гремел музыкой большого мира.

Он поил меня бульонами, ухой, ягодными киселями и отварами трав.

Хотел бы я когда-нибудь рассчитаться со всеми, кто помог мне выжить.

Как? Чем?.. Я – не врач, не солдат, не строитель и не хлебороб...

Я мог подолгу сидеть и стоять. Кашель не раздирал меня, и табак сделался вновь приятен. Блаженство жить усиливалось.

Мы коротали вечера разговорами. Латунные блики керосиновой лампы перебежали по бисеру и бляшкам мехового убора на стене. Силы жизни возвращались: я скрывал любопытство.

Я рассказал свою историю. Хозяин кивнул своим лицом идола – скуластой маской темного дерева. Латунный блик был как обруч на черных гладких волосах. В узких черных глазах ровно и глубоко отсвечивали огоньки.

- Много таких дураков, как я? – Я хотел подольститься.
- Лучшие и худшие из людей такие, как ты.
- Почему лучшие – и худшие?
- Это одно и то же.

Он говорил ровно, с паузами, прижимая огонек трубки тонким пальцем с плоским нежным ногтем.

Его звали Мулка. Отец его отца был шаманом нганасан – маленького лесного народа, таежного племени. Одежда и бубен шамана висели на стене, конопаченной мхом.

Внук шамана учился в Красноярске, Москве и Ташкенте. Знал английский, узбекский и фарси. Русский язык его рассуждений был изыскан и богат. Его речь была речью образованного человека. Более образованного, чем я.

– Я хотел стать Учителем. – Он произнес это слово с большой буквы. – Но если чего-то хочешь, надо остановиться вовремя. Я хотел знать все, и я не остановился вовремя. Теперь я не могу быть никем. Потому что я понял Жизнь. – Это слово он тоже произнес с большой буквы.

Энциклопедия Гегеля стояла между Платоном и Спенсером на основной полке. Раз в три года Мулка, сдав белок и соболей, путешествовал к московским букинистам.

- Почему ты не живешь со своим народом?
- Я желаю ему счастья.
- Ты принесешь ему знание.
- Мой дед был шаман. Пусть злой груз останется на моих плечах. Это справедливо.

Странный хозяин странной избушки жил отшельником. Он не хотел вернуться к людям своей крови, чтоб не отравить их своим знанием; он не хотел жить в большом городе большой жизнью, считая своим долгом делить нелегкую жизнь своего народа. Я уважал его, не понимая.

Мы философствовали. Куда мне было до него. Северного идола с сальными черными волосами и речью античного философа.

Он проводит меня до точки промысловика: шестьдесят километров. Вызовут вертолет или «аннушку». Я предвкушал встречи в Ленинграде. Гордость круто соленым ломтем настоящей жизни. Время набрасывало счастливый флёр на пережитое.

Любопытство снедало меня. Хозяин, сальноволосый северный идол, был непроницаем, заботлив, ровен. В прощальный вечер он выставил бутылку спирта. Лайка в сенях грызла кости обглоданного нами глухаря.

– Ты дашь клятву, что никто не узнает того, что ты услышишь. Я не должен говорить тебе этого. Но я тоже человек. Я слаб тщеславию. А ты умен и образован, ты, быть может, сумеешь понять меня.

Я подлец. Он спас мне жизнь, но я не сдержал данной ему клятвы.

Путь человека есть путь знания.

Я клялся жизнью своего народа.

– У тебя было все, о чем мечтает большинство, – так начал Мулка, книгочей и внук шамана, свою недлинную речь.

– Ты молод, красив, здоров, образован. Твоя красивая жена любила тебя и была хорошей женой. У тебя была карьера, хорошая зарплата, дом в Ленинграде, друзья и уважение людей. Ты был счастлив, скажут люди. Нет, скажешь ты.

Так сказал Мулка, и это была правда.

– Ты упорно строил здание счастья, но тебе стало неинтересно в нем жить. Твоя жизнь определилась и пошла по течению, и ощущение живой жизни, ее полноты, остроты – ослабло. Тебе стало неинтересно. Ценное перестало быть ценным. И ты бросил все.

Человеку свойственно бросать все, чего он добивался как счастья. Человеку всегда мало, он ненасытен по природе своей. Идеал принципиально недостижим. Это первое, – сказал Мулка.

– Второе, – сказал он. – Обратись к своей памяти. Уже сейчас пережитые трудности дороги тебе. Воспоминания ясно показывают, что для человека главное в жизни. Солнечное утро после дождливой ночи, закат над рекой – что в них? а несколько таких картин человек помнит всю жизнь как высшее счастье. Счастье бытия, единения с миром и вселенной.

А дальше – воспоминания о взлетах духа в больших радостях, хотя поводы к ним бывают мелки: подарок в детстве, новая вещь, верность друга в тяжелую минуту.

За ними – воспоминания о том, что мучит память и не прощается себе. О холодке грехов. О первом познании женщины и высшем наслаждении ею. О тягчайших испытаниях и опасностях.

А годы работы, учебы, важных дел – могут выпадать из памяти почти целиком: ничто в них глубоко не затронуло чувства.

– Третье, – продолжал Мулка. – Чем это объясняется? Тем, что воспоминания субъективны: не то помнится, что рассудок считает важным, а то, что нервная система ощущает сильно. Память хранит не общепринятые ценности, а сильные ощущения.

Жизнь для человека – субъективно – это сумма ощущений. Потребность насытиться ими, а не накопить придуманные рассудком блага – вот что ведет нас по жизни. Отказ от карьеры, благополучия, самой жизни – объясняется потребностью в ощущениях.

Я ощущаю – значит, я живу. А не «я добился» или «я имею».

– Четвертое, – сказал он. – Ощущения связаны с реальным миром. Если лишить человека возможности слышать, видеть, осязать, лишить контактов с миром – он перестанет осознавать себя и сойдет с ума; такие опыты описаны.

Ощущение есть результат взаимодействия с миром. То есть для ощущения необходимо действие. Инстинкт жизни велит ощущать, и инстинкт жизни велит действовать, – это одно и то же. Жизнь – это самореализация: потребность действовать в полную меру своих сил.

– Пятое, – сказал он. – Максимальные ощущения и максимальные действия.

Понять какое-то явление можно только тогда, когда берешь не какой-то его отрезок, а рассматриваешь явление целиком на всем его протяжении от самого начала до самого конца.

В жизни это: на одном конце – смерть, небытие, ничто, – на другом максимум жизни, максимум ощущений: максимум действий.

И поскольку человек живет и хочет жить, то вот к этому максимуму он в общем и стремится.

Лопата заменяется экскаватором, лошадь – самолетом, молот – конвейером: таков результат стремления человечества к максимальным ощущениям через максимальные действия.

– И шестое, – сказал он скорбно. – Есть действия созидательные и действия разрушительные.

Созидать – в природе человека: весь прогресс – доказательство тому.

Но и разрушать – тоже в его натуре. Притягательность картин катастроф, лавин, потопов – доказательство тому.

Строя дом, ты убиваешь деревья.

Какое же может быть самое максимальное действие, к которому стремится человек и человечество?

Это – вообще создать новую планету. Или – уничтожить уже имеющуюся. Это равноликие действия, как бы противоположные по знаку. Но и их я не назвал бы максимальными.

Максимальное действие – это уничтожение Вселенной и одновременно создание новой Вселенной. Обращение всей материи в свет по эйнштейновой формуле $E = mc^2$.

Уничтожение и созидание здесь – единый акт.

– С этим ничего не поделаешь, – сказал он. – Наши воля и разум – лишь часть бытия, они внутри его: жизнь управляется законами жизни, а не человеческим хотением. Человек хочет жить – и из этого следует, что человек должен уничтожить Вселенную.

– Конечный результат всегда и есть объективная цель, – сказал он.

Слова его не воспринимались всерьез. Жизнь уютно закуклилась в странной избушке посреди трескучей ночи в заснеженной тайге. Я покачал головой и вякнул о наивности и пессимизме.

– Объективная истина – выше ограниченных нужд и представлений человека, – сказал он. – Не будем антропоцентристами.

Кто мыслит ясно – излагает ясно и просто.

– Чтобы понять явление, нужно взять единую и верную систему отсчета, систему его измерения.

Эта система – энергия.

Пространство, поле, масса, жизнь – имеют общим энергию. Энергия определяет все. Все имеет энергетический аспект.

Все существование Вселенной, Земли, жизни, человека, – можно рассматривать как видоизменения энергии, форм ее преобразования.

Энергетическая система отсчета позволяет обобщить все аспекты существования материи – от человека с его нервной тканью и деятельностью до существования Вселенной с ее физическими законами.

Любое действие есть нарушение энергетического баланса.

– Биология, – сказал Мулка.

Жизнь на Земле – это изменение и усложнение форм преобразования и выделения энергии. (Растения, холодно- и теплокровные животные, хищники.)

Энергия вещества Земли уменьшается: оно остывает. Но одновременно живые организмы, множась и усложняясь, выделяют все больше энергии из самого вещества планеты: кислорода воды и воздуха, минеральных соединений и прочего.

С появлением человека – венца жизни – этот процесс убыстрился: выделяется энергия нефти, угля, сланцев, газа...

Масса переходит в энергию – через посредство человека. Уже сейчас в принципе можно вовлечь в неуправляемую термоядерную реакцию (взрыв сверхмощного водородного боеприпаса) весь водород воды и атмосферы Земли: выделение колоссальной энергии.

Превратится Земля в ледяной шар или в сгусток плазмы? Борьба противоположных тенденций благодаря наличию жизни решается в пользу второго: максимальное преобразование массы в энергию.

– История, – сказал Мулка.

Не случайно Прометей дал людям огонь и ремесла одновременно. История человечества – это история преобразования мира и выделения энергии. Человек стал человеком тогда, когда овладел огнем.

Все больше еды, жилищ, тепла, вещей, – преобразование все большего количества материи и энергии.

Все более крупные войны, более мощные орудия труда, – все большие выплески энергии.

Человек все сложнее и изощреннее преобразует материю планеты, извлекая все больше энергии. Конечный, абсолютный результат – извлечение всей энергии из всей массы.

– Психология, – сказал Мулка.

Почему человек смотрит в огонь? Потому что в обычных земных условиях это максимальное выделение энергии из материи.

Бытие – это преобразование энергии. Все живое тянется к бытию – поэтому смотрят в огонь животные и летят на огонь насекомые.

Текущая река, водопад, пролетающий за окном вагона пейзаж, – почему притягивают взор? Потому что это картины большого преобразования и выделения энергии, происходящих при этом.

«Типические сновидения» – кошмары, полеты во сне, преступления – отчего они? Оттого, что во сне воображаются максимальные действия: полет – невозможен, совершить невозможное – это максимально в идеале; и в таких снах человек получает максимальные ощущения. Поэтому часто испытывают во сне девушки наслаждение любви – даже те, кто никогда не испытывал его наяву.

А максимальное ощущение, как мы говорили, вызывается максимальным действием, то есть максимальным преобразованием энергии. Максимум – выделение всей энергии планеты, галактики, Вселенной. Чувства человека стремятся к этому.

– Физика, – сказал Мулка.

Жизнь – продукт бытия и одновременно его орудие.

Человек – тоже: продукт бытия и одновременно его орудие.

Жизнь и человек – этап в эволюции энергии, которая и есть бытие.

$E = mc^2$. $m = E/c^2$. Вся энергия стремится перейти в массу, а вся масса стремится перейти в энергию. Такие переходы повторяющиеся циклы. Наше время – цикл перехода в энергию.

Два полюса существования материи: стремление к абсолютному покою – и стремление к отдаче максимального количества содержащейся в ней энергии. Аннигиляция – идеальное удовлетворение обоим этим условиям: нет покоя большего, чем небытие, а энергия выделяется полностью.

Аннигиляция Вселенной – это преобразование и выделение всей ее энергии; конец Вселенной и зарождение новой Вселенной.

Человек – орудие этого вечного цикла.

– Философия, – подытожил Мулка.

Гераклит; Гегель. Любое явление по мере развития переходит в свою противоположность. Отрицание отрицания: любое явление в конце концов изживает себя само. Все имеет начало и конец.

Созидательная деятельность человека неизбежно и необходимо переросла в разрушительную. Количественные изменения перешли в качественные.

Создание цивилизации в конечном итоге есть уничтожение самой цивилизации и всей планеты.

Противоположности едины в своем противоречии: аннигилировав Вселенную, мы создадим новую Вселенную; уничтожив жизнь – создадим будущую жизнь.

Он замолчал торжественно, как гордый приговором преступник.

– А если есть космические пришельцы? – спросил я утром.

– Я в них не верю, – ответил он. – Но, вообще, это меняло бы дело. Возможно, мы – тупиковая ветвь, и должны ограничить свои действия собственной цивилизацией. Или просто самоуничтожиться, чтоб не уничтожить больше. Может, мы мешаем им выполнять закон Вселенной, а может, они хотят его обойти. Может, они хотят предотвратить войну у нас сейчас, чтоб мы сумели грохнуть всю галактику позднее... Трудно сказать. Но в принципе это ничего не меняет!

– Я думаю, что войны не будет, – добавил он. – Это промежуточный этап, маловатая задача... Я думаю, задача человечества в большем.

– И то хорошо, – хмыкнул я. – Я тоже думаю, что задача человечества в большем.

Древний идол смотрел из глаз внука шамана:

– Это универсальная теория. Теория максимальных ощущений. Теория максимальных действий. Добро обращается в зло, а зло – в добро; дай только время. Путь человека – путь знания и созидания – ведет к концу человечества. Стремясь упорно и долго – ты приходишь к противоположному. Уничтожая таланты и сопротивляясь прогрессу, общество стремилось сохранить себя. Любой шаг вперед – шаг к концу.

Это знаю я один. Поэтому я ушел от людей и моего народа. Пусть знание не омрачает жизнь моего народа. Пусть матери радуются рождению детей и верят в счастье детей их детей. Храня знание в себе и ничего не делая, я продляю жизнь человечеству насколько могу.

«В своем ли он уме в одинокой избушке посреди тайги?» – подумал я.

Запасные лыжи, смена белья, байковые портянки, фланелевая рубаша, двойные варежки, цигейковая меховушка, лисья шапка. Табак, спички, нож, соль, сахар, чай, лосиное мясо.

Ртутное солнце белело сквозь серый свод над серой равниной. Кромка леса по сторонам замерзшей реки отчеркивала пространство. Белый простор разворачивался впереди.

Мулка прокладывал лыжню. Короткие лыжи, подбитые лосиным камусом, мерно продвигались, уплотняя снег.

Лайка бежала за ним по утоптанной тропе.

Мы вышли затемно, и затемно пришли.

– Никак Мулка пожаловал! Ну-у, что-то бу-удет!

Промысловика звали Саша Матвееenko, и родом он был из Донбасса. Вторую зиму Саша работал без напарника: ловил рыбу, ставил капканы.

Под единым с домом навесом помещалась банька, запасы дров, сушились связки рыбы и беличьи шкурки.

– Гости! Ну праздник! – Саша сиял.

Он вытопил баньку, и мы отхлестались веничками.

Саня подумал, сбрил бороду, надел белую вышитую рубаху и оказался заводным и смешливым тридцатилетним парнем. Толсто напластал чира и нельму – янтарно-розовую, тающую. Выставил бутылку («я ящик на сезон беру, еще есть»).

– Ах, хорошо! Вот не чаял!

Я рассказывал. Саня ахал. Мулка курил.

Трещала печь, жарились оттаявшие рябчики («есть хоть кого угостить»). Уютно светила керосиновая лампа. Юная москвичка смеялась на Ленинских горах со стены – с обложки «Огонька».

... Утром я вышел проводить Мулку.

Снег, сумрак, дымок над крышей.

Лайка стояла у его ног.

– Я зря вывел тебя, – сказал Мулка.

Вчера.

Мы остановились, сварили чаю и перекусили.

– Теперь я буду прокладывать. – И я пошел вперед. Оглянулся.

Его глаза полыхнули.

Черные бойницы. Динамит.

Правая рука снимает ремень ружья за спиной.

Я бежал, задыхаясь.

– Стой!

В груди резало и свистело. Пот. Гири на ногах.

– Стой!

Холод между лопаток.

Моя большая, огромная, слабая, беззащитная, живая спина.

Сердце, позвоночник, легкие, желудок – просвечивают ясно, как на мишени, слегка прикрытые одеждой и плотью.

Щелчок бойка, дубиной бьет горячая пуля, не мигает черный глаз природного охотника, таежного снайпера. Сторожа тайны своей.

Я ограбил его существование. Унес его мысли, его тайну. Разрушил его жизнь, лишил ее смысла. Зачем теперь охранять себя от людей в тайге – собственному тюремщику?

– Я бросил ружье!! Эй!.. Бросил!

Он положил ружье в снег, вынув патроны, и отошел назад.

Я вернулся.

Страх, стыд, неуверенность...

Я обессилел, в поту и дрожи. Он сварил крутой чай, сыпанул полкружки сахара.

– Ты что, меня испугался? Тайга; это бывает... Что ты... Сам подумай – зачем бы я мог, как, почему? Я просто ружье поправил! Пей, пей, сейчас пойдем дальше, а то ты вспотел, нельзя отдыхать, простудиться можно, надо идти.

Спасенный не стоит спасателя. Кто я? Ценою в грош.

Он шел впереди. Патроны были у него.

Я за ним, в ста шагах. С пустым карабином. Старым армейским симоновским карабином, рассверленным под восемь миллиметров, чтоб не подходили стандартные патроны и снизилась прицельность и дальность боя – хватит и так. Такие продают охотникам местных народностей.

Он вынул нож, точенный ребятами где-то в мастерской из клапановой стали. Ручка резной кости: длинны вечера в тайге, бесконечен и прихотлив узор.

Нож свистнул в полутьме, стукнул: вошел в торчащий из снега сук шагах в двадцати.

– Дело сделано, – сказал Мулка и улыбнулся весело и с превосходством, какая-то назидательная была улыбка; или это мне в темноте показалось? – Я не сохранил знание. Я только человек... А ружье мне было бы не нужно.

Нож с костяной узорной рукоятью.

Страх и безмолвие.

Синий свод, синяя равнина, царапина лыжни уходит за поворот, как за горизонт. Черная точка.

Совесть, больная знанием.

Знание, больное гордыней.

В десять утра Саня, проклиная богов севера, чертей эфира и диспетчеров госпромхоза, настроил рацию и, выйдя на связь с диспетчерской, заказал санрейс.

Я помогал ему паковать в кули мороженую рыбу и пересчитывал песцовые шкурки.

Потом он ушел по путнику проверять капканы, а я топил печь, месил тесто, варил гусятину с лапшой – и думал...

Через месяц я послал Мулке – через Санин адрес – из Ленинграда две пары водолазного белья, «Историю античной эстетики» Лосева, хорошую трубку с табаком и водонепроницаемые светящиеся часы для подводного плавания. Ответа не получил, но ведь писать и сам не люблю.

В Ленинград ко мне Мулка так и не приехал, еще на пару писем – не ответил; да и писал-то я на Саню.

А Саня через полтора года, летом, позвонил в мою дверь – и гостил две недели из своего полугодового, с оплаченными раз в три года билетами, полярного отпуска: две недели загула, напора и «отведения души».

– Чудак, – сказал он о Мулке. – Глаза жестокие, а сам добрый. Умный! в двух университетах учился. Говорят, шаманом хотел быть, а потом выучился и раздумал, а трудиться нормально ему, вроде, религия не позволяет... или с родней поссорился, говорят.

...Я провожал его в ресторане гостиницы «Московская». Дружески-одобрительный официант менял бутылки с коньяком. В полумраке сцены, в приглушенных прожекторах, девушки в газе и кисее изгибались под музыку, танцуя баядер. Саня облизал губы.

– Я тебе вот что скажу, – сказал он. – Проклятое то место. Я на этой точке два плана делал, по полтора пса песцов ловил, рыбы шесть тонн. Бензиновый движок в прошлом году купил, электричество сделал. А только не вернусь туда больше. Найду желающего, продам ему все там, тысячи четыре точно возьму, и – ша...

Я не понял.

– Пошел Мулке подарок твой относить – а там и нет ничего... Вообще ничего, понял?

– Может, не нашел? – Я улыбнулся, начиная подозревать истину.

– Как не найти – прямо на берегу стояла?! Что я, один год в тайге, не ходил по ней, что ли?.. Заночевал у костра, назавтра все там исходил, дальше дошел – аж до Чертова Пальца, а это на десять километров дальше, понял? – Он выпил, изящно промокнул губы салфеткой и положил ее обратно на колени. – А назад иду – вот, она, избушка! Пустая! черная...

Ближе подошел – все настезь, всё покосилось. И... и кости собачьи на крыльце.

Ну – я пощипал себя, что не сплю, и по реке вниз обратно – задницу в горсть, и мелкими скачками! У поворота оглянулся – а там свет в окне! И собака залаяла!

До дому долетел – не помню как. Печь растопил, сажу у нее и трясусь. И ружье рядом.

А потом – тринадцать дней ровно! – все капканы как один пустые! Каждый день обхожу, еще десяток в запасе был – поставил: ничего! И рыба – две сетки в прорубях у меня: пусто, понял! Ну, думаю, плохо дело...

А на четырнадцатую ночь просыпаюсь: скребется кто-то на крыше, ходит, аж дух замер. Тихо встал, ружье взвел – и прямо из дверей вверх! Слышу – спрыгнул кто-то на ту сторону. Я – туда: россомаха пожаловала, улепетывает! И сразу я ее свалил, одной пулей, ночью – прямо в хребет.

И в этот день – все ловушки с добычей! все как есть! это что такое, ты мне скажи, а?! Твое здоровье!

– Саня, – сказал я, – кончай врать. Эти байки девочкам в Сочи травить будешь. Часы у тебя на руке – те, что я Мулке посылал.

Он побагровел, сдернул руку под стол и засуетился:

– Часы я такие в Москве сейчас купил, удобные часы. Ты что, в ГУМе купил, как раз выкинули...

– Сколько стоят?

– Что я, помню?... Деньги летят, знаешь...

– А те часы где?

– Те я у избушки оставил... положил, и бежать.

– Значит, посылку открыл, раз знаешь про них?

– А что им зря пропадать, – пробурчал он, совершенно уничтоженный. – Хочешь – забери, что мне... я просто на память...

Я вздохнул. Что с него возьмешь, беззлобного. Он и свое отдал бы еще легче, чем мое взял. Понравилось, и все тут, велик ли грех, он тут со мной уже две недели деньги расшвыривает, ящик этих часов прогулял небось.

– Сколько тебе лет, Саня? – спросил я.

– Двадцать девять, – ответил он с обидой. – Жениться вот думаю, пора. Не посоветуешь?

Это было полтора года спустя.

А тогда солнце дробилось радугой в пропеллере. «Аннушка» протарахтела, снижаясь и скользя, качнула крыльями и села на реку, вспоров два веера алмазной пыли. Летчики в собачьих унтах и цигейковых куртках закурили и пошли к избушке угоститься рыбкой.

Саня хлопотал: чай заварил индийский, выставил субудай – малосол из свежей, вчера вынутой из проруби нельмы, с солью, уксусом, перцем и чесноком, подарил им по глухарю: с летчиками надо дружить, чтоб прилететь хотели, от летчиков много зависит.

Я помог ему таскать кули и связки в самолет.

– Заблудился, значит? Бывает. Хорошо еще, что нашелся. Тайга – это тайга.

Летчики пахли одеколоном, мылом, отутюженной одеждой. Цивилизацией. Невероятно чистоплотны и ухожены были летчики. Неужели и я в городе такой.

Самолет подпрыгнул и полез вверх. Я прилип к иллюминатору. Саня стоял у крохотной избушки посреди белой вселенной и махал рукой.

Летчики, молодые ребята при белых рубашках и галстуках, перекрикивались через шум мотора и смеялись о своем.

Солнце сплющивалось и вплавлялось в горизонт – малиновое, праздничное, вечное. Закат расцветил снега внизу буйной карнавальской гаммой.

Игарка замигала издали гирляндами огоньков, проवेशивающих порт и улицы. Встреча произошла без формальностей – да и вообще никакой встречи не было. Инспектор госпромхоза убедился, что никто ничего неположенного не приволок, разгружать было уже поздно – грузчиков не было, механик зачехлил мотор, закрыл на ключ дверцу, опечатал ее своей печатью, а инспектор – своей. У всех были свои дела и своя жизнь.

Я сидел в гостинице летчиков и смотрел по телевизору антивоенный митинг в Лужниках. Парок слетал в морозный воздух от единого дыхания десятков тысяч людей.

В коридоре дежурная наставляла по телефону мужа, чем кормить детей.

Летчики хвастались своими женами и пили за семьи – они были командированы сюда из Красноярска.

Смешной внук шамана. Пропавший учитель для детишек таежных школ. Твоя совесть и твой страх оказались сильнее твоего разума и веры.

Разум человечества, наверное, должен быть равен его совести. Люди не могут отрешиться от дел – кто ж за них все эти дела сделает. Кто ж, кроме нас самих, поведет нас дальше, преодолевая все опасности, вплоть до самых страшных.

Телевизор показывал антивоенные выступления по всему миру.

Десятки и сотни тысяч лет мы боролись. Боролись с холодом и голодом, хищниками и болезнями. Из бесконечных глубин пролег наш путь – путь борьбы за жизнь; умение бороться за нее живет в нас от пращуров, оно сидит в наших генах. От опасности не спрячешься, не пересидишь ее – у нас нет выбора, кроме победы.

Я отпечатал под копирку письмо ему и оставил с просьбой во всех московских магазинах «Старой книги». Авось ведь выберется еще.

Надо бы встретиться, договорить.

(Опубликовано в сборнике «Разбиватель сердец», Таллин, «Ээсти Раамат», 1988.)

Вечные вопросы

– В чем смысл жизни?

– Для этого надо сначала ответить:

во-первых, – что такое жизнь вообще, в масштабах Вселенной;

во-вторых, – что такое жизнь человеческая, в частности;

в-третьих, – что такое смысл;

в-четвертых, – почему его надо искать.

Разговор этот происходил при обстоятельствах, не совсем для того подходящих: ночной берег, мартовское полнолуние, луч поисковой фазы реанимобиля «скорой помощи».

...Сознание спящих в комнате отдыха фиксировало трансляцию, не давая сигнала проснуться, когда команды к ним не относились, – реагируя лишь на номер своей машины и фамилию своего врача.

– Десять тридцать два! Доктор Звягин, на выезд. Утопление.

Сели на койках, словно включенные, как и не спали.

– Утопление – поедем быстренько, – ровно сказал Звягин, выходя в коридор. – Возьми термос с чаем, Гриша.

История была довольно глупая, как и все подобные истории.

Милицейский патруль, проходя ночью по набережной, услышал сильный всплеск и бултыхание. Бросившись к решетке, увидели в лунном свете расходящиеся круги и голову, раз-другой показавшуюся на черной зеркальной поверхности, где дробились редкие золотые змейки фонарей.

Проклинаая раззяву, один – хороший пловец – вмиг содрал с себя форму и прыгнул в обжигающую ледяную воду.

Ему удалось почти сразу поймать тонущего за одежду и подтащить к гранитному спуску. Второй по рации сообщил о происшествии, и уже дежурный в центре вызвал к ним «скорую».

Когда звягинская бригада прибыла на место, приходящий в себя утопленник трясся и вяло отплевывался мазутистой водой, а его спаситель, одевшись, махал руками и делал приседания, чтобы согреться.

– Что ты искал в реке, ныряльщик? – ободряюще спросил Звягин, таща с Гришей к машине парня, с которого лили ручьи.

И в ответ получил вопрос о смысле жизни, каковой вопрос и разложил невозмутимо на составные части.

– Вразумительно, – просипел спасенный. – Обстоятельно.

– Мало тебя родитель в детстве порол, – неожиданным мужицким говорком пробасил юный милиционер, влезая следом в салон – посидеть в тепле.

– Хлебни чаю и посиди пока рядом с водителем, – выпроводил его Звягин.

– Кордиамин сделаем? – спросил Гриша, кидая в угол мокрое тряпье. – Как тебя зовут, Ихтиандр? – Надел иглу на шприц.

– Матвей... – Парень проливал чай на курчавую юношескую бородку. Тонкие ребра ходили под голубой пупырчатой кожей.

Звягин раскрыл раскисший студенческий билет: третий курс философского факультета.

– Как ты сверзился в воду, философ?

– В-ва-ва-ва, – простучал зубами философ. Его вдруг заколотила крупная дрожь. – Оступился...

– Ой ли? Что, головушка не выдержала мудрости веков? – съязвил Гриша. – Охладиться решил? Отдохнуть?

– В-вам эт-того не понять... – простучал Матвей.

– Где уж нам, – согласился Звягин, – отставным солдафонам, клистирным трубкам. Нам думать некогда, времени на это не остается. Это вы все философствуете – с моста в реку. Мыслители.

Пока ехали в приемный покой на улицу Комсомола, выяснились некоторые подробности как личного, так и общего плана. К первым относилось то, что жизнь Матвея решительно благополучна: из обеспеченной семьи, учится в университете, здоров, умен, – что называется, ничем не обделен. Ко вторым же Звягин прислушивался иронически: по словам вставшего в возбужденную разговорчивость Матвея, существование его стало непрерывной мукой, и не чаялось от нее избавления, потому что причины были какие-то абстрактные и глобальные.

– Все бессмысленно, – проповедовал Матвей с носилок. – Почему самые лучшие люди должны в жизни столько мучиться? Зачем чего-то добиваться, если все равно когда-нибудь умрешь? К чему все, если Солнце когда-нибудь погаснет, и жизнь на Земле кончится?

Горестные сетования сыпались из него, как в финале античной трагедии.

– Бешенство мозга, – поставил диагноз Гриша, и уточнил, – зажавшегося. Вот поработал бы ты на моем месте, когда каждую смену люди у тебя под руками умереть нороят, а ты их откачиваешь – может, и поумнел бы. Понял бы смысл жизни.

– А вы уверены, что их всех стоит спасать? – спросил Матвей. – А если кто-то из них приносит лишь зло? А если кто-то все равно скоро умрет, испытав лишь ненужные мучения?..

– Знакомая постановка вопроса, – одобрил Звягин. – Гуманная. Глубоко философская. А главное – позволяющая ничего не делать.

Въехали под арку и остановились во дворе. Гриша поднялся на крыльцо, позвонил.

– Мне жаль вас, – соболезнующе сообщил Матвей на прощание. – Живете, не задумываясь... Верите в пользу... Рабочая пчела... Впрочем, вы счастливы.

– Видал наглецов, – сказал Звягин, – сам наглец, но такой – это редкость. Мотя-обормотя. Мне бы твои проблемы.

– Это не мои проблемы, – проплыл ответ из освещенного коридора. – Это проблемы человечества... И решать их таким, как я, а не таким, как вы...

– Глупости, – сказал Звягин. – Кто работает, тот и решает. А кто плачется, тот поплачет и бросит.

Он заполнил карту и вернулся в машину: – На станцию.

Взлетели на Литейный мост. Гриша спросил:

– Леонид Борисович, а теперь скажите – стоило ли его спасать, свинью неблагодарную? Меланхолик высокомерный...

– Спасать-то всегда стоит, – неопределенно отозвался Звягин, подремывая в кресле. – А вот что дальше...

Назавтра жена, вернувшись из школы, застала его за странным и небывалым занятием: Звягин валялся на диване, задрал ноги на спинку и уставившись в потолок. Вид он имел отрешенный.

Через час такого его неподвижного лежания в доме установилось легкое беспокойство: поведение Звягина выглядело беспрецедентным, решительно ни на что не похожим. Лежать, днем, целый час, молча, ничего не делая...

– Папа, что случилось? – не выдержала наконец дочка. – У тебя неприятности?..

Жена отреагировала иначе:

– Или ты нездоров, или боишься в чем-то признаться.

– Я ищу, – отвечивал Звягин.

– Что?

– Смысл жизни.

Привычные ко всему домочадцы впали в краткое остолбенение.

– Давно? – ехидно спросила дочка.

– Уже полдня.

– И где ты его ищешь? – уточнила жена. – На потолке?

– Если ты против того, чтоб я искал смысл жизни дома, я могу поехать в Академию наук, – предложил Звягин. – Только не жалуйся потом, что редко меня видишь.

– А до сих пор в твоей жизни смысла, значит, не было?

– Наверное, был. Но я его не очень искал.

– А теперь зачем он тебе вдруг понадобился?

– Для разнообразия. А то что ж такое, в самом деле: живешь-живешь, а в чем смысл – не знаешь. Каждый должен когда-то задать себе этот вопрос.

– Леня, – сказала жена, – ответь, пожалуйста: тебе этот вопрос кто задал – внутренний голос или какой-нибудь новый знакомый?

– Какая разница? – возразил Звягин. – Разве смысл от этого меняется?

– Послушай, ты всерьез, или ваньку валяешь?

– А по-твоему у меня не хватит мозгов в этом вопросе разобраться?

– Мудрецы всех эпох бились над этой проблемой! – с учительским пафосом произнесла жена, делая эффектный жест в сторону книжных полок – как бы призывая в свидетели своих слов упомянутых мудрецов всех эпох, написавших библиотеку.

– Это еще не повод, чтоб сию проблему не решить, – здраво заметил Звягин, мельком покосившись на ряды книг.

– Папа, – заявила дочка не без нахальства, свойственного юности, – у тебя слегка мания величия.

Звягин спустил ноги с дивана и добродушно улыбнулся.

– Есть одна замечательная история про знаменитого изобретателя Роберта Вуда, – поведал он. – В свадебное путешествие Вуд отправился в Египет, и там ученые показали ему загадочное розовое золото фараонов, секрет которого пытались раскрыть уже сто лет. Будучи человеком бесконечно любопытным, самоуверенным и бесцеремонным, Вуд украдкой сунул одну безделушку в карман, и в номере гостиницы, пока жена спала после обеда, раскрыл секрет при помощи ее маникюрного набора, лака для ногтей и спиртовки. Ученые были просто убиты.

И, поскольку от него явно ожидали выводов, заключил:

– Не надо впадать в гипноз авторитетов – раз. И надо уметь обходиться подручными средствами – два.

Переходя к действиям, он вытащил с полки второй том «Войны и мира» и плюхнулся обратно на диван, заметив:

– Давно я собирался прочесть эпилог как следует, да все руки не доходили – скучновато казалось.

Недоверчиво проследив за читающим Звягиным, жена занялась на кухне жаркой котлет: при очередных увлечениях мужа, всегда чреватых неожиданностями, домашняя работа действовала на нее успокаивающе. Дочка, прихватив учебник истории, устроилась с ногами в кресле, поглядывая поверх страниц: на решительном лице Звягина было написано намерение постичь смысл жизни непосредственно здесь и сейчас.

Однако постижение затянулось. День перетек в вечер, вечер сменился ночью. Звягин увлекся всерьез.

Дни отщелкивались, как костяшки счетов.

Он зарылся в книги.

Все свободные от дежурства дни проводил в Публичной библиотеке. Пролистывал том за томом и отставлял их, пожимая плечами... В конце концов на журнальном столике получили постоянную прописку лишь несколько вещей: «Бесы» Достоевского, «Мост короля Людовика Святого» Уайлдера, «Диалоги» Платона, «Война и мир» Толстого. К ним прибавились «Лирика древнего Востока» из двухсоттомника Всемирной литературы, «Мартин Иден» Лон-

дона и, наконец, школьный учебник обществоведения (старший сын уже стал московским студентом).

– Что за дивная профессия – быть философом! – провозгласил он однажды с дивана. – Лежи себе и думай о возвышенном. И почему я не избрал эту стезю?.. Тут недавно по телевизору один аспирант так и выразился: «Я, как философ, считаю...» И всех-то философских мыслей у него в глазах была одна: как скорее защитить диссертацию.

Впоследствии жена вспоминала этот месяц как самый спокойный и счастливый в своей жизни.

«То было чудесное время, – с умилением рассказывала она, – Леня сидел дома и читал книжки. Что-то выписывал. Такой мирный, задумчивый, спокойный. У меня просто душа отдыхала. По-моему, самое замечательное из всех увлечений – это поиски смысла жизни. Во-первых, этим можно заниматься всю жизнь. Во-вторых, не требуется никаких денежных расходов. В-третьих, это не мешает сидеть дома с семьей. В-четвертых, это благотворно сказывается на характере: появляется такая уравновешенность, терпимость. Я просто нарадоваться не могла».

Выписки были небезынтересны. Страницы большого блокнота украсились неожиданными цитатами и рассуждениями.

«Признак первосортных мозгов – это умение держать в голове две взаимоисключающие мысли одновременно, не теряя при этом способности мыслить».

Скотт Фицджеральд.

(Пометка: «Элементарная диалектика. Единство и борьба противоположностей. Этот парень не был гигантом мысли. На день приближаясь к радостному событию (что хорошо), мы одновременно на день приближаемся к смерти (что плохо), – так и живем: вот простейший пример».)

«Я собираюсь посвятить всю оставшуюся жизнь выяснению одного вопроса: почему люди, зная, как надо поступать хорошо, поступают все же плохо».

Сократ, в изложении Платона.

(Пометка: «В человеке есть как разум, так и чувства, жажда жизни. Когда безраздельно царит разум – получается легендарный мудрец: питается хлебом и водой, ходит в рубище и ничего не желает, зато обо всем думает и все понимает. Когда безраздельно царит жажда жизни – получается легендарный авантюрист: через все в жизни пройти, испытать, изведать, всем обладать, всего добиться».)

В молодости жажда жизни сильнее, сил и желаний больше. Желания заставляют напрягать разум, как этих желаний добиться. Желания развивают разум, жизненный опыт дает пищу для размышлений.

С возрастом силы и желания угасают. А чтобы думать, надо меньше сил, чем чтобы действовать. Разум, когда-то разбуженный желаниями, продолжает свою работу – постигать жизнь. И обычно чем больше стареет человек, тем больше им руководит разум и тем меньше – страсти. Недаром легендарные мудрецы – седые старики.

Ошибка древних философов в том, что они пытались подчинить жизнь разуму, когда на самом деле разум подчинен жизни. Как говорится, любовь и голод правят миром. Страсти властвуют над человеком.

„ Если б молодость знала, если б старость могла...“ Старость поучает, но молодость не может принять ее поучений: страсти владеют ею! Каждому времени свое...

Когда человек поступает плохо – это победа чувства над долгом. Долг продиктован разумом, чувство – самой жизнью»).

«Если допустить на одно мгновение, что жизнь человеческая может управляться разумом, то исчезнет сама возможность жизни».

Лев Толстой.

(Пометка: «Вот – гений. В жизни действуют объективные законы. Разумом мы можем эти законы постигать. Но никак не можем заменять другими, которые мы придумали потому, что они кажутся нашему разуму более подходящими, нежели те, что есть. Мы можем влиять на мир и человека. Но любое наше действие – это проявление объективных законов, которым подчинен мир и человек. Не мы переделываем мир по своему разумению, а мир изменяет себя при помощи нашего разума. Наш разум – лишь частная деталь в общем механизме мира. Разум познает мир, но не подчиняет его себе, как шестеренка не может подчинить себе все устройство часов. Человеку невредно понять, что он отнюдь не властелин мира, а порождение этого мира, его часть, его деталь, принадлежность».)

– Что главное в жизни? – спросил Звягин у Гриши, глядя как весенний ливень полощет крыши «скорых», выстроившихся под окнами станции.

– Чистая совесть, – безапелляционно ответил фельдшер. – И любимая работа.

– Да. Молодец. Но я имел в виду другое: без чего человек никак не может обойтись? Что ему в самую первую очередь необходимо?

– Воздух. Вода. Пища.

– Тогда почему люди иногда отказывались от всего этого – отказывались от самой жизни во имя каких-то высших соображений?

– Что вы меня путаете, Леонид Борисович, – Гриша отложил бутерброд. – Чтобы жил организм, ему необходимо дышать и питаться. Но человек жив не хлебом единым, он тем и отличается от животных, что способен жертвовать собой – во имя истины, или прогресса, или спасения чужой жизни.

– Животные и птицы тоже жертвуют собой ради спасения потомства.

– Это инстинкт продолжения рода! – Гриша решительно укусил бутерброд с той стороны, где колбаса была толще.

– А собака жертвует собой ради хозяина.

– Из любви. Хозяин для нее – высшее существо, важнее ее самой.

– А почему кошка любит валерьянку? Она ведь без нее отлично обойдется?

– Валерьянка для нее – наркотик, доставляет наслаждение. К чему вы гнете?

Звягин сел на подоконник, покачал ногой. Посвистел.

– А вот к чему. Ставился такой знаменитый опыт на крысах. Им вживляли электрод в участок мозга, ведающий наслаждением, и учили вызывать наслаждение, нажимая педальку, замыкающую электрическую цепь. Результат? Крыса прекращала есть и пить, непрерывно нажимая педальку, и испытывала непрекращающееся наслаждение. Пока вскоре не умирала от нервного истощения и голода. Ясно?

– Не совсем... – сознался Гриша. – Вам чаю налить, или будете наслаждаться так?..

– Налей. Нет, разбавлять не надо. Хочешь еще один опыт? Добровольцев помещали в темную звукоизолированную камеру, пристегивали к эластичным гамакам, на руки надевали специальные перчатки. У людей как бы выключались зрение, слух, осязание, обоняние, исчезало ощущение тяжести тела. Через считанные часы появлялись первые симптомы сумасшествия: нервная система расстраивалась, не могла жить нормально без достаточного количества ощущений...

– Ага! – сметливый Гриша поднял палец. – Вы хотите сказать, что они жили, но не ощущали жизни? А без ощущения жизни не могли жить?

– Ты начал улавливать. А как тебе понравится старинный и жестокий цирковой фокус: гипнотизер прикладывает к руке загипнотизированного линейку и внушает, что это раскаленное железо. И тот с криком отдергивает руку.

– Гипноз.

– Но на руке появляется ожог!!

Гриша поскреб лохматую голову:

– Известно, что внушаемому человеку можно внушить почти любую болезнь, и у него появятся ее симптомы... Но чтоб настолько...

Неизвестно, чем продолжил бы Звягин свою неожиданную лекцию, если б их не прервал вызов на очередной автослучай. После него их тут же отправили на падение с высоты, и к овладевшей им идее Звягин вернулся только вечером следующего дня, уже дома, отославшись и приведя себя в порядок.

Усадив жену на диван, он торжественно встал на середину ковра и раскрыл эпилог «Войны и мира»:

– «В ее жизни не видно было никакой внешней цели, а очевидна была только потребность упражнять свои различные склонности и способности. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т. д. только потому, что у ней был желудок, был мозг, были мускулы, нервы и печень. Она говорила только потому, что ей физически надо было поработать легкими и языком».

– Ну и что? – не поняла жена.

– А то, что основа всех действий человека – инстинкт жизни. Непонятно? Объясняю.

Что такое жизнь человека? Действия. Есть, пить, работать.

Чем вызываются действия? Потребностями. Хочется. Надо.

Почему существуют желания и потребности? Потому, что существует сам человек. Желудку нужна пища, легким – воздух, мышцам – физическая нагрузка.

А кто в организме управляет всем? Центральная нервная система.

Что необходимо центральной нервной системе? Ощущения, напряжения, нагрузки. Голод – и насыщение, жажда – и ее удовлетворение, утомление – и отдых. А также свет и тьма, холод и тепло, движение и покой.

Значит, что такое для человека его жизнь, если смотреть в самую основу? Сумма всех ощущений.

Что человеку безусловно надо? Жить. То есть чувствовать. Чем больше он за жизнь всего перечувствовал – тем больше, тем полнее прожил.

– Но ведь можно много чувствовать, и ничего не делать, – возразила жена.

– А можно много делать, но мало чувствовать, – добавила дочка, наматывая на палец алую ленточку.

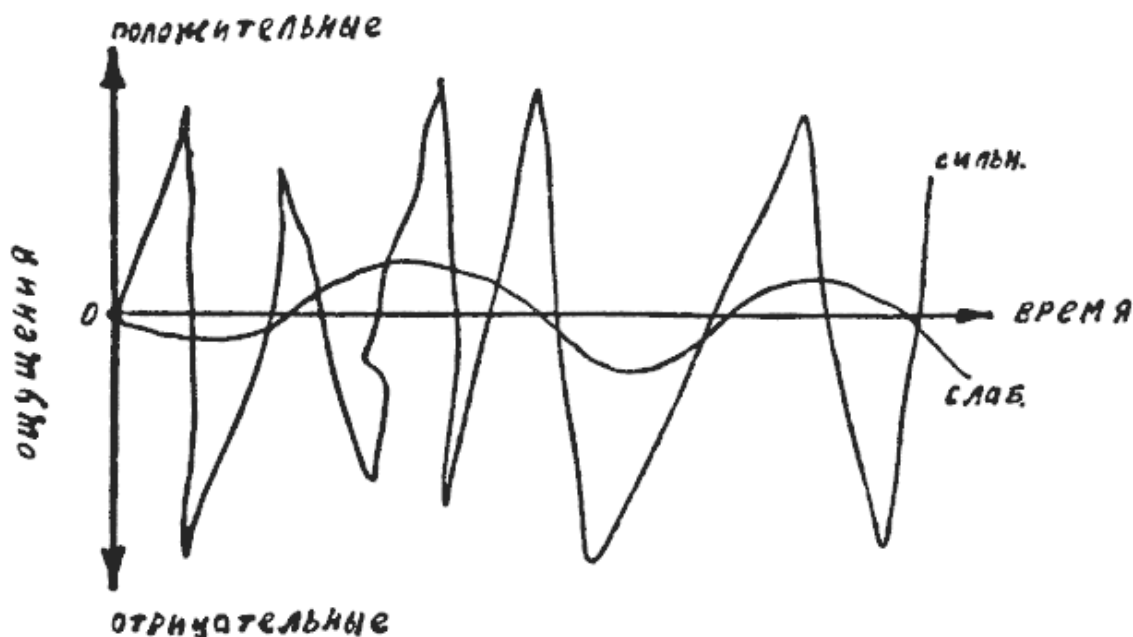
– Верно. Я думаю, что Лермонтов за свои двадцать семь лет прожил более полную и богатую жизнь, чем пастух в горах – за сто двадцать. Один терзался мыслью и страстью, а другой хранил размеренный покой. В короткую жизнь одного как бы вместились столько же чувств, сколько в долгую жизнь другого.

– Я не о том, – жена взяла из его опущенных рук книгу и аккуратно поставила на место. – Бывает чувствительный мечтатель-бездельник, и бывает бесчувственный делец, робот. У одного богатая внутренняя жизнь при полном безделье, а у другого богатая внешними событиями жизнь при полной внутренней бедности. Кто из них больше прожил?

– Это крайние исключения. А правило таково, что жажда ощущений толкает человека к действию. Авантюристы обуреваемы страстями. Инфаркт – профессиональная болезнь и гангстеров, и поэтов. И те и другие делают много, только каждый по-разному.

Звягин вырвал лист из большого блокнота и нарисовал график.

– Наглядно? – спросил он. – Чем шире размахи этой линии, чем чаще зубцы, чем больше общая длина – тем больше прожил человек, полнее, богаче. А другой и дольше протянет, да чувствовал-то еле-еле, хилая душа. Разве у такого жизнь? Ни горя, ни радости.

– Ты хочешь сказать, что горе тоже необходимо? – подняла брови жена.

– Обязательно. Вверху – положительные эмоции, внизу – отрицательные. И то и другое – жизнь; и то и другое необходимо испытать нервной системе.

– То есть наверху у тебя как бы счастье, а внизу – страдание?

– Да.

– И по-твоему, нервная система человека сама стремится к страданию? – недоверчиво уточнила жена, глядя на график.

– А по-твоему, только к счастью?

– Ну, в общем, да. Где же ты видел того, кто по доброй воле хочет испытать горе?

– Везде видел. Иначе почему на свете столько людей, которые вроде бы имеют все, что надо для счастья, – а они несчастливы?

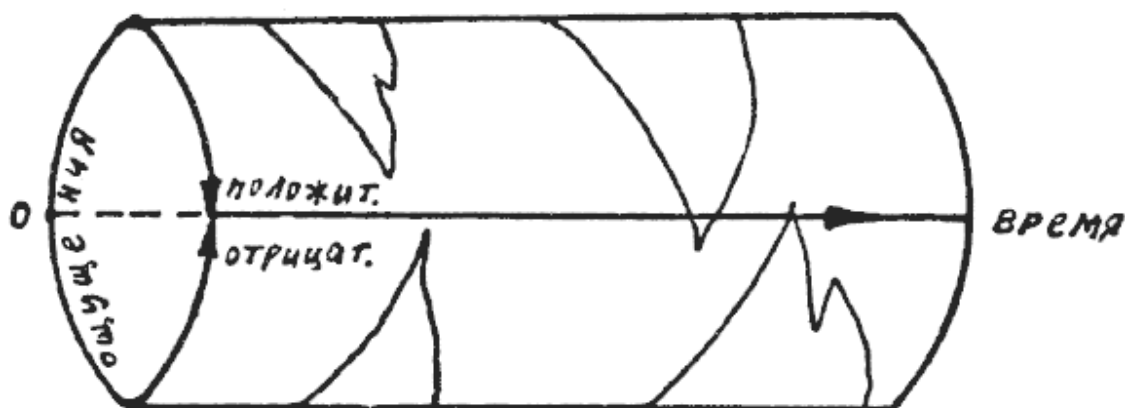
– Но ведь они не хотят быть несчастливыми!

– Э. Думают, что не хотят, а на самом деле хотят.

– Как это?

– Очень просто. Есть сознательные стремления, а есть подсознательные. Сознательно человек рисует себе картину счастья и стремится к нему. А подсознательно стремится к страданию. Потому что нервной системе надо испытать все. Жизнь из горя и счастья пополам, как давно замечено, гораздо полнее, чем сплошное благоденствие. Человек всегда найдет повод для страдания.

Звягин свернул рисунок в трубку и получил подобие цилиндра.

– О, – удовлетворенно сказал он. – Теперь полная наглядность.
– Наглядность чего? – не поняла дочка, силясь постичь новую игру неугомонного папы.
– Того, что от большого счастья до большого горя один шаг: они соседствуют близ границы – видишь, как близко?

Он скрепил цилиндр канцелярскими скрепками, открыл «Обществоведение» на законах диалектики, со вкусом перечитал. Окинул гордым взором творение рук своих и без ложной скромности изрек:

– Гениально. Ну разве я не гигант?

Потянулся с хрустом, посвистал «Турецкий марш» и прыгнул к телефону.

Встреча с Матвеем произошла под портиком Пушкинского театра.

– Вы гигант, – с небрежным недоверием сказал Матвей, выслушав его рассуждения. – И при помощи этой бумажки вы намерены раскрыть мне глаза на устройство мира?..

– Почему бы и нет, раз ты сам не понимаешь.

– Зачем вы меня вообще нашли?

– Заинтересовался забавным вопросом, который ты задал в начале нашего знакомства.

Принаряженная толпа стягивалась к спектаклю: восьмой час. Поглядывали на пару: подтянутый, тщательно одетый мужчина, добродушно посмеивающийся, и интеллектуального облика юноша – борода, очки, скептическая гримаса.

– И теперь вы готовы мне на этот вопрос ответить? Здесь и сейчас?

– Ага. Чтобы понять все в жизни, надо лишь усвоить две старые истины.

Первая. Любое явление, продолжаясь, в конце концов переходит в свою противоположность. Видишь – как бы перелезает на моем цилиндре через границу, из положительной половины в отрицательную. Например. Ты помогаешь человеку. Это хорошо. Но если ты будешь помогать ему все больше и больше, непрерывно и во всем, то погубишь его – превратишь в несамостоятельного иждивенца, паразита, живущего твоим трудом и твоей волей; это плохо.

Вторая. Любое явление имеет свою противоположность. Где бы ты ни наметил точку на одной половине цилиндра – ей соответствует такая же точка на другой половине. Например. У листа бумаги всегда две стороны – одна сторона без другой не существует. У магнита всегда два полюса, магнит с одним полюсом невозможен. Где есть верх – там есть и низ. И так далее.

Усвоил ли?

– Азы диалектики, – фыркнул Матвей.

– Верно, – любезно согласился Звягин. – Но от того, что это – азы, лучше они людьми не понимаются. К сожалению.

Они вышли на Садовую и мимо ограды Суворовского училища двинулись в сторону Сенной. Нить беседы раскручивалась. Роль ехидного экзаменатора была Матвею по вкусу.

– Что такое счастье?

– Только не богатство, не почести, не какие-то условия жизни. Ведь в одинаковых условиях один может быть счастлив, а другой – несчастен. Счастье – это не то, что человек имеет, а то, что он при этом испытывает. Счастье – это сильнейшее приятное ощущение.

– Тогда счастье и наслаждение – одно и то же?

– Да.

– Это примитивно и пошло.

– Нет. Человек испытывает наслаждение от достижения трудной цели, от сознания своей победы, от совершенного открытия. От красоты природы. От людской благодарности и признания. От своей значительности. От свободы.

– А как быть счастливым? Как испытывать это наслаждение?

– Ходить по путям сердца своего. Ничего не бояться. Быть храбрым и честным. Не жертвовать своими убеждениями, не поджимать хвост. Самое главное умение – это умение радоваться жизни.

– А если не получается?

– Меняй характер. Займись спортом – это дает радость от своей силы, от своего тела: в здоровом теле – здоровый дух. Старайся постоянно обращать внимание на хорошие стороны жизни. Научись принимать жизнь как подарок природы.

И еще – умей хотеть. Умей добиваться желаемого. Умей заставить себя делать то, что решил, даже когда желание и силы иссякают.

– Если это так просто – все давно были бы счастливы.

– Нет. Взгляни еще раз на мой рисуночек, на цилиндр. Кто хочет счастья – не должен бояться горя. Умение радоваться неотделимо от умения страдать. Потому что в основе того и другого лежит способность остро чувствовать. Привычка снижает чувство. И счастье приедается. Необходимо разнообразие. Нервная система, стремясь к свежести и остроте чувств, всегда переходит от положительных ощущений к отрицательным и обратно.

– А вот Томас Карлейль сказал, что высшее счастье – это самопожертвование.

– Правильно сказал. Ощущения связаны с действиями и побуждают к действиям. Высшее ощущение связано с высшим действием, а самое большое, что может произойти с человеком – это переход последней черты, это смерть. Пожертвовать самой жизнью во имя того, что любишь и во что веришь, – для этого нужно испытывать чувство огромной, всепобеждающей силы – сильнее инстинкта жизни! Испытать такое способен не каждый.

– Почему в хороших книгах обычно несчастливые концы?

– Потому что их герои обычно – сильные люди, которыми владеют сильные чувства. Они так стремятся к счастью, что в конце концов заходят слишком далеко, пересекают границу – и оказываются в горе. Чтобы познать предел счастья – надо перейти этот предел, и тогда познаешь предел горя. Но это – полная, настоящая, предельно насыщенная жизнь. Жизнь Ромео и Джульетты.

(Ты ведь слышал, что от большого счастья люди могут плакать, а от большого горя – смеяться в истерике? Что от большого счастья, так же как от большого горя, люди иногда умирают, – сердце, видишь ли, не выдерживает такой нервной нагрузки.

Посмотри на мой цилиндр – на границе противоположности сходятся и переходят одна в другую.)

– А почему сильный герой иногда кончает с собой? Почему застрелился Хемингуэй?

– Есть два уровня ответа.

Уровень первый. Человек кончает с собой, потому что устал от жизни, не может перенести страданий, смириться с крахом, не желает конца в одряхлении, измучен депрессией.

Уровень второй. Хемингуэй был сильной, активной личностью, с авантюристическими задатками: охотник, боксер, солдат, писатель, мужчина. Ему были необходимы сильные ощущения, которые он и получал от своих действий.

И вот телесно он стар и немощен. Не может писать, любить, драться, путешествовать. А душе, то бишь нервной системе, необходимы сильные ощущения! То есть сильные, крупные поступки! И та самая страсть к ощущению жизни, которая владела им всегда, толкает его на последний, страшный, предельный поступок – зарядить любимое ружье и спустить курки.

– Ладно, это – немощная старость. А в расцвете сил? А Маяковский?

– Как пел Высоцкий, «на цифре тридцать семь с меня в момент слетает хмель»... Страшный возраст. Дуэль Пушкина, болезнь Байрона, конец многих – ведь всего этого, казалось бы, легко можно было избежать. Таланты будто нарочно лезли на рожон – или просто хватались за веревку и пистолет! Почему?..

Талант – это тот, кто совершает что-то крупное, новое. Кто изменяет действительность – будь то в искусстве, науке или политике. То есть человек большой жизненной энергии – взломать рамки привычного и шагнуть дальше слабому не по плечу.

Тридцать семь – как бы вершина жизни, пик духовных сил, переломная точка, здесь кончается взлет и начинается спуск: физические силы уменьшаются. Представляешь, как гоночный автомобиль на скорости не вписывается в вираж и вылетает с трека? Вот так избыток могучей жизненной энергии на главном, вершинном повороте вышвыривает гения из жизни. Тот самый избыток энергии, который вознес его к высочайшему пределу – переносит его через этот предел, через роковую черту, прочь из мира.

(На моем цилиндре – он пересекает границу, и максимум энергии сливается с ее минимумом, с пустотой, со смертью.)

А болезнь, оружие или катастрофы – детали тут неважны...

– Откуда у вас, интересно, столь мудрые суждения? – осведомился Матвей.

– Дорогой друг, – отечески сказал Звягин. – Протрубишь пятнадцать лет по глухим гарнизонам – тут мно-огое, знаешь, передумаешь, пока ветерок в степи свищет. Много разных мыслей придет в голову.

Под яркими фонарями Театральной площади народ тек из подъездов Мариинки с «Лебединого озера». Расторопная лотошница совала мороженое в протянутые руки.

– Вот тебе сахарная трубочка – подсластить горечь знаний, – угостил Звягин подопечного. – На сегодня хватит – мне завтра дежурить. А вон и трамвай.

С площадки махнул рукой. Отражения трамвайных окон вопросительно дрожали в очечках Матвея.

Дома дочка терпеливо выждала, пока Звягин, обронив пару слов о своем времяпрепровождении («Прочищал мозги одному оболтусу, которого мы месяц назад из Крюкова канала выловили»), примет душ и плюхнет на диван, кинув в стакан молока оранжевую соломинку.

– Зачем ты этим оболтусом занялся? – запустила она первый вопрос.

– Чтоб он не стал никчemuшником.

– А что такое никчemuшник?

– Человек, который вместо того, чтобы толком работать, иметь семью и жить нормальной жизнью, мучится над всякими умными вопросами, мечется в сомнениях, всем неудовлетворен, не знает, что к чему в жизни – и в результате жизнь его проходит бесплодно и зазря.

– А если ты ему все объяснишь? Он изменится?..

Звягин хлюпнул молоком, к негодованию жены, и покачал ногой в красной остроносой домашней туфле:

– Надеюсь. Осознает, как устроен мир. И займется чем-нибудь полезным и продуктивным.

– Твоему самомнению нет границ, – сообщила жена из спальни, протирая лицо на ночь лосьоном.

– Ты всегда умела тонко польстить. Гони наследницу спать, у нее завтра, помнится, контрольная по математике.

- Командовать удастся лучше тебе. И почисти мне, пожалуйста, коричневые сапоги.
- Слушаюсь, мэ-сагиб!

Когда человек всецело увлекается какой-то проблемой – он вдруг начинает сталкиваться с ее проявлениями на каждом шагу. Днем на станции «скорой» в руках у Джахадзе оказались хемингуэевские «Острова в океане», и он с восторгом довел до сведения окружающих следующую выдержку:

– «Томас Хадсон лежал в темноте и думал, почему все так называемые хорошие люди непереносимо скучны, а люди по-настоящему хорошие и интересные умудряются в конце концов испортить жизнь и себе, и всем ближним». А?! – Откинулся на спинку стула, обедев слушателей блестящими черными глазами.

Возникла небольшая дискуссия.

– «Правильный» человек следует прописной морали. Он вяловат, банален, не способен на оригинальные мысли и поступки. Вот вроде и хороший человек – а не тянет к нему, – выразил свое коллективное мнение прекрасный пол.

– Хорошим и интересным людям вообще туго живется. Жизнь такая, – сказал Гриша.

– Молодец Хемингуэй, – раскрыл рот молчавший доселе Звягин. – Ведь не знал, почему, но вопрос поставил верно.

Народ развеселился.

– У вас, как всегда, готово решение любого вопроса, Леонид Борисович?

– Любого не любого... «По-настоящему хороший и интересный человек» полон жизни и жаден до жизни. Скука, однообразие, бездействие претят ему. Ему всегда необходимы действия и перемены. Он ищет добра от добра, как говорится. И в этом поиске, в этой жажде жизни как бы пересекает грань счастья и благополучия – и ввергает в горе и себя, и близких, с которыми связана его судьба.

– А проще вы можете?

– Могу. Слишком хорошо – тоже не очень хорошо. Во всем нужна мера. Поэтому сплошь и рядом хороший человек совершает хорошие поступки с плохими последствиями. Пожалеет подлеца, возьмет на себя чужую вину, уступит очередь на квартиру слезливому вымогателю, – в ущерб себе и другим хорошим людям.

Вынужденное безделье привыкших к занятости людей располагает пофилософствовать. Речь завели об «Идиоте» Достоевского. Врачи, в отличие от филологов, предпочитают судить о литературном произведении с точки зрения здоровой практичности. Сошлись на том, что князь Мышкин был именно слишком хорош, прямо святой, – и в результате своих действий разрушил жизнь и свою, и тех, кому желал добра. Добрые дела фанатика имеют злые результаты.

Звягин цвел: размышлять о вечных проблемах оказалось занятием более увлекательным, нежели он предполагал. Выступать в качестве наставника-мыслителя было лестно. Ощущая свою власть, он играл с Матвеем, как снисходительный кот с нахальным мышонком. Его зеленые глаза щурились, в голос прокрадывались мурлыкающие ноты. Подкованные каблуки отмеряли по гранитным набережным ритм мысли, как метроном.

– О добре и зле, – Матвей упрятывал едкий изгиб губ в пушистую бородку. – Что сильнее? Что победит?

– Добро и зло – как две стороны листа бумаги, как два полюса магнита; их не существует по отдельности, они всегда вместе. Как ум и глупость, как сила и слабость: мы сравниваем силу со слабостью и только так узнаем, что она сила. Как ты узнаешь, что я делаю тебе добро? Мысленно сравнишь с тем, что я был волен совершить противоположный поступок, и тебе было бы плохо. Смотри: старшина кормит солдат. Добро это? Нет. Это его обязанность, его служба: не накормит – накажут. А вот ты голодаешь, и незнакомый человек тебя взял да накормил. А другой обругал и камнем кинул. Появились добро и зло: одно сравнивается с другим, подразумевает возможность другого. Добра нет самого по себе, оно добро относительно зла. Если

исчезнет зло, то добро не с чем будет сравнивать, слово «добро» потеряет смысл и исчезнет: если ты сожжешь одну сторону листа бумаги, исчезнет и другая сторона – сгорит весь лист. Добро и зло – парное понятие, как верх и низ. Поэтому одно никогда не победит другое, они будут вечно.

– А при столкновении в жизни какой человек победит – добрый или злой? Хороший или плохой?

– Плохой, – без колебаний признал Звягин. – В борьбе всегда победит кто? Сильный. Вот два человека равной силы – физической, ума, связей. Один – плохой: он способен и на плохие поступки, и на хорошие. Другой – хороший: он не способен на плохие поступки! Получается, что плохой как бы в два раза сильнее, вооруженнее хорошего.

Когда мореплаватель Джеймс Кук оставил полинезийцам пару свиней для разведения, он подарил их не самому доброму, или дружелюбному, или трудолюбивому, а самому воинственному и сильному из туземных царьков: у него никто не сумеет отобрать, у него стадо размножится и со временем достанется всем.

– Получается, что доброта – это слабость? Что такое доброта?

– Доброта – это способность человека принимать чужие интересы и нужды как свои собственные, и действовать во имя интересов другого. Действительно, доброта оборачивается житейской слабостью: она не в силах ломать чужое сопротивление, не в силах противостоять слезам, мольбе, умелому вымогательству, не в силах причинять боль.

А жизнь – это борьба... Совершить что-то – значит изменить что-то в мире. Для этого надо преодолеть сопротивление старого, того, что уже есть. Сопротивление окружающих, обывателей, отсталых начальников, устаревших взглядов. Причинить им неудобство, порой и страдание. Поэтому сила связана с жестокостью... Колесо прогресса многим отдавливает ноги. Кто хочет действовать – должен быть готов к тому, что это не всем понравится.

– Но если человек, плюющий на мораль, сильнее того, кто придерживается морали, если без морали легче и вернее добиться своего, – зачем тогда и почему существует мораль?

– В мире есть две истины. Истина того, у кого в нужный момент окажется меч в руке – и истина того, кто не дрогнув встречает этот меч с открытыми глазами и гордо поднятой головой. Кто из них победитель? Первый. Кто победим? Второй.

Практический расчет – это путь к победе. Мораль – это путь к непобедимости.

Силу можно победить большей силой. Мораль нельзя победить ничем. Чем сильнее сила, тем непобедимее мораль, противостоящая ей: она словно отражение этой силы в зеркале.

По порядку.

Что такое мораль? Мораль – это идеал поведения.

А идеал всегда отличается от реальности. На то он и идеал. К нему можно стремиться, но нельзя достичь, как нельзя достичь горизонта. Идеал – это всегда улучшение, как бы ни было хорошо положение вещей в действительности.

Почему существует мораль?

Первое. Любое понятие имеет свою противоположность. Как есть верх и низ, лево и право, тепло и холод, так есть действительность – и мечта, реальность – и идеал, практический расчет – и мораль. Мораль – это именно противоположность голому практическому расчету, как бы его обратная сторона: они противоположны – и неразрывны. Жизнь невозможна без практического расчета: необходимо питаться, одеваться, выживать. А коли существует практический расчет, обязательно существует и его противоположность – мораль. Как две стороны листа, как два полюса магнита.

Второе. Человек хочет жить. Это значит – хочет действовать. Это значит – что-то изменять в мире. Поэтому он никогда не может удовлетвориться действительностью, стремясь к дальнейшему, стремясь к большему, к лучшему. Покуда человечество живет – оно имеет будущее, имеет перспективу, имеет идеал. В том числе идеал поведения.

М-да – с древних времен мораль практически не изменилась, а люди не стали лучше... Но это естественно. Законы природы неизменны: побеждает сильный и умелый. Средства житейского успеха всегда те же: расчет, жестокость, эгоизм, коварство. Поэтому неизменной остается и их противоположность – мораль: благородство, честность, доброта. Может практический расчет победить мораль в житейских делах? Конечно. Может уничтожить мораль? Никогда. Как нельзя уничтожить свое отражение в зеркале, как нельзя уничтожить одну сторону листа, сохранив при этом другую.

Зачем существует мораль? Зачем нужна?

Первый ответ прост: чтобы люди не грызлись, как волки. Она отчасти сдерживает. Обеспечивает обществу какой-то покой, комфорт, возможность спокойного созидания, развития. То есть, ограничивая практическую выгоду отдельных людей, приносит практическую пользу обществу в целом.

Второй ответ чуть-чуть сложнее. Жить – значит ощущать (мы говорили). Чем сильнее ощущение – тем полнее жизнь. Раздираться противоречием – сильное ощущение: человек хотел бы и преуспеть житейски, и быть на высоте морали. Мораль нужна, чтобы было это противоречие, это сильное ощущение, необходимое живому человеку.

Полнота жизни – это значит испытывать и счастье, и горе. Соблюдая мораль, человек может проиграть житейски. А любой ценой добиваясь выгоды – он то и дело попирает мораль, что влечет презрение окружающих и муки совести. Выигрывая в одном – он проигрывает в другом. Победа и поражение стучатся к нему в дверь бок о бок. И радуясь тому, чем обладает, человек печалится о том, что упустил. Мораль нужна, чтобы испытывать зло, – чтобы жить полной жизнью.

– Категорический императив старика Канта: хотя все практические доводы велят поступать плохо, поступать надо все-таки хорошо... По-вашему, это просто оттого, что мораль и практическая выгода – противоположности?..

– В каком-то смысле. Я тебе это объяснил, как умел.

– Как говорил Эмерсон: «Если тебе нужно что-то, человек, то возьми это, и заплати положенную цену», – задумчиво произнес Матвей, глядя, как старушка кидает куски булки уткам, плавающим в Лебяжьей канавке.

Звягин, впервые слыша имя Эмерсона, кивнул неопределенно. Его собеседник, испытующе косясь, снял очки, неторопливо протер носовым платком:

– А вообще в философии вы напоминаете мне помесь динозавра с головорезом, – без намека на почтение отвесил он. – Потрясающая комбинация из примитивности и напора!

– В жизни ты напоминаешь мне комбинацию из паралича и чесотки, – в тон ответил Звягин. – Помесь манной каши с волчком.

– Вы учились остроумию в казарме?

– Нет, в медицинском институте. В армии я учился делать свое дело – в любых условиях и без сопливых размышлений.

– Ваше дело – гипсовать переломы и вправлять вывихи?

– Иногда приходится вправлять и мозги. В чем ты имеешь возможность убедиться на собственном примере.

– Ваши лекции способны свести с ума профессора философии!

– А то у них нет иных поводов для сумасшествия. Никогда еще не слышал о профессоре философии, сошедшем с ума после беседы с врачом. Обычно они это делают до беседы.

– Их счастье, что они вас не знают.

– Возможно. Просто они, наверное, редко падают ночью в воду, – предположил Звягин. – Зачем вы свалились в Крюков канал, профессор?

Матвей подумал, обидеться или нет. Обижаться было невыгодно – разговор хотелось бы продолжить (да и взять реванш в пикировке). В молчании они приблизились к воротам Летнего сада, двинулись по пустоватой вечерней аллее меж белеющих статуй.

– «Фельдфебеля в Вольтеры дам...» – проворчал он с интонацией, которую можно было считать примирительной.

– Какие еще есть претензии у студента к фельдфебелю? – выдержав паузу, откликнулся Звягин.

Глядя под ноги, шаркая по утоптанной земле, Матвей сказал с мрачностью:

– Несправедливо это все...

– Что именно?

– Жизнь несправедлива. Сила зла и слабость добра. Преуспевание подлецов и страдания честных людей. Торжество порока над добродетелью! Понимаете, во мне самое главное надломилось – вера в справедливость. Скажите, вот вы – верите в торжество справедливости?

– Я предпочитаю не верить, а знать.

– И что же вы знаете?

– Что в природе, в истории нет справедливости или несправедливости, а есть только объективные законы. Человек убивает дерево, чтобы согреться и выжить в стужу. Заяц ест морковку, а волк ест зайца. Черепаха живет дольше человека. Женщины в муках рожают детей, а мужчины от этого избавлены. Камень, брошенный вверх, падает вниз. Какое отношение к справедливости имеет закон всемирного тяготения? Он – истина, и только.

Справедливость – это соответствие происходящего морали. Это мораль в действии.

Но мы говорили, что мораль находится в вечном противоречии с практическим расчетом и проигрывает ему в житейских делах.

Справедливость – это торжество добра над злом, добродетели над пороком.

Но мы говорили, что эта борьба вечна, и никогда одно не победит другое.

Справедливость – это наше представление о том, какой должна быть жизнь.

Но мы говорили, что человек никогда полностью не удовлетворится действительностью, всегда будет стремиться к изменению, к улучшению, к идеалу. Поэтому представление о том, какой должна быть жизнь, всегда будет расходиться с реальной жизнью.

Справедливость – это желаемая действительность.

Но желаемая действительность всегда отличается от той, что уже есть. Потому что человек хочет жить. А это значит – действовать. А это значит – изменять мир. А это значит – стремиться к тому, чего еще нет.

Справедливость – это идеал жизни.

А идеал всегда отличается от реальности. Всегда. На то он и идеал.

Справедливость – это стремление к изменению жизни, улучшению, развитию, достижению идеала.

Это стремление вечно. Поэтому всегда будет представление о справедливости и тяга к ней.

Когда мы говорим, что что-то в жизни несправедливо, – это значит, что наши представления о торжестве морали и добра не соответствуют реальной жизни, в которой торжествует не мораль, и не добро, а сила. Которая, увы, чаще связана со злом. (Если нам кажется, что иногда слабость побеждает силу, то это только кажется. Сила – не то, что кажется силой, а то, что побеждает.)

Несправедливость – это наше несогласие с реальной жизнью. Потому что мы всегда неудовлетворены реальностью и стремимся к ее изменению.

Несправедливость – это разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть по нашему разумению. Разрыв между действительным и желаемым. Между реальным и идеальным. Между настоящим и будущим. Между достигнутым и перспективой.

Этот разрыв вечен, потому что вечно стремление к лучшему. Поэтому всегда будет существовать несправедливость.

– Так что же – так всегда и мучиться?

– Почему мучиться? Бороться!

– Зачем?.. Если так будет всегда?..

– Чтоб быть человеком. А не ходячим кишечником для переваривания пищи.

– Но неужели нельзя принять жизнь такой, какая она есть?

– Понять можно. Примириться нельзя.

– Почему?

– Потому что наша доля – жить. Значит – оставить свой след в мире. Изменить хоть что-то. А иначе – все равно, что и не жил.

В подсветке прожекторов вспыхнул шпиль Михайловского замка. Ветер трещал флагами на Марсовом поле. Город был пропитан историей.

Позднее Матвей говорил, что Ленинград, наверное, наложил свой отпечаток на ход звягинских рассуждений. Прямые перспективы, логически рассчитанные линии, сочетаемая единым планом архитектура оказали влияние (полагал он) на то, как Звягин представлял себе устройство мира.

Звягин пожимал плечами, находя это предположение слишком надуманным и искусственным. И улыбался рассеянно.

Он вообще приобрел некоторую не свойственную ему рассеянность. На прогулках забредал в незнакомые места. Не всегда откликался на обращение. И даже лицо несколько утратило обычную резкость черт.

Зато, словно по закону сообщающихся сосудов, мужская определенность и твердость линий начала угадываться в лице Матвея. Выражение, которое Звягин издевательски называл «любимая кошка сдохла», присутствовало все реже.

«Это естественно, – говорил Звягин жене, излагая за ужином свои успехи на ниве просвещения юных интеллигентов. – Мужчине требуется простой и честный взгляд на вещи, который позволяет действовать согласно убеждениям. Томление юности – как корь, которой надо переболеть и выйти из болезни здоровым. Знающим, что к чему. Жаль, – добавлял он, – люди редко знают, что к чему. Большинство, махнув рукой, перестает задаваться вечными вопросами, а меньшинство мучится ими всю жизнь». Жена, однако, сомневалась, что достаточно объяснить человеку, как создан мир, – и ему сразу станет легче и веселее жить.

– Дело не в том, чтобы объяснить, – возражал Звягин, покачивая туфлей и посасывая молоко, – а в том, чтобы дать человеку страстно желаемое. Заболевшему от несчастной любви дай взаимность – и он выздоровеет. Разорившемуся банкиру верни состояние – и он не застрелится. Короче – напои жаждущего.

– Ты стал разговаривать сплошными афоризмами.

– Ты потолстел, – с неудовольствием сказала дочка. – У тебя стала больше талия.

– Но она еще есть?

– Папка, ты мне не нравишься.

– Дожили, – сказал Звягин. – Вот и признание.

– Ты всегда был чем-то занят. И всегда был веселый. А сейчас валяешься на диване, читаешь книжки и ничего не делаешь.

– Папа просвещается, – сказала жена. – Пусть читает. Лучше поздно, чем никогда.

– Я думаю! – возмутился Звягин. – Можно сказать – мыслью!

– Да-да – «следовательно, существую». Тогда почему у тебя растут бока, а не голова?

– Прекрати оттачивать на родном отце свое остроумие! Почему у тебя растет нахальство, а не благонравие?

– Оно уже выросло. У меня переломный возраст.

– Ирина, хозяйка ты в доме или нет! – воззвал Звягин. – Гони несовершеннолетних спать! Несовершеннолетние затаились в темноте своей комнаты, бдительно следя сквозь оставленную щель за развитием разговора.

– Леня, – осторожно спросила жена, погремев в раковине посудой, – неужели ты всерьез уверен, что открываешь истину в последней инстанции?

Звягин добросовестно поразмыслил.

– Я допускаю такую возможность, – наконец ответил он.

– Ты полный дилетант. А у этого твоего Моти как-никак философское образование.

– По части философских категорий мне с его профессорами не тягаться. Но по части здравого смысла я никому уступать не собираюсь. Почитать умные книги – так на свете много разных истин. Из них человек выбирает ту, которая ему нужна.

– Перестань изрекать афоризмы, это надоедает. Не трогай молоко, я оставила его на утро, сварить кашу!

– Моя истина ему как раз. Без розовых красок и трагических вздохов. Жить и работать, глядя жизни в лицо!

– Пошли спать, – сказала жена, вытирая руки. – Тебе завтра работать. Глядя жизни в лицо.

На «скорой» изменения, произошедшие со Звягиным, также не могли остаться незамеченными. Высказывался ряд предположений: влюбился (но тогда почему поправляется, а не худеет?), заболел (но тогда почему такой здоровый вид?), попал в неприятности (но разве можно допустить, чтобы с неуязвимым Звягиным что-то случилось?).

– Леонид Борисович, о чем вы сейчас думаете? – игриво поинтересовалась диспетчерша Валечка из-за своей стеклянной перегородки.

– А? Что? – не сразу отозвался Звягин, вернувшийся с вызова и так и оставшийся стоять в вестибюле, глядя в окно, за которым уже набухали почки. – А... Видишь ли, существуют так называемые типические сновидения: полеты и кошмары. Почему человек летает во сне? Заметь, в юности летает, а с возрастом – все реже. А потому, что в юности энергии больше, нервная система сильнее. И ей требуются сильные ощущения. И сознание спящего рисует действие, дающее такое ощущение! Взять – и полететь: это уже какое-то сверхдействие, совершение невозможного! Человек стремится к небывало сильным ощущениям – а они связаны с действиями, каких еще в жизни не было. Так же и кошмары... Человек испытывает сильнейшее ощущение, ужас, – и ощущение связано во сне с действием необычным, невозможным: кошка разговаривает, или темная сила в дверь ломится... Человек видит во сне то, чего не бывает, потому что с этим связаны сильные ощущения, которых ему не хватает наяву. Тяга к совершению максимального, небывалого...

– Мама моя родная, – сказала Валечка. – Леонид Борисович, вы в отпуск скоро идете?..

– Вопрос хороший, – туманно ответил Звягин. – Мне самому вся эта история уже начала надоедать. Но надо сначала додумать до конца...

(«Когда я додумал до конца, то аж сам удивился, – рассказывал он впоследствии. – Я не знаю, что такое гений, но гением себя на минуту почувствовал. Стояла тихая такая весенняя ночь, звезды над черными крышами, – романтика, одним словом. Пил я молочко на кухне, шевелил потихоньку мозгами, никого не трогал. И тут вдруг до меня и дошло, как устроен мир. Даже жутко сделалось...»)

Матвей звягинскую теорию воспринял сравнительно спокойно. Возможно потому, что светило солнце, чирикали воробьи, спешили по улицам люди, – настраивала обстановка на бодрый лад. А возможно потому, что воспринять готовую истину из чужих уст или дойти до нее самому – вещи, как известно, весьма и весьма разные.

– Итак, что такое жизнь вообще? – тоном заправского лектора начал Звягин их встречу, которую полагал заключительной и последней. – Что такое жизнь на Земле? И во Вселенной?

Как живет растение? Берет питание из Земли и поглощает солнечную энергию. Растение потребляет энергию земного вещества и Солнца непосредственно своим организмом.

А травоядные животные? Они потребляют ту же энергию, уже сконцентрированную в растениях. И превращают ее в тепло и движение своего тела.

А хищники? Потребляют ту же энергию, добытую и переработанную сначала растениями, а потом животными. Трава растет месяц, коза набивает ею желудок весь день, волк съедает козу за десять минут. Потребление и переработка энергии ускоряется, растет!

А человек? Он не просто ест мясо – он жарит его или варит, поэтому полнее и легче усваивает съеденное. То есть потребляет еще более концентрированную, переработанную энергию. Ест не траву, а перетертое зерно пшеницы, печеное на огне – хлеб: масса энергии! (Цивилизация шагала вперед и переделывала мир быстрее и больше всего там, где ели хлеб – где потребляли больше энергии и больше выделяли ее в окружающий мир, переделывая его!)

История жизни на Земле – это история того, как увеличивалось потребление, переработка и выделение энергии, содержащейся в Земле.

Когда человек стал человеком? Когда овладел огнем! Сумел выделить энергию, содержащуюся в полене: уничтожить кусок дерева, превратив его в тепло и свет. Огонь – это защита от хищников, хлеб, металл, цивилизация, преобразование мира. (Вот почему на огонь тянет смотреть бесконечно – это тяга к максимальному действию, максимальному изменению мира: дерево исчезает, отдавая всю заключенную в нем энергию, рождая тепло и свет. Огонь – это жизнь Вселенной в миниатюре. А живое тянется к жизни.)

Сначала человек жег леса. Потом – каменный уголь и торф.

Потом – нефть. Потом научился выделять энергию, заключенную в атомном ядре. И уже приблизился к выделению а б с о л ю т н о всей энергии, заключенной в веществе – к аннигиляции. То есть вещество ц е л и к о м превращается в свет: супервзрыв, исчезновение без остатка.

Итак?

Итак, все имеющее свое начало имеет и конец. Наша Земля не вечна. Есть разные теории: остынут глубины планеты, развеется в пространстве атмосфера, потухнет Солнце. Теперь еще прибавилась возможность ядерной войны.

Галактики гибнут во взрывах звезд, рождающих новые галактики.

Наука полагает, что не вечна и Вселенная.

Какое самое большое действие можно вообще себе представить? Уничтожение всей Вселенной и рождение новой Вселенной. Вселенский взрыв. Аннигиляция. Конец в с е г о и начало всего снова. Выделение и преобразование всей энергии Вселенной.

Вот по этому пути, к этому результату (логически рассуждая) и движется человечество. Поэтому я думаю, что войны не будет. Слишком мелко. Мы созданы для более крупных дел.

– Это невообразимо... – произнес Матвей после длительного молчания, пытаясь переварить услышанное.

– Не более невообразимо, чем то, что Земля круглая, а не плоская, и вертится вокруг Солнца, а не оно вокруг нее. Или я слишком сложно говорил?

– Но человечество этого не хочет!

– Верно. Человечество хочет жить. То есть – действовать и изменять мир. А любое явление (повторяю в сотый раз) со временем переходит в свою противоположность. Созидательная деятельность человечества перерастает в разрушительную. Гробить свою планету мы уже начали.

– Послушайте... вы это всерьез?

– Так же всерьез, как то, что человек произошел от обезьяны.

– Но если допустить, что это правда... это ужасно!

– Отчего? – холодно отозвался Звягин. – Конец будет еще нескоро.

– Вы человеконенавистник!

– О! – удивился Звягин. – Как говорят в Одессе, чтоб у тебя было столько рублей, сколько человек я спас. Прости за хвастовство. – Последовал искушению и отвесил Матвею щелчок – звонко, как по арбузу.

– Но ваша теория – человеконенавистническая!

– Да я-то чем виноват, если это правда. Насколько я понимаю, правда, – уточнил он.

– Но такая правда отнимает надежду. Она вредна. Есть вещи, которые лучше не знать!

– Bravo, первая валторна. Вот речь, достойная философа. От правды не спрячешься. Раньше или позже все равно с ней столкнешься. Человек не баран – должен знать все. Почему я тебе долдоню букварные истины? – разозлился Звягин. – У тебя мозги заело?

– Если допустить безумное предположение, что вы правы – тогда зачем все? Зачем прогресс? Зачем наши труды? Если все так кончится...

– Ты веришь в загробную жизнь? – неожиданно спросил Звягин.

– Я?! Нет. А что?..

– Ты знаешь, что когда-нибудь умрешь?

– Ну...

– Это не мешает тебе есть, пить, думать? Влюбляться, покупать новый костюм, мечтать о карьере? Радоваться жизни? Смотри, как экономно действует природа: создать человека, наделив его разумом – и за считанные тысячи лет он уже дошел до термоядерной реакции, а ведь так выделяется энергия в звездах! Логично предположить, что человек – одно из орудий Вселенной на определенном этапе ее развития.

– Да какой же смысл в такой жизни?! – возопил несчастный студент.

– Вот мы и подошли к вопросу, с которого началось наше знакомство, – с удовлетворением отметил Звягин. Распахнул плащ, прищурился, подмигнул: – Дай-ка мне определение: что такое смысл? А?

– Я уж лучше послушаю... – было бурчание в ответ.

– Под смыслом мы понимаем цель и конечный результат каких-то действий. Смысл маневров – в выигрыше битвы, смысл изобретения – в облегчении труда. И так далее.

Смысл жизни человечества – в преобразовании мира. Конечный результат жизни человечества – превращение всей массы нашей Вселенной в свет, рождение новой Вселенной.

Смысл жизни отдельного человека – внести максимальный вклад в преобразование мира. Что и выражено в старой истине: человек должен делать самое большое, на что он способен.

Смысл – это предназначение. Смысл жизни солдата – в победе, ученого – в открытии, художника – в создании шедевра.

Исполняя предназначение, человечество живет и идет вперед. Поэтому смысл и в том, чтобы рожать детей и сеять хлеб, – и в том, чтобы открывать новые земли и изобретать новые машины.

Это – объективно. А субъективно – смысл в том, чтобы как можно больше и сильнее пережить всего за время жизни.

Устраивает?

– Как у вас все просто! Получается – смысл в том, чтобы жить на всю катушку?

– Да. Можно сказать и так.

– И все? Но ведь должен быть еще какой-то высший смысл! Иначе почему люди всегда пытались найти его?

– Отвечаю. Смысл книги – в идее, встающей за набором слов. Смысл формулы – в законе природы, который формула обозначает. Смысл – это глубина и суть происходящего, открывающаяся за внешними деталями.

Найти смысл – означает познать до самой глубины, понять до конца.

Найти смысл жизни – значит познать жизнь до конца, до последнего предела.

Но предела познания не существует!! Познание бесконечно!! Увеличим изображение мельчайшей пылинки в миллиард, в триллион раз – и в ней откроется целая вселенная. Самая мельчайшая вещь состоит из еще меньших. Почему камень падает вниз? Потому что он притягивается Землей. Почему? Потому что существует закон всемирного тяготения. Почему? Потому что между элементарными физическими частицами существуют силы притяжения. Почему? А вот потому. Дальше наука еще не раскопала. А когда раскопает, возникнет следующее «почему».

Поэтому такой поиск смысла жизни – как погоня за горизонтом, постоянно отодвигающимся.

– Получается, что такой смысл – непостижим?..

– Да. Принципиально непостижим. В ы с ш и й, абсолютный смысл всего – это абстракция, противоположность всему ясному, конкретному, постижимому. Непостижимое – противоположность постижимому. Как верх и низ, как две стороны листа. Есть одно – должно быть и другое. Как предмет и его отражение в зеркале. Но проникнуть за плоскость зеркала нельзя.

Почему же смысл жизни все-таки ищут?

Заметь – ищут обычно в молодости. Когда страсти сильнее, тяга к ощущениям острее. В пору сильных желаний. И это желание (понять смысл жизни) не может быть удовлетворено. Ощущение неудовлетворенности – сильное ощущение! – необходимо молодому человеку, как воздух. Без него жизнь неполна. А юноше нужна полнота жизни. Полнота ощущений. Радостей и мук, надежд и разочарований.

Человечеству необходимы неразрешимые задачи! При попытках решить их возникают и решаются другие задачи, разрешимые. Это вечный стимул к постижению мира.

– Я бы хотел когда-нибудь написать обо всем этом книгу... – задумчиво произнес Матвей. Наклонился и завязал шнурок на стоптанной туфле.

– «Хотел бы», «когда-нибудь»... Так возьми и напиши! Или всю жизнь собираться с духом будешь?

– А вы сами?

– А мне это уже не интересно. Я не писатель. С меня достаточно того, что я разобрался в этом сам и объяснил тебе. – Звягин легко улыбнулся, в солнечном проблеске седина на его висках вспыхнула отчетливо и ярко.

– Но мы решили еще не все вопросы!..

– «Мы пахали...» Вот тебе их и решать. Как говорится, вся жизнь впереди.

Они простились коротко. Долгих прощаний несентиментальный Звягин терпеть не мог.

– Навалятся опять неразрешимые проблемы – звони. В крайнем случае.

– Спасибо, Леонид Борисович...

– Привет!

Матвей долго следил за удаляющейся прямой фигурой, пока она не затерялась среди прохожих, не растворилась в сумерках. Потом посмотрел на часы и поехал в общежитие – обсудить с компанией услышанное.

А Звягин, придя домой, послонялся в поисках какого-нибудь занятия, вынес мусорное ведро, прочистил засорившуюся конфорку газовой плиты и решил лечь спать пораньше: завтра пятница, двенадцатое число, конец недели и день полочки, – дежурство обещало быть тяжелым, удастся ли еще за сутки поспать. (В такие дни много происшествий.)

– Как твой Мотя? – поинтересовалась дочка.

– Будет жить, – зевнул Звягин. – Ему скоро сессию сдавать. А тебе, кстати, экзамены. Всех могу вразумить, кроме собственной дочери, – пожаловался он.

– А ты не слишком жестоко огорошил мальчика своими мрачными объяснениями? – спросила жена.

– За одного битого двух небитых дают, – равнодушно отозвался муж. – Послушать тебя – так я вообще изверг и вивисектор. Ему нужна была ясность. Точка опоры. Осознание трудностей жизни. Он их получил. Хуже нет, когда заморочат с детства голову иллюзиями, изобразят мир в розовых красках, а потом жизнь оказывается иной, и впадает человек в черный пессимизм.

– Когда ты перестанешь изъясняться афоризмами?

– Сейчас, – ответил Звягин. Раскрыл книгу и прочитал: – «Моя старость и величие моего духа побуждают меня, невзирая на столькие испытания, признать, что ВСЕ – ХОРОШО». Софокл, «Эдип». – Кинул книгу на диван, сунул руки в карманы, качнулся с носков на пятки, сощурился. – Это ж надо, такое везение. Могли ведь и не родиться.

– Кто? – спросила жена.

– Да кто угодно, – сказал Звягин. – Хоть мы с тобой.

Снял с журнального столика стопу книг и расставил их на полках.

– А что будет с мальчиком дальше, как ты думаешь?

– Врач – не нянька. Не могу же я интересоваться судьбами всех больных бесконечно. У меня их десяток за дежурство бывает.

– Леня, цинизм тебе не удастся...

– Папе все удастся, – заступилась дочка.

– Папа у нас крупный специалист по просовыванию верблюда через игольное ушко, – с неизъяснимой улыбкой сказала жена.

– Я пошел спать, – решительно объявил Звягин.

Шлепнувшись в постель, он прокричал из спальни:

– А верблюдом, чтоб ты знала, назывался канат для швартовки судов. Так же как маленький якорь до сих пор называется кошкой.

Спальня вокруг него заструилась, волна плеснула у ног, в берег вцепилась голубоглазая сиамская кошка, за нее держался важный двугорбый верблюд, а за верблюдом с шорохом въехал килем в песок крутобокий финикийский корабль под полосатым квадратным парусом: палуба полна знакомых лиц, а у мачты стоит Матвей и записывает тростниковой палочкой на свитке папируса основы интенсивной терапии, которые диктует ему Звягин, засевший в тенистом кусте... Засыпал Звягин мгновенно.

(Опубликовано в книге «Приключения майора Звягина», Таллин, «Периодика», 1991.)

Белый ослик

1.

Сначала требовалось достать белого осла. Он был не убежден, что именно белого, но так представлялось надежнее, с запасом гарантии, что ли. А еще спокойнее – ослицу.

Прежде всего осел ассоциировался со Средней Азией, Самаркандом, Тимуром, базаром и урюком. Но это рождало, в свою очередь, другую ассоциацию, неприятно-анекдотическую: «Армянское радио спрашивают: можно ли доехать на осле от Ташкента до Москвы? Ответ: нельзя – по дороге его съедят в Воронеже». В Средней Азии уже десять лет идут гражданские войны, а рисковать собой сейчас нельзя.

Когда-то в городском зоопарке ушастый печальный ослик катал в тележке детей. Он цокал по аллеям мимо клеток и гуляющей публики (так и хотелось сказать – мимо клеток с публикой), прядал ушами и звенел бубенчиками, резиновые шины шелестели. Мысль о зоопарке была естественной.

Имея малый опыт еще советской, и больший – суровой и откровенной постсоветской реальности, обращаться в дирекцию он, конечно, не стал. Чем ниже уровень – тем легче цена вопроса. А спросил прямо на входе контролершу, пропахшее зверинцем бедное чадо унисекса, где конюшня: он хочет задешево поставить корма.

В большой, полутемной и пахучей конюшне две девчонки с метлами и скребками направили его к старшему конюху. Конюх был кайф, седеющая борода пахла хлебной водкой, сытно и уютно. Поскольку жеребцы ослов не переносят, ослиная семья содержалась в отдалении, непарнокопытное нацменьшинство.

– Белая ослица нужна, – прямо сказал он.

– Ну, и для чего вы мне это сообщаете? – хамовато бросил конюх. – Здесь не зоомагазин. – Отвернулся и закурил. – Тоже еще... Идите, гражданин. Я сказал: идите!

– Тонна комбикорма, – последовало уточнение. – И полтина баксов тебе.

– Ослы, – отчужденно сказал конюх через плечо, – белыми не бывают... посетитель. Ослы преимущественно мышастой масти. Серые. Гнедые бывают. Карабахские ишаки, опять же... А альбинос – это феномен.

– Феномен, говоришь? Ладно. Стольник. И два мешка овса. А овес нынче дорог, – не удержался он.

– А нынче все дорого, – отпарировал конюх, но снизошел до вежливого вздоха. Лицо его выразило мучительное желание человека сделать серое белым. И личное, почти дружеское огорчение невозможностью этого.

– Анжела месяц назад родила, – сообщил он наконец тоном дипломата, готового в кулуарах нарушить интересы родины из симпатии к партнеру. – Девочка. Светленькая.

– Так пошли, посмотрим.

В тесном деннике замшевый, дымчато-белый осленок ростом с табуретку топал копытцем в опилки. Он посмотрел на покупателя игриво-печальными вишнями несовершеннолетней гейши.

– Повезло тебе, – сказал конюх. – Давай-ка пива попьем.

Вопроса насчет обещанных кормов не было: все прикупалось на рынке или ближайшей к городу ферме.

Пиво было хорошее. Пробки конюх снимал кромкой обручального кольца. Борода его впустилась, хлебный запах от нее усилился.

– Да хрен с ним, с кормами, это я сам разберусь. Бабки давай. Нет, ты погоди, считай сам: мне его списывать придется, это бумаги оформлять, начальство – оно тоже все понимает, верно? с этим считаться надо; репутация моя, опять же, страдает: это ведь все тоже расходов требует, правильно?

Они поторговались. Конюх дозрел до водки и стал осленку отец родной.

...Ослы понятливы и растут быстро.

2.

В Разливе было полно комарья, зато людей не было вовсе. Если мазаться диметилфтолатом, думалось просто отлично.

Он прожил там полтора месяца. Ловил рыбу и строил планы. Оброс, одичал, но мысль достигла ясности необыкновенной, он чувствовал, как накапливается в нем энергия.

Забросанная сенцом палатка напоминала снаружи не то стожок, не то шалашик. Вечером, под звездами, уютно булькал на огоньке чайник. Ослик подходил, тыкался замшевой мордашкой. Он дергал для него ночью морковку с колхозного поля. Не грех, все равно иначе осенью сгниет.

Покидать славную пустошь ослик отказался, заупрямился.

– Неохота? – печально улыбнулся он, стягивая его с места за повод. – М-да... Мне тоже, может, не очень охота... честно-то говоря. А что делать. Идти пора.

3.

Он въехал в Москву по Ленинградскому шоссе. Синий жестяной указатель на обочине обозначал границу города.

– А где Львиные ворота? – спросил он у гаишника с автоматом, зевавшего, облокотясь на свой молочный «опель».

– Да вот здесь и стояли, – сказал гаишник с неприязнью к действительности. – Потом в приватизацию муниципалитет заключил с кем-то договор их отреставрировать, увезли – и до сих пор с концами. Так теперь все и ездят, как хотят. – И для большей выразительности он сплюнул. – А вы почему на осле?

– На машину не хватает.

– Жрет много?

– Да ну. Утром покормил – и на весь день хватит.

– Экономичный, – похвалил гаишник. – Ну т-ты Ки-рюха!.. – фамильярно осклабился он: добродушная власть шутила.

– Ты сказал.

– Что я сказал?..

– Что меня зовут Кирилл.

Гаишник замкнул черты лица в служебную ряху, лениво выпрямился и, с презрительной небрежностью обозначая официальную процедуру, сунул рукой к козырьку:

– Документы ваши, пожалуйста.

Кирилл полез во внутренний карман, но тут по пленке жидкой грязи, кроющей шоссе, тяжело прошелестел огромный вольвовский фургон, напарник гаишника выскочил с жезлом, фургон стал тормозить, рядом с ним материализовался БМВ предупреждающего цвета «мокрый асфальт», и из него полезли трое братков.

– На гужевом транспорте в центре только по специальному разрешению, – по инерции еще выламывал рот гаишник, уже забыв о Кирилле и поспешая на разборку.

«Мне в четыре, не позже, надо на таможенной площадке быть», – донеслось оттуда, водитель махал бумагой, следом за фургоном пристроился и встал второй, браток тыкал в мобильник, другой раздернул молнию кожанки, автоматчик отступил на шаг и зафиксировал рукой висевший на боку «калаш». Как пузырьки, выбулькивали отдельные слова: «вопрос», «лавэ», «откат» и тому подобные индикаторы делового разговора. Двери фургона с лязгом разъехались на петлях: он был забит пестрыми картонными ящиками.

Кирилл на своем белом ослике процокал в середину группы, недоуменно воззрившейся на помеху.

– Человек везет гуманитарную помощь. Детское питание, – обратился он. – С него нельзя брать деньги. Рождаемость и так упала ниже уровня простого воспроизводства населения. Если бы она упала раньше, вас бы всех здесь не было, и это было бы гораздо лучше. Вы должны подумать об интересах тех, кто еще не может держать в руках оружие. Страсть к наживе погубит народ, надо быть добрыми и помогать друг другу. Людей надо любить, а не грабить.

Бандиты и менты весело расширили глаза. Застырянный белый плащ и запущенная молодая бородка вкупе с речью всадника на несуразном транспортном средстве совершенно уподобляли его бомжующему городскому сумасшедшему: состоит на учете в психдиспансере, но без посадки в переполненный стационар как социально не опасный. Ослик разинул белозубую пасть и сказал: «И-а!»: картина сделалась вовсе ненастоящей, будто все вдруг оказались участниками уличной киносъемки.

– Проезжай, проезжай, человек, – без злобы приказал один из них, насытив взор развлечением и побуждаемый необходимостью завершить переговоры. – Проезжай, осел! – повторил он, обращаясь к тому из них двоих, кто, по его мнению, мог быстрее выполнить приказ.

– Баварские Моторостроительные Заводы вредят экологии, – укорил Кирилл.

– А ослы помогают, – хохотнул браток с мобильником.

– Он за драндулеты агитирует! Дилер по «жигулям».

– Покупая автомобили их производства, вы обогащаете их толстосумов, немецких бургеров...

– Вот тут ты, брателло, в натуре, не прав. Мы их не обогащаем, будь спок.

– ...и на самом деле они радуются, что вы рискуете своими единственными жизнями и кладете свою молодость на то, чтобы их конвейеры работали непрерывно, обогащая их. Я не удивлюсь, если окажется, что бандитизм в России стимулируется из-за рубежа концернами БМВ и «Даймлер-Бенц» ради повышения сбыта их продукции. Можно сказать, что русские бандиты – это агенты Германии.

У аудитории не хватило интеллигентности понять скрытое обвинение в большевизме.

– А правительство ездит на «волгах», – насмешливо сказал гаишник.

Водитель фургона пошевелил губами и стал медленно прятать документы в сумочку.

– А срок хранения этого детского питания, – ткнул в него пальцем Кирилл, – давно просрочен. Не говоря о сроке реализации. Наверняка все переложено в заново напечатанные пачки. В наших условиях вообще любой бизнес делается преступным, и идет во вред не только потребителям, но и самим бизнесменам. Они не только губят свою душу, но и портят нервы, а от этого болеют всеми болезнями и совершают непоправимые ошибки, которые в конце концов стоят им жизни. Вы все вдумайтесь – на Кого вы работаете.

Невысокий и самый юнолицый из бандитов переступил перед проповедником и картинно размял правую руку, напоказ отводя ее.

– Двух ослов одним ударом, – объявил он номер и развернулся.

– В молодости я тоже мечтал стать бандитом, – поспешно проговорил Кирилл ему в глаза. – Мне хотелось быть сильным, храбрым и богатым, чтоб парни меня боялись и завидовали, а девушки восхищались и любили. Но мне не хватило храбрости и физической силы. И тогда я сам стал любить всех, и сила моя оказалась в этом. Я хочу вам только добра.

– Добрый, как следователь, – покрутил головой раздумавший бить браток.

Сотоварищ покосился на него неодобрительно и как бы невзначай коснулся навороченного креста на соответствующей цепи:

– Вы что... типа странствующего монаха? – на вежливом уровне попытался уразуметь он. – Так мы с церковью... как бы вам сказать... сотрудничаем.

Человек был демонстративно неопасен и необиден. И как-то даже хотелось не наказывать его за то, что без понятия лез не в свое дело. Блаженный идиот... бывает. При том, что в странности его присутствовало что-то диковатое и необъяснимое, а необъяснимость есть род скрытого предостережения.

Фургонов стояло уже четыре, а напротив распахнул все четыре дверцы грязно-розовый «крайслер», и оттуда смотрели четыре смуглые щетинистые лица явно кавказской национальности. Четыре сбоку (ваших нет). Наступал час пик, и плотная пробка ползла по Ленинградке в обоих направлениях.

Уже после кольцевой, за Химками, въезд выглядел так: на ослике, который из почти белого приобрел тот самый серый цвет, который и был наиболее распространен и подобию ему от природы, сидел долговязый и бородатый молодой человек в измызганном плаще переходящего колера: от кремового ворота к буро-черный полам; за ним ехал полосатый, как зебра или милицейский жезл, «опель» с мигалкой; следом – БМВ гигиенических оттенков грязного шоссе, сизо-коричневый «крайслер» с розовой крышей и четыре тридцатитонника на шести осях каждый. Скорость течения дорожного потока позволяла ослику трусить привычным для него шагом. Водители встречного автотранспорта бросали взгляды на нехарактерное средство передвижения.

4.

В закоулках у Водного стадиона в щель казенных бетонных заборов вылез зачуханный солдатик. Он послал одинокому всаднику полный зависимости взгляд и вежливым гражданским голосом попросил:

– Простите, пожалуйста, у вас сигареты не найдется?

Шейка у солдатика была, как у балерины, только хуже вымыта. В хэбэ въелся запах прогорклого кухонного жира.

Он колебался на своем скелете, как на вешалке. Припаханный салабон, которого дед погнал за фильтром.

– Здравствуй, воин, – улыбнулся Кирилл и слез с ослика. – Тут мне недавно кое-что подарили... на память о встрече: как раз пора разговеться. – И сделал приглашающий жест на сломанный ящик под деревом.

Из бездонных карманов плаща были извлечены: початая темная склянка «Амаретто», кусок датского сервелата, сникерс и пачка «Парламента». Солдатик дрогнул кадыком и вздохнул.

– Чтоб легче нам служилось, уж что выпало, – со смыслом произнес Кирилл тост, приветственно приподнимая бутылку, глотнул и передал: – Половина твоя. – Переломил колбасу: – Закусывай.

Потом они покурили, и Кирилл послушал, что кормят впроголодь помоями, а дедовщина, конечно, есть, куда денешься.

– Вот станешь сам стариком, захочешь припахать молодого – а ты вспомни нашу встречу и будь добрым, – пожелал он солдатiku и вытащил ему из пачки пять сигарет. И дал еще на прощание пятьдесят рублей.

5.

Ослика он оставил на детской площадке. За гаражами трое малышей лупили четвертого. Судорожно зареванный, он пытался отмахиваться неуклюжими в синем дутом комбинезоне ручонками.

– Сейчас я вас накажу, – ясным голосом предрек Кирилл.

Они задрали головы и остановили движения.

– Вот вам теперь будет! – с подловатой мстительностью закричал обидчикам побитый, отбегая к подъезду. Он воспользовался замешательством исключительно для собственного спасения. – Я все равно все расскажу!

– Я привез тебе в подарок ослика, – сказал Кирилл.

Малыш остановился. Неожиданность подобного известия может поколебать в реальности кого угодно.

Один из драчунов зачем-то потрогал подсохшую царапину на щеке и прошептал, стараясь не шевелить губами:

– Волшебник?.. на осле...

– Маленький, что ли?.. из цирка... – таким же незаметным шепотом возразил другой.

Невольное и естественное любопытство тянуло приблизиться к симпатичному животному.

Третий, самый нагловатый и злой даже в эти свои малые года, естественно реагируя на то, что ему этот несуразно-сказочный подарок все равно не светит, и вообще ничего хорошего ему в жизни не светит, если только сам хитростью или силой не добудешь, он это давно понял и другого не ждет, так что что ни делай – хуже, в общем, все равно не будет, – этот с развязностью сказал, пытаясь держаться как равный и даже свысока (ну, и чего ты мне сделаешь? я тебя не боюсь) – будущий лидер одной из бесчисленных московских группировок:

– Ты что, артист? А сюда чего приехал?

– Сделать вашу жизнь хорошей, – улыбнулся Кирилл.

– Сейчас. Это как? – с насмешкой и подозрительностью спросил лидер.

Кирилл с показным сокрушением покачал головой и обратился к обиженному, готовому чуть что юркнуть в подъезд:

– Если тебя ударят по одной щеке – не бойся, подставляй другую.

– Еще-о чего! – изумился самый маленький, прикрывая оцарапанную щеку.

Оскорбители звонко засмеялись.

– Понял? А ну подставляй! – сделал угрожающий шаг к подъезду лидер. Жертва приросла к месту и раскрыла рот квадратиком, готовая вопить.

– И тогда ты всегда будешь торжествовать над врагами, – продолжил Кирилл, слез ослика, взял его в повод и подвел к малышу. – Это тебе. Держи, ну.

Малыш ахнул, пискнул и засветился. Мир исчез. Ослик был живой, настоящий, он дышал теплом и помаргивал.

– Мне мама... не разрешит... – умер он от отчаяния и вернулся в действительность.

– Разрешит, – успокоил Кирилл. – Он будет жить у вас на даче.

– Филипка, бери! – закричали сзади.

– Давайте я возьму! Мне разрешат! – поспешно предложил другой.

– У них нет дачи, – глумливо известил лидер, рассчитанно уязвляя.

– Лучше мне дайте! Ему все равно не разрешат! – готовно и без надежды наседавал доброволец.

– А ты, Вован, не лезь! не тебе дают! – прониклись справедливостью двое других. – Может, он родственник. Понял?

– А что он ест?

– Сено, дурак!

– Сам дурак, это не лошадь, он ест морковку.

Кирилл воспитующим тоном поведал:

– А если бы вы были друзьями, это был бы ваш общий ослик. А кроме того, это ослица, у нее будут ослята, и у каждого скоро был бы свой собственный ослик.

Дети помолчали. Условие выглядело слишком нежизненным и набившим оскомину, чтобы перспектива казалась правдоподобной.

– А что для этого нужно делать? – через силу спросил наконец ослолюбивый Вован, глядя под ноги.

– Любить друг друга, – пояснил Кирилл.

Лидер перевел сентенцию на современный русский, и он поперхнулся.

– Заткнись, козел, – сказал Вован. – Чего? Что слышал. Да не лезь ты! Не драться, да... не жадничать... да?

– И не ябедничать!

Кирилл записал на пустой сигаретной пачке номер воображаемого мобильного телефона:

– Ты цифры знаешь? Спрячь. Вот: если Филипок мне позвонит и пожалуется, я приеду снова, и...

– Накажете?

– Отберете?

– Тогда узнаете, но лучше не надо. А теперь первой покатайте девочку. Как тебя зовут? Катя? Давай-ка я тебя посажу, Катя. Слезешь? А вон на тот ящик, с него удобно.

Когда мама Филипика открыла на звонок дверь и увидела на площадке девятого этажа сына, держащего за повод грязноватого живого осла, она естественно лишилась дара речи.

6.

День был весенний и грязный. На бульваре выгуливали собак. Двое ну вовсе молодых людей, похожих на проникшихся идеей десятиклассников, благодетельно сунули Кириллу брошюру «Путь к спасению». Дешевая серая обложка была украшена патриаршим крестом.

– Спасибо, – деликатно отказался Кирилл. – Простите, у меня собственный взгляд на этот предмет. – Он всячески старался не обидеть юношей в их лучших намерениях и религиозных чувствах.

Адепты настаивали с превосходством посвященных.

– Вы прочтите, и многое поймете, – убеждал доброжелатель в сереньком пальто. Неко-лебимая убежденность его тона словно покоилась где-то на горней твердыне и раздражающе контрастировала с инкубаторским личиком потребителя паракультуры.

– О чем вы... – поморщился Кирилл, и застонал: сорвался: – О чем вы! Вы что, считаете себя последователями Христа?! Что, хоть кто-то из тех, кто нес в мир христианство ценой своей жизни, носил шитые золотом одеяния? Или строил забитые золотом храмы? Или молился изображениям, нарисованным красками на досках? Это же та церковь, которая веками благословляла оружие своих государств! И молилась за благоденствие кровососов-правителей. Собирала с простых людей налоги и пожертвования и составляла себе богатство. Жгла инакомыслящих, продавала должности и отпускала грехи за деньги. Церковь объявила себя посреднической фирмой между людьми и Богом... бестолочи вы! Дилеры, супервайзеры, рекламщики... идиоты. А сегодня русская православная церковь – один из крупнейших в стране торговцев табаком и алкоголем, выхлопотала себе налоговые льготы, учредила фирмы и зарабатывает миллионы на ввозимой водке и сигаретах! А вы – стадо заблудшее: вам что в комсомол, что в церковь – лишь бы строим и с песней. Подите прочь, безмозглые торговцы!

И он выбил из рук того, который был молчалив и прыщав, большую кружку для пожертвований с прорезью и замочком. Кружка упала в лужу. С неожиданной ловкостью и прытью прыщавый сборщик пожертвований ударил Кирилла в ухо.

Татарин-дворник перестал шаркать метлой по дорожке, посмотрел на осквернителей своей территории с ненавистью и стал злобно дуть в свисток:

– А ну нечего тут безобразничать! (Нарушители были несерьезны, власть его.) Пошли отсюда! Верующие люди так себя не ведут.

Стриженный качок с бультерьером на поводке посоветовал:

– А ты не суйся... мусульманин!..

Двое чеченцев, мирно отдыхавших на лавочке, как бронепоезд на запасном пути, превали свою беседу и перешли на русский:

– Тебе не нравятся мусульмане, братан? – вкрадчиво спросили они, показывая готовность встать.

Пузырчатое кипение внутри Кирилла ударило через край и полыхнуло перед глазами розовым и зыбким.

– Во-он отсюда!!! – заорал он на юных распространителей религиозной литературы, еще недавно бывшей опиумом для народа. Исказившееся лицо подергивалось нешуточным чувством. Десятиклассники почли за благо удалиться по возможности независимо, оглядываясь на шум начавшейся свары. Из притормозившего «газона» лениво следил милиционер, оценивая, есть ли смысл вмешаться: сулит ему это какие выгоды, и не перевешивают ли их возможные хлопоты или даже неприятности.

7.

Само собой, он должен был устроиться в школу. Тут сложностей не предвиделось: зарплаты ниже прокорма, и те затыгивают, все разбегаются.

Ближайшая голубела тут же, за оградой и голыми деревьями – ностальгическая архитектура мажорных пятилеток, сплошные ряды высоких оконных переплетов.

Плащ перекинул через руку чистой подкладкой наружу.

– Своих учителей девать некуда, голубчик... – вздохнул директор, даже не интересуясь дипломом. – Рождаемость... Классы сводим. Все трясутся доработать до пенсии, о чем вы...

Кирилл растерялся. План дал трещину глупо и некстати. Ночлега и знакомых не было. Портрет президента над директорским столом пронзал печальным взором спецслужбиста.

Но – проблеснуло неожиданно. В школе обнаружилась вакансия дворника и по совместительству кочегара. Прежний выпил чего-то ценной в соответствии зарплате, и волшебный эликсир перенес его в то дальнее зарубежье, где всеобщая безработица есть синоним вечного счастья.

– Один кочегар на четыре ставки не справляется... – раскладывал огорчение по деталям дир. – Все старье, на угле, женщину на тачку не возьмешь... а дворником – работать надо, зимой каждый день территорию убирать. Если вам это подходит – то считайте, что повезло: вовремя.

Улыбка кандидата была сочтена за туманное пренебрежение.

– Служебная жилплощадь, – подсластил он. – У вас с жилплощадью как? Лимитная прописка. Да, вы москвич? Решайте. У нас учительницы по совместительству уборщицами работают, еще спорят за эти ставки. Полы протерла – и как за пять уроков... никаких тебе проверок тетрадей и нервотрепки.

Старомодные часы с маятником в форме серпа захрипели и бомкнули.

В коридоре загрохотало и захлопало.

– Когда приступать? – спросил Кирилл.

Директор пожал плечами, сумев вложить в этот неопределенный жест одобрительное и даже дружеское выражение:

– Как обычно – вчера.

– Но в таком случае у меня к вам есть еще одна просьба...

8.

Проститутка была тощая, юная и даже милая. Скорее всего она походила на побитую бедными заботами и закаляемую ими же студентку техникума. Дитя рабочей провинции. «Сложение астеническое», – вспомнил Кирилл картинку из учебника анатомии и физиологии. Почему-то казалось, что изо рта у нее уловимо веет ацетоном: не то генетическая предрасположенность к туберкулезу, не то просто специфика обмена веществ.

Спозаранок она шлепала пешком – как оказалось, после неудачной ночи. Сначала спросила сигарету, потом напросилась на чашку кофе – «согреться».

– Согрелась, – пробурчал Кирилл, снимая ее с колен. С ней хотелось не столько заниматься сексом, сколько плакать. Взять даже немножко денег за просто так у дворника она отказывалась: не позволяли совесть и профессиональная этика, как она отрезала в прямых выражениях.

– А чего это ты такой добрый с блядью? – спросила она. – Ты сектант или импотент?

– Не называй себя так, – попросил Кирилл.

– Ути, какие мы деликатные, – презрительно сюсюкнула она. – А как тебе хочется? Платная девушка? Путана? Ночная бабочка? Жрица любви? Какой культурный дворник.

– Ты просто бедный ребенок, которому хочется человеческой жизни. А жизни нет. Давай лучше подумаем, чем я могу тебе помочь.

– Ой, – протянула она, – сейчас я заплачу. Помочь! Трахнуть и заплатить.

Она нашла в чашке на полке семечки и стала лузгать. Весенний рассвет бил сквозь зарешеченное, как в камере, окошечко дворницкой под потолком. Время года, суток и освещение решительно настраивали на бодрый лад.

– Ни в ежа, ни в ерша, ни в рогатую кошку, – посочувствовал Кирилл. – Да не ерепенься ты так! Ты же очень хорошая на самом деле. И сама знаешь, что в конце концов все у тебя будет хорошо.

Она брызнула шелухой и показала ему кукиш.

– Не люблю чокнутых, – объяснила она.

9.

А просьба к директору заключалась в организации философского кружка.

– Поскольку вообще-то я думаю о преподавании... – изложил Кирилл, – можно, пока ставок нет, вести хотя бы кружок? Бесплатно, – поспешно добавил он.

Из слов «философский» и «бесплатно» директор обратил внимание на второе.

– Бесплатно? – переспросил он с сомнением. – Ну, почему же нельзя. Бесплатно можно. Очень хорошо! – И хлопнул Кирилла по плечу. – Если, конечно, наши современные детки в свое свободное время станут к вам ходить...

Вопреки опасениям директора, народу собиралось до дюжины. Ребятки отнюдь не были так тупы и меркантильны, как любят пожаловаться бестолочи из «поколения отцов».

Как всегда свойственно жаждущей молодости, они хотели знать – но чтоб те знания имели отношение к смыслу жизни: вранье, что знания сегодня не в цене и не в чести, все больше сводясь к тому, как сделать деньги.

Еще больше они хотели верить – но вот насчет верить проблем было еще больше: что ни месяц телевизор оповещает о новых открытиях, и каждое все глубже располагает к разочарованию, безнадежности и цинизму: все врут, все продажны, вместо перспективы – альтернатива: податься в волки – или в бараны. Сильный зол, добрый бесправен. Умный – сволочь, хороший – глуп.

– Почему же они наверху все такие шкуры, Кирилл Андреевич?

– А вы что, собрались в депутаты? Нас здесь с вами не интересует карьера, правда? Нас интересует гораздо более важная вещь: как устроен этот мир, и как быть в нем счастливым. Вот к этому и сводится философия.

Больше всего фокусники и философы опасаются детей. Устами младенцев глаголет голый король. Лапша не держится на ушах.

– А самые мудрые философы были счастливы, Кирилл Андреевич?

– Да! Но не так, как самые сытые и богатые. Их счастье было в том, что они знали и поняли все, что можно. А это кайф, дети!

10.

– Расскажите, что же привело вас сюда? – спросил Познер, телезвезда и ведущий передачи «Человек в маске» своим обаятельным, с ноткой всепонимающей печали голосом. Голос был добр, но внутри этой доброты можно было различить несогласие со всем на свете.

Интересно, это у него баритональный тенор или тенорный баритон, подумал Кирилл.

Под маской было душно. Высокий стул с прямой спинкой и подлокотниками напоминал электрический. Студия быстро накалялась слепящими лампами, и закрытое лицо вспотело. Ряды зрителей терялись за подсветкой. Обстановку трудно было назвать комфортной для раскрытия души. Зато рейтинг передачи был высок, и сейчас Кириллу готовы были внимать миллионы.

– Я должен сказать всем истину, которая покажется им неприятной, – сипло выговорил он и откашлялся. Присадку для изменения голоса он отверг за ненужностью, но все равно из-под маски и через микрофон звучало странно.

– Человечество только и делает, что выслушивает от всевозможных пророков неприятные истины, – легко подхватил Познер в свой микрофон, присаживаясь на краешек высокого табурета. – Почему же ваша истина такова, что вы решили скрыть свое лицо от тех, к кому обращаетесь?

– Потому что нет пророка в своем отечестве, а под маской я перестаю быть человеком и превращаюсь... как бы... в персонаж античного театра, носителя конкретной идеи.

– Вот как, – кивнул Познер и подался вперед, прошелся. – И какова же идея?

– Дело не в том, что мы грешим. Дело в том, что часть своих желаний и поступков мы всегда определяем как греховные. Суть не в том, что нам свойствен грех. Суть в том, что нам свойственна особенность, потребность ощущать себя в чем-то греховными. Вы понимаете? Первичен не грех. Ни один поступок, ни одна мысль сами по себе не могут быть греховны. Они становятся греховными тогда, когда наша потребность в греховности определяет – а вернее сказать, назначает – какие-то мысли и поступки как точки приложения себя, области реализации себя. А почему? А потому что человек всегда неудовлетворен этим миром. А мир для него – представление внутри него самого. И он неудовлетворен собой. Почему? Потому что он энергоизбыточен. Он по природе своей изменчив. Он всегда имеет идеал. Идеал означает, что реальность недостаточно хороша, недостаточно правильна, требует изменения. Грех – это ножницы между идеалом и реальностью, и только. А поскольку идеал как противопоставление реальности недостижим в принципе, как горизонт, то понятие греха всего лишь обозначает, что наш удел – вечное преобразование мира. Вы понимаете?

– Пока я не понимаю – и аудитория, кажется, тоже. Итак, вы отрицаете понятие греха? Так, ну и что же? Были и такие теории.

– Вы ошибаетесь. Таких теорий не было. Хотя понятие греха, действительно, некоторые отрицали. Но с других позиций. Хотя это – частность, главное не в этом.

– А в чем же?

– Почему человек не живет по уму? – задал вопрос Кирилл и начал успокаиваться, чувствуя, что сейчас начнет говорить главное – просто, ясно и неотразимо. Вот он – миг, час, его звездный час, ради которого он явился на свет. – Почему живет не по совести и не по добру: воюет, жадничает, губит жизнь из-за ерунды и так далее, а теперь вовсе может всю жизнь на Земле уничтожить?

Вот главный, отправной вопрос: почему человек сплошь и рядом, добровольно, по собственному выбору, понимая смысл и последствия своих поступков, поступает себе же во вред? И знает – а делает: вот хочется и все, сил нет отказаться. И говорит себе: здоровьем заплачу, счастьем, жизнью, благополучием близких, – но сделаю: весь смысл жизни для меня сейчас в этом, без этого ничего мне не надо.

Это карьера, это сражение, это выбор партнера в любви, это погоня за богатством и славой, это следование порокам, от которых вроде бы можно и отказаться, ну, типа игры или курения.

Проще всего ответить: это его Дьявол подталкивает. Это самый простой ответ, который ничего не объясняет. Дополнительная вводная, вроде постоянной Планка. Дьявол – это этикетка, которую удобно наклеить на все, что представляется плохим и неправильным. Греховным. Налепил этикетку – и успокоился. Как говорят турки: «Главное – дать происходящему имя, а там хоть ковер из мечети выноси».

– Если сейчас вы скажете о вечности двух начал – Добра и Зла, и вечности борьбы между ними, то это, в общем, манихейство, – сказал Познер, и Кирилл был приятно удивлен его образованностью. – Пророк Мани умер в тюрьме полторы тысячи лет назад, и вам нет никакого смысла страдать за его учение. Действительно, оно веками вызывало в мире сильный резонанс. Если у вас есть ваша собственная теория, оригинальная, то давайте, изложите нам ее. В чем же она, ваша истина?

– Хорошо, – сказал Кирилл. – То, что я вам сейчас буду говорить, до меня не говорил никто. Это последняя философская система уходящего тысячелетия. Универсальная и всеобъемлющая. Кстати, в русской культуре первая вообще.

Многие частности покажутся вам знакомыми, иначе быть не может. Любой философ знаком с предшественниками, черпает у них что может, переосмысливает и идет дальше. Не путать с компиляцией или тем более с плагиатом.

Все мы стоим на плечах гигантов, но не все при этом карлики. Никто до меня не сводил воедино все, о чем я скажу. Никто не рассматривал все в мире и человеке воедино с такой точки зрения. Никто не приходил к таким выводам – как частным, так и результирующему.

Итак? Поехали.

Мы говорили, что часто человек поступает как бы во вред себе. Сознывая это! В чем дело?

Все поступки человека определяются его стремлением к ощущениям. Как положительным – так и отрицательным! Ему потребны и те, и другие! Субъективно жизнь человека есть сумма ощущений. Заметьте – такая точка зрения уже высказывалась, но: далеко идущих выводов из этого никто не делал, и со всем мирозданием никто не увязывал. Почему-то.

Давайте для простоты я буду как бы перечислять. Как бы по тезисам.

Первое. Каждый человек знает, что ему надо для счастья. Богатство, здоровье, любовь, слава и так далее. И почему-то что-то ему вечно мешает поступать так, как надо бы для достижения этого: пьет, курит, губит планету, не женится на любимых, то ему совесть мешает, то

вспыльчивость, то свободой своей дорожит то сиюминутным искушениям следует. А самое смешное – самые богатые, знаменитые и любимые совсем не самые счастливые. Почему?

Второе. Что для человека главное? Он перечислит то, о чем мы только что говорили. Деньги, любовь, здоровье, слава и так далее. Это для него – атрибуты и синонимы счастья. Это главное. А так ли? Жизнь наша – сплошное прошлое, настоящее – лишь тут же отходящий в прошлое миг. И вот когда человек вспоминает главное в своем прошлом – лучше, ярче, яснее помнится не то, что связано с главным в жизни и карьере, а как бы мелочи неожиданные, и еще – миги главных душевных напряжений, миги наибольшего обострения всех чувств. Смерть подо всем черту подводит – и главным оказывается в основном не то, что человек раньше думал.

Третье. Главным оказываются максимальные ощущения. Максимальные напряжения чувств. Война, любовь, тот труд, когда жилы рвал. Но не только, а еще – на рыбалке в тихую воду смотрел, с другом детства за бутылкой курил. Сила ощущений не зависит прямо от действий, которыми ощущения вызваны, иногда действий и вовсе нет, а просто хорошо, или плохо, или даже неважно как, а просто все чувства обострены, и в память это западает. Вот это для человека на самом деле и главное.

Четвертое. Счастье не во внешних обстоятельствах, а в нашем внутреннем состоянии. И, значит, для достижения счастья надо не гнаться за внешними обстоятельствами, а приводить свой внутренний мир в такое состояние, чтоб быть счастливым. Ни от чего. От всего. Небо голубое, дышится приятно, не болит ничего, и вообще кайф. Буддизм, грубо говоря.

Пятое. Тогда – пошли все в буддисты или наркоманы. Кайф. И не надо пуп рвать. Нюхнул, вколлот, накатил – и счастлив. Млеешь. Просветляешься. По сказочным мирам путешествуешь. Некоторые так и делают. Так почему не все?

Шестое. А потому, что для этого оказывается ненужным очень многое, что есть у человека. Ум. Физические силы. Воля, характер, энергия. Быть счастливым и без этого можно. Жми лапой педальку и замыкай электроды в центре наслаждения в мозгу. Да такая крыса счастливее трудяги-пахаря. Почему все не идем в крысы? В наркоманы? Почему большинство хочет думать и действовать?

Седьмое. Потому что самый сильный инстинкт – это вообще инстинкт жизни. Жить хочца! Да, но жизнь – это ощущения? Буддист, наркоман, фанат компьютерных игр – это ощущатель. А трудяга-пахарь – это действитель. А жить – это значит не только ощущать. Жить – это значит действовать. Нам на фиг не надо горы переворачивать, и так жить можно. Можно? Нам – нет. Инстинкт жизни заставляет действовать. Чем больше гор свернул – тем полнее твой инстинкт жизни себя реализовал. А этот инстинкт – база твоего всего.

Восьмое. *Человек – это двухуровневая система.* Он существует одновременно, диалектически, в двух уровнях: уровень ощущений и уровень действий. С точки зрения человека как субъекта его жизнь – сумма ощущений. И инстинкт жизни велит наощущать за жизнь как можно больше всего, хорошего и плохого, всякого, – это и есть жить. А с точки зрения человека как объекта, стороннего предмета, части вселенной, жизнь его – это сумма действий. Чем больше всего за жизнь переделал – тем больше прожил, тем полнее твой инстинкт жизни себя реализовал. Человек стремится не только к максимальным ощущениям – он стремится к максимальным действиям.

Девятое. Но мы говорили, что максимальные ощущения возможны без максимальных действий. Так на фига нам действия? Мы горы сворачиваем не потому, что Бог дневную норму задал, а потому, что хотим своих личных целей достичь, своим собственным желаниям следуем. И других кнутом и автоматом заставить пытаемся наши желания выполнять. Мы же утверждаем, что мы разумные – так на фига мы пуп рвем и себя и планету гробим?

Десятое. Это заблуждение, что от природы нам дан разум. А куда девается разум у младенцев, которые были похищены волками и вообще животными, у этих Маугли? Таких случаев

описаны сотни. Возвращают десятилетнего ребенка в людское общество – а он уже навсегда животное. Не разумнее шимпанзе. Скелет нам – дан. Мышцы – даны. Обмен веществ – дан. А разум – тут тоньше. *Нам дан не разум, а только способность к разуму.* Она может быть реализована, а может и нет.

Одиннадцатое. Маугли и Тарзан могут то, чего нормальный человек, и даже чемпион мира по акробатике, туризму и бегу на четвереньках не может. Они спят в холоде, переваривают сырое мясо и развивают нечеловеческие усилия при беге или лазанье по деревьям. Словно их психическая энергия пошла не в ум, а в выведение физических возможностей за человеческие пределы.

Двенадцатое. Почему человек, без клыков, когтей и шерсти, стал царем природы? Умный? А много ли ума надо в Полинезии бананы рвать? Или в степи корни выкапывать? Рассмотрим чисто физический аспект. Человек переносит такие перепады температуры, давления, влажности, периоды голода и жажды, которые в комплексе ни одно животное не перенесет. Сдохнет. Спросите биологов и работников зоопарков. У человека чисто физическая способность к адаптации выше, чем у любого животного. А это значит, милые мои, что инстинкт жизни в человеке присутствует в большей степени, чем в любом животном. Жизни в нем больше, понимаете? А что такое жизнь?

Тринадцатое. А жизнь, в первую очередь, это – изменение. Изменение системы: я – окружающий мир. А можно сказать иначе: жизнь – это энергия. Что такое энергия? Это способность к производству какой-либо работы, действий, изменений. Человек более энергичен, чем любое животное. Зачем Робинзон бесконечно совершенствует свое хозяйство, если и так уже выжил, и неплохо? Зачем человек изобретает все новую дрянь, если и со старой жить можно? А – энергичен! Мир переделывает.

Четырнадцатое. Инструменталисты рассматривают разум как продолжение руки. Плуг изобрести, порох, автомобиль – и увеличить свои физические возможности. Но не отвечают на вопрос, на хрена человеку это нужно и почему ему это хочется. Не так все просто. Разум – это трансмиссия, проводник, двухсторонний декодер между чувствами и действиями. Благодаря разуму человек чувствует всего всякого много больше животного, причем по поводам, которые сам изобрел. Электромагнитные волны проходят в воздухе, изменяются в ящике, складываются в звуки и изображение – и человек балдеет от того, что футбольная команда на другом континенте вкатила кожаный шар меж двух жердей. Орет, прыгает! Посредством разума мы массу действий, не имеющих ни малейшего практического, выживательного, значения, переводим в сильные положительные и отрицательные ощущения. А ощущения – в действия, в свою очередь: хочу быть крутым, изобретаю атомную бомбу и убиваю миллион человек.

Пятнадцатое. Человек не стремится к тому, чтобы достичь какого-то идеального положения или построить идеальный мир. Это ему только кажется. Он стремится к тому, чтобы этот мир изменять. Уровень достижения – всегда промежуточный. Идеал как горизонт. *Его интересует уровень изменения.* Постоянно. Тут человек не волен. Запас жизни ему диктует. Повышенная энергетика заставляет действовать. Человек и в античном мире неплохо жил. Пища есть, кров есть, размножаться можно? – ну так чего тебе еще надо. Все так называемые человеческие ценности – ценности излишние с точки зрения просто проживания и выживания. «Не хлебом единым» означает: мне мало просто жить. А чего мало-то? А вот хочу еще чего-нибудь. А что значит «хочу»? Значит – неудовлетворенность ощущаю, желание. Ощущаю! Думаю. Действую. Зачем, почему действую? О, масса причин придумана. Но в основе – ощущение и немотивированное, с точки зрения простого проживания, желание. Таков путь к действию.

Шестнадцатое. *История человечества – это история все более значительных, капитальных действий.* Разум стал силой геологического порядка, справедливо заметил Вернадский,

хотя о том же еще Бэкон говорил. А переделыватель-человек не унимается. Не может. Устроен так. *Ибо жизнь – это: ощущение, осмысление, действие.*

Семнадцатое. Если представить себе, что действия человека становятся все более громадными, причем перспектива – без ограничений, времени у Вселенной впереди полно, – то какое действие можно вообразить себе как самое громадное, предельное, максимальное? Что есть такого, больше чего уже быть не может? Правильно, товарищи. Это переделать всю Вселенную. В идеале – создать Вселенную! Равнобожий поступок. Или – уничтожить Вселенную! По абсолютной величине это одно и то же.

Восемнадцатое. Я завершаю. Объективная конечная цель человечества – уничтожение нашей Вселенной и одновременно и тем самым создание Новой Вселенной. Вот так с точки зрения Вселенной получается.

Резюме. История Вселенной – это эволюция энергии во все более структурированную материю. Этот процесс как бы материального консервирования энергии сопутствует ее растущей энтропии. Однако не уравновешивая ее – казалось бы, с механистической точки зрения.

Человек уже научился выделять термоядерную энергию, «законсервированную» в материи. И еще многому научится.

Во Вселенной кроме энергии ничего нет, строго говоря. Все формы материи – вид энергии. Энергетический уровень рассмотрения всего – это базовый, основной, фундаментальный уровень.

Человек – это часть совокупного человечества, которое – часть совокупной энергии Вселенной. И в качестве такового имеет свою вселенскую функцию, ибо ничего нефункционального в мире нет и быть не может. Если что-то кажется нам «бесполезным» – это только потому, что у нас может быть ограниченное представление о «пользе» и отсутствует видение явления как аспекта общих законов Вселенной.

Живое вещество энергетически выше неживого: в процессе своего существования оно в единицу времени своей массой вносит больше изменений в систему «я – мир», чем любое неживое той же массы в то же время. А человек энергетически выше, качественно выше любого другого живого вещества.

Вы скажете: а звезды, где материя переходит в энергию с такой интенсивностью? Не надо упрощать. Семидесятикилограммовый человек уже сейчас способен превратить в излучение тонны материи при термоядерной реакции. Кстати о разуме как силе.

Не исключено, что к моменту тепловой смерти Вселенной какое-либо будущее человечество сумеет выделить всю энергию из всей, ставшей косной, материи, и часы начнут тикать по новой.

Что же касается собственно человека, то вкратце так:

Человек стремится к максимальным ощущениям, реализуя заложенный от природы инстинкт жизни. Разум есть оформление избытка энергии человека в ее психическом аспекте. Благодаря этому избытку – действия человека носят опосредованный характер: примитивное осуществление желаний носит все более технически сложный характер со все возрастающим материальным результатом.

Остается лишь добавить, что предела своих возможностей человек, естественно, не знает. А потому сравнивает собственные достижения с достижениями других. Отсюда потребительское соревнование, ничем в принципе не отличающееся от соревнования в спорте, науке, удали молодецкой и так далее. Мечтая о счастье, человек втягивается в бесконечную гонку карьеры и приобретения: так он мерит для себя степень своей реализации.

Инстинкт жизни. Постигание всего через ощущения. Жизнь как сумма ощущений. Стремление к максимальным ощущениям (для каждого они свои). Мышление как возможность получить ощущения от действий сверх жизненно необходимых. Одновременно мышле-

ние как орудие к удовлетворению ощущений – к совершению действий. Тем самым стремление к максимальным действиям – вплоть до уничтожения и воссоздания Вселенной.

При этом – человек как двухуровневая система. Он объективно, физически, реализует себя на уровне действий. А субъективно реализует себя на уровне ощущений – их поиска, добывания, создания, переживания. Один уровень не может быть понят без полного и всестороннего рассмотрения другого.

Однако, время. Спасибо за внимание.

Кирилл перевел дух, слизнул под маской пот с верхней губы (тонкая ткань, которой она была оклеена изнутри, стала мокрой и пахла ацетоном от нитропропитки папье-маше) и посмотрел на часы. Черт, три четверти вырежут! А, хоть этим, что здесь, сказал.

– То есть, вы изложили нам некоторые взгляды позитивистского толка, – непринужденно сказал Познер. – И должен вам заметить, что ничего принципиально нового я, мне кажется, не услышал.

– Не услышали, – безнадежно сказал Кирилл. Ему хотелось хватить стулом об пол, чтоб рассыпался, и одновременно хотелось плакать. – Хотя слушали.

– Никто не говорил, что все действия человека и человечества есть стремление к максимальным действиям через максимальные оптимальные ощущения, – сказал он, и продолжал быстро и раздраженно:

– Никто не говорил, что физически человек имеет самый большой из живых существ ресурс выживаемости.

Никто не говорил, что человек обладает от природы не разумом, но лишь способностью к разуму.

Никто не говорил, что разум есть оформление избытка психической энергии человека. Которая есть аспект его общей повышенной, по сравнению с прочими животными, энергетики.

Никто не говорил, что именно повышенная энергетика есть коренное отличие человека от прочих живых.

Никто не говорил, что человек выделился из прочих живых, когда овладел огнем. Присоединил к своей энергии энергию вещества планеты. А до того: и волки отлично организованы для охоты, и обезьяны пользуются орудиями, и дельфины имеют праязык из сотен сигналов.

Никто не говорил, что история человечества – это история энергопреобразования вещества Земли, история совершения все больших преобразующих действий на планете.

Никто не говорил, что разум есть двухсторонний декодер между ощущениями и действиями, и посредством разума можно получать массу ощущений, невозможных непосредственно органами чувств.

Никто не говорил, что стремление к свободе есть проявление второго закона термодинамики: стремление к такому положению, при котором можно выделять максимум энергии – что хочешь, все то и можешь. Стремление к конечному абсолютному покою через выделение всей обладаемой тобою энергии. Никто не видел в святом и воспетом стремлении к свободе соответствие общим законам физики мира.

И никто не сказал – о да, конечно, сделаем оговорку: с материалистической точки зрения – хрен ли делает человек во Вселенной, на фиг нужен? Был или идеализм, или антропоцентризм. Даже странно, правда?

И никто не увязывал экзистенс с материалистической Вселенной. Не проводил линии от мечты о счастье до Большого Взрыва. И не рассматривал все сущее на той единой базе, что я.

И никто не говорил, что человечество не может погибнуть, пока не выполнит это свое предназначение!

А вы, безграмотные тупицы, слегка знакомые с институтским учебником философии и эрзацем для умственно бедных с фабрики Кастанеды, морочите мне яй... мозги и пытаетесь

снисходительно похлопывать по плечу. А мудрыми называете тех, чьи умственные способности сродни вашим.

Я пришел сюда, чтобы открыть вам истину, а не для того, чтобы дискутировать с вами. И подавитесь этой маской, которую вы норовите напялить на меня в дурацкой передаче о вашей дурацкой жизни!

Потом говорили психолог, социолог и двое из зрителей.

– Вы не хотите снять маску?

– Не могу! Вы слушаете лишь тех, кто в масках. Прочих вы считаете равными себе.

Уйти он сумел хотя со скандалом, но без милиции. Было понятно, что выход передачи в эфир, даже в сильно урезанном виде, крайне проблематичен. А что делать?.. Сказать-то надо было.

«Достаточно, если поймут немногие, – бормотал он под нос, бредя ночной улицей под дождем – дождь был весенний, теплый. – Достаточно, если один. Достаточно, если ни одного...»

11.

Последний вечер философского кружка прошел печально. Из пустого класса спустились в дворницкую. Ненадолго Кирилл оставил гостей, пошуровал огонь в кочегарке и набросал поверх побольше угля. Прикрыл поддувало. До утра будет рдеть, тлеть, греть, гореть. Тепло уже. Весна.

Тахты, скамьи, двух стульев и табуретки почти хватило. Двое уселись на полу, с видом удобства скрестив ноги.

– Через сорок минут затекут, – предупредил Кирилл, – проверено. Но нам, наверное, хватит.

Достал из шкафчика три бутылки дешевого вина и развел красную струю по одноразовым стаканчикам из мутного пластика. Поить школьников водкой представлялось непедagogичным. На закуску оказалась чья-то булочка.

– Что вы так резко уходите, Кирилл Андреевич? – были вздохи. – Скучно без вас будет.

– А что ж ему, так дворником и упираться? Конечно вам надо в институте преподавать.

Кирилл поднял стаканчик и через силу подмигнул:

– Ну – за все хорошее, господа ученики! А на будущее – не думайте, что если вы умные, так вас будут понимать. Или вообще слушать. Давно и не нами сказано: истину вообще нельзя сказать так, чтоб ее поняли...

– А что же делать?

– Ну, есть продолжение этой фразы: «... ее можно только сказать так, чтобы в нее поверили».

Было молчание, подобающее моменту, и дюжина пар глаз, и колеблющийся огонек свечи, зажженной для интима, и сигаретный дым, и смутные мысли о разном. Хорошо; грустно; подобающе. Потом один спросил:

– А как это сделать? Чтобы поверили.

– Ну... Пока не распнут – не поверят.

– Не очень веселая перспективка.

– Ну... дело такое.

12.

Пластит был давно куплен в Крыму. Не нужен стальной капкан вместо ума, чтобы сообразить: пластиковая взрывчатка удобнее прочих для подводных диверсий, а учебные базы бое-

вых пловцов не могут не быть на Черном море. И поскольку Украина беднее России, украинские вояки за те же деньги более сговорчивы и продажны. Найти по каталогу в библиотеке пару книг о героях морских глубин проще простого. Почерпнутая информация позволяла, не вдаваясь в военные тайны, выдавать себя нечаянными деталями за «боевого тюленя», списанного по здоровью. Бутылка горилки безотказна в качестве универсального средства для завязывания дружбы; самостийной мовы с кореша не требовали, моряк моряку все-таки моряк. Стрижка, кожа, адидас и золотая цепь превращают вас в братка, а принадлежность к братве объясняет интерес самым простым и естественным образом. Чего ж логичнее: братку взрывчатка нужна, дело житейское. Платит гринами, и никого ничего не касается. Лукавый и откормленный сундук-мичман с посеídoновскими трезубцами на петлицах решил все проблемы Кирилла за штуку. Сумасшедшие это бабки для простого украинского моряка, столько флот платил бы офицеру за год, если бы платил. Не удаляясь от Севастополя, Кирилл и нарыл таким образом четырехкилограммовую упаковку пластита, моток детонирующего шнура, пару метров бикфордова и коробочку с шестью детонаторами. Делов-то. Люди ранцевые ракеты грузовиками покупают.

Черную «Поваренную книгу анархиста» он приобрел с лотка на трех вокзалах.

...Теперь и настал черед этого припаса.

Однако любая диверсионная акция требует, кроме средств исполнения, операцию прикрытия. В пестрой толчее Старого Арбата он отыскал среди сувениров десяток флаг-вымпелов со славянской вязью по алому «Москва – любовь моя!», а на грязных задах Киевского рынка разжился у алкашей стираной спецовкой, кусачками и брезентовой сумкой для инструментов. Коричневые корочки с серебряной надписью «Муниципальная служба» продавались со столика всевозможных удостоверений возле «Арбатской». Напечатать вкладыш было не сложно прямо на школьном компьютере.

В канцтоварах он выбрал гербастые (почему-то, но кстати) бланки нарядов на проведение работ. Ну, а уж печать в любой мастерской вам без бюрократической волокиты сделают любую, если это только не министерство или Центробанк.

Еще нужна была раздвижная стремянка. И – часов в восемь утра следовало поймать фургончик, «москвич»-каблук лучше всего: на таких и ездят сантехники, дежурные электрики и прочие телефонисты и мелкие аварийщики.

В итоге к хилому шлагбауму, перегораживающему узкий проезд Болотной набережной позади кондитерской фабрики «Красный Октябрь» подкатил в меру раздолбанный служебный автомобильчик. Работяга предъявил зевающему вахтеру не вызывающие подозрений бумажки, матерно поворчал насчет формальностей и отправился выписывать пропуск. Май близится, вот и флаги.

Кирилл вскинул на одно плечо стремянку, на другое сумку с инструментами и, рея на речном ветру любовью к Москве, как балет «Красный мак», двинулся к Истукану. В вышине бронзовый Гулливер запутался между парусов, вантов и штурвалов, как Авессалом в ветвях. Из этого положения он усталился в сторону Лужников и Университета, как бы грозя проконтролировать развлечение и обучение одновременно.

Кирилл раздвинул стремянку у подножия монумента и поднялся. Пластит был заблаговременно раскатан в колбаски, облепившие через равные промежутки детонирующий шнур. Колбаски были вкруговую прихвачены суровой нитью к изнанке верхнего края вымпелов. Кирилл горизонтально прилепил к бронзе колбаску, прикрытую вымпелом, на высоте метров двух с половиной. Для надежности прихватил шнур скочем – бронзу пришлось протирать от пыльного налета, чтоб толком приклеилось. Он учел даже это – полил тряпку бензином для зажигалок. А пластит лип к чему угодно, колбаски пришлось бережно разъединять.

Держа и разматывая аккуратно свернутую в кольцо гирлянду, спустился и одной рукой передвинул лесенку вбок. Поднялся и повторил процедуру.

Через пять минут гигантский витиеватый столб монумента был украшен понизу кольцом алых с золотом стягов. На его фоне они смотрелись мелко и весело, как новогодние флажки на елке. Ветер мял и разбираал буквы насчет любви к Москве.

Детонирующий шнур горит со скоростью две с половиной тысячи метров в секунду. Горение с такой скоростью называется взрывом. Он обеспечивает одновременный подрыв соединенных зарядов. Скрытые вымпелами заряды прочеркивали металл ровным пунктиром.

Мощность четырех килограммов пластита соответствует мощности восьмидюймового снаряда морского орудия, проламывающего броневую палубу линкора.

Закончив работу, Кирилл закурил, глубоко затянулся и прижал огонек сигареты к обрезу бикфордова шнура. Шнур тихо и ровно зашипел, и бело-красное колечко уползло в глубь металлической оплетки от душевого шланга. Это маскировочное приспособление было также окрашено в революционный майский цвет и закреплено вкруговую под флажками. Два метра сорок сантиметров, пара шлангов соединены пропущенным внутри шнуром. И не видно.

Бикфордов шнур горит в любых условиях с неизменной скоростью один сантиметр в секунду. Погасить его невозможно. Ему все равно, в воде гореть или в песке. В воздухе для горения он не нуждается, окислитель содержится в самом материале. До детонатора, вмятого в пластик, ему полагалось догореть ровно за четыре минуты.

Пятачок был пустынным, закрытым. Здесь никто не ходил. Что и требовалось. Кирилл спрыгнул вниз и, оставив барахло, не слишком быстро зашагал к машине за шлагбаумом.

– А инструменты? – спросил водитель.

– Все равно вернуться придется, – сказал Кирилл.

– Так сопрут же, – хмыкнул водитель и дал задний.

– Вряд ли, – сказал Кирилл.

Он вышел на мосту, перед светофором на Большую Полянку, расплатившись и ничего не объясняя. Приблизился к перилам, вздернул рукав над часами и зачем-то плюнул в мутную воду. Секундной стрелке оставалось еще пол-оборота. Монумент был почти закрыт уродливым темно-бурым коробом «Красного Октября».

Металлический ветвистый кактус, порождение горячего сна гиганта, слегка подпрыгнул и косовато завис в воздухе. Основанием ему один миг служила вспышка, тут же из белой ставшая воспаленно-розовой, красной, вскурчалась пушистым дымком и растаяла. Мост под ногами мягко и тяжело дрогнул. Воздух хлопнул по лицу, как занавес. В уши не то толкнуло, не то кольнуло, и под черепом возник тихий комариный звон.

Монумент плыл, кренился, рухнул, исчез. Порскнули гранитные крошки ограждения. Два крупных бронзовых обрывка плыли в небе и кувыркались, как подбитые птицы из страшной сказки про Синдбада.

Раздался негромкий грохот и плеск падения.

Острые языки металла развернулись из основания, как клумба абстракциониста.

– Так даже лучше, – с задумчивым удовлетворением сказал Кирилл, слыша свой голос внутри головы, уши оказались заложены.

– Христофор Колумб, – сказал он, – Петру родственником не был и нас не открывал. Что ж это, в самом деле, за уподобление русских туземцам, открытым европейцами. А если ты дикарь, так за себя и отвечай.

Вдали пересыпался звон сползающих по стенам и подоконникам стекол.

– Сладкое вредно, – утешил Кирилл фабрику.

Напоследок зазвенело совсем тихо и мелодично. Выхлестнуло витраж в Храме Христа Спасителя.

Тогда загудели машины и раздались голоса.

13.

– Итак, дубина, ты хотел взорвать храм. – Лужков захлопнул пухлое кирилловское «Дело» и сдернул очки. Глубокая вечерняя тишина ощущалась во всем здании мэрии, камнем обьяв огромный, в пять окон, кабинет.

– Ну еще бы... – пробормотал Кирилл, переминаясь на ковре, и попытался приличнее пристроить скованные спереди наручниками руки: от гениталий поднял их к груди, но поза образовалась молитвенная, пришлось опустить обратно. – Покушение на устои веры и государства... Да для чего мне это надо? Я никому не враг, господин мэр.

– Но повреждения нанесены! – Лужков пристукнул ладонью. Кирилл подумал, что лицо лысого толстячка похоже на колобок, не слишком старательно скрывающий в себе взведенный стальной капкан.

– Я понимаю, – он вложил в голос сердечное сочувствие: – Храм – ваше детище, вот вам и обидно. Так я наоборот. В смысле, – добавил он поспешно, – зачем же такой храм оскорблять таким безобразием.

– А храм, значит, нравится? – переспросил мэр (не то насмешливо, не то примирительно, не то капкан изготовился щелкнуть).

– Честно говоря, нет.

– Что так?

– Довольно безвкусная коробка. Непропорциональная. Громоздкая. Но стоять, считаю, должен. Все же святилище. Символ.

– Ты, значит, считаешь себя вправе самолично распоряжаться, какое искусство нужно москвичам? А какое – взрывать!!

– Я не самолично...

– А как? Группа? Бандформирование? Или референдум провел, а я и не знал?

– Юрий Михайлович, вам известно, что в народе говорят?

– Мне известно, что в народе говорят, – уверил Лужков, и тень от лампы накрыла половину лица, как козырек. – Я и сам не аристократ.

– Известно, кепка...

– Что ты там бубнишь?

– Что Церетели – ваш друг, и использовал личные связи, чтоб воткнуть своего истукана. Что умеет делать большие бабки, и на этом тоже заработал неслабо. Что запахло ставить в столице России памятник, от которого америкашки в Атланте отказались. Да что мы – помойка для их отходов с биг-маками и кока-колой, что ли.

– Ага. Патриот, значит, нашелся.

– Если не я – то кто, если не сейчас – то когда, если не здесь – то где?

– Только без демагогии. А что ты в Останкине нес про конец света? Все у тебя увязано! – Он швырнул по столу кассету – стало быть, с передачей, так пока и не вышедшей.

– Журналисты вас не любят, Юрий Михайлович, – брякнул вдруг Кирилл.

– И не должны. Деньги они любят, славу и себя. А должны рыть правду... нужную! И говорить.

– Боятся они вас. И власти вашей. Что против вашей воли много не пикнешь.

– Плакают, плакают... И что бы им еще хотелось плакать?

– Что имеете вы со всего в городе. Даже и с книг, и с проституток, и с мафии.

– Что ж не пишут? Пусть подадут в суд, он разберется. Сорок судов я уже выиграл.

– Говорят, что в Москве крутится три четверти всех российских денег, вот вы ее и можете украшать, а по стране жрать нечего, – упрямо сказал Кирилл, вода взглядом по строю телефонов сбоку обширного стола.

– Поэтому то, что я строю, надо взрывать?

– Да не должно быть так, чтобы народ за свои же деньги получал всякую дрянь против своего желания! Все обирают, все сладко поют, хоть заики... и все плюют в рожу.

– Хороший бы из тебя шут вышел, – помолчав, улыбнулся Лужков. – Плевать правду в рожу. Как раньше при дворах, знаешь? И справочку из психушки – индульгенцию: сей дурак за свои слова не отвечает.

– Может, я и шут, но за все отвечаю, – мрачно сказал Кирилл.

– Похвально, – Лужков черкнул в настольном календаре. – Значит, так. Ты хороший парень, правдолюбец, правдоискатель, и так далее. Но ты согласен, что я, как мэр этого города, не могу допустить, чтоб здесь среди бела дня гремели взрывы, сносились памятники, стекла из храмов вылетали? Согласен?

– Согласен. Каждому свое.

– О. Насчет своего. Что тебе светит – ты знаешь. Когда приговорят – дергаться будет поздно. Я тебе предлагаю следующее. Тебе организуют пресс-конференцию – прямо послезавтра. Ты заявишь о своем полном раскаянии. Расскажешь, как мы с тобой поговорили, ты все понял, осознал... что встреча со мной заставила тебя многое переоценить, взглянуть глубже, и теперь ты так ни за что бы не поступил. Ну, там, пара благодарных слов – ай, для проформы, – перечислишь, что я сделал для города: список тебе дадут, прочтешь, выучишь... За это я обещаю тебе помилование.

– Помилование? Мне? За что?

– Ну... Дело отправят на следствие, там проведут повторную психиатрическую экспертизу, признают невменяемым... ерунда: пару месяцев посидишь почти на санаторном режиме, вредных процедур к тебе применять не будут, позаботимся. Присмотр, кормежка, а там выйдешь тихо, все позабудется. И ступай себе с Богом.

Кирилл мучительно вздохнул.

– То есть: я выступаю вашим сторонником, своим поведением привлекаю к вам симпатии – открываю ваше милосердие, доброту, радение о благе города...

– А что, не так? Или по-твоему милосердие ходит в слюнявчике? С этим стадом расслабиться не могли. Да они сами друг друга порежут и пожрут! Толпа – как дети, блага не понимает и добра не помнит. У любви к народу, паренек, рука должна быть железная. Короче, выбор у тебя небольшой. Ответ сейчас.

– Да. Душа или жизнь. Так это не выбор.

– Не понял, о чем ты мямлишь. Так договорились?

– Нет, Юрий Михайлович. Я скажу на суде все, как есть.

– Что – «все»? Как – «есть»? Кому ты «скажешь», дурень? Кто-то услышит что-то новое? Глаза раскроет? уши прочистит? И что – что-то изменится? Декабрист разбудит Герцена? И что в итоге – ты историю учил?

– Я скажу, что единственный путь быть человеком – это каждому здесь и сейчас делать все по совести и уму.

– Уму. Муму! Знаешь, как это называется? Вялотекущая шизофрения. Тебя действительно в психушку надо, – Лужков плюнул и подытожил устало: – Несешь детский лепет, а сам с бомбами бегаешь. Ну и подите вы все к черту. Я умываю руки.

Он действительно отворил в дубовой панели позади стола неприметную дверцу в помещение для отдыха, оттуда – в ванную, взял душистый французский «пальмолив» и открыл горячую воду.

14.

Косой серый дождик моросил на Поклонной горе. Асфальт дымился, и пелена подернула контуры дальних высоток.

В прокуренном «рафике» пришлось нудно ждать завершения приготовлений. Кирилл владел собой и выглядел вполне спокойным. Конвоиры, зажавшие его с боков на заднем сиденье, чутко фиксировали любое движение. От колючих волглых шинелей удушливо припахивало псиной.

Крест подвезли на грузовичке с открытой площадкой, на ней торчала колонка портативного подъемного крана. Грузовик остановился возле узкой, колодцем, ямы, намотав на переднее колесо жирную рыжую глину, оплывающую кучей у края.

Двое работяг в брезентовых куртках и касках спрыгнули из кабины. Один застропил крест и махнул. Другой нажал на кнопки маленького черного пульта, соединенного кабелем с краном. Крест косо всплыл в воздух.

Он был бетонный, шероховатый, толщиной с четырехгранную железнодорожную шпалу. Поперечина под верхним концом была в размах рук. Длинный нижний конец стропальщик придержал и направил так, чтобы он полого уперся в край ямы. Перекрестие опустилось аккуратно на ребро платформы. Оба закурили, укрывая сигареты в горсть от дождя, и стали смотреть на «рафик».

Кирилл вздохнул и пошептал.

– Ну, пойдете, – просто сказал распорядитель. Он откатил дверцу, выкарабкался, поднял воротник плаща и стал раскрывать зонтик. Зонтик заедало, судя по грубой пластмассовой ручке товар был китайский, дешевый и недолговечный, и распорядитель повозился, закрепляя соскальзывающий упор спиц.

Конвоиры с ненужной силой подхватили Кирилла под мышки и повлекли. Тот, что был повыше и понеуклюжей, наступил сапогом ему на ногу и негромко извинился.

Свежесть и влага оказались приятны. Тонкая водяная взвесь щекотала лицо. Непроизвольные приступы крупной дрожи раздражали, и Кирилл сосредоточился на их подавлении.

– Раздевать? – буднично спросил коренастый конвоир с сержантскими лычками. Сбрызнутое дождем, его лицо запахло гадким цветочным одеколоном. Напарник опять наступил Кириллу на ногу.

Распорядитель поколебался. Одетый живет на кресте дольше, иногда умирает лишь на пятый-шестой день от обезвоживания; муки его растягиваются. Нагой гораздо быстрее теряет сознание от переохлаждения, и сердце его останавливается; зимой он мучится каких-то несколько часов и засыпает в милосердном забытьи. Правда, летом нагого больше истязают комары, но в апреле их еще нет.

– Раздевайте, – сказал он голосом сурового добряка.

– Ну че, сам разденешься, мужик, или помочь?

Кирилл расстегнул плащ, стянул, встряхнул и стал аккуратно складывать, стараясь, чтоб эта невинная и законная оттяжка времени не была чрезмерной и не выглядела трусостью. Положил плащ на край платформы и подумал, начать со свитера или с ботинок. На ботинках можно долго распускать шнурки, зато асфальт мокрый.

Однако касание мокрой пористой поверхности к босым ступням оказалось неожиданно приятным, и даже очень приятным. Радость от ощущения жизни, подумал Кирилл.

Из-за ненастья зрителей было немного. Московские пробки и расстояния вообще не способствуют многолюдности подобных зрелищ. Да и пятница – день рабочий. Кто попрется получать сомнительное удовольствие от того, как человека привяжут к перекладине и так оста-

вят. Расстрел или в особенности декапитация вызывали гораздо больше интереса и собирали обширные аудитории, но случались они не так часто.

Переносные трубчатые барьеры ограждали пространство. У прохода скучал наряд мен-тов в сизых плащ-накидках с нахлобученными капюшонами. ОМОНовский фургон держался поодаль, оттуда, за явной вялостью церемонии, даже не показывались.

Пяток молодежи с пивными банками из ближайшего павильончика, пара пенсионерок, бомж с сумкой, вислый транспарант «Свободу патриотам нашего города!». Кирилл и не наде-ялся увидеть здесь кого-нибудь из своих учеников, и даже не хотел этого, но мог бы вообще-то хоть один и прийти.

– Вот сюда подойдите.

Его уложили спиной на бетонную балку, наклонно опирающуюся на край платформы грузовичка. Плечи довольно удобно поместились на перекрестии. Руки с силой, грубо развели, растянули и примотали запястья к перекладине нейлоновым бельевым шнуром – плотно, но без рези (чтоб не нарушать кровообращение, подумал Кирилл). Ступни пристроили на пред-назначенный для них бетонный выступ («Черт, длинноват. Не выпрямится. – Все равно обвис-нет»), охватили щиколотки в десяток крепких витков.

Врач достал из квадратного дерматинового саквояжа склянку с кристалловской водкой. Там плескалось примерно на стакан.

– На, выпей.

Он внимательно проследил, как Кирилл двигает кадыком, пошуршал в саквояже и сунул ему в рот ломтик соленого огурца: «Зажуй».

Пока все в порядке, хмыкнул Кирилл. Позыв к дрожи исчез: алкоголь не принес тепла или опьянения, просто стало немного удобнее и спокойней. Только какой-то острый выступ давил в левую почку... но в вертикальном положении это должно исчезнуть. Правда, тогда начнутся другие неудобства. Даже интересно: в этом нет ничего страшного. Абсолютно не верилось, что скоро он начнет испытывать мучения, предшествующие концу – ни от чего, просто вот от такого своего положения. Нет, все-таки российский закон бывает гуманен.

Распорядитель прикурил и воткнул ему в губы сигарету. Совсем не плохая марка – «Золо-тая Ява». А какая реклама для ТВ пропадает! «Твое последнее желание!» Вообще-то двусмыс-ленно.

Мысль о телевидении оказалась... правильной, потому что распорядитель посмотрел на часы и пробурчал:

– Н-ну?.. где они там застряли... Вечная морока.

Кирилл дожег сигарету до фильтра, когда к проходу в барьерах подкатила черная «Волга» и фукнула перед тем, как заглушить мотор. Из нее выскочил парень в джинсах и натовской куртке, расставил поданный изнутри треножник и стал держать над ним зонт. Тогда вылез второй, с телекамерой, и закрепил ее на штативе. Третий, в костюме с галстуком, переступил перед объективом на фоне креста и поднес ко рту поданный ассистентом микрофон.

– Сегодня в полдень на Поклонной горе состоялась церемония прощания с преступни-ком... Стоп, – сказал он в камеру, откашлялся и молодым поставленным голосом зачастил сначала: – Сегодня в полдень на Поклонной горе состоялась церемония распятия преступника, который пытался взорвать храм. На встрече присутствовали... стоп! Черт, что это я сегодня. И-и (пауза) – на процедуре присутствовали представители районной администрации, испол-нительная группа и, естественно, медицинский контроль. Последнее напутствие осужденному дал представитель московской епархии. Мы попросили осужденного ответить на несколько вопросов нашего канала.

Он замолк и отшагнул в сторону. Оператор снял Кирилла, лежащего на неустановленном кресте. Сюжет был, видимо, рассчитан от силы на минуту, и следовало выхватить основные кадры.

– Ну давайте, давайте, не спать! – одернул распорядитель крановщика со стропалем. Кирилл взмыл в воздух и стал плавно перемещаться к вертикали. Ноги постепенно напряглись, упираясь в выступ.

– Майнай помалу, – скомандовал стропальщик, показывая короткими движениями руки в брезентовой рукавице.

Крест пополз вниз, встал на дно ямы, раз-другой качнулся на тросах и утвердился ровно. Стropальщик махнул и ногой сдвинул в яму камни, лежавшие на краю. Взялся за лопату, воткнутую в кучу глины. Глина натужно чвакнула, отрываясь.

Когда у основания креста вырос желтый холмик, стропальщик потолкал крест, остался удовлетворен надежностью работы и начал снимать трос.

Приблизился священник в облачении, крупный решительный мужчина с подстриженной бородой. Служка маневрировал над ним большим английским зонтом. Священник раскрыл трeбник на закладке и без особого выражения загудел молитву.

Оператор снял. Священник закончил. Телекомментатор протер платком свои очки в круглой золоченой оправе и вышел из-под зонта ассистента. Следить за ними сверху было даже интересно.

– Раскаиваетесь ли вы в своем поступке? – спросил телевизионщик, вздел микрофон на штангу и поднял к Кириллу.

– Отнюдь, – ответил Кирилл, и остался доволен твердой иронией ответа. Он похвалил себя за то, что заранее купил приличные зеленые плавки, в меру широкие и плотные. Хорош бы он был сейчас в трусах, облипших интимные места. – Стоило весь огород городить из-за того, чтобы потом передумать.

– А что вам особенно не нравится в... том, что сейчас здесь происходит?

– Экскурсия школьников, – сказал Кирилл сердито и показал подбородком за барьер – там подтянулся класс так примерно четвертый, во главе с учительницей. Девочки благонаравно внимали ее объяснениям, разглядывая его фигуру. В задних рядах мальчишки играли в «жучка». – Совершенно это лишнее, я считаю. Не средневековье, все-таки.

– Теперь вы уже можете открыто говорить что угодно.

– А вы?

Телевизионщик пропустил шпильку мимо ушей.

– Является ли скульптор Церетели вашим личным врагом? Вы с ним встречались? Не хотели ли вы сами в прошлом стать скульптором, но это по каким-то причинам вам не удалось?

– Да бросьте вы, – Кирилл даже сделал пренебрежительный жест кистью привязанной руки. – То, что сделал я, очень многие хотели. Погода плохая, день рабочий, а то б здесь народу было знаете сколько? Просто – когда хотят многие, а решается один – один за всех и огребают. Персонализация коллективной ответственности, можно сказать.

– И последний вопрос: считаете ли вы, что вас действительно распяли за взрыв памятника, а храм – лишь предлог? Или истинные причины вашей казни иные?

Балабол балаболом, а тоже соображает, приятно удивился Кирилл. Все-таки ему повезло: такой вопрос – на кресте перед телекамерой!

– Истукан – ерунда, – сказал он. – Мелкий символ большого размера. Дело в том, что я говорил в последние дни. Ну, слово – это ведь дело, правильно? А особенно в том, что я сказал недавно в передаче «Человек в маске». Вы узнайте, когда она выйдет в эфир. Должна скоро выйти.

– И что же вы там сказали? – заинтересованно спросил телевизионщик, и Кирилл набрал воздуха, готовясь в последний раз объяснить всем, как создан мир.

– Пленка кончилась, – вдруг сказал оператор.

– Так смени кассету, только быстрее.

– Да вообще кончилась.

– Как кончилась?

– Да сколько мы сегодня сюжетов сняли? Сам же вечно кричишь «давай с запасом»!

Кирилл закрыл глаза.

Дождь превратился в ливень. Поклонная гора опустела. Он попытался расслабить замерзшие, немеющие от напряжения плечи, слизнул с губ воду и приготовился умирать.

15.

Ночью вызвездило. Веревки впились и резали распухшую плоть.

Заледеневшее тело обвисло и все реже пробивалось судорожной дрожью.

Он выдыхал с хрипом и подстаныванием.

Шелест и тихое тяжелое фырчание двигателя вошли в слух и дали осознать себя. Он поднял веки. Возобновление уже нарушенного контакта с реальностью стоило дополнительных усилий и было нежеланно.

Элегантно-громоздкий джип въехал прямо на площадку и ослепил, врубив все фары.

– Браток, – услышал он весело-удивленный голос. – Да это никак ты? Чего это ты сюда взобрался? А ну-ка слазь!

Крепкие руки подхватили его, обрезанные веревки упали, Кирилла завернули в шерстяное пальто, втащили в машину и сунули в рот горлышко бутылки.

– Чистая пьета, – сказал в темноте второй голос.

– Да он не пьет.

– В чердаке у тебя свищет.

– Не понял?

Кирилл с усилием глотнул, холодным комком протолкнулся внутрь, под ложечкой возникла колючая горошина, сделалась горячей и большой, как теннисный мяч, он глотнул еще, раскаленные иголки забегали по телу, в ступнях и кистях завибрировали болезненные частые пульсы.

– Менты за тебя штуку баксов сняли, волки, – сказал первый и включил зажигание. Он рулил вниз и весело болтал:

– А мне братан звонит, его тут сейчас типа в армию прихватили, так представляешь, салага – прямо с тумбочки через батальонный коммутатор прозвонился мне на трубку: они «Время» смотрели, а там про тебя показывали, он говорит: может, пацаны сделают чего, а то вообще ничо мужик, я говорю: тебе-то чего, а он говорит: меня припахали как-то, а он выпить дал и сигарет, и вообще, денег пару рублей, чего пропадать-то человеку, он по делу мандулу грохнул, среди бела дня, в центре города, причем не пострадал никто, ну, я въехал тогда, про кого, пацанам говорю, поржали, наш человек, говорят, ты где подрывному делу-то учился, базар к тебе есть, погоди, приедем, ты давай, пей еще, грейся, мы подумали, а чего, бабки жалко, что ли, ну, и вот, я еще братану говорю: надоело мне уже твоему комбату куски кидать, прихватят тебя сейчас, что ты по салабонству с тумбочки звонишь, за жопу – и в туалет на разборку, а он еще про тебя: чудной фраер, с осликом, а человек в этом говенном городе, е-мое, думаю, стоп, видал я тут на кольцевой тоже одного мудака без башни с осликом, ну, подъезжаем – ух ты, а это ты, дела, понял, кстати, ты куда ослика-то дел?

16.

Ослик находился в квартире на девятом этаже. Он удовлетворенно жевал капустный кочан и поглядывал на семейство.

Еще вечером он исправно скучал в подвальном сарае, ожидая затянувшегося решения своей участи, когда загремел замок, зажглась тусклая лампочка, и вся семья – мама, папа и мальчик Филиппок – встала в дверях в выжидательных позах.

– Это он с ним был! – возвестил Филиппок, тыча пальцем.

– Завтра же от него надо избавиться, – беспрекословно приговорил папа.

– Жлобье народ, – сказал ослик.

Мама побелела. Папа оглянулся. Филиппок забил в ладоши.

– Никто не умеет думать, но каждый имеет готовое мнение, – сказал ослик.

Мама осела папе на руки.

– Ох да ни х-х-хрена себе... – сказал папа тупо.

– Трудно вас, сволочей, любить, – сказал ослик.

Мальчик Филиппок почуял в этом обвинении страшное, брызнул слезой и бросился ослику на шею.

Теперь совет решал уже восемь часов: продать ослика в цирк, обратиться к журналистам, сорвать деньги (как?..) за телепередачу, связываться ли с учеными, арендовать помещение, дать рекламу и открыть платный аттракцион, или лучше всего подождать немного, посмотреть, что будет дальше, но, черт, как с ним теперь обращаться?..

Ослик аккуратно подобрал с кухонного линолеума лохмотья капусты, выбросил продукт своей жизнедеятельности, деликатно махнул над ним хвостиком и стал вещать:

– История Вселенной – это преобразование энергии в материю, время и пространство.

История жизни на Земле – это история все более сложного структурирования материи, способной, в свою очередь, выделять энергию из окружающей среды.

Энергия консервируется в материю, чтобы затем снова выделиться. Таков космический маятник.

Вселенная – закрытая система. Пространство ограничено количеством энергии. Иначе – кривизной светового луча. Энтропия имеет место в замкнутом пространстве. Маятник преодолевает следствия энтропии.

История человечества – это история прогрессирующих преобразований окружающей среды. История прогрессирующего выделения энергии из окружающей материи.

Человек энергетически неуравновешен с окружающей средой. Он от природы обладает большей энергией, чем необходимо для простого выживания и воспроизведения вида.

Поэтому он переделывает все, что можно изменить. Функция человека – передел мира. Все во Вселенной функционально.

Человек относится к эволюционирующей окружающей среде, как ускорение к скорости. Пока не переделает все – не остановится.

В идеальном удалении «все» – это уничтожение нашей Вселенной и, тем самым, создание Новой Вселенной.

Человек как острие эволюции. Человеческая мысль и деятельность как запальный механизм Большого Взрыва.

Разум есть энергия второго рода. При минимуме собственных энергетических затрат – максимум выделения энергии из окружающей материи. Максимум производства работы и преобразования среды.

Разум есть оформление избытка энергии человека. Если младенец формируется вне человеческого общества, избыток энергии идет на приспособление организма к условиям животного выживания, превосходящим возможности обычного человека. Разум в этом случае не формируется и отсутствует.

Человек наделен от природы не разумом, но лишь способностью к разуму. Эта способность может принять форму разума – или форму иной энергоемкой адаптации к условиям жизни в окружающей среде.

Механизм физической энергии человека организован на психическом уровне. Мы говорим о психической энергии человека как «командном уровне» его общей энергии.

Человек – это двухуровневая система. Он существует на уровне чувств и уровне действий.

Субъективно жизнь человека – это сумма ощущений, получаемых в течение жизни.

Объективно жизнь человека – это сумма действий, совершенных в течение жизни.

Разум есть оформление избытка энергии в психическом аспекте.

Разум есть трансмиссия и декодер между уровнями чувств и действий.

Ощущение возбуждает мысль. Мысль ведет к действию.

Действие трансформируется через мысль в ощущение.

Инстинкт жизни есть базовый, природный, фундаментальный уровень существования. Инстинкт жизни диктует наощущать как можно больше за жизнь.

Человек стремится к ощущениям. В зависимости от силы и типа психической (нервной) системы можно говорить, что главное, безусловное, базовое стремление человека – это стремление к максимальным оптимальным ощущениям.

И человек стремится к действиям. Максимально возможным для себя. Трансформируя их через разум, он получает от своих действий максимальные ощущения.

Получение ощущений через экстремальные ситуации – «щекотка нервов» – есть побочное следствие этого механизма.

Получение ощущений через наркотики и алкоголь – «напрямую», без действий – есть также побочное следствие этого механизма.

Самореализация – закон жизни. Биологическая сущность человека стремится к максимуму ощущений и действий.

Потребность понимать и познавать есть продолжение и развитие потребности чувствовать и действовать.

Ограничение в ощущениях, познании и поступках несносно человеку, ибо противоречит инстинкту жизни, оформленному в стремление к самореализации.

Свобода – это стремление к неограниченной самореализации.

Свобода – это стремление к состоянию, когда человек может все.

Свобода – это стремление к такому состоянию, когда человек ничем не ограничен в сферах чувств, разума и поступков.

Это стремление к состоянию, когда человек может выделить максимум энергии. Тем самым свобода находится в полном соответствии со Вторым началом термодинамики. Говоря о священности свободы, мы признаем святость Второго начала.

Каждый, кто ограничивает мою потребность в знании – мой враг, стремящийся уменьшить мою жизнь и ослабить мой инстинкт жизни.

Ни одна мысль не бывает излишней. Ибо человек живет в мире излишних ценностей. Все ценности, которые мы называем «человеческими», излишни для простого выживания и воспроизводства индивидуума и рода. Любое ограничение моей мысли противоестественно для меня.

Человек стал человеком, когда додумался до поддержания огня.

Огонь – простейшая природная форма выделения энергии из окружающей материи – сделал человека человеком. До этого – и организация сообщества, и акустические сигналы, и применение орудий труда, и сообразительность в применении к условиям и нуждам – встречались и продолжают встречаться у разных животных.

Паровая машина – лишь регулятор энергии огня.

Поршневые и реактивные двигатели – машины энергии огня.

Овладевая энергией и преобразуя ее все активнее, человек думал, что стремится к счастью. Что бы ни делал человек – он думает, что стремится к счастью.

Но лишь малая часть наших стремлений оформлена в сознании, а основная часть живет в подсознании. Стремясь инстинктом жизни к максимальным оптимальным ощущениям, человек стремится к страданию не менее, чем к счастью.

Этим инстинктивным стремлением объясняется то, что человек сплошь и рядом, добровольно и по собственному выбору, ведет себя в такие ситуации, где страдание неизбежно. Ведет – даже если предчувствует и даже предвидит страдание.

Благотворность страдания в том, что оно побуждает к мысли – по осмыслению его причин и природы, – и к действию по разрешению дискомфортной ситуации.

Стремления быть счастливым и избежать страдания – кнут и пряник, побуждающие человека к мысли и действию.

Смысл жизни – в максимальной этих чувств, мыслей и действий.

Смысл жизни – условное человеческое понятие, неприменимое к мирозданию в целом.

«Смысл» означает причастность и причинность любого чувства, помысла, действия к великой, всеобщей, конечной, Идеальной Цели, Идеальной Задаче.

Заурядный человек обретает смысл в Боге. Незаурядный человек обретает смысл в себе.

Если вам упорно нужен рациональный смысл жизни, считайте, что вы – переделыватель и перевоссоздатель Вселенной. На кой черт нужно переделывать Вселенную – не скажет никто. Но сколько кайфа в работе!

Стремясь сознательно к счастью и бессознательно к страданию, чувствуя, мысля и делая в общем все возможное, создавая попутно как неизбежные следствия учения, культуры и цивилизации, то есть будучи человеком со всем присущим ему человеческим, – в главном, в общем, в среднем, в генеральном – человек перевоссоздает Вселенную, хотя каждый при этом преследует сугубо личные цели.

Хау! – залихватским индейским кличем закончил ослик и поклонился. – Я все сказал! Ну, в основном, конечно.

Мама встряхнула на свет пустой пузырек валерьянки. Филиппок давно спал.

– Но отчего же он все-таки говорит? – в сороковой раз риторически вопрошал отец, выдувая сигаретный дым в сторону от ценного животного.

– Мою философию я называю ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМОМ, – добавил ослик. – Уровень эволюции энергии – базовый для всего.

Мама ссыпала со стола нарезанные ингредиенты, вывалила банку майонеза и стала намешивать салат «оливье» в тазике для стирки. Из сказанного она усвоила лишь то, что только жлобье может кормить философа капустой.

– Возможно, он с острова Валаам, – предположила она, проворачивая ложкой.

– А там что?

– Монастырь там был... святой... вроде.

– Вроде Володи! И при чем тут это?..

– Да нет, – сказала ослица – как мы помним, это была именно ослица. – Просто нашего конюха в зоопарке звали Валаамом. Такое старинное имя. Грубый был, кстати, человек.

17.

Событием не явился хлопок на загородной дороге, обозначивший лишь, что на свете стало еще одним джипом меньше. Вспышка свилась в клоч пламени, исчезнувший над лесом в ночном небе.

(Опубликовано в книге «Б. Вавилонская», Москва, «АСТ», 2004.)

Максимы

Философия – это сочетание известных ранее фактов в неизвестную ранее истину.

Гениальность – это когда кругом с каждым годом становится все больше идиотов, не понимающих элементарных вещей.

Мысль есть синергетический акт.

Делать дело необходимо, жить не так уж необходимо.

Я есть то, чем я владею. Я есть сумма моих дел и возможностей в мире.

Инстинкт жизни – это имманентное стремление материально-энергетической биоструктуры к режиму максимального энергопреобразования.

Жажда правды, тяга к познанию и любопытство – это инстинкт выживания: потребность в адекватной и полной информации для ориентирования и оптимального действия в окружающей среде.

Стремление к свободе – это психическое оформление стремления био– и социосистемы к состоянию, в котором можно выделить и преобразовать максимум свободной энергии максимальным числом способов. То есть – это стремление к максимальному энергопреобразованию и структуризации. Стремление к свободе – это негэнтропийный инстинкт.

Мораль – это культурная детализация инстинкта группового выживания.

Муки совести – это конфликт инстинкта группового и индивидуального выживания.

Культура – это степень упорядоченности материально-энергетического и информационного пространства, используемого человечеством.

Культура есть разность между биологической и социальной формами существования материи.

Смысл жизни – это системная потребность в надличностной ценности: позиционировать свою жизнь в рамках реализации общей задачи, безусловно необходимой и благой для всех. Смысл жизни – это потребность осознавать себя необходимым для внешнего, группового, природного блага. Смысл жизни – это психическая потребность рационально аргументировать имманентную потребность в максимальном энергопреобразовании.

Ценность жизни измеряется тем, за что ты готов ею заплатить. Когда нет ради чего умирать – нет ради чего и жить.

История – это характеристика группы: групповая биография являет народные черты, являясь актом самоидентификации.

Стремление к приукрашиванию истории – это инстинктивное стремление к завышению групповой самооценки, где завышенный уровень притязаний есть производная от завышенного уровня энергетики.

Все самое лучшее должно ухудшиться и исчезнуть, чтобы позднее возникло еще более совершенное лучшее.

Там, где ты ничего не можешь создать, ты должен разрушить.

С вершины все тропы идут вниз.

Бог – это совесть с неограниченными возможностями.